

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 010 412 807

CP 373.10

~~14. 2. 21.~~

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ТРУДЫ
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

1887.

Томъ второй.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собств. домъ.

1887.

CP 373.1C

HARVARD COLLEGE LIBRARY
TREAT FUND
Feb 6 1925

Печатать дозволяется. 31 марта 1887 г.

Ректоръ Киевской Духовной Академіи
Епископъ Сильвестръ.

О ДРЕВНЕМЪ ИМЕНИ БОЖІЕМЪ.

Вопросъ о древнемъ имени Божіемъ, состоящемъ изъ четырехъ буквъ יהוה и потому называемомъ тетраграмма, въ нашей экзегетической литературѣ—остается неразработаннымъ доселѣ, даже почти нетронутымъ. Рѣшеніе его только отчасти дано въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1878 годъ, кн. IV, стр. 525—534 въ небольшой статьѣ подъ заглавіемъ: Значеніе именъ Божіихъ „Іегова“ и „Елогимъ“ и ихъ употребленіе въ кн. Бытія, направленной къ опроверженію мнѣнія отрицательной критики о неподлинности Пятикнижія Моисеева. Между тѣмъ на западѣ вопросъ этотъ разрабатывался и прежде, рѣшаютъ его и теперь какъ протестантскіе преимущественно отрицательные критики, такъ и римско-католическіе богословы, но къ соглашенію еще не пришли. Изъ сочиненій современныхъ протестантскихъ богослововъ можно указать на сочиненіе Нестле „Die Israelitischen Eigennamen nach ihren religions - geschichtlichen Bedeutung“ (II, יהוה стр. 66—101) и Баудиссина „Studien zur Semitischen Religions - geschichte“ (I, 3. Происхожденіе имени Iaw , стр. 180—254). Въ сочиненіяхъ отрицательныхъ критиковъ отвергается подлинность Пятикнижія вопреки ясному свидѣтельству пророковъ, Христа Спасителя и апостоловъ и вопреки свидѣтельству преданія, и доказывается, что Пятикнижіе настоящій свой видъ получило лишь около времени плѣна Вавилонскаго, или, какъ думаетъ Реусъ, даже позже этого времени; что вѣра въ Единаго Бога—Іегову началась въ народѣ

еврейскомъ только съ VII в. до Р. Хр., такъ какъ изъ пророческихъ писаній VIII в. монотеизмъ будто бы еще не былъ извѣстенъ. Въ опроверженіе такихъ мыслей протестантовъ появилась недавно прекрасная статья въ „Theologische Quartalschrift“ за настоящій годъ, кн. II, стр. 202—240.

Авторъ этой статьи—римско-католическій богословъ бенедиктинецъ Зедеръ. Въ своемъ изслѣдованіи онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Четырехъ-буквенное имя Божіе יהוה или такъ называемое тетраграмма, тетраграммов, тетраграмматов должно произноситься Јаеи или Јаеу, что значить: „Онъ есть“, чѣмъ указывается на существо Божіе, какъ бытіе „простѣйшее, совершеннѣйшее и неизмѣнное“.

2) Въ сокращеніи тетраграмма произносилось еще Јаи или Јао и Јеи, Ју, Јо, Ја, въ какомъ видѣ оно встрѣчается въ собственныхъ именахъ періода времени до Моисея.

3) Не Моисеемъ измышлено тетраграмма. Наконецъ—

4) Знаніе Бога—Іеговы приобрѣтено евреями не отъ язычниковъ, а напротивъ язычники заимствовали его у евреевъ. Дан. VI, 25. 26.

Помянутая статья Зедера дѣлится на двѣ главныя части, изъ которыхъ въ первой—авторъ разсматриваетъ, какъ училъ о имени Божіемъ самъ Моисей, во второй—какъ о томъ же учило преданіе.

Текстъ этой не безынтересной для экзегетической литературы статьи приводимъ въ переводѣ по возможности дословномъ.

I.

Иудейскій историкъ Іосифъ сынъ Матеія (37—ок. 94 г. по Р. Хр.), котораго уже Оригенъ¹⁾ называетъ Флавіемъ, какъ бывшаго вольноотпущенника Веспасіанова и въ силу этого пользовавшагося покровительствомъ рода Флавіевъ

¹⁾ Orig. C. Celsum I, 16 ap. Migne, Patr. Graec. II, 688.

(gens Flavia), въ своей Ἰουδαϊκῆ ἀρχαιολογία, которую онъ писалъ для еллиновъ, т. е. образованныхъ язычниковъ, говорить, что „Богъ впервые возвѣстилъ Моисею Свое имя, которое однако не было прежде людямъ откровенно и которое, замѣчаетъ онъ, я произнести теперь не долженъ“¹⁾. Этотъ сынъ священника—фарисей впадаетъ такимъ образомъ въ двѣ ошибки своей школы и нашлись, даже среди христіанскихъ ученыхъ, такіе, которые повѣрили ему, какъ повѣрили и многимъ другимъ его рассказамъ. Первая ошибка Юсіа Флавіа касается произношенія имени Божія. Ошибка эта въ основаніи своемъ имѣла слишкомъ узкое талмудическое толкованіе третьей заповѣди: *не возмемъ имени Господа Бога твоего* *) *всуе, не очиститъ бо Господь пріемлющаго имя Его всуе* (Исх. XX, 7). Но въдѣ тетраграмма встрѣчается почти на каждой страницѣ Св. Писанія, слѣдовательно словомъ $\text{קַוַּשׁ} \text{עִלֵּי מַטְאֵף}$ третья заповѣдь отнюдь не запрещаетъ священнаго употребленія имени Божія, а лишь злоупотребленіе имъ, въ особенности—поношеніе имени Божія и ложную клятву. Иначе какъ объяснить ту смѣлость, съ какою іудеи образовывали такое множество собственныхъ именъ чрезъ соединеніе ихъ съ такъ называемымъ произносимымъ именемъ Божиимъ, а дѣлать такъ они продолжали даже незадолго еще до наступленія временъ новозавѣтныхъ! Говорятъ, что вмѣсто того, чтобы произносить самое имя Божіе, позднѣйшіе іудеи пользовались другимъ выраженіемъ, читали Адонай, каковое обыкновенно употребляли и въ обращеніяхъ къ людямъ, и что такъ именно должны были читать это имя (Божіе) уже и 3 в. до Р. Хр., потому что у LXX оно замѣнено именемъ κύριος Господь. На это нужно сказать, что такая замѣна (имени Божія именемъ κύριος) встрѣчается только въ позднѣйшихъ рукописяхъ, между тѣмъ какъ отъ

¹⁾ Древности II, 12, 4. Ср. вѣрное объясненіе у Филона „De vita Moysis. 1. III. (Opera ed. Colon. Allobrog. Vienne 1613, pg. 528).

²⁾ $\text{שׁוֹמֵר יְהוָה אֱלֹהֵינוּ}$.

Оригена, Григорія Назіанзіна, Евагрія, блаж. Іеронима, Іакова Эдесскаго мы напротивъ узнаемъ, что древніе переводчики и переписчики удерживали и въ греческомъ текстѣ еврейское имя Божіе, какъ дѣлали это и халдѣйскіе переводчики во времена Христа. Но эллины, какъ тѣ, которые оставались въ изычествѣ, какъ и тѣ, которые принимали христіанство, незнакомы были съ этими еврейскими буквами, поэтому, встрѣчая сходныя особенно при тогдашнемъ образкѣ письма еще болѣе сходныя по начертанію первую и третью буквы (י') въ имени יהוה, ту и другую принимали за греческую ι. Вслѣдствіе того же не знакомства съ еврейскими буквами и чтеніемъ еврейскаго письма отъ правой руки къ лѣвой, они принимали букву י за греческую Π, а читали отъ лѣвой руки къ правой такъ, что все слово יהוה произносили по гречески πiri. Вотъ почему всякій разъ, какъ только встрѣчалось это священное имя, они приписывали на полѣ рукописи для чтенія слово χρισος. Объ этомъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій и Оригенъ. Это цитуемое нами мѣсто послужило первоисточникомъ, откуда почерпнули свои свѣдѣнія о десяти извѣстныхъ у евреевъ именахъ Божіихъ извѣстный послѣдователь Оригена египетскій діаконъ-монахъ Евагрій изъ Понта († 399), Епифаній Кипрскій и блаж. Іеронимъ. Такъ какъ извѣстно, что имя Божіе довольно часто пишется сокращенно, именно י' Ја, то (Оригенъ)—этотъ великій знатокъ Свящ. Писанія въ примѣчаніи¹⁾ къ Псал. II, 2, гдѣ τετραγράμμου у него какъ и въ другихъ рукописяхъ замѣнено словомъ χρισος, Господь, говорить: „не должно оставаться въ невѣдѣніи относительно того слова, которое у эллиновъ произносится χρισος, а у евреевъ Adonai. Богъ у евреевъ называется десятью именами, изъ коихъ одно есть Adonai, что значитъ Господь. Есть мѣста, которыя евреи читаютъ

¹⁾ Orig. in Psalmos ap. Migne, Patr. Graec., 12, 1104. Cf. Hom. 14 in Num. pg. 677.

Adonai, а ѱллины $\chi\acute{o}\rho\iota\sigma$, потому что въ самомъ Свящ. Писаніи дается основаніе къ такому чтенію. Но есть мѣста, въ которыхъ стоитъ имя $\text{Ia}\eta$ ¹⁾, но и его ѱллины также читаютъ $\chi\acute{o}\rho\iota\sigma$, между тѣмъ какъ евреи опускаютъ, какъ и въ Пс. CXLVI, 1: *хвалите Господа, яко блаз псаломъ*. Здѣсь сказано „Господь“ вмѣсто *Јае*. Этимъ именемъ однако начинаются многіе псалмы у евреевъ ($\text{I}\eta$ $\text{I}\eta$). Есть еще и четырехъ-буквенное имя, каковое было вырѣзано и на золотой дщицѣ первосвященника, но и оно произносилось, какъ Adonai у ѱллиновъ $\chi\acute{o}\rho\iota\sigma$, хотя значенія такого и не имѣеть. Въ болѣе точныхъ спискахъ это имя написано еврейскими буквами, но не нынѣшнимъ еврейскимъ шрифтомъ, а древнѣйшимъ. Именно: іудеи говорятъ, что Ездра училъ ихъ въ пѣвну другому письму, чѣмъ какое было у нихъ прежде²⁾. Такъ говоритъ Оригенъ. Вѣрно такимъ образомъ только то, что тетраграмма читалось іудеями послѣ временъ Христа, какъ Adonai, и такое чтеніе обозначали перенесеніемъ пунктуации, заимствованной у имени Adonai, на не пунктированное имя $\text{I}\eta$. Іаковъ Эдесскій свидѣтельствуеть, что св. Лукіашъ Самосатскій († 311), извѣстный составитель свободной греческой рецензіи текста, вмѣсто тетраграммы писалъ въ текстѣ

¹⁾ $\text{Ia}\eta$ есть не что иное, какъ *Ја* съ слабымъ предыханіемъ на концѣ, каковое предыханіе принимаютъ гласные знаки, напр. $\text{E}\iota\omicron\epsilon$ или $\text{E}\iota\omicron\alpha$ —*Вогъ*: отъ *І* Иисуса называется и *Нунъ* и *Навинъ*, откуда род. падежъ $\text{Na}\eta\eta$ или $\text{Na}\eta\eta$. Cf. Euseb. Saevag. in Ps. 105 ar. Migne gr. 23, 1296: это первый изъ аллилуйныхъ псалмовъ. Аллилуйя есть духовное приглашеніе къ славословію Божію, значеніе его „хвалите Господа“.

²⁾ Ханаанское, или финикійское письмо сохранялось въ Св. Землѣ даже до временъ Христа въ особенности на монетахъ, какъ сохраняется и до нынѣ въ изукрашенномъ видѣ у самаритянъ. Древнѣйшимъ памятникомъ этого письма служитъ найденный въ 1868 г. въ Дивовѣ побѣднѣй памятникъ (камень) упоминаемаго въ 4 Цар. III, 4—5 моавитскаго царя Меса, относящійся къ началу 9 вѣка до Р. Хр. Со времени переселенія въ Вавилонію, страну халдеевъ, говорившихъ и писавшихъ на арамейскомъ, или восточно-сирійскомъ нарѣчій, евреи заимствовали у нихъ и письмо, названное ассирійскимъ по греческому употребленію, которое (письмо) уже во времена Христа совершенно было сходно съ позднѣйшимъ квадратнымъ письмомъ.

Adonai xórios, т. е. иудейское имя рядомъ съ греческимъ. Но, быть можетъ, онъ смѣшивается съ тѣми мѣстами, въ которыхъ Богъ одновременно называется и именемъ Adonai и четырехъ-буквеннымъ именемъ, слѣдовательно, съ тѣми мѣстами, въ которыхъ xórios стояло только вмѣсто четырехъ-буквеннаго, между тѣмъ какъ иудеи въ этихъ случаяхъ давали этому имени пунктуацію и произношеніе имени Eloim (Богъ), слѣдовательно אֱלֹהִים יְיָ = xórios Θεός. Въ ватиканскомъ спискѣ читается обыкновенно въ этихъ случаяхъ xórios xórios, при чемъ первое xórios стоитъ вмѣсто Adonai, а второе вмѣсто אֱלֹהִים, — иногда же читается просто xórios; у Оригена и въ александрійскомъ спискѣ [по крайней мѣрѣ въ книгѣ пр. Іезекіиля] почти всегда читается adonai xorioс, а за ними и въ Itala— Adonai Dominus (иногда впрочемъ также и xórios xórios, напр. II, 4; III, 27; IV, 14 и гл. XXXIX); а съ гл. XLV, 9 напротивъ въ обоихъ спискахъ по иудейскому чтенію Adonai Eloim вездѣ поставлено xórios (ὁ) Θεός, такъ же и въ Вульгатѣ—Dominus Deus. Блаженный Іеронимъ замѣчаетъ объ этомъ такъ: Quod saepe in hoc propheta dicitur Adonai Dominus, propter Graecos et Latinos, qui Hebraeae linguae non habent scientiam, breviter exponendum videtur. Adonai unum nomen est de decem vocabulis Dei et significat Dominum, quo saepe et in hominibus utimur. Denique et Sara vocans Abraham dominum suum hoc vocabat nomine (Быт. XVIII, 12). Et ubi dicitur, Domine mi rex (1 Цар. XXIV, 9), Adonai scriptum est. Quando igitur duo, Domini et Domini, juncta sunt nomina, prius nomen commune est, secundum proprie Dei, quod appellatur אֱרֵיכֹן, id est ineffabile¹⁾). На поляхъ сирскихъ рукописей еще и до нынѣ читается אֱלֹהִים или то же значущее אֱלֹהִים, между тѣмъ какъ въ самомъ текстѣ стоитъ יְיָ, такъ точно и на поляхъ нѣкоторыхъ греческихъ рукописей сохраняются приписки Π. Π., такъ что слова אֱלֹהִים или что то же אֱלֹהִים (греческими буквами Π. Π.)

¹⁾ Hieron. Comm. in Ezech. II, 6 ap. Migne 25, 57.

и ²⁷⁸завяли только другія мѣста. Что же касается вопроса о произношеніи этого тетраграмма, то нужно замѣтить, что напротивъ, его произносили безъ всякаго опасенія, что доказывается свидѣтельствомъ отцовъ церкви и самихъ языческихъ писателей, равно какъ и тѣмъ, что тетраграмма въ числѣ другихъ священныхъ именъ ¹⁾ встрѣчается и на такъ называемыхъ рѣзанныхъ камняхъ.

Обращаемся теперь къ другому ошибочному сообщенію Юсифа Флавія, будто имя Бога Израилева, произносить которое онъ не дерзаетъ, было открыто впервые Моисею. Въ такомъ случаѣ однако нельзя будетъ объяснить того, какимъ образомъ Моисей, прежде чѣмъ описать бывшее ему откровеніе имени Божія, называемаго тетраграмма, могъ цѣлыхъ 160 разъ употреблять въ первой своей книгѣ (Бытія) это самое имя. Онъ влагаетъ это имя въ уста задолго предъ тѣмъ жившихъ лицъ, которыя съ вѣрою и глубочайшимъ благоговѣніемъ произносятъ это имя: это имя произноситъ Ева и внукъ ея Энохъ, Ламехъ—девятый патриархъ допотопный и сынъ его Ной; Сара, Агарь и Авраамъ ²⁾, равно какъ и сиріецъ-распорядитель въ домѣ его Елизеръ и родственники его въ Месопотаміи; это имя произноситъ Исаакъ, коего союзники-филистимскіе также знаютъ Jave и признаютъ своимъ всемогущимъ Богомъ (Быт. XXVI, 22. 28), произносятъ его Іаковъ и жены его Лія и Рахиль. Моисей показываетъ имя матери своей Іо-хаведы, что значитъ: честь Іеговы. А между тѣмъ имя это мать его получила по крайней мѣрѣ за сто лѣтъ передъ этимъ, такъ какъ Моисею-младшему изъ трехъ извѣстныхъ намъ дѣтей Іо-хаведы, было во времени этого богоявленія уже около 80 лѣтъ.

¹⁾ Baudissin, Studien SS. 189, 196.

²⁾ По снесенію съ Быт. XVI, 13 мѣсто Быт. XXII, 14 слѣдуетъ перевести: „я парече Авраамъ имя мѣсту тому: *Господь явился*, да рекутъ днесь: на горѣ Господь явися“, т. е. гора и повннѣ называется *Moria*, потому что тамъ Я явися.

Одинъ изъ племянниковъ Моисея, который родился по крайней мѣрѣ за 30 лѣтъ до времени этого же богоявленія, потому что иначе не могъ бы одновременно съ отцомъ своимъ Аарономъ быть возведенъ въ санъ священника, называется Ab-Ju (Авиудъ) = πατήρ χύριος¹⁾; потому что Jehu совершенно то же, что и Jave (ср. также Ab-Ja, Jo-ab = Богъ Отецъ). Далѣе, одинъ изъ друзей Иова, который несомнѣнно жилъ въ періодъ времени до Моисея и книга котораго по іудейскому преданію Моисеемъ присоединена къ книгамъ Св. Писанія называется El ju (Еліусъ). Какимъ же образомъ повтому могъ Моисей думать ввести имя Jave въ качествѣ новаго имени Божія? Даже тѣ критики, которые оспариваютъ происхожденіе Пятикнижія отъ Моисея, должны по крайней мѣрѣ согласиться съ тѣмъ, что и въ болѣе позднее время держались еще того именно убѣжденія, что Богъ изначала почитаемъ былъ подъ этимъ святымъ именемъ; вѣдь въ противномъ случаѣ и то лицо, которое они считаютъ писателемъ этихъ книгъ, не могли бы такъ часто употреблять этого имени въ книгѣ Бытія.

Но, спрашивается, Самъ Богъ не говоритъ ли Моисею, что Онъ не открывался еще патриархамъ Израиля подъ именемъ יהוה? Если бы такъ, то мы находили бы здѣсь ужасное противорѣчіе всѣмъ приводимымъ свидѣтельствамъ книги Бытія. Разсмотримъ же повтому ближе слова Божія, сказанныя Моисею при второмъ, бывшемъ ему въ Египтѣ, богоявленіи. Слова эти слѣдующія (Исх. VI, 2—8):

„Азь Господь (יהוה), и явихся Аврааму, и Исааку, и Якову, Богъ сый (יהוה יהוה) ихъ, и имене моего Господь יהוה, не явихъ имъ. И поставихъ завѣтъ Мой съ ними, яко дати имъ землю ханаанску, землю пришедствія ихъ, на

¹⁾ Исх. VI, 20; Числ. XXVI, 59. По снесеніи этихъ мѣстъ съ 1 Цар. IV, 21, послѣднее мѣсто становится понятнымъ и легко замѣнено יהוה יהוה = val gloria: при чемъ подъ יהוה должно разумѣть ковчегъ завѣта, какъ „славу Господню“, который ковчегъ былъ взятъ невѣрными въ плѣнъ.

нейже и обитаху. Азъ же услышахъ стenanie сыновъ Израилевыхъ, иже египтяне поработиша ихъ, и помянухъ завѣтъ Мой. Иди, рцы сыномъ Израилевымъ, глаголю: Азъ Господь (Jave), и изведу, васъ отъ насилія египетска, и избавлю васъ отъ работы (ихъ) и отъиму чвасъ мышцею высокою и судомъ великимъ. И прииму вы Себѣ въ люди, и буду вамъ Богъ, и уразумѣете, яко Азъ Господь (Jave) Богъ вашъ, изведый васъ отъ земли египетскія и отъ насилія египетска. И введу васъ въ землю, на нюже построхъ руку Мою, дати ю Аврааму, и Исааку, и Иакову, и дамъ ю вамъ въ наслѣдіе, Азъ Господь (יהוה)⁴.

Если бы я огласиться съ тѣмъ, что свидѣтельство о почитаніи патріархами Бога Jave, равно какъ и свидѣтельство объ этомъ богоявленіи Моисею, не этому послѣднему обязаны своимъ происхожденіемъ, то спрашивается все-таки, какимъ образомъ для позднѣйшаго составителя книги Бытія и Исхода осталось незамѣтнымъ то, что приводимое здѣсь сообщеніе, будто ни Авраамъ, ни Исаакъ, ни Иаковъ не знали имени יהוה, дѣлаетъ совершенно неправдоподобнымъ все предыдущее его повѣствованіе, происшедшее изъ намѣренія его представить явизмъ по времени происхожденія его относящимся еще къ періоду времени до Моисея, чего повтому конечно онъ не доказалъ бы. Кто изъ читателей не припомнить при этомъ того, что сказано въ Бытіи IV, 26, что уже Энось, внукъ Адама, „упова призывать имя Господа (יהוה) Бога“, т. е. что въ это время уже почитаемъ былъ Богъ (Jave)? Кто не припомнить далѣе и тѣ многочисленныя мѣста, гдѣ то же самое сказано такъ же, или подобно этому, когда повѣствуется о построеніяхъ позднѣйшими святыми патріархами жертвенниковъ Богу? Какъ при такомъ предположеніи могъ этотъ поддѣльватель столь часто называть Бога (El-schaddai) именемъ Jave, что онъ дѣлаетъ частію и отъ своего лица, частію и отъ лица почитателей этого Jave? Нельзя повтому думать, чтобы Богъ во времена патріархальныя почитаемъ былъ только подъ именемъ Бога—

El-schaddai, и что теперь только принялъ себѣ имя Jave, почему Лагардъ ¹⁾ и объясняетъ его въ смыслѣ *promissio-gum stator* по значенію его въ глагольной формѣ *Niphil* „Онъ приводитъ въ исполненіе“ обѣтованія, данныя патриархамъ.

Противоположное этому мѣсто находимъ въ книгѣ пророка Осіи, переносящее мысль нашу ко временамъ Іерооама II. Въ знакъ расторгенія завѣта Своего съ большею частію царства Давидова, Богъ повелѣваетъ пророку назвать новорожденную дочь свою именемъ *непомилосана*: зане не приложу этому помиловати дому Израилева, но противляся, воспротивляюся имъ. Сыны же Іудины помилюю, и спасу я о Господѣ (Jave) Божѣ ихъ; и не спасу ихъ лукомъ, ни мечемъ, ни бранію, ни ковыи, ниже конвинами (Осіи I, 6. 7). Въ приведенныхъ словахъ заключается та мысль, что Богъ откроется народу Своему, т. е. чрезъ совершеніе въ народѣ, Своемъ чудныхъ дѣлъ, превосходящихъ всѣ дѣла человѣческія, покажетъ, что Онъ точно есть Богъ народа Своего.

Такъ и въ словахъ Божественнаго откровенія Моисею противопоставляется не имя El-schaddai имени Jave, а противопоставляется простое явленіе откровенію (или выясненію) самаго значенія имени Божія. Въ противоположность различнымъ божествамъ народовъ языческихъ, истинный Богъ неба и всея земли, отъ начала почитаемъ, и благоволяетъ теперь привести всѣ народы къ признанію Себя за Бога, вступившаго въ завѣтъ съ Израилемъ, благоволяетъ теперь привести всѣ народы къ признанію Себя за помощника и защитителя народа Своего и прославить имя Свое чрезъ чудныя дѣла Свои. Эти-то чудныя дѣла Божіи и приведутъ всѣхъ къ признанію того, что Богъ Израилевъ есть Богъ истинный, что Богъ Саваоѣ — имя Его.

Господь дѣйствительно являлся патриархамъ народа Израильскаго еще во время странствованія ихъ въ землѣ

¹⁾ Paul de Lagarde, Psalterium secundum Hebraeos. Hieronymi p. 154.

ханаанской, глаголалъ съ ними, указывая имъ, что Онъ есть Богъ, котораго они почитали; но во ви́шнихъ великихъ дѣлахъ не открывалъ имъ Себя. Онъ давалъ имъ обѣтованія, но видѣть исполненія сихъ обѣтованій должны были только ихъ потомки. Въ тотъ самый день, когда Яве заключилъ завѣтъ Свой съ Авраамомъ, (не ему, но) сѣмени его дать землю, которую обѣщалъ ему показать, когда призывалъ его изъ отечества его, земли халдейской (Быт. XII, 1), а именно великое пространство отъ потока египетскаго¹⁾, даже до рѣки Евфрата,—Онъ и во сѣ открывался ему, что это начнетъ исполняться только послѣ четырехъ-сотъ-лѣтняго рабства ихъ въ Египтѣ. Вполнѣ овладѣлъ Израиль этою обѣтованною страню только при Давидѣ, помазанникѣ Господнемъ, этомъ прообразѣ царя Мессіи²⁾. Это-то и торжествовалъ Израиль съ Моисеемъ во главѣ, когда чудесно спасенъ былъ отъ руки египтянъ и перешелъ Чермное море. Онъ воспѣлъ:

Поимъ Господеви (Jave),
 Славно бо прославися,
 Коня и всадника вверже въ море.
 Помощникъ и покровитель
 Бысть мнѣ во спасеніе.
 Сей мой Богъ и прославлю Его,
 Богъ отца моего и вознесу Его.
 Господь (Jave) сокрушай брани;
 Господь (Jave) имя Ему (Исх. XV, 1—3).

А чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ сего псалмопѣвецъ воспѣваетъ:

Исповѣдайтеся Господеви (יהוה)...
 Спасе ихъ имене Своего ради,
 Сказати силу Свою (Пс. CV, 1. 8).

¹⁾ Быт. XV, 18. Подъ рѣкою египетскою не разумѣется здѣсь рѣка Нилъ, а такъ называемый еще потокъ Шихоръ—aqua turbida, по-турецки кара-су, что предъ Египтомъ (Исх. Нав. XIII, 3)—дрозап. пограничный потокъ Св. Земли, нынѣ Wadi-el-Arîsch.

²⁾ II Цар. 8; 10, 19; III, 4, 1—25; Псал. ⁷¹лук. I, 32. 33.

По сему самому и въ словахъ Божиихъ къ Моисею заключаются не другія какія мысли, а именно только слѣдующія. Я, какъ бы такъ говорилъ Господь, Я открывалъ отцамъ вашимъ, что есмь Богъ и Господь ихъ, но всей силы извѣстнаго имъ имени Моего, еще не открывалъ имъ, и именно потому, что то время было временемъ только обѣтованія: за то сѣмени ихъ докажу теперь, что Я—Богъ Отецъ ихъ, Богъ, который въ свое время непременно исполнитъ Свои обѣтованія, данныя родоначальникамъ ихъ. Я исполнилъ уже первую половину благословенія Исаакова Іакову, которое гласило: „Богъ (El-schaddai) же мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя; и будещи въ собраніи языковъ (Быт. XXVIII, 3)^а. Нынѣ же благоволилъ я исполнить и вторую половину сего благословенія: „и да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего, тебѣ и сѣмени твоему по тебѣ, наследити землю обитанія твоего, юже даде Богъ Аврааму (Быт. XXVIII, 4)^а. Нынѣ исполнилось то время, о которомъ, умирая, говорилъ отцамъ вашимъ Іосифъ, который и привелъ васъ сюда: „посѣщеніемъ же посѣтитъ васъ Богъ и изведетъ васъ отъ земли сея въ землю, о нейже влятся Богъ отцемъ нашимъ Аврааму, Исааку и Іакову (Быт. L, 24)^а. Итакъ, присѣщеніемъ присѣщу васъ (Исх. III, 16) и отъ рабства въ землѣ чужой, сотворивъ великія и чудныя знаменія, избавлю васъ и возвращу васъ въ землю отцовъ вашихъ, дабы вы отнынѣ всегда почитали Меня, какъ Бога, заключившаго завѣтъ съ вами, поелику „Азъ есмь Господь (Jave) Богъ твой, изведый ти отъ земли египетскія, отъ дому работы; (посему) да не будутъ тебѣ божиини развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею; да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ; Азъ бо есмь Господь (Jave) Богъ твой, Богъ ревнитель, отдавая грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода ненавидящимъ Мене, и творяй милость въ тысящахъ любящимъ Мя и хранящимъ повелѣнія Моя (Исх. XX, 2—6)^а.

„Азъ Господь (Jave) Богъ вашъ, по дѣломъ земли египетскія, въ ней же обитаете, да не сотворитѣ и по начинаніямъ земли ханаанскія, въ нѣже Азъ веду вы тамо, не сотворите, и по законамъ ихъ не ходите (Лев. XVIII, 2—3)“.

Разсматриваемое нами мѣсто заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ не какое-либо совершенно новое откровеніе имени Божія, а только болѣе ясное указаніе на четвертое, въ Ханаанѣ бывшее откровеніе Аврааму, тогда еще бездѣтному, гдѣ Jave говоритъ ему: „вѣдый увѣси, яко преселно будетъ сѣмя твое въ земли не своей, и поработать я, и озлобятъ я, и смирать я лѣтъ четыриста. Языку же, емуже поработать я, сужду Азъ; по сихъ же изыдутъ сѣмо со имѣніемъ многимъ... Въ четвертомъ же родѣ возвратятся сѣмо: не бо исполнишася грѣси аморреовъ до нынѣ... (а потомъ) сѣмени твоему дамъ землю сію, отъ рѣки египетскія, даже до рѣки великія Евфрата (Быт. XV, 13. 14. 16. 18)“.

Только при такомъ пониманіи разсматриваемаго мѣста книги Исходъ объясняется и то, что по крайней мѣрѣ часть народа Израильскаго оказала такое довѣріе имени Бога Jave, чего конечно нельзя было бы достигнуть въ короткій срокъ, если бы Моисей только теперь впервые сообщилъ это имя Божіе народу. При первомъ же богоявленіи Моисею, послѣдній предъ лицомъ Самого Господа высказываетъ опасеніе, что народъ съ недоувѣріемъ отнесется къ словамъ его и возразитъ: не явися тебѣ Богъ (Jave). Когда же однако онъ „сотвори знаменія предъ людьми: вѣроваша людіе и возрадовашася, яко посѣти Богъ (Jave) сыны Израилевы (Исх. IV, 1. 31)“; они говорятъ: пойдѣмъ... въ пустыню, да пожремъ Господу (Jave) Богу нашему! И Его призываютъ на судъ съ Моисеемъ, если бы оказалось ложнымъ посланничество его, такъ точно, какъ говорила нѣкогда Сара Аврааму (Быт. XIV, 5) и Лаванъ Іакову (Быт. XXXI, 49). Даже египтяне знаютъ, что Jave есть „Богъ еврейскій“; потому что слова фараона: „кто есть, егоже послушаю гласа, яко отпустити имамъ сыны Израилевы (Исх. V, 2)“?

выражают не незнаніе этого Бога, а невѣріе въ Него и презрѣніе къ Нему. Бога Яве—Бога Израилева знаетъ и Валаамъ сынъ Веаровъ изъ Месопотаміи.

Если только со временъ Моисея болѣе обычнымъ является сочиненіе собственныхъ именъ изъ соединенія ихъ съ именемъ Божиимъ Яве или Я, между тѣмъ какъ до него въ большемъ обыкновеніи было образованіе ихъ изъ соединенія ихъ съ именемъ (Божіимъ) Ел, то это объясняется именно тѣмъ, что сыны Израилевы только съ этихъ поръ стали собственно народомъ и притомъ—народомъ завѣта съ Богомъ, а потому и побужденіе имѣли и именами своими исповѣдывать Его Богомъ своимъ, подобно тому какъ почитали своихъ ложныхъ боговъ народы языческіе (Второз. XXXII, 21). Невѣрно и то предположеніе, будто только Ілія пророкъ научилъ евреевъ признавать Бога Яве единымъ истиннымъ Богомъ; пророкъ этотъ напротивъ напоминаетъ вѣроломному Израилю, что патріархъ Іаковъ получилъ имя свое Израилъ отъ имени Яве, къ которому повтому онъ и обращается съ слѣдующими словами: „Господи (Яве) Боже Авраамовъ, и Исааковъ, и Іаковъ, послушай мене днесь огнемъ, да уразумѣють вси людіе сіи, яко Ты еси единъ Господь Богъ Израилевъ“ (3 Цар. XVIII, 31. 36), т. е. покажи силу имени Твоего, прославь Себя чрезъ меня предъ тѣми, что не суть боги! Такъ же точно и предъ египтянами явилъ Себя Яве истиннымъ Богомъ, когда приводилъ въ исполненіе угрозу Свою на фараона: „я сего ради пощадѣвъ еси доселѣ, да покажу на тебѣ, крѣпость Мою, и яко да проповѣстся имя Мое по всей земли“ (Исх. IX, 16).

Перейдемъ теперь къ изъясненію Исх. III, 13—15, гдѣ излагаются слова Моисея и отвѣтъ Божій ему при первомъ явленіи ему Бога въ горящей купинѣ при Хоривѣ, въ послѣдствіи горѣ законодательства, расположенной въ гористой пустынѣ Синайской. Самъ Божественный Спаситель—Христосъ ссылается, какъ извѣстно, на слова Божіи, сказанныя

Моисею при купинѣ и записанныя въ „книгахъ Моисеевыхъ“. Въ отвѣтъ на вопросъ саддукеевъ, глаголющихъ не быти воскресенію, Господь говоритъ: „о мертвыхъ же, яко востаютъ, нѣсте ли чли въ книгахъ Моисеовыхъ, при купинѣ, яко рече ему Богъ, глаголя: Азъ Богъ Авраамовъ, и Богъ Исаавовъ, и Богъ Іаковль. Нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“ (Мрк. XII; 26. 27). „И Моисей сказа при купинѣ, якоже глаголетъ Господа (Јаве) Бога Авраама, и Бога Исаакова, и Бога Іаковля; вси бо Тому (Богу) живи суть“ (Лук. XX, 37); на что даже нѣкоторые изъ книжниковъ, пораженные такимъ сильнымъ доказательствомъ, сказали: „учителю, добръ реклъ еси“ (Лук. XX, 39). Разсмотримъ же ближе все это.

Јаве открываетъ Моисею, что Онъ есть Богъ отца его¹⁾, т. е. Богъ, котораго чтли только Авраамъ, Исаакъ и Іавовъ, и поручаетъ ему потребовать отъ фараона египетскаго, чтобы тотъ отпустилъ поработенный народъ Израильскій изъ земли Гесемъ въ юговосточную пустыню. Моисей однако опасается, что его божественному посланничеству не повѣритъ даже собственный его народъ, не говоря уже о фараонѣ-язычникѣ, а потому выставляетъ Богу на видъ слѣдующее: „се азъ пойду къ сыномъ Израилевымъ, и реку къ нимъ: Богъ отецъ нашихъ посла мя къ вамъ, и аще во-

¹⁾ Въ Исх. II, 22 и XVIII, 4 Моисей называетъ втораго сына своего Елизеромъ (Богъ-помощь): „Богъ бо отца моего—помощникъ мой и избави мя изъ руки фараона“. Словами „отца моего“ (въ един. числѣ) указывается здѣсь по мнѣнію Нестле на отца Моисеева по плоти; въ этомъ имени, равно какъ и въ имени матери Моисеевой Іо-хаведы онъ видитъ ясное доказательство того, что почитаніе Бога Јаве началось по крайней мѣрѣ уже въ домѣ родителей Моисеевыхъ (стр. 79—82). Но еслибы даже и такъ узко понимать это выраженіе, то все-таки нельзя же опускать изъ виду и того, что и Моисей и Самъ Богъ называлтъ Јаве и Богомъ Авраама, и Исаака, и Іакова—трехъ патріарховъ всего Израиля (Исх. III, 13. 15), а въ Исх. XV, 2, весь народъ съ Моисеемъ во главѣ называлтъ Јаве „Богомъ отца моего“. Уже несомнѣнно не Ааронъ здѣсь разумѣется, а Авраамъ—преимущественно предъ другими патріархами называемый отцомъ (Лук. I, 55). Заключение Нестле нужно поэтому измѣнить такъ, что уже „Авраамъ почиталъ Бога подъ именемъ Јаве“.

просить мя: что имя Ему? что реку къ нимъ? И рече Богъ къ Моисею, глаголя: Азъ есмь Сый. И рече: тако речеши сыномъ Израилевымъ: Сый посла мя къ вамъ" (Исх. III, 13. 14).

Все доселѣ сказанное показываетъ ясно какъ Божій день, что Моисей такъ вопрошалъ Бога не потому, чтобы желалъ узнать имя Его, котораго имени доселѣ не зналъ. Нѣтъ, —несмотря уже на 160-ти кратное употребленіе этого имени въ книгѣ Бытія, содержаніемъ своимъ обнимающей столь громаднѣй періодъ времени отъ Адама и до смерти Іосифа включительно, даже и въ самомъ этомъ повѣствованіи, открывающемъ собою второй періодъ божественнаго откровенія (Богъ открывался Аврааму, Исааку и Іакову, а затѣмъ въ продолженіи 400 лѣтъ не открывался людямъ), уже трижды упоминается это священное имя. Именно въ Исх. III, 2, Моисей называетъ говорившаго ему изъ купины „ангеломъ Яве Господа“, а въ 4, 6 и 7 стихахъ —прямо Яве Elohim. Кто не узнаетъ въ этомъ повѣствователѣ объ обояхъ богоявленіяхъ, бывшихъ Агаря, этой праматери двѣнадцати колѣнъ сѣверо-аравійскихъ народовъ, родственныхъ Израилю, гдѣ говорящій также называется вѣстникомъ (ангеломъ) Яве, Яве и ЯМ, подобно тому, какъ и Elohim называется вѣстникомъ Елогима¹⁾). То же нужно сказать и о послѣднемъ богоявленіи Аврааму, и о первомъ и второмъ Іакову²⁾. Здѣсь разумѣется Сынъ Божій, „ангелъ завѣта“ (Мал. III, 1), который по пустынѣ велъ Израила въ землю ханаанскую и отъ преслушанія коему предостерегаетъ Яве народъ Свой, говоря, что „имя Мое есть на Немъ“ (Исход. XXIII, 21).

Вопросъ о имени Божіемъ, какъ видно, совершенно пересталъ занимать умы тѣхъ израильтянъ, невѣрія которыхъ такъ опасался Моисей,—и это по той простой причинѣ, что эти именно израильтяне, какъ объ этомъ свидѣ-

¹⁾ Быт. XVI, 7. 9. 10. 11. 13; XXI, 17.

²⁾ Быт. XXVIII, 11—19; XXXI, 13; XXXV, 15.

тельствуетъ и исторія послѣдующихъ сорока лѣтъ; сдѣлались чужды „Богу отцевъ своихъ“, что впрочемъ и не удивительно при четырехъ-сотъ лѣтнемъ пребываніи потомковъ Іакова въ Египтѣ; такъ какъ уже и самъ Іаковъ, по возвращеніи своемъ изъ Месопотаміи, гдѣ онъ въ кругу своихъ родныхъ провелъ 20 лѣтъ, принужденъ былъ потребовать у семьи своей, которую обзавелся тамъ, бросить чуждыхъ боговъ, взятыхъ было съ собой этой его семьей (Быт. XXXV, 24) въ Ханаанъ. Какой же послѣ этого другой ближайшій смыслъ могли бы имѣть и отвѣтныя слова Бога Моисею: „Азъ есмь Сый“, какъ не тотъ, что „Я неизъяснимъ и имя Мое неизреченно“. Ваши чуждые боги, конхъ вы себѣ представляете тварными, могутъ быть и обозначаемы вами тварными (именами); Мое же существо безконечно, оно выше всякаго чувственнаго представленія, а потому и не можетъ вмѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ (какого-нибудь) имени. Итакъ, прежде всего исправь низкое представленіе народа о Богѣ, а этого достигнешь тогда, когда на могущій вопикнуть у нихъ вопросъ о имени пославшаго тебя Бога отцовъ ихъ, отвѣтишь имъ, что самый вопросъ ихъ неразуменъ, что Богъ, котораго почитали отцы ихъ въ землѣ ханаанской, таковъ, что можетъ засвидѣтельствовать о Себѣ только такъ: „Азъ есмь“ или „Азъ есмь Сый“. Отпадшіе отъ Бога отцовъ своихъ израильтяне получаютъ такимъ образомъ отвѣтъ чрезъ Моисея подобный тому, какой данъ былъ нѣкогда Іакову, а еще позже Манюю и жевъ его—родителямъ судіи Самсона. Ангелъ Господень, въ которомъ они не узнали Самого Бога, открываетъ имъ Себя, отвѣчая имъ такъ: „почто сіе имене Моего вопрошаеши, и то есть чудно“¹⁾! Вмѣстѣ съ тѣмъ однако напоминаетъ израильтянамъ значеніе того имени, подъ которымъ отцы ихъ чтили

¹⁾ Быт. XXXII, 29. Судей XIII, 6. 17. 18. 22. Ср. собственное имя Фелайа (Иеем. VIII, 7 въ евр. т.), что значитъ „чудень Господь“, и въ Ис. IX, 6, гдѣ о ижеющемъ родиться царѣ - Мессіи сказано, что „нарицается имя Его—Чудень, Свѣтъникъ, Богъ вѣрный, отецъ будущаго вѣка, князь мира“.

Неизреченнаго или Несказаннаго, чтобы они этимъ, а не другимъ какимъ именемъ отличали Бога истиннаго отъ египетскихъ и другихъ чуждыхъ боговъ, которые не суть боги. Это имя ближе всякаго другого опредѣляетъ самое существо Божіе, равно какъ и указываетъ отличіе Его отъ всѣхъ другихъ существъ, добрыхъ ли то, или злыхъ; ибо въ чемъ болѣе выразилось бы Ему присущее особенное божественное свойство, какъ не въ Его неописуемомъ бытіи? Между тѣмъ этимъ именно древнимъ именемъ Яве и обозначается Богъ, какъ Сущій, что ясно вытекаетъ изъ того, что вмѣсто перваго лица אֲנִי „Азъ есмь“ (употребляемаго тогда, когда Богъ Самъ говоритъ о Себѣ), здѣсь, гдѣ Моисей имѣетъ говорить о Богѣ къ народу, происшедшему отъ патриарховъ, поставлено въ третьемъ лицѣ יְהוָה=יהוה „Онъ есть“, или „Сый“.

Дѣйствительно первѣе всего Богъ научаетъ Моисея, какъ долженъ начать онъ свою рѣчь къ народу Израильскому, а именно: „Богъ отецъ нашихъ посла мя къ вамъ“. Далѣе, Господь объявляетъ ему самое имя этого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковлева, дважды приводя начало той рѣчи, какую долженъ будетъ Моисей держать къ народу, въ одномъ случаѣ такъ: „Сый посла мя къ вамъ“, а въ другомъ случаѣ: „Яве Богъ отецъ вашихъ—Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова—посла мя къ вамъ“. Это имя Мое—Сый есть имя Мое во вѣки (какъ было оно и во времена Авраама, Исаака и Иакова) и это—наименованіе Мое отъ рода въ родъ, т. е. не измѣняю имени Моего, ибо бытіе и свойства Мои неизмѣнны и остаются таковыми же не смотря ни на какія измѣненія въ человѣчествѣ.

Итакъ, здѣсь трижды повторена форма начала той рѣчи, какую долженъ держать Моисей къ сынамъ Израилевымъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что различіе между первымъ и третьимъ лицомъ слова אֲנִי не большее того, какое находимъ между *sum* и *est*. Это свидѣтельствуетъ далѣе о томъ, что и такъ называемое *tetragramma* есть третье лицо

прошедшаго несовершеннаго (imperfectum) времени отъ глагола הָיָה = быть, слѣдовательно, какъ имя, оно образовано, какъ и всѣ имена, которыя суть собственно третье лицо прошедшаго совершеннаго (Perfectum), или прошедшаго несовершеннаго (imperfectum) времени глагола.

Замѣна болѣе древняго חַי знакомъ jod довольно употребительна, равно какъ по нѣкоторымъ и замѣна chet звукомъ he , потому что болѣе твердая форма глагола встрѣчается и въ имени нашей праматери חַוָּה Ева, у масаретовъ Нава, у Филона Александрійскаго и у Юсіофа Флавія переведенное греческимъ словомъ Ζωή , жизнь, между тѣмъ какъ это слово значитъ собственно est, vivit въ глагольной формѣ kaf (Быт. III, 20; IV, 1). (Впрочемъ, вѣрнѣе принимать это слово въ смыслѣ חַיִּים жизнь, происшедшаго изъ $\text{חַיִּים} = \text{חַי} = \text{חַי}$).

Слова „Јаве Богъ Авраамовъ“ или „Јаве Богъ Авраамовъ и Исааковъ“ или „Јаве Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковъ“ встрѣчаются уже въ кн. Бытія девять разъ¹⁾. Въ силу строго историческаго характера всего божественнаго откровенія, каждое послѣдующее вводится съ ссылкой на прежде бывшія, чтобы такимъ образомъ засвидѣтельствовать тождество являющагося и говорящаго Бога, несмотря на далекое разстояніе времени и мѣста одного откровенія отъ другого, равно какъ показать и единство всѣхъ откровеній. Такъ и бывшее Моисею откровеніе начинается ссылкой на бывшія патріархамъ откровенія, древность коихъ засвидѣтельствована самимъ Моисеемъ и точно записана въ книгѣ Бытія. Богъ говорящій изъ купины даетъ знать о Себѣ, что Онъ есть Тотъ, который за много вѣковъ предъ симъ многократно являлся Аврааму, дважды Исааку и неоднократно Іакову, и котораго вслѣдствіе этого откровенія даже донывѣ чтили сыны Израилевы, какъ Божество чисто духовное, — Бога небеснаго и всея земли, и котораго въ осо-

¹⁾ Быт. XXIV, 12. 42; XXVI, 24; XXVIII, 13; XLVI, 3; XLVIII, 15; XLIX, 24. 25 и I, 24.

бенности чтило колѣно Левино, хотя многие сроднились уже и съ языческимъ представленіемъ о Богѣ высочайшемъ и почитали Его подъ образомъ тельца¹⁾).

Несправедливо поэтому думать, будто Богъ Израилевъ только теперь усвоилъ Себѣ новое имя; мы видимъ напротивъ, какъ Онъ ссылается на то имя, подъ которымъ чтили Его патриархи и даже первые люди Адамъ и Ева. Къ тому же, и далѣе очень часто употребляется названіе „Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковль“. Это показываетъ, что Богъ никогда не расторгалъ завѣта Своего съ патриархами, по каковому завѣту именно ихъ потомство благоволилъ Онъ избрать изъ всѣхъ народовъ, чтобы стать къ Нему въ особенныя вышеестественныя (съ Адама уже начавшіяся) отношенія. Такого отношенія Бога къ людямъ остальные, какъ до Ноя такъ и послѣ него жившіе, оказались недостойны, и недостойны именно чрезъ то, что отпали отъ Яве, Бога небесе и земли (Быт. II, 4; XIV, 19). Впрочемъ Богъ не навсегда отвергъ народъ Свой, а лишь на время, дабы въ послѣднемъ сѣмени патриарховъ, а именно о Господѣ „Иисусъ Христъ, Сынъ Давидовомъ (избранный родъ), сынъ Авраамовомъ (избранный народъ), кончинъ закона (Ме. I, 1; Рим. X, 4) благословились вся племена земная (Быт. XII, 3; XXII, 18).

Что касается переводчиковъ разсматриваемаго нами мѣста, то нужно замѣтить слѣдующее. Акила и Феодо-

¹⁾ Въ Исх. XXXII, 4. 5: „и сотвори имъ тельца литаго, и рекоша: сіи боги твои (съ евр. אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל, вотъ богъ твой) Израилю, иже изведоша тя изъ земли египетскія. И видѣвъ Ааронъ, и созда оltарь прямо ему, и проповѣда Ааронъ, глагола: праздникъ Господень (Яве—לִירְיָהוּ) утрѣ“. Грѣхомъ Израила такимъ образомъ было теперь по крайней мѣрѣ не то, что онъ поклонялся якобы чуждому божеству, а то, что кланялся Богу Яве, но—подъ несвойственнымъ Ему образомъ. Впрочемъ, народъ этотъ впоследствии „остави Бога, сотворшаго его, и отступи отъ Бога, спаса своего, прогнѣваша (Бога) о чуждыхъ (богахъ)... пожроша бѣсовомъ (LXX δαιμονίος, евр. עֲשֵׂוּת=עֲשֵׂוּת), а не Богу, богомъ, иже не вѣдѣша (во времена патриархальныя), иже не вѣдѣша отци ихъ (Второз. XXXII, 15—17)“. Ср. баснь греческую о тельцѣ Зевса и Юноны, Јо (Европа) съ бычачьей головой.

тивъ совершенно неправильно поняли отвѣтныя слова Божіи Моисею, принявъ אֶשְׂרָא за будущее время (*futurum*) и перевода словомъ *éserai*, какъ перевелъ впоследствии и Лютеръ: *Ich werde sein, der Ich sein werde... Ich werde sein, der hat mich zu euch gesandt* (значить: „я буду, который буду“... „я буду“ послалъ меня къ вамъ). Вѣрно понято у LXX и въ Вульгатѣ: *ἐγώ εἰμι ὁ ὢν* (Азъ есмь Сый) = *ego sum qui sum*. И въ томъ и другомъ переводѣ, какъ второе אֶשְׂרָא , такъ и третье, которое стоитъ здѣсь въ качествѣ подлежащаго къ словамъ „посла мя къ вамъ“,—поставляются вмѣсто перваго въ третьемъ лицѣ, а отсюда въ формѣ причастія. Поэтому, какъ выше упомянутое *ἐγώ εἰμι ὁ ὢν* согласно съ подлинникомъ должно быть выражено словами „Я есмь, который есмь“, такъ равно и послѣдующее предложение—словами „Который есть“ послалъ меня къ вамъ: *qui est misit me*. Такой переводъ во всякомъ случаѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что еврей легко принимаетъ первое лицо „я есмь“ за подлежащее въ другому глаголу, между тѣмъ какъ грекъ и латинянинъ необходимо требуютъ третьяго лица, и именно въ формѣ существительнаго, слѣдовательно: *ὁ ὢν*, сущій (Сый).

Ко времени перевода LXX въ отвѣтныхъ словахъ Божіихъ Моисею видѣли не одно только указаніе на существо Божіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъясненіе четырехъ буквеннаго имени, въ смыслѣ имени болѣе и даже исключительно Ему приличнаго. Доказывается это сравненіемъ того, что пишетъ о *tetrágramma* и о разсматриваемомъ мѣстѣ александрійскій философъ іудей Филонъ, одинъ изъ юныхъ современниковъ Христа Спасителя. Къ повѣствованію Моисея онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе¹⁾: „Моисей хорошо понималъ, что ни собственные его соплеменники, ни всѣ другіе не повѣрили бы ему. Посему онъ и говоритъ: а если спросятъ меня, какое имя Тому, который послалъ тебя къ намъ?

¹⁾ De vita Mos., ed. 1613, p. 476.

и я не знаю тогда, что скажу имъ, чтобы не оказаться обманщикомъ предъ ними. Въ отвѣтъ на это Господь говоритъ ему: скажи имъ сначала, что „Я есмь, который есмь“, дабы они научились отличать Сущаго отъ несущихъ и познавали такимъ образомъ, что въ собственномъ смыслѣ никакое имя не приложимо ко Мнѣ, потому что бытіе присуще только Мнѣ Одному. Если же они при слабости ихъ способности пониманія далѣе попросятъ тебя, то возвѣсти имъ не то только, что Я—Богъ, но и то, что Я есмь Богъ и тѣхъ трехъ мужей, которые прославились своею добродѣтельной жизнью: Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова“. Въ другомъ мѣстѣ Филонъ кратко и прекрасно объясняетъ это „Я есмь, который есмь“ такъ: существо Мое есть—*быть*, а не *именоваться*. Говоря о золотой дщицѣ, что на увяслѣ (видарѣ) первосвященника, Филонъ замѣчаетъ, что на ней вырѣзаны были тѣ четыре буквы, которыми обозначалось имя „Сый“, такъ какъ невозможно понять даже что-нибудь изъ всего того, что въ этомъ имени заключается, кромѣ того, что нужно призывать Бога; ибо только Его безконечною милостію и благодатною силою все соединяется во едино и все содержится“¹⁾.—Это находимъ и въ словахъ ап. Павла, который говоритъ: о Немъ бо (Богъ) живемъ, и движемся, и есмы (Дѣян. XVII, 28).

Св. Іоаннъ Богословъ болѣе раскрываетъ намъ содержаніе четырехъ-буквеннаго имени Божія, а именно, что въ немъ заключается понятіе неизмѣннаго божественнаго бытія, обнимающаго собою и прошедшее и настоящее и будущее. Такъ, въ Апокалипсисѣ рядомъ съ другими, заимствованными у LXX божественными именами онъ трижды приводитъ въ качествѣ собственнаго имени имя Божіе „Который есть, былъ и будетъ“²⁾. Что касается основанія къ такому

¹⁾ De vita Mos. 520. По Лев. XXVIII, 36 надпись эта гласила: Святныя Господня.

²⁾ Апок. I, 4; IV, 8; XI, 17. Упомянуты здѣсь три времени бытія не указываютъ ли на таинство Пресв. Троицы. Священническое благословеніе, кото-

растяженію слова $\delta \text{ ѡν}$, то нужно замѣтить, что такое основаніе дается тою особенностію еврейскаго языка, по которой словами обращенія не обозначается одно опредѣленное время, почему и *Jave* въ одно и то же время можетъ значить *est, fuit* и *erit*. И въ мидрашотѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Schemath gabba*, при изъясненіи Исх. III, 14 такъ объясняются отвѣтныя слова Божию Моисею: „Я есмь, который есмь“ тремя временами: „Я есмь, который былъ“ и „Я есмь, который теперь есмь“ и „Я есмь, который буду“; слѣдовательно ставитъ особенно на видъ неизмѣнность божественнаго бытія. Такъ понимала это и христіанская древность, важнѣйшія свидѣтельства которой мы и приводимъ.

II.

О таинственномъ четыре-буквенномъ имени, вырѣзанномъ на увяслѣ первосвященника, который одианъ только имѣлъ право входить во Святое Святыхъ, говоритъ и извѣстный отецъ науки христіанской—Климентъ Александрійскій, подобно тому, какъ до него Филонъ и Іосифъ Флавій, а послѣ и другіе многіе, что это имя слѣдуетъ произносить—*Јаи* и что оно означаетъ Того, „который есть и будетъ“; слѣдовательно принимаетъ יהוה въ значеніи равномъ יהוה !).

Оригенъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Климента Александрійскаго, пишетъ, что Богъ хотя и всегда одинъ и тотъ же и не измѣняется, однакоже и для обозначенія Его существуетъ все-таки имя „Сый“, каковымъ именемъ Онъ и названъ въ книгѣ Исходъ¹⁾. Тетраграмму, въ

речь ежедневно утромъ и вечеромъ благословляли священники народъ, также заключало въ себѣ троекратное упоминаніе имени Божию (*Jave*): Да благословитъ те Господь и сохранитъ те; да просвѣтитъ Господь лице Свое на те и помилуетъ те; да воздвигнетъ Господь лице Свое на те и дастъ те миръ (Числъ VI, 25—26).

¹⁾ Clem. Strom. 5, 6 ap. Migne P. Gr. 9, 57.

²⁾ Orig. De oratione n. 24. Migno P. Gr. 11, 492.

сокращеніи יהו, Оригенъ читаетъ Јао, что при двойкомъ произношеніи буквы י за „о“ и „и“ есть то же, что и Јаи у Климента; это видно изъ объясненія имени у Оригена, особенно изъ того, какъ онъ объясняетъ имя „Іеремія“—„возвышеніе Јао“ и имя „Годолія“—„величіе Јао“. Произношеніе Јав удержано и въ Мазорѣ, въ тѣхъ именахъ, которыя ованчиваются на יהו, потому что пунктировка тамъ всегда такая: יהו. Конечная ה въ словѣ יהוה становится здѣсь такимъ образомъ иѣмюю, а вслѣдствіе этого и отбрасывается. Первое ה однако удерживало иногда и первоначальный звукъ „е“,—что видимъ и въ имени יהו, которое переводчикъ книгъ Паралипоменовъ просто переписалъ такъ: יהוה, что у блаж. Іеронима Jehu. Такимъ образомъ יהו есть не что иное, какъ сокращенное прошедшее несовременное время (imperfectum), какъ и יהוה есть сокращеніе слова יהיה, въ каковомъ сокращенномъ видѣ оно (יהו) просто переписано въ гекзаплахъ такъ: jei. Св. Иринеи предлагаетъ писаніе сокращенное рядомъ съ полнымъ Јао и Јаот¹⁾: буква t въ этомъ случаѣ есть передача конечной ה, которая при перепискѣ часто смѣшивается съ буквой ה. Чтобы видѣть, что это дѣйствительно такъ, стоитъ только припомнить, что Іосифъ Флавій вмѣсто Pharaoh читаетъ Pharaot, равно и то, что на рѣзныхъ камняхъ рядомъ съ Sabaoth встрѣчается и Sabao = סבאו, при чемъ конечная ה очевидно принималась за вѣмую ה. Въ молитвѣ Есеири къ Богу о сохраненіи народа іудейскаго отъ злодѣйскаго покушенія Аманова, въ которой (молитвѣ) побѣда послѣдняго надъ іудеями разсматривается какъ побѣда боговъ персидскихъ надъ Богомъ іудейскимъ, поставлено тоу μη οουη параллельное ιαταω = idologum, идолы (Vulg. XIV, 11; LXX: гл. IV). Блаж. Іеронимъ объясняетъ затѣмъ и имя Іоиль словами: Est Deus (Jo-el), слѣдовательно признаетъ, что въ имени Јае какъ третья, такъ равно и первая корен-

¹⁾ Iren. Contra haereses I, 30, §. 11; III, 35. ap. Migne P. Gr. VII, 697. 701. 840.

ныя гласныя $\aleph$ суть вѣсны и потому могли быть опущены, такъ что осталось только $\aleph=Jo$. Сокращенное произношеніе Ju , Jo вмѣсто тетраграммы сохранилось въ одномъ случаѣ и въ Мазорѣ, а именно въ Еккл. XI, 3 глаголь $\aleph\aleph$ читается ju (у LXX ἵστα), между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ $jive$, правильнѣе $jewe$. Поэтому и переводчикъ книгъ Царствъ имя $\aleph\aleph$ передаетъ (словомъ) Jov' , что въ *Lexicon. Origen.* правильно объясняется и въ отношеніи къ имени Божию „Онъ есть, или былъ“ (3 Цар. 16; 19, 16, 17; IV, 9. 10. 12—15). Такъ произносятъ это и донынѣ самаритане; поэтому если нѣкоторые (Петерманъ) вмѣсто этого пишутъ $\aleph$, то $\aleph$ есть не что иное, какъ начальный звукъ, у арабовъ остающійся безъ произношенія, какъ и въ словѣ $\aleph\aleph=Jov'$ Jov' . LXX вмѣстѣ съ этимъ произношеніемъ удерживаютъ и произношеніе Ju въ имени св. пророка Иліи— $\aleph\aleph=El-ia$ —„Богъ $Jave$ “ и въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ. Всѣ греческіе переводчики ставятъ Jo въ началѣ именъ, какъ это видимъ и въ Мазорѣ, при чемъ не обращается вниманія на то, удержана ли будетъ вѣсная $\aleph$ или опущена. Одинъ изъ толкователей именъ принялъ даже нѣкогда одно только Jo за цѣлую тетраграмму, что видно изъ перевода имени „Іоаннъ“— „ Jo (Господь) милостивъ“, и не безъ основанія, потому что и переводчикъ книги Іереміи имя Мессіи „ $Jave$ (Господь) праведенъ нашъ“ перевелъ, или вѣрнѣе переписалъ такъ: $Jo-sedek$. Впрочемъ до времени появленія Мазоры писали $\aleph$ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, что доказывается двумя найденными печатами съ древнееврейскою надписью,—печатами, принадлежавшими $Ash-ju$, сыну $Joa-kima$, и $Ab-ju$, служившему при $Oz-ju$ (*Baudiss. Stud.* 242). Помимо всего сказаннаго нужно замѣтить еще и то, что еллинисты всегда переписываютъ имя Божіе такъ, что на концѣ пишутъ $\aleph$, написано ли (въ оригиналѣ) $\aleph$ или только $\aleph$, каковая форма встрѣчается самостоятельно рядомъ съ тетраграммой только въ Мазорѣ, какъ

¹⁾ Comment. in Joel ap. Migne 25, 949.

это находимъ уже въ Исх. XV, 1. 2 (въ побѣдной пѣсни Моисея), а затѣмъ и въ Ис. XII, 2 и XXVI, 4; оспариваемая подлинность такового писанія уже доказана переводами. Даже гностики, ученіе которыхъ не столько христіанское, сколько языческое, такъ какъ они Бога ветхаго завета низводили на степень низшаго генія, называли Его Јеу, Јао, или, соединяя длинный родъ писанія этого имени съ короткимъ, называли Его Јао-Ја, чѣмъ очевидно только усилилось значеніе его (т. е. имени). Діодоръ Сицилійскій, современникъ Христа Спасителя, называетъ Јао Богомъ, отъ котораго Моисей получилъ законъ іудейскій¹⁾. Письмо этого имени, появившееся впервые въ арамейскихъ мидрашахъ въ видѣ трехъ јод-овъ съ прозаношеніемъ Ја (יָהּ), указываетъ уже вліяніе догмата христіанскаго о троицности лицъ въ Богѣ.

Равнымъ образомъ и святой Епифаній Кипрскій, природный еврей, называетъ греческаго ἄρχοντα именемъ Јао рядомъ съ Ελοαί и Αδοναί Sabaoth²⁾, равнымъ образомъ предлагаетъ и чтеніе Ја и Јаβε съ такимъ поясненіемъ: „Ја переводится Господь, Αδοναί дѣйствительно значитъ Господь, а Јаβε означаетъ Того, „который былъ, есть и всегда будетъ“, какъ и Самъ Богъ объясняетъ это Моисею: „Тотъ, который есть“ послалъ меня, такъ скажи имъ (т. е. сынамъ Израилевымъ).

Послѣ всего вышезложеннаго сказывается совершенно невѣрнымъ то заключеніе, будто тетраграмма есть глагольная форма Нірһіі и значить „Онъ приводитъ въ совершеніе, творить, оживляетъ“. Напротивъ, какъ Ј въ имени Јаβε есть переписка буквы י, у переписка еврейскаго י переводимая то чрезъ ov, то мягкимъ в (въ латинскомъ u=v), такъ точно буквы а и е (въ этомъ имени) соотвѣтствуютъ гласному

¹⁾ Diod. Sic. Bibl. I, 94 (изд. Дандорфа, стр. 125): ... παρὰ τοῦ Μωυσεῦ τῶν Ιαω ἐπιχαλομένου Θεοῦ (т. е. признаю его законодателемъ).

²⁾ Eriph. Haer. 26, 10; 40, 5. Migne P. Gr. 41, 345 685.

звучу первой и третьей коренной буквы λ , обратное произношение которой находимъ въ имени Ева. Блаженный Теодоритъ, еп. кипрскій, принимаетъ *Jave* въ значеніи глаг. формы *kal*. Онъ приводитъ одно мѣсто изъ антихристіанскаго сочиненія нѣкоего Малха Порфирія Тирскаго, гдѣ этотъ послѣдній говоритъ, что самыя достовѣрныя свѣдѣнія объ іудеяхъ сообщаются древнѣйшимъ финикійскимъ историкомъ Санхониатомъ Бейрутскимъ ¹⁾, который заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ исторіи Іерубала, священника Бога Іао. Здѣсь несомнѣнно разумѣется священникъ іудейскій, а слѣдовательно и имя Божіе ветхозавѣтное. Но блаж. Теодоритъ заимствовалъ этотъ цитатъ изъ сочиненій Епсевія, еп. кесарійскаго, который дважды приводитъ то же, при чемъ имя Божіе читаетъ *Jevo* (см. Praeparatio evangelica I, 9; X, 9 ap. Migne P. Gr. 21, 72). Если это чтеніе правильное, то оно есть не что иное, какъ переписка древнѣйшаго, болѣе правильнаго прош. несоверш. *Kal* отъ $\lambda\lambda$ по формѣ *iktol*, вмѣсто которой впослѣдствіи времени употреблялась при нарѣчіяхъ $\lambda\lambda$ форма *iktel*, чаще съ опущеніемъ конечнаго *h*, такъ что отъ имени *Jevo* или *Jaou* осталось только *Jeu*, или *Jaо*, и наконецъ, вслѣдствіе опущенія и перваго *h* осталось только *Ju* или *Jo*. Примѣръ такого *katal* и *iktel* блаж. Теодоритъ указываетъ въ формѣ *aia* т. е. $\lambda\lambda$ и формѣ *jave*. Въ замѣчаніи своемъ на Исх. III, 14 онъ пишетъ, что древніе патріархи не знали этого святаго имени (Божія), которое Богъ по особенному благоволенію своему открылъ Моисею въ словахъ: „Я есмь, который есмь“ ($\delta\ \acute{\omega}\nu$)²⁾. Но у евреевъ, говоритъ Теодоритъ, „имя это называется произносимымъ,

¹⁾ Имя $\Sigma\alpha\upsilon\omicron\nu\iota\alpha\delta\iota\upsilon\omicron\nu$ можно объяснить слѣдующимъ образомъ: Буква γ есть только усиленіе буквы $\chi = \Sigma$ по закону, которому часто слѣдуетъ и $\Lambda\chi\chi$, а именно, что при удвоеніи одной буквы присоединяется къ ней буква того же рода сродная ей, напр. $\pi\phi$, $\chi\chi$ $\iota\alpha\chi\omicron\varsigma$ $\iota\alpha\chi\omicron\varsigma$ и $\iota\alpha\chi\omicron\varsigma$, ликованіе, $\omega\nu$ въ серединѣ слова есть обычное финикійское произношеніе еврейскаго $\alpha\eta$, $\iota\alpha\delta$ есть древнее окончаніе = $\iota\alpha\tau$ какъ въ словахъ Голіаеъ, когелетъ. Слѣдовательно, первоначально это слово было $\lambda\lambda\lambda\lambda$ = обитатель. Ср. евр. имя $\lambda\lambda\lambda\lambda$.

такъ какъ имъ запрещено произносить его. Именно это имя вырвано было на той золотой дщидѣ, которую носилъ на увяслѣ своемъ первосвященникъ. Самаритане читаютъ его *Jabe*, а іудеи—*aia*¹⁾. Такимъ образомъ по блаж. Феодориту тетраграмма означаетъ „Того, который есть“.

Такъ же говоритъ онъ и о *Јао*, что этимъ именемъ обозначаютъ Бога, какъ *Суцаго* (Сый)²⁾.

Весьма замѣчательное и согласное съ Филоновымъ объясненіе имени *Eie* и *Jave* находимъ у св. Григорія Назіанзіана, который говоритъ: Божественное существо несказанно (не можетъ быть выражено словами), какъ это не только совершенно согласно съ разумомъ, но какъ даютъ право заключать и древніе мудрецы еврейскіе, высказавшіе свой взглядъ на это. Поелику они чтили имя Божіе, пиша его особенными буквами (именно древне-еврейскими), не терпѣли слѣдовательно, чтобы имя Божіе писалось тѣми буквами, какъ и названія вепей (по мнѣвію ихъ прилично и въ этомъ случаѣ не смѣшивать существа Божія съ обыкновенными вещами); то спрашивается, какъ потерпѣли бы они, чтобы неизмѣнное и исключительное Существо произносилось слабымъ голосомъ человѣческимъ? Какъ невозможно одному человѣку вдохнуть въ себя весь воздухъ, такъ однимъ нашимъ разумомъ нельзя совершенно постигнуть Существа Божія, такъ и на языкѣ человѣческомъ нѣтъ такого имени, которое совершенно выражало бы это существо Божіе.

¹⁾ Quaest. in Exod., inter 15) ap. Migne 8, 244. Въ двухъ рукописяхъ *AIA* замѣнено обычною формою *IA*. Но чтеніе прош. совершеннаго надежнѣе, какъ свидѣтельствуеетъ объ этомъ Никита Хоніатъ (Choniates † 1216 г.), который говоритъ (Thesaurus orthodoxae fidei II, 29): *AIA* vero *των οντα*, eum qui est significat, quod nomen ineffabile quoque ab Hebraeis censebatur. Samaritani eundem *Jabe* dicunt verbi vim ignorantes. Ap. Migne P. Gr. 139, 1160 первое слово читается неправильно *Alia*.

²⁾ Феодоритъ объясняетъ названіе *вепей* (извѣстныхъ прислужниковъ при храмѣ іерусалимскомъ, прислужниковъ изъ народцевъ ханаанскихъ) въ смыслѣ „приведенныхъ въ даръ Богу—*Jave*“, правильнѣе *δοσις Ιαω τριτησι του ουτος Θεου*. Quaest. in Paral. Migne P. Gr. 80, 805.

Итакъ слова „Сущій“ и „Богъ“ суть единственно-возможныя наименованія Его существа, особенно—„Сущій“ не потому только, что Самъ Богъ въ бесѣдѣ Своей съ Моисеемъ на горѣ Хоривѣ, когда этотъ послѣдній т. е. Моисей спрашивалъ Его объ имени, открылъ ему Свое имя „Который есть“ и повелѣлъ сказать народу: „Тотъ, который есть, послалъ меня къ вамъ“; но и потому, что это имя Божіе, наиболѣе Ему приличное... Въ самомъ дѣлѣ, наименованіе „Сущій“ въ собственномъ и полномъ своемъ значеніи приложимо только къ Богу, а затѣмъ уже ни къ кому другому ни прежде, ни послѣ Него, такъ какъ о Немъ недостаточно сказать только: „Онъ былъ“ или „Онъ будетъ“. Всѣ остальные наименованія указываютъ частію на всемогущество, частію на святость Его.

Съ приведенными мнѣніями отцевъ и учителей церкви соглашается и блаж. Августинъ, когда говоритъ: *Ille enim summe ac primitus est, qui omnino incommutabilis est et qui plenissime dicere potuit „Ego sum, qui sum“ et „Qui est misit me ad vos“, ut caetera quae sunt et nisi ab illo esse non possint et in tantum bona sint, in quantum acceperunt ut sint* ¹⁾.

Изъ богослововъ, жившихъ въ цвѣтуцій періодъ среднихъ вѣковъ, упомянемъ здѣсь Оому Аквината и египетскаго еврея Маймонида, на котораго довольно часто ссылается Оома. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ аббату Бергарду М. Кассино, Оома говоритъ ²⁾: *Deus sicut liber est ab omni*

¹⁾ *De doctrina christiana* 1, 35, apud Migne 34, 32.

²⁾ Письмо это Оома (7 мая 1274 г.) писалъ на своей родинѣ въ г. Аквинѣ, куда онъ прибылъ въ послѣдній разъ, по возвращеніи изъ путешествія своего на Лионскій соборъ. Оно имѣетъ своимъ содержаніемъ—наясненіе одного труднаго мѣста въ „*Moralia*“ папы Григорія, мѣста, касающагося вопроса о свободѣ воли божественной и человѣческой. Эти *Moralia* ему были надосланы благороднымъ собраніемъ (causpalensis) бенедиктинцевъ; и вотъ Оома возвращаетъ имъ кодексъ съ письмомъ, написаннымъ на поляхъ этого кодекса. Точную копию его и съ объясненіями, изданную въ 1875 г., можно найти въ *Biblioth. Casin.* II, 216. *Ср. Summa Theol.* I, 9. 10; 14, 11.

motu secundum illud Malachiae (III, 6), Ego Dominus et non tutor: ita omnem temporis successionem excedit nec in eo inveniuntur praeteritum et futurum, sed praesentialiter omnia futura et praeterita ei adsunt, sicut ipse Moysi famulo suo dicit, Ego sum qui sum.

Abu Musa ibn Maimon (Rabbi Mose ben Maimon), о которомъ евреи такъ выражаются: „отъ Моисея (законодателя) до Моисея (сына Маймонова) не было никого такого, какъ Моисей“, въ своемъ „Наставникъ заблуждающихся“ сочиненіи, появившемся въ 1185 году¹⁾, пишетъ: Всѣ наименованія Творца, находящіяся во всемъ Св. Писаніи, суть наименованія, отъ тварныхъ существъ заимствованныя (напр. Adonai, Господь), кромѣ имени Jave, и это - то имя и есть имя Благословеннаго; поэтому самое имя это называется Shem amphorash (исключительное, особенное имя)²⁾. Скажу короче, величіе и слава этого имени такъ велики и проносятся его слѣдуетъ съ великимъ страхомъ потому, что имъ обозначается существо и бытіе Творца, въ чемъ нѣтъ у Него ничего общаго съ какимъ-либо твореніемъ, какъ написано „Мое имя Мнѣ одному прилично“³⁾.

Въ заключеніе обратимся еще къ тому, не встрѣчается ли имя Бога Израилева у народовъ, по сосѣдству жившихъ съ народомъ Вошимъ. По словамъ Шрадера, оно извѣстно было въ финиійскомъ царствѣ эмаескомъ⁴⁾, съ сѣвера примыкавшемъ къ Святой Землѣ. Доказываетъ онъ это

¹⁾ More Neboschim ou Le Guide des Egarés. ed. Salomon Munk, Париж. 1836, I, 61 p. 267 (арабскій подлинникъ съ французскимъ переводомъ).

²⁾ שְׁמֵי אֱמֹרָה אֵין — пошеи veragatum = privativissimum, вполнѣ приложимо только къ Богу, а потому и есть „има“ въ собственномъ смыслѣ.

³⁾ Неправильное пониманіе Зах. XIV, 9: „и будетъ Господь въ царя по всей землѣ; въ день онъ будетъ Господь единъ и имя Его едино“. Пророчество это относится не къ имени святому; мысль его та, что по изложеніи всякаго возстанія (особенно—всякаго подослуженія), наступитъ другое время, когда вся тварь познаетъ истиннаго Бога. Ср. Второз. VI, 4: слыши Израилю! Господь (Jave) Богъ нашъ, Господь (Jave) единъ есть.

⁴⁾ Eb. Schrader, Keilinschr. und das a. Test. 2 Aufl. стр. 23, 323.

тѣмъ, что царь ассирійскій Саргонъ около 720 г. до Р. Хр. упоминаетъ вассальнаго царя Jaubidi изъ Хамаи (Эмаа). Имя его Шрадеръ считаетъ составнымъ изъ Jahu и bid. Но другой ассиріологъ полагаетъ, что jau въ данномъ случаѣ есть только особенное письмо praeformantis l¹⁾, и тогда еврейское имя было бы יַוְבִיד, какъ часто пишутъ LXX имя, соответствующее имени Obed²⁾. Поелику же этотъ царь Jaubidi называется еще и именемъ Jhubidi, т. е. поелику собственное имя божественное замѣнено въ этомъ случаѣ именемъ нарицательнымъ, какъ это находимъ и въ книгѣ Іудееъ, гдѣ первосвященникъ называется то Јоаким'омъ, то El-jakim'омъ: то и оказывается, что словопроизводство Шрадера есть правильное. Очень вѣроятно, что названный царь, подобно тому, какъ и раньше него Хирамъ тирскій, особенно съ того времени какъ Давидъ принудилъ эмаеянъ къ покорности—почиталъ Бога Израилева, хотя и не одного Его. На этомъ основаніи и имя Јорама, передавшаго Давиду дары и дань отъ эмаеянъ, можно принимать въ значеніи „Јо есть высочайшій“, если только дѣйствительно таково значеніе и еврейскаго имени, сходнаго съ этимъ. Въ книгахъ Паралипоменонъ онъ называется сыномъ царскимъ, вмѣсто какового имени въ 3 Цар. IV, 6 стоитъ Адонирамъ т. е. „Adon (Господь) хваленъ“. Отсюда слѣдуетъ, что какъ евреи, такъ равно и финикійяне употребляли одно вмѣсто другого имени Jave и Adonai или Adag, имѣющее значеніе то же, что и Adonai, и возможно, что при своемъ языческомъ представленіи объ Адонисѣ, смѣшивали съ этимъ послѣднимъ и еврейскаго Јао, подобно тому, какъ греки смѣшивали Его съ своимъ Διούσιος. Нельзя

¹⁾ Подъ владычествомъ греческимъ Елиѳави при Оронть по Быт. X, 16. 18 отъ потомковъ Хаанаана, сына Хамова.

²⁾ יָבִיד = serviens (т. е. Deo) Рув. IV, 17; 1 Пар. II, 37. 38; XI, 47; XXVI, 7; 2 Пар. XXII, 1. Въ alexандрійскомъ спискѣ всегда, а въ синайской рукописи иногда, равно и Лук. III, 32—Jobed т. е. прош. нес. (imperf.) им. причастія, полная форма Obadja.

не обратить вниманія при этомъ еще и на то, что израиль-
тяне, по окончаніи собранія плодовъ и винограда, что про-
исходило около времени осенняго равноденствія, съ боль-
шимъ великолѣпіемъ и пышностію праздновали въ продол-
женіе восьми дней третій изъ главныхъ праздниковъ своихъ,
праздникъ кущей. Празднованіе это имѣло (нѣкоторое)
сходство съ тѣмъ, какъ праздновали греки свой праздни-
къ жатвы въ честь бога вина. Такъ напримѣръ пляски проис-
ходили при свѣтѣ факеловъ и надъ навѣсомъ храма стави-
лось большое, изъ золота сдѣланное виноградное дерево¹⁾.
Если такъ, то ничуть не удивительно, что греки подъ евreo-
финикійскимъ *Jaο Adonai* разумѣли безпутнаго Діониса, а
позже того и римляне своего *Liber Pater*²⁾. Оставляя внѣ
всякаго вниманія громадную разницу идеи Бога (у евреевъ
и язычниковъ) и основываясь на этомъ совершенно слу-
чайномъ сходствѣ, давали отвѣты и жрецы аполлоновы въ
въ *Klagus*-ѣ у Колофона, гдѣ въ то время былъ знамени-
тѣйшій оракулъ азіатскихъ грековъ. На вопросы, что нужно
думать о Богѣ *Jaο*, они давали именно одно объясненіе, о
которомъ Корнелій *Labeo*—римскій грамматикъ писалъ осо-
бенную книгу подъ заглавіемъ „*De oraculo Apollinis Clarii*“.
Объясненіе это слѣдующее³⁾: „Посвященные въ священныя

¹⁾ Scholz, *Bl. Altherthümer* I, 251; II, 70—79.

²⁾ *Plut. Symp. probl.* IV, 6, 2. *Tacitus Hist.* V, 5. *Judaei mente sola
unumque numen intellegunt, profanos, qui deum imaginis mortalibus mate-
riis in species hominum effingant, summum illud et eternumque imitabile
neque interitum igitur nulla simulacra urbibus suis, nedum templis sinunt,
non regibus haec adulatione non caesaribus honos, sed quia sacerdotes eorum
tibia tympanisque concinebant, hedera vinciebantur, vitisque aurea templo
repeto Liberum Patrem coli, domitorem Orientis, quidam arbitrati sunt nequa-
quam congruentibus institutis, quippe Liber festos laetosque ritus posuit Judae-
orum mos absurdus sordidusque.* Смѣшиванью съ *Ja* быть можетъ содѣйствовало
и наименованіе *Bachus Iachos* (отъ *ιαχεω, ιαχη*, ликовать, ликованіе, такъ какъ
іудеи часто и особенно въ праздники иѣли аллалуйя „хвалите Бога“, хвалите
Ja, и этотъ конечный звукъ могъ быть произносимъ и за *Jach*, какъ *Я* съ сло-
вахъ—*Сирахъ*, *Ахлѣдацихъ*).

³⁾ Сообщаемое *Макробіемъ* (язычникъ 5 в.) въ *Conv. Saturn.* I, 18 въ
доказательство того, что *Діонисъ* и *Liber* собственно есть богъ солнца: *Phragmō*

тайны изъ благоразумія должны скрывать смыслъ ихъ отъ непосвященныхъ; все же и въ обманѣ не много благоразумія и предусмотрительность очень слаба. Поэтому сообщая: Яо есть Богъ изъ всѣхъ высочайшій: Hades (Плутонъ) богъ зимы, весенній въ началѣ года—Зевсъ, лѣтній—Гелиосъ (Sol), а нѣжный Яо осенью. „Греки называли Діониса юношею, мягкимъ и нѣжнымъ ἄβρος“ и представляли его себѣ женственнымъ юношею, между тѣмъ какъ индѣйцы и римляне представляли своего Liber Pater въ видѣ бородатаго мужчины. Представленіе очевидно было такое, что Яо—Богъ высочайшій, богъ солнца, а почитали его въ различныя времена года подъ различными именами, между прочимъ осенью подъ именемъ ἄβρος Яо—вѣжнѣй Adonis. Такое смѣшеніе Бога истиннаго, такъ часто и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ называемаго въ духовномъ смыслѣ *свѣтомъ*, съ почитаемымъ за божество высочайшее—солнцемъ возникло у язычниковъ вѣроятно вслѣдствіе частыхъ плѣненій народа іудейскаго, быть можетъ и вслѣдствіе пребыванія его въ плѣну Вавилонскомъ. Византійскій астрологъ Іоаннъ Лаврентій Филаделфійскій, называемый Лидяниномъ (Lydus, род. 490 по Р. Хр.), дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что халдеи называютъ Діониса на финикійскомъ нарѣчій Яо, что значитъ: *духовный свѣтъ*, а также и именемъ Sabaoth (Господь воинства небеснаго), потому что онъ какъ творецъ стоитъ выше семи круговъ небесныхъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ отъ этихъ круговъ возникло и гностическое представленіе о восьми небесахъ, изъ коихъ высшее занимаетъ исключительно божество подъ именемъ, заимствованнаго „изъ Magic“²⁾, какъ говоритъ

των πάντων ὑπαίτων Θεων ἐμμεν Ἰαω· Χειματμεν τ' Αἰθρη, Δια δ'εταρος αρχομενοιο, Ηελιον δε Θερεος, μεταπωρου δ'ἄβρον Ἰαω.

¹⁾ Lydus, Περί μηνων IV, 38. 74: Οἱ Χαλδαιοι τον Θεον (Διονυσον) Ἰαω λεγουσιν αντι του „φωσισοιτητον“ τῆ φοινικων γλωσση και Σαβαωθ δε πολλαχου λεγεται, οἶον ὁ ὑπερ τους ἑπτα πόλους τουτεστιν ὁ δημιουργος. Ср. Nannus Panopolit. Dionys. C. VI, p. 365.

²⁾ Migne P. Gr. 11, 1311; ср. 41. 345.

Оригенъ, т. е. изъ халдеизма, именемъ $\Gamma\alpha\lambda\delta\alpha\beta\alpha\omega\theta$; а имя это значить „творецъ пустоты, творецъ хаоса $\Gamma\eta\tau\alpha\ \kappa\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\tau\eta\varsigma$ — $\delta\eta\mu\text{-}\sigma\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$), котораго почитали еще и подь числительнымъ именемъ 365 солнечныхъ дней Αβρααξ или Μειδρας ¹⁾; первое изъ этихъ семи небесъ занялъ второй богъ Јао, послѣднее— Sabaoth .

Въ связи съ такимъ смѣшаннымъ представленіемъ о Богѣ высочайшемъ и о богѣ солнца находилось, быть можетъ, и то, что Антиохъ IV Епифанъ ок. 163 г. до Р. Хр. хотѣлъ посвятить іерусалимскій храмъ, храмъ Јаве,—Зевсу, а Никаноръ, военачальникъ Димитрія ок. 161 г.,—Діонису, а также и то, что около времени праздника пасхи, т. е. въ полнолуніе перваго весенняго мѣсяца, іудеи, украшенные плющевыми вѣнками, обязаны были участвовать въ торжественномъ шествіи ($\pi\epsilon\pi\eta\tau\eta$) въ честь Діониса или Адониса²⁾.

Обращаясь теперь въ нашему изслѣдованію, мы находимъ: Во 1-хъ, что четырехъ-буквенное имя Божіе должно быть правильно произносимо такъ: Јае или Јаве, что значить: „Онъ есть“, слѣдовательно этимъ именемъ обозначается существо Божіе, какъ бытіе простѣйшее, совершеннѣйшее и вѣчно неизмѣнное. Во 2-хъ, что имя Божіе въ сокращенной формѣ произносилось еще такъ: Јаи или Јао,

¹⁾ На драгоценныхъ рѣзныхъ камняхъ нигдѣ не встрѣчается Αβρααξ , а Αβρααξ . А это не что иное, какъ 365, а именно: $\alpha+\beta+\rho+\alpha+\sigma+\alpha+\xi=1+2+100+1+200+1+60=365$. Hieronimus, comm. in Amos ap. Migne 25, 1018: Basilides et eundem secundum graecas litteras et anni cursus numerum dicit in solis circulo contineri, quem ethnici sub eodem numero aliam literam vocant Μειδρα . Поэтому и у индо-персовъ имя бога солнца Μηδρα , которое по-александрійски писалось Μειδρας , числительное имя 365 дней солнечнаго года, именно $\mu+\epsilon+\iota+\theta+\rho+\alpha+\varsigma=40+5+10+100+1+200=365$. По показанію этихъ чиселъ наименованіе это было должно быть тогда употребительнымъ, поелюку и св. Іоаннъ Богословъ рисуетъ антихриста отступникомъ (ἀποστάτης), съ указаніемъ, что число его есть 666. (Апок. XIII, 18; 2 Сол. II, 3), именно: $1+80+70+6+1+300+8+200=666$.

²⁾ Императоръ Адрианъ въ 136 г. по Р. Хр. построилъ около свещ. мѣста храмъ въ честь Юпитера Капитолійскаго.

равно какъ и такъ: Јеу, Ји, Јо и Ја, и такъ именно приносилось уже въ періодъ времени до Моисея. Въ 3-хъ, что не Моисей придумалъ это имя, но именно онъ внесъ его и въ первооткровеніе, какъ-то въ Быт. II, 4, гдѣ повѣствованіе свое о шестидневномъ твореніи онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Сія книга бытія небесе и земли егда бысть, въ онъ же день сотвори Господь (Јаве) Богъ небо и землю“, такъ и въ Быт. IV, 1, гдѣ повѣствуетъ, что праматерь, при рожденіи ею перваго человѣка, сказала: стяжахъ человѣка (*ἔσχον infantem masculum*) Богомъ (Јаве), и котораго потому назвала Каинномъ, т. е. приобрѣтеніемъ¹⁾. Въ 4-хъ, что не Израиль заимствовалъ у языческихъ народовъ представленіе о Јаве (Іеговѣ), а напротивъ язычники заимствовали вѣчто изъ первооткровеній, сохранившихся у Израиля, когда признали Јаве единымъ вседержительнымъ Богомъ небеснымъ, каковое признаніе ихъ впервые открылось въ 537 г. до Р. Хр. и выразилось въ извѣстномъ указѣ Дарія мидяннина „всѣмъ людямъ, племеномъ, языкомъ, живущимъ во всей земли (ассиро-вавилано-персидскаго царства), да будутъ трепещущи и боящися отъ лица Бога Даниилова, яко Той есть Богъ живой и пребывающій во вѣки и царство Его не разсыплется и власть Его до конца“. Дан. VI, 25. 26.

¹⁾ Philo de Cherubim II, p. 90: λέγεται γὰρ ὁ καιν κτησις.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

(Продолженіе¹).

d) Финансовая сторона вестлианскаго методизма.

Главнымъ источникомъ доходовъ вестлианскаго методизма служатъ сборы добровольныхъ пожертвованій съ членовъ общинъ. Такіе сборы существовали у методистовъ съ самаго начала существованія методизма; по самому характеру своему такіе доходы не могутъ быть постоянно одинаковыми: они увеличиваются и уменьшаются, смотря по увеличенію и уменьшенію или ослабленію числа членовъ, а также по увеличенію или ослабленію духа религіозности въ членахъ. Деньги, добровольно жертвуемые членами на разныя нужды общества, собирались руководителями классовъ еженедѣльно и передавались попечителямъ или кураторамъ для присоединенія ихъ къ общему доходу секты, каковымъ доходомъ во второй періодъ методизма завѣдывалъ особый избранный конференціею комитетъ²). Кромѣ постоянныхъ сборовъ, производимыхъ руководителями классовъ, у методистовъ съ самаго перваго времени практиковались сборы по нѣкоторымъ частнымъ поводамъ и въ виду нѣкоторыхъ особыхъ нуждъ. Въ первый періодъ методизма первымъ изъ такихъ экстренныхъ сборовъ мы можемъ указать сборы Уайтголда на содержаніе сиротскаго пріюта въ колоніи

---

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., апрѣль, 1887 г.

²) По опредѣленію конференціи 1797 года. См. выше.

Георгина. Сюда же должно отнести сборы для постройки или найма капеллы, сборы для поддержанія школъ и уплаты содержанія странствующимъ проповѣдникамъ. Во второй періодъ къ числу такихъ экстренныхъ сборовъ слѣдуетъ отнести сборъ по поводу столѣтняго юбилея методизма. Мы уже замѣтили, что подобнаго рода источникъ доходовъ является однимъ изъ самыхъ непостоянныхъ и невѣрныхъ. Эту истину сознали методисты еще въ половинѣ прошлаго столѣтія и постарались обезпечить болѣе прочнымъ доходомъ матеріальныя потребности своей секты: чрезъ изысканіе новыхъ доходныхъ статей, и чрезъ болѣе правильное употребленіе наличнаго капитала, полученнаго отъ различныхъ сборовъ. Новую доходную статью методисты открыли въ продажѣ сочиненій, написанныхъ различными представителями методизма, а правильное употребленіе доходовъ достигнуто распредѣленіемъ ихъ всѣхъ по различнымъ фондамъ, которые представляли собою основной капиталъ, оставшіяся неприкосновеннымъ: на нужды общества тратились только проценты. Впослѣдствіи для увеличенія фондовъ послужили доходы съ различныхъ типографій (выручка отъ работы), доходы съ имуществъ, отказанныхъ методизму по духовнымъ завѣщаніямъ. Такимъ образомъ подъ именемъ „фонда“ у весліанскихъ методистовъ разумѣется сумма сборовъ и подписокъ въ общинахъ для опредѣленныхъ нуждъ, увеличиваемая постоянными доходами отъ продажи книгъ, выручками отъ типографскихъ работъ и процентами съ отказанныхъ въ пользу методизма капиталовъ и имуществъ. Весліанскіе методисты имѣютъ нѣсколько различныхъ фондовъ для различныхъ нуждъ.—Самый древній изъ фондовъ весліанскаго методизма получилъ свое начало еще въ 1756 году. Называется онъ „Континдженъ-фондъ“. Онъ возникъ изъ добровольныхъ пожертвованій членовъ методизма для уплаты долговъ, въ которые методисты должны были войти при постройкѣ проповѣдническихъ квартиръ, а также для вспомоствованія бѣднымъ семейнымъ проповѣдникамъ,

которые не могут просодержаться съ семьей на одно только жалованье. Изъ того же фонда помогали проповѣдникамъ, которые отправлялись для распространенія методизма въ новыхъ мѣстахъ (для основанія новыхъ общинъ). Польза сборовъ на „Континджентъ - фондъ“ была такъ очевидна для всѣхъ методистовъ, что въ 1815 году конференція опредѣлила дѣлать ежегодный общественный сборъ для „поддержки и распространенія евангелія“ (т. е., методизма) въ предѣлахъ Великобританіи. Къ тѣмъ суммамъ, которыя ежегодно собираются изъ пожертвованій, присоединяють еще суммы прибыли отъ книжной торговли. Въ настоящее время Континджентъ - фондъ назначается главнымъ образомъ на то, чтобы помогать бѣднымъ и маленькимъ методистскимъ участкамъ Великобританіи и Ирландіи; а остатокъ отъ него идетъ на покрытіе экстренныхъ нуждъ: на обстановку проповѣдническихъ квартиръ, на лѣченія заболѣвшихъ бѣдныхъ проповѣдниковъ. Комитетъ, въ распоряженіи котораго находится *Континджентъ-фондъ*, состоитъ изъ 32 членовъ (президентъ и секретарь конференціи, 15 проповѣдниковъ, избранныхъ конференціей, и 15 мирянъ, которыхъ выбираютъ полечители различныхъ общинъ методизма, т. е. кураторы денежныхъ дѣлъ)¹⁾. Въ 1868 году Континджентъ - фондъ простирался до 7,422 ф. стерлинговъ (ок. 47,900 мет. рублей).— Вторымъ по времени происхожденія фондомъ во второй періодъ методизма былъ „Дѣтскій фондъ“. Онъ основанъ въ 1819 году съ цѣлю помочь проповѣдникамъ, у которыхъ было много дѣтей. Еще при жизни Джона Весли многіе участки методизма затруднялись давать необходимое содержаніе многосемейнымъ проповѣдникамъ; съ другой стороны и многосемейные проповѣдники отказывались идти въ такіе округа, гдѣ не рассчитывали прожить обезпеченно. Чтобы устроить не-

¹⁾ Одно изъ опредѣленій конференціи 1835 года гласило: „На будущее время вслкій денежный фондъ будетъ находиться въ распоряженіи комитетовъ, состоящихъ изъ проповѣдниковъ и мирянъ“. См. *Jacoby*, I, 220. Сравни съ 3 опр. той же конференціи.

равномѣрность въ данномъ случаѣ, еще въ первый періодъ было практикуемо то¹⁾, что окончательно вошло въ обычай по опредѣленію окружныхъ собраній съ 1819 года. Бѣдные проповѣдники не хотѣли итти служить въ бѣдные округа, наоборотъ изъ богатыхъ округовъ не хотѣли уходить тѣ проповѣдники, которые послужили тамъ нѣсколько времени. Чтобы заставить тѣхъ и другихъ повиноваться распоряженіямъ конференціи²⁾, окружныя собранія опредѣляли: разложить содержаніе проповѣдническихъ дѣтей вообще на всѣ общины. Съ этою цѣлю собиралась по подпискѣ извѣстная сумма денегъ, распредѣлялась между проповѣдниками по ихъ потребностямъ и съ этою цѣлю передавалась конференціи для передачи ея по назначенію. Для упрощенія дѣла на практикѣ обыкновенно поступали такъ. Тотъ округъ, который содержалъ проповѣдническихъ семействъ меньше, чѣмъ могъ содержать, высылалъ остатокъ своихъ средствъ кассиру „Дѣтскаго фонда“; наоборотъ тѣ округи, которые не въ состояніи были содержать проповѣдническія семейства, бывшія на ихъ рукахъ, обращались съ просьбою о помощи къ кассиру дѣтскаго фонда. Такимъ образомъ было достигнуто то, что дѣти проповѣдниковъ не обременяли округовъ, въ которыхъ трудились ихъ отцы. „Дѣтскій фондъ“ существовалъ только до 1839 года. О величинѣ его оборотовъ за неимѣніемъ свѣдѣній мы ничего сказать не можемъ. — „Общій фондъ капеллъ“ представляетъ собою третій фондъ весліанскаго методизма. Онъ учрежденъ въ 1818 году. Мы уже нѣсколько разъ говорили, что капеллы методистовъ устраиваются на деньги собранныя по подпискѣ. Пока методисты были въ общеніи съ епископальною церковію, имъ требовалось немного здавій для совершенія богослуженія: капеллы устроились только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

¹⁾ См. *Southey, Wesley's Leben*, II, 157—9.

²⁾ Въ этотъ именно періодъ отдѣлился О'Бріанъ съ проповѣдниками, которые недовольны были содержаніемъ, отпускаемимъ для нихъ. См. выше.

община вполне могла обезпечить постройку и содержаніе зданія. Такъ было во весь первый періодъ методизма. Поэтому - то постройка капеллъ производилась очень рѣдко: мы въ исторіи перваго періода указали почти всѣ существовавшія при жизни Джона Весли капеллы. Послѣ смерти Джона Весли конференція въ 1793 и 1795 годахъ разрѣшила совершеніе богослуженія въ общинахъ методистовъ отдѣльно отъ богослуженія епископальной церкви. Но не всѣ общины имѣли свои капеллы. Члены таковыхъ общинъ уже не могли удовлетворяться богослуженіемъ англиканской церкви. Въ нѣкоторыхъ общинахъ горю помогли кураторы, устроивъ, вѣроятно, капеллы на свой счетъ; но за такую услугу они требовали самоуправленія при выборѣ проповѣдниковъ и устроенія богослуженія. Дать имъ самоуправленіе значило ввести въ жизнь методизма разлагающій элементъ: естественнымъ же выходомъ изъ затрудненія было устройство капеллъ на счетъ общинъ. Но общины были бѣдны настолько, что не могли обезпечить хоть сколько-нибудь удовлетворительной постройки, не рискуя впасть въ неоплатные долги. Нѣкоторые распорядители финансовою стороною общинъ стали просить помощи у конференціи; въ отвѣтъ на запросы конференція указывала имъ округи, въ которыхъ возможно было дѣлать сборы для необходимыхъ построекъ. Но такихъ средствъ было совершенно недостаточно для удовлетворенія все больше и больше возникавшей потребности. Наконецъ въ 1818 году конференція постановила основать фондъ для постройки капеллъ въ бѣдныхъ общинахъ. Сборъ для фонда былъ производимъ по подпискѣ; для увеличенія фонда къ сбору по подпискѣ прибавили доходы съ наслѣдствъ по завѣщаніямъ. Обыкновенно въ февралѣ каждаго года проповѣдники каждой общины приглашали членовъ къ подпискѣ „на устройство капеллъ“. Съ своей стороны кураторы общины, въ которой нельзя было устроить капеллы безъ долговъ, „весьма вѣжливо, но серьезно убѣждали членовъ доказать свою готовность къ поддержкѣ постройки подпи-

скою по крайней мѣрѣ гинеи на каждую капеллу и дѣлать еще большія пожертвованія, если это позволяют доходы и состояніе члена*. Особенно сильно и убѣдительно просили подписываться такихъ членовъ, которые мало обращали вниманія на нужды сосѣднихъ общинъ. Такимъ образомъ составлялась сумма, избавлявшая бѣдныя общины отъ превышающихъ силы расходовъ. Однако нельзя представлять себѣ дѣла такъ, что сборовъ для фонда капеллъ вполнѣ было достаточно на удовлетвореніе всѣхъ общинъ: расходы все-таки далеко превышали доходы и конференція должна была ограничить количество необходимыхъ построекъ. Еще раньше учрежденія фонда капеллъ она учредила постоянный комитетъ для постройки капеллъ. Комитетъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы каждая постройка капеллы обходилась безъ долговъ. Въ комитетѣ засѣдаютъ президентъ и секретарь конференціи, президентъ конференціи прошедшаго года, 26 проповѣдниковъ и 26 мирянъ. Кругъ занятій его состоитъ въ разсмотрѣніи плановъ для предполагаемыхъ построекъ, въ разсмотрѣніи плановъ мѣстностей, которыя отведены подъ предполагаемое зданіе, и подписныхъ листовъ пожертвованій на постройку. Такимъ образомъ является возможность опредѣлить соразмѣрность постройки съ наличными средствами общины. Комитетъ собирается для работъ разъ въ мѣсяцъ и принимаетъ заявленія о необходимости новыхъ построекъ, покупокъ или продажи капеллъ, соглашается съ ними или отвергаетъ ихъ. Если бы какая-нибудь община захотѣла вести постройку несмотря на несогласіе на это комитета, то ее лишаютъ права на поддержку изъ упомянутаго фонда: она должна всю тяжесть постройки вынести на своихъ плечахъ. Комитетъ для построекъ служитъ для weslianскаго методизма источникомъ многихъ хлопотъ и финансовыхъ затрудненій, хотя его обороны довольно значительны. Особенно большія затраты сдѣлалъ онъ въ „смутное время“ 1854—1868 годовъ: ему пришлось раздать 183,607 фунт. стерлинговъ и ссудить

въ заемъ 301,603 фунт. стерлинговъ, а сборъ его въ 1868 году, напр., былъ очень малъ: только 7,471 фунт. стерл.— „Вспомогательно-проповѣдническій фондъ“ предназначенъ для того, чтобы поддерживать существованіе сверхштатныхъ проповѣдниковъ, а также вдовъ и сиротъ проповѣдниковъ. Вопросъ объ учрежденіи такого фонда былъ поднятъ еще на конференціи 1763 года, когда оказалось, что многіе проповѣдники трудами довели себя до болѣзни и стали неспособны продолжать свои странствованія. Конференція рѣшила вопросъ о помощи такого рода проповѣдникамъ приблизительно такъ же, какъ и теперь рѣшается вопросъ о пенсіи чиновникамъ. Она постановила, что каждый проповѣдникъ долженъ ежегодно вносить 10 шиллинговъ для сбора на пенсію. Сборъ поступаетъ въ вѣдѣніе распорядителя, котораго избираютъ большинствомъ голосовъ всего наличнаго числа проповѣдниковъ. Распорядитель же помогаетъ изъ собранныхъ средствъ упомянутымъ нуждающимся лицамъ. Такимъ образомъ произошелъ проповѣдническій фондъ. Но онъ оказался недостаточнымъ. Для его пополненія конференція 1813 года учредила „фондъ вспомогательный“. Изъ соединенія проповѣдническаго и вспомогательнаго фондовъ и составился „вспомогательно-проповѣдническій фондъ“. Въ 1839 году для увеличенія его конференція присоединила еще „дѣтскій фондъ“. Пособія (пенсія) были выдаваемы за выслугу лѣтъ въ должности проповѣдника. Прослужившій въ должности проповѣдника 39 лѣтъ получаетъ изъ фонда 50 фунт. стерл. (ок. 320 мет. рублей) въ годъ; а вдова его пользуется пенсіею въ 18 фунт. стерл. (ок. 116 мет. рублей) въ годъ. Проповѣдникъ, служившій менѣе 12 лѣтъ, получаетъ 12 фунт. стерл., а жена его—вдова—10 фунт. стерл. въ годъ. Конференція позаботилась также и о томъ, чтобы каждый сверхштатный проповѣдникъ и его жена получали на домашнюю обстановку; она же опредѣлила позаботиться о воспитаніи и средствахъ къ жизни проповѣдническихъ дѣтей-сиротъ, а также объ экстренныхъ вспомошествова-

нѣхъ въ случаѣ непредвидѣнныхъ несчастій, которыя происходятъ съ проповѣдниками, ихъ вдовами и сиротами. Средства для пополненія такихъ расходовъ были взяты изъ „юбилейнаго фонда“; простирались они тогда (въ 1839 году) до 16,264 фунт. стерл. Въ 1868 году вспомогательно-проповѣдническій фондъ доходилъ до 15,160 фунт. стерл.— Для пополненія всѣхъ экстренныхъ нуждъ и для увеличенія уже существовавшихъ фондовъ весьма много послужилъ только что упомянутый нами „юбилейный фондъ“, составленный по поводу столѣтняго юбилея методистовъ въ 1839 году. Комитетъ, которому было поручено составить программу юбилейнаго торжества, опредѣлилъ: сдѣлать экстраординарный сборъ, который долженъ пойти на открытіе богословской методистской семинаріи въ Лондонѣ, на устройство миссіонерскаго дома и миссіонерскаго корабля для южныхъ морей, а также на уплату нѣкоторыхъ долговъ, тяготившихъ весліано-методистскія школы: вудхаузскую и кингсвудскую, и нѣкоторыя капеллы. На первый случай для такихъ расходовъ требовалось 80 тысячъ ф. стерл. Сборъ удался, какъ нельзя лучше: пожертвованія равнялись 340 тысячамъ ф. стерл. Такимъ образомъ весліанскому методизму удалось покрыть множество долговъ, устроить семинарію для проповѣдниковъ и миссіонерскій домъ, увеличить пенсію сверхштатныхъ проповѣдниковъ¹⁾, а также сдѣлать

¹⁾ Въ весліанскомъ обществѣ (главной вѣтви) сборъ прости-

рался до	221,939 ф. ст.
Сумма была распределена: 1) — На учрежденіе 2 семинарій	71,609 „ „
2) — На покрытіе долговъ по содержанію миссій	70,000 „ „
3) — На уплату долговъ, лежавшихъ на капеллахъ	38,736 „ „
4) — На сверхштатныхъ проповѣдниковъ, ихъ вдовъ и сиротъ	16,264 „ „
5) — На устройство капеллъ въ Ирландіи	7,415 „ „
6) — На школьный фондъ	5,051 „ „
7) — На британское и заграничное Библейское общество весліанскаго методизма	1,000 „ „
8) — На разныя издержки и остатки	11,861 „ „

Остальныя 118,061 ф. стерл. были собраны различными деюминаціями методизма. Какое количество досталось каждой изъ нихъ, а также какое примѣненіе онѣ сдѣлали изъ собранныхъ суммъ, мы не знаемъ.

много другихъ полезныхъ для секты примѣненій. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ нужно признать устройство двухъ богословскихъ семинарій въ Ричмондѣ и Дидсбѣри,—чѣмъ осуществлялась завѣтная мысль основателя методизма, выраженная имъ еще на конференціи 1744 года, но немогшая осуществиться по неизвѣстнѣмъ средствъ у методистовъ.—Какъ можно видѣть изъ распредѣленія денегъ,—вторая крупная сумма была употреблена на миссіи. Мы знаемъ, что періодъ, близкій къ юбилею, весліанскіе методисты ознаменовали лихорадочною миссіонерскою дѣятельностью; но миссіи требовали большихъ затратъ: для снабженія проповѣдниковъ необходимыми денежными средствами и вещами, для поддержки ихъ во время болѣзней, а семействъ ихъ послѣ ихъ смерти. Миссіонерскія семейства скорѣе другихъ оставались сиротами, потому что труды миссіонеровъ несравненно больше, чѣмъ труды другихъ проповѣдниковъ методизма; миссіонерскіе труды тѣмъ скорѣе сокращали жизнь проповѣдниковъ, чѣмъ нездоровѣе былъ климатъ мѣстности, въ которой приходилось трудиться (каковы мѣстности западной Африки), и чѣмъ свирѣпѣе дикари, которыхъ приходилось просвѣщать свѣтомъ евангелія (каковы жители Н. Зеландіи и многихъ острововъ Полинезіи)

Всѣ перечисленные нами фонды методистовъ существуютъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей общинъ методизма, а потому предназначены то для распространенія методизма, то для содержанія богослужебныхъ зданій, то для жалованья религіознымъ руководителямъ и для вспомошествованія ихъ семействамъ. Но этимъ (заботою о религіозной жизни членовъ методизма) не исчерпываются заботы руководителей методизма, а издержки секты не ограничиваются издержками только на религіозныя нужды: значительныя суммы собираются и затрачиваются методистами на воспитаніе уже не однихъ только проповѣдниковъ и ихъ дѣтей, но и всѣхъ членовъ общества. Пересматривая фонды методистовъ, мы видѣли, что значительная часть юбилейнаго

фонда была пожертвована на покрытие долговъ по содержанию школъ кингсвудской и вудхаузской, а также на открытіе богословскихъ семинарій для методизма, а среди фондовъ 1868 года видимъ фондъ, специально предназначенный „на воспитаніе“. Такимъ образомъ, чтобы вполне охарактеризовать издержки и доходы методистовъ, мы должны обратить вниманіе на методистскія школы. Въ Англіи и другихъ мѣстахъ методисты вѣслианской вѣтви имѣютъ три рода школъ: 1) школы для народнаго образованія, которыя открыты для всѣхъ членовъ методизма и имѣютъ въ виду распространеніе первоначальнаго образованія среди простыхъ членовъ; 2) школы для подготовки народныхъ учителей въ первоначальныя школы (учительскія семинаріи, или институты); 3) школы для подготовки духовнаго сословія для методизма, или богословскія семинаріи; къ послѣднимъ мы относимъ и двѣ школы, специально назначенныя для проповѣдническихъ дѣтей, — о которыхъ рѣчь будетъ послѣ.

Народныя школы для сообщенія первоначальныхъ свѣдѣній простымъ классамъ у методистовъ раздѣляются на два разряда: на школы *воскресныя* и школы *ежедневныя*. Когда говорятъ о пользѣ, которая вытекаетъ изъ методистскаго движенія, то непременно указываютъ и то, что методисты способствовали распространенію народныхъ школъ, въ которыхъ происходятъ занятія по воскреснымъ днямъ, или школъ воскресныхъ. Воскресныя школы въ Англіи появились въ первый разъ въ 1784 году, но не у методистовъ. Джонъ Весли, услышавшій о появленіи такого рода школъ, ввелъ ихъ въ своихъ общинахъ. Чтобы учителя не стѣснялись программю, онъ позволилъ заниматься въ такихъ школахъ безъ предначертаннаго плана занятій; это обстоятельство повело къ быстрому распространенію воскресныхъ школъ въ общинахъ методизма. Просматривая статистическія свѣдѣнія о методизмѣ разныхъ странъ, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что число воскресныхъ школъ всегда почти больше числа школъ ежедневныхъ, а число

учениковъ, посѣщающихъ школы, почти всегда значительно превышаетъ число членовъ известной мѣстности. Отсюда можно заключать, что воскресныя школы методистовъ пользуются большою популярностью и что ихъ посѣщаютъ не одни только методисты. Школы эти посѣщаются какъ дѣтьми, такъ и взрослыми и вообще предназначаются для сообщенія первоначальныхъ знаній тѣмъ людямъ, которые круглую недѣлю заняты работою и не имѣютъ времени для того, чтобы заняться самообразованіемъ. Преподаваніе ведется въ формѣ собесѣдованій. До 1827 года школы воскресныя не имѣли единообразнаго устройства, — что и сдѣлано по распоряженію конференціи 1827 года. По сообщенію *Jacoby*, въ 1868 году въ воскресныхъ школахъ сдѣланы преобразованія на основаніи изданныхъ для этого правилъ. Но какого рода эти преобразованія, намъ не удалось узнать. Въ томъ же году въ распоряженіи вестлянскихъ методистовъ было 5420 воскресныхъ школъ съ 102,718 учителями¹⁾; въ нихъ было 582,020 учениковъ и ученицъ. Десять лѣтъ спустя, число школъ значительно возрасло; а учениковъ и ученицъ въ воскресныхъ школахъ вестлянскаго методизма было 2,400,000 (800 т. въ Англіи, 1,600,000 въ Сѣверн. Америкѣ)²⁾. — Школы повседневныя

¹⁾ См *Jacoby*, I, 232. По всей вѣроятности здѣсь указаны свѣдѣнія только для Великобританіи, потому что по статистикѣ 1869 года было:

Въ Англіи	601,801	ученикъ
— Ирландія	17,653	”
— Франціи	2,936	”
— Испаніи	275	”
— Германіи	261	”
— Сѣв. Америкѣ	76,024	”
— Востъ-Индіи	21,577	”
— Китаю	312	”
— Остъ-Индіи (со влюч. Цейлона).	9,098	”
— Африкѣ	17,495	”
— Австраліи (со влюч. Полинезій)	118,233	”

Всего . . . 865,665 учениковъ.

Числа, показанныя для Остъ-Индіи, Австраліи и Африки, выражаютъ число учениковъ въ школахъ ежедневныхъ: школъ воскресныхъ въ этихъ странахъ не было.

²⁾ См. Корреспонденцію въ *Neue Evang. Kirchen-Zeitung*, 1878.

требуютъ гораздо болѣшихъ расходовъ, болѣшихъ усилій, а потому у методистовъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ воскресныхъ. Такъ какъ въ повседневныхъ школахъ методисты сообщаютъ первоначальное общее образованіе, то онѣ посѣщаются не одними только дѣтьми методистовъ, а и дѣтьми другихъ вѣроисповѣданій; а такъ какъ онѣ содѣйствуютъ англійскому „министерству“ народнаго просвѣщенія, то пользуются отъ правительства нѣкоторою субсидіею: методисты были не въ силахъ содержать ихъ на свои только средства. Существуютъ такого рода школы у методистовъ давно. Въ 1833 году конференція учредила комитетъ народнаго образованія, которому было поручено изыскивать средства для распространенія общаго народнаго образованія. Въ 1868 году число народныхъ школъ везліанскаго методизма было 671 съ 111,004 учениками и ученицами. Субсидія правительства на ихъ содержаніе въ 1867 году простиралась до 32,134 ф. стерл. Въ 1880 году такихъ школъ было 851: ихъ посѣщало 180,000 учениковъ, которые „при испытаніи королевскими школьными инспекторами не уступали ученикамъ другихъ школъ; школы и тогда получали правительственную субсидію“¹⁾.—Для распространенія въ народѣ средняго образованія методисты также имѣютъ школы, хотя и немного. Сюда относятся два College'a въ Шеффилдѣ и Фаунтонѣ. Въ основѣ этихъ школъ положены воззрѣнія методистовъ, хотя онѣ основаны и не конференціею методистовъ. Первоначально обѣ названныя школы были частными институтами и уже потомъ перешли въ вѣдѣніе методистовъ. Существуютъ они съ 40-хъ годовъ и даютъ классическое и коммерческое образованіе въ соединеніи съ необходимымъ религиознымъ.

Подготовку учителей для своихъ народныхъ школъ везліанскіе методисты совершаютъ при помощи особыхъ учительскихъ семинарій, которыя называются „везліанскими

¹⁾ Real-Encyclopädie von *Hersog*, Bd. IX, S. 715. Ausgab. 1880.
Труды Кіевской Дух. Академіи. Т. II. 1887 г.

нормальными институтами". Въ нихъ поступаютъ тѣ молодые люди, которые 5 лѣтъ провели какъ помощники учителей при народной школѣ (Pupil Teacher); каждый изъ нихъ долженъ сдать соответственный экзаменъ, а такъ какъ народныя школы находятся въ вѣдѣніи правительства, то кандидаты на должность народныхъ учителей должны выдержать 2 испытанія предъ комиссіею, называемою правительствомъ: одинъ предъ поступленіемъ въ институтъ, другой—предъ вступленіемъ на должность учителя. Готовящіеся къ учительству проходить 2-годичный курсъ. „Весліанскіе нормальные институты“ есть въ Уэст-минстерѣ, Лондонѣ (мужскіе) и Саутлендѣ (женскіе). Программы ихъ очень много мѣста отводятъ религіозному образованію. — У *Jacoby* и въ другихъ, бывшихъ у насъ подъ руками, побояхъ всѣ методистскія заведенія съ цѣлію народнаго образованія очень высоко оцѣниваются. Чтобы дать о нихъ вѣрное понятіе и сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку, слѣдовало бы имѣть подъ руками программы всѣхъ перечисленныхъ школъ, а также имѣть понятіе о воспитательной сторонѣ дѣла: о нравственномъ уровнѣ учащихся и учащихся, объ удовлетворительномъ гигиеническомъ положеніи ихъ,—словомъ пужно было бы рѣшить вопросъ: насколько всѣ перечисленныя народныя школы удовлетворяютъ потребностямъ народа? Что школы этого рода удовлетворяютъ нуждамъ правительства, видно изъ того, что правительство даетъ имъ субсидіи (мы не имѣемъ свѣдѣній о ея величинѣ въ настоящее время).

Весліано-методистскія школы со спеціальною цѣлію—подготовлять проповѣдниковъ къ ихъ религіозному служенію—появились очень недавно, хотя очень давно поднимался вопросъ объ устройствѣ ихъ, потому что потребность въ образованныхъ проповѣдникахъ ощущалась съ самаго начала существованія методизма. Джонъ Весли еще на первой конференціи методистовъ (въ 1744 г.) поднималъ вопросъ о необходимости устроить семинарію для проповѣдниковъ методизма. Но тогда въ распоряженіи методистовъ

не было ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для такого учрежденія, ни способныхъ и достойныхъ учителей. Пришлось отложить дѣло до удобнаго времени. Чтобы проповѣдники, хотя сколько-нибудь, были достойны своего имени, онъ (Весли) рекомендовалъ имъ заниматься постоянно чтеніемъ религіозно-нравственныхъ сочиненій. Но какъ бы проповѣдники усердно ни занимались самообразованіемъ, ничто не могло замѣнить методистамъ отсутствующія спеціально - богословскія школы. Проповѣдники-самоучки оказывались весьма нетвердыми по убѣжденіямъ: Уайтхедъ уклонился въ кальвинизмъ, Максфилдъ перешелъ на сторону господствующей церкви, Вэль сталъ воображать въ себѣ вдохновеннаго пророка. Весли отлично сознавалъ причину таковыхъ явленій, но ничего не могъ сдѣлать для осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей. Отъ Весли живое сознаніе необходимости богословскихъ школъ перешло и къ его послѣдователямъ. Но и конференція, заступившая мѣсто Джона Весли, была въ такомъ же безпомощномъ положеніи, какъ и онъ: она только лѣтъ 20 или 25 спустя послѣ его смерти могла серьезно подумать объ открытіи богословской семинаріи. Въ 1816 году конференція рѣшительно взялась за обсужденіе даннаго вопроса. Послѣ отдѣленія Primitive Methodists' Connexion успѣхи весліанскаго методизма были весьма значительны: общины почти удвоились; пропорціонально съ этимъ возрасли и матеріальныя средства методистовъ. Съ другой стороны между проповѣдниками стали встрѣчаться личности такъ высоко образованныя, что имъ можно было поручить преподаваніе богословскихъ предметовъ кандидатамъ на проповѣдничество. Обсужденіе вопроса объ учрежденіи богословской школы съ 1823 года было передано особому комитету, который долженъ былъ изыскивать для этого всѣ необходимыя средства. Но тутъ совершенно неожиданно возникло серьезное затрудненіе. Нѣкоторымъ, и довольно вліятельнымъ проповѣдникамъ и членамъ методизма показалось, что учрежденіе

богословскаго заведенія будетъ вредно для методизма, что отъ образованія проповѣдниковъ пострадаетъ чистота и простота проповѣдничества; такъ представляетъ дѣло *Jacoby*. Что такой фактъ могъ имѣть мѣсто въ исторіи методизма, противъ этого и возражать нисколько не возможно. Здѣсь повторилось то часто замѣчаемое въ исторіи человѣчества явленіе, которое состоитъ въ упорномъ стремленіи одного поколѣнія сохранить прежній порядокъ жизни и не допустить движенія впередъ, замѣчаемаго въ поколѣніи слѣдующемъ: предки не хотятъ въ данномъ случаѣ быть ниже потомковъ. Съ другой стороны нужно сказать, что и другія причины заставляютъ иногда упорствовать на соблюденіи извѣстныхъ нормъ жизни. Именно—узкій взглядъ на жизнь. Люди, которые стремятся къ сохраненію старыхъ формъ жизни, смотрятъ на себя, какъ на центръ, около котораго группируется вся жизнь: они не подозрѣваютъ, что жизнь и состоитъ въ общемъ движеніи впередъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого представленія является убѣжденіе, что и послѣ нихъ дѣло должно остаться въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было при нихъ: они не допускаютъ даже возможности иного порядка вещей. Среди методистовъ такіе ускорзные люди встрѣчались сплошь да рядомъ. Они видѣли, что методизмъ и при полной невѣжественности проповѣдниковъ, которую Чарльзъ Весли весьма удачно сравнилъ съ безгласностью ослицы, быстро распространился: они считали дѣло поконченнымъ. Претендуя охватить весь міръ (такія претензіи заявляетъ каждое религіозное общество), методисты хотѣли дать методизмъ міру въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ основателей его. Но въ немъ было не мало недостатковъ, и среди нихъ видное мѣсто занималъ тотъ, что методизмъ неблагоприятно относился къ наукѣ. Лучшіе изъ методистовъ сознавали недостаточность образованныхъ руководителей для общинъ методизма; худшіе видѣли въ образованіи зло. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ взглядовъ были споры. Понятно, что первая партія

легко могла бы одержать перевѣсъ (она одержала!), если бы къ вопросу объ образованіи не примѣшались личные недовольства. Среди возставшихъ противъ открытія богословской семинаріи былъ нѣкто Варренъ¹⁾; первоначально онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые положительно разрѣшали данный вопросъ, но когда его не выбрали въ упомянутый комитетъ по вопросу о богословскихъ школахъ и наоборотъ, когда выбрали лицъ, неприятныхъ для него, онъ перешелъ къ отрицательной сторонѣ. Мы знаемъ уже, что онъ послѣ сталъ на сторону добивавшихся равноправности мѣрянъ, но и здѣсь потерпѣлъ поражение. Въмѣстѣ съ отдѣленіемъ Варрена отъ главнаго общества методистовъ кончились и споры о богословской семинаріи: она была открыта въ 1834 году, въ Хѣкстонѣ, около Лондона; называлась она „Весліанскій институтъ для богословскаго образованія молодыхъ проповѣдниковъ“. Но одного такого заведенія было недостаточно, и юбилейныя деньги, собранныя въ 1839 году, позволяли увеличить количество такихъ заведеній. Конференція составила новый комитетъ, которому и было поручено озаботиться открытіемъ новыхъ богословскихъ заведеній. Комитетъ распорядился перенести прежнюю семинарію въ Ричмондъ, тоже недалеко отъ Лондона, потому что въ Хѣкстонѣ она помѣщалась въ наемномъ домѣ, для сѣверныхъ же англійскихъ общинъ открыты другую семинарію около Манчестера, въ Дидсбѣри (Deedsbury). Расходы на нихъ взяты изъ юбилейнаго фонда (76, 609 ф. стерл.). Содержаніе на дальнѣйшіе годы обезпечивалось ежегоднымъ сборомъ (въ 1868 году—8,520 ф. стерл.). Въ 1878 году въ Англии было уже три богословскихъ института (третій основанъ въ Лидсѣ); въ 1881 году основано еще два института весліанскими методистами въ Бирмингамѣ и для ирландскихъ методистовъ въ Бельфаствѣ.

---

¹⁾ Уже извѣстный намъ основатель деноминаціи Wesleyan Methodists' Association.

Такия же почти учрежденія есть и у другихъ методистскихъ деноминацій: „United Methodists' Free Church“—въ Манчестерѣ, „Primitive Methodists' Connexion“—Сѣндерландѣ (Sunderland) а „New Connexion“—въ Шеффилдѣ (Sheffield).—Богословскія семинаріи методистовъ сообщаютъ практическое руководство для будущихъ проповѣдниковъ методизма. Въ ихъ программахъ стоитъ требованіе изучить апологетику методизма, общую и спеціально-методистскую церковную исторію, церковное устройство методизма, элементарныя свѣдѣнія изъ библейской критики и толкованія Св. Писанія, гомилетику; къ числу необязательныхъ предметовъ относятся языки греческій, латинскій и еврейскій (въ институтѣ Primit. Meth. Connexion этихъ языковъ совсѣмъ нѣтъ). При преподаваніи всѣхъ предметовъ имѣется въ виду главная цѣль: служеніе проповѣдника на поприщѣ пастырской дѣятельности; къ достиженію ея ведется все дѣло обученія.—Къ числу спеціальныхъ методистскихъ школъ мы относимъ и школы въ Кингсвудѣ и Вудхаузъ—Грѣвѣ; первая существуетъ еще съ прошлаго періода методизма. Овѣ спеціально назначены для дѣтей проповѣдниковъ методизма, т. е. имѣютъ нѣкоторый отбѣнокъ сословныхъ заведеній. Школа въ Кингсвудѣ открыта еще въ 1748 году и предназначена была для первоначальнаго образованія дѣтей кингсвудскихъ углекоповъ. Потомъ ее обратили въ школу для проповѣдническихъ дѣтей, чтобы облегчить послѣднимъ воспитаніе семействъ, иногда очень многочисленныхъ. Къ концу перваго періода и въ началѣ втораго, какъ уже намъ извѣстно, число проповѣдниковъ, а слѣдовательно и ихъ семействъ, значительно возрасло: школа въ Кингсвудѣ стала уже недостаточна для того, чтобы вмѣщать дѣтей всѣхъ проповѣдниковъ, желающихъ въ ней воспитывать. Поэтому конференція порѣшила открыть новую школу съ тою же цѣлію для проповѣдниковъ сѣверной части Англіи и открыла школу недалеко отъ Манчестера: въ Вудхаузъ-Грѣвѣ. Каждый странствующій проповѣдникъ, посылая своего сына въ

одну изъ школъ, долженъ вносить въ первый годъ 5 гиней, а въ каждый изъ слѣдующихъ годовъ—по 2 гиней. Тѣ проповѣдники, дѣти которыхъ не могутъ быть приняты въ школы, получаютъ по 12 ф. стерлинговъ въ годъ на ихъ воспитаніе и нѣкоторую прибавку на воспитаніе дочерей.—Объ школы, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся въ вѣдѣніи одного изъ странствующихъ проповѣдниковъ, который и отвѣчаетъ за ихъ благосостояніе и внутреннее направленіе. Эти проповѣдники получаютъ титулъ Governor (главный надзиратель). Конференція можетъ оградить его власть или смѣнять совершенно.

Послѣ такого бѣлаго очерка школъ методизма, невозможно составить себѣ даже и малаго понятія о направленіи и характерѣ воспитанія и обученія въ нихъ. Отъ рѣшенія вопроса о достоинствѣ школъ методизма зависитъ однако весьма многое, потому что воспитательной дѣятельности методистовъ приписываютъ обыкновенно значительную часть добра, которое методизмъ принесъ англійскому народу. Вслѣдствіе этого мы для опредѣленія методистскаго воспитанія хотя отчасти считаемъ нелишнимъ выписать у *Jacoby* выдержки изъ одного письма, которое даетъ намъ понятіе о жизни воспитанниковъ кингсвудской школы.

„Школа назначена исключительно для дѣтей вѣслианскихъ проповѣдниковъ,... которые получаютъ тамъ квартиру, столъ, платье и содержаніе.—Дѣти вступаютъ въ школу 9, а выходятъ изъ нея 15 лѣтъ.—Управленіе школы состоитъ изъ распорядителя дома, директора и 6 или 7 учителей, которымъ ввѣрено 15—20 мальчиковъ. Всѣ члены управленія живутъ въ домѣ школы за исключеніемъ директора.—Воспитаніе очень широко и обнимаетъ собою подготовку въ англійскомъ языкѣ, исторіи, географіи и т. д., въ греческомъ, латинскомъ, французскомъ языкахъ и математикѣ. Нѣкоторые обучаются языкамъ нѣмецкому и еврейскому.—Въ школахъ употребляютъ лучшія пособія знаменитыхъ авторовъ.—Испытанія учениковъ свѣдущую комиссією происходятъ ежегодно, а отчеты о нихъ посы-

ляются на конференцію, которая ихъ публикуетъ. Занятые часы продолжаются съ 7 часовъ утра до 9, съ 9¹/₄ до 12¹/₂, потомъ съ 2¹/₂ пополудни до 5 часовъ вечера. Въ 11 часовъ между уроками бываетъ перемѣна въ 15 минутъ. Вечеромъ часъ назначается на подготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню. Въ 8 часовъ дѣти идутъ спать.—Въ среду и субботу пополудни занятій не бываетъ.—Каникулы бываютъ два раза въ годъ: 3 недѣли при праздникѣ Рождества Христова и 5 недѣль лѣтомъ.—Тѣлесныя наказанія не входятъ въ воспитаніе, но могутъ быть практикуемы по приказанію смотрителя дома или директора. Въ школахъ господствуетъ большой порядокъ, и два помощника учителей постоянно наблюдаютъ, чтобы во время часовъ отдыха не было беспорядковъ, а происходили приличные игры и подходящіе упражненія.—Время завтрака—8 часовъ утра, время обѣда—1¹/₂ пополудни, время ужина—6 часовъ вечера; предъ завтракомъ и послѣ ужина, прежде чѣмъ воспитанники уйдутъ изъ-за стола, бываетъ молитва; въ ней принимаютъ участіе всѣ служащіе въ заведеніи.—На общественномъ богослуженіи мальчики бываютъ 2 раза по воскреснымъ днямъ и 1 разъ въ другіе дни недѣли.—На поддержаніе состоянія здоровья воспитанниковъ обращается много вниманія, и вѣшняя чистота царитъ повсюду, во всѣхъ отдѣленіяхъ.—Въ заведеніи постоянно находится сидѣлка, чтобы ухаживать за больными. Въ ея вѣдѣніи находится одежда и мытье бѣлья. Со включеніемъ сидѣлки есть до 12 женскихъ прислужницъ и нѣсколько мужчинъ, которые всѣ имѣютъ свой родъ занятій. За доброкачественность выполненія своей работы они лично отвѣтственны. Одинъ мужчина служитъ сапожникомъ, а 2 женщины модистками.—Во время лѣтнихъ каникулъ все заведеніе осматривается, производятся нужныя поправки и улучшенія, а стѣны, полы и потолки вновь перекрашиваются*.

Таково устройство одной изъ методистскихъ школъ. Можно ли по нему судить объ устройствѣ другихъ школъ

методизма? Намъ кажется, что до нѣкоторой степени можно, потому что у методистовъ всѣ учрежденія отличаются стереотипностью. Всѣ школы методистовъ дѣлятся по цѣли, которую преслѣдуютъ, на 2 разряда: на школы общеобразовательныя (воскресныя, ежедневныя школы, колледжи съ среднимъ образованіемъ, институты для подготовки учителей и учительницъ и наконецъ школы для дѣтей проповѣдниковъ), и на школы, имѣющія специальное значеніе (богословскія семинаріи, или институты). Программы школъ поэтому должны быть различны; но духъ школы, ея цѣль у методистовъ одни для всѣхъ школъ. Чтобы опредѣлить этотъ духъ, эту цѣль, намъ достаточно обратить вниманіе на то, къ чему направлялось воспитаніе дѣтей въ вингсвудской школѣ въ самое первое время ея существованія, т. е. когда она была еще наполняема дѣтьми простыхъ членовъ методизма, а не служила въ нѣкоторомъ смыслѣ словеснымъ учрежденіемъ, т. е. не была еще наполняема дѣтьми исключительно проповѣдниковъ. Гимны и другія лирическія произведенія методистскихъ авторовъ, преподаваемые въ этой школѣ, а также проповѣди въ школахъ воскресныхъ производили сильное вліяніе на слабыя дѣтскія натуры. Жизнь дѣтей проходила по-монастырски!). „Многіе,—говоритъ Лекки,—умирали въ экстазѣ благочестивыхъ упражненій, со многими происходили страшныя пароксизмы“... По словамъ Весли, „дѣти 6—14 лѣтъ уже сильно были охвачены религіознымъ чувствомъ, и ихъ благочестіе имѣло весьма большое вліяніе на родителей“!). Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ школы методизма можно признать прекрасными рассадниками его. Въ доказательство такой мысли достаточно привести слѣдующее. Въ 1881 году изъ 120,000 учителей и учительницъ въ воскрес-

¹⁾ *Southey*, II, 475—480.

²⁾ Въ томъ же духѣ сказывалось вліяніе методистовъ на слабыя натуры вообще,—въ чемъ *Southey* (*ibid.* 480, 481) видитъ большое зло; а систему воспитанія онъ называетъ дурною изъ всѣхъ дурныхъ (*ibid.* 488).

ныхъ школахъ методистовъ было $\frac{1}{4}$ набрано изъ членовъ методизма. Изъ взрослыхъ учениковъ и ученицъ воскресныхъ школъ до 70,000 было такихъ, которые или были полными членами методизма, или были приняты на пробу (на испытаніе). Что въ воскресныхъ школахъ въ большинствѣ усвоятся основныя положенія методизма, это видно изъ того, что дѣти тамъ соединяются въ маленькія общества или „союзы надежды“ (Bands of Hope). Участвуя въ союзахъ такого рода, дѣти съ ранняго возраста привыкаютъ жить по опредѣленному методу. Каковъ методъ воспитанія, видно изъ приведеннаго выше письма о положеніи воспитанниковъ кингсвудской школы. Тамъ дѣти занимаются меньше сравнительно съ нашими школами (7 $\frac{1}{4}$ часовъ въ сутки). Но все время дня методически распределено по мудрому древнему правилу: „День—для работы, ночь—для сна“. Отступленій отъ разъ установленнаго порядка жизни не полагалось, потому что за учениками былъ строгій надзоръ: на 120—130 воспитанниковъ кингсвудской школы было два надзирателя, которые должны были постоянно слѣдить за ними въ часы ихъ отдыха. Что же называлось отдыхомъ? Здѣсь также было прилагательно общее правило методизма: жить такъ, чтобы все служило къ славѣ Божіей. Во время отдыховъ никакихъ беспорядковъ не допускалось, а только *подходящія игры и упражненія*. Такъ дѣло было постановлено въ кингсвудской и вудхаузской школахъ. То же самое было, по всей вѣроятности, и въ воскресныхъ школахъ, только въ меньшихъ размѣрахъ. О народныхъ школахъ очевидно нельзя сказать того же. Народныя школы по своимъ цѣлямъ удовлетворяли государственной потребности, — влѣдствіе чего пользовались государственною субсидіею и были подъ контролемъ государства. Последнее обстоятельство заставляетъ думать, что въ народныхъ школахъ методисты не такъ широко прилагали свои методы, достигали своихъ цѣлей и выполняли свои задачи. Вѣроятно, здѣсь-то и коренится причина того, что мето-

дисты имѣютъ такого рода школъ гораздо меньше, чѣмъ школъ воскресныхъ (въ 7 или 8 разъ). Дѣло въ томъ, что народныя школы должны подчиняться, какъ государственныя, общимъ требованіямъ религіозно-аскетическія предписанія дидактики и педагогика, а съ этими требованіями методистской педагогика не всегда согласна. Разсматривая исторію распростра- венія методизма нельзя не замѣтить, что проповѣдники пер- вымъ долгомъ своимъ считаютъ заведеніе школъ воскрес- ныхъ, которыя въ большей мѣрѣ отвѣчаютъ потребностямъ методизма, да и издержекъ требуютъ гораздо меньше, и уже потомъ, когда положеніе методистовъ упрочивается въ извѣст- ной мѣстности, они устраиваютъ общеобразовательныя шко- лы для народа, въ которыхъ занятія происходятъ ежедневно. Наконецъ и статистика, приводимая у *Jacoby*, первымъ долгомъ указываетъ числа, которыя относятся къ школамъ воскреснымъ. — Не говоря о чисто богословскомъ образова- ніи, даваемомъ въ институтахъ для образованія проповѣдни- ковъ, мы должны сказать, что народныя школы высшаго порядка (колледжи Шеффилда и Фаунтова и учительскія семинаріи) давали молодому поколѣнію строго религіозное образованіе, — о чемъ съ гордостію замѣчаетъ *Jacoby*. Такимъ образомъ ригоризмъ, — общее характерное очертаніе мето- дистской жизни, — проникаетъ и въ народную массу чрезъ его школы. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не указать сходства методистскаго воспитанія съ іезуитскимъ. Долго и энергично сдерживаемыя природныя наклонности воспитан- никовъ (особенно здоровыхъ энергичныхъ холериковъ) по выходѣ изъ школы вырываются съ силою наружу, обращая послѣднихъ въ самыхъ отвратительныхъ антиномистовъ¹⁾.

Вопросъ о воспитаніи у методистовъ, изложенный нами по поводу вопроса объ экономическихъ затратахъ на воспитаніе, заставилъ насъ нѣсколько уклониться отъ глав- ной цѣли настоящаго отдѣла сочиненія — отъ финансовой

¹⁾ *Southey*, II, 162, 164.

сторонъ вѣслианскаго методизма, выразившейся въ учрежденіи разнообразныхъ фондовъ. Всѣ фонды, о которыхъ мы говорили, включая и фондъ на воспитаніе, находятся въ вѣдѣніи отдѣльныхъ комитетовъ, состоящихъ изъ проповѣдниковъ и мірянъ. Комитеты, въ распоряженіи которыхъ находятся фонды методистовъ, обязаны собираться за недѣлю до засѣданій конференціи и приготовить годичные отчеты. Представленные ей отчеты конференція разсматриваетъ и большею частію одобряетъ. Послѣ этого отчеты о фондахъ публикуются и такимъ образомъ становятся извѣстными всему методистскому міру.—Движеніемъ фондовъ вѣслианскаго методизма самымъ осязательнымъ образомъ выражается благотворительность методистовъ. Главнымъ источникомъ фондовъ служатъ частныя пожертвованія. Въ 1868 году число пожертвовавій равнялось 230,000 фунт. стерлинговъ на 550,055 членовъ общества. Если приблизительно брать взносъ, на каждого члена приходится по $\frac{1}{2}$ фунта стерлинговъ. Такой взносъ можно считать довольно высокимъ, если мы примемъ во вниманіе, что къ числу методистовъ относятся представители самаго бѣднаго класса. Нужно думать, что многихъ тяготилъ такого рода взносъ, и слова *Jacoby* о томъ, что члены съ готовностію платили деньги, можно считать преувеличенными. Онъ говоритъ, что давали деньги съ охотою, потому что каждый осязательно сознавалъ нужду въ такого рода пожертвованіяхъ; а точная отчетность по полученію и израсходованію суммъ взноса давала возможность точно повѣрять дѣйствія распорядителей денежными суммами¹⁾. Очень можетъ быть, что точная отчетность и позволяла каждому члену методизма повѣрять обращеніе фондовъ, во этомъ нисколько не уменьшалась тяжесть самыхъ взносовъ, и какъ охотно члены стремились освободиться отъ нихъ, это видно изъ того, что дѣлать взносы на постройку капеллъ и на содержаніе

¹⁾ Real-Encyclopädie von *Hersog*, Bd. IX. S. 715. Ausg. II (1880).

проповѣдниковъ члены соглашались только „послѣ долгихъ, настойчивыхъ, хотя и краткихъ убѣжденій“. При первой же представившейся возможности не дѣлать взносовъ, члены не дѣлали ихъ, какъ это было по поводу борьбы конференціи съ партіею, стоявшею на сторонѣ представительства мирянъ въ дѣлахъ управленія ¹⁾.—Кромѣ добровольныхъ взносовъ благотворительность методистовъ имѣетъ, какъ намъ уже не одинъ разъ приходилось замѣчать, болѣе прочный источникъ доходовъ ²⁾. Сюда относятся типографское дѣло, книжная торговля и пожертвованія имущества по духовнымъ завѣщаніямъ въ полную собственность методистовъ. Изданіе книгъ и журналовъ религіозно-нравственнаго содержанія и распродажа ихъ доставляютъ методистамъ очень порядочный доходъ.—Изаніе книгъ со спеціальнымъ содержаніемъ было вынуждено у основателей методизма необходимою дать невѣжественнымъ проповѣдникамъ полезное чтеніе и тѣмъ замѣнить недостаточность ихъ образованія. Первоначально Джонъ Весли сталъ издавать книги, которыя имѣли большое вліяніе на религіозный переворотъ въ немъ самомъ, въ его братъ, Уайтфилдъ и другихъ членахъ оксфордскаго „Священнаго клуба“. Затѣмъ въ свѣтъ были выпущены постепенно появлявшіяся сочиненія братьевъ Весли: коротенькія разсужденія по разнымъ религіознымъ вопросамъ, наставленія по поводу различныхъ пороковъ, обыкновенныхъ въ англійскомъ обществѣ, проповѣди и полемическіе трактаты, а также религіозно-повѣстическія произведенія. Съ самаго почти перваго времени всѣ эти сочиненія печатались и отдавались на продажу въ книжную лавочку, бывшую при первой лондонской капеллѣ методистовъ (Foundery). Но продажа этимъ не ограничивалась:

---

¹⁾ Сморг. выше: борьбу 50-хъ годовъ.

²⁾ Обращеніе фондовъ въ методизмъ мы называемъ однимъ именемъ: „благотворительность методистовъ“, потому что первыя ея зародыши во всѣхъ направленіяхъ имѣли благотворительный характеръ: хотя въ настоящее время этотъ благотворительный характеръ остался только въ вѣкоторыхъ метод. учрежденіяхъ.

странствующіе проповѣдники—помощники основателей методизма были обязаны распостъ сочиненія братьевъ Весли во время своихъ путешествій по общинамъ методизма¹⁾. Главное завѣдываніе издательствомъ и продажей книгъ, какъ и всѣми другими сторонами жизни методизма 1-го періода, принадлежало Джону Весли. Какъ извѣстно, овъ самъ издавалъ вполнѣ и передѣлывалъ трактаты, даже написанные католическими писателями. Когда поднялись кальвиню-методистскіе споры, то объемъ методистской литературы увеличился присоединеніемъ къ ея циклу сочиненій Флетчера и журнала „*Argminian Magazine*“, бывшаго подъ редакцію Весли. Послѣ смерти Весли все книжное дѣло перешло въ вѣдѣніе конференціи, которая поручила вести его особому распорядителю (*Books Steward*), на которомъ лежала и вся отвѣтственность за книготорговлю. Устройство учебныхъ заведеній съ методистскимъ направленіемъ и борьба конференціи съ тою партією, которая возмущала жизнь методизма изданіемъ „летучихъ листовъ“ (*Fly Sheets*), послужили къ развитію книготорговли у методистовъ. Противъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей конференція издавала и отдѣльные сочиненія и журналы. Таковъ журналъ „*The Watchman*“ (Стражъ), названный такъ потому, что былъ предвазначенъ къ охраненію существующаго положенія дѣлъ. Изъ сочиненій, которыя служили къ удовлетворенію насущныхъ потребностей каждаго проповѣдника методизма, особенно много комментаріевъ на Св. Писаніе; послѣдніе необходимы для проповѣдниковъ, которымъ приходилось посвящать много времени для толкованія Св. Писанія. Распространеніе общинъ методистовъ по разнымъ странамъ свѣта вызвало дѣятельность такъ называемыхъ „обществъ трактатовъ“ (*Tracts-Society*), которыя имѣли цѣлю распространеніе брошюръ религіозно-нрав-

¹⁾ Проповѣдники такимъ образомъ были колекторами сочиненій Весли. (См. *Southey* II, 206—209; *Stevens*, I, 247).

ственнаго содержанія по всему свѣту, и особенно энергично дѣйствовали и дѣйствуютъ въ Англии съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтїя¹⁾. Въ настоящее время типографское дѣло и книжная торговля стоятъ очень прочно, доставляютъ методистамъ множество доходовъ: оно оправдало ожиданія основателя методизма, который въ немъ видѣлъ значительную поддержку для методизма, какъ въ религіозномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Въ 1868 году въ общинахъ вѣслианскаго методизма было уже довольно много типографій и книжныхъ магазиновъ съ редакціями методистскихъ періодическихъ изданій. Кромѣ англійской вѣслиано-методистской типографіи у вѣслианскихъ методистовъ есть типографія и редакція журнала въ Ирландіи (*The Irish Evangelist—Ирландскій Евангелистъ*²⁾), въ Остѣ-Индіи, на островахъ Гаваи (въ 1831—ручная типографія), во Франціи и Новой Зеландіи, а также и въ другихъ мѣстахъ³⁾.—Относительно количества доходовъ съ единовременныхъ пожертвованій въ пользу методистовъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

А. Буланковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Real-Encyclopädie, Bd. XVI. SS. 270—280. Ausg. I.

²⁾ Нѣсколько подробнѣе о методистскихъ журналахъ см. у *Jacoby*, Bd. I. S. 336 в Real-Encyclopädie, Bd. IX. Ausg. II. статью „Methodismus“ Literature.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

III. Древнѣйшія изображенія св. Владимира.

Въ настоящее время извѣстно нѣсколько древнихъ изображеній святого равноапостольнаго князя Владимира, именно: монетное на древнихъ монетахъ съ именемъ Владимира, фресковое на стѣнѣ Успенскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ, изображеніе въ Строгоновскомъ иконописномъ подлинникѣ подъ 15 іюля и наконецъ на мяткалевомъ знамени приблизительно XVI вѣка. Но эти изображенія не во всемъ согласны между собою, а нѣкоторыя изъ нихъ рѣшительно отличаются отъ другихъ извѣстныхъ доселѣ изображеній св. Владимира. Спрашивается, какое же изъ этихъ изображеній наиболее соотвѣтствуетъ дѣйствительному виду св. князя Владимира?

Монетное изображеніе св. князя Владимира воспроизведено на первомъ листѣ изслѣдованія: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. Нунизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго. С.-Петербургъ. 1882.“. Князь Владимиръ изображенъ впрямь во весь ростъ, сидящимъ на широкомъ сѣдалищѣ съ высокой спинкой; верхняя перекладина спинки находится на уровнѣ шеи великаго князя. Лицо съ бритою бородою и большими усами. На головѣ—шапка, усыпанная крупными бусами, съ крестомъ изъ бусъ на верхушкѣ ея; отъ шапки, по обѣимъ сторонамъ лица, ниспадаютъ свурки изъ мелкихъ бусъ, изъ-за которыхъ виднѣются

¹⁾ См. Труды Кіев. Дух. Акад., февраль, 1887 г.

вьющіеся на головѣ волосы. На великомъ князѣ надѣтъ короткій плащъ, застегнутый на правой сторонѣ груди пряжкой; лѣвая рука покоится на груди, а правая держитъ крестъ на длинномъ древкѣ; на шеѣ ожерелье изъ бусъ; нижняя длинная одежда (далматикъ) князя украшена нѣсколькими рядами бусъ. По лѣвую руку князя, а иногда и на оборотной сторонѣ монеты, загадочная фигура, можетъ быть хоругвь. Кругомъ изображенія князя слѣдующая надпись, иногда переносимая и на оборотную сторону: „Владимиръ на столѣ, а се его злато (или сребро)“. На оборотной сторонѣ Владимировыхъ монетъ изображаются или помянутая хоругвь, или Спаситель.

Монеты съ именемъ Владимира принадлежатъ къ одному типу съ другими подобными монетами, на которыхъ читаются имена Свитополка и Ярослава или Георгія. По величинѣ своей онѣ равняются куническимъ диргемамъ, привозившимся въ Россію съ VIII до XI вѣка, а по характеру чеканки представляютъ подражаніе византійскимъ монетамъ. Всѣ эти монеты, съ именами Владимира, Свитополка и Ярослава или Георгія, въ настоящее время признаются монетами русскими. Доказательства русскаго происхожденія ихъ суть слѣдующія: 1) замѣчательное совпаденіе дозвѣнаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ. Въ вумизматикѣ выработался испытанный способъ съ точностію опредѣлять время заковки владовъ по имѣющимся въ нихъ извѣстнымъ и самымъ позднимъ монетамъ въ кладѣ, который бываетъ зарытъ всегда послѣ ихъ чеканки. „Обращаясь къ нашимъ монетамъ,—говоритъ графъ И. Толстой,—мы находимъ, что такимъ способомъ опредѣлено приблизительно время чеканки трехъ монетъ: двухъ Владимира и одной Ярослава. Двѣ монеты указываютъ на конецъ X-го или начало XI-го столѣтія, а монета Ярослава на XI столѣтіе. Такимъ образомъ мы имѣемъ монеты какого-то Владимира, княжившаго въ концѣ X-го или въ началѣ XI вѣка, и какого-то

Ярослава, княжившаго въ XI-мъ. Если заглянемъ въ исторію, то найдемъ, что другого Ярослава въ XI вѣкѣ нигдѣ не было, кромѣ великаго князя кievскаго Ярослава Владимировича, а въ началѣ XI вѣка хотя и былъ другой Владимиръ, кромѣ кievскаго, именно сербскій († 1016 г.), но по сходству его монетъ съ монетами русскаго Ярослава слѣдуетъ заключить, что онѣ принадлежатъ русскому князю, а не сербскому князю⁴. 2) Мѣсто находки. Всѣ наши монеты найдены или въ предѣлахъ самой Россіи, или въ странахъ, смежныхъ съ нею. 3) Находящіяся на монетахъ имена — Владимиръ, Святополкъ, Ярославъ, Юрій (Георгій) вполне соотвѣтствуютъ именамъ кievскихъ государей XI столѣтія, при чемъ на одной монетѣ рядомъ съ именемъ Владимира находимъ и христіанское имя этого князя Василій, а на монетахъ Ярослава — изображеніе его ангела — св. Георгія. Это соединеніе и сочетаніе именъ вполне соотвѣтствуютъ извѣстіямъ лѣтописцевъ. 4) Кромѣ совершенно обособленнаго характера нашихъ монетъ, свойственныя имъ одними надписи рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: „Владимиръ на столѣ, а се его серебро“, и проч. 5) Кромѣ надписей, характеристична неразгаданная еще фигура, неизмѣнно изображенная на всѣхъ означенныхъ монетахъ, которую графъ И. Толстой называетъ изображеніемъ хоругви и считаетъ знаменемъ (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей кievскихъ¹).

Если же монеты съ именемъ Владимира дѣйствительно принадлежатъ св. равноапостольному князю Владимиру; то слѣдовало бы заключить, что изображенія св. Владимира на этихъ монетахъ, какъ современныя ему, должны быть наиболее близкими къ оригиналу и вѣрными. Но на это нужно замѣтить слѣдующее: 1) эти монетныя изображенія исполнены весьма грубо и неотчетливо и могутъ дать только

⁴) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кievскаго“, гр. И. Толстого, С.-Петербургъ, 1882 г., стр. 156—158.

самое общее представленіе о фizioноміи и одеждѣ изображенной на монетахъ личности. 2) Является сильное сомнѣніе въ русскомъ происхожденіи всѣхъ монетъ, извѣстныхъ съ именами Владимира, Святополка и Ярослава или Георгія, особенно же монетъ съ именемъ послѣдняго государя. На такъ называемыхъ Ярославовыхъ монетахъ перваго типа графъ И. Толстой, вслѣдъ за г. Волошинскимъ, читаетъ надписи сбоку и видитъ въ нихъ имя Γεῖνος (вм. Γεοργιος) или Геюр(ги); а извѣстно-де, что христiанское имя Ярослава I было Георгій, въ русской формѣ Геюрги, и проч. ¹⁾. Между тѣмъ, если читать тѣ же надписи сверху внизъ, какъ на древнихъ иконахъ, имѣя въ виду расположеніе буквъ однихъ подъ другими, то то же имя безъ всякой натяжки читается въ первомъ случаѣ Пётросъ ²⁾, а во второмъ *Петаръ* ³⁾, т. е. Петръ, но въ юго-славянской формѣ. Въ Сербіи и въ настоящее время вмѣсто Петръ говорятъ *Петаръ*, вмѣсто Димитрій—*Митаръ*. Установленіе такого чтенія надписи на Ярославовыхъ монетахъ перваго типа принадлежитъ молодому нумизмату и археологу, члену Церковно-археологическаго общества Н. П. Черневу, и должно произвести рѣшительный переворотъ въ установившихся мнѣніяхъ относительно происхожденія монетъ не только такъ называвшихся Ярославовыхъ, но и Святославовыхъ и Владимировыхъ, имѣющихъ большое сходство между собою. Для насъ по крайней мѣрѣ кажется несомнѣннымъ, что между такъ называемыми „древнѣйшими русскими монетами великаго княжества Кіевскаго“ есть монеты не русскаго, а южно-славянскаго происхожденія. А такъ какъ эти монеты имѣютъ большое сходство съ такъ называемыми Святополковыми и Владимировыми монетами; то отсюда слѣдуетъ заключить, что или и эти монеты южно-славянскаго же происхожденія, или же одиѣ изъ

¹⁾ „Монеты в. к. Кіевскаго“, гр. И. Толстаго, стр. 55—58.

²⁾ Тамъ же, въ приложеніи, таблицы 3 и 4, № 17.

³⁾ Тамъ же, въ приложеніи, таблицы 3 и 4, №№ 18, 19 и 20; табл. 5, № 12; табл. 9, № 12.

нихъ чеканены по подражанію другимъ, т. е. или южно-славянскія по образцу русскихъ, или—наоборотъ—русскія по образцу южно-славянскихъ. Последнее предположеніе имѣетъ за себя всѣ данныя, такъ какъ извѣстно, что южные славяне равнѣе подверглись византійской цивилизаціи, чѣмъ русскіе, и передали послѣднимъ богатую переводную литературу и начатки культуры. Древнѣйшимъ памятникомъ русской миниатюрной живописи служитъ заглавный листъ харатейнаго Изборника, списаннаго въ 1073 году, по повелѣнію великаго князя Святослава Ярославича, діаконъ Іоанномъ. На немъ изображены самъ Святославъ, супруга его и дѣти Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ и Ярославъ. Но костюмъ этихъ князей представляетъ замѣчательное сходство съ одеждою болгаръ, изображенныхъ въ греческомъ Мивологіѣ X вѣка. Да и самый Изборникъ Святославовъ есть не что иное, какъ только копія съ Изборника болгарскаго царя Симеона¹⁾. Поэтому, если бы монеты съ именемъ Владимира дѣйствительно принадлежали св. равноапостольному князю Владимиру (что требуетъ еще новыхъ доказательствъ), то и въ такомъ случаѣ монетное изображеніе св. Владимира было бы лишь подражаніемъ подобнымъ южно-славянскимъ изображеніямъ и не имѣло портретнаго характера.

Другое древнѣйшее изображеніе св. равноапостольнаго князя Владимира недавно издано хромофотографически въ книгѣ „Холмская Русь“, изданной по Высочайшему соизволенію П. Н. Батушковымъ. „Хромофотографія,—говоритъ издатель,—воспроизведена съ древнѣйшей фрески владимирскаго Успенскаго собора. Храмъ этотъ, основанный великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ въ 1158 году, былъ росписанъ въ 1161 году знаменитыми греческими художниками того времени и около двухъ столѣтій былъ главнымъ храмомъ земли Русской, имѣя богато украшен-

¹⁾ „Древности Россійскаго Государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію“, отд. IV, Москва, 1851 г., стр. 7—10.

ныя иконы и обладая драгоценною утварью, которая потомъ частію разграблена татарами, частію погибла отъ пожара. Впослѣдствіи соборъ пришелъ въ запустѣніе и былъ возстановленъ лишь въ 1708 году. Послѣ того онъ былъ неоднократно реставрированъ. При послѣдней реставраціи въ 1882 году на стѣнахъ собора были открыты древнія фрески, которыя, при содѣйствіи московскаго Археологическаго Общества, возстановлены изографомъ П. М. Сафоновымъ; при чемъ на одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ соборный куполь, противъ праваго клироса, открыта и фреска св. Владимира. Предполагаютъ, что у этого столпа, какъ болѣе центрального, нѣкогда находился тронъ великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха, впослѣдствіи перенесенный въ московскій Успенскій соборъ. Теперь здѣсь находится святительское мѣсто. Надъ этимъ мѣстомъ, въ иконостасѣ, была живописная икона св. Владимира; когда ее сняли для изслѣдованія остатковъ стѣнописи, то за нею обнаружилась фресковая живопись, заслоненная отчасти иконостасомъ. Для дальнѣйшихъ изслѣдованій выпилили часть иконостаса, и предъ изслѣдователями представилась довольно хорошо сохранившаяся фреска равноапостольнаго князя Владимира. По характеру письма и орнаментамъ, фреска эта составляетъ иконопись XII вѣка, что подтверждается и греческими надписями, оказавшимися на другихъ открытыхъ фрескахъ. При фрескѣ не сохранилось никакой надписи о томъ, что это—изображеніе именно св. Владимира, но въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ съ мечомъ въ рукѣ, какъ извѣство изъ древнѣйшихъ подлинниковъ, изображали только равноапостольнаго князя. Открытая фреска, конечно, не составляетъ портрета крестителя Русской земли; но несомнѣнно, что это—самое древнѣйшее изображеніе св. Владимира, и если сопоставить время его княженія (980—1014 гг.) съ временемъ производства живописныхъ работъ владимирскаго собора (1161 г.), то окажется, что фресковая икона написана въ эпоху, не столь отдален-

ную отъ жизни Владимира, чтобы преданія о вѣшности его могли совершенно утратиться. Съ этой исторической фрески издателю были доставлены копїи: акварельная, воспроизведенная до реставраціи фрески и засвидѣтельствованная подписью владимирскаго преосвященнаго Теоноста, и фотографическая, снятая послѣ реставраціи. По сѣмъ несомнѣнно вѣрнымъ копїямъ воспроизведенъ знатокомъ древней иконописи, художникомъ В. А. Барбитовымъ, рисунокъ, съ котораго сдѣлана хромолитографія, впервые появляющаяся въ печати¹⁾.

Св. Владимиръ на фрескѣ изображенъ стоящимъ, во весь ростъ, съ нимбомъ вокругъ главы. На головѣ—корона, усыпанная жемчугомъ, съ жемчужнымъ же крестикомъ наверху. Волосы—курчавые, брови и длинная борода—сѣдые, носъ—греческій. Въ правой рукѣ св. Владимиръ держитъ восьмиконечный крестъ около груди, а въ лѣвой опущенной внизъ—перевитый тесьмой мечъ съ крестообразной рукояткой. На плечахъ князя накинутъ пурпуровый плащъ, застегнутый на правой сторонѣ груди пряжкой; а подъ плащомъ—болѣе длинная нижняя одежда изъ клѣтчатои матерїи сине-голубаго цвѣта (далматикъ), съ бахромою на подолѣ; на ногахъ—желтая обувь, вѣроятно сафьянная.

Что фресковое изображеніе дѣйствительно представляетъ св. князя Владимира, а не другого князя или царя, это подтверждается тѣмъ, что 1) фреска съ изображеніемъ св. Владимира закрыта была позднѣйшимъ изображеніемъ того же св. князя, явившимся здѣсь конечно, по преданію, и 2) фресковое изображеніе св. Владимира вполне соответствуетъ изображенію и наставленіямъ лицевыхъ иконописныхъ подлинниковъ. Такъ напр., въ Строгановскомъ лицевомъ подлинникѣ подъ 15-мъ іюля св. Владимиръ изображенъ съ длинной бородою, въ вѣвцѣ и нимбѣ; правую руку держитъ у груди, а въ лѣвой держитъ мечъ; на князѣ двѣ

¹⁾ „Холмская Русь“, С.-Петербургъ, 1887 г.

одеждѣ, верхняя и нижняя. Относительно изображенія св. Владимира здѣсь замѣчено: „Въ той же днѣ великого князя Владимира; сѣдъ; риза камка багрова, исподняя камка лазорева“¹⁾). Подобнымъ образомъ изображенъ св. Владимиръ въ лицевыхъ олеографическихъ святцахъ академика Солнцева.

Итакъ, фреска во владимирскомъ Успенскомъ соборѣ дѣйствительно изображаетъ св. равноапостольнаго князя Владимира. Но другой вопросъ о томъ, насколько это изображение вѣрно дѣйствительности и схватываетъ индивидуальныя черты физіономіи св. равноапостольнаго князя? Вопросъ этотъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что въ нашей наукѣ недавно установилось мнѣніе, что равноапостольный князь Владимиръ признанъ святымъ не ранѣе 1240 года. Если принять это мнѣніе, то придется отнести фреску не къ 1161 году, а ко времени послѣ 1240 года, такъ какъ на ней св. Владимиръ изображенъ уже съ нимбомъ или ореоломъ святости, т. е. къ такому сравнительно позднему времени, когда совершенно могли утратиться преданія о внѣшнемъ видѣ св. Владимира. Правда ли это?

Первый высказалъ мнѣніе о сравнительно поздней канонизаціи св. Владимира профессоръ Е. Е. Голубинскій въ своей „Исторіи Русской Церкви“. Онъ положительно отвергаетъ существовавшее мнѣніе, будто празднованіе памяти св. Владимира, какъ уже святого, установлено и началось у насъ еще при сынѣ его великомъ князѣ Ярославѣ. Единственнымъ основаніемъ послѣдняго мнѣнія представляются извѣстныя выраженія о Владимирѣ митрополита Иларіона, Іакова монаха и автора „житія“ Владимірова. Иларіонъ въ своей похвалѣ Владимиру обращается съ молитвою къ нему, какъ уже стяжавшему за свои благія дѣла воздаяніе на небесахъ, наслаждающемуся лицезрѣніемъ Господа, и призываетъ его молиться о русской землѣ, о русскихъ людяхъ, о сынѣ своемъ Георгіѣ и проч. Іаковъ

¹⁾ „Строгановскій лицевой неополненый подлинникъ“, Москва. 1869 года.

обращается къ нему со словами: „о блаженный и треблаженный княже Володимире... Мзда твоя многа зъло предъ Богомъ“. Ниже онъ уподобляетъ его св. царямъ—Давиду, Езекии, Константину. Авторъ житія къ подобнымъ ублаженіямъ и величаніямъ присоединяетъ и собственную молитву къ Владимиру. Все это выражаетъ личное благоговѣніе авторовъ къ памяти Владимира, личную вѣру ихъ въ то, что онъ за свои дѣла удостоенъ небеснаго воздаянія и блаженства. Такую вѣру раздѣляли съ нимъ, конечно, и лучшіе изъ современныхъ имъ христіанъ русскихъ. Но все это не означаетъ, чтобы память Владимира чествовалась и праздновалась, какъ святого, внесеннаго въ памяти святыхъ, въ церковные мѣсяцесловы или святцы, съ приуроченіемъ ея и службы ему къ извѣстному дню, какимъ имѣлъ быть и былъ потомъ день успенія его 15 іюля. Есть достаточно ясныя и твердыя указанія на то, что такого празднованія не существовало ни при Ярославѣ, ни потомъ до самаго конца домонгольскаго періода: 1) Сами авторы похваля Іларіонъ и Іаковъ монахъ, также авторы „житія“ и лѣтописной повѣсти о Владимирѣ, писавшіе уже въ XII вѣкѣ, не называютъ его святымъ. 2) Іаковъ монахъ, авторъ житія и авторъ лѣтописной повѣсти прямо свидѣтельствуютъ, что въ ихъ время еще не были открыты мощи его, не были ознаменованы чудесами, чтд считалось бы уже началомъ прославленія и канонизаціи его, какъ святого. 3) Въ двухъ древнихъ „словахъ“, относимыхъ съ вѣроятностію къ домонгольскому періоду и упоминающихъ рядомъ съ святыми греческими и русскихъ, имя св. Владимира еще не ставится. 4) Ни въ однихъ изъ древнихъ святцевъ, относимыхъ къ домонгольскому періоду и ближайшему къ нему времени, не означается памяти св. Владимира, хотя между ними святцами есть такіе, писцы которыхъ имѣли очевидное намѣреніе внести имена русскихъ какъ можно полнѣе. 5) Послѣ начальной лѣтописи и находящейся въ ней повѣсти о крещеніи Владимира и крещеніи имъ русской земли, не назы-

вають Владимира святымъ и всѣ дальнѣйшія лѣтописи въ періодъ домонгольскій, наковы: Кіевская и Кіево-суздальская въ Лаврентьевскомъ спискѣ, Кіевская и Галицко-волынская въ Илатскомъ спискѣ и Новгородская въ первой новгородской лѣтописи. „Послѣ 1240 года,—говоритъ профессоръ Голубинскій,—празднованіе памяти Владимира было установлено когда-то до 1311 года; ибо въ этомъ послѣднемъ году архіепископъ новгородскій Давидъ поставилъ церковь во имя его на однихъ изъ воротъ своего Софійскаго кремля... Не Александръ ли Невскій установилъ празднованіе памяти Владимира, побужденный тѣмъ, что въ день кончины его одержалъ свою знаменитую побѣду?“ На этотъ вопросъ профессоръ И. И. Малышевскій отвѣчаетъ утвердительно. По его мнѣнію, празднованіе памяти Владимира установлено впервые въ Новгородѣ Александромъ Невскимъ послѣ 15 іюля 1240 г., но въ ближайшее послѣ того время и въ связи съ событіемъ этого года и дня—невскою побѣдою его,—установлено, говоря точнѣе, между 15 іюля и октябремъ этого года; а служба Владимиру написана или тогда же вслѣдъ за установленіемъ празднованія, или немного позже, но не позже начала 1241 года, въ которомъ затѣмъ впервые и праздновалась память его 15 іюля, какъ уже святого, внесеннаго въ святцы¹⁾.

Мы съ своей стороны готовы согласиться, что *полная канонизація* князя Владимира, какъ святого, могла послѣдовать и дѣйствительно послѣдовала не раньше 1240 года, ознаменованнаго невскою побѣдою, и именно по поводу этой побѣды. Но нужно замѣтить, что есть значительная разница между различными видами и степенями прославленія угодниковъ Божіихъ. Одни изъ нихъ именуется блаженными (μακάριοι), другіе преподобными (ἅγιος), иные святыми

---

¹⁾ „Когда и гдѣ впервые установено празднованіе памяти св. Владимира 15 іюля?“ И. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за январь 1882 года.

(ἄγιος). Название *святою* обыкновенно усвоилось апостоламъ, мученикамъ, святителямъ и царямъ и князьямъ, название *преподобнаю*—подвижникамъ изъ монашествующихъ лицъ и мирянъ, а название *блаженнаю*, повидимому, не приурочивалось къ известному, опредѣленному разряду угодниковъ Божіихъ и служило только одною изъ предварительныхъ ступеней къ полной канонизаціи известнаго угодника Божія, подобно тому, какъ въ западной римской церкви и донинѣ *беатификація* (призваніе блаженнымъ) служитъ только подготовительною ступеню къ *санктификаціи* (признанію святымъ) известнаго лица¹⁾. Въ греческихъ и славяно-русскихъ мѣсяцесловахъ титулъ *блаженнаю* безразлично прилагался и къ святителямъ²⁾ и царямъ или князьямъ³⁾ и другимъ лицамъ⁴⁾, известнымъ святостію жизни, но еще не прославленнымъ нетлѣніемъ мощей или чудотвореніями. Въ этомъ смыслѣ и равноапостольный князь Владимиръ сталъ именоваться блаженнымъ очень рано. Іаковъ монахъ и авторъ „житія“ называютъ Владимира блаженнымъ, а авторъ лѣтописной повѣсти одинъ разъ, въ концѣ житія, называетъ Владимира, вмѣстѣ съ равноапостольнымъ царемъ Константиномъ, даже святымъ: „о святая царя Константине и Володиміре!“ Первый успокоиваетъ русскихъ относительно того, что Владимиръ не творитъ чудесъ по своей смерти, и поучаетъ словами Златоуста, что праведность и святость познается не отъ чудесъ, а отъ дѣлъ. Последніе два украютъ современныхъ имъ русскихъ людей (т. е. XII вѣка),

¹⁾ См. мою статью „Увіатскій жемученикъ Іосафатъ Куцевичъ и по-смертное чествованіе его бывшими уніатами юго-западной и западной Россіи“, въ VIII выпускѣ „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, изд. П. Н. Батюшковымъ, С.-Петербургъ, 1885 года.

²⁾ Блаженный Фульгенцій, епископъ русскій, и блаженный Агриппинъ, епископъ августодунскій, 1 января, въ „Мѣсяцесловъ“ Ив. Косолапова, Симбирскъ, 1880 г.

³⁾ Блаженная княгиня Ольга, похъ 11 іюля въ печатномъ Прологѣ 1817 года.

⁴⁾ Юродивые Христа ради обыкновенно назывались блаженными.

что они недостаточно воздаютъ Владимиру за его великія дѣла и заслуги, что если бы они съ должнымъ тщаніемъ молились за него въ день преставленія его, то Богъ, видя такое тщаніе наше, прославилъ бы его¹⁾. Какъ *блаженный*,— равноапостольный князь Владимиръ и до 1240 года пользовался соответственнымъ церковнымъ почитаніемъ, и лицъ его изображался, если и не на иконахъ, то по крайней мѣрѣ на стѣнахъ церковныхъ, и обвужался нимбомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фресковое изображеніе его во владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, которое не могло появиться здѣсь послѣ 1240 года, въ смутную эпоху татарскаго ига, наложившаго печать запустѣнія и на самый храмъ, и должно быть отнесено къ 1161 году. Такимъ образомъ мы имѣемъ на этой фрескѣ изображеніе не *святого*, а пока еще только *блаженнаго* князя Владимира. Поводомъ къ прославленію его, какъ *святого*, послужила блистательная побѣда надъ шведами 1240 года, дарованная Александру Невскому въ день кончины равноапостольнаго просвѣтителя Руси и приписанная его предстательству предъ Богомъ за землю русскую. Тотчасъ послѣ этой побѣды устанавливается церковное празднество въ честь св. Владимира и составляетъ особая служба ему; имя св. Владимира вносится въ святцы или мѣсяцесловы, и въ честь и во имя его воздвигаются храмы Божіи²⁾.

Относясь по своему написанію къ 1161 году, фресковое изображеніе блаженнаго князя Владимира написано чрезъ 147 лѣтъ по его кончинѣ, когда преданія о внѣшности его не могли еще совершенно утратиться,—какъ говорить П. Н. Батюшковъ. Притомъ же, могли существовать въ это время и древнѣйшія письменныя записи о внѣшнемъ видѣ Владимира, или же руководственные рисунки для иконописцевъ, вошедшіе потомъ въ иконописные подлинники. Во всякомъ

¹⁾ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, январь, 1882 г., стр. 47—48.

²⁾ Тамъ же, стр. 52 и слѣд.

случаѣ, фресковое изображеніе князя Владимира, какъ одно изъ древнѣйшихъ, подлинныхъ его изображеній, должно представлять собою характеристическія черты личности и одежды великаго князя Владимира.

Близость фресковаго изображенія къ подлинному виду св. Владимира подтверждается и сходствомъ этого изображенія съ изображеніемъ благовѣрнаго великаго князя Владимира Кіевскаго на одномъ знамени, вѣроятно XVI вѣка, доставленномъ изъ Польши сыномъ сенатора Э. П. Ключарева и посвященномъ имъ въ соборъ св. Андрея Первозваннаго, въ селѣ Грузинѣ, близъ Новгорода. Вотъ описаніе этого знамени. „На пробѣлвенной ткани (миткаль) на немъ изображенъ красками, золотомъ и серебромъ, въ греческомъ стилѣ, съ надписью, *Благовѣрный Великій Князь Владимиръ и Вои.* Одно и то же изображеніе по обѣ стороны, что очень часто встрѣчается на старинныхъ знаменахъ... Съ одной стороны великій князь Владимиръ I написанъ въ вѣнцѣ святыхъ сверхъ златой царской шапки византійской формы; въ правой рукѣ зубчатая булава, знакъ военачалія, въ лѣвой—кованая золотая узда, которою онъ правитъ коня. Сверхъ зипуна изъ узорчатаго зеленаго аксамита золотая броня, съ оплечіями и наручами; сверхъ брони платно безъ рукавовъ изъ червчатаго аксамита; на ногахъ золотыя сапоги. Сѣдло съ стременами. На другой сторонѣ изображеніе Владимира то же, съ тою разницею, что царская шапка болѣе похожа на великокняжескую, и въ правой рукѣ булава съ круглымъ шаромъ. Позади Владимира конные воины въ шлемахъ; трое переднихъ везутъ хоругвь съ изображеніемъ креста и два знамени съ откосами. Передъ Владимиромъ врата, надъ которыми видѣнъ крестъ съ копіемъ и съ тростію, какъ изображался онъ на знаменахъ, представляющихъ явленіе креста на небесахъ Константину великому. Предъ вратами воевода, приподнявъ надъ головою шлемъ, встрѣчаетъ Владимира или прививаетъ его приказанія; позади встрѣчающаго два юныхъ воина. Это изобра-

женіе ясно напоминаетъ св. Владимира, водворяющаго св. крестъ надъ градами русскими. Г. Писаревъ, помѣтившій въ „Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ свѣдѣніе о хоругви св. Владимира, предполагаетъ, что истрѣчаетъ Владимира братъ его Святполкъ, а за нимъ Борисъ и Глѣбъ. Святполка трудно присоединить къ изображенному событію; но святые Борисъ и Глѣбъ дѣйствительно изображались на знаменахъ вмѣстѣ съ св. Владимиромъ. Не смотря на это утвердительно признать за княземъ Бориса и Глѣба двухъ воиновъ близъ вратъ на знамени Владимира великаго невозможно; въ 1072 году вскрыты уже мощи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, причтенныхъ церковію къ лику святыхъ, и въ иконописи они изображались не иначе, какъ въ вѣнцѣ святыхъ¹⁾. На первой изъ описанныхъ сторонъ знамени изображеніе св. Владимира сходно въ общихъ чертахъ съ фресковымъ изображеніемъ владимирскаго Успенскаго собора. На знамени онъ также изображенъ съ греческимъ носомъ и большою почти сѣдою бородою, но нѣсколько моложе, чѣмъ на фрескѣ. Сходно нѣсколько и изображеніе короны и на знамени, и на фрескѣ.

Но изображенія св. Владимира на фрескѣ и на знамени, при всемъ сходствѣ ихъ между собою и относительной достоверности, все-таки не могутъ быть названы портретными изображеніями равноапостольнаго просвѣтителя Руси, такъ какъ написаны подъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ, которое, при несовершенствѣ тогдашней портретной живописи и немалозначительномъ разстояніи времени между кончиною св. Владимира и написаніемъ помянутыхъ изображеній его, должно было сильно сгладить индивидуальныя, оригинальныя черты физіономіи св. князя. На владимир-

¹⁾ „Древности Россійскаго Государства, изданія по Высочайшему повеленію. Отдѣленіе III. Москва. 1853“. (стр. 1—3, и рисунки 1 и 2). Что впереди св. Владимира дѣйствительно изображены не Борисъ и Глѣбъ, а просто молодые воины или отроки, это можно видѣть и изъ того, что такіе же молодые воины изображены и позади свята св. Владимира.

мирской фрескѣ, кромѣ византійскаго одѣянiя, усвоеннаго первыми русскими князьями, византійское влiенiе выразилось и въ общемъ иконописномъ византійскомъ пошибѣ лика св. Владимира, и въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Къ послѣднимъ относятся, между прочимъ, восьмиконечный крестъ въ правой рукѣ св. Владимира и корона на его главѣ, сходные, судя по иконописнымъ лицевымъ подлинникамъ, съ крестомъ и короною на изображенiяхъ св. равноапостольнаго царя Константина, съ которымъ обыкновенно сравнивается по своему просвѣтительному подвигу нашъ равноапостольный князь Владимиръ. Насколько сильно и продолжительно было византійское влiенiе на изображенiе у насъ св. Владимира, это можно видѣть даже на вышеописанномъ знамени съ изображенiемъ св. Владимира. Знамя это, по всѣмъ признакамъ, сдѣлано по образцу знамени съ изображенiемъ св. равноапостольнаго царя Константина. Въ царской оружейной казнѣ въ 1687 году хранилось „знамя, на немъ писано по миткалямъ видѣнiе царя Костянтина. Во облацы написанъ Спасовъ образъ, да въ томъ же облацы крестъ Господень. Царь Костянтинъ на конѣ съ воинствомъ... Въ той же срединѣ подписано: и явился благовѣрному царю Костянтину на небеси крестъ Господень и бысть гласъ изъ облака, глаголя: Костянтине, Костянтине, симъ побѣждай враги своя борющіися! Да у той подписа крестъ съ копіемъ и съ тростию“¹⁾). И св. Владимиръ на знамени также изображенъ на конѣ съ воинствомъ; но, что всего замѣчательнѣе, надъ воротами передъ Владимиромъ также изображенъ крестъ съ копіемъ и тростию. Есть здѣсь и крестъ видѣнный св. Константиномъ на небѣ, но съ тою разницею, что на знамени св. Владимира этотъ крестъ изображенъ на хоругви, позади князя.

Во всякомъ случаѣ, изображенiе св. Владимира на фрескѣ и на знамени болѣе достоверно и подлинно, чѣмъ

¹⁾ Измеченіе изъ Описной книги Царской Оружейной Казни 1687 года тамъ же, стр. 2.

неопредѣленное и сомнительное изображеніе князя на монетахъ приписываемыхъ св. князю Владимиру.

IV. Источники поученія преподобнаго Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ.

Поученіе преп. Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ доселѣ извѣстно въ одномъ только спискѣ, находящемся въ рукописномъ торжественникѣ XV вѣка¹⁾). По составу своему, оно можетъ быть раздѣлено на четыре части, изъ коихъ первая собственно говоритъ о казняхъ Божіихъ за грѣхи людскіе, тогда какъ вторая говоритъ о благоговѣйномъ стояніи въ церкви и чистой молитвѣ, третья—о постѣ и праздникахъ и четвертая—о пьянствѣ. Преосвященные Филаретъ Черниговскій²⁾ и Макарій (Булгаковъ) не сомнѣвались въ подлинности этого поученія и приписывали его, въ цѣломъ его объемѣ, преподобному Θεодосію Печерскому. „Поученію о казняхъ Божіихъ,—говоритъ преосвященный Макарій,—написано, вѣроятно, по случаю нашествія половцевъ на землю русскую въ 1067 году, когда три князя наши Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли отъ нихъ поражение на рѣкѣ Альтѣ и вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевѣ произошелъ мятежъ; потому что подъ этимъ самымъ годомъ и преп. лѣтописецъ, сказавъ о побѣдѣ поганыхъ вадъ нашими князьями по допущенію Божію, приводитъ, въ видѣ размышленія, большой отрывокъ изъ слова Θεодосія, хотя и не называетъ его по имени“³⁾). Первымъ подалъ поводъ къ сомнѣнію въ подлинности поученія и принадлежности его преп. Θεодосію академикъ Изг. Ив. Срезневскій. Въ древнемъ Златоструѣ болгарскаго царя Симеона онъ указалъ „Слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ“, весьма сходное какъ съ

¹⁾ Описан. рукоп. Румянц. Муз., № 435, л. 340—344; изд. въ Учен. Записк. 2-го Отд. Акад. Наукъ, II, 2, 193—197.

²⁾ „Обзоръ Русской Дух. Литер.“, изд. 3, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 12.

³⁾ „Исторія Русской Церкви“ Макарія, т. II, стр. 87.

первою частію поученія преп. Θεодосія Печерскаго, такъ и съ лѣтописнымъ отрывкомъ изъ него, и пришелъ къ заключенію, что поученіе сохранилось въ лѣтописи въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ въ торжественникѣ¹⁾. Тотъ же г. Срезневскій въ 1874 году указалъ поученіе „святаго Великаго Василиа о томъ, како подобаетъ възрѣжати отъ пьянства“, въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка, представляющее въ заключительной своей части почти буквальное сходство съ третьєю и четвертою частями поученія преп. Θεодосія²⁾. Не смотря на то, что покойный Срезневскій, по своей обычной осторожности, уклонился отъ рѣшительнаго вывода относительно разсматриваемаго поученія преп. Θεодосія и даже прямо заявилъ, что добытыхъ имъ давныхъ еще мало для того, чтобы выбросить это поученіе изъ числа произведеній нашего древняго учителя,—тѣмъ не менѣе эти давныя послужили А. Вадковскому исходною точкою для опроверженія подлинности поученія и принадлежности его преподобному Θεодосію Печерскому. Соглашаясь вполнѣ съ положеніемъ И. И. Срезневскаго, что поученіе сохранилось въ лѣтописи въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ въ сборникѣ, г. Вадковскій отсюда выводитъ заключеніе, что поученіе это, или, точнѣе, первая часть его, по редакціи сборника, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ лѣтописный отрывокъ, и не можетъ принадлежать преп. Θεодосію Печерскому. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указываетъ третью редакцію этого поученія, находящуюся въ концѣ бесѣды московскаго митрополита Фотія въ недѣлю мясопустную. Этотъ митрополитъ, какъ грекъ по происхожденію, могъ заимствовать конецъ своей бесѣды только изъ греческихъ источниковъ. Слѣдов., первая часть поученія съ именемъ преп. Θεодосія Печерскаго должна быть греческаго происхожде-

¹⁾ „Слѣдствія и замѣтки о малозвѣстныхъ и незвѣстныхъ памятникахъ“ И. Срезневскаго, 1867 г., вып. 3, стр. 34 и сл.

²⁾ Тамъ же, 1874 г., стр. 321 и слѣд.

нія. Что же касается остальныхъ частей поученія съ именемъ преп. Θεодосія Печерскаго, то свѣдѣнїя, по мнѣнію г. Вадковскаго,—только внѣшнимъ образомъ придѣланы къ первой и заключаютъ отрывочныя наставленія, не имѣющія никакой связи съ первой частію. Всѣ онѣ по частямъ заимствованы изъ разныхъ древнихъ поученій, какъ напр. послѣдняя часть взята изъ „слова св. отецъ о пьянствѣ“¹⁾. Не смотря однако на рѣшительный отзывъ А. Вадковскаго, профессоръ Е. Голубинскій въ своей „Исторіи Русской Церкви“ еще не рѣшается исключить разсматриваемое поученіе изъ числа твореній преп. Θεодосія Печерскаго, хотя и не указываетъ основаній для своего мнѣнія²⁾.

Изъ предыдущаго нельзя не видѣть, что мнѣніе о подлинности поученія преп. Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ еще не установилось окончательно. Важную роль въ этомъ вопросѣ играютъ источники поученія, которые подали въ-которымъ изслѣдователямъ поводъ набросить тѣнь сомнѣнія на подлинность самаго поученія и принадлежность его преподобному Θεодосію Печерскому. Желая съ своей стороны содѣйствовать рѣшенію вопроса о происхожденіи и характерѣ поученія съ именемъ преп. Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ, укажемъ сначала источники этого поученія, а потомъ попытаемся рѣшить вопросъ о принадлежности этого поученія преподобному Θεодосію Печерскому.

Источники поученія преп. Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ были указаны нами еще въ 1874, 1876 и 1877 годахъ. Въ своемъ сочиненіи „О составѣ и происхожденіи славянорусскаго печатнаго пролога“, 1874 г., мы сказали, что поученіе Θεодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ имѣетъ своимъ источникомъ или Златоуструй Симеона Болгарскаго, какъ это замѣтилъ еще И. И. Срезневскій,

¹⁾ „Такъ взаимно поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому“ А. Вадковскаго, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1876 годъ, т. III, стр. 277—295.

²⁾ Том. I, 1-я половина тома, стр. 676.
Труды Кіев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г.

или же богословские вопросы и ответы Анастасія Синаита¹⁾; а въ своемъ „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Киевской Духовной Академіи“ мы указали „Слово Іоанна Златоустаго о постѣ и молитвѣ“, вошедшее въ составъ второй части поученія преп. Феодосія, и „Слово св. отецъ поученіе о праздницѣхъ господскихъ Василия Новаго“, положенное въ основу третьей и четвертой частей разсматриваемаго поученія²⁾. Въ настоящее время къ этому мы можемъ присовокупить только то, что не видимъ прямой и непосредственной связи поученія съ указаннымъ нами мѣстомъ изъ Анастасія Синаита, хотя и увѣрены, что составитель поученія имѣлъ подѣ руками вопросы и ответы Анастасія, и что слово Златоустаго „о постѣ и покаяніи“ заимствовано поученіемъ именно изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, вошедшихъ въ составъ Святославова Изборника 1073 года. Но всѣ эти источники вошли въ поученіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, что дѣлаеть необходимымъ сличеніе ихъ съ самимъ поученіемъ. Предлагаемъ это сличеніе. Въ первомъ столбцѣ мы помѣщаемъ текстъ поученія преп. Феодосія³⁾, а во второмъ—текстъ источниковъ, поставляя въ скобахъ то, что представляется излишнимъ въ сравненіи съ текстомъ параллельнаго столбца.

Первая часть поученія преп. Феодосія Печерскаго, за исключеніемъ самаго начала, представляетъ большое сходство со „словомъ о ведрѣ и казняхъ Божіихъ“ изъ древняго Златоуструя. Вотъ параллельный текстъ того и другого памятника.

¹⁾ Стр. 331.

²⁾ Стр. 463, л. 86 на об., и стр. 448, л. 272 на об.

³⁾ Текстъ поученія преп. Феодосія въ первомъ столбцѣ заимствованъ нами изъ копіи преосвщ. Макарія, хранящейся теперь въ Киевской академической бібліотекѣ, № Аа., 186, л. 11—13.

А) [Наводитъ Богъ, по гнѣву своему казни каку любо, или поганыхъ, зане не встѣгнемся къ Богу; а усобнаа рать бываетъ отъ соблаженія діавола и отъ злыхъ челоувѣтъ. Богъ бо не хочетъ зла челоувѣкомъ, но блага, а діаволъ радуется всему злему, творимому въ челоувѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хочетъ убійства и кровопролитя, подвизна свары, и убійства, и зависти, и братоненавидѣнія, и наклеветы]. Странѣ убо сѣгрѣшивши коей любо, казнить Богъ смертию, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождемъ, и иными различными казнями. Аще ли покаявшеся будемъ, в немже вы Богъ велитъ быти,—глаголетъ бо намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ (Іоил. 2, 12), [въ всемъ волю божию творяще,] да аще быхомъ в заповѣдехъ Божиихъ пребыли: то и сдѣ ходяще примемъ благаа земнаа, и по ошествіи свѣта жизни вѣчнаю. Но мы присно, акы свиния, въ калѣ греховнѣмъ валяясь, грехи къ грѣхомъ прилагающе, въ всемъ гнѣвѣще Бога, злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомъ глаголетъ къ намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоции каменосердци, лениви есте творити волю; того ради удержахъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и ише земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казнями, то и

[Братие, тяготу грѣховную оттрисуще отъ себѣ, въспряимъ яко отъ сѣна таяма, отъ безаконии и отъ сѣблзвнѣ нашихъ, въ нихъ же погрязнувшем не можемъ възвизнѣти, ни възрѣти на высоту небесную, нъ въ безаконнихъ нашихъ хоцемъ вся дни своя живущем и скочати, и съконъчаваемъ я лѣвостію грѣховною, и ласкѣрдиемъ омрачивѣюще сердца своя, не помышляюще] казни Божия аже и на ны по вся дни приходятъ за грѣхы наша, ведрѣмъ, градѣмъ, славою, гдадѣмъ, морѣмъ, болѣзнями, ратьми, напастями. [Гѣми бо кажа обрацаетъ ны къ себѣ Богъ и казни на ны посылаетъ временныи, разумѣти намъ веля и тѣми вы веля вѣчныи муки гонезнѣти,] аще раскаявшеся къспятъ пакы възвратимся на правдѣное житие, въ немъ же вы Богъ вьсѣгда велитъ жити. Глаголетъ бо самъ пророкъ къ намъ: обратитесь къ мнѣ всѣмъ срдцѣмъ вашимъ, постѣмъ и плачѣмъ, и вѣплѣмъ. Да аще сне будетъ въ васъ, то надежу имаемъ вьсѣхъ грѣхъ прощени бывше, отраду приати. [Нъ не видимъ васъ въ церкви събирающься, ни възвращающься никого же отъ злобъ своихъ], нъ акы свиния въ калѣ грѣховнѣмъ присно калающься и акы пси на своя блювотнии възвращающься, тако пребываете. Тѣмъ же [не тѣрпѣя зѣлобъ нашихъ] Богъ пророкъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси,

такое не обратитесь ко мнѣ (Амос. 4, 7—9). Сего ради виноградъ вашъ и древа всякая, носящая плодъ, и нивы, и все истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалу различныя напасти, [явкли пока- явъшеси истигнетеся отъ злобъ вашихъ]. Послахъ на вы смерти тяжкия, и на скотъ вашъ, [и отяхъ отъ васъ утѣху всяку пищу вашу,] но и ту не обратитесь ко мнѣ, во рѣсте: мужаемся. Еще доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы убо уклонившесе отъ путіи моихъ, глаголетъ Господь, [и сами погибосте съ своїми безаконіи.] и ины многи съблзанисте. Сего ради буду свидѣтель скоро на противныя, и на прелюбодѣя, и на клеушца ся именемъ Моимъ, и лишаяща мзды наймшику, и насильствующа сиротѣ судъ неправъ. Почто презрѣсте словеса моя, и уклонистесе отъ закона моего, и не скранисте оправданіи моихъ? Обратитесь ко мнѣ, глаголетъ Господь, и азъ обращаюся къ вамъ, и отверзю хляби небесныя, и възращу отъ васъ гивъ Мой, дондеже въ всемъ изобилуете, и дамъ всяко обиліе вамъ, и долгъ гѣта ваша створю. Но вы присно неправдѣ пребываете, словеса глаголете жгива, усты же чтите мя, глаголетъ Господь, а сердце ваше далече отстоитъ отъ мене (Ис. 29, 13). Того ради ихже просите и не приимете, и будетъ бо, рече, егда призовете мя, и не послушаю

и шия желѣзна выя твоя; того ради удръжахъ отъ васъ дѣждь, предѣлъ же единъ одѣждихъ, а другаго не одѣждихъ и истше; поразихъ вы зноимъ, и различными язми, то и тако не обратитесь къ мнѣ [нѣ рекосте: створимъ зѣлая, да придуть на ны добрая, пожрѣмъ студеныцемъ и рѣнамъ, истѣмъ да улучимъ прошения своя]. Сего ради виноградъ вашъ, и смокви ваша и нивы и дубравы истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти. Послахъ на вы различныя болѣзани, и съмърти, и на скотѣхъ казнь свою показахъ; то и тако не обратитесь, въ рѣсте: мужаимъся. Доколѣ не насытитесь зѣлохъ вашихъ? [Руки бо ваша и ноги ослаблены суть къ цѣрквамъ и къ добрымъ дѣломъ, а на игрища и на трѣбы, и на проиривая дѣла убыстрены; цркви стоятъ зарастѣше, а игрища утлачены грѣховными плясавии. Да како вы хочете милovati Богъ бѣсовская угодна зѣлобу, ни на проказы створилъ Богъ, въ на сыновство себѣ. Понося же нашему невѣрью, самъ владыка рече: аще есмь отецъ вамъ, то гдѣ есть слава моя? аще есмь Господь вамъ, то гдѣ есть боязнь моя? Обаче не нарицаете си Бога на земли, ни въ рѣкахъ, ни въ источницѣхъ, ни на аярѣ; азъ бо рукою моею утвердихъ небо; азъ на водахъ основахъ землю; азъ поточихъ источники и рѣки на пищу

вась; възшцють мене злѣи, и не обрящють (Притч. 1, 28): не възсхотѣша бо, рече, путемъ моиѣ ходити. Да того ради затворяеть Богъ небо, и не пушцаеть дожда, ова ли злѣ отверзаеть, градъ пушцаа, и мразомъ плоды погубляа, и землю зноемъ томя, нашихъ ради беззаконїи. Аще ли ся покаемъ отъ злѣи нашихъ: то аки чадомъ намъ подасть Богъ вса благая, и одождитъ намъ дождь равъ и поздевь, и наполнятся гумна ваша пшеници, и въздамъ вамъ за лѣта, яже пружи и хрустове, сила моя великаа, юже послахъ на вы, глаголетъ Господь вседержитель (101л. 2, 23—25).

Се слышаше, подвигнемся на добро; възшците судъ, избавите обидимаго, и на покаянїе прийдѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовїю приплетемся Господеви, постомъ и рыданїемъ и слезами омывающе прегрѣшенїа ваша, не словомъ нарицающеся христїане, а поганскїи живуще. [Се бо не поганскїи ли творимъ? Аще кто урещеть черньда или черницю, то възвращаются, ли свїанїю, ли ковь лысь: то се не поганскїи ли есть? Се бо, по дьяволу наученїю, ковь сїю держать. Друзи зачяханїю вѣрують, оже бываетъ многажды на здравїе главѣ;] но сими дьяволъ лстїтѣ и другими нравы, и всическими лстгми пребавляемы отъ Бога, влѣхвованїемъ, чародѣанїемъ, блудомъ, заплюствомъ, рѣзонанїемъ,

человѣкомъ и скотомъ; азъ рукама моиима създахъ человекъ, вса покорихъ подъ възвѣ его овьца и вола вса, еще же скоты полскыя и птица небесныя, и рыбы морскыя, и прѣсмькающаея по земли. Заковъ мой истивьвъ бѣ съ нимъ, дахъ ему жизнь и миръ и дахъ ему боязнью боятиса мене и отъ лица имене моего боятиса ему]. Вы же уклонистеся отъ путии моихъ, глаголетъ Господь, и съблзанисте многы. Се-го ради буду съвѣдетель скоръ на противныя, и на прелюбодѣица, и на кльнуущаея именемъ моимъ въ лѣжу, и на лишающаа мѣзды наимъника, и на сїаьствующаа сиротъ [и въздовици, и на укланяющаа] судъ кривѣ. Почто не съдѣраестеся отъ грѣхъ вашихъ, нѣ уклонисте законы мои и не съхранисте ихъ? Обратитесь убо къ мѣи, и обрящюся къ вамъ, глаголетъ Господь вседержитель, и азъ отвѣрзу вамъ хляби небесныя, и възвращю отъ вась гнѣвъ мой, донѣдеже все уобилю вамъ. [Не имуть извемоци виногради ваши ви нивы,] нѣ вы отяжьчате на ми, слова ваша глаголюще: суетнѣ работани Богу. Тамъ же вижю, яко усты тѣчию приближаетеся къ мѣи и устынама четете ми, а сердце ваше далече отстоить отъ мене, глаголетъ Господь. Того ради ихъ же просїемъ, не улучаемъ; будетъ бо, рече, егда призовете ми, азъ же не послушаю вась; възшцють мене злѣи, и не обрящють: не възсхотѣша бо ходити путемъ

приклады, татбою, и лжею, монимъ, [нѣ уклонишася въ завястью, клеветою, зубами, слѣдъ суетьныхъ бѣсъ, и поскоморохі, гусльми, сапѣми клонишася тваримъ руку свои всякими играми и дѣлеси ею]. Да того ради затваряеться неподобными. Видимъ бо и іна небо, ово ли злѣ отвѣраеть. злаа дѣла: вся дръзливн на ся, градѣмъ въ дѣжда мѣсто піанство, и на блудъ, и на пуцаа, ово ли сланою плоды игры злыа, иже нѣсть лзѣ узпаблян и землю ведрѣми томи христіаномъ тако творити. нашихъ ради злѣобъ. Нѣ аще

сея предреченыхъ всѣхъ злѣобъ отвѣржемъ, то яко чадомъ своимъ подасть намъ вся прошения, и одѣждити на вы дѣждь ранѣ и позднѣмъ, и напѣлнаться гумьна пшенице, [и прѣлѣются точила винная и елѣина,] и въздаемъ рече, за лѣта, яже по яша пружи и хрустове [сѣрие и усѣиця]; сила бо моя великая, яже посляхъ на вы, глаголетъ Господь вседержитель.

Се слышате [чада възлюбленная наказанія гласу Господню, останѣмся отъ злѣобъ вашихъ], навикнѣте добро творити, възшѣте суда, и избавите обидимааго, на показаніе устрѣмитесь, [протѣрѣте зарастшая пути къ церквамъ, быстра теченія створите на добро ногама вашима], никому же въздающе зло за зло, ни клеветы за клевету, нѣ любовию прилѣпитесь Господеви [Возѣ вашемъ], постѣмъ и рыданиемъ, слъзми отмывающе вся прѣгрѣшенія [отъ всего зла огрѣбающеся, блазѣмъ же прилѣпляющеся, братолюбиемъ цвѣтуще, не гѣчию послушающе ученія; нѣ сѣтво-рающе повелѣная намъ], не словѣмъ нарицающеся тѣкмю крѣстьяни, а поганьокы живуще. [Никѣто же бо слышавіемъ оправдаеться отъ Бога, нѣ твория правду приять бываеть Богомъ, и на того очи свои отвѣраеть и уши свои къ молитѣ его прилагаеть. Не всякъ бо, рече, глаголай мнѣ „Господи, Господи“ въидеть въ царство небесное, нѣ творя волю отца моего. Се же есть воля отца небеснаго чистота възрѣжаніе отъ всего, пощеніе, милостыни, покаяніе. Аще и слышу многы глаголюща: то что есмь створилъ, да ми ся покаятя естъ? Нѣ то же и сотова глаголетъ, величаниемъ и злобою отпадъ лица Божия и славы; то что дѣя створилъ есмь Богу? Нѣ слышите дѣла его, кака ти суть. Сицѣ помысли въ собѣ глаголя, яко да поставлю прѣтоль свои на звѣздахъ и буду подобенъ вышнему; да того ради съвѣрженъ бысть съ небесе и съ оступными силами, иже прѣльщеніемъ отъ Бога оступльше бѣсѣми претворишася. Не довѣлъ же ему своя злѣоба, нѣ и Адама въ ран суца прѣслушаниемъ прѣльсти, и прѣступника заповѣди Божия сѣтвори его, и сѣмьрти повинна; третнее же Богъ ся твора, лѣстною вся

человѣки съврати съ пути Божія, и муцѣ вѣчнѣи повинныи створи ны, и одинако вѣсѣмъ ровѣ пагубныи ископаваеъ. Тако ти естъ зѣлоба неприязниини, таково лукавство присно сѣ зѣлу радуеъ, а добра убѣгаеъ,] присно многими кѣзньми человѣки врагы Богу сѣтваряеъ всякими лѣстыми прѣбавляя ны отъ Бога трубами и скобрахы, и инѣми игръми вѣкъымъ къ собѣ гоусльми, свирѣльми, пласлени, смѣхы, пуштошьныи лѣжами, сѣрящами, кобыми, вѣльшьбами, клеветами, татьбами, разбон, блудьмъ, пьянстьемъ, завистьми, вражении. [Да егда бы намъ добрыи дѣлы вѣоружьшеса на ны нобѣднѣи же и, тѣгда мы одинако къ вѣсѣи зѣлобѣ его сластьно пририщемъ и приемлемъ зѣлонравыа его кѣзни, да того ради въ казни Божія вѣпадаемъ присно. Нѣ да вѣзненавидимъ его и сѣ прѣльстныи тѣми делесы, яко же сѣ обѣщаномъ на святѣмъ крѣщении рекуще: отрицаемъ сѣ сотоны, и вѣсѣхъ дѣлъ его, и вѣсѣхъ службѣ его, и вѣсѣхъ злобѣ его, яже выше слышасте, и обѣщаваемъ сѣ единому Богу, творящему всю тварь видимую и невидимую, и вѣруемъ въ святую троицю, въ нераздѣльну, въ несъядану, прѣвѣчну, безначальну, бесконьчѣну, въ единомъ божествѣ, неразлучно славиу равночѣстну и равнѣнопрѣстольну, едино божество въ трѣхъ, едина дѣржава, и едино царство, и едино господство, едина чѣсть, и покланниа равнѣно вѣздаемъ имъ, отъ всякоя твари и всего дыхания купно, Отцю и Сыну и Святому Духу ныне и присно и въ вѣкы вѣком.]').

Вторая часть поученія преп. Феодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ больше чѣмъ на половину состоятъ изъ отрывка Златоустаго „Слова о постѣ и покаяніи“. Такъ какъ этотъ отрывокъ въ томъ же самомъ объемѣ помѣщается въ богословскихъ вопросахъ и отвѣтахъ Анастасія Синаита (именно въ отвѣтѣ первомъ), входящихъ въ составъ Свято-славова Изборника 1073 года; то нѣтъ сомнѣнія, что составитель поученія съ именемъ преп. Феодосія Печерскаго пользовался однимъ изъ списковъ этого Изборника, составленнаго еще въ Болгаріи. Это подтверждается и сходствомъ текста отрывка изъ Златоустаго съ текстомъ соответствующей части поученія преп. Феодосія Печерскаго.

¹⁾ Текстъ „слова о вѣдрѣ и казняхъ Божіихъ“ приведенъ по изданію И. И. Срезневскаго въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малопѣтскихъ и нечѣтскихъ памятникахъ“, С. Петербургъ, 1867 года, вып. III, стр. 36—42.

Б) И се пакы, егда стоимъ „Да исправиться, рече, мо-
въ церкви: то како събемъ литва моя, аky тьмянъ прѣдъ
смѣтиса, или шепоть творити? Тобою, въздѣяние руку моею
Припадаетбо окаянный діа- жертва вечерняя“. Да аште
волъ и влагаеть въ ухо наше ничтоже рудъ твои имата
смѣхъ, и шелоть, и миа непод- грабленаго, то добръ възпие-
добнаа творити; въ церкви сто- ши: „въздѣяние руку моею“
аще предъ небеснымъ царемъ: рекуй. Оглядай убо рудъ си
какіа муки вѣсть мы достойни? и испытай о немъ, да аште ни-
Ты же, брате, стоа въ церкви чесо же имата грабленаго и
и видиши кого неподобно сто- нечистааго [то тѣгда глаголи
аща, възбрані ему я повоси съ упѣваннемъ: да исправиться
ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ молитва моя]. Аште ли еси
страхомъ и любовию другъ дру- чьто грабилъ, или сѣтворилъ
гу стоимъ на молитвѣ и воисти- отъ отречевныхъ, то не въ-
ну молищеса речемъ): „да ся ис- спий, ни руку възвышай, донъ-
править молитва моя, яко ка- деже зѣла ся останеши. Аште
дило предъ Тобою, въздѣние бо я възможеши възвышати и
руку моею жертва вечерняя“. попуштениемъ Божиємъ: те мо-
Да аще рудъ твой ничтоже литва ти будетъ аky гноусьна
имата грабления, добръ то гла- и съпроста не възидеть на не-
голеши, река: „въздѣние руку бо. Нѣ и ты услышиши: егда
моею“. Оглядай убо рудъ си и рудъ свои простреши къ мнѣ,
испытай о немъ, да аще ничто- отъвращту очи свои отъ тебе,
же имата грабления и нечис- и аште умножиши молитву, не
тааго [рѣзоиманья]. Аще ли еси послушаю тебе, — рече Го-
грабилъ, [или приклады ималъ, сподъ¹⁾].
или корчемный прикупъ, или
кого чѣмъ приобидѣлъ еси], еже
святое писание отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си,
дондеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеши въздѣти
рудъ си попущениемъ божіемъ: то молитва ти будетъ гнусна
и неприятна Богомъ. Но слыши [Господа глаголюща про-
рокомъ]: егда рудъ твои простреши ко мнѣ, отвращу очи
свои отъ васъ, и аще умножиши молитву, не послушаю
тебе, глаголетъ Господь [рудъ твои исполъ неправды].

Третья и четвертая части поученія преп. Ѳеодосія Пе-
черскаго о казняхъ Божіихъ представляетъ сходство съ осо-
бымъ поученіемъ „о праздницѣхъ господскихъ“ и о пьян-
ствѣ. Въ разныхъ спискахъ оно надписывается различно, —

¹⁾ Отрывокъ Златоустова поученія „о постѣ и покаяніи“ приведенъ нами по фототипическому изданію Святослава Изборника 1073 года, С. Петербургъ, 1880 г., изъ перваго вопроса Анастасія Сиваята, л. 30 и 31 по новому счету.

или „словомъ св. отецъ о пьянствѣ“¹⁾), или словомъ „св. великаго Василія о томъ, како подобаетъ воздержатися отъ пьянства“, и входитъ въ составъ поучевія преп. Θεодосія Печерскаго не все, а только въ некоторыми частями своими. Намы нашли это слово съ въскольکو явнымъ заглавиемъ, именно „слово св. отецъ поученіе о праздницѣхъ господьскихъ Василія Новаго“, и притомъ въ такомъ объемѣ, который всецѣло входитъ въ составъ поученія преп. Θεодосія Печерскаго и вполне соотвѣтствуетъ третьей и четвертой ея частямъ. Этимъ словомъ мы и пользуемся для сличенія съ нимъ соотвѣтствующихъ частей поученія преподобнаго Θεодосія Печерскаго²⁾.

В) [И се, възлюбленная чада, будете въдуше:] Святѣи отци наши уставили постныя дни по наученію господню и по заповѣди святыхъ апостоле, свята праздники праздновати духовно заповѣдаша, а не телесно, не чреву работающе безгоднымъ пьянствомъ, но Богу молящеся о своихъ сѣгрѣшеніихъ, немощныя накормляюще съ собою в подобно времѣ, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ живыхъ съ небесе снесено, иже глаголется, хлѣбъ аггельскый есть человекъ, брашно посла имъ до избылія, рече писаніе святыхъ книгъ. Тако праздновати свята праздники, якоже велеть святѣи; тако и сами творили [и спаслися суть]. Все же любовію творяще: бес тоа бо никоя же добродѣтель при-

Святѣи отцы уставили поста выя дни по наученію Господню и по заповѣдемъ святыхъ апостоле [Рождество Христово уставили Иванъ Златоустъ, а крещеніе Василей рекомое Богоявленіе, а Паску Григорей Богословецъ]; уставили праздновати духовно, а не телесно не чреву работающе безгоднымъ пьянствомъ, но молящеся Господеви освоемъ сѣгрѣшеніи, немощныя накормляюще съ собою в подобно времѣ, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ брашномъ. То же брашно [ложити] въ сосудѣхъ книжныхъ снесено съ небеси. [О томъ же брашнѣ есть речено], иже глаголется хлѣбъ аггельскый есть человекъ, брашно посла имъ до избылія [дому твоего; домъ Божій и святѣи церкви, а питіе книжная словеса; а еже упоют-

¹⁾ „Обзоръ русской духов. литературы“, Филарета, изд. 3, С.Петербургъ, 1884 г., стр. 12, и въ ст. Вацковскаго.

²⁾ „Слѣдствія и замѣтки“ И. Срезневскаго, 1874 г., стр. 321 и сл.

носятся къ Богу,—и мирно живуще не токмо съ други, но и со враги, но съ своими враги, а не съ Божиими. Свои же намъ враги суть: аще кому кто или сына, или брата заглазъ бы предъ очима,—все тому прости и отдати. А божіи суть враги: жидове, еретицы, держаще кривую вѣру и пращенса по чюжей вѣре.

яко в рудѣ Богу влагающе. Миръ же держите] не токмо с любимыми, но и съ враги своими, а не з Божиими. [Вѣдомо же буди, чтож] свои враги суть: аще кто кому сына или брата заглазъ предъ очима его, то отдати ему и прости его. А суть Божіи враги: жидовъ и еретици держатъ кривую вѣру [совращающеса на иновѣріе], и пращенса по чюжей вѣрѣ, [и кваляще чюжую вѣру и двоувѣріе любяще; то с тѣми мира николиже не держати, ни любви, дондеже останется того, то же ся с ними смирити о Христѣ].

Г) На праздники же великіа пировъ не творити, піанства бѣгати, испіти мало и блюсти душа своя, и стеречи часа, в онже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, яко же Петръ апостолъ рече: братія, будите трезви, якоже супостатъ вашъ діаволъ ищетъ піаныхъ, да я пожретъ. О горе, паки реку, о горе пребывающимъ въ піанствѣ! Піанствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе и злаго бѣса привлчимъ къ себѣ, и Святаго Духа далече есмь піанства ради, [а близъ ада], и слова Божія не имуще въ устѣхъ своихъ, гнилі ради піанственныа. Бѣси бо ради бывають о нашемъ піанствѣ, и радующеса приносять къ діаволу жертву

ся, рече умудрится книжными ученymi. Да се слышавше, братіе, подвижемся] тако праздновати святые праздники, якож [Василей Великій и все] святин велати, також и сами дѣяли. Все же с любовію творящи; без тоа бо никакая добродѣтель приносится къ Богу,—и мирно живущей [и подарующе себѣ, и къ учителемъ добрученымъ приходяще, и потребная имъ приносяще, и то бо

На праздники ж великіа пировъ не дѣяти, піанства бѣгати, испивати мало, блюсти душа своя и стеречися, в онже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ глаголетъ: братіе, трезви будете, яко супостатъ вашъ діаволъ ищетъ піаныхъ, да и псжираетъ. О горе, како ся пьянымъ ухоронити, а лежача яко и мертвымъ, а отъ Бога отбѣгшимъ піанства ради, и удалѣвшимися отъ Святаго Духа смрада ради піанственнаго, и слова Божія неимущимъ во устѣхъ своихъ гнилі ради піанственныа. И аггелу хранителю отбѣгшу и плачущеса піанства ради, бѣсомъ же веселящуся о пьяницахъ и радующеса, приносять жертву ко діаволу

[пьянственную] отъ пѣицы; волю отъ пѣицы; диаволъ же диаволъ же радуся глаголетъ, радуся глаголетъ, яко николиже тако веселюся и радуся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пѣиствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пѣицахъ суть. [Писано бо есть], яко и поганыхъ ненавидитъ и отвращаетъ отъ нихъ. Но толико супостатъ нашъ радуется о нашемъ пѣиствѣ, [а искои бо не хощеть добра роду человѣчю] и глаголетъ, яко мои суть пѣици, а трезвици суть Божіи. И посылаетъ диаволъ бѣсы, рекъ: идѣте поучайте христіаны на пѣиство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Ангели же святіи приходяще повѣдали се святымъ отцамъ с печалию великою, да быша писаньемъ отлучилі христіанъ отъ пѣиства, а не отъ итъа [іно бо пѣиство есть злое, а ино пѣе] въиру, и въ законъ, и въ подобно время, и въ славу Божию. Святіи же отци, написавше честное се святое правовѣрное учение, предаша христіаномъ, на провоженіе жизни сеа и на причастіе вѣчна жизни, да кто послушаетъ сего явила святыхъ отецъ і поживетъ лѣта своя, творя волю Божию, житель будетъ вѣчна жизни, а непослушавшей сихъ книгъ осуженъ будетъ съ диаволомъ въ муку вѣчную. Се слышаще, братіе, подвижемся работати Господеви и заповѣди Его творити, и въ законъ Его поживемъ вся дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, ему же

яко николиже тако веселюся и радуся о жертвахъ поганыхъ чело- вѣкъ, якоже о пѣиствѣ от христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія за ними суть. [И лутче ми суть пѣицы и запойцы отъ крестьянъ, нежели отъ поганыхъ идоломольцовъ;] яко и поганыхъ Богъ наидитъ, а пѣицы ненавидитъ, и гнушается ихъ; азъ же радуся о нихъ, яко мои суть пѣици, а трезвици Божіи. И се рекъ диаволъ и рече бѣсомъ: идите научайте крестьяны на пѣиство, и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Ангели же святіи приходящимъ повѣдаху святымъ отцемъ с великою печалию, да быша писаньемъ отлучили крестьянъ отъ пѣиства, а не отъ пѣе, еже въ иѣру въ подобное время, въ законъ и въ славу Божию. Святіи же отци, написавше честное се учение вѣрно, предаша крестьяномъ на провоженіе жизни сеа и на причастіе жизни вѣчна, да кто послушаетъ сего правила святыхъ отецъ и поживетъ въ трезвѣ умѣ, дѣла творя достойна Богу, и [зи]житель будетъ вѣчна жизни [наслаждаяся вѣчныхъ благъ]; а кто не слушающа, осуженъ будетъ со диаволомъ въ муку вѣчную. И се слышавше, братіе, подвижемся трезвымъ умомъ работати Богу, и заповѣди Его соблюсти, и въ законъ Его поживемъ день и ноцъ, сла-

слава съ Отцемъ и с Святымъ вѣще Святую Троицю, Отца и Духомъ и вѣня і присно. Сына и Святаго Духа вѣнѣ и присно ¹⁾).

Что же слѣдуетъ изъ сдѣланнаго нами сопоставленія текста поученія преп. Феодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ съ его источниками? Прежде всего отсюда слѣдуетъ заключеніе, что поученіе это—компильтивнаго характера. Если даже и согласиться съ мнѣніемъ г. Вадковскаго, будто бы различныя части этого поученія, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, соединены между собою чисто вѣщнымъ механическимъ образомъ; то и въ такомъ случаѣ нужно предположить компильтора, который бы сшилъ эти части вѣсть, и притомъ такого компильтора, который пользовался древнѣйшими памятниками славянорусской письменности, Златоуструемъ болгарскаго царя Симеона и Изборникомъ, дошедшимъ до насъ въ копіи 1073 года съ именемъ князя Святослава. А эти источники поученія приближаютъ начало его происхожденія именно ко времени жизни преп. Феодосія Печерскаго, который поѣтому и можетъ быть признанъ за искомаго компильтора поученія. Не довѣряя, по смиренію и недостатку систематическаго образованія, своимъ собственнымъ силамъ и питая благоговѣніе къ переводной святоотеческой литературѣ, преп. Феодосій пользовался лишь готовыми источниками и матеріалами для назиданія братіи и народа и приспособлялъ ихъ къ нуждамъ слушателей. Это нужно сказать не только относительно поученія о казняхъ Божіихъ, но и относительно поученій преп. Феодосія Печерскаго къ инокамъ, написанныхъ подъ сильнымъ вліаніемъ преп. Феодора Студита, которое и доселѣ еще не опредѣлено надлежащимъ образомъ и въ позномъ его объ-

¹⁾ См. мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. музея“, стр. 448, л. 272 наоб. Вѣсьма вѣроятно, что это сложе заимствовано изъ произведеній Григорія, ученика Василія Новаго, такъ какъ не противорѣчитъ содержанію и духу этихъ произведеній.

емъ. Что же касается поученія о казняхъ Божіихъ въ частности, то оно, не смотря на свой компилятивный характеръ, вовсе не представляется для насъ лишеннымъ единства мысли и связи между различными его частями. Поученіе вызвано, какъ догадывается преосвященный Макарій, — побѣдою половцевъ надъ русскими князьями въ 1067 году и вспыхнувшимъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ Кіевѣ мятежемъ, имѣеть въ виду доказать, что различныя бѣдствія и нашествія поганныхъ посылаются отъ Бога христіанамъ за грѣхи ихъ, дабы они покаялись въ нихъ, и затѣмъ обличаетъ самыя эти грѣхи по категоріямъ, какъ напр. неблагоговѣнное стояніе въ храмѣ Божіемъ на молитвѣ, несоблюденіе постовъ и праздниковъ и пьянство. Соотвѣтственно главной цѣли и мысли своей, авторъ или компиляторъ съ одной стороны опускаетъ изъ источниковъ своихъ мѣста, или не идущія къ условіямъ тогдашней жизни русскаго человѣка, или не соотвѣтствующія предположенной цѣли и главной мысли, а съ другой — прибавляетъ отъ себя нѣчто новое и характерное. Предоставляя желающимъ прослѣдить самимъ пропуски въ источникахъ и дополненія въ поученіи¹⁾, сдѣланныя его авторомъ или компиляторомъ, мы замѣтимъ только о самомъ началѣ поученія, которое вставлено авторомъ и, повидимому, прямо указываетъ на нашествіе половцевъ и мятежъ въ Кіевѣ, подавшіе поводъ къ составленію и произнесенію поученія. „Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, — говорится здѣсь, — казнь каку любо, или *помямля*, зане не встигнемся къ Богу; а *усобнаа рать* бываетъ отъ соблажненія діаволя и отъ злыхъ человѣкъ“.

Что же касается главныхъ доводовъ А. Вадековскаго, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ принадлежность поученія о казняхъ Божіихъ преп. Θεодосію Печерскому, то они не имѣютъ для насъ значенія. Мы вполне согласны

---

¹⁾ Тамъ и другія поставлены у насъ въ скобкахъ: въ первомъ столбцѣ — вставки въ поученіе, а во второмъ — сокращенія источниковъ.

съ г. Срезневскимъ и Вадковскимъ, что поученіе сохранилось въ лѣтописи въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ въ сборникѣ, и это нисколько не удивительно и весьма понятно, такъ какъ списокъ сборника относится къ болѣе позднему сравнительно времени, именно къ XV вѣку; но отсюда, по нашему мнѣнію, нельзя вывести никакого другого заключенія, кромѣ заключенія о разновременности списковъ или, пожалуй, редакцій разсматриваемаго поученія. Никакого другого заключенія не выводилъ и покойный Срезневскій. Мы вѣримъ также, что первая часть поученія съ именемъ преп. Θεοδοσία Печерскаго о казняхъ Вожиныхъ не только заимствована изъ Златоотруя болгарскаго царя Симеона, но и имѣетъ своимъ первоисточникомъ какой-либо греческій оригиналъ, доселѣ впрочемъ не указанный¹⁾, и съ своей стороны указываемъ еще новый греческій источникъ этого поученія. Но греческіе источники не мѣшаютъ, а разнообразіе ихъ даже заставляетъ предполагать одного компилятора его или автора, каковымъ мы и считаемъ, согласно надписанію поученія въ сборникѣ, преподобнаго Θεοδοσία Печерскаго.

Н. П.

---

¹⁾ Греческаго оригинала поученія изъ Златоотруя не указано даже въ спеціальномъ „Исследованіи Златоотруя“ В. Малинина, Кіевъ, 1878 года.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

ЛѢТОМЪ 1886 ГОДА.

(Продолженіе¹⁾).

Вторникъ, 27 мая.

Послѣ спокійно проведенной ночи я всталъ около шести часовъ и тотчасъ же отправился на ютъ. Прекрасная панорама Константинополя открылась снова предъ моими глазами и, казалось, въ еще болѣе блестящемъ видѣ. Не хотѣлось отрываться отъ нея. Какъ будто не хотѣлось итти снова и въ городъ,—не хотѣлось видомъ его грязныхъ улицъ портить производимое имъ издали пріятное впечатлѣніе. А между тѣмъ мы еще вчера порѣшили итти въ него снова. Впрочемъ въ настоящій день предстояло намъ осмотрѣть часть города, населенную европейцами: само собою предполагалось, что она чище и произведетъ лучшее впечатлѣніе. Проводникомъ нашимъ и на этотъ день обѣщался быть тотъ же о. Іоаннъ. Но такъ какъ въ этотъ день предполагалось просто осмотрѣть городъ, а не какія-либо его религіозныя учрежденія, то проводникъ-монахъ казался намъ неудобнымъ. И самъ онъ, пріѣхавши къ намъ на пароходъ, уклонился отъ роли проводника, указавъ намъ на служащаго при нихъ подворья свѣтскаго человѣка, уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, живущаго въ Константинополѣ и потому хорошо знакомаго съ нимъ. Съ нимъ мы и отправились въ Галату, Перу и далѣе. Пройдя нѣсколько улицъ по Галатѣ, мы вошли въ туннель, сѣли здѣсь въ вагонъ

¹⁾ См. Труды Киев. Дух. Акад., апрѣль, 1887 г.

железной дороги и чрезъ минуты три-четыре оказались въ Перѣ.

Галата и Пера—части или точнѣе предмѣстья Константинополя, населенныя преимущественно европейцами. Въ Перѣ помѣщаются дома посольствъ, консульствъ, главныхъ гостиницъ, европейскихъ купцовъ. Сообщеніе главное между Галатою и Перою происходитъ посредствомъ указанной выше железной дороги. Улицы Перы также не особенно широки, сравнительно съ улицами напр. Кіева; но онѣ содержатся чисто. Громадные дома въ пять и болѣе этажей идутъ съ той и другой стороны. Какъ и само собою понятно, всѣ нижніе, а иногда и верхніе этажи ихъ, заняты магазинами, пивными и т. п. общественными учрежденіями. Какъ то непріятно подѣйствовали на меня выставленныя цѣлыми рядами у дверей магазиновъ и на балконахъ чучела мужскія и женскія, одѣтыя въ самые разнообразныя костюмы. Видишь: стоитъ цѣлое общество мужчинъ или женщинъ, иногда виѣствъ тѣхъ и другихъ; наряды ихъ блещутъ роскошью; арміи румянецъ покрываетъ ихъ щеки; ждешь энергическаго проявленія ихъ жизни въ жестахъ, въ движеніи, и виѣсто того леденящая душу неподвижность, точно смерть застала ихъ вдругъ. Присматриваемся къ цѣнамъ, обозначеннымъ на товарахъ, находя ихъ дешевыми сравнительно съ нашими. Съ удовольствіемъ видимъ домъ русскаго консульства, заходимъ во дворъ дома русскаго посольства: зеленая группа деревьевъ и цвѣтовъ предъ домою мацить къ покою. Въ Перѣ обращаетъ на себя вниманіе большая греческая церковь, съ двумя высокими изящными колокольнями. Не о ней ли говорилъ мнѣ какой-то грекъ, когда мы плыли еще по Босфору, что турки, желая загородить видъ на греческую церковь съ Босфора, построили предъ нею мечеть. Дѣйствительно, съ Босфора не видно этой церкви. Проходимъ мимо железныхъ рѣшетчатыхъ воротъ видѣющагося въ прекрасной рошѣ большого зданія учебнаго заведенія. Выйдя изъ улицы, оказываемся предъ турецкимъ

кладбищемъ, такъ называемымъ „Большимъ полемъ мертвыхъ“ въ отличіе отъ „Малаго поля мертвыхъ“, тоже турецкаго кладбища на другой сторонѣ Перы. Входимъ на кладбище. Турецкое кладбище не поражаетъ посѣтителя великолѣпіемъ и разнообразіемъ надгробныхъ памятниковъ: въ этомъ отношеніи оно далеко уступаетъ христіанскимъ кладбищамъ большихъ городовъ. Мы замѣтили на немъ лишь два-три памятника изъ бѣлаго мрамора съ позолотою; большинство же ихъ состоятъ изъ простыхъ каменныхъ столбовъ и плитъ; круглый столбъ съ шейкою и феской на верху обозначаетъ могилу мужчины, а плита похожая съ боковъ на женщину, обернутую съ ногъ до головы простынею, стоитъ на могилѣ женщины. Но турецкое кладбище имѣетъ и свои преимущества предъ христіанскимъ: оно во первыхъ всегда обширно и во вторыхъ, тамъ, гдѣ есть возможность, покрыто деревьями, преимущественно кипарисами. По густой тѣни кипарисовъ въ томъ или другомъ мѣстѣ можно указать почти безошибочно существованіе тамъ турецкаго кладбища. Кладбище у турокъ не является такимъ мрачнымъ мѣстомъ, какъ у насъ; наоборотъ оно служитъ мѣстомъ прогулокъ для сосѣднихъ жителей. „Большое поле мертвыхъ“ и обширно и покрыто густымъ лѣсомъ громадныхъ кипарисовъ, испускающихъ изъ себя сильный благовонный запахъ. Я видѣлъ теперь кипарисы въ первый разъ въ жизни, и они произвели на меня сильное впечатлѣніе. Толстый стволъ кипариса недалеко отъ земли распускается широкимъ зонтомъ и потомъ идетъ вверхъ постепенно суживаясь и образуя изъ себя живую блестящую зеленую пирамиду. Своеобразные памятники въ фескахъ, то прямо стоящіе, то покосившіеся, то совсѣмъ лежащіе на землѣ кажутся не мертвыми камнями, а какъ бы живыми людьми, собравшимися сюда отъ дневной жары и ищущими здѣсь въ тѣни покое и пролады. Обманъ этотъ усиливается и тѣмъ еще, что и на самомъ дѣлѣ между памятниками было не мало турокъ и турчанокъ, то стоявшихъ, то задумчиво

сидѣвшихъ; а нѣкоторые мужины и прямо лежали на землѣ. Мы прошли вдоль всего кладбища, любуясь его своеобразнымъ видомъ, вдыхая въ себя благоуханный воздухъ и ощущая въ своемъ тѣлѣ нѣкую нѣгу. Хорошее мѣсто покоя отошедшимъ къ покою. Отъ кладбища мы спускаемся внизъ къ дворцу „Долма Бахче“, расположенному на берегу Босфора, садимся здѣсь въ вагонъ конножелѣзной дороги и отправляемся далѣе къ другому дворцу „Чераганъ“. Благоуханіе дворцовыхъ садовъ даетъ сильно себя чувствовать. Но самые дворцы видны большею частію въ верхнихъ частяхъ. Намѣреніе наше было впрочемъ не осматривать подробно дворцы, а просто сдѣлать общій обзоръ сосѣдней мѣстности. Съ этою цѣлію мы и сѣли на верхъ вагона, а не въ нижнее его отдѣленіе. Особенное вниманіе туземныхъ жителей обращала на себя наша дама, оказавшаяся единственною на верху вагона женщиною: женщины туземныя, имѣющія возможность ѣздить по конкѣ, садятся обыкновенно въ нижнее отдѣленіе и даже въ отдѣльное отъ мужскаго женское купе.

Изъ этой поѣздки мы отправились чрезъ тотъ же, что и вчера, мостъ на ту сторону Золотого рога—въ Стамбуль, дабы видѣть извѣстный большой базаръ, находящійся не вдалекѣ отъ этого моста. Сначала мы попали на базаръ египетскій или москотильный. Различныя лѣкарственныя и приправочныя сладобья лежатъ здѣсь грудями или въ мѣшкахъ, распространяя сильный и острый запахъ. Отсюда мы перешли въ „большой базаръ“. Этотъ базаръ занимаетъ огромное пространство и какъ городъ въ городѣ съ своими улицами и улочками, съ своими пассажирами и перекрестками, съ своими площадями и фонтанами, образуетъ слутанный лабиринтъ, въ которомъ трудно ориентироваться даже послѣ нѣсколькихъ его посѣщеній. Все это огромное пространство покрыто сводами; главная улица базара покрыта сводомъ изъ бѣлыхъ и черныхъ камней, украшеннымъ арабесками, наполовину впрочемъ изглаженными. Дневной свѣтъ прови-

каетъ подъ своды посредствомъ небольшихъ куполовъ, поднимающихся на плоской крышѣ зданія: свѣтъ этотъ мягкій и слабый выгоденъ болѣе для продавцовъ, чѣмъ для покупателей. Отдѣльныя лавки въ этомъ базарѣ похожи на тѣ изъ нашихъ лавокъ, которыя устроятся на случай ярмарокъ въ большихъ торговыхъ домахъ. Онѣ представляютъ собою небольшія углубленія въ стѣнѣ, въ которыхъ на полкахъ сложены товары. Прилавокъ преграждаетъ доступъ въ лавку стороннему. Покупатели стоятъ на улицѣ. Каждая улица базара имѣетъ свою особенную специальность: въ одной напр. продается обувь, изъ которой обращаютъ на себя вниманіе всевозможныя туфли—красныя, зеленныя, простыя и съ позолотою и даже деревянныя на высокихъ ножкахъ; въ другой одежда, въ третьей золото и брилліанты и т. д. Центръ базара составляетъ особенное огороженное пространство, называемое Бецештейнъ (полотняный рынокъ). Въ этомъ Бецештейнѣ находится оружейный рынокъ, составляющій какъ бы самое сердце ислама. Наряду съ новѣйшимъ оружіемъ, разукрашеннымъ дорогими камнями, здѣсь можно видѣть оружіе весьма древнее: напр. тѣ стальные клинки, которыми Саладинъ пересѣкалъ на лету пуховыя подушки, и которые имѣютъ на своей спинѣ столько рубцовъ, сколько они отсекли головъ,—бердыши, принадлежавшіе, быть можетъ, Тимуру, Чингисхану. Здѣсь можно видѣть военные костюмы, сѣдла и чеприки, богато украшенные. Этотъ базаръ считается столь дорогимъ, что не позволено даже въ немъ курить. Мы прошлись по нѣсколькимъ улицамъ базарнымъ, живо интересуясь какъ самымъ зданіемъ базарнымъ, такъ и разнообразіемъ и часто роскошью выставленныхъ предметовъ. Не мало интересовало насъ и поведеніе купцовъ-турокъ,—и доселѣ не могу вспомнить о немъ безъ улыбки. На небольшомъ пространствѣ пола, свободномъ отъ наваленныхъ кругомъ товаровъ, купецъ - турокъ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги; во рту у него дымящаяся трубка съ длиннымъ чубукомъ; глаза его

задумчивы и опущены долу. Шумъ и движеніе, происходящія вокругъ него, ни мало его не беспокоятъ. Онъ не обращаетъ даже вниманія на покупателя, подошедшаго къ его лавкѣ, пока тотъ не вызоветъ его самъ изъ его полузабытья, да и теперь онъ говоритъ съ нимъ очень мало и лѣнливо. Какъ будто онъ сидитъ въ своей лавкѣ за тѣмъ, чтобы сидѣть и курить, а не торговать. Между тѣмъ другой купецъ, не турокъ, кричитъ во все горло, зазывая къ себѣ покупателей: „десять копѣекъ аршинъ, десять коп. аршинъ“! какъ будто у него всѣ товары лишь по десяти коп. аршинъ. Здѣсь въ базарѣ можно видѣть и достаточное число турчанокъ. Закутанныя въ одежду бѣлую, черную или другую какую, оставляющую открытыми лишь глаза, онѣ бойко торгуются съ купцами и, кажется, долѣе, чѣмъ слѣдовало: рынокъ одно изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, куда онѣ могутъ свободно ходить. Народа было не особенно много, но при тѣснотѣ улицъ и это немногое казалось большимъ. Шумъ и крики носились въ воздухѣ, но тембръ голосовъ мнѣ нравился,—и не могу сказать, чтобы крики мнѣ надоедали. Съ базара мы отправились чрезъ мостъ и Галату къ пристави. Здѣсь встрѣтилъ насъ о. Іоаннъ и простился съ нами, пожелавъ намъ счастливаго пути въ дальнѣйшемъ плаваніи. Мы сѣли въ лодку и вернулись на пароходъ. Такъ закончился нашъ осмотръ Константинополя. Есть надежда видѣть его еще разъ на обратномъ пути и восполнить теперь упущенное.

На пароходѣ въ это время происходила усиленная нагрузка. Видоизмѣнилось и палубное населеніе. Здѣсь турки въ фескахъ или чалмахъ и въ широкихъ шароварахъ и турчанки, у коихъ видны только глаза. Тутъ греки и гречанки въ своихъ полуевропейскихъ - полуазіатскихъ костюмахъ, — еврей въ фескѣ и еврейка съ огромнымъ турниромъ, — рускіе богомольцы и богомолки, значительная часть которыхъ осталась впрочемъ въ Константинополѣ до слѣдующаго парохода. Но вотъ пароходъ далъ третій свистокъ и около пяти часовъ снялся съ мѣста. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ

я этого снятія, надѣясь видѣть Константинополь съ юга. Вотъ огибаемъ главный холмъ, выходящій въ Босфоръ. Ясно выступаетъ желтоватая Софія съ своимъ куполомъ и четырьмя минаретами; подлѣ нея какое то очень большое тоже желтоватое зданіе; далѣе бѣлая мечеть Ахмета съ своими шестью куполами; еще далѣе открывается широкій видъ на городъ, раскинувшійся на весьма пологомъ склонѣ мѣстности: ряды домовъ перемеживаются съ полосами зелени, изъ общей массы домовъ выбѣгаютъ вверхъ тонкіе и изящные минареты; за городомъ вдали виднѣтся какое то громадное зданіе четырехугольное съ оградю. На самомъ краю города поднимается почти у воды Семибашенный замокъ съ своими толстыми, круглыми, зубчатыми башнями, извѣстный по страшнымъ воспоминаніямъ, съ нимъ соединяемымъ: въ немъ погибло семь султановъ, безчисленное множество великихъ визирей и другихъ знатныхъ лицъ; въ немъ въ прежнее время султаны держали въ заключеніи посланниковъ тѣхъ государствъ, съ которыми они были въ войнѣ. На противоположномъ азіатскомъ берегу виденъ Кадиккій, древній Халкидонъ, въ которомъ собирався четвертый вселенскій соборъ. За нимъ поднимаются изъ моря Принцесы острова, на которыхъ находится нѣсколько православныхъ монастырей. На одномъ изъ нихъ—островѣ Халки находится высшее богословское училище православныхъ грековъ. Главныхъ острововъ четыре. Первоначально они назывались Демонези. Теперь ихъ называютъ Папа - данисія т. е. острова священниковъ, по причинѣ множества монастырей, на нихъ находящихся; называютъ также „острова принцессы“, по причинѣ благочестивыхъ учрежденій, устроенныхъ здѣсь греческими князьями императорской крови, сохранявшими дѣвство; и наконецъ самое обычное названіе этихъ острововъ—Принцесы острова, потому что они служили дачами принцевъ византійской имперіи. Отъ Принцесыхъ острововъ перевожу снова свой взглядъ на европейскій берегъ. Здѣсь чрезъ часъ пути показалось мѣстечко Санъ-

Стефано. Санъ-Стефано!... При этомъ имени быстро пронеслась предъ сознаниемъ исторiя послѣдней войны Россiи съ Турціей, кровопролитное, но и побѣдоносное шествіе нашего войска впередъ, дошедшаго въ своемъ движеніи до этого именно Санъ-Стефано, омываемаго волнами Мраморнаго моря; быстро пробѣжалъ взглядъ близкое разстояніе между Санъ-Стефано и Константинополемъ, и сердце исполнилось чувства нѣкоторой гордости величіемъ подвига, совершеннаго нашимъ войскомъ: Константинополь былъ у его ногъ... Но воспоминавія о дальнѣйшемъ ходѣ событій послѣ войны готовы были навести мрачное расположеніе духа, и потому я обратился къ болѣе тщательному осмотру мѣстечка. Позади Санъ-Стефано широкое ровное поле и лѣсокъ на немъ: здѣсь, по всей вѣроятности, стоялъ лагерь русскихъ войновъ. Въ самомъ Санъ-Стефано особенно выдается большой, кажется, пятиэтажный домъ. Влѣво (къ югу) отъ него сѣрый трехъэтажный домъ съ крыльцомъ посрединѣ. Въ немъ—этомъ сѣромъ домѣ, по словамъ капитана нашего парохода, подписанъ былъ извѣстный Санъ-стефанскій договоръ, закончившій послѣднюю войну Россiи съ Турціей. Пристально посмотрѣлъ я на этотъ домъ и съ благоговѣніемъ привелъ на память имена главныхъ виновниковъ Санстефанскаго договора. Санъ-Стефано было послѣднимъ мѣстомъ, которое остановило на себѣ мое вниманіе въ этотъ день. Съ наступленіемъ сумерекъ я забрался въ каюту. Здѣсь тоже произошла смѣна въ пассажирахъ. При встрѣчѣ съ новыми лицами иностранцами поразило меня знаніе ими довольно большаго числа чужихъ языковъ. Чѣмъ объяснить это? Быть можетъ, тѣмъ, что эти иностранцы живутъ въ мѣстахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ и знакомятся съ чужими языками съ малолѣтства. Слышенъ довольно сильный плескъ волнъ, разбивающихся о пароходъ; пароходъ покачивается. Подъ шумъ и качанье иду спать.

28 мая, среда.

Проснулся я около шести часовъ утра и тотчасъ же отправился на ютъ. Видны были оба берега—европейскій и азіатскій: мы вступали въ Дарданельскій проливъ; на правомъ (европейскомъ) берегу виденъ былъ городъ Галлиполи. Галлиполи часто упоминается въ военной исторіи Турціи. Онъ былъ первымъ европейскимъ городомъ, впавшимъ въ руки турокъ (въ 1357 г.) почти за сто лѣтъ до взятія Константинополя. Баязеть первый восстановилъ его портъ, его стѣны и построилъ башню, быть можетъ, ту самую, которая и теперь еще видна съ моря. И теперь, когда хотять сказать, что Турція готовится къ войнѣ, говорятъ почему-то обыкновенно объ укрѣпленіи ея Галлиполи. Не могу похвалиться тѣмъ, что съ моря я хорошо разсмотрѣлъ городъ. Видѣлъ слѣдующее. Изъ моря предъ городомъ выходитъ какъ бы цѣлый рядъ скалъ, видна башня; на обрывѣ, обваливающимся большими кусками, стоитъ маякъ; къ сѣверу отъ города большое зданіе съ красною крышею. Самый городъ поднимается амфитеатромъ. На высшемъ его пунктѣ стоятъ высокіе дома. Въ городѣ около десяти минаретовъ. Утреннее солнце ярко освѣщало его. На противоположномъ азіатскомъ берегу виденъ небольшой городокъ Лампсаки, извѣстный неблагоприличнымъ поведеніемъ своихъ жителей. Проходимъ мимо Галлиполи, не останавливаясь. Далѣе проливъ суживается и при мысѣ Нагара становится наиболѣе узкимъ. Въ этомъ узкомъ мѣстѣ, около древняго Абидоса, Ксерксъ приказалъ построить мостъ для перевода своей арміи. Берега не идутъ сплошною стѣною, ни непрерывною равниною, но состоятъ изъ холмовъ, перерѣзываемыхъ иногда цвѣтущими долинами, отрывающими виды вдаль; изъ-за холмовъ ближайшихъ видны поднимающіеся надъ ними болѣе отдаленные, покрытые лѣсомъ. Азіатскій берегъ отличается большимъ плодородіемъ. На томъ и другомъ берегу встрѣчается вѣсколько укрѣпленій, всегда лежащихъ

одно противъ другаго. Очень трудно, если даже не совѣтъ невозможно пробраться сквозь нихъ врагу.

Но вотъ азіатскій берегъ отходить въ сторону, образуя бухту. Въ глубинѣ бухты виднѣтся селеніе съ укрѣпленіями на сѣверной и южной сторонѣ. Это селеніе Ханакъ - Калесси, называемое европейцами Дарданеллами. Какъ бы изъ воды поднимается рядъ домовъ красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, увѣнчанныхъ флагами разныхъ національностей. Занятыми видны лишь крыши другихъ домовъ и выбѣгающіе вверхъ минареты. За селеніемъ, уходя въ синюю даль, поднимаются горы, перерѣзанныя долинами, то желтыя, то зеленыя съ группами деревьевъ. Изъ укрѣпленій болѣе внушительное съ высокою стѣною южное, возлѣ котораго на равнинѣ стоятъ палатки турецкихъ солдатъ. Въ гавани предъ мѣстечкомъ стоятъ нѣсколько пароходовъ и другихъ судовъ. На европейскомъ берегу противъ Дарданеллъ лежитъ также селеніе съ вѣпкимъ круглымъ замкомъ, изъ - за стѣны котораго видна старая башня. Къ сѣверу отъ селенія видна небольшая кипарисовая рощица, смѣло можно сказать, осѣняющая кладбище. Селеніе это лежитъ на томъ мѣстѣ, которое древніе называли Киноссема (гробница собаки) въ воспоминаніе о Гекубѣ, той несчастной царицѣ, которая, по баснѣ, превращена была въ собаку. Мы подошли къ Дарданелламъ около девяти часовъ утра. По обычаю, пароходъ облѣпили и наполнили лодчички, прибывшіе за пассажирами. Наряду съ ними приплыли и продавцы туземныхъ произведеній изъ глины: кувшиновъ съ высокими и узкими шейками и ручками, бочечковъ и другихъ бездѣлушекъ. Все это было раскрашено, расписано разными цвѣтами и иногда съ позолотою. Оригинальными представляются кувшины, и ихъ преимущественно раскупаютъ пассажиры. Вода въ проливѣ сначала была спокойна какъ стекло, но потомъ зарыбила, появились даже барашки. Снимаемся съ якоря около часу пополудни.

Берегъ европейскій до конца пролива болѣе возвышенъ и менѣе плодороденъ, чѣмъ азіатскій. Предъ укрѣп-

леніемъ на концѣ его на равнинѣ, покрытой деревьями, видны какіе-то столбы—я насчиталъ пять, стоящіе на одинаковомъ довольно большомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Азіатскій берегъ разнообразіе и плодородіе: на немъ есть плодородныя равнины и покрытыя лѣсомъ холмы, есть и деревья. Одна изъ нихъ съ мельницами живописно раскинулась высоко на холмѣ въ самомъ концѣ пролива. При концѣ пролива на томъ и другомъ берегу укрѣпленія, —первыя гостепріимницы для непріятельскаго флота. Такъ выходимъ изъ пролива и вступаемъ въ Архипелагъ.

Правый берегъ уходитъ отъ насъ, обозначаясь болѣе или менѣе высокими холмами, окутывающимися, тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе въ густую дымку. Тамъ вдали святая гора Аеонская. Хотѣлось бы хоть глазомъ издали взглянуть на нее. На мой вопросъ въ этомъ смыслѣ капитанъ парохода отвѣчаетъ отрицательно. Но купецъ Ш. утверждаетъ противное, прибавляя, что въ свою первую побѣдку въ Іерусалимѣ онъ видѣлъ Аеонъ съ парохода. Онъ тотчасъ же схватываетъ бинокль и старается при посредствѣ его рассмотреть видѣнную имъ прежде гору. Но потомъ возвращаетъ его съ словами сожалѣнія о томъ, что онъ не видитъ. Разставшись съ европейскимъ берегомъ, обращаю вниманіе на азіатскій: здѣсь развертываются предъ нами мѣста, прославленныя знаменитою троянскою войною. Какъ желалъ бы я имѣть возлѣ себя живаго опытнаго руководителя, который могъ бы указать мнѣ, что и гдѣ находится! Капитанъ парохода, часто проходящій мимо этого мѣста, могъ сказать только, что здѣсь находилась Троя,—но гдѣ именно здѣсь, этого онъ не сказалъ, тѣмъ болѣе не могъ онъ указать положенія другихъ мѣстъ. беру въ руки путевода, всматриваюсь съ особеннымъ вниманіемъ въ разстилающуюся поверхность земли и при помощи путевода и своего наблюденія силюсь отождествить мѣстности, указываемыя первымъ и представляемыя вторымъ. Вотъ почти занесенная пескомъ бухта съ видящимися въ ней

устьемъ рѣки (Симуась Гомера). Это здѣсь греки извлекли на сушу свой флотъ и поставили лагерь, угрожая городу Приама. Огибаемъ небольшой мысъ и видимъ на берегу три кургана, въ которыхъ думаютъ видѣть могилы Ахиллеса, Патрокла и Феста, любимца Каракаллы; послѣдній курганъ называется также могилою Антилоха, сына Нестора. Далѣе новый небольшой мысъ и деревня (Ени-шеръ, древняя Сигее), обозначающая входъ въ Геллеспонтъ или проливъ Дарданельскій. Здѣсь высаживались на берегъ Геркулесъ съ аргонавтами, греки подъ предводительствомъ Агамемнона и позднѣе Александръ Великій. Далѣе опять курганъ, углубленіе въ берегу и мысъ. Этотъ послѣдній соотвѣтствуетъ древнему городу Агамія. Имя Агамія означаетъ „незамужняя“, дѣвица, и дано было городу потому, что онъ былъ построенъ въ воспоминаніе о Гезіонѣ, дочери Лаомедона, и молодыхъ дѣвицахъ троянскихъ, выставленныхъ на берегъ для умягченія неистовства морскаго чудовища, возбужденнаго мщеніемъ Нептуна. Геркулесъ, явившійся вовремя, убилъ чудовище и освободилъ Гезіону. Далѣе берегъ образуетъ довольно большую бухту: это извѣстная бухта Безикская; въ ней въ 1853 году флоты англійскій и французскій соединились и стояли нѣкоторое время, прежде чѣмъ пройти чрезъ Дарданельскій проливъ. Берегъ здѣсь низменный и легко волнистый,—впереди впрочемъ поднимаются выше и выше горы. Тамъ и самъ поднимаются курганы то бѣлые, то покрытые зеленью, то чистые, то съ остатками развалинъ. Вообще вся поверхность покрыта зеленью и часто деревьями за исключеніемъ берега, соприкасающагося непосредственно съ водою. Разнообразныя тѣни ложатся на поверхность. Глубокое впечатлѣніе производитъ зрѣлище; воображеніе, питаемое воспоминаніями, рисуетъ здѣсь разнообразныя виды: то чудится царственный городъ Троя, то быстро идутъ предъ глазами стройныя полки грековъ съ своими героями и до слуха доносятся бряцаніе мечей и побѣдные клики, то видится среди небольшой группы ра-

бочихъ скромная фигура ученаго, пытливыми глазами слѣдящаго за каждымъ копомъ лопаты и за каждою кучкою вынесенной лопатою земли. Сколько энергіи и сколько надежды въ его глазахъ! И какъ хотѣлось бы быть возлѣ него!

Впиваясь глазами въ поле троянское и погружаясь въ воспоминанія и мечты, я совсѣмъ было не замѣтилъ находившагося вправо отъ парохода острова Тенедоса, въ одной изъ бухтъ котораго скрывался греческій флотъ послѣ своего притворнаго отступленія, обманувшаго троянцевъ. Тенедосъ имѣетъ видъ почти треугольника съ удлиненымъ острымъ концомъ къ юго-западу. Между его горами выдается особенно гора св. Иліи, кажущаяся издали то конусомъ, то пирамидою. Онъ выходитъ изъ моря утесами, которые дѣлаютъ его почти недоступнымъ. Особенно живописный видъ имѣютъ бѣлыя острыя скалы на сѣверо-западной сторонѣ острова. Склоны горъ въ верхнихъ частяхъ голые, но внизу есть воздѣланныя поля—зеленыя и желтыя, деревья и даже зеленая долина. На сѣверо-восточной сторонѣ въ углубленіи между двумя горами, прислонившись къ холму, стоитъ городъ Тенедосъ съ крѣпостью, окруженною сильною стѣною съ башнями. Видны въ городѣ мечеть и церковь. Дома большею частію сѣрые. Отдѣльные дома видны по склонамъ горъ. Зданіе увѣнчиваетъ и вершину горы святаго Иліи. Между пароходомъ и островомъ стоитъ маленькій островокъ съ маякомъ; отъ него до Тенедоса видны подводныя скалы. Къ сѣверу отъ Тенедоса видна еще группа Кроличьихъ острововъ, уходящихъ къ западу.

Четыре съ половиною часа. Солнце свѣтитъ ярко и освѣщаетъ море серебристымъ блескомъ. Любо смотрѣть въ солнечную сторону. Прелесть увеличивается чрезъ бинокль: точно серебряная чешуя съ чернью покрываетъ поверхность моря. Море волнуется и шумитъ; пароходъ то поднимется, то опустится. Благоразумные и знающіе по опыту свою наклонность къ морской болѣзни пассажиры уходятъ въ свои каюты, чтобы лечь тамъ заранѣе. Пароходъ начинаетъ кряхтѣть. Я остаюсь на ютѣ,

гдѣ приготавливаютъ обѣдъ. Кто-то будетъ обѣдать? Пассажиры палубные притихли и большею частію лежатъ: лица всѣхъ блѣдноватыя, въ глазахъ какое-то болѣзненное томленіе. Мои ближайшіе спутники и нѣкоторые другіе не обѣдали. Я обѣдалъ не сполна, но высидѣлъ все время обѣда, хотя и чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Послѣ обѣда я прилежъ на скамейку на ютѣ же и, не много спустя, чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо.

29 мая, четвергъ. На пароходѣ въ водахъ Греціи.

Весь нынѣшній день плывемъ въ предѣлахъ Греціи и именно между Цикладскими островами, названными такъ впрочемъ не точно отъ того, будто они всѣ вмѣстѣ составляютъ кругъ. Изъ волнующейся поверхности Эгейскаго моря выступаетъ значительная группа большихъ и малыхъ острововъ. То они синѣютъ вдали совершенно закутанные дымкою и лишь какъ темныя облака обозначаются на горизонтѣ. То покровъ ихъ становится прозрачѣе и предъ глазами любопытнаго путешественника открываются нѣкоторыя ихъ части. То они стоятъ предъ нимъ обнаженными и ярко освѣщенными солнцемъ, или въ свѣжести утренней прохлады или въ истомѣ знойнаго полудня. То иногда становятся прямо противъ насъ и преграждаютъ путь дальнѣйшему нашему слѣдованію. Но нашъ богатырь-пароходъ не боится угрозы, смѣло идетъ впередъ, и острова разступаются и даютъ ему дорогу, открывая одинъ за другимъ свои виды, а тамъ вдали въ синевѣ показываются новые острова и новые виды. Видъ всѣхъ этихъ острововъ разнообразенъ и живописенъ. То они поднимаются изъ воды отвѣсно; то идутъ вверхъ крутымъ или пологимъ сватомъ, ровнымъ или прорѣзаннымъ вдоль и поперекъ глубокими оврагами. Верхняя ихъ часть большею частію сильно волниста, а внизу видны иногда зеленыя равнины съ лугами и садами. Впрочемъ большинство видѣнныхъ нами острововъ безлѣсно и со стороны моря, по крайней мѣрѣ, бесплодно. Бесплодный

и голый видъ ихъ способенъ даже до нѣкоторой степени навести на грустные мысли и особенно рѣзко бросается въ глаза при такомъ изобиліи влаги кругомъ.

Море какъ будто сердито на то, что острова разрываютъ его сплошную поверхность и мѣшаютъ разыгрываться свободно его волнамъ. Волну за волною надвигаетъ оно на нихъ то слабѣе, то сильнѣе, какъ бы напрягаясь сдвинуть ихъ съ своего мѣста и очистить для себя просторъ. Но чѣмъ сильнѣе волна, тѣмъ быстрѣе ея отступление. Лишь сильнѣе раздастся шумъ отъ столкновенія суши съ водою, громче свидѣтельствующій о пораженіи моря и побѣдѣ суши; выше поднимется, какъ бы побѣдный памятникъ, столбъ, постоянно образующійся изъ водяной пыли отъ волнъ разбивающихся о береговыя скалы; ярче загоритъ разноцвѣтными радужными огнями иллюминація, зажигаемая преломляющимися въ капляхъ этого столба солнечными лучами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ берегъ низменный, болѣе сильныя волны забѣгаютъ далеко на сушу, но, какъ бы испугавшись своего перехода въ чужіе предѣлы, тѣмъ быстрѣе слѣзатъ назадъ.

Мы здѣсь случайные наблюдатели этой борьбы и вѣсть игры природы, но наблюдатели, надо полагать, наиболѣе ею интересующіеся: туземные жители, свыкшіеся съ дѣтства, едвали награждаютъ ее своимъ вниманіемъ. Интересъ нашъ въ этихъ мѣстамъ усиливается еще болѣе отъ мысли, что мы находимся въ предѣлахъ свободной Греціи, что на одномъ изъ острововъ на нашемъ пути (Делосъ) былъ храмъ, бывший съ самыхъ древнихъ временъ однимъ изъ мѣстъ наиболѣе численнаго паломничества грековъ, что нѣкогда, именно послѣ персидскихъ войнъ, здѣсь находился центръ аѣинскаго морскаго союза и что на одномъ изъ острововъ (Делосъ) находилась государственная казна Греціи, пока Периклъ не перенесъ ее въ Паренонъ въ Аѣны подъ предлогомъ большей безопасности. Невольно развертывалась предъ сознаніемъ исторія древней Греціи съ ея свободолюбивыми героями и преимущественно морскими

сраженіями, съ ея философами, поэтѣми и художниками и вообще съ ея свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и съ веселымъ образомъ послѣдней. Невольно приковывалось вниманіе къ отдѣльнымъ островамъ, видимымъ нами, и къ отдѣльнымъ пунктамъ на нихъ, чѣмъ либо отмѣченнымъ въ исторіи. Хотѣлось видѣть слѣды и прежней энергіи и предприимчивости жителей; интереснаѣе становился теперешній представитель древнихъ грековъ; хотѣлось взглянуть и на теперешнихъ представительницъ тѣхъ красавицъ древней Эллады, которыя вдохновляли великихъ поэтовъ и служили моделями для безсмертныхъ произведеній обезсмертившихъ свое имя скульпторовъ. Встрѣчавшіяся намъ на пути небольшія парусныя суда и тоже парусныя лодки, большею частію пронесшіяся мимо насъ подобно стрѣлѣ, давали въ которое представленіе о морской предприимчивости древнихъ грековъ. Были на нашемъ пароходѣ и представители древней Эллады. Съ затаеннымъ любопытствомъ слѣдилъ я за ихъ движеніями, разговорами и даже взглядами. Одинъ грекъ изъ Сиры, — говорю объ одномъ — средняго роста, полный съ широкимъ круглымъ лицомъ брונетъ съ стриженными волосами на головѣ; съ усами и бритою бородою, держитъ себя съ достоинствомъ, какъ и подобаетъ представителю славнаго народа. Незнаніе общаго языка, на которомъ можно бы было съ нимъ объясняться свободно, лишило меня возможности знать, насколько онъ носитель общечеловѣческой эллинской цивилизаціи. Но его портмоне, наполненный золотыми и серебряными монетами многихъ государствъ Европы, Азіи, Африки и даже Америки, свидѣтельствуетъ достаточно объ его космополитизмѣ. Этотъ грекъ былъ для меня менторомъ, разубѣется, насколько мы могли съ нимъ объясняться при помощи разныхъ языковъ въ одной рѣчи. Прощаясь со мною въ Сирѣ, онъ далъ мнѣ на память свою визитную карточку, которая своимъ латинскимъ шрифтомъ также можетъ говорить о космополитизмѣ ея собственника.

Я вышелъ на свой наблюдательный постъ, по обычаю, рано, часовъ въ шесть. Мы плыли въ это время между островами: Андросомъ вправо и Никаріею влѣво вдали. Бинокль не показываетъ селеній даже на первомъ ближайшемъ, хотя на сторонѣ сѣверо-восточной, слѣдовательно къ намъ обращенной, лежитъ его главный городъ Андросъ. Въ восемь часовъ проходимъ мимо острова Тиноса, оставляя его вправо. Островъ поднимается изъ воды высокими горами, прорѣзанными сверху до визу долинами. Есть въ горахъ и глубокія пещеры, называемыя въ баснѣ жилищемъ Эола. Въ долинахъ видны красноватые цвѣты—„дафнесъ“, какъ назвалъ мнѣ ихъ мой менторъ-грекъ; цвѣты эти, по словамъ его же, имѣютъ хорошій запахъ. Въ одной изъ долинъ среди деревъ стоитъ уединенная бѣлая церковь. Внизу подъ горою въ портѣ Порто-Панормо стоитъ нѣсколько судовъ. Главный городъ острова—Тиносъ или Сан-Никола (Святый Николай) лежитъ въ южной низменной части острова. Съ парохода онъ кажется очень красивымъ съ бѣлыми каменными домами и зеленымъ садомъ въ сторонѣ. Въ немъ видны двѣ церкви. По словамъ грека, въ немъ есть большой древній храмъ, куда приходятъ богомольцы съ разныхъ сторонъ, преимущественно больные глазами, и получаютъ здѣсь исцѣленіе; приходятъ даже турки больные и тоже получаютъ исцѣленіе. Этотъ древній храмъ, быть можетъ, тотъ самый, который въ моемъ путеводителѣ называется греческимъ соборомъ—Панагія Евангелистрія, и въ которомъ чтится икона Божіей Матери, обрѣтенная чудеснымъ образомъ въ 1824 году.

Влѣво отъ парохода лежитъ островъ Миконось. Двѣ горы Св. Илии выдаются на его поверхности. Отсутствіе деревъ на немъ представляетъ его голымъ, хотя онъ производитъ ячмень и фрукты. На западной сторонѣ его видѣнъ городъ, предъ которымъ стоитъ нѣсколько судовъ. На островѣ много греческихъ церквей и монастырей.

Далѣе, къ юго-западу отъ Миконоса, видны острова Делосъ—большой и малый, называемые теперешними греками Дили. Малый Делосъ посвященъ былъ Аполлону. Храмъ делосскій съ самыхъ древнихъ временъ былъ однимъ изъ мѣстъ, наи чаще посѣщаемыхъ богомольцами Греціи. Къ нему относились съ уваженіемъ персы. Послѣ персидскихъ войнъ аеиняне сдѣлали его центромъ своего морскаго союза. Опустошенный Митридатомъ въ его войнѣ съ римлянами, онъ уже не возставалъ болѣе изъ своихъ развалинъ. Большой Делосъ, отдѣленный отъ малаго каналомъ въ полмили ширины, былъ въ древнее время некрополемъ священнаго острова. Грекъ, мой спутникъ, назвалъ Делосъ священнымъ; на немъ живутъ будто бы только мужчины, есть древній храмъ, быть можетъ тотъ же Аполлоновъ, производятся раскопки. Но вотъ показался островъ Сира съ своимъ главнымъ городомъ тоже Сира. Услужливый грекъ подошелъ ко мнѣ съ объясненіями. Около десяти часовъ подошли къ Сирѣ, на рейдѣ которой стояло много судовъ.

Островъ Сира, или Сирось, занимаетъ центральное мѣсто среди Цикладскихъ острововъ; благодаря этому, онъ служить теперь главнымъ складочнымъ мѣстомъ въ Архипелагѣ и мѣстомъ, гдѣ скрещиваются многія линіи пароходовъ. Видъ города и порта Сиры съ моря весьма живописенъ. Выходя какъ бы изъ моря, городъ поднимается амфитеатромъ на высокую гору, раздѣляясь въ верху какъ бы на три конуса, впрочемъ неодинаковые по высотѣ и раздѣленные оврагами. Дома бѣлые, красные, сивіе, зеленые и другіе поднимаются одни надъ другими въ видѣ тесаныхъ кубиковъ, разнообразія еще болѣе впечатлѣніе разноцвѣтными оконными рѣшетками. Три церкви какъ бы вѣчаютъ три конуса города. Къ югу отъ порта виднѣнъ карантинный домъ, большое зданіе, отдѣльно стоящее на безплодной скалѣ, похожее скорѣе на тюрьму. На совершенно противоположной сторонѣ, вблизи таможни, ввизу набережной

находится мѣсто высадки пассажировъ. Самый городъ дѣлится на двѣ главныя части: новый городъ—Гермуполисъ и старый—Сира. Новый городъ имѣетъ двѣ главныя улицы: улицу торговую, параллельную набережной и улицу Еоле, перпендикулярную порту и выходящую вверху на широкую прямоугольную площадь, усаженную малорослыми деревьями. Въ юго-западномъ углу этой площади высится греческій соборъ Преображенія. Влѣво отъ собора видно нѣсколько домиковъ. Къ сѣверу отъ этой части города поднимается на скалахъ амфитеатромъ новый кварталъ, включающій въ себя лучше построенные дома, дома иностранныхъ консуловъ. Въ этомъ кварталѣ видна церковь Святаго Николая. Еще сѣвернѣ видны мельницы, живописно раскинувшіяся на утесѣ. Старая Сира отдѣлена отъ новаго города глубокимъ оврагомъ и составляетъ южный и самый высокій конусъ изъ трехъ. Она поднимается по холму террасами. Вершина ея увѣнчана католическимъ аббатствомъ святаго Георгія. Старый городъ занималъ прежде мѣсто новаго; но въ средніе вѣка жители удалились на утесистый холмъ, господствующій надъ рейдомъ, и основали то, что теперь называется Старою Сирою.--Островъ Сира наиболѣе католическій изъ Цикладскихъ острововъ. Еще съ крестовыхъ походовъ въ Сирѣ утвердились французы и особенно итальянцы. Оттого до 1821 года Сира была подъ особеннымъ покровительствомъ западной Европы и пользовалась нѣкоторой независимостью. Сюда во время турецкой рѣзни въ 1821 и 1822 годахъ спасались во множествѣ смирянцы, хіосцы и псаріоты. Сира изготовляетъ пшеничную муку, макароны и лучшій на востокъ рахатъ-лукумъ.—Я не сходилъ на берегъ, такъ какъ продолжительность стоянки парохода не была опредѣлена, и любовался городомъ съ парохода. Но купцы ѣздили за провизіею и кое-что сообщили изъ видѣннаго ими. По ихъ словамъ, городъ чистый; улицы довольно тѣсныя, мощенныя; дома каменные въ нѣсколько этажей. Въ городѣ ходятъ и русскія деньги, но дешево

цѣнятся. Такъ за одинъ хлѣбъ хотѣли взять съ купцовъ восемьдесятъ коп. русскимъ серебромъ, а турецкими деньгами взяли только бешлыкъ (около 24 коп. сер.), да еще сдачи дали. Съ парохода я видѣлъ лишь большое движеніе на набережной. Толпы народа тѣснятся около лавокъ. Къ югу отъ города на склонѣ горы вверху въ углубленіи виденъ какъ бы монастырь, по словамъ грека, латинскій св. Параскевы. Самый склонъ раздѣленъ на участки, поднимающіеся террасами и пестрящіе разнообразными цвѣтами,—то красные, то зеленые, то желтые, то бѣлые и проч. Видны среди участковъ бѣлые домики, должно быть загородныя дачи.

Въ часъ пополудни снимаемся съ якоря и проходимъ мимо нѣсколькихъ острововъ. Около четырехъ часовъ входимъ въ проливъ между островами Паросомъ съ правой стороны и Наксией, прежнеемъ Наксосомъ, съ лѣвой. Паросъ былъ родиною нѣсколькихъ древнихъ поэтовъ, скульпторовъ и живописцевъ и извѣстенъ особенно своими мраморными каменоломнями. Наксосъ одинъ изъ самыхъ плодородныхъ острововъ Архипелага. Его столица изъ бѣлыхъ домовъ, расположенная на сѣверо-западной его сторонѣ, хорошо видна съ парохода. Около шести часовъ идемъ между островами—Ираклією съ лѣвой стороны и Ніо или Іосъ съ правой. Послѣдній островъ считается нѣкоторыми мѣстомъ погребенія Гомера. Гробницу его указываютъ въ небольшомъ монастырѣ Плакосъ въ живописномъ мѣстѣ.

Къ семи часамъ вечера я одинъ остался на ютѣ,—остальные разбрелись уже по своимъ каютамъ. На палубѣ тоже лежали или тихо сидѣли. Затѣмъ и я, хотя неохотно, послѣдшилъ на койку. Койка моя спасительница, и въ ней я чувствую себя хорошо. Прислушиваюсь къ шуму и плеску волнъ. Приходитъ слуга закрывать окно и сообщаетъ, что вѣтеръ усиливается съ правой стороны и что намъ придется плоховато. Это „плоховато“ не напугало меня,—какъ будто даже хотѣлось, чтобы оно наступило, дабы узнать, что такое плоховато у моряковъ.

Θ. Покровскій.

(Продолженіе будетъ).

По поводу рецензіи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ на сочиненіе: „Исторія Кіевской Духовной Академіи“. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ. 1886.

Въ мартовской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за текущій годъ появилась рецензія профессора А. И. Соболевскаго на мое сочиненіе—*Исторія Кіевской Духовной Академіи* (Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій). Увнжаемый рецензентъ, признавая мой скромный трудъ весьма пріятнымъ явленіемъ въ нашей ученой литературѣ, въ своей статьѣ говоритъ объ ого содержаніи въ самыхъ общихъ чертахъ: главная задача рецензіи состоитъ въ томъ, чтобы указать и исправить допущенныя нами въ сочиненіи погрѣшности. Повторимъ то, что мы въ свое время говорили по поводу одной рецензіи на нашу книгу о Петрѣ Могилаѣ: „Ergate—humatum est: ошибки свойственны людямъ и ихъ не можетъ избѣжать изслѣдователь; при этомъ, чѣмъ сложнѣе его задача, чѣмъ съ большимъ количествомъ фактовъ приходится имѣть ему дѣло,—тѣмъ больше погрѣшностей, неточностей и недосмотровъ онъ можетъ допустить въ своемъ трудѣ. Со стороны недостатки видишь, и задача ученой критики состоитъ въ томъ, чтобы указать на эти недостатки, а главное *доказать ихъ*. Наука движется совокупными усиліями многихъ людей. Что опущено изъ вида или недостаточно разъяснено однимъ изслѣдователемъ, то можетъ быть замѣчено и уяснено другимъ. Авторъ, затрогивающій новыя стороны разсматриваемаго имъ предмета, долженъ быть доволенъ не только тѣмъ, что ему удалось правильно и точно констатировать нѣкоторые фак-

ты, но даже и тѣмъ, что его ошибки для другихъ болѣе свѣдущихъ и талантливыхъ изслѣдователей послужили къ разоблаченію этихъ ошибокъ, къ раскрытію истины*... Поэтому мы съ радостію и глубокою благодарностію готовы принять и принимаемъ всѣ справедливыя замѣчанія и указанія на недостатки въ нашихъ трудахъ.

Въ своей рецензіи профессоръ А. И. Соболевскій дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ указаній на допущенныя нами въ сочиненіи ошибки и недосмотры. За нихъ мы приносимъ ему глубокою благодарность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его рецензія изобилуетъ замѣчаніями, не имѣющими для себя твердой опоры, противорѣчащими фактамъ и вообще въ научномъ отношеніи несостоятельными. Между тѣмъ замѣчанія эти, выходя изъ подъ пера извѣстнаго спеціалиста, способны создать рядъ недоразумѣній иногда и для свѣдущихъ людей; а потому со стороны автора требуютъ разъясненій.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ этимъ разъясненіямъ, предварительно приведемъ покаяніе въ содѣянныхъ нами погрѣшеніяхъ, недосмотрахъ и опискахъ, указанныхъ въ рецензіи г. Соболевскаго.

Относительно двухъ погрѣшностей въ нашемъ сочиненіи мы имѣли уже случай бесѣдовать съ г. рецензентомъ еще въ прошломъ году. Мы разумѣемъ, во первыхъ, ошибочное наше мнѣніе, что Захарія Копыстенскій былъ *сыномъ* перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго, между тѣмъ какъ онъ былъ *племянникомъ* послѣдняго, что ясно видно изъ напечатаннаго нами же документа: „свѣтитъ еще той епископъ... въ всѣхъ въ народѣ Русскомъ церквахъ двѣма своими *сыновцами* велебными Захарією и Василіємъ“... Слово *сыновець* дѣйствительно значитъ *племянникъ*, а не *сынъ* (въ другихъ мѣстахъ сочиненія мы слово *сыновица* переводимъ *племянница*, сравн. 137 стр. текста, съ 111 стр. *прилож.*). На этотъ недосмотръ впервые указалъ намъ М. О. Коа-

ловичъ¹⁾). Во вторыхъ, невѣрное пониманіе нами слова *Mohilowianin* въ значеніи *питомца Могилы*; слово это, безъ сомнѣнія, употреблено Іевлевичемъ въ другомъ смыслѣ, именно означаетъ *житель Могилева* (Іевлевичъ былъ родомъ изъ Могилева и естественно интересовался своими земляками; поэтому въ своей автобіографической запискѣ, не называя мѣстъ рожденія другихъ упоминаемыхъ имъ наставниковъ кіево-братской школы и коллегіи, дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключеніе для своихъ земляковъ). Эта ошибка замѣчена была нами по отпечатаніи сочиненія и исправлена въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, разосланныхъ въ прошломъ году знакомымъ²⁾).

Изъ остальныхъ погрѣшностей въ нашемъ трудѣ, указанныхъ въ рецензій г. Соболевскаго, мы признаемъ безусловно вѣрными нижеслѣдующія:

1. Указаніе, что Іовъ Борецкій былъ воспитанникомъ львовскаго братства, между тѣмъ какъ въ сочиненіи мы говоримъ, что объ его образованіи *свѣдѣній не сохранилось*. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ недосмотровъ въ нашемъ сочиненіи,—хотя недосмотръ *чисто корректурный*. Намъ хорошо извѣстно, что первоначальное образованіе Борецкимъ получено во львовскомъ братствѣ: скажемъ болѣе, первое документальное указаніе на это принадлежитъ намъ. Въ

---

¹⁾ М. О. Комловичемъ указанъ еще другой недосмотръ въ нашемъ сочиненіи. Мы говоримъ: „Стебельскій (считаетъ З. Колыстенскаго) роднымъ или двоюроднымъ братомъ Мих. Колыстенскаго“. Нужно исправить: *племянникомъ или братомъ*.

²⁾ По исправленіи ошибки, разумѣется, теряется значеніе наше соображеніе (2 прим. на стр. 226) о томъ, почему Савва Андреевичъ *Mohilowianin* поступаетъ въ наставники кіево-братской школы. Последнее обстоятельство естественно можетъ быть объяснено тѣмъ, что С. Андреевичъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ своимъ землякомъ Фомою Іевлевичемъ, или былъ призванъ имъ сюда какъ *ректоромъ Кіево братской школы*, вскорѣ послѣ занятія этой должности. А такъ же естественно объясняется и отъѣздъ Андреевича изъ Кіева въ 1632 г. *одновременно съ Іевлевичемъ*.

своёмъ сочиненіи о Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могиля нами помѣщена подѣ № LXVII грамота Борецкаго (которую и имѣеть въ виду нашъ рецензентъ) къ львовскому братству, отъ 11 гевн. 1627 г., гдѣ онъ называетъ себя споль-братомъ и *вызованкомъ* съ братчиками въ Богоспасаемомъ градѣ Львовѣ. Въ примѣчавіи къ этой грамотѣ мы пишемъ: „Въ предисловіи къ V т. 1 части Архива Юго-Западной Россіи (стр. 27) говорится, что Іовъ Борецкій былъ по происхожденію изъ Черниговской области. Мѣстаіе это положительно невѣрно. Изъ приведенной грамоты видно, что Борецкій былъ Галичанинъ и *воспитанникъ львовской братской школы*. Въ помѣщаемомъ нами подѣ № LIII письмѣ I. Борецкаго мѣсто его рожденія опредѣляется еще точнѣе: называется по имени *Борчею*, откуда, очевидно, происходитъ и самая фамилія Борецкихъ“. — Въ своёмъ новомъ сочиненіи, сообщая краткія біографическія свѣдѣнія о Борецкомъ, какъ ректорѣ кіево-братской школы, мы писали: „Іовъ Борецкій, въ мѣрѣ носившій имя Іоанна Матвѣевича, былъ родомъ изъ Галиціи, — изъ мѣстечка Борчи, откуда происходитъ и самая фамилія Борецкихъ. *Первоначальное образованіе Борецкій получилъ въ львовской братской школѣ; объ окончателъномъ свѣдѣніи не сохранилось*... (и проч). Но, или во время перебѣлки подлинника, переписчикомъ пропущена была одна строка, или подобный пропускъ сдѣланъ былъ наборщикомъ, а корректоромъ¹⁾ исправленъ неумѣло — какъ бы то ни было, въ печати явилось нѣчто съ подлинникомъ несогласное. — Разумѣется, все это мы говоримъ не съ цѣлію умалить значеніе замѣчавія г. рецензента (ему мы тѣмъ болѣе благодарны за него, что недосмотръ нами

¹⁾ Корректура означеннаго мѣста (27 поллиста) держалась не нами. На означенномъ поллистѣ слѣдуетъ исправить еще слѣдующія опечатки: стр. 213 строка 19: „служеніе Іова Борецкаго братскимъ школамъ восходить къ началу XVI столѣтія“... слѣдуетъ читать: къ началу XVII стол.—Стр. 215, строка 8: вмѣсто *начало*, слѣдуетъ читать *время*. На той же стр. въ примѣч. 4 вмѣсто *naaqwizdat*, слѣдуетъ читать *naqwasdat*.

до появления рецензии не был замечен), а в качестве уменьшающих вашу вину обстоятельств.

2. На стр. 146 мы делаем выписку из произведения 3. Копыстенского, цитую: *Казанье поребовое* 1625 г., между тем выписка сделана нами из *Омиліи* того же автора.— Разумеется, это *описка*, ни на юту неизменяющая значения сказанного на основании ее в текст¹⁾.

3. На стр. 449 своего сочинения о Петре Могила²⁾ мы называем одного из первых преподавателей могилянской школы *Почаскаю*—*Почанским*; между тем,—справедливо замечает рецензент,—ни один источник не пишет его фамилии с буквою и. Разумеется, это *опечатка*. Везде в рассматриваемом автором (последнем) нашем сочинении мы называем означенного преподавателя—*Почаским* (см. напр. стр. 226).

Приходим к замечаниям г. рецензента, по нашему мнению, ошибочным, не имеющим фактической опоры и вообще требующим разъяснения³⁾.

Г. рецензент замечает, что мы на 191 стр. своего сочинения, приводя выдержку из послания виленского братства к львовскому, 1588 года, неправильно понимаем одно выражение в этом послании, и что это неправильное понимание оказало некоторое влияние на наш вывод относительно времени издания львовской грамматики—'Α δελθότης,—именно, мы будто бы напрасно с уверенностью утверждаем, что 'Αδελθότης имела только одно издание в 1591 г. (рецензент склоняется ко мнению, что львовская грамматика была издана впервые еще в 1588 г.).

¹⁾ Означенную выписку из *Омиліи* мы делаем и в *Петре Могила* с правильною цитатою. Укажем здесь для большей точности и страницу (48).

²⁾ Г. рецензент делает иногда замечания и на поименованное сочинение.

³⁾ Некоторые из сих замечаний г. рецензента в деталях частностях не лишены значения (куррентурного), но построены на основании их *выводы* неправильны.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о спорномъ мѣствѣ въ посланіи, считаемъ нужнымъ напомнить слѣдующее: заглавіе львовской грамматики какъ нашими, такъ и польскими библиографами приводится различно. Одни озаглавливаютъ ее такъ: *Ἀδελθότης. Грамматика добродушного еллино-словенскаго языка совершеннаго искусства осми частей слова ко наказанію многоименитому Россійскому роду*. Другіе иначе, — именно: *Грамматика сложена отъ различныхъ грамматикъ спудеями иже въ львовской школѣ*. Отсюда явилось мнѣніе о двухъ изданіяхъ львовской греко-славянской грамматики въ 1591 г. Мы въ одномъ изъ примѣчаній къ своему сочиненію заявили, что означенное мнѣніе есть плодъ недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что второе заглавіе (*Грамматика сложена* и проч.) находится на 5 стр. *Ἀδελθότης*, причѣмъ означенная страница имѣетъ *форму листа заглавнаго*; слѣдовательно, неточное заглавіе грамматики у нѣкоторыхъ библиографовъ (напр., Строева) объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣли подъ руками неполный ея экземпляръ. Это заключеніе вполне подтверждается сличеніемъ описанной Строевымъ *Ἀδελθότης* съ полными заглавіями ея. Такимъ образомъ мнѣніе о двухъ изданіяхъ означенной грамматики въ 1591 г. должно быть оставлено окончательно. Кажется, съ этимъ согласенъ и нашъ рецензентъ. Но онъ полагаетъ, что было изданіе этой грамматики болѣе раннее, именно въ 1588 г. Такое мнѣніе впервые было высказано редакторомъ IV т. *Актовъ Западной Россіи*. Основаніемъ для него послужило напечатанное здѣсь, подъ № 4, посланіе виленскихъ православныхъ гражданъ ко львовскому братству, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Посласте намъ начало, проображеніе святыхъ писаній Грамматическихъ языка Греческаго и Словенскаго, наказующе ны, да пріймемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣвше достойно, молихомъ Спаса нашего, да якоже прежде начать, такоже и совершитъ во васъ благодать сію. Егда же спо-

добить въ оно благодарственное и спасительное начало совершати, молимъ, да избытокъ благодати ихъ будетъ и въ нашемъ лишеніи. И съ-проста рещи, сто или двѣсти книгъ пошлите намъ, учинивши имъ цѣну слушную; а мы съ подякованьемъ вашей любви, возвѣщенная пошлемъ^а. Имѣя въ виду вышеприведенное мѣсто въ пославіи, издатель Актвъ въ примѣчаніи къ нему говоритъ слѣдующее: „Профессоръ Максимовичъ въ статьѣ своей—Книжная старина южно-русская—заявляетъ, что Грамматика доброглаголиваго Еллино-Словенскаго языка первоначально напечатана во Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1591 г.: слѣдовательно, это изданіе *позднѣйшее* и, можетъ быть, *вовсе иное*^а. Вслѣдъ за симъ и другіе изслѣдователи, основываясь на томъ же пославіи, признавали за несомнѣнный фактъ *два изданія* львовской грамматики—въ 1588 и 1591 и. (см., напр., статью Головацкаго въ Зорѣ Галицкой, 1860 г., стр. 451—456)¹⁾. Мы же съ своей стороны заявили, что и это мнѣніе ошибочно: „изъ приведеннаго мѣста (въ пославіи)—писали мы—ясно видно, что Виленскому братству Львовскимъ посланы были только первые листы начавшейся печатаніемъ грамматики, окончаніе которой могло и не состояться (какъ было и на самомъ дѣлѣ) въ 1588 г. Очевидно, что упоминаемая въ письмѣ виленскихъ братчиковъ Грамматика есть та самая, которая вышла въ свѣтъ въ 1591 г.^а. Г. рецензентъ убѣжденъ, что мы „не вникли въ смыслъ“ приведеннаго нами посланія, что выраженіе *посласте начало*, находящееся въ немъ, значить не *начало* въ современномъ употребленіи этого слова, а *начатокъ, начинаніе, начальный опытъ*. Словомъ, рецензентъ полагаетъ, что Львовскимъ братствомъ

¹⁾ Брошюру Липскаго, котораго рецензентъ считаетъ нашимъ руководителемъ по вопросу объ изданіяхъ Львовской грамматики, мы *вовсе не пользовались* (сравни цитаты у насъ и Липскаго: у насъ—*Строевъ, Филаретъ, Гозеръ, Оглоблинъ*; у Липскаго—*Делевель, Мачиновскій*),—хотя дѣйствительно оказывается, что мы держались по означенному вопросу одного мнѣнія съ Липскимъ, которому охотно и уступаемъ лаяму перваства.

послана была въ 1588 г. уже отпечатанная *грамматика*, какъ *начальный опытъ* ихъ работы по этой части. Но мы думаемъ, что рецензентъ въ данномъ случаѣ не правъ, — и не мы, а онъ именно не *понялъ* смыслъ посланія. Наше пониманіе посланія простое и естественное. Вы послали намъ — пишуť вилевскіе братчики — *начало*, проображеніе святыхъ писаній грамматическихъ (т. е. начальные листы грамматики) съ просьбою принять ихъ съ благоразуміемъ, да и *прочимъ* (т. е. остальнымъ, имѣющимъ въ послѣдствіи выйти листамъ) *сподобимся*. Разсмотрѣвши ихъ, мы молимъ Спаса, да якоже прежде *начать*, такоже и *да совершитъ* въ васъ благодать сію, (т. е., чтобы какъ Богъ помогъ начать изданіе, такъ помогъ и *окончить* его); когда же Онъ *сподобитъ* Васъ оно благодарственное и спасительное *начало совершити* (когда грамматика будетъ окончена), молимъ прислать намъ сто или двѣсти книгъ. — Если же мы согласимся съ рецензентомъ, что Львовскимъ братствомъ послана была *вполнѣ оконченная печатаніемъ грамматика*, то поставлены будемъ въ крайнее затрудненіе объяснить отмѣченныя нами курсивомъ мѣста въ посланіи. Не будетъ ли прямою *несообразностію* слѣдующее выраженіе въ посланіи: *якоже прежде начать, тако и совершитъ* (Богъ) въ васъ благодать сію? Въ особенности: *„егда жъ сподобитъ вы оно благодарственное и спасительное начало совершити... сто или двѣсти книгъ пошлите намъ“?*...

Не излишне упомянуть и о другихъ, такъ сказать, второстепенныхъ обстоятельствахъ, неблагопріятствующихъ мнѣнію о двухъ изданіяхъ упомянутой *грамматики* (1588 и 1591 гг.). а) Грамматики львовской 1588 г. неизвѣстно ни одного экземпляра и никто никогда этого изданія не видѣлъ. б) Затруднительно допустить, чтобы Львовское братство, напечатавъ грамматикъ въ 1588 г., почти *тотчасъ же* преступило къ новому изданію этой грамматики. в) Ни на заглавномъ листѣ, ни въ предисловіи къ 'Αβαθότης нѣтъ и намека на то, чтобы это было *изданіе второе*, упоминаніе о чемъ, при вторичныхъ изданіяхъ, въ то время, было (за немвогими ис-

ключеніями) дѣломъ *обычнымъ*, а въ данномъ случаѣ, когда ведется (въ предисловіи) довольно обстоятельная рѣчь о преподаваніи греческаго языка въ Львовской школѣ и объ устройствѣ греческой типографіи, *положительно неизбѣжнымъ*.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что *единственное* доказательство, на которомъ зиждется мнѣніе объ изданіи Львовской Грамматики въ 1588 г., обосновывается на посланіи Виленскаго братства ко Львовскому, а между тѣмъ смыслъ этого посланія не только не благоприятствуетъ означенному мнѣнію, но и прямо противорѣчить ему,—мы считаемъ замѣчаніе рецензента *несостоятельнымъ*, по прежнему съ *уверенностію* заявляя, что 'Αδαβότης имѣло *одно* только изданіе *въ 1591 году*¹⁾.

Рецензентъ говоритъ, что мы, слѣдуя Пекарскому, невѣрно поняли начальныя слова Exegetis'a. С. Коссова. Именно, на 187 стр. своего сочиненія мы пишемъ: „Сильвестръ Коссовъ былъ вполне правъ, заявляя, что они (т. е. профессора Могиланской коллегіи) лучше насаждали въ русскіе умы латинскій языкъ, чѣмъ бывшіе до нихъ наставники“. Между тѣмъ въ подлинникѣ стоитъ: „już to czwaty rok zarędy swe cyrkluie, jakochmy w Kijowie palladyjskie kunsztu... na domcipach ruskich solidius, a niżeli przed nami będący, latina lingua flogyzować poczeli“. „Сравненіе этой фразы съ переводомъ ея у г. Голубева—говоритъ рецензентъ—показываетъ, что онъ понялъ ее невѣрно: въ ней говорится о *насажденіи* въ русскіе умы палладійскихъ искусствъ на *латинскомъ языкѣ*, а приведенный имъ переводъ говоритъ о насажденіи *латинскаю языка*“. Если бы

¹⁾ Мы скорѣе склонны допустить немаловажное значеніе за такимъ (если можно выразиться обратнаго свойства) возраженіемъ: Можно ли положительно утверждать, что въ 1588 году львовскимъ братствомъ послано было Виленскимъ братчикамъ начало Грамматики уже *въ отпечатанномъ видѣ*? Не была ли послана только часть ея, *приготовлявшаяся къ печати въ рукописи*?

рецензентъ ограниченъ этимъ детальнымъ замѣчаніемъ то мы ничего бы не возражали, или, точнѣе, сказали бы только, что переводъ Пекарскаго *не буквальный*, а потому не совсѣмъ точенъ, равно какъ не совсѣмъ точенъ и переводъ рецензента. *Floryszowac* не значитъ *насаждать*, а—*красить, украшать*,—и буквальный переводъ указанной фразы будетъ такой: „уже четвертый годъ.. какъ мы въ Кіевѣ палладійскія искусства начали *украшать* латинскимъ языкомъ на острыхъ умахъ русскихъ лучше, чѣмъ бывшіе передъ нами“¹⁾). Но суть дѣла въ томъ, что рецензентъ трактуетъ о неточности для того, чтобы сдѣлать отсюда такой выводъ: „Невѣрное пониманіе приведеннаго мѣста имѣло своимъ результатомъ то, что г. Голубевъ выставилъ, на основаніи его, положеніе, *будто* значеніе латинскаго языка въ кіево-братской школѣ было только тѣмъ ю сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ получилъ въ Могилевской коллегіи“.—Намъ такое замѣчаніе г. рецензента, старательно изучившаго наше сочиненіе, кажется страннымъ. Мы говоримъ о слабой постановкѣ латинскаго языка въ братскихъ до-могилянскихъ школахъ не на основаніи только вышеприведенной фразы изъ Exegeſis'a, а на основаніи знакомства со всею школьною постановкою преподаванія въ тогочасныя училищахъ. Говоримъ о попыткахъ братствъ ввести латинскій языкъ и о введеніи его въ школьную программу, о сильныхъ протестахъ противъ этого ревнителей православія съ консервативнымъ образомъ мыслей („не ходи, любимый брате, до латинское хитрословное жи: бо вѣру сгубишь“), ощутительномъ недостаткѣ въ способныхъ преподавателяхъ сего языка,—и затѣмъ, переходя въ частности къ кіево-братской школѣ, гдѣ, по нашему мнѣнію, преподаваніе латыни велось съ вѣскольکو бѣльшимъ успѣхомъ, добавляемъ: „но, разумѣется, значеніе

¹⁾ Рецензентъ не переводитъ всей фразы, очевидно, затрудняясь воспроизводимымъ имъ въ рецензіи словомъ *dotciprach*, какого слова въ польскомъ языкѣ нѣтъ. Это у насъ опечатка. Слѣдуетъ читать—*downciprach*.

латинскаго языка въ означенной школѣ было только тѣмъ въ сопоставленіи съ тѣмъ значеніемъ, какое пріобрѣтаетъ онъ здѣсь въ слѣдующій (могилянскій) періодъ,—и Сильвестръ Коссовъ былъ вполне правъ, заявляя, что профессора Могилянской коллегіи "... и проч. (слѣдуетъ извѣстная выдержка изъ Exegetis'a). Такимъ образомъ, выдержка изъ Exegetis'a (въ буквальной или не буквальной передачѣ,—это дѣло, въ сущности, неважное) служить только заключительнымъ дополненіемъ нашего положенія, уже предварительно достаточно обоснованнаго, вытекающаго изъ общаго обзора состоянія тогочасныхъ школъ. Поэтому, читая замѣчаніе рецензента, мы крайне были удивлены естественно явившимся предположеніемъ: неужели г. Соболевскій не раздѣляетъ нашего мнѣнія по данному вопросу (относительно слабой постановки латинскаго языка въ домогилянскихъ школахъ, сравнительно съ постановкою его въ Могилянской коллегіи)? Впрочемъ, наше недоумѣніе продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько страницъ, дѣлая въ своей рецензій краткую характеристику кіево-братскаго училища и Могилянской коллегіи въ учебномъ отношеніи, г. Соболевскій дословно говоритъ слѣдующее: „Главные черты братскаго училища (до Могилы), съ одной стороны, и академіи—съ другой, совершенно различны. Кіевское училище было, какъ и другія братскія училища, школою, по преимуществу, *греко-славянскою съ русскимъ языкомъ въ преподаваніи*; академія была школою *латинскою, съ латинскимъ языкомъ въ преподаваніи*“. Характеристика вѣрная, вполне согласная съ нашими выводами въ сочиненіи. Но въ такомъ случаѣ, мы удивляемся, какой смыслъ имѣетъ выше указанное замѣчаніе рецензента (г. Голубевъ выставилъ положеніе, *будто* значеніе латинскаго языка было только тѣмъ... и проч.)?

Рецензентъ говоря, что мы не выкли въ смыслѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ документахъ, для подтвер-

ждения своего заявления дѣлаетъ экскурсію и въ наше сочиненіе—*Кіевскій митрополитъ Петръ Мошала и ея сподвижники*. Онъ говоритъ: „Ошибку г. Голубевъ сдѣлалъ также въ своемъ „Петръ Могила“. Въ печатной брошюрѣ 1618 г. „Възерунокъ цвотъ... Елисея Плетенецаго“. Плетенецкій восхваляется между прочимъ за покупку типографіи, принадлежавшей прежде Ѳедору Балабану:

...„воскресилъ друкарню *припалуу пыломъ*

Балабана, цвотъ великихъ, речю и тежъ дѣломъ“.

Г. Голубевъ понимаетъ слова: „припалуу пыломъ“ въ значеніи: покрытую пылью, и выводитъ заключеніе, что типографія Балабана, по смерти его, „долгое время находилась въ забвеніи, бездѣйствовала“ (стр. 391). Но слово *припалый* есть ничто иное, какъ польское *przypadły*—случившійся, прибывшій, возникшій, и выраженіе: „припалая пыломъ Балабана“ значитъ: „возникшая благодаря пыли, усердію Балабана“.

Хотя нашъ рецензентъ извѣстный филологъ, но въ данномъ случаѣ едва-ли имъ не сдѣлавъ крупный промахъ. Слово *припалый* происходитъ отъ глагола *przypaść* (*przypadł*), первое значеніе котораго—*припасть, упасть*. „*Natym S. mieyscu*—говоритъ М. Смотрицкій въ своей Апологіи—*Stwórzcielowi memu Bogu pokłon moją uczyniłem... do tych s.s. mieysc duszą moją u ciałem przypadałem*“ (стр. 5).—Слово же *пыль* въ польскомъ и малороссійскомъ нарѣчій значитъ (прямое, непосредственно значеніе) *пыль, пылинка*, или какъ объясняетъ Линде въ своемъ словарѣ (т. 4, изд. 1858 г. стр. 4)—*proch bardzo drobny z żyta albo piasku*. А вотъ и примѣръ изъ тоговременной литературы. *Przywiedli świeże na ufę na Litwie z tyłu, uderzyli w nich iż świat zachmurzył się z pyłu*. Что слово *пыль*=*пыль, пылинка*, въ соединеніи съ малороссійскимъ—*припалый*, означаетъ ничто иное, какъ *покрытый пылью*, а въ переносномъ значеніи—*находившійся въ забвеніи*, для примѣра приведемъ слѣдующую выдержку изъ одной малороссійской пѣсни:

Нема жъ мого мнленького
 Нема жъ мого пана;
 Авже жъ моя постіль біла
Пыльчкомъ припала.

Такимъ образомъ мы съ увѣренностію отстаиваемъ свой переводъ и пониманіе указаннаго мѣста въ *Везерункъ цмоть*, а равно и сдѣланные на основаніи такою пониманія выводы.

Рецензентъ говоритъ, что мы предлагая цитату изъ завѣщанія Іова Борецкаго *замѣнили* слово „приказую“ словомъ „заказую“, т. е. „запрещаю“, которое даетъ подлиннику другой смыслъ.

Если бы рецензентъ ограничился только заявленіемъ; что нами допущена *описка*,—мы сказали бы: да, по несмотру допущена и придали бы его замѣчанію значеніе *корректирной поправки* (какимъ оно и должно быть на самомъ дѣлѣ). Но рецензентъ говоритъ, что мы *замѣнили* одно слово другимъ, отъ чего измѣнился смыслъ подлинника. Словомъ, какъ бы даетъ понять, что намъ подобная замѣна нужна была для положенія, дѣйствительнымъ фактамъ не соответствующаго... Но въ такомъ смыслѣ понимаемое замѣчаніе рецензента не имѣетъ основаній. Разкрываемъ 227 стр. своего сочиненія и читаемъ: „Посылка Могилою молодыхъ людей за границу и его намѣреніе открыть высшую коллегію въ Лаврѣ сдѣлались извѣстны кievскому братству и возбудили въ немъ тревогу. Братство увидѣло въ этомъ подрывъ своей школѣ... Нѣтъ сомнѣнія, что въ это еще время братство заявило Могилѣ о неудобствахъ раздѣленія научныхъ силъ между двумя школами и просило его готовить ихъ для своей коллегіи профессоровъ помѣстить въ братской школѣ, расширивъ въ ней кругъ предметовъ. По крайней мѣрѣ Іовъ Борецкій въ своемъ духовномъ завѣщаніи уже проситъ объ этомъ Могилу, *подъ не благословеніемъ заказуя, дабы школа въ братствѣ Кievскомъ для цвѣченя дѣтокъ, и*

не ідѣ индей фундованы были... Но Петръ Могила, кажется, въ это время не думалъ исполнять желанія братчиковъ"... Ясно, что отъ допущенной нами *описки*¹⁾ смыслъ текста ни на іоту не измѣнился, тѣмъ болѣе, что слово *заказую*, какъ въ великорусскомъ и польскомъ языкахъ, такъ и малорусскомъ нарѣчій значить не только запрещаю (первое его значеніе), но и *приказываю* (см. словари Даля, Линда и другіе).

Рецензентъ утверждаетъ, что мы допустили нѣсколько неточностей при изложеніи отдѣла въ своемъ сочиненіи о *школьныхъ* порядкахъ въ кіево-братскихъ училищахъ; а именно: а) „на стр. 208—говоритъ г. рецензентъ—мы читаемъ, что при отдачѣ дѣтей въ школу родители вступали въ переговоры съ учителемъ, и съ нимъ условливались о платѣ за обученіе, послѣ чего имя ученика заносилось въ школьный списокъ (реестръ). При этихъ словахъ авторъ указываетъ, какъ на источникъ, на уставы школъ львовской и луцкой, въ которыхъ не только нѣтъ ничего подобнаго тому, что онъ говоритъ, но читается даже нѣчто противоположное. Въ уставѣ Львовскаго училища упоминается, что братство Львовское всегда само опредѣляло, сколько долженъ получить учитель съ ученика („ведлугъ постановленія братскаго, якъ почому поставятъ на кварталъ дидаскалу давати отъ хлопца“), такъ что учителю не было нетолько надобности, но и возможности торговаться о платѣ съ родителями учениковъ“. б) „О платѣ за ученіе въ кіевской братской школѣ авторъ говоритъ на основаніи того, что извѣстно намъ о школѣ львовской. По его словамъ, она зависѣла отъ большей или меньшей состоятельности родителей или родственниковъ ученика. Но приводимыя имъ въ доказательство выписки изъ львовскаго школьнаго реестра 1587 г. указываютъ, что плата за ученіе опредѣлялась братствами не на основаніи степени состоятельности уче-

¹⁾ На стр. 170 своего сочиненія мы приводимъ выдержку указаннаго мѣста въ духъ завѣщанія Борецкаго *безъ описки* („приказую“).

никовъ (какъ въ польской Замойской академіи, гдѣ болѣе богатые ученики, при поступленіи, вносили 10 грошей, а болѣе бѣдные 6), а смотря по предметамъ, которымъ должны были обучаться ученики, или, говоря словами львовскаго школьнаго устава, *ведлугъ мѣтъ и науки дѣтинею*. Мы читаемъ въ реестрѣ, что какой-то Карпо, человекъ простой и небогатый, судя по неупоминанію его прозвища, уплатилъ за своего сына 16 грошей, между тѣмъ какъ попъ Иванъ Болбега, панъ Иванъ Красовскій, попъ Стефанъ, торговецъ Иванъ Богатырь, уплатили за своихъ дѣтей только по 12 грошей, а какая-то Варвара Грицковская, чрезъ пана Леска, внесла за сына еще менѣе—6 грошей. Различіе въ платѣ, смотря по предметамъ обученія, было обычнымъ явленіемъ въ школахъ того времени; такъ въ Краковскомъ университетѣ начала XVII в. лица, желавшія получить степень магистра, платили профессорамъ гонораръ за лекціи по особой таксъ: лекція *de seculo* оплачивались 4 грошами, лекція *de generatione*—3, метафизика Аристотеля—6 и т. д.“.

Прежде всего замѣтимъ, что мы въ своемъ сочиненіи *нигдѣ* не говоримъ, чтобы родители или родственники ученика съ учителями вступали въ переговоры о платѣ за обученіе. Послѣдніе дѣйствительно получали *опредѣленное* вознагражденіе за обученіе изъ *братскихъ средствъ*, соотвѣтственно *преподаваемой* ими наукѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только братскіе уставы, но и дошедшіе до насъ *рукописные протоколы братскихъ засѣданій*. Такъ, напр., въ протоколахъ Львовскаго братства подъ 1604 г. читаемъ: „Того же часу (1604 г.) принятый былъ отъ всего братства до школы за ректора Іоанъ Борецкій, которому брата подали въ мощъ школу такъ же и порадки школьные. И поступили му на каждый кварталъ давати по золотыхъ польскихъ 10. За що онъ, подяковавши братіямъ, таковую контентацію завдячне приналъ и офѣрвалоя дѣтей и грецкого и латинскаго языка учити.—Тымже тежъ обычаемъ приняли братія Федора Сидоровича такъ до церковное працы, такъ

Труды Киев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г. 9

тежъ до ученія дѣтей языка словенского. За що му контен-тацію наменили на каждый кварталъ по золотыхъ польскихъ 5⁴.—Рецензентъ, очевидно, не понялъ насъ. Мы говоримъ: „поступленіе *въ школу* обставлено было такою формальностію: отдающій въ науку сына или родственника долженъ взять съ собою одного или двухъ свидѣтелей—да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь,—и войти съ учителемъ въ соглашеніе относительно *обученія* мальчика согласно со школьными порядками. *Здѣсь же* (т. е. *въ школѣ*) *условились* о платѣ за обученіе, послѣ чего ученикъ заносился въ школьный списокъ (реестръ)⁴.—Рецензентъ слово *здѣсь* замѣняетъ выраженіемъ *съ нимъ* (т. е. *учителемъ*) и такимъ образомъ приписываетъ намъ мнѣніе, котораго мы вовсе не держимся¹).

Но рецензентъ преимущественно отстаиваетъ ту мысль, что при поступленіи учениковъ въ школу *не могло быть и рѣчи о какихъ-либо условіяхъ о платѣ за ученіе*, такъ какъ она точно опредѣлялась братствами, опредѣлялась *не на основаніи степени состоятельности учениковъ, а смотря по предметамъ, которымъ долженъ былъ обучаться ученикъ*. Что братскими уставами была опредѣлена норма для платъ за обученіе,—*объ этомъ мы говоримъ въ сочиненіи*; что „при опредѣленіи количества взноса имѣлось въ виду и то, въ какой классъ включаемы были ученики“,—*объ этомъ мы тоже говоримъ*. Мы добавляемъ только, что плата въ разныхъ школахъ, да и въ одной и той же, въ разные времена была не одинакова. „Притомъ, при *опредѣленной нормѣ*, установившейся въ извѣстное время *были отъ нея уклоненія*, что, очевидно, зависѣло отъ большей или меньшей состоятельности родителей или родственниковъ ученика“. Въ подтвержденіе послѣдняго положенія мы приводимъ слѣдующія данныя. „Въ школьномъ реестрѣ львовскаго братства за 1587 г.

¹) Безъ сомнѣнія, условились о платѣ за обученіе родители или родственники ученика съ братчиками, завѣдывавшими школою.

читаемъ: „Карпо далъ сына своего Стецка до школы русское на науку грошей (заплатилъ) 16^с. „Попъ Иванъ Болбега далъ сына своего Иванца до школы русское на науку... грошей 12^с. „Панъ Иванъ Красовскій отдалъ хлопцевъ два... своихъ Романа и Андрея, отъ одного 12 грошій, а другій 6 грошей^с. „Варвара Грицковская отдала презъ пана Леска сына своего Фодьба, грошей 6^с и т. п.—Кромѣ денежныхъ взносовъ—продолжаемъ мы—были приношенія за обученіе и натурою. Въ томъ же школьномъ реестрѣ львовскаго братства читаемъ: „Я Иванъ Богатырь Крамарь отдаю сына своего Михаила Стефану даскалу русскому на науку словенского писма, и маю платити на кварталъ 12 грошей полскихъ и возъ дровъ на зиму^с. „Попъ Стефанъ самъ презъ себе далъ хлопца Арсенія... 12 грошій и возъ дровъ^с, (въ нѣкоторыхъ записяхъ послѣ денежнаго взноса прибавка: „и што ласка его^с).—Съ воспитанниковъ бѣдныхъ плата вовсе не взималась: „Маруша Стецковская вдова отдала сыновъ своихъ презъ попа Леска сиротъ двоихъ: Іакова и Григорія (на мѣстѣ, гдѣ заносилась плата, обозначено—*сироты*). Въ реестрѣ того братства за 1588 г. читаемъ: „Катерина вдова дала сына ея Юлка (на мѣстѣ платы: *нищій*)^с.

Рецензентъ не довольствуется такими данными. Онъ видитъ въ нихъ только подтвержденіе своей мысли, что плата взималась *опредѣленная* „ведлугъ дѣтъ и наукъ дѣтняов^с. „Какой-то Карпо, говоритъ онъ, простой и не богатый, судя по неупоминанію его прозвища, уплатилъ за своего сына 16 грошей, между тѣмъ попъ Иванъ Болбега, панъ Иванъ Красовскій, попъ Стефанъ, торювецъ Иванъ Богатырь только по 12 грошей^с. Мы не будемъ говорить о томъ, что степень благосостоянія далеко не всегда зависитъ отъ общественнаго положенія известнаго лица (*священникъ и панъ* могутъ быть, и зачастую бывають, бѣднѣе мужика),—мы обратимъ вниманіе во первыхъ на то, *опускаемое рецензентомъ обстоятельство*, что и Карпо, заплатившій за своего

сына *16 грошей*, и попъ Волбехъ, заплатившій за своего сына *12 грошей*,—оба они влючили своихъ дѣтей въ *одинъ и тотъ же классъ* (до школы *русское на науку*). Но это еще не особенно важно (можно возражать, что такъ и называлась *Львовская школа*, что и въ одномъ классѣ обученіе было *неодинаково*): обращаемъ, во вторыхъ, вниманіе на то, что при платѣ за обученіе нѣкоторые родители и родственники обязывались дѣлать взносы и *натурою* (дровами); давали и неопредѣленные общація (*и што ласка ею*); а иногда дѣти (бѣдныя) обучались даже и вовсе безъ платы... Притомъ, подобныя уклоненія отъ определенной нормы за обученіе были *естественны*, скажемъ болѣе, *неизбѣжны* при томъ *характеръ, духъ и направленіи*, какими были пронизнуты въ рассматриваемое время западно-русскія братства. Братства заводили свои школы *не иуснаю ради прибытка*. Братства, устраивая школы, видѣли въ нихъ надежное средство къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и твердую опору противъ иновѣрной пропаганды. Имѣли въ виду, чтобы православные, *да не отъ чуждаю источника піюще, смертоноснаю яда западнѣя схизмы упишеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся*. Можно ли поэтому, рассуждая даже а priori, допустить, чтобы братства, устанавливая извѣстную норму для платы за обученіе, не различали и не дѣлали снисхожденія въ данномъ случаѣ для дѣтей, сравнительно менѣе состоятельныхъ, когда это дѣлалось даже—по словамъ рецензента—въ Замойской академіи?

Впрочемъ, для вѣщаго убѣжденія уважаемаго рецензента мы приведемъ здѣсь по данному вопросу еще одно *документальное* свидѣтельство, вполне подтверждающее нашу мысль. Въ рукописныхъ протоколахъ львовскаго братства, послѣ извѣстія о приѣмѣ въ школу въ качествѣ ректора Іова Борецкаго и назначеніи ему опредѣленной платы за обученіе, читаемъ: „Братія, которые сыны свои даючи до школы учити языка грецкого и латинского *с хоти своей постунаючи кождый съ преможеня* своего отъ сына братству

всему. с которых то грошій масть давати тую контентацію дядаскалови вышъмененную".—Плата за обученіе производилась, какъ видно, съ *хоти*, т. е. *по доброй волѣ*, съ *премощенія*, т. е. *по мѣрѣ возможности*, по силѣ, *сообразно со средствами лицъ*, отдающихъ своихъ дѣтей или родственниковъ для обученія.

Такимъ образомъ, мы съ увѣренностію остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, оспариваемомъ уважаемымъ рецензентомъ. Именно, заявляемъ, что „при определенной нормѣ за обученіе, устанавливавшейся въ извѣстное время, были отъ нея уклоненія, что, очевидно, зависѣло отъ большей или меньшей состоятельности родителей или родственниковъ ученика“ (см. 208 стр. нашего сочиненія).

Рецензентъ, указывая на то, что мы склонны видѣть въ школѣ, введенной Гулевичевою въ ея фундушъ, школу лаврскаго происхожденія, и вообще готовы считать Плетенецкаго основателемъ школъ и въ другихъ мѣстахъ,—заявляютъ, что „онъ (рецензентъ) не знаетъ ни одного яснаго указанія на устройство Плетенецкимъ *какихъ бы то ни было училищъ*“. Такъ, о лаврской школѣ не упоминается въ предисловіи къ *Часослову*, напечатанному въ Лаврѣ въ 1617., гдѣ *естественно было бы упомянуть о лаврской школѣ, о ея нуждахъ* и т. п., такъ какъ книга его издава „по мольбѣ православныхъ“ въ виду ея потребности для училищъ въ Кіевѣ. Далѣе, въ *Везеруннѣ цнотѣ*, панегирикѣ Плетенецкому 1618 г., умалчивается о *какихъ бы то не было существующихъ или существовавшихъ лаврскихъ школахъ*. Поэтому, *очевидно, что до 1618 г.* Плетенецкій не устраивалъ нигдѣ школъ. „Объ устройствѣ имъ школы въ Лаврѣ послѣ 1618 г. мы также не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ указаній. Слова Захарія Копыстевскаго въ „Казаніи“ на погребеніи Плетенецкаго: „науки намъ такъ познавая разныхъ діалектовъ, якъ и вырочумена письма Божія жичилъ (жалалъ) и о ди-

дасказы искусными старался^а; настолько неопредѣлены, что не позволяют дѣлать никакихъ заключеній; первая часть, кажется, между прочимъ, имѣетъ въ виду заботы Плетенецкаго объ исправленіи, сочиненіи и изданіи книгъ; вторая же говорить не объ учителяхъ въ узкомъ значеніи этого слова, а о проповѣдникахъ. Во всякомъ случаѣ въ „Казань“, гдѣ вычисляются всѣ заслуги покойнаго (даже по устройству бумажной фабрики), ни однимъ словомъ не упоминается о школахъ въ Даврѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Что касается до словъ того же Колыстененаго въ „Омилія“ въ день годовичнаго помяновенія Плетенецкаго, гдѣ Плетенецкій именуется „фундаторомъ школъ въ разныхъ мѣстахъ“, то уже одна неопредѣленность ихъ препятствуетъ намъ видѣть въ нихъ указаніе на школу въ Даврѣ. Эти слова могутъ быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что Плетенецкій способствовалъ устройству школъ разными учрежденіями и лицами, покровительствовалъ имъ; можетъ быть, здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ братское училище въ Кіевѣ, которому печерскій архимандритъ оказывалъ тѣми или другими способами поддержку и вспоможеніе въ качествѣ старшаго члена братства^а.

Прежде всего отвѣтимъ на первую половину замѣчаній г. рецензента. Умолчаніе въ извѣстныхъ сочиненіяхъ или документахъ о какомъ либо событіи *не всегда* можетъ служить доказательствомъ, что этого событія на самомъ дѣлѣ *не было*. Для констатированія послѣдняго положенія нужны болѣе *несомнѣнныя* доказательства, чѣмъ какія представлены г. Соболевскихъ. Часословецъ 1617 г. имѣетъ два предисловія. Въ одномъ, писанномъ іеродіакономъ Захаріею Копыстенскимъ, подробно трактуется *о составѣ, пользѣ и употребленіи* сей книги (что очень умѣстно и естественно). Во второмъ—отъ лица Елисея Плетенецкаго, послѣ краткой похвалы Орологіону (т. е. Часослову) говорится о причинѣ выхода его изъ новоустроенной типографіи и притомъ—выходъ въ качествѣ *первой* книги. Именно дословно гово-

рится здѣсь слѣдующее: „И да не речеть кто, яко уже не единою Типографіи произыде книга сія. Вѣскую се; добра бо купля присно на торжищи. нужное брашно выву въ Макелѣхъ, и органъ ниже частіе употребляемъ всегда художникъ дѣлаеть. не подобаше ли наче органу молитвъ; яже есть дѣло всегдашнее, и болій в ней трудъ предлежитъ, яко же рече Авва Аггабонъ, Всяко житіе, еже проходитъ человекъ стража в немъ, стяжываетъ покой, а еже молятися, до послѣднаго издыхновенія труда требуетъ. ксимже и умоленъ бывъ правовѣрными, яко да исполнятся требованіе, еже въ училищехъ въ православномъ Градѣ Кіевѣ, и въ прочіихъ. Сидѣ же и годѣ бѣ, хотящимъ намъ помощію Божію, издати свѣту книгу, инако не подобаше, точію отъ молитвы начати, яже вся предваряюща. Тогда яко едино благословеніе отъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, приемлѣте человекѣлюбне сію цѣлованія Книгу, чающей аще Господь вѣсхощетъ вскорѣ облобызанія прочіими, сподобитися, молѣтеже Бога въ Троици единого да поспѣшитъ еже умыслихомъ Типарскимъ дѣломъ угодати церквамъ православнымъ нынѣшнее и еже быти хощетъ начинаніе суду и исправленію вѣсточна Церкви предающе. здравствуйте о Господѣ“. Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣль послѣдняго (перваго по порядку) предисловія состояла въ томъ, чтобы въ самыхъ *краткихъ, общихъ* чертахъ указать на большую потребность Часослова въ обществѣ (нуженъ для *молитвы*, нуженъ для *училищъ*).—Спрашивается, кстати ли здѣсь было Плетенецкому говорить „о своей лаврской школѣ, ея нуждахъ и тому подобномъ?“ И во всякомъ случаѣ, можно ли на основаніи указанныхъ данныхъ строить такой силлогизмъ: въ предисловіи къ Часослову 1617 г., (гдѣ вскользь упоминается, что онъ нуженъ для училищъ) не говорится о лаврской школѣ и нуждахъ оной,—ergo... ея въ то время не существовало.

Повидимому, важнѣе указаніе автора на *Възерунокъ* *имотъ* 1618 г.,—панегирикъ Е. Плетенецкому,—гдѣ есте-

ственно было бы упомянуть „о какихъ бы то ни было существующихъ или существовавшихъ лаврскихъ школахъ“. Но и это умолчаніе не необъяснимо. *Възерункъ*, написанный стихами, очень кратокъ. Панегиристъ въ немъ упоминаетъ далеко не о всѣхъ заслугахъ кіево-печерскаго архимандрита, о чемъ и заявляется въ самомъ панегирикѣ:

Цноты твои, о отче, вему свѣту явны,
 А въ вгмѣне православныхъ велице похвалны.
Границею обвести съ аркушу папѣру,
Которымъ до выличеня нѣхтъ не найдетъ мѣру.
 А власне подобенство въ той мѣрѣ найду
 И собѣ то за властность приписую,
 Якобы хто въ долъ море вылятися важилъ,
 Того нѣвгды не допнетъ, бы якихъ штукъ зажилъ.

Разумѣется, это слишкомъ обычная въ тѣ времена гипербола. Но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ разсматриваемомъ панегирикѣ не нашли себѣ мѣста *существеннѣйшія* стороны уже заявившей себя дѣятельности Е. Плетенецкаго. Напр., ни слова не говорится о *возстановленіи съ обители общежитія по чину св. Василія и вообще объ улучшеніи иноческой жизни, о вызовѣ съ Лавру изъ разныхъ мѣстъ ученыхъ мужей, о борьбѣ съ разными лицами, посвятившими на имущество печерской обители, и т. п.* Дѣло въ томъ, что авторъ пишетъ свой панегирикъ по установившимся образцамъ тоговременной панегирической литературы, вслѣдствіе чего стремится не столько къ тому, чтобы перечислить *всѣ дѣйствительныя* заслуги печерскаго архимандрита, сколько заботится о томъ, чтобы возможно болѣе *возвеличить* своего патрона, и притомъ возвеличить съ *своей* или, точнѣе, съ господствовавшей въ то время точки зрѣнія относительно *цѣнности* тѣхъ или другихъ похвалъ. Вслѣдствіе этого „Възерункъ цнотъ“ представляетъ собою произведеніе, наиболѣе изобилующее риторическими фразами, чѣмъ данными для характеристики того лица, восхваленію коего оно посвящено; вслѣдствіе этого здѣсь на пер-

вомъ планѣ стоитъ прославленіе *клейнота* (т. е. герба) иль *м. паноуъ Плетенецкихъ*, прославленіе *радовитости Е. Плетенецкаю* („на урожене“) и его „проложенства“, сравнительно длинныя разсужденія о невозможности достойно воспѣть своего патрона (см. „промову“, — наиболѣе обширный и наиболѣе безсодержательный отдѣлъ панегирика), „коляда“; собственно же о заслугахъ воспѣваемого патрона говорится въ слѣдующихъ отдѣльцахъ: *статечность въ вѣрѣ* (16 стиховъ), *праца и старане о Ремѣ старожитной* (16 стиховъ), *фундаване монастырей и церковей* (16 стиховъ) и *фундаване друкарни* (18 стиховъ). Да и въ этихъ, болѣе къ дѣлу относящихся отдѣлахъ, панегиристъ, въ большинствѣ случаевъ, отдѣляется общими мѣстами. Такъ, напр. *праца и старане* Плетенецкаго о *Ремѣ старожитной* изображается панегиригомъ въ слѣдующихъ общихъ фразахъ:

Подчасъ правѣ утисковъ, подъ часъ бѣдъ церковныхъ,

Подчасъ ей турбацій, и невчасу полныхъ:

Тебѣ Отче Богъ прейзрѣлъ опекуномъ быти,

Тобѣ церковь поручилъ отъ злыхъ боронити.

Якожь видимъ на око хентное старане,

Видимъ кошту, здорovia, збытъ не шановане

Не вчасъ собѣ за роскошь покладаешъ быти,

Жебы православія моглесъ боронити.

Не глядишся на вѣкъ свой шедивости полный

Не боронишся працы вѣгды быти волный.

Яко вѣрный служебникъ у папа своего,

В день и в ночи вставичне чуючій до него.

Который ты пастыремъ до своего стада

Обралъ быти: жадная абовѣмъ завада

Въ паствѣ ся находить сторожи твоей:

За що дасть ти Корону Богъ хвалы своей.

При этомъ нужно имѣть въ виду также и то обстоятельство, что панегиристъ свое произведеніе пишетъ по рубрикамъ (*на клейнотъ, на урожене, статечность въ вѣрѣ*), что естественно, должно было неблагопріятно отозваться на

его фактической содержательности (чтобы воспѣть всѣ стороны дѣятельности архимандрита нужно было много построить рубрикъ: отсюда рѣчь объ этой дѣятельности—въ общихъ чертахъ). Поэтому, повторяемъ, хотя въ *Визерунки имоть* 1618 г., повидимому, и естественно было ждать упоминанія о лаврской школѣ,—но отсутствіе такого упоминанія еще нельзя считать за несомнѣнное доказательство того, что школы здѣсь въ означенное время не было; *тѣмъ болѣе*, что мы имѣемъ *положительныя относительно этого предмета свидѣтельства современниковъ Е. Плетенецкаю*. Правда, рецензентъ не признаетъ значенія за этии свидѣтельствами; но мы думаемъ, что онъ *ошибается*. У Копыстенскаго въ казаніи говорится: „Науки намъ (почившій архимандритъ Е. Плетенецкій) *такъ познавая розныхъ діалектовъ, такъ и выразуменя письма Божюю жичиль, и о дидаскалы искусные старался*“⁴. Рецензентъ—какъ мы видѣли—думаетъ, что въ первой части означеннаго мѣста говорится о заботахъ Плетенецкаго по исправленію, сочиненію и изданію книгъ, а во второй—о *проповѣдникахъ*. Но это толкованіе произвольное, во 1-хъ, не соотвѣтствующее *прямоу, буквальному тексту* казанія (познаніе, изученіе разныхъ языковъ—не *исправленіе или переводъ; дидаскалы—учителя, а не проповѣдники*), а во 2-хъ, на что рецензентомъ не обращено вниманія, находится въ *совершенно противорѣчій съ контекстомъ* рѣчи. Непосредственно послѣ словъ: „и о дидаскалы искусные старался“⁴, въ казаніи читаемъ: „*венци и іерокириковъ, т. е. проповѣдниковъ слова Божюю церковныхъ приспособлялъ, задерживалъ, выховане ихъ ставу и повинности пристойное и довольное давалъ, и самъ любовне ихъ слушаючи, не охочимъ слушаючомъ до чудости былъ поводомъ и прикладомъ*“⁴. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ первомъ случаѣ Копыстенскій говоритъ о *наукахъ и дидаскалахъ* въ настоящемъ, а не переносномъ значеніи сихъ словъ; иначе, (если держаться толкованія рецензента) выйдетъ нѣчто несообразное: Е. Плетенецкій старался объ *искусныхъ проповѣдникахъ* (дидаскалахъ), такъ-

же заботился объ *іерокирикахъ*, т. е. *проповѣдникахъ*. Очевидно, такой несообразности З. Копыстенскій сказать не могъ. Что Копыстенскій въ указанныхъ мѣстахъ говорить о разныхъ предметахъ—*объ учителяхъ и наукахъ* въ началѣ и *о проповѣдникахъ* вслѣдъ затѣмъ,—это видно также и изъ того, что на поляхъ Казаніи противъ того мѣста, гдѣ говорится *о дидаскалахъ*, напечатано: *науки*; а противъ мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о проповѣдникахъ, напечатано: *казанія церковныя*. Не ясно ли, что въ томъ и другомъ случаѣ сообщаются свѣдѣнія *о разныхъ предметахъ*? Очевидно, въ связи съ этимъ и выраженіе о Плетенецкомъ въ другой проповѣди Копыстенскаго (Омиліи): *„Поминаймо ученыхъ людей приближице, науки любящихъ промотора и школы на разныхъ мѣстахъ зычливало фундатора*,—это выраженіе слѣдуетъ понимать *буквально*, а не такъ, какъ его толкуетъ рецензентъ (т. е., что Плетенецкій самъ лично не основывалъ школъ, а только способствовалъ въ этомъ другимъ)... Притомъ г. рецензентъ, отрицая существованіе въ Лаврѣ школы при Е. Плетенецкомъ, совершенно опускаетъ изъ вида слѣдующія въ высшей степени важныя обстоятельства: Во первыхъ, что съ конца XVI столѣтія, со времени появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, когда усилившаяся пропаганда католицизма серьезно стала угрожать православію,—*въ средѣ наиболее дальновидныхъ южно-русскихъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія*,—явилось сознаніе, что то „*вельми много зашкодило павству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширяти; и оныхъ не фундовано: бо коли бы науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя поглубели*“,—и что результатомъ этого сознанія было стремленіе *ревнителей православія къ заведенію школъ*. Во вторыхъ, что подобнымъ науколюбивымъ ревнителемъ православія былъ именно Е. Плетенецкій. Мы говорили въ своемъ прежнемъ сочиненіи (Петръ Могила), что многозаботливый архимандритъ печерской Лавры Е. Плетенецкій почти забытъ исторіею. Между тѣмъ вся его двадцатипяти-

дѣтняя дѣятельность (особенно послѣдняя половина) въ качествѣ настоятеля кіево-печерской обители всецѣло посвящена служенію церкви. *Возстановленіе въ обители общезжитія по чину св. Василія и вообще заботы объ улучшеніи иноческой жизни, заведеніе въ Лаврѣ типографіи, устройство бумажной фабрики, вызовъ въ Лавру ученыхъ людей, а также лицъ, хорошо знакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ, изданіе книгъ, образованіе института проповѣдниковъ, устройство монастырей, церквей, шпиталей,*—вотъ плоды этой дѣятельности! Имѣя въ виду указанныя основныя черты сей дѣятельности, видя въ Плетенецкомъ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, можно ли (даже разсуждая а priori),—можно ли допустить, чтобы этотъ науколюбивый архимандритъ, окружившій себя цѣлюю корпорациею ученыхъ людей, не сознавалъ всей важности школьнаго обученія и не принялъ относительно этого дѣла соотвѣтствующихъ мѣръ?... Можно ли допустить, чтобы имъ не заведена была школа въ обители, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, когда въ указанное время въ лучшихъ монастыряхъ подобныя школы становятся явленіемъ почти обычнымъ? При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что независимо отъ своей расположенности къ наукѣ, Е. Плетенецкій и нравственно обязывался къ заведенію школы во вѣреннѣйшей ему обители, какъ располагавшей богатыми матеріальными средствами.—Еще въ первое десятилѣтіе своего архимандритства имъ *сдѣлано было въ этомъ смыслѣ общаніе.* Въ инструкціи, давней 1608 г. волынскимъ посланцѣмъ, отправленными на Варшавскій сеймъ, между прочимъ говорится: „*Siminaria mitropolita władykowie u archimandrita Piecwerski dla ćwiczenia dzieciak ubogich szlacheckich, wedle obietnicy swej, aby fundowali.* (Арх. юго-зап. Рос. ч. II, и I, стр. 92). Имѣя въ виду все сказанное, можно-ли говорить, что въ Лаврѣ при Е. Плетенецкомъ не было школы?..

Г. рецензентъ замѣчаетъ, что мы опустили въ своемъ сочиненіи нѣкоторые данныя для освѣщенія того или другаго

вопроса, хотя эти данныя находятся въ доступныхъ для насъ источникахъ. Такихъ опущеній имъ указано два.

Первое опущеніе: Говоря объ учебникахъ, употреблявшихся въ до-могилянскихъ школахъ и дошедшихъ до нашего времени, мы не упомянули „объ одной учебной книгѣ, напечатанной въ Кіевѣ для Кіево-братской школы“,—именно о *Часословѣ* 1616—1617 г. Этотъ *Часословъ*—говорить рецензентъ—назначался для цѣлей преподаванія и былъ напечатанъ Плетенецкимъ по мольбѣ православныхъ (очевидно, братства кіевского) *да исполнится требованіе еже въ училищехъ въ православномъ градѣ Кіевѣ и прочіихъ.*—Объясняемъ. На указанной 189 стр. мы говоримъ: „Такъ какъ въ братскія школы принимались за частую дѣти, вовсе не подготовленныя, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки, затѣмъ слѣдовали—*часословъ* и *псалтырь* (въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія), далѣе—грамматика и прочія науки... Мелетій Смотрицкій въ предисловіи къ своей *грамматикѣ* (изд. 1619 г.) пишетъ: „Дѣткамъ учиться починающимъ, *букварь*, звыше рекуши *Алфавитарь*, зътой же *грамматикѣ* вычерпленный, абы склоненіями *грамматичными* зъ дѣти дѣтанныхъ зъ мовою заразъ навывкали, до наученя подаваный нехай будетъ. По *часословѣ* засъ и *псалтири* (которые *опусканы быти не мають*) выученію ся оная *грамматика* зъ выкладами, то есть зъ показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступить“.—Такимъ образомъ, мы ясно и опредѣлено констатируемъ тотъ фактъ, что въ школьную программу до-могилянскихъ братскихъ училищъ входило (входило какъ дѣло обычное, узаконенное практикою) изученіе *Часослова*. Не упоминали же мы при перечнѣ *учебниковъ*, употреблявшихся въ южно-русскихъ школахъ, *Часословца* именно кіевского изданія потому, что онъ не представляетъ въ смыслѣ книги учебной никакихъ особенностей сравнительно съ другими *Часословцами*, изданными южно-русскими типографіями. Перечислять всѣ изданные до Могилы *часословцы* (также и *псалтири*) мы считали (и счи-

таемъ) дѣломъ совершенно излишнимъ. Желающій познакомиться съ сими изданіями легко можетъ сдѣлать это по книгѣ Каратаева (*Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами*). Въ сущности, дѣло безразличное, производилось ли изученіе часословца въ киево-братской школѣ по киевскому изданію этой книги или по другимъ изданіямъ.

Второе оупиеніе. „Въ доказательство положенія,—говоритъ г. рецензентъ,—что риторика, преподававшаяся въ Кіевской братской школѣ, была та самая схоластическая риторика, которая господствовала въ латино-польскихъ коллегіяхъ начала XVII вѣка, по нашему мнѣнію, недостачно сослаться, какъ сдѣлалъ г. Голубевъ, на произведеніе ректора Кіевской братской школы Класіана Саковича. *Риторика того времени была почти тоже, что мелиетика*; по крайней мѣрѣ, гомилетика была ей главною, существенною частію. Между тѣмъ произведеніе Саковича не имѣютъ никакой отношенія къ проповѣдничеству. Это—1) „Вирши“, произведеніе повѣстическое, а не риторическое; 2) образецъ рѣчи передъ похороннымъ обѣдомъ, сказанной родственникомъ, пріятелемъ умершаго или вообще распорядителемъ на обѣдѣ гостямъ; 3) образецъ рѣчи одного изъ гостей на похоронахъ, обращенной къ родственникамъ умершаго; по нимъ трудно судить о теоріи русской проповѣди до-могилянскои эпохи. Мы думаемъ, что имѣется *прямое, ясное* указаніе на господство въ русской проповѣди до-могилянскаго періода и вывѣтъ съ тѣмъ, конечно, въ ея школьной теоріи—схоластическаго метода и на подчиненіе ея латино-польскимъ образцамъ. Это свидѣтельство Мелетія Смотрицкаго въ его *Exethesis* въ 1629 года. Онъ обращается къ православному проповѣднику: „Если бы не римскія поученія, не послѣшилъ бы на кафедрѣ ораторъ и не умѣлъ бы чѣмъ разудивить всѣхъ софистъ. Цѣлуй Бессіа, который поучаетъ тебя провозносить съ кафедрѣ... Одинъ на кафедрѣ съ Оссопріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а пниѣ

съ другими проповѣдниками римской церкви, *безъ которыхъ мы ни шагу*“ (Пезарскій, предст. кіев. учености).—Далѣе г. рецензентъ, заявляетъ что это свидѣтельство до извѣстной степени подтверждается дошедшими до насъ проповѣдями дѣятелей до-могилянскон эпохи, произведенія которыхъ (кромя Кирилла Тринкивліона) построены по схоластическому шаблону...

Замѣтимъ первѣе всего, что г. рецензентъ приписываетъ намъ то, чего мы *никогда не говорили и не могли сказать*. Мы не могли сказать, что риторика, преподававшаяся въ кіево-братской школѣ, *была та самая схоластическая риторика, которая господствовала въ латино-польскихъ коллегіяхъ начала XVII вѣка*. Въ своемъ сочиненіи мы высказываемъ по данному вопросу слѣдующее мнѣніе: „Заботясь о разширеніи школьной программы, ревнители просвѣщенія внесли въ нее латинскій языкъ, знаніе котораго былъ неотъемлемымъ признакомъ учености, а также нѣкоторые свѣтскіе предметы, преподававшіеся въ польскихъ коллегіяхъ. Этотъ шагъ велъ къ необходимому сближенію съ латино-польскою наукою и необходимо долженъ былъ отразиться на характерѣ и методѣ преподаванія этихъ предметовъ, представлявшихъ собою сколокъ—*хотя въ то время еще величина и не особенно значительной*—съ преподаванія однородныхъ наукъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ. Особенно замѣтные *слѣды* латино-польскаго вліянія отображаются на наукахъ риторическихъ. Витіеватость, напыщенность, забота исключительно о фразѣ, блестящая ложная эрудиція, — неотъемлемыя принадлежности польской панегилической литературы, — начинаютъ приобрѣтать право гражданства и въ однородныхъ по содержанию произведеніяхъ южно-русскихъ, проникая и въ церковное краснорѣчіе. Въ этомъ отношеніи до-могилянскій періодъ представляетъ собою *переходную ступень* къ періоду послѣдующему въ наибольшей степени, чѣмъ какою онъ представляетъ по отношенію къ другимъ наукамъ“ (стр. 220—221). Въ доказательство своей мысли (что свѣтскія науки въ до-могилянскихъ школахъ преподавались не безъ

вліянія латинно-польскаго), мы приводимъ выдержку изъ одного документа, хранящагося въ Архивѣ Греко-униатскихъ митрополитовъ (№ 1070) (братскій педагогъ заботится о приобрѣтеніи латинской библіи и діалектики), ссылаемся на реэстръ книгъ львовскаго братства („діалектика Мѣнанъ и реторика“), указываемъ на неодобрительный отзывъ о преподаваніи въ братскихъ школахъ Іоанна Вишняскаго, (человѣка съ консервативнымъ образомъ мыслей, врага латинской науки), отмѣчаемъ тотъ фактъ, что большинство братскихъ наставниковъ доканчивали свое образованіе въ коллегіяхъ латинно-польскихъ (а потому въ нихъ преподаваніи естественно должны были сказываться слѣды вліянія сихъ коллегій). Затѣмъ, обращаясь къ частности къ Кіево-братской школѣ, мы говоримъ: „Хотя свѣдѣній о риторическихкихъ учебникахъ, принятыхъ въ этой школѣ до нашего времени и не дошло,—но сохранились три риторическихкихъ произведенія, вышедшія изъ подъ пера ея ректора Кассіана Саковича. Это — помѣщенные нами въ приложеніяхъ *Вишни на смерть четмана Сагайдачнаго* и двѣ панегирическія рѣчи для произношенія ихъ при погребеніи какаго либо „задного человѣка“. Принадлежа профессору риторики, указанные произведенія представляютъ собою *примѣрные образцы высокой пробы* и очевидно совмѣщаютъ въ себѣ шахішумъ тѣхъ достоинствъ при риторическихкихъ упражненіяхъ, приближеніе къ которымъ было желательно и *требовалось* отъ обучавшихся этой наукѣ“. (Далѣе у насъ слѣдуетъ характеристика указанныхъ произведеній Саковича).

Мы сдѣлали довольно длинныя выдержки изъ своего сочиненія по данному вопросу съ цѣлію показать, что и тѣ немногія крупяцы, которыя нами извлечены изъ тогдашнихъ памятниковъ, достаточны для сдѣланнаго нами вывода о характеристикѣ преподаванія риторики въ до-могилянскихъ школахъ. Что же касается до крупяцы, сообщаемой г. рецензентомъ, то (хотя она и была намъ извѣстна) мы ею не воспользовались, какъ мало идущую къ

дѣлу. Крупица эта изъята изъ *полемическаго* сочиненія (всегда односторонняго) и свидѣтельствуеъ о томъ, что южно-русское духовенство безъ польскихъ проповѣдниковъ не могло *стунитъ и шагу, всецѣло пользуясь ихъ трудами*. Но вѣдь это не правда... Конечно, сопоставляя свидѣтельство Смотрицкаго (такихъ свидѣтельствъ въ тогочременной полемической литературѣ наберется и еще нѣсколько) съ нѣкоторыми другими данными (тогочременными „базаніями“), можно приходить къ заключенію, что южно-русское проповѣдничество начала XVII в. не избѣжало лативно-польскаго вліянія. Но это фактъ и безъ того достаточно извѣстный. Собственно же для нашей цѣли (для характеристики преподаванія *риторики* въ *Кіево-братской школѣ*) упомянутое свидѣтельство не имѣетъ значенія, въ особенности при тѣхъ данныхъ, какія мы имѣемъ, т. е. при указанныхъ произведеніяхъ Саковича. Г. рецензентъ напрасно умалываетъ значеніе этихъ произведеній для характеристики преподаванія *риторики* въ *Кіево-братской школѣ*. Всѣ эти произведенія—суть *риторическія* образцы. Напрасно онъ думаетъ, что *риторика* въ то время была одною *гомилетикою* („почти тожа что гомилетика“). Для опроверженія этого достаточно указать, что составленіе поѣтическихъ произведеній для торжественныхъ случаевъ возлагалось на профессоровъ *именно риторики* (или они сами добровольно брались за это)¹⁾. А что касается до того, что „гомилетика была главною, существенною частію *риторики*“, то мы съ этимъ *почти* согласны съ г. рецензентомъ; мы въ своемъ сочиненіи говоримъ, что она „входила въ означенную науку (*риторику*), какъ *одна* изъ существеннѣйшихъ частей ея“. Но собственно и для характеристики преподаванія гомилетики, какъ части *риторики*, произведенія Саковича представятъ немаловажный матеріалъ. „Матерія для учиненія подаякованія при погребѣ якого зацного

¹⁾ См., напр. *Евхаристиріонъ*, 1681 г. См. также здѣсь опредѣленіе *риторики*.

чловѣка“ и „мова“ на подобный случай отъ гостей,—завиная середину между свѣтскимъ и церковнымъ враспорѣченіемъ, важны особенно потому, что представляютъ именно образцы панагирическихъ рѣчей, притомъ образцы, вышедшіе изъ подъ пера *профессора*¹⁾).

Г. рецензентъ не согласенъ съ нашимъ положеніемъ, что фундація Елизаветы Гулевичевны на *самыхъ первыхъ порахъ къ Кіевскому братству никакого отношенія не имѣла*. Онъ думаетъ, что свой дворъ Гулевичевна подарила именно братству, какъ учрежденію уже окончательно сформировавшемуся. Но мы полагаемъ, что тѣ соображенія, какія высказываетъ г. рецензентъ для подкрѣпленія своего мнѣнія не имѣютъ серьезнаго значенія. Главное основаніе, почему мы считаемъ дарственную запись Гулевичевны данною *не братству*, состоитъ въ томъ, что въ ней *ни однимъ словомъ не упоминается о братствѣ*: здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются псдѣ монастырь и школу „правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу російскаго въ повѣтахъ воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будущимъ“, какаго бы они званія и сословія ни были. Между тѣмъ мы не знаемъ ни одного документа, касающагося братствъ, гдѣ бы послѣдніе не назывались *этимъ именемъ*... Г. рецензентъ старается ослабить значеніе нашего доказательства, заявляя, что мы *забыли объ одной* подробности. „Кіевское братство—говоритъ г. Соболевскій,—только что начавшее свое существованіе, еще не имѣло тогда утвержденія со стороны короля и не могло рассчитывать, по обстоятельствамъ того времени, получить его вскорѣ; въ виду этого оно не было юридическимъ лицомъ и не могло на закон-

¹⁾ Разумѣется, для лучшаго усвоенія латинно-польскаго мнѣнія на южнорусскія шлолы весьма полезно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и необходимо ознакомленіе съ учебниками и характеромъ преподаванія въ коллегіяхъ польскихъ. Но все это мы находимъ болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать при изложеніи слѣдующаго періода Исторіи Кіевской Академіи, когда означенное мнѣніе достигаетъ наиболѣе обширныхъ размѣровъ.

номъ основаніи приниматьъ въ свою собственность и владѣть недвижимыми имѣніями. Отсюда понятна та неопредѣленность, съ которою въ дарственной записи Гулевичевны говорится о лицахъ, имѣющихъ распоряжаться ея пожертвованіемъ; они называются просто православными и благочестивыми христіанами рода російскаго. Отсюда понятна также боязнь Гулевичевны, что ея даръ можетъ попасть въ руки не тѣмъ, кому былъ ею предназначенъ, и непосредственное слѣдствіе этой боязни—послѣдній вводъ братчиковъ съ ихъ старшиною, Исаіею Копинскимъ, во главѣ, во владѣніе фундушемъ. Если бы жертвователница не имѣла въ виду братства, уже успѣвшаго устроиться, опредѣлить свои задачи и начать дѣятельность, она, кажется, должна была бы болѣе точно опредѣлить, кто будетъ распоряжаться ея дворомъ и землею, устраивать на нихъ монастырь, гостинницу и школу, наконецъ поддерживать эти учрежденія, тѣмъ болѣе, что она не назначила никакихъ суммъ на все это. Затѣмъ фактъ введенія школы Гулевичевою въ фундушъ, назначенный вообще православнымъ христіанамъ, по нашему мнѣнію, показываетъ, что эта школа была не частною школою (въ противномъ случаѣ ея содержатель былъ бы названъ; какая могла быть причина для Гулевичевны умалчивать его имя), а общественною, принадлежащею тѣмъ же православнымъ христіанамъ, т. е. братскою. Наконецъ, самое нахожденіе дара Гулевичевны во владѣніи братства, чрезъ самое короткое время послѣ пожертвованія, и отсутствіе всякихъ протестовъ со стороны Гулевичевны и какихъ бы то ни было частныхъ лицъ или учрежденій (запримѣръ, лавры Печерской, къ братіи которой принадлежалъ Копинскій) противъ перехода фундуша къ братству, достаточно показываетъ, что православные христіане записи—то же самое, что братство, и что школа, введенная Гулевичевою,—братское училище“.

Отвѣтимъ прежде на болѣе существенное возраженіе г. Соболевскаго. Указываемая имъ „подробность“ (что Киев-

ское братство въ 1615 г. не имѣло еще утвержденія отъ короля) намъ хорошо извѣства (см. 169—170 стр.); но при обсужденіи затрагиваемаго рецензентомъ вопроса подробность эта не имѣетъ серьезнаго значенія. Безспорно, что возникновеніе Кіевскаго братства, равно какъ и другихъ однородныхъ по своимъ задачамъ учреждений, было явленіемъ крайне нежелательнымъ для польскаго правительства, вслѣдствіе чего послѣднее почти всегда медлило утверждать и давать „привилегіи“ такимъ учреждениямъ, подобно тому какъ оно иногда медлило съ утвердительными грамотами православнымъ южно-русскимъ іерархамъ и настоятелямъ монастырей, избравшимся безъ вѣдома и вопреки желанію латино-польскихъ властей. Но именно „обстоятельства того времени“ и были таковы, что нежелаемыя правительствомъ учрежденія возникали, „неуприведіюванныя“ іерархи и настоятели монастырей занимали свои мѣста, и въ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, *имущественныхъ* пользовались общегражданскими правами. Не распространяясь объ общеизвѣстныхъ причинахъ такого явленія (государственный строй Рѣчи Посполитой, безсиліе королевской власти, опасеніе возмущеній со стороны многочисленнаго русскаго народонаселенія, незаконность гоненій, чинимыхъ православною церквію, издавна получившей извѣстныя права и „вольности“),—укажемъ на фактическія данныя. Послѣ оффиціального провозглашенія на Брестскомъ соборѣ религіозной уніи, король, а вслѣдъ затѣмъ и папа предоставили вѣво-печерскую архимандрію уніатскому митрополиту Михаилу Рогозѣ; но тѣмъ не менѣе *фактически* означенная архимандрія оставалась за прежнимъ (православнымъ) настоятелемъ Никифоромъ Туромъ, который при тяжбныхъ дѣлахъ въ правительственныхъ судебныхъ учрежденіяхъ именовался архимандритомъ и пользовался общегражданскими правами. Послѣ смерти Тура († 1599 г.) на вѣво-печерскую архимандрію избранъ былъ православнымъ Елисей Плетенецкій. Король утвердилъ его въ этомъ званіи только спустя шесть лѣтъ послѣ

избранія — въ 1605 г. ¹⁾). Между тѣмъ мы видимъ, что и до этого времени Плетенецкій ведетъ множество тяжбныхъ дѣлъ и судъ признаетъ за нимъ общегражданскія въ данномъ случаѣ права. — Обращаемся непосредственно къ Кіево-Боговляненскому братству. Оно было утверждено королемъ только въ 1629 году; между тѣмъ мы знаемъ, что въ 1621 году братство приобрѣло у „яноккини Параскевіи Кучинской“ ея дворъ; въ 1622 г. гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, предъ своею смертію, отказалъ братству „ялмужну значную“; въ 1628 г. братство купило у Петра Девисова дворовое мѣсто. Если братство до 1629 года не было, какъ утверждаетъ рецензентъ, „юридическимъ лицомъ и не могло на законномъ основаніи принимать въ свою собственность и владѣть недвижимыми имѣніями“, — то какое объясненіе онъ дастъ указаннымъ нами фактамъ? — Нѣтъ, именно то обстоятельство, что Гулевичевна жертвуя свой дворъ на богоугодныя дѣла, ни единымъ словомъ въ записи не упоминаетъ о *кіевскомъ братствѣ*, всего лучше и доказываетъ, что фундація жертвовательницы на самыхъ первыхъ порахъ къ сему братству отношенія не имѣла.

Г. рецензентъ думаетъ, что боязнь Гулевичевны, дабы ея даръ не попалъ въ руки тѣмъ, кому не слѣдуетъ, были причиною поспѣшнаго ввода во владѣніе фундаціею братчиковъ съ ихъ *старшимъ*, во главѣ, Исаіею Копинскимъ. — Интересно знать, откуда г. Соболевскій знаетъ, что 14 октября 1615 г. (время дарственной записи Гулевичевны) Исаія Копинскій былъ *старшимъ кіевского братства*?... Мы знаемъ только, что Исаія Копинскій до половины октября 1615 г. жилъ въ кіево-печерской обители и вызванъ былъ отсюда Гулевичевою для устройства монастырскаго общежитія.

---

¹⁾ Акты Ю. и З. Россія, т. II, № 17. — До половины 1603 г. кіево-печерскимъ архимандритомъ именовалъ себя уніатскій митрополитъ *Ипатій Пошій*. Онъ утвержденъ былъ въ семъ званіи королемъ, но къ занятію кіево-печерской лавры, какъ и Мих. Рогоза, не былъ допущенъ лаврскими янокками.

„Нахожденіе дара Гулевичевны во владѣнн братства, чрезъ самое короткое время послѣ пожертвованія, и отсутствіе всякихъ протестовъ со стороны Гулевичевны и какихъ бы то ни было частныхъ лицъ или учрежденій (напр., Лавры Печерской)“, — факты эти вовсе не имѣютъ того значенія, какое старается придать имъ г. рецензентъ, (т. е. не протестуютъ Гулевичевна и Лавра противъ перехода фондуша братству: ergo... именно братству и предназначался фондушъ). Указанныя факты достаточно объясняются слѣдующимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ нами въ сочиненіи: соединеніе братства съ фондушемъ „обуславливалось какъ однородностію цѣлей, преслѣдуемыхъ обоими учрежденіями, такъ и выгодами отъ подобнаго соединенія для каждаго изъ нихъ: ново-основанный монастырь и школа находили для себя сильныхъ покровителей, а братство удобное помѣщеніе. Одною изъ причинъ, содѣйствовавшихъ къ соединенію братства съ фондушемъ должно отчасти признать и то обстоятельство, что оба эти учрежденія только что сформировались, еще не имѣли прочнаго устоя и старыхъ традицій, вообще представляли почву, удобную для обоюдныхъ соглашеній“ (стр. 152)... Братство при своемъ основаніи имѣло въ виду: „утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи народа русскаго, учрежденіе дѣлъ благотворительныхъ, какъ по отношенію къ лицамъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, преподаваніе полезныхъ наукъ и образованіе юношества въ духѣ православія, вспомошествованіе бѣднымъ“. Но тѣ ли же цѣли имѣлись въ виду и Гулевичевою при учрежденіи фондуша? Какіе же при этомъ со стороны фундаторши возможны были протесты, тѣмъ болѣе, что она для поддержанія своего фондуша не назначила никакихъ суммъ?...

Г. Соболевскій говоритъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя нами о ректорахъ кіево-братскаго училища „кое въ чемъ певѣрны“. Замѣчанія рецензента касаются всѣхъ указанныхъ нами ректоровъ братской школы: *Іова Борейскаго*,

Кассіана Саковича, Мелетія Смотрицкаго и Тома Левлевича.

Говъ Борецкій. Кромѣ упомянутого нами корректурнаго недосмотра о воспитаніи Борецкаго въ львовской школѣ, г. рецензентъ находятъ у насъ двѣ ошибки.

Первая ошибка. Мы пишемъ; „имѣи въ виду учевую дѣятельность Борецкаго и довольно либеральныя по тому времени взгляды его на западно-европейскую науку, безошибочно можно думать, что онъ слушалъ лекціи въ коллегіяхъ заграничныхъ“.—Далѣе слѣдуетъ у насъ выноска (въ примѣчаніи), гдѣ мы говоримъ: „въ четверостишіи, помѣщенномъ въ изданной 1605 г. въ Дермані брошюрѣ (Листъ Мелетія патріарха) Борецкій называется *Аномлови коханымъ и на Парнаси на лонѣ музъ выхованымъ*“.—Г. рецензентъ относительно означенной выноски замѣчаетъ, что „название Борецкаго любимцемъ Апполона и музъ не можетъ указывать на пребываніе его въ заграничныхъ коллегіяхъ; оно имѣетъ въ виду страсть его къ стихоплетству, которую онъ показалъ—что осталось г. Голубеву неизвѣстнымъ—въ изданіи Авеологіона 1619 года, помѣстивъ въ немъ, между церковными пѣснями въ честь святыхъ, порядочное количество двустишіи, четверостишіи и т. д. также въ честь святыхъ“.

Г. Соболевскій насъ не повялъ. Мы высказываемъ свое мнѣніе о слушаніи Борецкимъ лекцій въ заграничныхъ коллегіяхъ на основаніи всесторонняго знакомства съ ея ученою и административною дѣятельностію, о чемъ прямо и заявляемъ. Что же касается до сдѣланнаго нами примѣчанія, то оно имѣетъ значеніе частной подробности, которая въ данномъ случаѣ, сама по себѣ, если и не служитъ сильнымъ доказательствомъ нашего мнѣнія (почему въ текстѣ и не помѣщена), тѣмъ не менѣе на нее указать стоило. Мы хотѣли сказать: подтвержденіемъ того мнѣнія, что Борецкій слушалъ лекціи въ заграничныхъ коллегіяхъ, служатъ—его *ученая дѣятельность*, его *довольно либеральныя взгляды на западно-европейскую науку*; при этомъ не мѣшаетъ обратить

вниманіе и на то, что Борецкій писалъ стихи, которые производили на его современниковъ такое впечатлѣніе, что объ авторѣ выражались, какъ „Апollyови коханымъ и въ Парнаси на ловъ музъ выхованымъ“ (т. е. мы ставимъ вопросъ: могли Борецкій, какъ выдающійся въ глазахъ современниковъ стихоплетъ, научиться сему искусству въ мѣстныхъ только школахъ?)...

Вторая ошибка. Мы пишемъ: „Первое свидѣтельство о ректорствѣ Борецкаго въ Кіево-братской школѣ относится къ 1617 г.; но имѣемъ полное основаніе думать, что оно началось съ 1615 г.,—т. е. со времени возникновенія Кіевскаго братства и школы при немъ и продолжалось или до 1619 г. (до времени вступленія Борецкаго на Кіево-Михайловское игуменство) или даже до 1620 г.“ (т. е. до ректорства К. Саковича). — Рецензентъ замѣчаетъ, что мы не досмотрѣли даты предисловія къ Кіевскому Анеологіону 1619 г. Въ этомъ предисловіи говорится, что надъ Анеологіономъ потрудился *пречесный въ отцехъ кгр Іовъ Борецкій, игумень св. обители, архистратима Михаила Златоверхаго въ Кіевъ...* между тѣмъ это предисловіе писано *еще въ 1618 году.* Такимъ образомъ, Борецкій былъ игуменомъ уже въ это время, и потому *время его ректорства должно быть полагаемо только до 1618 года.*—Замѣтимъ, что рецензенту слѣдовало бы выразиться *точнѣе:* предисловіе дѣйствительно помѣщено 1618 г., но самымъ концемъ этого года, именно 26 декабря. Мы знали это предисловіе, *дословно* нами списанное еще въ 1876 г. Но такъ какъ у насъ велась рѣчь о ректорствѣ Борецкаго, то мы, опредѣляя вездѣ время ректуры того или другаго лица приблизительно, выразились: *до 1619 г.* Положимъ, нами допущена малевьякая неточность; слѣдовало бы сказать: *до конца 1618 г.* Но, поправляя насъ, рецензентъ — думаемъ — допустилъ ббльшую неточность, говоря, что ректорство Борецкаго должно быть полагаемо *только до 1618 года*“. Если мы допустили, положимъ, несомнѣнную неточность отно-

сительно въсколькихъ, немногихъ дней, то не дѣлаетъ ли г. рецензентъ возможной ошибки почти на цѣлый годъ? ¹⁾).

Кассіанъ Саковичъ. О Кассіанѣ Саковичѣ рецензентъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Кассіанъ Саковичъ называется у автора сыномъ *православнаго* священника (стр. 215). Это невѣрно. Презрительный отзывъ П. Могила въ „*Лиеосъ*“ объ отцѣ Саковича показываетъ, что Саковичъ родился въ униіи и лишь впоследствии перешелъ въ православіе. Сказанное о Саковичѣ Дубовичемъ, что онъ три раза мѣнялъ вѣру (т. е. промѣнялъ унию на православіе, потомъ православіе на унию, наконецъ унию на католичество) подтверждаетъ это какъ нельзя лучше“.

Замѣчаніе это крайне неосновательно. Во первыхъ, несостоятельно уже самое предположеніе рецензента, что если Петръ Могила презрительно отзывался объ отцѣ Саковича, то это потому, что онъ (отецъ) былъ униатомъ. Для лицъ, достаточно знакомыхъ съ тогояременною полемическою литературою въ юго-западной Руси, хорошо извѣстно, къ какимъ крайне безцеремоннымъ приемамъ прибѣгали литературные противники съ цѣлью *уязвить* другъ друга. Неразборчивость въ средствахъ была полная. Не щадились не только личность самаго писателя, съ которымъ полемизировали, но зачастую старались бросить неблаговидную тѣнь и на весь его родъ. Не свободенъ былъ отъ такого общаго недостатка литературной полемики того времени и Петръ Могила²⁾). Очень перѣдко въ его *Лиеосъ* мы встрѣ-

¹⁾ Въ брошюрѣ—*Кіево-Михайловскій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи* (Кіевъ, 1885 г.) послѣ игумена Кіево-Михайловскаго монастыря *Іосифа Мировскаго* значится *Михаилъ Константиновичъ*, и затѣмъ уже слѣдуетъ *Іовъ Борецкій*. Это ошибка. Михаилъ Константиновичъ игуменствовалъ ранѣе *Мировскаго* († декаб. 1618), послѣ котораго непосредственно избранъ былъ („по которому настала игуменомъ“) *Іовъ Борецкій*.

²⁾ Мы лично не раздѣляемъ господствующаго въ нашей литературѣ мнѣнія, что *Лиеосъ* написанъ былъ П. Могилою. Но въ настоящее время стѣсняемъ неумѣстничъ входить по этому вопросу въ разясненія.

чаемся съ такими выраженіями по адресу къ К. Саковичу: *лупецъ* (стр. 13), *безмозлый клеветникъ* (19), *напый лжецъ* (39), *дурень* (43), *безстыдный, разертный* (*wszeteczny*) *хвастунъ* (45), *лупый простодилъ* (65), *безстыдный разстрига* (58), *бабий метеологъ* (63), *безбожникъ, ябедникъ, архисхизматикъ* (73), *скоморохъ* (307), *распутный невольникъ своего брюха* (311), *сова, выдающая себя за сокола* (337), и т. д., и т. д. (См. еще слѣдующія страницы Лиоса: 32, 35, 48, 53, 68, 70, 74, 75, 78, 94, 95, 96, 102, 105, 107, 108, 115, 136, 149, 160, 165, 169, 172, 206, 235, 239, 256, 257, 260, 263, 269, 279, 287, 315, 321, 331, 332, 334, 338).—Здѣсь же, при полемикѣ съ К. Саковичемъ, можно встрѣтить даже и такія насмѣшки, которыя касаются *физическаго* недостатка бывшаго ректора кіево-братской школы (онъ не имѣлъ одного уха). „Пристойнѣ тебѣ (Кассіанъ) бесѣдовать (*diszkutować*) о свиньяхъ, которыя съѣли у тебя ухо, чѣмъ устанавливать новыя формы таинствъ“ (стр. 30), „Будучи самъ безъ одного уха, ты желалъ бы, чтобы всѣ люди имѣли по одному уху“ (стр. 117). Служай же, Кассіанъ, однимъ ухомъ, если другаго не имѣешь“ (стр. 258). „Какъ не имѣешь одного уха, такъ не имѣешь ты и полнаго мозга“ (374 стр.—Ср. стр. 143, 181, 220).—Естественно, что при такихъ пріемахъ полемики могъ быть съ насмѣшкою затрогиваемъ и мало въ чемъ повинный отецъ Саковича. Въ данномъ случаѣ не могла его предохранить отъ полемическихъ щелчковъ и принадлежность его къ православію. А что онъ былъ именно *православнымъ* священникомъ, это видно изъ *самаго характера* тѣхъ укоризнъ, которыя направлены авторомъ Лиоса въ его сторону. Такъ, напр., на 358 стр. Лиоса идетъ рѣчь „о храненіи въ церкви пироговъ, масла, сыра“ и проч.,—въ чемъ К. Саковичъ упрекалъ православныхъ. Отвѣчал на эти упреки, Могила между прочимъ, замѣчаетъ: Все это „отецъ твой, который въ Подтеличѣ былъ попомъ, не *вслѣдствіе церковнаго приказанія* (*nie w cerkiewnego rozkazanія*), а по своему глупому домыслу чинилъ“. Подчеркнутыя слова

всего показывают, что отец Саковича был *православным* священникомъ. Не отрицая совершенно того факта, что въ некоторыхъ православныхъ церквахъ могли быть указываемые К. Саковичемъ безпорядки, авторъ Диеоса замѣчаетъ, что они имѣли мѣсто у такихъ глуповатыхъ людей, какимъ былъ отецъ Саковича, поступавшій въ данномъ случаѣ *вопреки церковному приказанію* (т. е. вопреки правилъ православной церкви). Совершенно подобный же смыслъ имѣютъ и другія нападки на отца К. Саковича (см. *Лѣос*, стр. 98, 244, 331).

Во вторыхъ, нашъ рецензентъ совершенно выпустилъ изъ виду слѣдующій, *документально обоснованный* нами фактъ,—именно, что Кассіанъ, въ мірѣ Каллясть, Саковичъ *родился около 1578 г.* (въ 1642 г. ему уже шелъ седьмой десятокъ лѣтъ). Между тѣмъ известно, что религиозная унія официально провозглашена была на Брестскомъ соборѣ въ тысяча пятьсотъ девяносто шестомъ году (1596 г.). Какимъ же это образомъ Саковичъ могъ „родиться въ уніи“ за 18 лѣтъ до появленія означенной уніи?... Имѣя въ виду послѣднее обстоятельство, мы въ своемъ сочиненіи поддѣржили документальными данными тотъ фактъ, что К. Саковичъ былъ сынъ *священника*; что же касается до прилагательнаго къ нему—*православнаю*, считали это совершенно излишнимъ. Хотя при такомъ же мнѣніи мы остаемся и теперь, тѣмъ не менѣе, для вѣщаго убѣжденія своего уважаемаго рецензента, рѣшаемся отмѣтить нижеслѣдующее мѣсто въ Диеосѣ: „у teraznieyszych... czasow, przed dwiema laty, Kassian Sakowicz za Chamelaŝontem udawszy się, nie tylko od Prawosławney starożytney Ruskiey wiary, w ktorey sie urodził, wyswiŝcił, y Zakonnikiem został: odczepił; ale tez y z unitami“... et caet. (т. е. и въ вышшія времена, за два года передъ тѣмъ, Кассіанъ Саковичъ, изображая изъ себя Хамелсона, не только отъ православной, стародавней русской вѣры, въ которой родился, воспитанъ былъ и сталъ законникомъ, отступилъ; но и съ уніатами (дальше идетъ рѣчь объ его измѣнѣ

униатамъ и переходѣ въ католицизмъ) ¹⁾. Самъ Саковичъ въ своихъ собственно-ручныхъ замѣткахъ на Лиѳосѣ (находящемся въ настоящее время въ библиотекѣ Варшавскаго университета) упоминаетъ, что онъ былъ вращенъ по обряду православной церкви.—Такимъ образомъ (переходимъ къ послѣднему замѣчанію рецензента по данному вопросу) выраженіе униата Яна Дубовича, что Саковичъ *три раза перемѣнялъ религію*, нужно понимать не въ томъ смыслѣ (какъ толкуеть г. Соболевскій), что онъ, родившись въ униіи, промѣнялъ ее на православіе, потомъ православіе—на унию, наконецъ унию—на католичество,—а въ томъ, что онъ подъ конецъ своей жизни исповѣдуетъ по счету *третью религію* (изъ коихъ первую было *православіе*, вторую—*униа*, третью—*католицизмъ*,—о чемъ весьма ясно говорятъ какъ П. Могила (см. мѣста, выше цитованныя), такъ и самъ Саковичъ (см. напр. его предисловіе къ *Perspektiwię*).

Мелетій Смотрицкій. О Мелетіи Смотрицкомъ рецензентъ говоритъ слѣдующее: „Относительно ректорства Смотрицкаго мы имѣемъ одно только краткое указаніе Сильвестра Коссова въ его *Exegesis*’ѣ; время его опредѣлено г. Голубевымъ, по нашему мнѣнію, въ высшей степени неудачно. Смотрицкій возвратился изъ путешествія на Востокъ въ концѣ 1625 или началѣ 1626 года. Онъ везъ съ собою патріаршія грамоты относительно уничтоженія въ юго-западной Руси ставропигій и подчиненія ставропигіальныхъ братствъ (между прочимъ кіевскаго) и монастырей епархіальнымъ русскимъ архіереямъ. Извѣстія объ этихъ грамотахъ были получены въ Россіи вообще и въ Кіевѣ въ частности очень скоро, и благодаря имъ Захарія Копыстенскій, архимандритъ Печерскій и членъ Кіевскаго братства, не только не пустилъ Смо-

¹⁾ Przedmowa urozonemu jego Mości panu Maximilianowi Brzozowskiemu (въ началѣ Лиѳоса). См. также 41 и 344 стр. Лиѳоса.

трицкаго въ лавру, но даже настоялъ („się był usadził“) на томъ, чтобы другіе игумены кіевскихъ монастырей послѣдовали его примѣру. Мелетій принужденъ былъ остановиться за Кіевомъ въ Межигорскомъ монастырѣ. Полтора года спустя, 6 іюня 1627 г. онъ уже принялъ увію и сдѣлался настоятелемъ Дерманскаго монастыря, гдѣ въ началѣ 1628 г. посѣтилъ его Петръ Могила. Имѣя эти свѣдѣнія (они подробно изложены г. Голубевымъ въ „Петръ Могила“), мы не можемъ никакъ согласиться съ авторомъ. Трудно допустить, чтобы Мелетій, врагъ ставропигіальныхъ братствъ, могъ сдѣлаться ректоромъ братскаго училища; трудно понять, какъ онъ могъ въ одно и тоже время исполнять обязанности ректора и жить то въ Межигорскомъ монастырѣ, то въ Дерманскомъ. По нашему мнѣнію, ректорство Мелетія имѣло мѣсто гораздо раньше 1626 г. и было очень кратковременно; не даромъ о немъ не упоминаютъ нигдѣ ни самъ Смотрицкій, ни его защитники и противники, и единственное случайное свѣдѣніе сохранилось у Коссова. Въ Desiderosus'ѣ Саковича есть свѣдѣніе, что передъ поѣздкою на Востокъ Смотрицкій (въ концѣ 1623 г.) жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ въ Братскомъ монастырѣ. Это обстоятельство даетъ намъ нѣкоторое право думать, что Смотрицкій въ это время уже былъ хорошо извѣстенъ Кіевскому братству, и что братство считало себя обязаннымъ оказать ему гостепріимство. Причина этого должна быть та, что онъ ранѣе былъ ректоромъ братскаго училища, именно въ 1618—1619 гг., послѣ Іова Борецкаго и предъ Саковичемъ“.

Рецензентъ совершенно вѣрно говорить, что кіеволечерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій былъ враждебно настроенъ противъ М. Смотрицкаго; но онъ придаетъ этому факту слишкомъ большое значеніе, утверждая, что поэтому онъ не могъ быть принятъ кіевскими братчиками въ ректора своей школы. Рецензентъ упускаетъ изъ вида слѣдующія существеннѣйшія обстоятельства: *Смотрицкій находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ Копыстенскимъ, но былъ*

*другомъ, пріятелемъ митрополита Іова Борецкаго. Смотряцаго (до перехода его въ унию) соединяли съ послѣднимъ самая тѣсная связь. Поѣздка Мелетія на Востокъ состоялась за wiadomością, zezwoleniemъ y błogosłowieństwemъ митрополита; путешественникъ снабженъ былъ отъ него рекомендательными письмами; одна изъ главныхъ цѣлей поѣздки — уничтожить автономію братствъ — всецѣло раздѣлялась Борецкимъ. Когда Мелетій возвратился съ Востока съ грамотами, нежелательными для Виленскаго и Львовскаго братствъ и кіево-печерской обители, и Захарія Копыстенскій не принялъ его въ Лаврѣ, а лица, сочувствовавшія печерскому архимандриту, стали сильно укорять Смотряцаго, то Борецкій рѣшительно возвысилъ голосъ въ защиту своего пріятеля, какъ мужа ~~свѣдѣнаго~~ ~~парока~~ ~~вольнаго~~ (см. прилож. къ П. Могилѣ № XLIII), и вообще служеніе церкви полоцкаго архіепископа защищалъ наравнѣ съ своимъ собственнымъ служеніемъ, (см. напр., письмо Борецкаго къ царю Михайлу Ѳеодоровичу, отъ 12 марта 1627 г., въ *Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ*; дѣла Малорос.).*

Такимъ образомъ, для рѣшенія вопроса о томъ, могло ли Кіевское братство принять Мелетія Смотряцаго ректоромъ въ свою школу, нужно уяснить, *въ какихъ отношеніяхъ къ этому братству находились архимандритъ З. Копыстенскій и митрополитъ І. Борецкій.* О Копыстенскомъ мы знаемъ, что онъ 4 января 1616 г., будучи простымъ инокомъ, вступилъ въ число кіевскихъ братчиковъ, — и только. Больше свѣдѣній о какихъ-либо близкихъ отношеніяхъ Захарія къ братству (его услугахъ, пожертвованіяхъ и т. п.) мы не имѣемъ, не смотря на то, что актовъ отъ этого времени, касающихся кіево-печерской обители, до насъ дошло не малое количество. Но мы хорошо знаемъ, что отношенія митрополита Іова Борецкаго къ Кіевскому братству (ректоромъ школы котораго онъ состоялъ сравнительно не малое время) *были самая близкія, самая сердечныя.* Для подтвержденія сказаннаго достаточно сослаться на духовное завѣща-

ніе Борецкаго. Не смотря на то, что для Борецкаго Петръ Могила былъ челоуѣкомъ очень близкимъ, а послѣдній желалъ устроить школу именно въ Лаврѣ,—митрополитъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи (очевидно, по желанію кievскихъ братчнковъ) пишетъ: „за напершій и церкви Божой и всему православному народови російскому пстребаѣйшій пунктъ въ томъ тестаменте остатное воли моея кладу, абы школы въ братствѣ кievскомъ для цвичена дѣють хрестіанскихъ, а не гдѣ инде фундованы были подъ неблагословеніемъ приказу“.—Очевидно, что указанное возраженіе рецензента, основанное на враждебныхъ отношеніяхъ Копытенева къ Смотрицкому (въ виду добрыхъ отношеній послѣдняго къ Борецкому) терять всякое значеніе¹⁾.

Не менѣе шатко и другое соображеніе г. Соболевскаго. Именно, если м. Смотрицкій передъ своею поѣздкою на Востокъ „жилъ въѣкоторое время въ Кіевѣ, въ братскомъ монастырѣ“,—то причину этого нужно видѣть въ томъ, что онъ ранѣе былъ ректоромъ братскаго училища и что братство повтому именно считало себя обязаннымъ оказывать ему гостепріимство. Прежде всего замѣтимъ, что пребываніе (гощеніе) М. Смотрицкаго въ указанное время въ Кіевѣ, собственно въ Кіевскомъ братствѣ, фактъ сомнительный. Въ *Desiderosus*'ѣ Саковича²⁾ говорится только, что въ кievскомъ братскомъ монастырѣ въ присутствіи Мелетія Смотрицкаго читалась извѣстная книга,—и только. Мы думаемъ, что Смо-

¹⁾ Рецензентъ, пожалуй, можетъ сказать, что положеніе самаго митрополита Борецкаго въ разсматриваемое время было печальное; самому ему въ извѣстной части южно-русскаго общества не оказывалось должнаго уваженія. Но мы видимъ въ виду *Кіевское братство* (что въ данномъ случаѣ и важно). Замѣтимъ также, что вслѣдствіе привезенныхъ Мелетіемъ грамотъ съ Востока нѣкоторые противники Борецкаго и Смотрицкаго относились не особенно сочувственно и къ *Кіевскому братству*, можетъ быть, вслѣдствіе добрыхъ отношеній къ нему Борецкаго (см. наше сочиненіе о *Петрѣ Могила*, прилож. № XLVI, стр. 289).

²⁾ См. выдержку изъ *Desiderosus*'а въ нашемъ сочиненіи — *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила*, стр. 123.

тридцѣй, предъ поѣздкою на Востокъ, жилъ нѣкоторое время т. е. гостилъ у своего друга Іова Борецкаго, чтб (въ Кіево-Михайловской обители), разумѣется не исключаетъ визитовъ его и въ другія мѣста, въ томъ числѣ и въ братскій монастырь. Но въ сущности это дѣло не важное. Допустимъ, что Смотрицкій гостилъ въ Кіевскомъ братствѣ. Мы знаемъ, что здѣсь устроена была гостинница для „странныхъ духовныхъ вѣры перекрѣ входше“. Что же удивительнаго, если извѣстный православный архіепископъ, прославившійся своими заслугами для церкви, „ангелъ Божій“, „столпъ православія“ (какъ его называли) радушно принимается означеннымъ братствомъ?... Воистину, было бы странно, если бы ласковаго, радушнаго приѣма не послѣдовало...

Такимъ образомъ—повторяемъ—указанныя возраженія г. рецензента, основанныя на общихъ историческихъ соображеніяхъ, существеннаго значенія не имѣютъ. Въ данномъ случаѣ могутъ быть представлены болѣе *серьезныя* возраженія, (они имѣлись нами въ виду при обсужденіи вопроса о ректурахъ М. Смотрицкаго). Именно, намъ могутъ быть сдѣланы слѣдующія два возраженія:

1) На стр. 163 своего сочиненія мы отмѣчаемъ тотъ фактъ, что при возстановленіи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ западно-русской іерархіи первенствующая роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала собственно Кіевскому братству. Мы лишемъ: „Не говоря уже о томъ, что разсылавшіяся изъ Кіева отъ имени патріарха посланія съ увѣщаніями православнымъ безъ колебанія избрать лицъ, достойныхъ для посвященія въ санъ епископскій, не бояшеся повеленій и запрещеній міра (т. е. польскаго правительства), якоже нѣкогда родители Моисеевы не бояшеся повеленія Фараонова,—не говоря уже о подобныхъ грамотахъ, безъ сомнѣнія составлявшихся въ средѣ Кіевскаго братства,—вліяніе послѣдняго при возстановленіи іерархіи ясно видно въ самомъ выборѣ, по крайней мѣрѣ, половины лицъ, предназначенныхъ для посвященія. Возведенный

п. Теофаномъ на кievскую митрополию Іовъ Норедкій былъ предъ тѣмъ ректоромъ Кіево-братской школы; Исаія Копивскій, рукоположенный на еписколію перемышльскую, былъ первымъ игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и ея устройте-лемъ; Іезекииль Курцевичъ, посвященный на епископство владимірское и брестское, извѣстенъ, какъ одинъ изъ ревностѣйшихъ членовъ кievскаго братства, заявившій, что онъ „всегда готовъ съ нимъ пострадати добро и зло и кровь свою за благодетіе дати“... Имѣя въ виду эти факты, является естественное предположеніе, не потому ли Мелетій Смотрицкій посвященъ былъ п. Теофаномъ на подолицкую архі епископію, что находился прежде въ близкихъ отношеніяхъ къ братству, былъ ректоромъ братской школы?...

2) Сильвестръ Коссовъ въ своемъ *Exegesis*'ѣ пишетъ: „А ze te szkoły (kіeво-братскія), w ktorych teraz uczymy. przed tym zawsze były u są u nas in possessione: gdyż był nad nimi przed tym Rektoremъ *Smotrycky, Kassyan*, у inшы; ktorzy po łacinie uczyli sine interruptione aż do nas“. Такимъ образомъ, Коссовъ, упоминая о ректорахъ кievо-братской школы, на первомъ планѣ поставляетъ *Смотрицкаю* и затѣмъ уже *Кассіана* (Саковича). Не держится ли онъ въ данномъ случаѣ (при перечнѣ) порядка хронологическаго?

Но и эти, по видимому, серьезныя возраженія могутъ быть устранены. Первое возраженіе устраняется тѣмъ фактомъ, что Мелетій Смотрицкій уже и въ разсматриваемое время былъ лицомъ выдающимся и пользовался за свою литературную дѣятельность на пользу православія *самою широкую популярностію* въ средѣ южно-русцевъ. Издавленное имъ въ 1610 году сочиненіе—*Өриносъ*,—направленное противъ латино-увіатовъ, произвело громадное впечатлѣніе. Православные зачитывались имъ, оставляли дѣтямъ, какъ драгоценнѣйшее наследіе, завѣщавали даже класть его себѣ въ гробъ. Въ средѣ православнаго духовенства находились лица, заявившія, что по важности описанной въ *Өриносѣ* правды Божіей, онъ равенъ твореніямъ *Златоуста* и что за него они

готовы пролить свою кровь и положить душу... Такимъ образомъ избраніе Смотрицкаго въ архіепископы можетъ быть естественно объясняемо *приобрѣтенною имъ славою защитника православія*.—Второе возраженіе существенно ослабляется самимъ *характеромъ* сдѣланной въ Exegeſis'в замѣтки о Мелетіи. Коссовъ въ указанномъ мѣстѣ имѣетъ въ виду не перечисленіе въ хронологическомъ порядкѣ ректоровъ кіево-братской школы, а исключительно желаетъ указать на тотъ фактъ, что латинскій языкъ преподавался въ кіево-братской школѣ и въ прежнее время (до соединенія сей школы съ лаврскою—Могилянскою), преподавался—говоритъ онъ—и при ректорѣ Смотрицкомъ, и при Кассіанѣ. Очевидно, хронологія въ данномъ случаѣ для Коссова не имѣла *никакою существеннаго значенія*. Коссовъ могъ упомянуть о Смотрицкомъ ранѣе именно потому, что онъ, по времени, стоялъ *ближе* къ автору Exegeſis'a (какъ, напр., можно говорить и говорить: такой то обычай въ кіевской Академіи существовалъ и при преосв. Михаилѣ, и при преосв. Филаретѣ,—хотя первый былъ ректоромъ и послѣ Филарета). Словомъ, хронологія въ подобныхъ случаяхъ дѣло второстепенное.

Такимъ образомъ, самое существенное значеніе при опредѣленіи времени ректорства Мелетія Смотрицкаго въ кіево-братской школѣ имѣютъ *хронологическія данныя, касающіяся его біографіи*. Основываясь на этихъ данныхъ, мы и пріурочиваемъ ректуру Мелетія ко времени съ 1626 г. по 1628 г.,—т. е. къ тому времени, когда онъ, пріѣхавши съ Востока съ патріаршими грамотами, впалъ въ немилость у нѣкоторыхъ православныхъ (особенно Виленскаго и Львовскаго братства, кіево-печерской обители) и, опасаясь ѣхать въ Вильно, *жилъ въ Кіевѣ*. Правда, г. рецензентъ старается доказать, что Смотрицкій въ указанное время не жилъ въ Кіевѣ: онъ жилъ сначала—по его словамъ—въ Межигорскомъ монастырѣ, затѣмъ въ Дерманскомъ. Давныя для своего положенія г. Соболевскій *исключительно* заимствуетъ изъ нашего прежняго сочиненія о *Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ*

Мошля и, такимъ образомъ, какъ бы упрекаетъ насъ въ противорѣчїи самимъ себѣ. Но г. рецензентъ ошибается: онъ не воспользовался *совокупностію* всѣхъ данныхъ о М. Смотрицкомъ, находящихся въ нашемъ „Петръ Могила“. Мы не говоримъ, что Мелетій по прїѣздѣ съ Востока избралъ *мѣстомъ своего жительства* Межигорскій монастырь; мы говоримъ только, что онъ, будучи отвергнутъ кїево-печерскою лаврою, *остановился* въ Межигорской обители. Но здѣсь онъ пробылъ весьма короткое время, переѣхавши въ Кїевъ къ *Иоанну Борецкому*, подъ покровительство котораго и пребывалъ здѣсь продолжительное время. Огносительно этого есть положительное извѣстіе современника. Въ помѣщенной нами (въ отрывкахъ) *Отношеньи*—(полемическое сочиненіе) говорится, что Смотрицкій жилъ (*mieszkał*) при Борецкомъ *четыре юда* (*cztery lata*). Въ своей *Исторіи Кїевской Академіи* мы замѣчаемъ, что время это преувеличено. Но самый фактъ пребыванія Смотрицкаго въ Кїевъ не подлежитъ сомнѣнію.—Смотрицкій прибылъ въ Кїевъ съ Востока въ концѣ 1625 или самомъ началѣ слѣдующаго года. Что онъ жилъ здѣсь до половины 1627 г. ¹⁾—это едва ли можетъ оспаривать рецензентъ. Конечно, нельзя съ такою же увѣренностію утверждать, что и вторую половину 1627 г. Мелетій прожилъ въ Кїевъ, такъ какъ въ началѣ іюня сего года онъ торжественно присоединенъ былъ къ униі и ему за измѣну православію предоставлена была Дерманская архимандрія. Но тѣмъ не менѣе, можно представить вѣскія данныя и соображенія, свидѣтельствующія за пребываніе Смотрицкаго въ Кїевъ и *во второй половинѣ означеннаго юда*. Дѣло вотъ въ чемъ. Перехода въ унию, Мелетій рѣшился замаскировать свою измѣну православію; повтому было рѣшено, что до полученія отвѣта изъ св. курїи (по поводу его перехода въ унию), соединеніе его съ римскою церковію должно храниться въ глубокой тайнѣ. Онъ могъ освящать православныхъ свя-

¹⁾ Разумѣется, при этомъ возможны были непродолжительныя поѣздки Мелетія по окрестностяхъ Кїева.

ценниковъ, поминать константинопольскаго патріарха, словомъ, поступать во всемъ какъ православный архіепископъ. Все это дѣлалось съ тою цѣлю, чтобы удобнѣе дѣйствовать въ интересахъ уни: „искусно готовить къ ней схизматиковъ, раскрывая прѣдъ ними относительно даннаго предмета мнѣнія какъ западныхъ, такъ и восточныхъ отцевъ церкви.—”Сообщеніе о переходѣ Смотрицкаго получало было въ Римѣ только въ первыхъ числахъ октября 1627 г.; отвѣтъ палы (вполнѣ благоприятный), очевидно, пришелъ къ Мелетію въ концѣ означеннаго года. Мы думаемъ, что Смотрицкій до полученія этого отвѣта, хотя уже и именовался Дерманскимъ архимандритомъ, жилъ въ Кіевѣ, гдѣ представлялось болѣе широкое поприще для намѣченной имъ дѣятельности. И дѣйствительно, о пребываніи его за указанное время въ Дермани мы свѣдѣній не имѣемъ; а о пребываніи въ Кіевѣ такія свѣдѣнія есть. Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, что Смотрицкій присутствовалъ на Кіевскомъ соборѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1627 г. (можно возразить, что для этой цѣли онъ пріѣзжалъ изъ Дермани); мы укажемъ на письмо его отъ конца октября или начала ноября 1627 года, писанное изъ Кіева къ Виленскому братству. Мелетій пишетъ: *дня двадцатого октября прибылъ се зде до Кіева Иоанъ Дубовичъ, иннокъ уницкій, поведаячи быти себѣ посланнымъ отъ кзепца Рутскаго...* (далее разназывается о цѣли прібытія въ Кіевъ Дубовича, который „съ тѣмъ отъ насъ отъѣхалъ, прирекши намъ быти зась до насъ або передъ Рождествомъ Христовымъ, або врыхли потомъ“)...

Имѣя указанные факты, въ большинствѣ случаевъ совершенно игнорируемые рецензентомъ, мы и пріурочили ректорство М. Смотрицкаго въ Кіево-братской школѣ ко времени съ 1626 по 1628 г.¹⁾, какъ единственно возмож-

¹⁾ Замѣчаніе г. рецензента о посѣщеніи Могилою Смотрицкаго въ Дермани не относится къ дѣлу. Мы не говорили, чтобы М. Смотрицкій былъ ректоромъ въ 1628 году; съ этого года мы предполагаемъ начало ректури Кеслевича.

ному періоду въ его жизни, къ которому съ *наибольшію вѣроятностію* можно ее приурочить.—Мы видѣли что г. рецензентъ въ данномъ случаѣ не согласенъ съ нами. По его мнѣнію, время ректорства Мелетія опредѣлено нами „въ высшей степени неудачно“. Онъ полагаетъ, что Смотрицкій „былъ ректоромъ братскаго училища, именно въ 1618—1619 и, послѣ Іова Борецкаго и предъ Саковичемъ“. Но какія же доказательства приводятся г. Соболевскимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія... *Ровно никакихъ*, или, точнѣе, доказательства отрицательнаго свойства: онъ, какъ мы видѣли, усиливается доказать, что Смотрицкій *не могъ быть ректоромъ* братской школы въ 1626—1627 гг. Но мы, думаемъ, достаточно ясно опредѣлили *шаткое значеніе* этихъ доказательствъ. Замѣтимъ еще слѣдующее. Извѣстно, что М. Смотрицкій только *однажды* посѣтилъ Кіевскій и Возыньскій край, приблизительно въ половинѣ 1618 г. Но поѣздка эта была *непродолжительна*, причѣмъ извѣстна и цѣль ея (узнать расположеніе умовъ по вопросу о соединеніи церковей уніатской и православною)¹⁾. Приурочить ректуру Мелетія къ этой поѣздкѣ, дѣлать его каліфомъ на часъ, нѣтъ основаній... Припомнимъ также фактъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстный г. Соболевскому, какъ филологу: *Славянская грамматика* Мелетія Смотрицкаго, начавшаяся печатаніемъ въ 1618 году и оконченная въ *слѣдующемъ* 1619 и., издана была въ типографіи Вилевскаго братства, въ *Евю*. Неужели г. рецензентъ думаетъ, что Смотрицкій, ректорствуя въ Кіево-братской школѣ, находилъ болѣе удобнымъ печатать свое произведеніе не въ Кіево-печерской Лаврѣ, а въ отдаленномъ Евю?...

Θма Іевлевичъ. „Мы знаемъ—говоритъ рецензентъ—что Іевлевичъ былъ ректоромъ въ 1630 и 1631 гг.; другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется и онъ могъ начать свою дѣятельность въ братствѣ и раньше, и позже 1628 года“.—Совершенно вѣрно. Мы и не *утверждаемъ*, что Іевле-

¹⁾ Examen obrony... изд. 1621 г., стр. 43.

вичъ началъ свою ректуру съ 1628 г., мы только *предполагаемъ* это („надо полагать“ и проч.),—предполагаемъ по той причинѣ, что съ 1628 г., по нашему мнѣнію, прекращается ректорство Смотряцкаго, а другихъ, непосредственныхъ преемниковъ его, кромѣ Іевлевича, мы не знаемъ.

Чтобы не пройти молчаніемъ ни одного изъ возраженій г. рецензента слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ его замѣчаніяхъ: а) *по поводу заглавія нашего сочиненія* и б) *относительно сообщаемыхъ нами свѣдѣній о фамиліи Гулевичей*.

Г. Соболевскій пишетъ: „Данное авторомъ настоящему труду заглавіе: *Исторія Киевской духовной Академіи, періодъ до-могилинскій*, показываетъ, что онъ считаетъ Академію, основанную Могилою, за продолженіе Киевской братской школы. Такой взглядъ на Академію, по нашему мнѣнію, ошибоченъ. Академія была основана въ Печерской Лаврѣ въ то время, когда братское училище еще существовало при братскомъ монастырѣ на Подолѣ, такъ что одно время Кіевъ имѣлъ обѣ эти школы; *потомъ братское училище было уничтожено*, его ректоръ и преподаватели уволены; въ его помѣщеніе была перенесена Академія съ своими ректоромъ и учителями“. Затѣмъ, сказавши, что главная черта братскаго училища съ одной стороны, и Академіи—съ другой, совершенно различны,—г. рецензентъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ, ни по времени, ни по типу Академія не была продолженіемъ или развитіемъ братскаго училища; это были двѣ различныя школы, помѣщавшіяся одна за другою въ одномъ и томъ же зданіи“.

Напрасно г. рецензентъ думаетъ, что П. Могила, вводя свою коллегію въ братскій монастырь, какъ бы *стеръ съ лица земли братскую школу* („братское училище было уничтожено“), оставивъ одни стѣны. Переводъ Могилою основанной имъ въ Лаврѣ школы въ братскій монастырь не былъ „уничтоженіемъ“ братскаго училища, а *соединеніемъ во едино двухъ учебныхъ заведеній*,—была прививкою къ братскому училищу новой, болѣе плодотворной лозы. Правда, эта лоза по своимъ

жизненнымъ сокамъ превосходила то растеніе, въ которому прививались, тѣмъ не менѣе она была *перенесена* изъ другаго мѣста и привита въ растенію, *ранѣе* посѣянному и дававшему плоды уже вѣскольکو лѣтъ. Повтому *корень* Кіевской Академіи принадлежитъ именно Кіево-братской школѣ и историкъ этой Академіи долженъ начинать свой трудъ именно *съ этого корня*... Г. Соболевскій утверждаетъ, что Кіево-братское училище *было уничтожено*: ректоръ и учителя были уволены. Ну, а ученики... тоже были уволены? или они не составляютъ существенной части школы?... Притомъ, что касается и самыхъ учителей, откуда знаетъ г. рецензентъ, что *всѣ они были уволены*. Мы знаемъ только, что ректоръ Оома Іевлевичъ, когда воспослѣдовало согласіе Могилы соединить свою школу съ братскою, оставляетъ ректуру, а вмѣстѣ съ нимъ выходитъ изъ школы его землякъ *Савва Андреевичъ*. Что же касается остальныхъ наставниковъ Кіево-братской школы, то свѣдѣній объ оставленіи ими своихъ должностей мы не имѣемъ. Безъ сомнѣнія, большинство профессоровъ въ соединенныхъ школахъ были профессора Лаврской Могилянской коллегіи; но утверждать, чтобы они окончательно вытѣснили изъ Кіево-братской школы (теперь уже коллегіи) *всѣхъ* прежнихъ наставниковъ,—нѣтъ основаній. Нужно имѣть въ виду, что въ Лаврской Могилянской школѣ чувствовался *недостатокъ въ профессорахъ* (rhetorikę z poetiką wkurpie miało; syntaximā, grammatikā, infimā byli także wkurpie), а между тѣмъ, по соединеніи двухъ школъ въ одну, число учениковъ должно было увеличиться приблизительно вдвое.—Притомъ и братство едва-ли согласилось бы уволить *всѣхъ* своихъ прежнихъ наставниковъ, между которыми, безспорно, могли находиться люди, успѣвшіе зарекомендовать себя съ хорошей стороны. А что братство, представляя Могилѣ главное опекунство надъ соединенными школами, отнюдь не устранялось отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ училищныхъ, это можно видѣть изъ самаго условія, заключеннаго братчиками съ П. Могилою.

Обращаемся въ другой сторонѣ затронутого г. рецензентомъ вопроса. Разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что „главныя черты братскаго училища, съ одной стороны, и академіи—съ другой, различны“. Но на *этомъ только основаніи* начинать исторію Кіевской Академіи со времени Могилы, было бы болѣе чѣмъ странно. Не вдаваясь въ многоглаголаніе, пояснимъ свою мысль примѣромъ. Если, когда либо, кто вибудь возьметъ на себя трудъ составить біографію моего уважаемаго рецензента, озаглавивши ее: „Профессоръ А. И. Соболевскій“,—то неужели эту біографію нужно начинать со времени утвержденія г. Соболевскаго въ званіи *профессора*, минуя его дѣтскія и юношескія годы?

Нѣкоторыя, сообщаемыя нами свѣдѣнія о фамиліи Гулевичей, г. рецензенту представляются излишними, *не смотря на всю свою цѣнность*. Съ замѣчаніемъ, выраженнымъ въ такой формѣ, автору подобало бы примириться. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ припомнить нижеслѣдующее. Галшка Гулевичевна была основательницею кіево-братскаго монастыря, около котораго сосредоточилось почти одновременно возникшее съ нимъ братство съ своею школою—впослѣдствіи Академію. Память о ней доселѣ свято чтится нашею Alma Mater. Между тѣмъ—какъ мы заявляли въ сочиненіи—въ ряду историческихъ дѣятелей разсматриваемаго времени едва ли можно указать много имевъ, свѣдѣнія о которыхъ были бы столь скудны и отрывочны, какъ они скудны по отношенію къ нашей фундаторшѣ. Свѣдѣнія эти до настоящаго времени исключительно ограничивались сообщеніемъ, что Галшка Гулевичевна, подарившая въ 1615 году дворъ на основаніе монастыря въ Кіевѣ, была *женою мозырскаго маршалка Стефана Лозки*,—и только. Мало того, съ Гулевичевою случилось то, что въ исторіи не часто и случается: самое имя ея, ясно обозначенное въ извѣстныхъ записяхъ того времени, переведенно было на русскій языкъ неточно, и она

нерѣдко была смѣшиваема съ другою Гулевичевою, мнимою своею соименницею, а нѣкоторыя недавно сообщенныя свѣдѣнія объ ея мужѣ не только не послужили къ уясненію его личности, но даже создали нѣкоторыя недоразумѣнія.—Имѣя въ виду такую скудость свѣдѣній о фундаторшѣ кіево-братскаго монастыря и сознавая, что на историкѣ Кіевской Академіи лежитъ обязанность, по возможности, восполнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ біографіи Гулевичевны, мы обратились къ архивнымъ разысканіямъ. Нами было, хотя бы бѣгло, просмотрѣно до 60,000 документовъ, вслѣдствіе чего и удалось собрать кое-какія *новыя крупичи*, касающіяся какъ Елизаветы Гулевичевны, такъ и ея родичей. Г. рецензентъ считаетъ нѣкоторыя изъ этихъ крупичъ лишними; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что мы въ данномъ случаѣ шли путями *не готовыми*. Прокладывая дорогу, нужно было ставить и вѣхи. Будущій историкъ Кіевской Академіи, безъ сомнѣнія, при изложеніи біографіи Гулевичевны не будетъ многоглагольствовать: ограничится краткимъ сообщеніемъ положительныхъ свѣдѣній о фундаторшѣ кіево-братскаго монастыря. Но, смѣемъ думать, что онъ будетъ имѣть возможность это сдѣлать только потому, что мы, по мнѣнію г. рецензента, излишне многоглагольствовали объ означенномъ предметѣ ¹⁾).

---

¹⁾ Кстати приведемъ здѣсь еще одну выдержку изъ памятника конца XVII стол., представляющую нѣкоторый интересъ въ качествѣ матеріала для біографіи Елизаветы Гулевичевны Лозинной. „Въ лѣто же 1620: такожде во градѣ Рожовѣ въ навечеріи Богоявленія воду обычно освята Филосей Кызареникъ іеромонахъ, бывшій потомъ намістникъ Печерскій, и игуменъ монастыря святаго Михаила Златоверхаго, погружая въ ней животворящее древо, на немъ же спасеніе наше распято бысть, отъ нея же взять въ домъ свой госпожа Дожинная маршалковая Мозырская, сія же бѣ госпожою доживотиею Града Рожова: сохранивши же воду ону въ сосудѣ отъиде въ Литовскую землю, не мало же время тамо пребавши, возвратися лани къ Рожову, и понеже зима крѣпкая бѣ тогда, воспоминау себѣ воду ону, и бояся да не како разсѣдеса лагвица

Мы кончили. Нами не оставлено безъ вниманія ни одно изъ замѣчаній уважаемаго рецензента,—и хотя болъшую часть этихъ замѣчаній мы считаемъ не имѣющими для себя твердой опоры, противорѣчащими фактамъ и вообще въ научномъ отношеніи несостоятельными,—тѣмъ не менѣе мы признаемъ рецензію г. Соболевскаго, по крайней мѣрѣ лично для себя, весьма пріятнымъ явленіемъ. Для насъ очень пріятно то вниманіе, какое оказано нашей *Исторіи Кіевской Академіи* со стороны извѣстнаго спеціалиста, тщательнo изучившаго не только этотъ трудъ, но и стоящее съ нимъ (въ нѣкоторыхъ пунктахъ) въ связи прежнее наше сочиненіе о *Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Моцилѣ*. Погрѣшности, допускаемыя даже такими авторитетными рецензентами въ критическихъ замѣткахъ, легко могутъ быть замѣчены авторомъ и, будучи имъ надлежаще разъяснены, едва ли способны послужить источникомъ для недоразумѣній въ научной литературѣ. Вѣрныя же замѣчанія, хотя бы они касались самыхъ детальныхъ частности, хотя бы опечатокъ (въ родѣ исправленія *Почапскаю* на *Почаскаю*)¹⁾, суть дѣйствительныя лепты, приносимыя рецензентами въ общую сокровищницу научныхъ знаній. Твердо памятуя о семъ, мы заканчиваемъ свои замѣтки глубокою благодарностію своему уважаемому рецензенту и дружески, товарищески, жмемъ ему руку.

С. Голубевъ.

въ ней же бѣ, (ибо стеклѣна бѣше), повелѣ слугѣ своему Налолскому оглядѣти воду оную, оуъ же шедъ и соглядавъ обрѣтъ въ лавмци оной не воду, но отъ воды червелево и благовопія великого исполненное вино. Сіе исповѣдуя предъ всѣми и сама предъименованная госпожа, ваѣлаче же слуга ея Налолскій, иже бысть Римскія вѣри, подъ совѣстію всѣмъ вопроцающимъ его исповѣда, яко сіе воистину сице бѣ". (Изъ предисловія къ *Требнику*, по всей вѣроятности, конца XVII стол., львовской печати.—Требникъ этотъ, безъ начальныхъ листовъ, находится въ бібліотекѣ Кіев. Дух. Семинаріи, куда поступилъ семи днями).

¹⁾ Кстати объ опечаткахъ. Слѣдуетъ исправить въ *приложеніи* на стр. 7, строка 3 снизу. вмѣсто *общій*—*обыій*; стр. 71, вмѣсто епископъ *Стаховскій*—еп. *Сташонскій*.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

по

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе¹).

ЧЛЕНЪ 3.

О Богѣ - раздаятелѣ людѣмъ спасенія или освятителѣ.

§ 103.

Переходъ къ ученію о Богѣ - Освятителѣ и ея раздѣленіе.

Пострадавши, умерши, воскресши, вознесшись на небо и возсѣдши одесную Бога Отца, Господь нашъ Иисусъ Христосъ сталъ чрезъ все это поистинѣ искупителемъ людей, и притомъ всѣхъ людей. Сталъ же Онъ таковымъ во-первыхъ потому, что Своею смертію приобрѣлъ прощеніе грѣховъ и миръ съ Богомъ для всѣхъ людей, далѣе же потому, что чрезъ Свое воскресеніе открылъ для всѣхъ въ самомъ Себѣ начатокъ и источникъ новой песковчаемой жизни, а наконецъ потому, что чрезъ Свое вознесеніе на небо и возсѣденіе одесную Бога Отца тоже для всѣхъ людей стяжалъ въ лицѣ Своемъ право и возможность быть чадами Божиими и наследниками царствія Христова. Но это еще не значить, чтобы послѣ совершенія Иисусомъ Христомъ означенныхъ искупительныхъ дѣлъ, всѣ люди стали уже на самомъ дѣлѣ

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., июль, 1886 г.

Труды Кіев. Дух. Акад. Т. II. 1887 г.

спасенными и оправданными. Таковыми же имъ можно сдѣлаться не иначе, какъ только подѣ условіемъ свободнаго принятія и дѣйствительнаго усвоенія тѣхъ спасительныхъ плодовъ искупленія, какіе для нихъ были приобрѣтены и сосредоточены въ лицѣ ихъ Искупителя. Хотя Иисусомъ Христомъ, какъ духовнымъ врачомъ, приготовленъ былъ неистощимый запасъ врачебныхъ средствъ для уврачеванія недуговъ грѣховныхъ, но, чтобы получить такое врачество, каждому необходимо было самому воспринять означенныя врачебныя средства и надлежаще воспользоваться ими. Хотя во Христѣ, какъ главѣ новозавѣтнаго человечества, въ такомъ преизбыткѣ заключены были духовно-благодатныя живоносныя силы, что онъ въ состояніи былъ дать и сохранить новую во Христѣ жизнь всѣмъ и всѣхъ времянь людямъ, но чтобы на самомъ дѣлѣ проникнуться и жить этою жизнью, каждому въ отдѣльности необходимо было самому посредствомъ вѣры внутренне привиться къ духовно-благодатному тѣлу Христову и стать его живымъ и всегдашнимъ членомъ. Хотя, наконецъ, Иисусъ Христосъ, какъ ставшій царемъ и владыкою всего, всѣмъ даровалъ право быть чадами Божиими и наследниками Его царствія, однакоже опять, чтобы на самомъ дѣлѣ каждый въ отдѣльности могъ воспользоваться сямъ высокимъ правомъ, требовалось, чтобы каждый, при участіи своей вѣры, на самомъ дѣлѣ духовно возродился и сталъ по духу чадомъ Божиимъ, когда только и могъ содѣлаться истиннымъ снаслѣдникомъ Христовымъ.

Но спрашивается, могъ ли и можетъ ли самъ собою человѣкъ надлежаще воспользоваться всѣми означенными плодами совершеннаго Иисусомъ Христомъ искупленія? Конечно, нѣтъ. Какъ не могъ онъ самъ собою приготовить для себя искупительныя средства, такъ точно не могъ и не можетъ самъ собою употребить въ свое спасеніе приготовленныя для сего Искупителемъ нашимъ средства, не могши, по слову ап. Павла, самъ собою даже только называть Господомъ Иисуса (1 Кор. 12, 3), съ истинною и

живую вѣрою. Потому-то Христосъ не ограничилъ Своего домостроительства о спасеніи людей однимъ уготовленіемъ для нихъ Своихъ искупительныхъ средствъ, а распростеръ и распространяетъ его и на самое примѣненіе ихъ къ каждому изъ людей въ отдѣльности, хотя это великое дѣло усвоенія людямъ Своего искупленія, обыкновенно носящее наименованіе освященія, Онъ совершилъ и совершаетъ уже не Самъ Собою, а чрезъ исходатайствованнаго Имъ у Отца Св. Духа, который, бывъ Имъ испославъ апостоламъ, пребываетъ съ Его послѣдователями во вѣкъ. Для этой же цѣли Онъ создалъ на землѣ и Свою церковь, положивъ въ ней всѣ необходимыя къ освященію людей средства.

Переходя, поэтому, къ ученію объ освященіи чловѣка, намъ слѣдуетъ сперва сказать о сущности самаго освященія и производящихъ его причинахъ или дѣтеляхъ, а затѣмъ о церкви, какъ посредницѣ въ дѣлѣ освященія, и находящихся въ ней освящающихъ средствахъ.

I.

Объ освященіи чловѣка, и производящихъ его причинахъ.

§ 104.

О сущестѣ освященія чловѣка.

Что же такое освященіе чловѣка, о которомъ намъ теперь нужно говорить? Чтобы опредѣлить его съ нужною точностію, намъ необходимо взять при этомъ во вниманіе, болѣе другихъ могущія помочь сему, нижеслѣдующія мѣста св. писанія. Такъ, ап. Павелъ, изображая то сравнительно съ прежнимъ новое оправданное состояніе, въ которомъ послѣ своего обращенія поставлены были коринтяне, говоритъ имъ между прочимъ слѣдующее: *и сими, т. е. повятыми, подобно не-христіанамъ, во всемогущихъ преступленіяхъ, убо тѣии бѣсте, но омьстеся, но освятитеся, на*

оправдистесь именовъ Господа нашею Исуса Христа и Духомъ Бога нашею (1 Кор. 6, 11). Изъ приведенныхъ словъ совершенно ясно, что Апостолъ соединенное съ омытіемъ (въ крещеніи) и совершаемое во имя Исуса Христа Духомъ Божиимъ освященіе и оправданіе вѣрующихъ полагае, съ одной стороны, въ ихъ освобожденіи отъ ихъ прежнихъ грѣховъ, а съ другой во вновь приобрѣтенной ими праведности и святости, и подобно тому какъ подъ освобожденіемъ отъ грѣховъ понималъ здѣсь не вѣдшее только ихъ прощеніе или невѣніе, а дѣйствительное и внутреннее очищеніе, такъ и подъ противопоставляемою имъ прежней порочной жизни вѣрующихъ праведностію и святостію разумѣлъ, конечно, не мнимую только и совнѣ объявленную, а дѣйствительную и внутреннюю ихъ праведность и святость.

Тотъ же Апостолъ въ посланіи къ галатамъ освященіе чловѣка, получаемое чрезъ крещеніе, называетъ облеченіемъ во Христа, выразившись такъ: *слицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Но здѣсь же онъ съ совершенною ясностію показываетъ, что подъ облеченіемъ во Христа нужно разумѣть не какое-либо только вѣдшее соприкосновеніе къ вѣрующему Христа, прикрывающаго его Своими заслугами, а напротивъ чисто внутреннее отображеніе Христа въ его обновленной душѣ, или, что то же, воспроизведеніе новой во Христѣ жизни въ его собственной жизни; такъ какъ Апостолъ въ предыдущемъ же стихѣ къ вѣрующимъ, крестившимся во Христа, говоритъ: *вси бо вы сынови Божіи есте втрою о Христѣ Исусѣ* (Гал. 3, 26), а въ слѣдующей главѣ обращается къ нимъ съ такою рѣчью: *чадца моя, ими же паки бользную, дондеже вообразитя Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). Эту же мысль повторяетъ и полѣе раскрываетъ ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ, гдѣ касаясь тѣхъ, которые крестились во Христа, такъ объясняетъ сущность и значеніе воспринятаго ими крещенія, что чрезъ него они спогреблись Христу и умерли для грѣха съ тѣмъ, чтобы впредь не работать ему, а вмѣсто этого ходить

въ обновленной жизни, и жить для Бога во Христвъ Исусѣ Господѣ нашемъ (Рим. 6, 3—11).

Но еще примѣе и опредѣленіе свою мысль объ освященіи выражаетъ тотъ же Апостолъ въ посланіи къ Титу, гдѣ онъ, изображая искупительныя дѣйствія Спасителя нашего Бога, говоритъ, что Онъ, *не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по Своей Его милости, спасе насъ бачею пакыбѣтія и обновленія Духа Святаго* (бачею возрожденія и обновленія Св. Духомъ), *Еложе измѣя на насъ обильно Исусъ Христомъ спасителемъ нашимъ, да оправдишеся благодатію Его, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя* (Тит. 3, 5—7). Здѣсь, что не трудно видѣть, спасеніе человѣка, соединенное съ его оправданіемъ, прямо и положительно поставляется не въ чемъ-либо иномъ, какъ только во внутреннемъ и благодатномъ возрожденіи и обновленіи, дѣлающемъ человѣка не по виду только, а по самому внутреннему его состоянію, правымъ предъ Богомъ, а потому и имѣющимъ право упованія на наслѣдіе жизни вѣчной.

Подобный же смыслъ заключаютъ въ себѣ и тѣ мѣста св. писанія, въ которыхъ возрожденный и оправданный во Христвъ называется то *новою тварью* (Гал. 6, 15; 2 Кор. 5, 17), то членомъ тѣла Христова отъ плоти Его и отъ костей Его (Еф. 5, 30), то человѣкомъ духовнымъ (Гал. 6, 1), и притомъ такимъ человѣкомъ, который постоянно и постепенно внутренне возрастаетъ и преспѣваетъ, пока не придетъ въ зрѣлость мужа и въ мѣру полнаго возраста Христова (Еф. 4, 13).

Итакъ освященіе человѣка, какъ оно изображается въ откровеніи, не есть одно только чисто вѣшнее прощаніе человѣку, или невѣнненіе прежнихъ его грѣховъ, а есть дѣйствительное и внутреннее ихъ очищеніе или врачеваніе. Не есть также одно чисто вѣшное оправданіе или только прикрытіе праведностію Христовой порочной души оправдываемаго, а есть напротивъ внутренне благодатное его возрожденіе къ новой во Христвъ жизни, а также возрастаніе

и пресѣяніе въ сей жизни, дѣлающее ее по самому существу правую предъ Богомъ.

Въ такомъ, а не иномъ смыслѣ понимали благодатное освященіе человѣка и всѣ древніе отцы и учителя церкви, что совершенно ясно уже изъ того одного, что они обыкновенно его называли то духовнымъ омытіемъ или очищеніемъ и испѣвленіемъ отъ всѣхъ грѣховныхъ сквернъ и недуговъ¹⁾, то духовнымъ возрожденіемъ или воссоздавіемъ для новой во Христѣ жизни²⁾, то возстановленіемъ въ душѣ человѣка помраченнаго образа Божія³⁾, или воображеніемъ въ ней Христа⁴⁾, то просвѣщеніемъ и просвѣтленіемъ души, въ силу чего она, освобождаясь отъ всякой тьмы, какъ бы вся становится и свѣтою и видящимъ глазомъ⁵⁾, то наконецъ особеннымъ благодатнымъ одухотвореніемъ, въ силу котораго человѣкъ изъ душевнаго становится духовнымъ⁶⁾.

Какъ же совершается это великое дѣло освященія человѣка, дѣло его внутренняго возрожденія и преобразованія для новой во Христѣ жизни? Главнымъ и преимущественнымъ дѣятелемъ, какъ можно уже изъ вышесказаннаго видѣть, является здѣсь обильно изливаемая на вѣрующихъ Св. Духомъ, въ силу заслугъ Христовыхъ, Его благодать, но оно въ то же время, какъ ясно учить то же откровеніе, совершается не иначе, какъ только при соответственномъ участіи со стороны челоуѣка, а именно при его участіи посредствомъ своей вѣры. Такъ, Самъ Спаситель вѣру почиталъ необходимымъ условіемъ, какъ вообще для принятія благодати Духа Святаго, такъ и въ частности для принятія

¹⁾ Григор. Богосл. Слов. 40 на св. Крещ. Твор. Григ. Богосл. т. III. стр. 277. *Златоустъ*. De sacerdotio. III. п. 6.

²⁾ Григор. Богосл. Слов. 41 на св. Пятидес. въ Тв. св. отц. т. IV, стр. 19.

³⁾ Варнава. Epist. с. 6. *Васил. велик* Прот. Евном. кн. 5 въ Твор. св. отц. VII, стр. 192.

⁴⁾ Кирил. алекс. In Is. lib. IV. orat. 2. Т. II. р. 591. ed. Aubert.

⁵⁾ Макари. велик. Бесѣда 1. п. 2.

⁶⁾ Adv. re haeres. lib. V. с. 8. п. 2.

благодати крещеніи, когда училъ: *въруай въ Мя, якоже рече писаніе, отъ чрева ея истекуть воды живы* (что сказалъ о Духѣ, котораго имѣли принять върующіе въ Него) (Іоан. 7, 38 и 39), и *иже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16). И ап. Павелъ, какъ спасающую челоуѣка благодать, такъ и самое спасеніе вездѣ поставляетъ въ извѣстнаго рода условную зависимость отъ въры, уча напр. тавимъ образомъ, что мы *спасени благодатию чрезъ въру* (Еф. 2, 8), или: *мыслимъ убо върою оправдатися челоуѣку* (Рим. 3, 28), *правда же Божія върою Исусъ Христовою* (чрезъ въру въ Исуса Христа) *во всѣхъ и на всѣхъ върующихъ* (Рим. 3, 32), *оправдившеся убо върою, миръ имамы* (Рим. 5, 1), *праведный отъ въры живъ будетъ* (Рим. 1, 17), и т. п. Освященіе челоуѣка, потому, есть дѣло совмѣстнаго и гармоническаго дѣйствія двухъ началъ, божескаго и челоуѣческаго, спасающей благодати и восприимающей спасеніе въры, послѣдствіемъ чего является въ христіанинѣ новая его жизнь во Христѣ, представляющая собою нѣчто аналогическое съ жизнію Самаго Исуса Христа, какъ Богочелоуѣка.

А потому чтобы имѣть болѣе полное и опредѣленное о немъ представленіе, намъ необходимо подробнѣе сказать а) о благодати, какъ главномъ и дѣятельномъ началѣ въ освященіи челоуѣка, и б) о вѣрѣ, какъ началѣ болѣе восприимательномъ и подчиненномъ въ томъ же великомъ дѣлѣ.

О благодати, какъ главномъ и дѣятельномъ началѣ въ освященіи челоуѣка.

§ 105.

Ученіе откровенное.

Самъ Исусъ Христосъ, уча о безусловной для всѣхъ необходимости *родиться свыше* (Іоан. 1, 13), или *отъ Бога*

(Іоан. 3, 7), чтобы войти въ царствіе Божіе, съ совершенною ясностію показалъ какъ то, что сами по себѣ люди въ семь случаевъ оказываются совершенно безсильными, не могли ничего творить безъ Него (Іоан. 15, 5), такъ и то, что главнымъ дѣятелемъ здѣсь имѣлъ быть никто иной, какъ Св. Духъ съ Его вседѣйствующею и животворящею силою или благодатію. *Аще кто, говоритъ Онъ, не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть... Духъ, идъже хоцетъ, дышетъ, и мазъ Его смышиши, но не въси, откуда приходитъ, и камо идеть; тако есть всякъ челоукъ рожденный отъ Духа* (Іоан. 3, 5—8).

А потому Спаситель всѣмъ вѣрующимъ въ Него открылъ, по Своемъ прославленіи, обильный и неоскудѣваемый источникъ животворной благодати Св. Духа (Іоан. 7, 37—39), а также, незадолго предъ Своею смертію, и апостоламъ обѣщалъ умолить Своего Отца дать имъ другого Утѣшителя т. е. Духа истины, чтобы Онъ пребылъ съ ними во вѣкъ (Іоан. 14, 16 и 17), не въ лицѣ, конечно, ихъ однихъ, такъ какъ они должны были скоро оставить свое земное поприще, а въ лицѣ всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ преемниковъ и учениковъ, имѣвшихъ вмѣстѣ съ Христовою церковію существовать до скончанія вѣковъ (Матѣ. 16, 18).

И на самомъ дѣлѣ, по прославленіи Христовомъ съ вознесеніемъ на небо, излился Духъ Святый, какъ на апостоловъ, такъ и на всѣхъ вѣрующихъ (Дѣян. 2, 4 и 17), и отселѣ сталъ пребывать и выну пребываетъ съ ними и въ нихъ, живя въ каждомъ, какъ Своемъ храмѣ (1 Кор. 3, 16), такъ что если кто Его не имѣетъ, тотъ и не Христовъ (Рим. 8, 9), а вмѣстѣ съ симъ сталъ устроить и выну устроить спасеніе каждаго (Еф. 2, 5), раздѣляя властію коемуждо, якоже хоцетъ, свои разнообразныя благодатныя дары (1 Кор. 7—11).

Такъ, Онъ чрезъ баню какибытія возрождаетъ вѣрующихъ къ новой жизни (Тит. 3, 5), наполаетъ ихъ Собою

(1 Кор. 12, 13), способствуетъ имъ въ ихъ немощехъ (Рим. 8, 26) и водительствоуетъ ими, приводя ихъ ко Отцу (Еф. 2, 18) и дѣлая сынами Божиими (Рим. 8, 14), а также жилищемъ Божиимъ (Еф. 2, 22) и членами единого тѣла Христова (1 Кор. 12, 13). Вмѣстѣ же съ симъ Онъ подаетъ имъ въру (1 Кор. 12, 9), обогащаетъ ихъ надеждою (Рим. 15, 13), изливаетъ въ сердце ихъ любовь (Рим. 5, 5) и крѣпко утверждаетъ ихъ во внутреннемъ человѣкѣ (Еф. 3, 16), а также подаетъ нужныя имъ силы къ тому, чтобы они, взирая на славу Господню, и сами въ тотъ же образъ преобразались отъ славы въ славу (2 Кор. 3, 18).

Повѣстно, повтому, что благодать Св. Духа, какъ божественная сила, возрождающая, укрѣпляющая и совершенствующая духовную жизнь человѣка, есть главная дѣйствующая и правящая сила въ освященіи человѣка, и притомъ сила, дѣйствующая не совнѣ, а внутри самого человѣка, или во внутреннемъ единствѣ съ его духовною природою, чѣмъ существенно она и отличается отъ другихъ, вовнѣ человѣка являющихся божественныхъ силъ или дѣйствій, напр. видимыхъ сверхъестественныхъ откровеній или чудесныхъ знаменій и дѣйствій.

На умѣстный же и естественный здѣсь вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ освящающая благодать къ свободѣ человѣка, откровеніе не даетъ прямого отвѣта, относя благодатныя дѣйствія Св. Духа къ недовѣдомымъ, хотя и спасительнымъ для человѣка тайнамъ, что засвидѣтельствовалъ и Самъ Спаситель, сравнивавшій возрождающаго Духа съ дѣйствіями вѣтра, хотя неизвѣстно откуда приходящаго, но каждому дающаго ощущать свои дѣйствія (Іоан. 3, 8). Тѣмъ не менѣе изъ того же откровенія совершенно ясно то, что освящающую благодать Духа Святаго во всѣхъ видахъ ея дѣйствій не только не исключается и не устраняется, но напротивъ вездѣ необходимо предполагается свободное участіе или содѣйствіе со стороны воли человѣка, хотя само собою повѣстно, что воля здѣсь, какъ сила ннз-

шая, должна всегда занимать въ отношеніи къ благодати, какъ силѣ высшей, второстепенное и подчиненное мѣсто.

Такъ ап. Іоаннъ благодатное начало возрождающее и утверждающее новую духовную жизнь въ вѣрующемъ называетъ *сѣменемъ Божиимъ*, которое въ немъ пребываетъ (1 Іоан. 3, 9). Если же есть сѣмя, то понятно, что оно не сразу является тѣмъ, чѣмъ есть по своему существу, но только постепенно развивается и разрастается, конечно, не иначе, какъ только при участіи и содѣйствіи самой духовной природы человѣческой, подобно тому, какъ и всякое растительное сѣмя развивается и растетъ не иначе, какъ только при соучастіи и содѣйствіи той почвы, въ которую оно положено. Если, далѣе, оно есть сѣмя, въ своемъ развитіи зависящее отъ такого или иного свойства свободно-разумной природы человѣческой, то понятно, что оно смотря потому, какія находитъ здѣсь для себя благопріятныя или неблагопріятныя условія, быстрѣе или медленнѣе развивается и возрастаетъ, или даже вовсе не развивается и глхнетъ, на подобіе того, какъ бываетъ и съ растительнымъ сѣменемъ, встрѣчающимъ въ своей почвѣ болѣе или менѣе для себя благопріятныя или же вовсе неблагопріятныя условія.

Въ такихъ именно чертахъ и на самомъ дѣлѣ представляются откровеніемъ дѣйствія благодати въ отношеніи ихъ къ свободѣ чловѣка. Такъ, по его изображенію, тогда какъ одни на первыхъ же порахъ съ умиленіемъ и всецѣлою покорностію принимаютъ подаваемую имъ благодать Св. Духа (Дѣян. 2, 37 и 38), другіе, наоборотъ, непрерывно ей противятся (Дѣян. 7, 51) и отъ нея удаляются (Гал. 5, 4). Тогда какъ, далѣе, одни не напрасно принимаютъ благодать Божию, дѣлая изъ нея спасительное для себя примѣненіе (1 Кор. 15, 10; 2 Кор. 6, 1), другіе наоборотъ не только понапрасну ее принимаютъ, но еще оскорбляютъ (Еф. 4, 30), и ею злоупотребляютъ, обращая ее въ случай къ распутству (Іуд. ст. 4). Тогда какъ, наконецъ, одни поученную ими благодать Божию възгрѣваютъ (2 Тим. 1, 6),

возвращаютъ (2 Петр. 3, 18) и приумножаютъ (2 Петр. 1, 2), другіе наоборотъ ее угашаютъ или вовсе утрачиваютъ (1 Солун. 5, 19). Ясно, поэтому, что, по мысли откровенія, то соотношеніе между божественною благодатию и человѣческою свободою, какое должно быть предметомъ желаній и стремленій каждаго вѣрующаго, и какое на самомъ дѣлѣ многими по мѣрѣ силъ болѣе или менѣе достигается, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ возможно всегдашнемъ и внутренне-гармоническомъ или органическомъ единствѣ и взаимодѣйствіи этихъ двухъ началъ божескаго и человѣческаго, подѣ господственнымъ вліаніемъ перваго, и при свободномъ подчиненіи ему послѣдняго. Высочайшій же образецъ такого именно, а не иного гармоническаго единства и взаимодѣйствія означенныхъ началъ представилъ намъ въ своемъ собственномъ лицѣ ап. Павелъ, который вотъ въ какихъ знаменательныхъ чертахъ изображаетъ это, осуществившееся въ его духовно благодатной жизни, единство: *благодатию Божією емь, еже емь, и благодать Ею, яже со мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ* (апостоловъ) *потрудихся, не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

§ 106.

Ученіе церковноотеческое.

Согласно съ симъ о существѣ освящающей благодати и ея отношеніи къ свободѣ человѣка учили прежде всего мужи апостольскіе, а вслѣдъ за ними и дальнѣйшіе отцы и учителя, какъ востока, такъ и запада, по крайней мѣрѣ до возникновенія здѣсь пелагіанскихъ споровъ изъ-за благодати. Всѣ они освящающую благодать одинаково почитали сверхъестественною божественною силою Духа Святаго, и притомъ силою таинственно дѣйствующею не совиѣ, а внутри души человѣческой, и столь же таинственно производящею въ ней не какое-либо вѣдшее видоизмѣненіе, а чисто внутреннее обновленіе или новую въ Христѣ жизнь. По-

читая же такого рода дѣйствія благодати глубокотайственными и для разума непонятными и неуловимыми, они, по этому самому, не только не находили необходимымъ, но даже считали не вполне удобнымъ и умѣстнымъ пытаться опредѣлить здѣсь съ точностію то, что именно должно быть отнесено къ благодати, и что—къ человѣческой свободѣ. Но тѣмъ не менѣе у всѣхъ ихъ, какъ вскорѣ увидимъ, всегда въ семъ случаѣ предполагалось совмѣстное и гармоническое участіе и дѣйствіе, какъ благодати, безъ которой, по ихъ представленію, вовсе не мыслимо было бы возникновеніе и преспѣваніе новой благодатной въ человѣчѣ жизни, такъ и свободы, безъ участія которой представлялось немислимымъ воспріятіе и обращеніе въ собственное достоинствѣ человека этой самой жизни. Оттого-то всѣ, хотя иногда, въ виду особенныхъ случаевъ, находили нужнымъ преимущественное или даже исключительное вниманіе обращать на благодать, какъ существенно необходимую силу въ дѣлѣ освященія человека, но всегда при этомъ предполагали, какъ несомнѣнное, своего рода участіе и содѣйствіе и со стороны свободы человѣческой, равно какъ и наоборотъ, хотя иногда поставляемы были въ необходимость съ особенною силою отстаивать и оправдывать здѣсь значеніе свободы человѣческой, но при этомъ всегда они предполагали и по другимъ случаямъ прямо высказывали, какъ неоспоримую, ту истину, что она безусловно необходима для спасенія человека, и что безъ нея оно не можетъ ни начаться, ни достигнуть своего конца. Вообще можно сказать, что никѣмъ изъ нихъ, въ чемъ сейчасъ будемъ имѣть случай убѣдиться, не представлялось дѣло освященія человека ни исключительнымъ дѣломъ одной только благодати, ни одной только свободы, а напротивъ оно всегда ими считалось плодомъ внутренне-гармоническаго объединенія и взаимодѣйствія этихъ двухъ началъ, божескаго и человѣческаго, при господствующемъ положеніи перваго, и неисключеніи послѣдняго.

§ 107.

Ученіе мужей апостольскихъ.

Такъ *св. Варнава*, касаясь духовнаго возрожденія и освященія человѣка, то и другое повидимому поставляетъ въ исключительную зависимость отъ одной благодати Божіей, выражаясь объ этомъ такимъ образомъ: „Господь обрѣзалъ уши наши, чтобы мы слушали слово Его и вѣрвали“¹⁾, или: „такъ какъ Господь обновилъ насъ отпущеніемъ грѣховъ, то далъ намъ новый образъ, такъ что мы имѣемъ младенческую душу, какъ воссозданные духовно“²⁾, а также вмѣсто сердецъ каменныхъ вложилъ въ насъ сердца плотныя, содѣлавъ ихъ Своимъ собственнымъ храмомъ“³⁾.

Но съ другой стороны касаясь и того, что здѣсь зависитъ и отъ самого человѣка, вотъ что говоритъ онъ: „все время нашей жизни и вѣры не доставитъ намъ никакой пользы, если не будемъ ненавидѣть неправды... Сколько можетъ зависетьъ отъ насъ, будемъ размышлять о страхѣ Божіемъ и подвизаться въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ... Каждый получить изду по своимъ дѣламъ“⁴⁾.

По представленію *св. Ерма*, благодать, которая подается Богомъ способнымъ къ покаянію⁵⁾, въ вѣрующемъ составляетъ то же, что въ растеніи живой и здоровый корень, соками котораго питаются и возрастаютъ вѣтви, и безъ чего онѣ засыхаютъ⁶⁾. Но для того, чтобы спастись, получившему въ крещеніи благодать отпущенія грѣховъ, не должно болѣе грѣшигъ, а жить въ чистотѣ, согрѣшивши же необходимо опять приносить покаяніе, хотя при этомъ нужно помнить, что при частомъ паденіи во грѣхи, сопро-

¹⁾ Epist. c. 9.

²⁾ Ibid. c. 6.

³⁾ Ibidem. Сравн. c. 16.

⁴⁾ Ibid. c. 4.

⁵⁾ Past. lib. III. Simil. 8. c. 6.

⁶⁾ Ibid. simil. 9. c. 21.

вождающемся и покаяніемъ, все труднѣе и труднѣе будетъ жить въ Богѣ¹⁾). На вопросъ же Ерма: есть ли какая возможность человѣку соблюсти всѣ, данныя Богомъ, заповѣди, которыя такъ трудны, Пастыръ далъ ему слѣдующій весьма замѣчательный отвѣтъ: „эти заповѣди ты легко соблюдеши, и не будутъ онѣ трудны, если будешь убѣжденъ, что ихъ можно соблюсти... Если человѣкъ есть владыка тварей Божиихъ и надъ всѣмъ господствуетъ, то ужели онъ не можетъ господствовать и надъ этими заповѣдями? Все это возможно для человѣка, только бы онъ имѣлъ Господа въ сердцѣ своемъ“²⁾).

Не трудно видѣть, что св. Ерма насколько признаетъ существенно важнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ освященія человѣка внутреннее дѣйствіе на него и въ немъ животворящей благодати, настолько находитъ умѣстнымъ и необходимымъ здѣсь участіе и содѣйствіе и самой свободы человѣческой, прямо предполагая при этомъ, что она должна стоять въ полной и непосредственной зависимости отъ благодати, и что отъ этого она не только не должна утрачиваться, а напротивъ еще большую пріобрѣтаетъ силу и крѣпость, нужныя къ ея нравственному преспѣванію.

Такое же представленіе о силѣ благодати и ея отношеніи къ свободѣ было и у св. *Климента римскаго*, а также *Инатія Богоносца*, изъ коихъ первый, указывая коринтянамъ на то, что на всѣхъ ихъ излитъ былъ одинъ и тотъ же Духъ благодати³⁾), этимъ самымъ располагалъ ихъ къ единодушнымъ усиліямъ въ исканіи и дѣланіи угоднаго Богу⁴⁾), а послѣдній, поставляя на видъ вѣрующимъ, что они, по участію въ благодати, Богоносцы, Христоносцы и святоносцы, этимъ побуждалъ ихъ къ тому, чтобы они старались во всемъ быть подражателями Господу⁵⁾).

¹⁾ Past. lib. II. mandat. 4. n. 3.

²⁾ Ibid. lib. II. mandat. 12. c. 3 et 4.

³⁾ Epist. 1. ad Cor. c. 46. Сн. с. 2.

⁴⁾ Ibid. c. 35.

⁵⁾ Epist. ad Ephes. c. 9 et 10.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно *автора посланія къ Дионету*, который уча о благодати, какъ такой силѣ, которая одна даетъ возможность войти въ царствіе Божіе, чего сами собою мы не могли достигнуть¹⁾, и которая даруетъ разумъ и отрываетъ тайны²⁾, и въ сердцахъ людей напечатлѣваетъ небесную истину³⁾, къ этому присовокупляя, что Богъ въ семь случаевъ не принуждаетъ человѣка, такъ какъ это Ему вовсе несвойственно⁴⁾, и что отъ самого человѣка зависитъ захотѣть стать подражателемъ Божіимъ⁵⁾.

§ 108.

Ученіе отцовъ и учителей II и III вѣка.

Между тѣмъ дальнѣйшіе отцы и учителя, а также писатели церковные еще прямѣе и рѣшительнѣе учатъ о значеніи свободы въ дѣлѣ духовнаго преспѣванія и совершенствованія человѣка, бывъ къ тому вызваны лжеученіемъ языческихъ философовъ-фаталистовъ, а также гностиковъ, производившихъ какъ добро, такъ и зло, не изъ свободы, а подчиненія закону необходимости природы. Но отставивъ нравственное значеніе за свободою человѣческою, они отнюдь не думали этимъ подрывать столь же важнаго въ нравственномъ отношеніи значенія и благодати, а потому, какъ увидимъ, столь же ясно и рѣшительно учили и о безусловной необходимости въ дѣлѣ спасенія благодати, хотя при этомъ всегда предполагали, что благодать не иначе можетъ приносить свою спасительность, какъ только при участіи и содѣйствіи со стороны человѣческой свободы.

¹⁾ Epist. ad Diogn. c. 9.

²⁾ Ibid. c. 11.

³⁾ Ibid. c. 7. Понятно, что при такомъ взглядѣ автора на столь внутреннее отношеніе къ душѣ вѣрующаго благодати, встрѣчающагося у него, для обозначенія оправданія, то выраженіе, что грѣхи людей прикрыты праведностію Христовою (п. 9), необходимо понимать не иначе, какъ въ смыслѣ живого и дѣйствительнаго облеченія во Христа, или воображенія въ душѣ вѣрующаго праведности Христовой.

⁴⁾ Ibid. c. 7.

⁵⁾ Ibid. c. 10.

Танъ, *ес.* *Иустинъ* настолько признаетъ свободу важнымъ и необходимымъ условіемъ въ нравственности, что не будь ея, не было бы выбора между добрымъ и злымъ, не было бы самаго добра и зла, равно какъ награды и наказаній¹⁾. А потому онъ въ самомъ первомъ шагѣ, дѣлаемомъ человѣкомъ на пути ко спасенію, въ обращеніи къ вѣрѣ допускаетъ извѣстную долю участія со стороны человѣческой свободы. Танъ какъ, касаясь этого, онъ говоритъ слѣдующее: „что мы сотворены вначалѣ, это было не ваше дѣло; но чтобы мы избирали слѣдовать тому, что Богу пріятно, Онъ посредствомъ дарованныхъ намъ разумныхъ способностей убѣждаетъ насъ и ведетъ къ вѣрѣ“²⁾.

Но изъ этого же мѣста видно и то, что, по *Иустину*, и въ семь случаевъ Богъ не предоставляетъ человѣка себѣ самому, а напротивъ недовѣдомымъ образомъ дѣйствуетъ на его душу и располагаетъ ее къ вѣрѣ. Между тѣмъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ *Иустинъ* вѣру поставляетъ въ прямой зависимости отъ благодати, когда утверждаетъ, что одна благодать подаетъ истинное разумѣніе того, что содержится въ писаніяхъ³⁾. Въ такую же зависимость отъ благодати онъ поставляетъ и всю жизнь христіанина, когда, касаясь новокрещеннаго, между прочимъ говоритъ, что „послѣ того, какъ омоется такимъ образомъ увѣровавшій и давшій свое согласіе, мы ведемъ его къ такъ называемымъ братьямъ въ общее собраніе для того, чтобы со всѣмъ усердіемъ совершить общія молитвы какъ о себѣ, такъ и о просвѣщенномъ и о всѣхъ другихъ, повсюду находящихся, дабы удостоиться намъ, позвавши истину, явиться и по дѣламъ добрыми гражданами и исполнителями заповѣдей, для получения вѣчнаго спасенія“⁴⁾.

¹⁾ Apolog. I. n. 28 et 43.

²⁾ Apolog. I. c. 10.

³⁾ Dialog. cum Tryph. n. 30, 58, 92 et 100. Apolog. II. n. 10.

⁴⁾ Apolog. I. n. 65. Неисновательно, поэтому, поступаютъ тѣ, которые *Иустину* называють такой взглядъ, что будто бы въ христіанскомъ самоусо-

И св. Иринеи, подобно Іустину, съ особенною силою и твердостію отстаивалъ противъ гностиковъ высокое значеніе свободы какъ такого дара Божія, который составляетъ неотъемлемое и преимущественное достояніе въ вещественномъ мірѣ одного человѣка¹⁾, а также условіе всякаго добра, равно какъ и заслуживаемыхъ имъ награды²⁾. Но въ то же время онъ съ такою же силою и рѣшительностію учитъ о безусловной необходимости для человѣка божественной благодати, выѣстъ съ симъ, что весьма важно для насъ, съ возможною ясностію опредѣляя и ея отношеніе къ челсвѣческой свободѣ. По Иринею, человѣкъ безъ благодати то же, что сухая и неплодная земля, не получающая влаги³⁾, или дивая не приносящая добрыхъ плодовъ маслина⁴⁾. Человѣкъ же чрезъ вѣру получившій благодать Св. Духа— это орошаемое водною влагою и плодоносящее дерево, это, хотя сперва дивая, но послѣ, велѣдствіе прививки, ставшая принести добрые плоды, маслина⁵⁾. На естественный же здѣсь вопросъ, остаются ли при этомъ цѣлыми и неприкосновенными свобода и личность человѣка, дается слѣдующій весьма замѣчательный отвѣтъ: „подобно тому, какъ

верженствованіи все зависитъ отъ однихъ собственныхъ силъ человѣка и въ подтвержденіе сего, независимо отъ сильныхъ доказательствъ Іустиновыхъ въ пользу свободы человѣка, чѣмъ, какъ мы видѣли, вовсе не отрицается необходимость благодати, ссылаются между прочимъ еще на то, что, по Іустину, жившіе до Христа лучшіе изъ язычниковъ, какъ напр. Сократъ и Гераклитъ, были по своей жизни тѣмъ же, чѣмъ и христіане (Apolog. I. п. 2). Но повѣстное дѣло, что Іустинъ лучшимъ изъ язычниковъ прилагалъ наименованіе христіанъ не въ строгомъ или собственномъ смыслѣ, и между тѣмъ и въ такомъ смыслѣ прилагалъ имъ имя христіанъ не по иной какой-либо, а той единственно причинѣ, что, по его мнѣнію, всѣмъ, что ни имѣли они хорошаго, обязанъ были не чему-либо иному, какъ извѣстной мѣрѣ нахождения въ нихъ того же самаго Слова, которое впоследствии во всей полнотѣ своего величія явилось во Христѣ (Apolog. II. п. 10).

¹⁾ Contr. haeres. lib. IV. с. 37. п. 1.

²⁾ Ibid. с. 4. п. 3; с. 37. п. 2.

³⁾ Ibid. lib. III. с. 17. п. 2.

⁴⁾ Ibid. lib. V. с. 11. п. 2.

⁵⁾ Ibid. lib. III. с. 17. п. 2.

дикая маслина не теряет существа дерева, но изменяет качество плодовъ и получаетъ другое названіе, и есть и называется уже не дикая, но добрая маслина, такъ и человекъ, вѣроу привившійся и принявшій Духа Святаго, не теряетъ существа плоти, но изменяетъ качество плодовъ—дѣлъ, и получаетъ другое названіе, означающее его переиъну на лучшее, и уже есть и называется не плоть и кровь, а человекъ духовный¹⁾.

Признавая такимъ образомъ и въ человекѣ благодатствованномъ неприкосновенность и цѣлостность свободы, св. Иринеи вмѣстѣ съ симъ достаточно ясно опредѣляетъ и ея отношеніе къ благодати, а именно такъ опредѣляетъ, что свобода въ семъ случаѣ добровольно поставляетъ себя въ должную зависимость отъ благодати, какъ высшей божественной силы, чѣмъ собственно и обуславливается животворное дѣйствіе послѣдней, и безъ чего таковымъ оно не можетъ быть. „Не искусство Божіе, говоритъ св. Иринеи, недостаточно, потому что Онъ (Богъ) можетъ изъ камней воздвигнуть чадъ Авраама, но тотъ, кто не покоряется Ему, самъ есть причина своего несовершенства. Не свѣтъ ослѣдваетъ для тѣхъ, кто сами себя ослѣпили, но тогда какъ онъ остается, каковъ есть, сами они, ослѣпшіе по своей винѣ, находятся во мракѣ. Потому что свѣтъ никого не порабощаетъ насильно, точно также и Богъ не принуждаетъ, если кто не хочетъ принять на себя Его художества²⁾. Въ другомъ же мѣстѣ, противопоставляя людей необлагодатствованныхъ благодатствованнымъ, такъ характеризуетъ тѣхъ и другихъ, что тогда какъ первые именно потому, что не покоряются Богу, живутъ безъ Духа небснаго въ ветхости плоти, другіе напротивъ потому самому, что повинуются Богу, получаютъ Духа и ходятъ въ новой жизни³⁾,

¹⁾ Contr. haerets. lib. V. c. 10. n. 2.

²⁾ Ibid. lib. IV. c. 39. n. 3.

³⁾ Ibid. lib. V. c. 9. n. 3.

становясь духовными, потому что Духъ Божій живетъ въ нихъ ¹⁾. А потому, наконецъ, св. Иринеи считаетъ возможнымъ, согласно съ ап. Павломъ, и лишиться Св. Духа по Его полученіи, почему увѣщаваешь вѣрующихъ соблюдать Его вѣрно и чистою жизнію, дабы не потерять царствія небеснаго ²⁾.

Подобнымъ образомъ мыслить о благодати и *Тертуліанъ*, который на возраженіе гностиковъ, осылавшихся между прочимъ въ подтвержденіе своего фаталистическаго ученія на слова Спасителя, что тогда какъ всякое дерево доброе приноситъ плоды добрые, худое дерево приноситъ плоды худые, и что съ терновника не собираютъ винограда, и съ репейника смоквь, отвѣчалъ, что худое дерево дѣйствительно не приноситъ добрыхъ плодовъ, если оно остается само по себѣ безъ прививки къ доброму дереву, но если оно къ нему привьется, тогда станетъ приносить и плоды добрые. Такъ точно, по Тертуліану, и худые люди становятся способными приносить добрые плоды покаянія, если содѣляются причастниками божественной благодати, которая могущественнѣе природы ³⁾.

Между тѣмъ даже александрійскіе учителя, не смотря на то, что болѣе, чѣмъ кто-либо, выпуждены были вести жаркую и упорную борьбу съ фатализмомъ и выѣсть съ симъ твердо отстаивать нравственную значимость человѣческой свободы, вовсе не думали при этомъ исключать или подрывать высокое значеніе христіанской благодати, но только находили нужнымъ дать подлѣ нея подобающее мѣсто и человѣческой свободѣ. По *Клименту александрійскому*, Богъ хочетъ, чтобы человѣкъ самъ желалъ и достигалъ спасенія ⁴⁾, и отъ воли человѣка зависитъ какъ вѣровать,

¹⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 8. n. 2.

²⁾ Ibid. c. 9. n. 3.

³⁾ De anima c. 21.

⁴⁾ Strom. I, 17. 104.

такъ и творить доброе, равно какъ и дѣлать противное ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе человѣкъ при осуществленіи величайшаго добра, къ которому обязанъ непрестанно и неослабно стремиться ²⁾, вслѣдствіе непрерывныхъ и неодолимыхъ къ оному препятствій, имѣетъ постоянную вужду въ другой высшей помощи ³⁾, каковую и составляетъ божественная благодать, которая, бывъ подана стремящимся къ добру, внушаетъ имъ добрыя мысли, настроаетъ къ добру волю, и сообщаетъ ей бодрость и силу къ достиженію святости ⁴⁾. Потому - то, по Клименту, съ стремленіемъ къ добродѣтели всегда необходимо соединить молитву о благодати, способствующей къ тому, чтобы достигать сравнительно высшей степени нравственного совершенства, или истинный гностикъ никогда не долженъ прѣставать молиться о томъ, чтобы благодать его не оставляла ⁵⁾.

И, по *Оригену*, хотя все нравственное въ человѣкѣ условливается его свободою ⁶⁾, но для нравственного его преспѣванія необходима божественная благодать, такъ, — необходима, какъ для плодоносія земли необходимъ дождь и солнечный свѣтъ, хотя съ другой стороны большее или меньшее дѣйствіе оживотворяющей благодати въ свою очередь зависить отъ такого или иного отношенія къ ней свободы, на подобіе того, какъ и дождь, смотря по тому, какого рода бываетъ вспашка земли, такой или иной производитъ въ ней плодъ, или же какъ солнечный свѣтъ, смотря по тому, на какого рода дѣйствуетъ вещество, производитъ въ немъ или размягченіе (какъ въ воскѣ), или отвердѣніе (какъ въ глинѣ) ⁷⁾.

¹⁾ Strom. IV, 633.

²⁾ Ibid. V, 647.

³⁾ Ibid. V, 13. 696.

⁴⁾ Ibid. VI, 860; Strom. VI, 822 et 824.

⁵⁾ Ibid. VII, 7 et 863.

⁶⁾ De princip. lib. II. c. 9. n. 6.

⁷⁾ Ibid. lib. III. c. 1. n. 10.

Находя же нужную восприимчивость въ душѣ человѣческой, благодать производить въ ней такого рода внутреннее и глубокое возрожденіе ея замершихъ силъ, что оно имѣетъ въ себѣ много похожаго на чудесное воскресеніе Лазаря ¹⁾). Но возвращая человѣку потеряныя имъ чрезъ паденіе силы, благодать дѣлаетъ это отнюдь не для того, чтобы эти силы оставались бездѣйственными и опять пришли въ состояніе усыпленія или омертвѣнія, а напротивъ для того, чтобы человѣкъ съ надлежащимъ умѣніемъ и энергіею воспользовался ими во благо себѣ, къ своему собственному духовно-нравственному усовершенію и спасенію. Обладателемъ благодати, поэтому, бывъ вспоможаемъ всегда благодатію, и самъ не только не долженъ оставаться безпеченъ и небреженъ въ отношеніи къ своей духовно-благодатной жизни, но напротивъ долженъ, въ виду высокаго своего предназначенія, съ сугубыми усиліями и рвеніемъ подвизаться въ ней, подобно тому, какъ строитель города послѣ молитвеннаго обращенія о помощи къ Богу и чувства въ себѣ прилива высшей силы, съ усиленною энергіею начинаетъ и продолжаетъ свою строительную работу, или какъ земледѣльцы, по испрошеніи и чувствѣ подобной же помощи стараются наилучшимъ образомъ застѣять и запахать землю, или же, наконецъ, какъ застигнутые бурей пловцы на морѣ вмѣстѣ съ мольбами къ Богу, и подаваемою отъ Него помощію, напрягаютъ и сами всѣ свои силы, чтобы доплыть до спасительнаго берега ²⁾). Вообще, по Оригену, все, что ни относится къ устройенію нашего спасенія, не совершается ни одною нашею волею безъ участія благодати, ни одною благодатію безъ участія воли, но тою и другою совмѣстно и взаимодѣйственно ³⁾).

Подобныя мысли о возрождающей человѣка благодати и ея отношенія къ свободѣ, хотя въ болѣе отрывочномъ

¹⁾ In Ioann. T. XXVIII. n. 6.

²⁾ De princip. lib. III. c. 1. n. 18. Справ. Series in Math. n. 69.

³⁾ De princip. lib. III. c. 1. n. 22.

видѣ, встрѣчаемъ и у *св. Кипріяна*. По ученію Кипріяна, „подобно тому, какъ солнце само собою свѣтитъ, ручей самъ собою течетъ, дождь самъ собою орошаетъ, такъ самъ собою проливается небесный Духъ ¹⁾), но мы столько получаемъ отъ избытка благодати, сколько имѣемъ вѣры, способной къ ея принятію ²⁾), и чтобы не лишиться ея, должны всячески избѣгать нерадѣнія и стараться пребывать тѣмъ, чѣмъ быть начали, утверждаясь въ Бога всѣми силами и всѣмъ сердцемъ, и съ непреткновенною твердостью держась пути веропрочности и правды ³⁾).

Григорій же Чудотворецъ свою и древне-церковную вѣру въ Бога-освятителя и Его всемогущую благодать такъ изображаетъ въ слѣдующихъ, хотя сжатыхъ, но многосодержательныхъ выраженіяхъ своего общепринятаго символа: „единъ Духъ Святый, отъ Бога исходящій, посредствомъ Сына явившійся людямъ,—жизнь и начало жизни для живущихъ, святой источникъ, самая святость и виновникъ освященія ⁴⁾).

§ 109.

Ученіе — въ IV вѣкѣ.

Этою же вѣрою одушевлялась и руководилась церковь и въ IV вѣкѣ, выразивъ ее въ самомъ вселенскомъ символѣ своимъ словами: (вѣрую) и въ *Духа Святаго Господа животворящаго*, въ чемъ сжато было заключено какъ то вѣрованіе, что податель для вѣрующихъ духовно благодатной животворной силы есть Духъ Господь, такъ и то, что эта сила не есть какая-либо естественная и обыкновенная сила, а есть именно особеннѣйшая божественная сила Св. Духа ⁵⁾).

¹⁾ Письмо 1 къ Донату о благод. Библиот. тв. св. отъ. запад. т. 1. стр. 19.

²⁾ Тамъ же стр. 9.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ De vita J. Thaum. in. opp. Greg. puss. Patr. Curs. compl. graec. T. XLVI. col. 912.

⁵⁾ Потому-то некоторые изъ отцовъ, въ борьбѣ съ духоборцами, между прочимъ тѣмъ доказывали божество Св. Духа, что подаваемая имъ къ освященію

Между тѣмъ это же самое ученіе отцы этого періода продолжали раскрывать еще обстоятельнѣе и подробнѣе, и, какъ увидимъ, продолжали раскрывать въ томъ же духѣ и смыслѣ, въ какомъ оно было раскрываемо и прежде. А именно; признавая благодать Св. Духа силою божественною и притомъ безусловно необходимою для духовнаго возрожденія и преспѣянія человѣка, они въ то же время не считали ее такою силою, которая не только возстановляетъ и укрѣпляетъ, но и совершенно замѣняетъ собою волю человѣческую. А потому при всѣхъ дѣйствіяхъ на человѣка освящающей благодати находили возможнымъ и нужнымъ допустить свою долю участія и со стороны человѣческой свободы, чѣмъ между прочимъ и объясняется какъ то, почему готовая ко всѣмъ прійти на помощь благодать не всѣми принимается, такъ и то, почему изъ принимающихъ благодать въ однихъ она является плодотворною божіею, а въ другихъ менѣе, одними приумножается, а другими умаляется или вовсе утрачивается.

Такъ, напр. по ученію *св. Кирилла іерусалимскаго*, обѣтованный всѣмъ Духъ Святый не имѣетъ лицепріятія, такъ какъ ищетъ не достоинствъ, но душевнаго благоговѣнія, — чтобы только каждый уготовалъ себя къ принатію небесной благодати¹⁾. „Подобно тому какъ свѣтъ однимъ своимъ лучомъ все озаряетъ, такъ и Св. Духъ просвѣщаетъ имѣющихъ очи, почему если кто, слѣпотствуя, не бываетъ сподобленъ благодати, то пусть укоряетъ въ этомъ не Духа, а свое невѣріе“²⁾. Если же, по Кириллу, и при первоначальномъ дѣйствіи благодати необходимо по крайней мѣрѣ не противодѣйственное участіе со стороны человѣческой свободы, то тѣмъ умѣстнѣе и нужнѣе это участіе послѣ духовно-благодатнаго возрожденія человѣка, или какъ онъ

вѣрующихъ благодатная сила есть божественная сила (Григ. Богосл. въ Тв. св. оц. кн. 2. слов. 34. стр. 19).

¹⁾ Catech. 17. п. 19.

²⁾ Ibid. 16. п. 22.

выражается, духовнаго его привитія ко святой лозѣ. „Если, говорить онъ, пребудешь на лозѣ, то возрастешь, какъ вѣтвь плодовая, а если не пребудешь, истребленъ будешь огнемъ... Божіе дѣло насаждать и напоевать, а твое приносить плодъ; Божіе дѣло—даровать, а твое принять и соблюсти¹⁾. Будь прилеженъ къ службамъ Божиимъ и по принятіи благодати; если хорошо это, пока ты не прилягъ, то ужели перестанетъ быть хорошимъ послѣ даванія? Если, пока ты не былъ правымъ, полезно было для тебя орошеніе и воздѣлываніе, то не гораздо ли полезнѣе это будетъ по насажденіи²⁾).

И по *Василію великому*, „хотя Духъ Святыи, безъ котораго ни чье невозможно освященіе³⁾), все наполняетъ своею силою, однакоже сообщается однимъ достойнымъ, и не въ одной мѣрѣ приемлетъ ими, но Свое дѣйствованіе раздѣляетъ Онъ по мѣрѣ вѣры... или соотвѣтственно собственной приемлемости каждаго⁴⁾), равно какъ и на сердцахъ помышленія пишетъ болѣе или менѣе, смотря по мѣрѣ широты сердца, и явственнѣе или незамѣтнѣе, соотвѣтственно мѣрѣ предуготовительной чистоты“⁵⁾). Отъ свободы чловѣка также, по *Василію*, зависитъ, какъ сохраненіе и приумноженіе, такъ и потеря благодати. Потому что, по его словамъ, тѣ, которые, бывъ запечатлѣны въ день избранія Духомъ Святымъ, сохранили чистымъ и цѣлымъ принятый ими начатокъ Духа, услышатъ (отъ Господа): *добре рабе благий и вѣрный, о малъ Ми былъ еси впренъ, надъ многими тя поставлю* (Мате. 25, 21), тогда какъ наоборотъ тѣ, которые огорчили Духа Святаго лукавствомъ начинаній своихъ, или вичего не приобрѣли къ данному,

¹⁾ Catech. 1. n. 4.

²⁾ Ibid. n. 6.

³⁾ De S. Spirit. c. 16.

⁴⁾ Ibid. c. 9.

⁵⁾ Homil. in Psalm. 44. vers. 2.

будутъ лишены и того, что получили, и благодать отдастся другимъ ¹⁾).

То же самое, можно сказать, даже прамѣ и опредѣленіе повторяютъ далѣе *св. Григорій Богословъ* и *св. Иоаннъ Златоустъ*. По Григорію Богослову, хотя самъ Духъ Святыи призываетъ насъ (въ крещеніи) для новой во Христвъ жизни ²⁾, и хотя самое призваніе къ ней и ея пожеланіе, и затѣмъ утвержденіе и преспѣваніе въ ней зависятъ отъ Божіей помощи, во тѣмъ не менѣе не оказывается безучастною во всемъ этомъ и человѣческая свобода, со стороны которой потребны, какъ расположеніе къ принятію благодатной жизни, такъ и усилія къ ея сохраненію и приумноженію. Однимъ Словомъ, „надлежитъ, чтобы дѣло спасенія зависѣло, какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога“ ³⁾. Потому-то между прочимъ *св. Григорій* слова ап. Павла къ римлянамъ: *ни хотящаю, ни текущаю, но милующаю Бога* (Римл. 9, 16), объясняетъ въ такомъ смыслѣ: *ни хотящаю, то есть не одного хотящаго, ни текущаю только, но милующаю Бога* ⁴⁾. Потому-то онъ, сравнивая возрожденнаго то съ исцѣленною хананеяною кровоточивою, то съ исцѣленнымъ разслабленнымъ, то съ воскресеннымъ Лазаремъ и очищенными прокаженными, даетъ слѣдующія наставленія: „храни же очищеніе, чтобы опять не стать кровоточивою... Ты взята отъ одра, или лучше, самъ взялъ одръ, бояся же опять слечь на одръ, а иди, помня заповѣдь: *се здравъ еси, ктому не согръшай, да не горше что ти будетъ* (Іоан. 5, 14)... *Лазаре, ирди вонъ* (Іоан. 11, 43), сказано было тебѣ, лежавшему во гробѣ... и ты вышелъ, не четырехдневный, но многодневный,

¹⁾ De Sanct. Spirit. с. 16. И по *Григорію нисскому*, хотя въ спасеніи все зависитъ отъ Бога (De asc. Christ. ed. Morel. Т. III. р. 309), но не безучастна здѣсь и воля человѣческая, отъ произволенія которой зависитъ вѣра, соединяющая ее съ божественною силою и жизнью (Catech. orat. magna с. 36 et 37).

²⁾ Orat. 41. n. 14. Orat. 40. n. 3.

³⁾ Orat. 37. n. 13.

⁴⁾ Ibidem.

не омертвѣй же снова, не пребывай съ живущими въ гробахъ, и не связывай себя плѣницами собственныхъ грѣховъ, такъ какъ неизвѣстно, востанешь ли опять изъ гроба... Если ты доселѣ покрытъ былъ проказою, т. е. безобразіемъ порочной жизни, а теперъ очистившись отъ гнойнаго вещества, принялъ видъ здоровый... то остерегайся, чтобы опять не поразиться проказою, и чтобы въ тѣлѣ твоемъ не произошло неизлечимаго разстройства¹⁾). Потому-то св. Григорій я сказанныя Спасителемъ, по поводу просьбы матери сыновъ Заведеевъ, слова: *еже състи одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Моє дати, но имже дано єсть* (Мат. 20, 23), такъ изъясняетъ: „къ словамъ—*имже дано єсть*, присовокупи: то єсть достойнымъ, а то, чтобы стать достойными, не только получили они отъ Отца, но и сами себѣ дали²⁾).

И по *Златоусту*, хотя все, что человѣкъ ни имѣетъ и ни дѣлаетъ добраго, не исключая и самой вѣры, зависитъ отъ благодати Божіей³⁾, но съ другой стороны оно же зависитъ и отъ самой его воли, безъ стремленія къ добру которой, и при лѣности ея и дремотѣ, ничего подобнаго быть не можетъ,—потому что хотя Богъ хочетъ, чтобы всѣ спаслись, но Онъ никого къ тому не принуждаетъ⁴⁾). Съ этой стороны и все спасеніе не єсть дѣло одного милующаго Бога, но въ нѣкоторой долѣ хотѣщаго и текущаго человѣка⁵⁾). Въ этомъ отношеніи и отъ воли самого человѣка зависитъ, какъ вѣра⁶⁾, пожеланіе и избраніе добраго, такъ и самое совершеніе послѣдняго при помощи благодати. Если, по словамъ *Златоуста*, все въ дѣлѣ спасенія приписывается Богу, то это объясняется тѣмъ же, почему напр. иногда архитектору приписываютъ постройку дома, не смотря на

¹⁾ Orat. 40. n. 33 et 34.

²⁾ Orat. 37. n. 15.

³⁾ In act. apost. homil. 45. n. 1. In epist. 1. ad Cor. Hom. 12. n. 12.

⁴⁾ Serm. 13. De ferendis. reprehens. T. V. p. 179. ed. Morel.

⁵⁾ Homil. 16. in ep. ad. Rom. c. 9. vers. 24.

⁶⁾ In Jac. homil. 45. n. 3.

то, что при этой постройкѣ трудялись многіе рабочіе и самъ давалъ для этого матеріалы хозяинъ. Богъ не восхотѣлъ, чтобы все въ спасеніи зависѣло отъ Него одного, дабы не оказалось, что Онъ награждаетъ безъ причины, но не восхотѣлъ также и того, чтобы все зависѣло отъ насъ, дабы мы не впади въ гордость ¹⁾).

Но особеннѣйшаго заслуживаетъ вниманія ученіе *пр. Макарія египетскаго*, какъ о необходимости въ дѣлѣ спасенія человѣка благодати, такъ и личнаго участія его свободы. По ученію Макарія, падшій человѣкъ такую неисцѣлною пораженъ былъ болѣзнію, что отъ ней могъ быть уроченъ только силою небеснаго и божескаго естества, или даромъ Духа Святаго ²⁾), почему, если не сподобимся всмысленія высшею помощію, то все будемъ трудиться, какъ далеко отстоящіе отъ силы Божіей ³⁾).

Но это, по Макарію, вовсе не значить, чтобы человѣкъ настолько былъ поврежденъ въ своихъ силахъ, чтобы не могъ даже пожелать и принять божественной помощи, а напротивъ онъ можетъ и долженъ это дѣлать, иначе останется навсегда неисцѣленъ.

Нѣкоторые, говоритъ онъ, бывъ введенны лжеученіемъ въ обманъ, несправедливо утверждаютъ, что будто бы человѣкъ совершенно умеръ (нравственно), такъ что ровно ничего не можетъ дѣлать добраго. Хотя младенецъ безсиленъ самъ что-либо сдѣлать и не можетъ на своихъ ногахъ подойти къ матери, однакоже онъ, ища матери, движется, кричитъ и плачетъ. И этимъ мать сжаливается надъ нимъ и бываетъ рада тому, что онъ съ такимъ успіемъ и воплемъ ищетъ ее. А такъ какъ младенецъ не можетъ прійти къ ней, то сама мать, преодоляваемая за долгое его исканіе любви, подходитъ къ нему, и съ большою нѣжностію беретъ, ла-

¹⁾ In epist. ad. Haeb. homil. 12. p. 816 et 817. ed. Morel. 1636.

²⁾ Бесѣда 20. 7. Твор. пр. Макар. изд. 1880.

³⁾ Бесѣд. 25. 2.

скаеть и кормить его. То же самое дѣлаетъ и человѣколюбивый Богъ съ душою, которая приходитъ и взыскуеть Его¹⁾).

„Какъ жена (хананеянка), въ другомъ мѣстѣ говоритъ св. Макарій, хотя не могла исцѣлиться и оставалась извѣною, однакоже имѣла ноги, чтобы прійти ко Господу, и пришедши, получить исцѣленіе, а также подобно тому, какъ (іерихонскій) слѣпецъ, хотя не могъ прійти и приступить ко Господу, вслѣдствіе своей слѣпоты, однакоже послалъ къ Нему, потекшій быстрѣ вѣстниковъ, свой вопль: *сине Давидовъ, помилуй мя* (Марк. 10, 47), и чрезъ таковую вѣру получилъ отъ пришедшаго къ Нему и даровавшаго прозрѣніе Господа исцѣленіе; такъ и душа, хотя изъязвлена язвами постыдныхъ страстей, хотя отемнена грѣховною тьмою, однакоже имѣетъ волю возопить ко Іисусу, и призывать Его, чтобы пришелъ Онъ и сотворилъ душѣ нѣжное избавленіе. И какъ тотъ слѣпецъ, если бы не возопилъ, и та кровосточивая, если бы не пришла ко Господу, не получили бы исцѣленія; такъ и если кто по собственной волѣ и со всецѣлымъ расположеніемъ не приступить ко Господу и не будетъ умолять Его съ несомнѣнною вѣрою, то не получить (духовнаго) исцѣленія²⁾).

Причина, слѣдовательно, и вина тому, почему не каждый человѣкъ надлежаще пользуется благодатію, заключается не въ Богѣ, который и независимо отъ исканія Его человѣкомъ и Самъ съ свойственною Ему любовію и благодію всегда побуждается и располагаетъ къ тому, чтобы прилѣпиться къ его душѣ и быть съ нею единъ духъ³⁾), а въ самомъ же человѣкѣ, въ его свободной къ избравію добраго или худого волѣ. Потому что „природа наша удобопріемлема и для добра, и для зла, и для Божіей благодати,

¹⁾ Бесѣда 46. 3.

²⁾ Бесѣда 20. 7 и 8.

³⁾ Бесѣда 46. 3.

и для сокровенной силы; но она не можетъ быть приволиваема¹⁾).

Отъ свободы же человѣка, по Макарію, зависитъ и сохраненіе и преспѣваніе, равно какъ ослабленіе и утрата духовноблагодатной жизни. Потому что, по его словамъ, тогда какъ тѣ души, которыя, по полученіи благодати, еще съ большею алчбою и съ большимъ усиліемъ взыскуютъ небснаго, сподобляются свободы отъ страстей и достигаютъ полнаго благодатнаго единенія съ Богомъ, души лѣнныя и не терпяція трудовъ, наоборотъ, въ своей благодатной жизни мало по малу окрадываются порокомъ, и даже лишаются той благодати, какой сподобились²⁾).

Такъ учили, какъ о необходимости въ спасеніи благодати, такъ и объ отношеніи ея къ человѣческой свободѣ, съ предположеніемъ при этомъ ея всеобщности или для всѣхъ общедоступности, и западные отцы и учителя церкви *св. Иларій*³⁾, *св. Амеросій*⁴⁾, а также бл. Іеронимъ⁵⁾).

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Бесѣда 13. 23.

²⁾ Слов. 6 о любви гл. 25. 26.

³⁾ Utamur ergotam liberalibus donis, et usum maxime necessari muneris expetamus. De Trinit. 11, 34. Сравни. In Psalm. 118.

⁴⁾ Ехрор. evang. Luc. 11, 14; 84. Сравни. In Psalm. 118. Serm. 19, 30. De interpell. David. IV, 2 et 4.

⁵⁾ Dial. contr. Pelag. lib. II. n. 6.

ПРОПОВѢДИ

СВ. КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Обычай вести изслѣдованіе о какомъ-нибудь литературномъ памятникѣ на почвѣ и началахъ историческихъ,—обычай, оправдываемый существомъ самаго дѣла,—простирается и на область произведеній церковнаго проповѣдническаго слова. Никакое литературное произведеніе не стоитъ внѣ тѣсной и неразрывной связи съ личностью своего творца, и никакой писатель не можетъ быть оторванъ отъ связи съ обстоятельствами, духомъ, направленіемъ и вопросами своего общества и времени. Произведеніе есть родное дѣтище автора, а авторъ есть сынъ своего времени и общества. Равнымъ образомъ и проповѣдническое служеніе пастыря Церкви есть явленіе историческое. Несомнѣнность послѣднаго видна прежде всего изъ того, что самъ служитель слова церковнаго есть личность, обладающая извѣстнымъ складомъ, глубиной и богатствомъ мысли и чувства, определенной духовно-нравственной организаціей, сложившейся подъ вліяніемъ природныхъ дарованій, образованія, условій жизни и духа времени и среды. Съ этой, слѣдовательно, стороны церковное проповѣдничество и краснорѣчіе есть дѣло человѣческое. Положимъ, истины христіанской вѣры и нравственности, которыя обязанъ возвѣщать проповѣдникъ, имѣютъ вѣчное и неизмѣнное значеніе, какъ содержащіяся въ божественномъ Откровеніи; однако эти истины, усвоаясь проповѣдникомъ, преломляются и получаютъ личную ин-

индивидуальную окраску въ зависимости отъ духовно-нравственнаго облика личности проповѣдника. Глубина пониманія истинъ христіанской вѣры, высота и широта богословскаго міровоззрѣнія, сила религіознаго чувства, одушевляющаго церковнаго оратора,—все это носитъ печать и отбѣнки личности и индивидуальности. Отсюда, при одинаково богатыхъ дарованіяхъ и основательномъ образованіи у одного преобладаетъ умозрительный элементъ, у другаго—практическій; у одного богатство и глубина догматическаго міровоззрѣнія, у другаго поразительно тонкій и вѣрный анализъ человѣческаго сердца, жизни и страстей; одинъ отличаетъ, другой назидаетъ; одинъ поражаетъ холоднымъ спокойствіемъ своего слова, точностью и несокрушимымъ всеоружіемъ экзегетическихъ и логическихъ доводовъ, другой—ораторскіи изящною, гармоническою рѣчью; одинъ дѣйствуетъ на умъ и чрезъ него приводитъ въ соотвѣтствующее движеніе волю слушателя, другой овладѣваетъ сердцемъ слушателя, и уже чрезъ послѣднее управляетъ его волей.

Но проповѣдникъ, какъ мы сказали, поставленъ еще въ зависимости отъ обстоятельствъ и потребностей времени и среды. Онъ долженъ откликнуться на запросы религіозно-нравственной жизни современнаго ему общества; долженъ стать въ уровень съ ростомъ своего времени и своей паствы. Слово Божіе—духъ и животъ; проповѣдь служителя Церкви не должна быть кимваломъ бряцающимъ или мѣдью звенящей. Она должна дойти до сердца слушателей и пасомыхъ, должна перейти въ ихъ жизнь и дѣятельность и принести плодъ духовный. А для сего проповѣдникъ долженъ быть всѣмъ для всѣхъ, по крайней мѣрѣ долженъ примѣняться къ потребностямъ и росту своего времени и паствы. Нельзя говорить языкомъ Св. Григорія Богослова и св. Кирилла александрійскаго къ необразованному и простому вѣроу народу или только-что вступившему въ церковь дикарю. Младенцамъ въ вѣрѣ нужна не твердая духовная пища, а словесное млеко. И какъ ни отдаленно иногда

соотвѣтствіе проповѣди съ вопросами и потребностями времени, но все-таки оно есть и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отрицаемо. Иначе ни изъ какихъ другихъ причинъ невозможно было бы удовлетворительно объяснить то или другое направленіе и содержаніе проповѣдей извѣстнаго пастыря, такое или иное упоминаніе имъ о разныхъ порокахъ общества. Почему св. Григорій Богословъ такъ настойчиво говорить о Бгѣ Словѣ и Его отношеніи къ Отцу, св. Кириллъ александрійскій о воплощеніи и лицѣ Іисуса Христа, фаталистахъ, астрологахъ-гадателяхъ, сухопутныхъ и морскихъ грабителейъ и пр., если не принять во вниманіе потребности времени, богословствующей мысли, паствы и мѣстности? Посему, для уясненія себѣ появленія, содержанія, духа и характера проповѣдей того или другого пастыря, необходимо ознакомиться съ личностью самаго проповѣдника, съ его характеромъ, равно какъ и съ факторами, послужившими къ созиданію послѣдняго въ такомъ, а не иномъ видѣ, съ духомъ, направленіемъ и вопросами того времени, съ мѣстными условіями и потребностями паствы. Центръ не можетъ быть разсматриваемъ внѣ связи съ его окруженностью и периферіями.

Относя все сказанное къ проповѣдамъ св. Кирилла александрійскаго, мы должны, такимъ образомъ, прослѣдить въ виду наибольшаго уясненія себѣ свойствъ и особенностей его проповѣдей, жизнь самаго проповѣдника въ ея главныхъ моментахъ и соприкосновеніи какъ съ общимъ теченіемъ жизни того времени, такъ и мѣстными вліяніями и условіями,—прослѣдить съ тѣхъ, главнымъ образомъ, сторонъ, которыя имѣютъ прямое или косвенное вліяніе на судьбу его проповѣдническаго служенія.

При свѣтѣ того же вліянія, разумѣется, въ соотвѣтствующихъ пунктахъ и мѣстахъ, должны быть разсмотрѣны и самыя проповѣди. Такое разсмотрѣніе проповѣдей св. Кирилла въ связи съ его личностью и историческими и мѣстными вліяніями даетъ намъ возможность пользоваться ме-

тодомъ сравнительно-историческимъ, т. е. повѣркою историческихъ свидѣтельствъ указаніями, заключающимися въ проповѣдяхъ, и vice versa.

Отсюда, приступая къ изслѣдованію проповѣдей св. Кирилла александрійскаго, мы прежде изобразимъ личность этого святого отца въ главныхъ періодахъ его жизни, и потомъ будемъ говорить о самыхъ проповѣдяхъ его¹⁾.

Личность св. Кирилла александрійскаго²⁾.

Годы образованія.

Св. Кириллъ александрійскій родился приблизительно въ 80-хъ годахъ 4 столѣтія (370—380)³⁾. По матери своей онъ былъ племянникомъ архіепیسкопа александрійскаго Теофила (Сокр. Ц. Ист. VII, 7). О первоначальныхъ годахъ

¹⁾ Текстъ проповѣдей св. Кирилла мы читали на греческомъ языкѣ, въ 77-мъ томѣ „*Curs. compl. Patrol. gr. Migne*“; потому и ссылки всегда будутъ указываться нами на этотъ 77-й томъ изданія Migne. Въ этомъ же томѣ мы читали и письма св. Кирилла, на которыя нерѣдко будемъ ссылаться. Въ ссылкахъ имъ указываемъ какъ на № проповѣди (или письма) по изданію Migne, такъ и на часть проповѣди (подъ литерами α' β' γ' и др.) и на страницу. При этомъ инициалы h. p. приняты нами какъ сокращеніе словъ: *homilia paschalis*; h. d.—инициалы словъ: *homiliae diversae*; ep.—*epistola*. Страницы указываются по изданію Migne, а не Обертовскому. Далѣе, всѣ ссылки на проповѣди и вообще то или другое мѣсто 77-го тома *Curs. compl. M.* будутъ помѣщены въ самомъ текстѣ—въ виду ихъ многочисленности и почти невозможности рассчитать для нихъ мѣсто подъ чертой. Только примѣчанія и выдержки, равно какъ ссылки на сочиненія съ пространчѣмъ заглавіемъ, будутъ помѣщены подъ чертой.

²⁾ Тѣ или другія свѣдѣнія о Кириллѣ почерпаемъ вообще изъ слѣдующихъ источниковъ: Церковная Исторія Сократа Схоластика; Церковная Исторія Евагрія; Минеи-Четьи подъ 9-мъ іюня (жизніе составлено по Никифору Каллисту); биографія Кирилла въ Христ. Чтен. 1840 г., составленная главнымъ образомъ по Четьи-Минеямъ; монографія архимандр. Порфирія (Попова) въ Приб. къ Твор. Св. Отецъ, т. 13-й; Историческое Ученіе объ Отцахъ Церкви, Филарета Черниг.; Mich. Le Quien, *Oriens Christianus*, 1740 г. и др.

³⁾ Прямыхъ свѣдѣній объ этомъ у историковъ не находимъ; но судя по тому, что въ 403 г. Кириллъ былъ уже пресвитеромъ и присутствовалъ вмѣстѣ съ дядей своимъ архіеп. Теофиломъ на соборѣ, осудившемъ Златоуста, можно думать, что ему въ это время было около 30 лѣтъ; затѣмъ въ одной изъ сказан-
Труды Киев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г. 14

воспитанія и образованія его сохранилось очень мало прямых и положительных извѣстій. Историки церковные Сократъ и Евагріій рѣшительно умалчиваютъ объ этомъ предметѣ¹⁾. Частными же и случайными указаніями касаются уже взрослой жизни Кирилла, когда онъ избралъ пустынную жизнь и подвиги монашества около 395—400 годовъ. Между тѣмъ сочиненія Кирилла, и даже одинъ только проповѣди его, показываютъ, что время отроческаго и юношескаго возраста проведено было имъ въ изученіи свѣтскихъ свободныхъ и христіанскихъ наукъ. Архимандритъ Порфирій (Поповъ) въ своей монографіи о Кириллѣ александрійскомъ (Приб. къ Твор. св. Оо. т. 13) говоритъ, что воспитаніе и образованіе въ свободныхъ наукахъ Кириллъ получилъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ своего дяди архіепископа Теофила. Допуская съ своей стороны наблюденіе Теофила надъ воспитаніемъ и образованіемъ Кирилла, мы, однакожъ, не имѣемъ основаній думать, что самое образованіе Кирилла было получено отъ архіепископа Теофила.

ныхъ въ старости проповѣдей (h. d. 10, p. 1021—24) Кириллъ говоритъ о глубокой своей старости, согбенности и нетвердости въ походѣ; слѣдовательно можно думать, что ему было въ это время (т. е. около 440—444 г.) около 70 лѣтъ. Если же такъ, то годъ рожденія Кирилла падаетъ именно на указанное нами время.

¹⁾ Передаваемыя въ Четьи-Минеяхъ, въ которыхъ житіе Кирилла составлено по Никифору Каллисту (12 в.), а затѣмъ и въ Христіанск. Чтен. 1840 г., свѣдѣнія о томъ, что Кириллъ, послѣ первоначальнаго образованія въ Александріи, путешествовалъ въ Аѳины, гдѣ слушалъ превосходныхъ ораторовъ и философовъ и приобрѣлъ отъ нихъ обширныя свѣдѣнія,—что отсюда путешествовалъ въ Иерусалимъ, къ тамошнему епископу Іоанну, чтобы учиться у него высокимъ правиламъ христіанскаго благочестія и подвигамъ святой жизни,—эти свѣдѣнія не могутъ быть признаны критикою. Всего вѣроятнѣе, что Кириллъ получилъ образованіе въ самой Александріи, именно или въ школѣ александрійской, гдѣ тогда славился своею обширною ученостію Дидимъ (327—395), а за нимъ Родонъ (395—405), или у александрійскихъ философовъ, гдѣ въ то время всѣхъ философовъ затѣвала своею славой Ипатія (Сокр. Ц. Ист. VII, 15). На это указываетъ и близкое по святому духу родство проповѣдническихъ произведеній Кирилла съ духомъ и направленіемъ, какъ свѣтской такъ и богословской учености и возрѣвнѣй школы и церкви александрійской.—Но рѣчь объ этомъ—ниже.

Область философскихъ и другихъ специальныхъ знаній Кирилла въ такъ называемыхъ свободныхъ наукахъ была настолько обширна, что едва ли могла быть преподаана однимъ человѣкомъ. Оригены и Дидимы составляютъ рѣдкія и исключительныя явленія. Притомъ такія, напр., свѣдѣнія, какъ о греческой миеологій и поэтахъ, едва ли могли быть получены отъ епископа. Развѣ можно, напр., допустить, чтобы свѣдѣнія объ образѣ блудодѣйствія Менады, съ которыми Кириллъ сравниваетъ гнусный порокъ евнуховъ (h. d. 19, p. 1108), могли быть сообщены Теофиломъ? При семъ Кириллъ замѣчаетъ: $\omega\varsigma\ \alpha\lambda\eta\theta\acute{\omega}\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\kappa\rho\iota\beta\acute{\omega}\varsigma\ \mu\epsilon\tau\alpha\beta\eta\chi\alpha\mu\epsilon\upsilon$ (ibid. p. 1109). Само собою разумѣется, что доскональныхъ и обстоятельнѣйшихъ знаній о данномъ предметѣ Кириллъ не могъ получать ни во время отшельнической жизни (395—400), гдѣ предметомъ его занятій были аскетическіе подвиги и изученіе Священнаго Писанія и твореній отцовъ Церкви, ни во время епископскаго служенія, такъ какъ указанная рѣчь была произнесена въ первые годы епископства. Болѣе основаній думать, что какъ эти и подобныя имъ, такъ и всѣ прочія знанія Кириллъ получалъ чрезъ обученіе въ христіанской александрійской школѣ и чрезъ слушаніе философовъ и риторовъ александрійскихъ, гдѣ философія (неоплатоническая) поддерживалась въ то время знаменитою Ипатіей, уроки у которой, между прочимъ, слушалъ Сивезій, епископъ птолемаидскій (V вѣка). Слѣды обширнаго знакомства Кирилла съ свободными науками, какъ мы уже сказали, можно находить не только въ крупныхъ его богословскихъ и полемическихъ сочиненіяхъ (наприм. противъ Юліана), но и въ проповѣдяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ видно, что пастырю александрійскому были извѣстны— философія, астрономія, математика, поэзія, риторика, силлогистика и діалектика Аристотеля и краснорѣчіе Платона и ораторовъ вообще. Кириллъ свободно цитуетъ Гомера и легко указываетъ на миеологическія сказанія и вообще тѣ или другія мифы греческихъ поэтовъ. Въ 14 пасхальной

проповѣди (β', р. 717) онъ, наприм., вообще характеризуетъ лицемѣріе греческихъ поетовъ: „я думаю, говорить онъ, что лукавому человѣку, который одно скрываетъ въ умѣ, а другое говоритъ, какъ это бываетъ у греческихъ поетовъ, естественно было и будетъ имѣть дурной конецъ“. Но въ большей части случаевъ онъ ссылается на мнѣнія и свидѣтельства греческихъ поетовъ и Гомера преимущественно въ доказательство такъ называемое *ad hominem*. Говоря, наприм., о томъ, что явленіе Бога во плоти было необходимо для людей, такъ какъ они не могутъ созерцать славы чистѣйшей Природы въ непосредственномъ Ея видѣ, онъ указываетъ между прочимъ на Гомера (Ил. V, 72): „я знаю одного изъ греческихъ поетовъ, не смотря на то, что всё они вращались въ многобожіи, (говорящимъ): невыносимы боги, являющіеся видимыми“ (h. p. 15, ε', р. 744). Но обличая греческихъ поетовъ въ лицемѣрномъ двоедушіи („одно говорятъ предъ толпой, а другое думаютъ про себя“), Кириллъ у нихъ же находитъ и обличеніе этого порока, замѣчаемаго въ самомъ христіанствѣ (именно нѣкоторые, считаясь христіанами, не разставались съ языческой миеологіей). Сославшись вообще на греческихъ поетовъ, называвшихъ такихъ лицемѣровъ обманщиками и нечестивцами, онъ продолжаетъ (h. p. 9, ε', р. 592): „во одного изъ нихъ я помню ясно говорящимъ; что не менѣе, чѣмъ врата ада, ненавистны тѣ, которые одно держатъ на умѣ, а другое извергаютъ на словахъ“ (Иліад. IX, 112 и д.). Въ другихъ мѣстахъ онъ ссылается на нѣкоторые миеологическія названія и на свидѣтельства противъ многобожія у поетовъ: „прельщаясь, говорить онъ, красивыми растеніями священныхъ роць на горахъ, (іудеи) возносили тамъ жертвы демонамъ, называя нимѣ, какъ мнѣ кажется, согласно съ греческими поетами „гамадриадами“ и „ориадами“ (h. p. 1, ζ', р. 420). „Внося въ жизнь, разсуждаетъ онъ о грекахъ въ другомъ мѣстѣ (h. p. 4, δ' р. 460), кромѣ единого, истинно-сущаго по природѣ (Бога), столько боговъ, сколько

каждому угодно, они, отворачивающіеся отъ нашихъ рѣчей, пусть услышатъ, что сказалъ одинъ изъ ихъ, по общему признанію, повтовъ: „не хорошо многовластіе; вождь долженъ быть одинъ, одинъ царь“ (Ил. V, 204)... во всѣхъ и чрезъ все и надъ всѣми Богъ^а. Знакомство Кирилла съ изыскаемою миеологіею видно между прочимъ изъ довольно подробной передачи миеовъ о Тантадѣ, Титіи, Иксіонѣ и Сизифѣ (h. p. 6, δ', p. 509—512). Есть выдержки у Кирилла изъ малоизвѣстныхъ древнихъ повтовъ, какъ наприм. въ 15 пасхальной проповѣди (γ', p. 741): „ни въ чемъ, ни въ чемъ не свойственно погрѣшать Богу, напротивъ во власти Его— все правильно совершать“ (Θеоκτισъ у Стобея).—Выражаясь нѣсколько въ образной формѣ (h. p. 6, α', p. 500)¹⁾, святой Кириллъ даетъ основаніе заключать о своемъ знакомствѣ съ исторіей вообще, что подтверждается за тѣмъ и прямыми нѣкоторыми историческими указаніями, приводимыми имъ въ одной изъ проповѣдей (h. p. 28, δ', p. 949): „когда Моисей жилъ въ Египтѣ, повѣствуетъ онъ, было узаконено у туземцевъ, чтобы въ священныя мѣста идоловъ не допускаемы были по какой-либо неосмотрительности обутые въ кожи умершихъ животныхъ: это считалось у нихъ ничѣмъ инымъ, какъ оскверненіемъ“. Можно думать, что данное свидѣтельство почерпнуто авторомъ изъ исторіи Египта.

Вполнѣ несомнѣннымъ представляется, далѣе, знакомство Кирилла съ риторикой, краснорѣчіемъ, діалектикой и силлогистикой Аристотеля и съ философіей. Въ пасхальныхъ проповѣдяхъ и особенно такъ называемыхъ „прологахъ“ и „проөөоріяхъ“ къ этимъ проповѣдямъ проповѣдникъ весьма часто извиняется, что слово его составлено не по правиламъ краснорѣчія, не имѣетъ аттической прелести языка,

---

¹⁾ „Если сказанное представляется кому-либо не совсѣмъ яснымъ, то вотъ мы, ревностно подражая тѣмъ, которые трудятся надъ скрытымъ теперь отъ давности времени, представимъ удобопонятнѣйшее разсужденіе о говоримомъ“.

тщательнаго подбора и расположенія словъ (h. p. 2, β, p. 429),
 ве блистаетъ обширностью, достоинствомъ рѣчи, вышними
 украшеніями и риторическими приемами (h. p. 16, p. 748,
 prolog.; сравн. h. p. 19, pag. 280, prolog.; h. p. 22, 857,
 prolog.; h. p. 23, p. 875, проеор.; h. p. 28, p. 941, проеор.;
 h. p. 29, p. 957, проеор.), что между тѣмъ вполне подо-
 баетъ проповѣди о такомъ великомъ событіи, какъ Пасха
 Христова (h. p. 18, p. 800, проеор.). Подобныя извиненія,
 свойственныя почти всѣмъ писателямъ и проповѣдникамъ
 IV и V вв., необходимо предполагаютъ въ извиняющемся
 знаніе того, въ чемъ или въ отсутствіи чего онъ извиняется;
 средневѣковый афоризмъ: „nullus timor“ или „nulla cupido
 ignoti“ приложимъ въ данномъ случаѣ и къ извиненію.
 Только имѣя вкусъ въ краснорѣчію и обладая знаніемъ
 приемовъ ораторскаго искусства, можно соразмѣрять съ ними
 свои силы и умѣнье. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству
 Сократа (Ц. Ист. кн. VII, гл. 13), Кирилль имѣлъ удоволь-
 ствіе слышать оваціи и рукоплесканіе отъ своихъ слуша-
 телей.—Въ одной изъ пасхальныхъ проповѣдей (h. p. 12,
 δ, ε, ζ, p. 684—692) св. Кирилль ясно излагаетъ философ-
 ское ученіе о сущности и субстанціальности въ намѣреніи
 устранить то возраженіе діалектиковъ, что на основаніи раз-
 личія между понятіями „рожденный“ и „нерожденный“ необхо-
 димо признать сущности Бога Отца и Бога Сына различны-
 ми. Мало того, онъ самъ чисто діалектическимъ же и силлоги-
 стическимъ путемъ доказываетъ обратное, именно, что у
 „рождающаго“ и „рожденнаго“ сущность необходимо должна
 быть одинаковою (ibid. p. 689). „Удивляюсь, говоритъ онъ
 иронически, какъ это могло ускользнуть отъ людей весьма
 провицательныхъ и мудрыхъ, какими они считаютъ себя“
 (ibid. p. 688). Не довольствуясь этимъ, онъ продолжаетъ
 (ibid. p. 689—691): „хотя изъ сказаннаго очевидно, какъ
 неразумно утверждаютъ они, будто „нерожденность“ есть
 обозначеніе сущности, однако позвольте мнѣ вкратцѣ дока-
 зать это отъ многочисленныхъ философовъ“, и переходитъ

къ изложенію (именно какъ у Аристотеля) ученія объ „опредѣленіяхъ“, „сущностяхъ“, родѣ“, „разности“ и проч., и пояснивъ всѣ эти опредѣленія примѣрами, прилагаетъ ихъ къ понятіямъ „рожденный“ и „нерожденный“. Кириллъ отзы-
вается здѣсь о еретикахъ, что они незнакомы даже съ
внѣшнею мудростію (*ibid.* с, р. 689).

Изъ 6 пасхальной проповѣди мы узнаемъ, что Кириллу
извѣстны были—астрономія, ученіе неоплатониковъ и стои-
ковъ. Осмѣивая внѣшній видъ и надменную осанку астро-
номовъ („вздергивая брови надъ макопкой простыхъ смерт-
ныхъ, расчесывая рукой длинную бороду“ и пр.), пропо-
вѣдникъ изображаетъ ихъ занятія и выводы ихъ науки
(h. p. 6, с, р. 505). Но обширныя познанія свои въ астро-
номіи и математикѣ¹⁾ св. Кириллъ показываетъ въ сочине-
ніяхъ, относящихся до пасхальныхъ и вообще астрономи-
ческихъ и математическихъ вычисленій, каковы—„*epist.* 86,
ad sanctum Leonem papat“ (р. 377—384), изобличающее въ
авторѣ глубокое и основательное знаніе законовъ теченій
и фазъ луны, затмѣй—„*epistola* 87, *sive prologus, scriptus*
pro cyclo XCV annorum, quem cum anno Christi vulgari
437, Diocletiani 153, Cyrillus inchoavit“ (р. 383—390) и самый
циклъ; наконецъ опредѣленіе времени празднованія Пасхи
въ каждой пасхальной проповѣди.

На страницѣ 508 (въ 6 пасхальной проповѣди) св. Ки-
риллъ характерно описываетъ суевѣрія и зоолатрическія
религіозныя вѣрованія тогдашнихъ философовъ, чѣмъ ясно
указывается на одряхлѣвшій и буквально впавшій въ дѣт-
ство александрійскій неоплатонизмъ IV и V вв., перешед-
шій въ тому времени въ смѣсь всевозможныхъ суевѣрій,
чародѣйствъ, магіи и проч.²⁾ Далѣе (pag. 509—517), онъ

¹⁾ Разумѣется въ томъ видѣ, въ какомъ эти науки находились въ это
время,—въ учебн. „Альмагестѣ“ (*μυθῶν σύνταξις*) Птолемея, въ сочиненіяхъ
Эратосцена, Аристилла и Тимохара, Гилларха и др.

²⁾ Личность Ипатія, составившей свѣтлое исключеніе, ничего не говоритъ
противъ общаго состоянія неоплатонизма въ Александріи въ это время.

ратуетъ противъ философовъ, учащихъ о законѣ необходимости, о „судьбѣ“, „рокѣ“ и „рожденіи“, которыя будто бы опредѣляютъ всю жизнь и всѣ дѣйствія челоука. Примѣрами Тантала, Иксиона, Титія и Сизифа, тяготѣніе „судьбы“ надъ которыми признавали означенные философы, проповѣдникъ доказываетъ, наоборотъ, законъ свободы, такъ какъ только именно послѣдній обуславливаетъ собою законъ нравственнаго вмѣненія, что опять признаютъ въ отношеніи къ Танталу и К^о тѣ же философы, считая ихъ пострадавшими заслуженно. Ясно, что рѣчь идетъ о стоическомъ міровоззрѣніи и этикѣ, вошедшихъ составными частями въ философію неоплатонизма.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ мѣстъ и указаній, заключающихся въ однихъ только проповѣдяхъ Кирилла, можно заключать, что святитель александрійскій въ молодыхъ годахъ основательно изучилъ такъ называемую „внѣшнюю мудрость“, пройдя полный курсъ общеобразовательныхъ, или свободныхъ наукъ, и притомъ въ Александріи.

Послѣ окончательнаго образованія подъ посторонними вліяніями—школы александрійской, философовъ и риторовъ, а затѣмъ и дяди своего архіепископа Теофила, Кириллъ около 395 года набираетъ пустынную жизнь въ горѣ Нитрійской, въ скиту святого Макарія, сколько для упражненія въ подвигахъ иноческихъ, столько же и для самостоятельнаго изученія Священнаго Писанія. Здѣсь онъ проводитъ около 5 лѣтъ¹⁾. Въ подвигахъ монашеской жизни св. Кириллъ упражнялся подъ руководствомъ монаха Серапіона²⁾.

¹⁾ У Порфирія (Полова) въ Приб. къ Твор. .Оо. Ц. т. 13, стр. 251. Здѣсь же ученый патрологъ говоритъ, что Кириллъ послѣ пустынножителства причисленъ былъ Теофиломъ къ клиру (около 400 г.) и по порученію его часто проповѣдывалъ слово Божіе.—Далѣе, какъ видно изъ 33 письма Кирилла (къ Акакію беррійскому), Кириллъ присутствовалъ на соборѣ 403 г., осудившемъ Златоуста: „...esse enim ego unus astantium“ (р. 159), говоритъ онъ о себѣ.

²⁾ Le Quien, Oriens Christianus, 1740 г.; XXIV, p. 407: „Theophili patrum sui successor fuit magnus Cyrillus, quem Isidore teste ep. 25. lib. I.

Для изученія же Священнаго Писанія и твореній знаменитыхъ отцовъ и учителей Церкви онъ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за чтеніемъ ихъ, и достигъ того, что всѣ почти книги Священнаго Писанія изучилъ на память, ознакомился съ сочиненіями знаменитыхъ отцовъ и учителей Церкви— Діонисія и Аевасія александрійскихъ, Василія Великаго, Амфилохія иконійскаго, Аммона адрианополяскаго, Іоанна Златоустаго и другихъ¹⁾. Въ проповѣдяхъ св. Кирилла мы встрѣчаемъ такое обширное и глубокое знаніе Священнаго Писанія, какое встрѣчается только у весьма немногихъ богослововъ и учителей. Каждую мысль свою онъ подтверждаетъ словомъ Божиимъ; екагегасясь Писанія въ приложенія къ догматикѣ достигаетъ у Кирилла поразительной высоты и совершенства. Св. отецъ ни на минуту не отступаетъ отъ Писанія, постоянно замѣчая предъ слушателями, что онъ будетъ вести (и ведетъ) рѣчь отъ божественныхъ Писаній, или что „сему-то, и сему-то слѣдуетъ научиться изъ Священныхъ Писаній“ (h. p. 2, γ, p. 433; h. p. 5, p. 472, 485 и др.). Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ онъ почти всю рѣчь ведетъ словами Писанія. Обширное изученіе Кирилломъ Священнаго Писанія подтверждается между прочимъ тѣмъ, что св. отецъ свободно приводитъ мѣста изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія, даже мевѣе, чѣмъ другія, употребительныхъ²⁾. Съ закономъ же и пророками, съ учительными книгами, а также съ Новымъ Завѣтомъ св. Кириллъ такъ хорошо и близко знакомъ, такъ свободно доказываетъ свои мысли

---

*vitam monasticam prius amplexus esset, ecclesiasticisque disciplinis sub Serapione monacho operam dedisset...*³⁾

¹⁾ У Порфирія, Приб. къ Тв. т. 13-й, стр. 251; у Филар. Черниг., Истор. уч... § 212-й, стр. 91.—Во многихъ письмахъ мы встрѣчали сами.

²⁾ Такъ приводятся мѣста: изъ Плача: h. p. 26, p. 921; h. p. 7, p. 548; h. p. 11, p. 633; изъ Варуха: h. p. 4, p. 469; h. p. 12, p. 664; h. p. 18, p. 820; h. p. 22, p. 856; изъ 1 Царств.: h. p. 8, p. 564; h. p. 12, p. 689; h. p. 17, p. 784; h. p. 18, 816; изъ 2 Царств.: h. p. 23, p. 880—882; изъ 3 Царств.: h. p. 12, 689; h. p. 17, p. 773; h. p. 26, p. 921; изъ 3 кн. Ездры: h. p. 18, p. 809; изъ Товита: h. p. 19, p. 833; h. p. 27, p. 936.

мѣстами ихъ, что необходимо предположить, что онъ зналъ всѣ ихъ наизусть. Несомнѣнность этого предположенія, кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, подтверждается по нашему мнѣнiю тѣмъ, что Кириллъ во 1-хъ весьма часто приводитъ тексты изъ оныхъ книгъ не буквально и слово въ слово, а съ пропусками или прибавкою нѣкоторыхъ словъ, вообще нѣсколько измѣнивши библейскiй текстъ; во 2-хъ нерѣдко приписываетъ то или другое мѣсто изъ известной книги не автору ея, а другому лицу; въ 3-хъ часто смѣшиваетъ слова разныхъ писателей свещ. книгъ, начавъ говорить словами одного лица, оканчиваетъ словами другого, сходными или очень близкими по смыслу и выраженiю съ первыми. Особенно расходится съ нашимъ славянскимъ переводомъ (по тексту 70-ти) текстъ, приводимый Кирилломъ, въ мѣстахъ изъ пророка Іеремiа. Иногда трудно бываетъ найти между ними и неблизкое соотвѣтствiе. Въ доказательство трехъ своихъ указанныхъ положенiй приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, прежде всего, Кириллъ приводитъ иногда текстъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Напр. въ 1-й пасхальн. пропов. (γ', р. 409) слова ап. Іакова (I, 27): „вѣра чиста и нескверна“, у Кирилла читаются: *νηστία καθαρά και ἀμίαντος*; не буквально приводятся слова изъ Премудр. XV, 16, во 2-й пасх. бесѣдѣ (ζ', р. 444); въ 5 пасх. пр. (β', р. 476) вмѣсто *σοφοί* (Іер. VIII, 8—10) у Кирилла—*πτωχοί*; въ 6-й пасх. проповѣди (γ', р. 505) читаемъ: „...δι' ἑνὸς τῶν προφητῶν ἴδετε ὅτι σποδὸς ἢ καρδία αὐτῶν και πλανῶνται“. Подобныхъ словъ у пророковъ собственно нѣтъ; есть же схожее мѣсто въ книгѣ Премудрости Соломона (очень возможно, что пророкомъ здѣсь и называется Соломонъ), XV гл. 10 ст., читающееся такъ: пепелъ бо есть сердце его, и земли худшее упованiе его; или въ той же бесѣдѣ (η', р. 520): *βλέπετε τοὺς χόνας, βλέπετε τοὺς κακοὺς ἐργάτας, βλέπετε τὴν κατаторμήν...* Очевидно мѣсто взято изъ посланiя ап. Павла къ Филиппiйцамъ (гл. III, 2—3 ст.), но слова: *βλέπετε τοὺς κακοὺς ἐργάτας*—лишнiя сравнительно съ текстомъ, читающимся теперь: *блюдитеся отъ*

псовъ, блюдитесь отъ сѣченія и пр. Въ той же опять проповѣди (Ѫ, р. 524) слова еванг. Маттея: затворяете царствіа небесное предъ чловѣки... у Кирилла переданы иначе: ἤρατε τὴν κλεῖδα τῆς γνώσεως... Въ 7 пасх. проповѣди (β', р. 548) есть такое мѣсто (приводимое какъ слова одного изъ пророковъ): Αἱ ἀνομίαι ἡμῶν ἀντέστησαν ἡμῖν, Κύριε, ποιήσον ἡμῖν ἕνεκεν τοῦ ὀνόματός σου, ὅτι πολλαὶ αἱ ἁμαρτίαι ἡμῶν ἐναντίον σου· ὅτι σοὶ ἡμάρτομεν, ὑπομονὴ Ἰσραὴλ, Κύριε, καὶ σῶσεις ἐν καρφῇ κακῶν. Мѣсто это по всей вѣроятности изъ Іереміи (XIV, 20—21), но нашъ славянскій текстъ рѣшительно расходится съ Кирилловымъ: Познакомъ, Господи, грѣхи наша, беззаконія отецъ нашихъ, яко согрѣшихомъ предъ Тобою. Престани ради имени Твоего, не погуби престола славы Твоея: воспомани, не разори Завѣта Твоего, иже съ нами. Въ 8-й пасх. проп. (ζ', р. 573) есть перестановка словъ и сокращеніе 14 и 15 стих. XLV гл. книги прор. Исаіи.—Уподобляя ревнителя добрыхъ подвиговъ боевому кою (h. р. 9, α', р. 577), Кириллъ приводит мѣсто изъ Іова въ такихъ словахъ: κόρηθεν ἐσφραίνεται πολέμον, σὺν αἵματι καὶ φωνῇ; въ славянской же библии это мѣсто (Іов. XXIX, 25) читается такъ: издалеца же обновляетъ рать, со скаканіемъ и ржаніемъ.—Въ 24 пасх. проп. (γ', р. 892) читаемъ: ὡς γὰρ ὁ πάνσοφος γράφει Παῦλος· οὐδεὶς λέγει ἀνάθεμα Ἰησοῦ, εἰ μὴ ὁ ἐν βεαλλεβοῦλ. Эти слова конечно составляютъ нѣсколько измѣненное выраженіе ап. Павла въ 1-мъ посл. къ Коринѳянамъ (3 ст.), никтоже Духомъ Божиимъ глаголай, речеть анаеема Иисуса.—Во 2-хъ, авторъ часто приписываетъ приводимыя имъ слова Писанія другому лицу, чѣмъ кому они принадлежатъ на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, въ 5 пасх. пропов. (ε', р. 485) слова: „се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ“,—несомнѣнно принадлежащія прор. Іереміи (XXXI, 31), онъ приписываетъ прор. Іоилу; слова (h. р. 13, β', р. 697): „горе умножающему себѣ не сущая его, до колѣ? и отягчающему узу свою тяжцѣ“—Кириллъ приписываетъ прор. Іереміи, между тѣмъ какъ они буквально чц-

таются у Аввакума (II, 6). Въ 12 пасх. проп. (р. 664)— слова изъ книги Премудрости Соломоновой (II, 12) Кириллъ приписываетъ прор. Исаи. Слова: зѣло отягчаютъ яремъ свой (h. p. 24, γ', p. 892) онъ относитъ не къ Исаи, (XLVII, 6), какъ бы слѣдовало, а къ Іереміи. 8-й стихъ X гл. книги прор. Захаріи (возвѣщу имъ и прииму я, зане искуплю ихъ и умножатся, якоже бху мнози) Кириллъ приписываетъ между тѣмъ пр. Исаи.— Въ 3-хъ, какъ мы сказали, Кириллъ нерѣдко сливаетъ въ одинъ текстъ слова изъ разныхъ мѣстъ и писателей,—мѣсть схожихъ между собою или по внутреннему смыслу, или по выраженію. Напримѣръ, во 2 пасх. проп. (ζ, p. 444) притча о Святелѣ передается собственно по Маттею (XIII, 3—8), но начальныя слова приводятся по Лукѣ. Въ 13 пасх. проп. (α', p. 696) текстъ составленъ изъ выраженій 3-хъ богодухновенныхъ писателей: Исаи (LII, 6—7), Наума (II, 15) и ап. Павла (Римл. I, 15). Принадлежащее же одному лицу раздѣляетъ и приписываетъ разнымъ писателямъ, напр. h. p. 4, β', p. 453.— Всѣ означенныя и подобныя мѣста свидѣлствуютъ, какъ намъ кажется, между прочимъ и о томъ, что проповѣдникъ, приводя ихъ, не справлялся съ текстомъ Библии, а воспроизводилъ на память. Отеческія свидѣтельства св. Кирилла рѣдко приводитъ въ своихъ проповѣдяхъ, но все-таки приводитъ. Напримѣръ во 2 й пасх. проповѣди (γ', p. 433) говорится: „устраняя скверну отъ тѣла и, какъ нѣкто изъ святыхъ выразился, ненавида плотію запачканный хитонъ“. Въ двухъ мѣстахъ (h. p. 8, ζ, p. 572 и h. d. 21, p. 1114) проповѣдникъ ссылается на св. Афанасія великаго и приводитъ выдержки изъ его сочиненій.

Изученіе Священнаго Писанія и твореній жившихъ прежде отцовъ и учителей Церкви сопровождалось у Кирилла глубокимъ и серьезнымъ размышленіемъ. Кириллъ обдумывалъ каждую строку Писанія; всякую догматическую мысль онъ старался прочно и неизблемо утвердить на непререкаемомъ авторитетѣ Откровенія. О томъ, какъ много и глу-

бого думалъ Кириллъ надъ трудными богословскими вопросами, соображая свои выводы и рѣшенія съ прамымъ ученіемъ Откровенія и отцовъ Церкви, можно видѣть изъ первыхъ его проповѣдническихъ произведеній, гдѣ затронуты и почти цѣлымъ рѣшены тѣ пункты христіанской догматики (т. е. собственно христологическое ученіе), время раскрытія которыхъ наступило только впоследствии. Такова между прочимъ 8 пасх. проповѣдь, произнесенная Кирилломъ въ 420 году, слѣдовательно за 8 лѣтъ до появленія ереси Несторія. Между тѣмъ въ этой проповѣди полно и обстоятельно раскрыто то христологическое ученіе, которое утверждено впоследствии на Ефесскомъ и Халкидонскомъ вселенскихъ соборахъ.

Таково было образованіе св. Кирилла alexандрійскаго. Обширное по предметамъ, глубокое по внутреннимъ своимъ свойствамъ, оно носило на себѣ печать духа и направленія богословія alexандрійской школы и церкви. Захватывая не только спеціальныя предметы богословскаго вѣдѣнія, но и всѣ почти отрасли тогдашнихъ свѣтскихъ наукъ, оно по характеру своему было спекулятивно—или умозрительно богословское, родственное по своему стремленію къ идеальному и таинственному съ философіей Плотина, встрѣтившей себѣ въ Александріи весьма радушный пріемъ. Въ методѣ изъясненія Священнаго Писанія главное мѣсто занимаетъ у Кирилла аллегорическій способъ. Но эти, какъ умозрительно богословское направленіе, такъ и аллегорическій духъ экзегесиса были строго одерживаемы въ области христіанской догматики подчиненіемъ разума вѣрѣ и преданію, что составляло отличительную особенность такъ называемаго ново-alexандрійскаго богословія (со времени св. Афанасія великаго) въ сравненіи съ восточнымъ—антиохійскимъ. Вѣра и догматика Кирилла традиціонно-церковная, отеческая. Онъ философствуетъ, но подчиняя разумъ вѣрѣ, не позволяя переступить себѣ преданіе вѣры, отцовъ и богословія своей церкви,—хранительницы православія и апо-

стольской вѣры со времени Никейскаго вселенскаго собора (h. p. 8, а', p. 556—557). Хранить чистоту и неповрежденность православной вѣры, мудрствовать согласно съ Свящ. Писаніемъ и великими учителями, проникать въ глубокой и сокровенный смыслъ Писанія, сдерживая однакожь испытующую силу разума,—вотъ отличительныя черты богословствованія св. Кирилла.

Но для полной обрисовки личности разсматриваемаго нами проповѣдника необходимо охарактеризовать и ту почву, на которую пали названныя сѣмена образованія; тогда для насъ вполне уяснится личность Кирилла и его дѣятельность по всѣхъ сферахъ его служенія. Отличительною природною чертою въ характеръ св. Кирилла служить напряженная возбудимость духа, постоянная энергія, неослабное мужество въ дѣятельности. Это не былъ спокойный, хотя сильный и глубокой характеръ. Кирилла мучить жажда дѣятельности, борьбы, подвига. Духъ его это непрерывно натянутая струна, готовая издавать звукъ при малѣйшемъ соприкосновеніи съ предметами,—но издавать звукъ правильный и вѣрный. Достаточно прочесть нѣсколько проповѣдей св. Кирилла, чтобы по одному слогу сдѣлать заключеніе о характерѣ александрійскаго проповѣдника. Кириллъ постоянно торопитъ, возбуждаетъ своихъ слушателей къ дѣятельности, къ борьбѣ, къ подвигамъ, къ неослабному мужеству и стойкости. Любимыя его добродѣтели—мужество и терпѣніе: „это прекрасная и свѣтозарная двоица добродѣтелей“, какъ выражается онъ самъ (h. d. 18, А', p. 1100; h. d. 9, p. 1009). При этомъ Кириллъ даже рѣдко указываетъ, въ чемъ именно должны обнаруживаться эти добродѣтели; онъ любитъ и высоко цѣнить ихъ самихъ по себѣ, по средству ихъ съ холерическимъ темпераментомъ своего духа. Излюбленными примѣрами благочестивой жизни христіанина у него постоянно являются—образъ воина, всегда находящагося въ полномъ вооруженіи, ни на мигъ не смыкающаго глазъ или предающагося бездѣйствію, но всегда

готоваго къ битвѣ съ врагомъ..., къ битвѣ упорной, до поту лица. Показать на себѣ „потъ добродѣтели“ — вотъ высшая степень христіанскаго совершенства. Христіанинъ долженъ брать примѣръ и съ атлета и борца. Не передъ самой только борьбой и состязаніемъ тотъ внутренно возбуждаетъ себя, упражняется и пробуетъ свои силы, но развивается и укрѣпляется въ своемъ искусствѣ многіе годы, всю жизнь, непрерывно, настойчиво. Безъ этихъ предварительныхъ подвиговъ и упражненій и распорядитель состязаній не допустилъ бы къ нимъ такого борца при открытіи зрѣлища. Такъ и христіанинъ долженъ непрерывно поддерживать въ себѣ внутренней жаръ возбудимости и энергіи, долженъ постоянно быть дѣятельнымъ, упражняться и укрѣплять свои духовно-нравственныя силы въ подвигахъ добродѣтели (h. p. 8, a', p. 556).

Если характеры наиболѣе выясняются чрезъ сравненіе съ другими, то Кириллъ въ этомъ отношеніи составляетъ прямую противоположность съ характеромъ св. Григорія Богослова и Григорія янскаго. Въ то время какъ послѣдніе, и особенно св. Григорій Богословъ, всѣ помыслы свои устремляютъ къ тихой, созерцательной жизни, къ уединенію, не возмущаемому никакими заботами и тревоженіями жизни Кириллъ — человекъ борьбы, дѣятельности. Что для первыхъ созерцаніе и самоуглубленіе, то для Кирилла — открытая дѣятельность, служащая вывѣской внутренняго человека. И Кириллъ избираетъ на время пустынночскую жизнь; но тогда какъ для свв. Григоріевъ она составляла цѣль ихъ стремленій, для Кирилла она только средство воспитать свою волю, закалить характеръ. Очевидно св. Василій великій, этотъ мужъ практической дѣятельности, не составлялъ еще такой противоположности съ св. Григоріемъ богословомъ, какъ разсматриваемый нами пастырь александрійскій.

Другою отличительною природною чертою духа св. Кирилла является провицательность его мысли, сказывающаяся въ необыкновенно быстрой способности различать и

оцѣнивать предметы съ внутренней ихъ стороны. То, до чего доходитъ другой путемъ долгихъ соображеній и размышленій, Кириллу дается какъ бы сразу, готовымъ; Кириллъ съ перваго взгляда схватываетъ предметъ и опредѣляетъ его достоинство и свойства.

Не трудно видѣть послѣ сего, какою личностью вступилъ въ жизнь св. Кириллъ александрійскій, соединившій въ характерѣ своемъ основныя природныя черты и содержаніе и духъ учености и богословія александрійской школы и церкви. Именно мы видимъ его какъ замѣчательнѣйшаго богослова, строгаго и рѣшительнаго ревнителя по правой и согласной съ преданіемъ вѣрѣ, неутомимаго борца со всякаго рода заблужденіями, чуткаго ко всѣмъ вопросамъ вѣры, не уступающаго ни предъ какими препятствіями и затрудненіями. Посему девизомъ его жизни и дѣятельности всего умѣстиѣе, какъ намъ вѣжется, можно было бы выставить слѣдующія слова самого же Кирилла, сказанныя имъ въ разгарѣ борьбы съ еретикомъ Несторіемъ: „я не дамъ, говоря словами Писанія, сна очамъ моимъ и вѣждамъ моимъ дреманіи и покоя вискамъ (κροτάφος) мѣдимъ, доколѣ не совершу подвига за спасеніе всѣхъ. Посему, зная таковую мою рѣшимость, мужайтесь“, писалъ онъ клирикамъ константинопольскимъ (epist. 10, p. 68—69): „ибо я рѣшился за вѣру во Христа положить послѣднія свои усилія, перенести всякія мученія, сколь бы тяжкими ни считались они, и, наконецъ, съ пріятностію претерпѣть и самую смерть за это“ (срвн. epist. 28, p. 145).

А. Миромлюбовъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

(Продолженіе¹).

Очерки исторіи американскаго методизма.

а) Основаніе его, какъ отдѣльнаго методистскаго общества.

Выдѣленіе американскаго методизма изъ общей жизни методизма произошло, какъ уже мы знаемъ, въ 1784 году. Оно представляется, у *Jacoby* напимѣръ, дѣломъ исключительно Джона Весли, который будто бы созналъ невозможность для американскихъ методистовъ быть въ зависимости отъ методистовъ англійскихъ. Въ сущности такое представленіе дѣла вѣрно: нужно только признать, что Весли былъ *вынужденъ* къ основанію особой методистской церкви самими методистами Штатовъ Сѣверной Америки, а не самъ *добровольно* придумалъ выходъ для нихъ изъ-подъ тяготившихъ отношеній подчиненности. Намъ уже приходилось указывать на то, что въ Америкѣ методизмъ по силѣ мѣстныхъ особенностей жизни не могъ быть выработанъ въ формы, вполне тождественныя съ формами его въ Англій, и что распорядителямъ американскихъ общинъ методизма, присылаемымъ изъ Англій по распоряженію Джона Весли, приходилось бороться съ нѣкоторыми особенностями и отступленіями въ жизни общинъ американскаго методизма сравнительно съ порядками, заведенными въ Англій. Американскіе методисты отражали въ себѣ духъ общаго недовольства

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., май, 1887 г.
Труды Кіевской Дух. Акад. Т. II. 1887 г.

англійскою политикою и гораздо настоятельнѣе и рѣшительнѣе требовали себѣ посвященія отдѣльныхъ лицъ для отправленія богослуженія и раньше, чѣмъ въ Англіи соглашались на то, чтобы отправленіе таинствъ было дозволено непосвященнымъ проповѣдникамъ. Конференція 1773 года въ Филадельфіи постановила: запретить проповѣдникамъ совершеніе крещенія и причащенія подъ угрозою разрыва съ ними общенія¹⁾. Но свободолюбивые янки²⁾ не унялись: они, не смотря на силу вліянія Ашбѣри, порвали связь съ конференціею и выбрали трехъ проповѣдниковъ для посвященія другихъ въ духовный санъ³⁾. Политическія событія, какъ мы видѣли, были причиною того, какъ дѣла методистовъ въ 70-хъ годахъ пришли въ разстройство. Послѣ окончанія войны за независимость уже не могло быть и рѣчи о подчиненіи американскихъ религіозныхъ обществъ англійскимъ. Джонъ Весли очень скоро созналъ это, и вмѣсто того, чтобы стремиться къ подчиненію американскихъ методистскихъ общинъ, освободилъ ихъ отъ всякихъ вліяній, сдѣлавъ имъ то, къ чему они были готовы вполне. Онъ самолично посвятилъ имъ епископа, поручивъ ему основать самостоятельную методистскую церковь. Что на отдѣленіе методистовъ много вліяло политическое отдѣленіе Штатовъ отъ Англіи, за это говорить уже одно то обстоятельство, что первое произошло только годомъ позже второго.—Вновь посвященный Джономъ Весли епископъ для методистскихъ общинъ въ Америкѣ явился туда въ ноябрѣ 1784 года, и прямо по пріѣздѣ приступилъ къ дѣлу образованія самостоятельной церкви методистовъ. Однако нужно согласиться съ тѣмъ, что какъ американскіе методисты ни были готовы къ рѣшительному шагу, т. е. къ отдѣленію отъ господствующей церкви, доктору Коку пришлось около 2 мѣсяцевъ

¹⁾ См. *Jacoby*, II, 33.

²⁾ Yankee (янки)—исковерканное иудѣйскимъ слово „English“. См. *Jorg.* Bd. II. „Yankee“.

³⁾ *Southey*, Bd. II. SS. 417, 418.

подготавливать ихъ къ образованію самостоятельной церкви¹⁾. Главнымъ препятствіемъ были англійскіе проповѣдники, до пріѣзда его распорядившіеся въ Америкѣ дѣлами методистовъ. Около нихъ сгруппировалась партія консервативнаго характера, которая соглашалась лучше оставаться безъ совершенія таинствъ, чѣмъ допускать совершеніе ихъ несвященнымъ проповѣдникамъ. Впрочемъ кажется, что и та сторона, которая хотѣла отдѣленія отъ церкви, и та, которая стремилась остаться въ единеніи съ нею, были согласны подождать рѣшенія вопроса изъ Англій²⁾. Но ни та сторона, ни другая, вѣроятно, не ожидали того, что сдѣлаетъ Джонъ Весли. Всѣ ожидали, что Весли пришлетъ имъ пресвитеровъ, но не епископа, или суперинтендента, какъ любить его называть протестантствующіе методисты. Прѣжній суперинтендентъ Ашбери ожидалъ, что Весли пришлетъ ему помощника, но не епископа, отъ котораго ему, суперинтенденту, придется принять посвященіе. Вотъ что писалъ въ своемъ дневникѣ Ашбери по этому поводу: „Въ воскресенье 15 ноября, — говоритъ Ашбери, — я пришелъ въ капеллу Баррета (въ Балтиморѣ). Къ великой радости я засталъ тамъ д—ра Кука и Р. Уаткота... Такъ какъ я не имѣлъ времени переговорить съ ними предъ богослуженіемъ, то былъ изумленъ, увидѣвъ Уаткота принимающимъ участіе въ совершеніи богослуженія. Когда же мнѣ рассказали, съ какимъ намѣреніемъ упомянутые братья пришли въ эту страну, то на первый разъ ужаснулся. Однако да будетъ по Божіему изволенію! Моимъ отвѣтомъ (на то, что рассказали ему) было: если проповѣдники не изберутъ меня единогласно (въ епископы), то я дальше не хочу отправлять своей должности, какъ я дѣлалъ это единственно по уполномоченію Джона Весли³⁾. Наконецъ цѣль пріѣзда въ Америку д—ра Кука и проповѣдниковъ Уаткота и Вази стала известна всѣмъ

¹⁾ *Southey*, Bd. II, SS. 422, 423.

²⁾ См. *Пресса. Иоанна*, вып. II,

общинамъ, и было предположено созвать въ Балтиморѣ общую конференцію проповѣдниковъ¹⁾. Изъ немногихъ выше приведенныхъ словъ дневника Ашбери видно, что присланныхъ въ Америку не всѣ встрѣтили съ „необыкновенною радостью“, какъ передаетъ *Jacoby*. Наоборотъ: у многихъ ихъ появленіе съ указанною цѣлю произвело большое изумленіе, у нѣкоторыхъ даже ужасъ, — чѣмъ подтверждаются слова *preosa Ioanna* по поводу основанія самостоятельной церкви методистовъ. У методистовъ было двѣ партіи: одна либеральная, искавшая возможности какого-нибудь выхода изъ затруднительнаго положенія; другая консервативная (къ ней принадлежалъ Ашбери — упорный охранитель первоначальныхъ формъ методизма). Первая партія удивилась не тому, что рѣшено отдѣлиться отъ господствующей церкви, а тому, что ординацію взялъ на себя Джонъ Весли. Вторая пришла въ ужасъ отъ такого святотатственнаго поступка. Принять посвященіе отъ Кока Ашбери соглашался только въ томъ случаѣ, если его единогласно изберутъ всѣ проповѣдники: онъ, вѣроятно, рассчитывалъ на то, что партія консерваторовъ одержитъ верхъ и заставитъ дѣла идти по старому, а тогда онъ могъ стать главою методистовъ. Но мало по малу общины начали свѣкаться съ мыслию о необходимости поступить такъ, какъ предначерталъ это Весли, потому что ко времени собранія генеральной (общей) конференціи проповѣдниковъ Ашбери вновь пишетъ: „Я склоненъ думать, что это дѣло отъ Бога... на него рѣшаются и проповѣдники и общины; но честь, которая ожидаетъ меня при этомъ, не обольщаетъ меня; я боюсь, что отъ этого произойдетъ опасность. Однако душа моя уповаетъ на Бога. О если бы онъ указалъ намъ путь, по которому слѣдуетъ идти!“ Свое согласіе на отдѣленіе отъ епископальной церкви и на образованіе независимаго епископально-методистскаго общества могли дать только такіе проповѣдники, которые въ общинахъ методистовъ стре-

¹⁾ *Southey* II, 423; *Jacoby* II, 58, 59.

милась стать наравнѣ съ ординарованными проповѣдниками по своимъ правамъ и обязанностямъ. А такихъ проповѣдниковъ было у методистовъ подавляющее большинство. Имѣя это въ виду, можно напередъ рѣшить, какое направленіе долженъ былъ принять исходъ дѣла: конференція каждый вопросъ рѣшала большинствомъ голосовъ. Она открыла свои засѣданія 24 декабря 1784 года въ Балтиморѣ. Кукъ и Ашбери (кандидатъ на епископство) предложили собранію рассмотреть вопросъ о церкви, прочли письмо Весли и грамоту, данную имъ Куку, текстъ которой былъ приведенъ нами раньше. Конференція *единогласно* рѣшила выбрать Ашбери въ епископы и постановила имѣть у себя епископовъ пресвитеровъ и діаконовъ¹⁾. Уаткотъ, одинъ изъ посвященныхъ Джономъ Весли и прибывшихъ вмѣстѣ съ Кокомъ, говоритъ: „Конференція началась въ 10 часовъ утра... мы сошлись учредить церковь (Episcopal-Methodists'-Church), въ которой должна быть отправляема литургія въ томъ видѣ, въ какомъ она получена изъ рукъ... Весли. Таинства совершаются посвященными епископами, пресвитерами и діаконами... по формамъ, какія употребляются въ молитвенникѣ упоминаемаго господина Весли. Лица, ищущія посвященія, предлагаются епископомъ, избираются конференціею и посвящаются чрезъ возложеніе рукъ епископа и пресвитеровъ“. Потомъ Уаткотъ прибавляетъ, что во второй день засѣданій былъ посвященъ Ашбери въ діакона. Посвящалъ его д—ръ Кукъ въ присутствіи Уаткота и Вази. На третій день его посвятили въ пресвитера, а на четвертый—въ епископа. Въ слѣдующіе дни засѣданій были утверждены „Общія правила“ и ученіе методизма, и избраны проповѣдники для посвященія. Далѣе происходили самыя посвященія. Последнее посвященіе происходило наканунѣ новаго года. *Итакъ 1-е января 1785 года было первымъ днемъ существованія епископальнаго методизма въ его настоящемъ видѣ.* Съ того

¹⁾ Сравни. Southey, II, 423, 424 и Jacoby II, 55 и Anmerkung.

времени американскій методизмъ окончательно прерываетъ связи съ вестляно-европейскимъ методизмомъ: если и остается между ними какая-нибудь связь, то это связь, основанная чисто на традиціи и на поддерживаемыхъ искусственно сношеніяхъ. Сюда слѣдуетъ отнести общія празднованія юбилеевъ, обмѣнъ представителей (съ 1820 года) для присутствованія на конференціяхъ. Но постоянныя сношенія англичанъ и американцевъ давали возможность и методистамъ двухъ различныхъ упомянутыхъ вѣтвей кое-что заимствовать другъ у друга. Такъ выдѣленіе изъ вестлянской вѣтви „Primitive Methodist Connexion“ произошло по вліянію американскихъ методистовъ; наоборотъ по вліянію вестлянскихъ методистовъ изъ епископальныхъ общинъ выдѣлилась канадская епископально-методистская община. Но объ этихъ частностяхъ послѣ. Епископальный методизмъ не переживалъ трудной борьбы за устройство своего управленія. Причину этого нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что Джонъ Весли не оставилъ епископальному методизму въ наслѣдство тѣхъ затрудненій, какія остались въ наслѣдство методистамъ вестлянскимъ въ видѣ конференціи „законной сотни“. Американцы, какъ народъ болѣе свободолюбивый, не могли допустить, чтобы въ ихъ жизнь входили какія бы то ни было проявленія аристократизма, а потому среди американскихъ методистовъ не находилось такихъ ревностныхъ приверженцевъ разъ установленнаго порядка, какіе находились среди членовъ конференціи „законной сотни“. Преобразованія, какъ и вообще всякаго рода подвижность, были въ духъ кипучей американской природы, а потому всякое новое постановленіе скоро входило въ жизнь методистскихъ общинъ, наоборотъ никакого злоупотребленія, — какъ злоупотребленія властію членовъ „законной сотни“, — американскіе методисты допустить не могли. Англійская „законная сотня“ нѣкоторымъ образомъ имѣла санкцію своихъ дѣйствій въ правительственномъ актѣ Deed of Declaration; американская епископальная конференція методи-

ство, — какъ и всѣ религиозныя учрежденія страны, — не имѣла къ правительству С.-Штатовъ никакого отношенія. Отсюда вышло то, что вопросъ объ измѣненіи устройства конференціи проповѣдниковъ у епископальныхъ методистовъ и о допущеніи въ составъ конференціи мирянъ поднять былъ сравнительно съ вестлианскими методистами гораздо позже, не такъ потрясъ общины и разрѣшился гораздо скорѣе. Гораздо чувствительнѣе страдалъ епископальный методизмъ отъ того, что съ самаго перваго времени въ составъ его вошло много различныхъ національностей, которыя, принося съ собою особенности своего характера, сообщили епископальному методизму своеобразный оттѣнокъ, — въ чемъ не малую роль игралъ тотъ же подвижной духъ американскихъ янни. Такимъ образомъ характерною чертою второго періода исторіи американскаго методизма мы должны признать приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ жизни поселенцевъ Америки.

b) *Распространеніе епископальнаго методизма.*

Распространеніе епископальнаго методизма такъ же, какъ и распространеніе вестлианскаго, происходило и происходитъ въ связи съ приобрѣтеніемъ могущества и распространеніемъ власти С.-Штатовъ. Различіе между тою и другою вѣтвью методизма состоитъ лишь въ томъ, что у епископальныхъ методистовъ полемъ дѣятельности была своя собственная территорія въ видѣ громаднхъ дѣвственныхъ пустырей Сѣверной Америки, такъ что епископальный методизмъ такъ сказать дома въ родной странѣ имѣлъ то, что вестлианскій методизмъ долженъ былъ искать въ странахъ чужихъ. Постепенное движеніе методистовъ внутрь страны, ихъ столкновенія съ неграми-невольниками и остаткомъ дикихъ американскихъ племенъ требовали большихъ миссіонерскихъ усилій, а потому миссіи епископальнаго методизма за границею Америки и не такъ обширны, и не такъ многочисленны, какъ миссіи вестлианскаго методизма.

Въ то время какъ у послѣдняго преобладаетъ внѣшняя миссія, второй болѣе обращаетъ вниманія на миссію внутреннюю. Но у епископальныхъ методистовъ такъ же, какъ и у неслианскихъ, есть миссіи двоякаго рода: миссія среди цивилизованныхъ народовъ и миссія среди дикихъ. Первые есть въ Германіи, Швейцаріи, Скандинавіи, въ Штатахъ Ріо-де-Ла-Платы (въ Южной Америки), вторыя—въ Африкѣ, Азіи и среди дикарей Америки. До 1819 года распространеніе епископальнаго методизма было дѣломъ случайнымъ: американскіе методисты не имѣли правильно организованнаго миссіонерскаго общества; проповѣдники-миссіонеры содержались на общія средства, которыми располагали общины епископальнаго методизма. Но недостатокъ спеціальныхъ средствъ, спеціально приготовленныхъ къ миссіи проповѣдниковъ, скоро далъ себя почувствовать: епископальнымъ методистамъ пришлось подумать объ основаніи миссій на болѣе прочныхъ началахъ, такъ какъ колебаніе добровольныхъ взносовъ было причиною того, что часто миссіонеры имѣли нужду въ самыхъ необходимыхъ средствахъ и должны были бросать свои работы по распространенію методизма. Въ 1819 году было основано первое миссіонерское общество епископальнаго методизма. Первые его заванія имѣли цѣлю распространеніе методизма, среди черныхъ и цвѣтныхъ поселенцевъ по американскому континенту, какъ и слѣдовало ожидать. Уже въ 1832 году была основана дорого стающая, но плодотворная по распространенію методизма, миссія въ республикѣ Либеріи (въ Африкѣ). Въ 1834 году были посланы миссіонеры по просьбѣ индѣйскаго племени Flat-head (плоскія головы), жившаго по рекѣ Орегонъ. Въ 1836 году часть миссіонеровъ занялась обращеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, а другая отправлена въ Штаты Ла-Платы (въ Буэносъ—Айресъ). Послѣ отдѣленія отъ епископальнаго методизма южныхъ общинъ (Methodists' Episcopal Church South) въ 1844 году, забота о распространеніи христіанства въ видѣ методизма среди индѣйцевъ и негровъ пала преимущественно на эту

новую деноминацію. Вотъ тогда главная вѣтвь епископальнаго методизма могла обратитьъ болѣе серьезное вниманіе на миссіи вѣв Америки: въ 1847 году была основана миссія въ Китаѣ, а въ 1848 году—въ Германіи. По законамъ исторической постепенности нужно предположить, что миссія съ увеличеніемъ епископальнаго методизма въ Америкѣ распространялись. Нагляднымъ выраженіемъ этого распространенія служитъ сравнительное возрастаніе миссіонерскаго фонда въ 1819—1869 годахъ:

Взносъ 1819 — 1828 годовъ	=	63,010	долларовъ
„ 1829 — 1838	„ =	586,210	„
„ 1839 — 1848	„ =	990,640	„
„ 1849 — 1858	„ =	2,365,070	„
„ 1859 — 1868	„ =	4,515,650	„

Оказывается, что суммы, потраченныя епископальными методистами, очень велики и могутъ наводить на мысль о томъ, что *Jacoby*, у котораго онѣ приведены, преувеличилъ. Но если взять во вниманіе, что *Jorg*, самый сильный изъ извѣстныхъ намъ противниковъ методизма (вообще современнаго протестантизма) говоритъ о томъ, что суммы, затрачиваемыя методистами на миссіи, огромны, то сомнѣніе становится положительно неумѣстнымъ ¹⁾. Сравнивая взносы на миссіи по десятилѣтіямъ, мы видимъ, что во второе десятилѣтіе существованія Епископально-методистскаго миссіонерскаго общества число взносовъ увеличилось на 523,220 долларовъ ²⁾. Этотъ періодъ былъ временемъ сравнительно спокойной жизни епископальнаго методизма. Въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Впрочемъ *Jorg* въ стремленіи методистовъ къ миссіонерству видитъ менѣе чистыя побужденія, чѣмъ это представляется методистами. Онъ объясняетъ стремленіе методистовъ къ миссіи религиозною нетерпимостью и жаждою къ приобрятенію новыхъ членовъ (прозелитизмъ). Эта черта, подмѣченная *Jorg*'омъ лѣтъ 25 назадъ въ Америкѣ, замѣтна теперь и въ старомъ свѣтѣ. Сравни. *Geschichte d. Protestantismus*, Bd. II. S. 438 съ статьей: „On Toleration“, въ журналѣ *Orthodox Catholic Review*, 1883, № X.

²⁾ Долларъ равняется 1,33 рубли.

въ 1829—1838 гг. число членовъ ежегодно возрастало, а слѣдовательно возрастали и доходы для распространенія миссіи. Въ 3-е десятилѣтіе (1839—1848 гг.) вѣнось повышается сравнительно со вѣносомъ второго десятилѣтія почти на 119,000 долларовъ. Пониженіе его также весьма понятно: въ 1844 году изъ епископальнаго методизма выдѣлилась Южная-епископально-методистская церковь. Такимъ образомъ не смотря на поднятіе релігіознаго духа столѣтнимъ юбилейнымъ празднествомъ (въ 1839 году), вѣнось на миссію уменьшился, потому что упомянутая депоминація выдѣлила и свои денежные дѣла изъ общей кассы методистовъ, о чемъ мы будемъ говорить послѣ. Быстрое спокойное расширеніе предѣловъ епископальнаго методизма въ 1849—1858 годахъ (4-е десятилѣтіе) сопровождалось соответственнымъ повышеніемъ фонда на миссіонерское дѣло. Въ этотъ періодъ (1849—1858) сумма фонда для миссіи больше суммы 1839—1848 годовъ на 1,374,430 долларовъ. Но съ перваго раза представляется страннымъ повышеніе фонда 1858—1869 годовъ. Сравнительно съ фондомъ предыдущаго десятилѣтія здѣсь оказывается больше на 2,150,580 долларовъ. Правда, что число членовъ епископальнаго методизма значительно увеличилось за это десятилѣтіе; тѣмъ не менѣе вѣнось нужно считать довольно значительнымъ, потому что въ этотъ періодъ всѣ жители С. Штатовъ переживали трудное время междоусобной войны южныхъ Штатовъ съ сѣверными за рабовладѣльчество. Эта война (1861—1865) по своей продолжительности и ожесточенности стоила Штатамъ весьма дорого: враги Штатовъ рассчитывали, что она вполне ослабитъ государство и повлечетъ за собой уничтоженіе политической самостоятельности его; такія надежды высказывались враждебнымъ Штатамъ англійскимъ правительствомъ. Нужно было ожидать, что трудное время войны скажется и въ пониженіи релігіозныхъ стремленій различныхъ частныхъ обществъ, а слѣдовательно и въ пониженіи дѣятельности миссіонерскаго епископально методистскаго общества.

Однако мы видимъ совершенно обратное явленіе. Понять такой неожиданный фактъ, кажется, можно въ томъ случаѣ, когда будутъ приняты во вниманіе мотивы войны и отношеніе къ нимъ методистовъ. Методисты всегда были самыми ревностными противниками невольничества. Ради уничтоженія его епископальный методизмъ пожертвовалъ 13-ю округами методизма, давъ имъ возможность выдѣлиться (въ 1844 г.) и образовать самостоятельное религіозное общество. Неудивительно поэтому, что когда началась война за освобожденіе негровъ изъ рабства, методисты напрягли всѣ свои усилія къ тому, чтобы содѣйствовать благочестивому дѣлу освобожденія негровъ. Самымъ осязательнымъ образомъ напряженіе и выразилось въ увеличеніи взносовъ на миссіонерскую дѣятельность. Въ подкрѣпленіе той же мысли можно привести еще и то соображеніе, что отъ исхода начавшейся войны зависѣло воссоединеніе южно-епископальнаго методизма съ главною вѣтвью епископальнаго методизма. Эти надежды питали представители послѣдняго общества; хотя до 1868 года онѣ и не осуществились еще, однако число освобожденныхъ и пристававшихъ къ главной вѣтви епископальнаго методизма негровъ встрѣчались постоянно и повели къ значительному увеличенію числа членовъ епископальнаго методизма.—Большую часть миссіонерскихъ денегъ епископальные методисты обращали на внутреннюю миссію, т. е. на поддержку бѣдныхъ общинъ методизма, на помощь новымъ поселенцамъ въ новыхъ земляхъ и на обезвѣденіе вольвоотпущенныхъ негровъ. Всѣ миссіонерскіе фонды находятся съ 1819 года въ вѣдѣніи миссіонерскаго общества. Сначала оно было въ непосредственномъ подчиненіи общей конференціи епископальнаго методизма, которая и распоряжалась дѣлами высылки и поддержки проповѣдниковъ; но съ 1836 года, когда дѣла общества значительно расширились,—о чемъ можно судить по взносу 2-го десятилѣтія жизни миссіонерскаго общества,—общество миссій было отдано подъ управленіе одного распорядителя, кото-

рый и завѣдывалъ всѣми его дѣлами, давая конференціи только точный отчетъ. Въ 1860 году,—смотр. вѣсь 5-го десятилѣтія общества,—нужно думать, конференція признала необходимымъ выбрать для распорядителя нѣсколькихъ помощниковъ. Миссіонерское общество распоряжалось всѣми денежными расходами, выбирало проповѣдниковъ для миссій и удовлетворяло всѣмъ ихъ нуждамъ во время проповѣданія.

А. Булаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАМЯТИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДИМИТРІЯ (МУРЕТОВА) И МАКАРІЯ (БУЛГАКОВА).

Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, 20 апрѣля 1887 г.

Приходится слышать сужденія, что извѣстная пяти-томная Догматика преосвященнаго Макарія (Булгакова) есть не что иное, какъ печатное воспроизведеніе лекцій по догматическому богословію преосвященнаго Димитрія (Муретова), читанныхъ имъ въ бытность ректоромъ и профессоромъ Кіевской духовной академіи. Сужденія этого рода не только обращаются въ обществѣ въ видѣ ходячаго, устно высказываемаго, мнѣнія, но оказываются проникшими даже въ печать. Въ газетахъ, послѣ смерти высокопреосвященнаго Димитрія, сообщалось свѣдѣніе, что, будучи глубоко ученымъ человѣкомъ и прекраснымъ профессоромъ, Димитрій отличался въ то же время необыкновенною скромностію; большая часть его лекцій вошла въ извѣстный трудъ его ученика, митрополита московскаго Макарія (Булгакова)¹⁾. А въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (февраль 1884 г.), въ небольшой статьѣ, подъ заглавіемъ „Памяти архіепископа Димитрія Одесскаго“, дѣлалось сообщеніе, что преосвященный Макарій, „можно сказать, только редактировалъ для печати богословскія лекція Димитрія“, но что этотъ послѣдній „нисколько не ревновалъ къ своему ученику, а только,

¹⁾ *Архим. Сергій (Василевскій), „Высокопреосвщ. Антоній, архіеписк. Казанскій и Сыздскій“. Казань, 1885. Т. I, стр. 112.*

какъ гласитъ дошедшее до насъ преданіе, говаривалъ полушутливо, смотря на огромные томы богословія Макарія: тутъ мой крестъ, а его цѣпочка". По смыслу этого сообщенія, оказывается, что даже и самъ преосвященный Димитрій заявлялъ на Догматику Макарія права авторской собственности, оставляя на долю послѣдняго только вышнюю ея архитектонику (цѣпочку).

Незабвенныя въ исторіи русской церкви настоящаго столѣтія имена высокопреосвященныхъ Димитрія и Макарія незабвенны въ частности въ исторіи Кіевской академіи. Оба они ея воспитанники, Димитрій седьмого курса (1831—1835 г.), Макарій—десятаго (1837—1841). Затѣмъ, преосвященный Димитрій, втеченіе пятнадцати лѣтъ (1835—1850), былъ ея профессоромъ, соединяя съ профессорствомъ обязанности сперва инспектора (1838—1841), а потомъ ректора (1841—1850), и оставилъ по себѣ славу одного изъ даровитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ наставниковъ, любимѣйшихъ и уважаемѣйшихъ начальниковъ. Преосвященный Макарій профессорствовалъ въ родной академіи втеченіе одного только года (1841—1842); вся же дальнѣйшая ученая служба его прошла въ Петербургской академіи. Но выраженіемъ его крѣпкихъ родственныхъ чувствъ къ Кіевской академіи служатъ пожертвованныя имъ ей при жизни 25 тыс. руб. сер. и другія 25 тыс. руб., отказанныя по завѣщанію, а также завѣщанныя имъ въ бібліотеку ея автографы всѣхъ его сочиненій. Отсюда, если на комъ, то именно на Кіевской академіи лежитъ священная обязанность разъяснить то отношеніе, въ которомъ Догматика преосвященнаго Макарія стоитъ къ догматическимъ лекціямъ преосвященнаго Димитрія.—Но вопросъ въ томъ, какъ и на основаніи какихъ данныхъ сдѣлать это?

Въ числѣ профессорскихъ программъ, хранящихся въ архивѣ Кіевской академіи, есть нѣсколько программъ и догматическихъ чтеній Димитрія. Судя по этимъ программамъ, догматическій матеріалъ въ лекціяхъ Димитрія рас-

предвѣлялся замѣтнымъ образомъ и ваче, чѣмъ какъ распределяется онъ въ Догматичѣхъ преосвященнаго Макарія. Въ крупныхъ чертахъ системы того и другого имѣютъ слѣдующее построение:

У Димитрія:

Введеніе. Часть 1. I. Ученіе о Тріединомъ Богѣ: 1) о трехъ Божественныхъ ипостасяхъ; 2) о единомъ Божественномъ существѣ трехъ ипостасей. II. Ученіе о дѣйствіяхъ Тріипостаснаго Божества: 1) твореніи, 2) провидѣніи. Часть 2. Ученіе о дотостроительствѣ спасенія человѣческаго рода. 1) О первобытномъ состояніи человѣка; 2) о паденіи человѣка и слѣдствіяхъ паденія (о первородномъ грѣхѣ). Ученіе о спасеніи рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ. Предупрежденіе Божіе о спасеніи падшаго человѣка. А) Приготовленіе рода человѣческаго къ принятію Испытателя. Б) Пришествіе Иисуса Христа и служеніе Его роду человѣческому. 1) Ученіе о лицѣ Иисуса Христа, или таинствѣ воплощенія. 2) Ученіе о служеніи Иисуса Христа спасенію рода человѣческаго а) пророческомъ, б) первосвященническомъ и в) царскомъ. 3) Ученіе о царствѣ Божіемъ, учрежденномъ на землѣ Иисусомъ Христомъ, для спасенія человѣка. А) Царство благодатное, или церковь воинствующая. 1) Общія понятія о благодатномъ царствѣ Христовѣ, или о церкви. 2) Преимущества, которыми пользуются сыны царства Христова, или о благодати Божіей; 3) условія и обязательства членовъ благодатнаго царства; 4) средства къ полученію благодати Божіей: а) слово Божіе и б) таинства; 5) взаимное общеніе членовъ царства Христова между собою (живыхъ и умершихъ; здѣсь же о смерти, частномъ судѣ и слѣдствіяхъ его). Б) Царство славы, или церковь торжествующая. 1) Окончаніе царства благодати (пришествіе антихриста); 2) открытіе царства славы (последній судъ); 3) образъ царства славы (вѣчное блаженство и вѣчныя мученія).

У Макарія:

Введение. Часть 1. Отдѣлъ I. О Богѣ Самомъ въ Себѣ.

- 1) О Богѣ единомъ въ существѣ. 2) О Богѣ тринчномъ въ лицахъ. Отдѣлъ II. О Богѣ въ общемъ отношеніи Его къ міру и человѣку. 1) О Богѣ Творцѣ міра. 2) О Богѣ Промыслителѣ. Часть 2. Отдѣлъ I. О Богѣ Спасителѣ вообще. 1) Предвѣчный совѣтъ Божій о спасеніи падшаго человѣка. 2) о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ: а) о лицѣ Иисуса Христа; б) о совершеніи Имъ спасенія юдей--о служеніи Его пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ. Отдѣлъ II. О Богѣ Спасителѣ въ Его особенномъ отношеніи къ роду человѣческому. 1) О Богѣ Освятителѣ. А) О Церкви, какъ орудіи, чрезъ которое совершается наше освященіе. Б) О благодати Божіей, какъ силѣ, которою совершается освященіе. В) О таинствахъ, чрезъ которыя сообщается благодать. 2) О Богѣ Мздовоздаятелѣ и Судіи: а) о мздовоздаяніи на частномъ судѣ; б) о мздовоздаяніи на всеобщемъ судѣ.

Таково различіе въ общемъ построеніи догматическихъ системъ у Димитрія и Макарія. Есть разности и въ частности. 1) У Димитрія ученіе о невинномъ состояніи человѣка, его паденіи и первородномъ грѣхѣ отнесено ко второй части догматики и начинается собою трактатъ о домострительствѣ спасенія человѣческаго рода; у Макарія оно стоитъ въ трактатѣ о твореніи человѣка. 2) У Димитрія особеннымъ параграфомъ стоитъ ученіе о двоякомъ состояніи Иисуса Христа, состояніи умаленія или истощанія и состояніи прославленія, къ которому отнесены сошествіе Иисуса Христа во адъ, Его воскресеніе и вознесеніе на небо. У Макарія о состояніяхъ умаленія и прославленія Иисуса Христа не говорится, и сошествіе во адъ, воскресеніе и вознесеніе Иисуса Христа отнесены къ царскому Его служенію, подъ которымъ у Димитрія разумѣется основаніе Иисусомъ Христомъ благодатнаго царства. 3) У Димитрія въ трактатѣ о благодати говорится о дѣйствіяхъ благодати: а) призываніи,

б) оправданіи, в) таинственномъ соединеніи съ Богомъ, г) дарахъ благодати. У Макарія объ этихъ предметахъ не упоминается.

Но отъ разности программъ между тою и другою системами нельзя еще, конечно, съ логическою необходимостію заключать къ разности между ними по реальному, если такъ можно выразиться, содержанію; напротивъ воляѣ возможно и допустимо, и при разности программъ, совпаденіе между ними, совпаденіе даже букввальное, въ раскрытіи и изложеніи каждаго отдѣльнаго трактата, каждаго частнаго пункта. Надобно, поѣтому, искать иныхъ, болѣе твердыхъ и надежныхъ, данныхъ для разъясненія взаимнаго отношенія между тою и другою системами.

Въ бібліотекѣ Кіевской духовной академіи, между рукописями, поступившими въ нее послѣ покойнаго протоіерея Н. Я. Оглоблина, товарища по академическому курсу преосвященнаго Макарія, есть сборникъ, содержащій въ себѣ академическія лекціи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, каноническому праву, обячительному богословію и богословію догматическому. Въ самомъ сборникѣ лекціи эти не приурочиваются къ опредѣленнымъ именамъ академическихъ профессоровъ. Но есть, повидимому, основаніе лекціи по догматическому богословію считать принадлежащими Димитрію. Говоримъ такъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Во 1) лекціи эти совершенно совпадаютъ съ хранящимися въ академическомъ архивѣ программами догматическихъ чтеній Димитрія, представляя послѣдовательное, пунктъ за пунктомъ, точное и сжатое раскрытіе программныхъ рубрикъ; совпаденіе это всего полнѣе замѣчается съ программой, составленною и представленною Димитріемъ къ испытанію X курса. Во 2) на запискахъ этихъ лекцій по мѣстамъ имѣются поправки и пополненія, сдѣланныя характерною рукою Димитрія. Между прочимъ, въ концѣ лекцій, послѣ параграфа о поминаненіи умершихъ, рукою Димитрія приписано: „О царствѣ славы: окончаніе царства благодати,—прише.“

Труды Кіев. Дух. Акад. Т.-II. 1887 г. 16

ствіе Антихриста; отравленіе царства славы,—пришествіе Іисуса Христа и послѣдній судъ; образъ царства славы,—вѣчная жизнь и вѣчное мученіе⁴. Эти же самыя пунты и подъ тѣми же самыми нумерами экзаменныхъ билетовъ собственною рукою Димитрія внесены въ его, переписавшую письмоводителемъ, экзаменную программу чтеній по догматическому богословію для студентовъ X курса. Можно думать, что оглоблинскія записки служили для студентовъ X курса редактированнымъ рукою самого Димитрія конспектомъ для экзаменной подготовки. Наконецъ, 3) есть у насъ подъ руками нѣсколько листовъ съ переписанными на нихъ догматическими параграфами о вѣчномъ опредѣленіи Божіемъ о спасеніи падшаго человѣка,—объ исполненіи предопредѣленія Божія о спасеніи человѣка,—о приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Искупителя а) пророчествами и б) прообразованіями,—объ Іисусѣ Христѣ, какъ Искупителѣ падшаго рода человѣческаго,—о двоякомъ Его состояніи и троякомъ служеніи человѣческому роду, пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ. Листы эти написаны Н. И. Флоринскимъ, нынѣ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора, и, по удостовѣренію его, содержатъ въ себѣ лекціи Димитрія, выданныя студентамъ для отвѣтовъ по догматикѣ на публичномъ экзаменѣ. Эти лекціи представляютъ собою буквальное совпаденіе съ соответствующими параграфами лекцій оглоблинскаго сборника.—Вотъ соображенія, на основаніи которыхъ догматическія лекціи оглоблинскаго сборника можно бы считать принадлежащими Димитрію.

Однако, рѣшительно утверждать это мы воздерживаемся, въ виду слѣдующаго обстоятельства. Догматическія лекціи сборника писаны рукою покойнаго Н. Я. Орлоблина. Но есть тетради, писанныя рукою другихъ переписчиковъ и, между прочимъ, двѣ тетради подъ буквами К. и Л. На этихъ послѣднихъ излагается ученіе о паденіи прародителей, о слѣдствіяхъ паденія по отношенію къ самимъ праро-

дателямъ и ихъ потомкамъ, или о первородномъ грѣхѣ, и о промыслѣ, подъ латинскимъ заглавіемъ „de providentia, seu administratione rerum creaturarum“, съ частвѣйшими подразделениями: „conservatio, seu voluntas Dei de duratione existentiae creaturarum“ и „gubernatio, seu providentia stricte dicta“. На послѣдней изъ этихъ двухъ тетрадей, въ концѣ, имѣется сдѣланная рукою того же писца дата „1834 юдъ, Іюль“, — дата, указывающая на время, когда Димитрій былъ еще студентомъ. Между тѣмъ, и на этихъ тетрадахъ, какъ на предшествующихъ и послѣдующихъ, писанныхъ рукою Оглоблина, излагается, очевидно, одна и та же, совершенно совпадающая съ официальной программой Димитрія, догматическая система; имѣются даже на поляхъ этихъ тетрадей сдѣланные рукою писца 1834 г. обозначенія частвѣйшихъ рубрикъ въ той самой формѣ, въ какой онѣ стоятъ въ программѣ Димитрія. — Это вотъ обстоятельство измѣняетъ, очевидно, вопросъ о принадлежности лекцій оглоблинскаго сборника Димитрію и дѣлаетъ возможнымъ предположеніе — не суть ли лекціи эти, въ вѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ своихъ частяхъ, традиціонныя и, такъ сказать, официальные записки, которыя въ студенческія времена самого еще Димитрія служили руководствомъ для подготовки студентовъ къ экзаменамъ?

Какъ бы то, впрочемъ, ни было и кому бы лекціи эти ни принадлежали, въ сборникѣ онѣ занимаютъ 40% листовъ и если бы ихъ напечатать, едва ли бы составили книжку по объему равную пятому, самому малому, тому Догматики Макарія. Въ такой же пропорціи изложеніе и отдѣльныхъ трактатовъ и частныхъ пунктовъ въ лекціяхъ сборника короче изложенія соответствующихъ трактатовъ Догматики Макарія. Отсюда, самый уже объемъ этихъ лекцій исключаетъ возможность предположенія о заимствованіяхъ изъ подобнаго рода источника, которыми бы преосвященный Макарій воспользовался при составленіи своей Догматики. И дѣйствительно, самое тщательное сличеніе ихъ съ Догма-

тякою Макарія не открываєть ни малѣйшаго слѣда зависимости, въ которой бы она стояла къ этимъ лекціямъ.

Наконецъ, счастливый случай доставилъ намъ возможность приобрѣсти рукопись несомнѣнно уже подлинныхъ лекцій Дмитрія. Рукопись доставлена намъ зрителемъ Роменскаго духовнаго училища, протоіереемъ А. М. Ельчужковымъ, воспитанникомъ XVI курса Кіевской академіи (1849—1853 г.). XVI курсъ не былъ уже слушателемъ Дмитрія, отбывшаго въ началѣ 1851 г. на епископскую кафедру въ 'Гулу'), и лекціи его могли быть переписаны съ готоваго экземпляра студентомъ этого курса подъ вліяніемъ не остывшаго еще впечатлѣнія, которое производила на академическую семью глубоко-симпатичная личность Дмитрія. Приносимъ достопочтенному о. протоіерею А. М. Ельчужкову глубокую благодарность за доставленіе намъ своей рукописи, представляющей собою пока *единственный*, имѣющійся у насъ подъ руками, экземпляръ записокъ, знакомшихъ насъ *наиболье полно* съ догматическими чтеніями Дмитрія.

Рукопись эта занимаетъ 95 полулистовъ, писана четырьмя различными почерками, подчасъ съ неправильностями, особенно въ написаніи собственныхъ именъ (Воснаръ, вм. Баснажъ, Германдъ, вм. Бернاردъ, Аквилать, вм. Аквинать, Бельминъ, вм. Белларминъ, и т. п.) и въ пунктуациі, — тексты св. писанія приводитъ почти постоянно въ одномъ только начальномъ словѣ и безъ цитатъ: все это можно, вѣроятно, отнести на счетъ переписчиковъ. Но рукопись часто представляетъ развитіе мысли, въ которомъ очевидно недостаетъ посредствующихъ моментовъ, что

¹⁾ На одной изъ имѣющихся у насъ тетрадей, содержащихъ въ себѣ часть лекцій Дмитрія, записанныхъ студентомъ XV курса (1847—1851 г.) Михаиломъ Филаретовичемъ, бывшимъ впоследствии ректоромъ Кіевской академіи Филаретомъ, имѣется слѣдующая помѣтка: *27 Января 1851-го года была сказана сія послѣдняя лекція Р. Ак. Архим. Дмитріемъ.*—Предметомъ лекціи было изложеніе ученія о дѣйствіяхъ благодати—покаяніи, вѣрѣ, добрыхъ дѣлахъ.

должно быть отнесено уже на счет того оригинала, съ котораго она списана, и можетъ служить признакомъ, что сакій оригиналъ этотъ записанъ со словъ Димитрія, въ аудиторіи. Въ виду всего этого рукопись требуетъ многихъ исправленій, справокъ, провѣрокъ и вообще значительной редакторской услуги, прежде чѣмъ могла бы быть издана. Но особенно пожалѣть надобно о томъ, что рукопись содержитъ левціи Димитрія съ значительными пропусками, образовавшимися не отъ того, что нѣкоторые листы рукописи утратились, а отъ того, что при написаніи ея нѣкоторыхъ листовъ недоставало въ самомъ подлинникѣ.

Наличное содержаніе ея слѣдующее. Введеніе въ догматику, въ частности: опредѣленіе догмата; возможность догматики, какъ науки, а) со стороны разума, б) со стороны намѣренія первыхъ проповѣдниковъ христіанской вѣры, которые повидимому шли наперекоръ наукъ (1 Кор. II, 5), в) со стороны самыхъ догматовъ; предосторожности, какія должна наблюдать эта наука; можетъ ли она совершенствоваться и въ какомъ отношеніи, если можетъ; какъ произошло и дошло до насъ христіанское вѣроученіе; какой объемъ его; главное содержаніе догматовъ вѣры и главный предметъ догматики; расположеніе частей науки; исторія догматики. Часть 1. Важность богопознанія по отношенію къ нашей жизни, вѣрѣ и будущности; какъ приходимъ мы къ познанію Бога? что говоритъ о Богѣ св. писаніе? Ученіе о существѣ Божіемъ и свойствахъ Божіихъ; ученіе о Троицѣ, на основаніи св. писанія, — твореній Іустина, — Аѳинагора, — Феофила антиохійскаго, — Климента александрійскаго, — Тертулліана, — Оригена, — ученіе о Троицѣ въ борьбѣ съ аrianствомъ и македоніанствомъ, — послѣ третьяго вселенскаго собора до IX в., — происхожденіе Filioque, — ученіе о Троицѣ въ протестантствѣ; какъ понпмать троичность? — Ученіе о дѣйствіяхъ триипостаснаго Божества: о твореніи. *Есть только начало этого трактата, который затѣмъ весь отсутствуетъ; отсутствуетъ также и слѣдующій трактатъ о промыслѣ Божіемъ. Прерван-*

ная рѣчь начинается вопросомъ: Великъ ли міръ, гдѣ дѣйствуетъ Богъ, какъ Творецъ и Промыслитель, и какія это существа, которыя Имъ сотворены и о которыхъ Онъ промышляетъ? И затѣмъ излагается ученіе объ ангелахъ: что такое ангелы? есть ли они? что за существа они? какое ихъ отношеніе ко всей вселенной и человѣку? О злыхъ духахъ: чѣмъ пали они? какъ относятся къ человѣку? каково ихъ нравственное состояніе? какъ можно представить себѣ, что діаволъ не можетъ уже перемѣнить свое положеніе? О человѣкѣ: цѣль бытія человѣка, какъ основаніе и побудительная причина особеннаго смотрѣнія Бога о человѣкѣ,—первобытное состояніе человѣка,—паденіе и слѣдствія паденія по отношенію къ самимъ прародителямъ и всему ихъ потомству,—ученіе о первоначальномъ грѣхѣ. *Потомъ начинается снова пропускъ, послѣ котораго рѣчь открывается* месіанскими пророчествами псалмовъ и *говорится* даже о пророчествахъ Исаи (весьма подробно), Іереміи, Іезекіиля, Давида (подробно), Іоили, Михея, Захаріи и Аггея,—о прообразованіяхъ и приготовленіи оставшаго человѣчества,—о лицѣ І. Христа. *Опять пропускъ: пропущенно о двоякомъ состояніи Іисуса Христа и Его пророческомъ служеніи, послѣ чего рѣчь начинается снова и говорится* о первосвященническомъ и царскомъ служеніи І. Христа,—о царствѣ І. Христа, или о земной церкви,—о главной силѣ, дѣйствующей въ церкви, или о благодати, ея отношеніи къ свободѣ (очень подробное историческое обозрѣніе вопроса) и ея дѣйствіяхъ,—о средствахъ благодати: о (слово *Божіе*—пропущено) таинствахъ вообще и въ частности о крещеніи, миропомазаніи, евхаристіи, покаяніи (объ остальныхъ пропущено),—о лицахъ, чрезъ которыя подается благодать таинствъ, или объ іерархіи,—о взаимномъ общеніи членовъ царства Христова,—о смерти,—о частномъ судѣ,—о состояніи душъ до страшнаго суда,—о нашихъ отношеніяхъ къ умершимъ,—о почитаніи и призваніи святыхъ,—о почитаніи ихъ иконъ, мощей и другихъ останковъ,—о состояніи церкви воинствующей до послѣдняго суда.—На этомъ рукопись заканчивается.

Изъ этого обзора состава нашей рукописи видно, что и въ настоящемъ своемъ видѣ она можемъ вполне хорошо знакомить съ характеромъ и содержаніемъ догматическихъ чтеній Димитрія. О внутренней сторонѣ этихъ чтеній мы пока не будемъ говорить: это составляетъ предметъ особой статьи, которая готовится нами для печати. Въ настоящій же разъ мы хотѣли бы только печатно заявить, что всѣ сужденія и толки о какихъ бы то ни было заимствованіяхъ, которыя будто бы вошли въ Догматику преосвященнаго Макарія изъ лекцій преосвященнаго Димитрія, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Набрасывая совершенно безвинно тяжелое нареканіе на свѣтлое ученое имя высокопреосвященнаго Макарія, сужденія этого рода едва ли прибавляютъ славы и высокопреосвященному Димитрію, потому что правъ на славу ищутъ для него на сторонѣ, какъ будто на эту славу нѣтъ у него правъ собственныхъ.

М. Ястребовъ.

АНАТОЛІЙ МАРТЫНОВСКІЙ,

архієпископъ моголевскій и истиславскій

И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ ¹⁾.

Раскольническія поселенія въ предѣлахъ Моголевской епархіи: Вѣтка и др. Дѣйствія преосв. Анатолія, направленныя къ воссоединенію раскольниковъ съ православною церковію: собесѣдованія и проповѣди во время объѣздовъ епархіи, посланія къ раскольникамъ; чинъ молебствія объ обращеніи ихъ. Старанія о полицейскихъ мѣрахъ противъ раскольниковъ. Послѣдующая мысль преосв. Анатолія о ненадежности этихъ мѣръ и преимуществъ мѣръ духовныхъ.—Римско-католики и р.-к. пропаганда въ Моголевской епархіи. Дѣйствія преосв. Анатолія, направленныя къ борьбѣ съ нею и къ охранѣ православія. Сочиненія его, писанныя съ этою цѣлію; затрудненія и огорченія по изданію ихъ; усвоеніе ему степени доктора богословія. Крестные ходы, установленныя преосвященнымъ въ противодѣйствіе вліанію подобныхъ латинскихъ торжествъ. Противодѣйствіе умноженію р.-к. костеловъ, капищъ и под. Наблюденіе за браками лицъ православнаго исповѣданія съ р.-католиками. Мѣры относительно сограждаемыхъ въ латинство. Проекты другихъ мѣръ противъ р.-к. пропаганды и для охраны православія.—Частная жизнь преосв. Анатолія во время его моголевскаго архіепастырства.—Увольненіе на покой по прошенію.

Начало раскольническихъ поселеній въ Моголевской епархіи относится къ 1685 г., когда бѣжавшіе изъ Велико-россіи раскольники поповщинскаго толка основали свою слободу на о. Вѣтѣ, на р. Сожѣ въ Гомельскомъ уѣздѣ Моголевской области, въ имѣніи пана Халецкаго. Слобода быстро росла, пополняясь новыми выходцами, и въ 1695 г. въ ней на мѣсто малой молебни построена Покровская церковь съ до-никоновскимъ иконостасомъ, который былъ выкраденъ въ Калугѣ и принесенъ въ Вѣтку бѣглымъ попомъ-раскольниковомъ Θεодосіемъ. Вѣтка пріобрѣла теперь еще большую славу у раскольниковъ и еще болѣе разрослась. Съ 1715 г. у вѣтковцевъ уже является мысль о сво-

См. Труды Киев. Дух. Академіи, апрѣль, 1886 г.

емъ архіереѣ, какого, послѣ многихъ помысловъ, они наконецъ и добываютъ себѣ въ лицѣ известнаго лжеархіерея Епифанія, привезеннаго на Вѣтку въ 1734 г. Въ эту пору на Вѣткѣ насчитывалось уже до 40.000 раскольниковъ. Но съ мнимымъ архіерействомъ настали и бѣды на вѣтковцевъ. Возникли внутренніи смуты вслѣдствіе сомнѣній и пререканій относительно доброкачественности новаго архіерея. А въ слѣдующемъ 1735 г., по распоряженію русскаго правительства, полковникъ Сытинъ съ военною силою окружилъ Вѣтку, захватилъ Епифанія и отправилъ въ Кіевъ, также разныхъ раскольническихъ отцовъ и всѣхъ слобожанъ въ числѣ до 40 000 и большую часть ихъ вывелъ во внутреннюю Россію. То была *первая Вѣтковская выгонка*. Но Вѣтка, какъ мѣстность зарубежная, опять заселилась бѣглыми раскольниками, и въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII в. ихъ было здѣсь уже до 20.000. Въ 1764 г. послѣдовала *вторая выгонка* вѣтковцевъ, которые, по распоряженію русскаго правительства, выведены были генераломъ Масловымъ во внутреннюю Россію. Въ 1772 г. и весь край Бѣлорусскій возвращенъ отъ Польши къ Россіи и для Вѣтки миновало время зарубежнаго приволья. За то русское правительство стало свиходительнѣе къ раскольникамъ. Вѣтка, хотя и не достигла прежней многолюдности, но не опустѣла и осталась однимъ изъ немаловажныхъ притоновъ раскола. Были въ окрестныхъ мѣстахъ и другія, также довольно давно основавшіяся, поселенія раскольническія, какъ въ Гомелѣ и подъ Гомелемъ, въ урочищѣ Боровичахъ и друг. Въ 40-хъ годахъ XIX в. всѣхъ раскольниковъ въ Могилевской епархіи насчитывалось свыше 10.000¹⁾.

Съ первыхъ же поръ по прибытіи на Могилевскую епархію преосвящ. Анатолій обратилъ вниманіе на этихъ

¹⁾ Въ донсеніи преосв. Анатолія Св. Синоду о состояніи Могилевской епархіи за 1847 г. значится всѣхъ раскольниковъ въ ней, преимущественно поповщинскаго толка, муж. пола 5315, женскаго пола 5471. Рукоп. муз. Кіевск. дух. академіи.

мѣстныхъ раскольниковъ, особенно вѣтковцевъ, продолжавшихъ удерживать остатки былого вліянія своего среди окрестнаго старообрядства. Нерѣдко во время своихъ поѣздокъ по епархіи преосвященный заѣзжалъ въ Вѣтку съ нарочитою цѣлію—побесѣдовать съ раскольниками. Между нимъ и раскольниками, стекавшимися къ пріѣзду его во множествѣ, происходило такимъ образомъ вѣчто въ родѣ преній или собесѣдованій о вѣрѣ.

Основательное знакомство преосвящ. Анатолія съ исторіей и ученіемъ раскола, а равно практическая подготовка его въ обращеніи съ раскольниками (пріобрѣтенная имъ еще въ бытность викаріемъ пермскимъ), облегчали ему трудъ выяснять неразумнымъ ихъ неразуміе и освѣщать для нихъ правоту церкви, ихъ изобличающей. Не маловажное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло, конечно, и самое обхожденіе съ раскольниками преосв. Анатолія, всегда кроткое и привѣтливое. Съ цѣлію обращенія на путь истинны заблудшихъ сыновъ церкви были производимы преосвященнымъ и проповѣди въ церквахъ приходоѡ, имѣвшихъ населеніе и изъ раскольниковъ. Въ собраніи проповѣдей преосвященнаго мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ поученій, произнесенныхъ имъ во время посѣщенія приходоѡ съ раскольничьими поселеніями¹⁾. Въ нихъ преосвященный Анатолій на основаніи св. Писанія, а также исторіи, старался показать лживость ученія и незаконность іерархіи мнимыхъ старообрядцевъ. Но не однимъ только изустнымъ словомъ—въ формѣ собесѣдованій и проповѣдей—старался преосвященный вразумлять приверженцевъ раскола: онъ писалъ имъ и пастырскія посланія, которыя издавалъ въ печати въ „Христіанскомъ Читеніи“ и отдѣльными брошюрами²⁾. Въ

¹⁾ См. третью и пятую части сборника проповѣдей пр. Анатолія.

²⁾ Такъ, наприимѣръ, вышло отдѣльной брошюрой „Посланіе Анатолія къ почетнѣйшимъ мнимымъ старообрядцамъ Спасовой Гомельской слободы“, находящейся въ Могилевской губ. Посланіе это напечатано въ Христ. Чит. за 1855 г., т. I, стр. 92.

своихъ посланіяхъ къ раскольникамъ преосвященный съ возможною полнотою и обстоятельностью разсматриваетъ толки послѣднихъ, доказывая ихъ неправоту и несообразность. Съ какою ревностію относился онъ къ произведеніямъ подобнаго рода, съ этимъ нѣсколько знакомить насъ лицо, стоявшее близко къ архипастырю (домашній врачъ его докторъ Пирожковъ): „въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, рассказываетъ это лицо, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ вѣтковскимъ раскольникамъ. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотчасъ послѣ того, какъ они являлись изъ-подъ его неуставнаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія“¹⁾. Движимый своею ревностію, преосвященный составилъ еще чинъ молебствія объ обращеніи раскольниковъ въ вѣдра православія.

По мысли преосвященнаго, учрежденіе въ церквахъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій объ обращеніи ихъ въ вѣдра церкви послужило бы къ утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Въ своемъ письмѣ къ архіепископу смоленскому Антонію преосвященный, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее по поводу указаннаго молебствія. „Мысль эта, пишетъ онъ, возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссіонерамъ латинской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссіонерамъ правиломъ ежедневно совершать миссу съ интенціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣрныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Вслѣдствіе сего я

¹⁾ Кіевская Старина. 1883 г., іюль.

написалъ въ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Макарію (впоследствии — московскій митрополитъ), что полезно было бы написать ектеніи и вообще составить молебствіе, похожее на то, какое было употребляемо во время холеры, для возгласенія моленій объ обращеніи въ вѣдра церкви раскольниковъ. Преосвященный Макарій доложилъ объ этомъ пр. митрополиту петербургскому, блаженной памяти Григорію, и оба вполне одобрили мое предположеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я съ жаромъ принялся за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, также прокимны и причастенъ, и все это представилъ св. Синоду. Что же? Рукопись мою схватилъ, говорятъ, святѣйшій Сербиновичъ и проглотилъ¹⁾. Изъ донесенія Анатолія оберъ-прокурору Св. Синода видно, что успѣху составленнаго Анатоліемъ молебствія помѣшала неожиданная кончина митрополита петербургскаго Григорія, взявшаго рукопись Анатоліеву подъ свое покровительство. Что случилось съ проектомъ пр. Анатолія по смерти митрополита, этого, какъ видно изъ того же донесенія, нашъ архипастырь и самъ не зналъ; черновая же рукопись его какъ-то затеряна²⁾.

Но преосвященный не довольствовался одними духовными мѣрами въ отношеніи раскольниковъ. Пылкая натура его не могла мириться съ медленнымъ, хотя и несомнѣннымъ дѣйствіемъ этихъ мѣръ; и вотъ — въ своихъ представленіяхъ Св. Синоду онъ находить нужнымъ употребленіе противъ нихъ полицейскихъ мѣръ. Необходимость мѣръ послѣдняго рода преосвященный мотивировалъ тѣмъ, что такъ называемое старовѣріе есть ничто иное, какъ стремленіе рас-

¹⁾ Сербиновичъ, извѣстный директоръ канцелярїи оберъ-прокурора Свят. Синода графа Протасова, былъ въ свое время очень силенъ.

²⁾ См. черновое донесеніе Анатолія оберъ-прок. Св. Синода. Рукопись муз. Б. Д. А. Въ числѣ бумагъ Анатолія, принадлежащихъ Церк.-арх. муз. Б. Д. А.к., есть, между прочимъ, черныя молитвы объ обращеніи раскольниковъ въ вѣдра православія. Вѣроятно эта молитва была одною изъ составныхъ частей молебствія Анатоліева.

колыбняковъ подѣ религіознымъ покровомъ къ независимости отъ законовъ гражданскихъ и церковныхъ. Подчиненіе ихъ, поэтому, гражданскимъ законамъ содѣйствовало бы, по мнѣнію преосвященнаго, подчиненію и—церковнымъ. „До тѣхъ же поръ, пишетъ онъ въ донесеніи Св. Синоду отъ 1847 г., пока раскольники не будутъ подчинены гражданскимъ законамъ, всякое покушеніе привлечь ихъ въ нѣдра св. церкви не только останется тщетнымъ, но даже болѣе будетъ ожесточать ихъ въ противленіи церкви, оболъщая простѣвшихъ изъ нихъ мыслию, будто они преслѣдуются за исповѣданіе старой вѣры, а не за нарушеніе гражданскихъ законовъ“¹⁾. Въ этомъ смыслѣ преосвященнымъ Анатоліемъ не разъ были составляемы и вносины, куда слѣдовало, докладныя записки. Но не смотря на заявленіе преосвященнаго, въ Могилевской губерніи почему-то не предпринималось никакихъ мѣръ противъ раскольниковъ (по крайней мѣрѣ до 1847 г.), хотя въ раскольниковыхъ слободахъ Черниговской губерніи повсемѣстно учреждался особый надзоръ за раскольниками. Это обстоятельство весьма огорчало преосвященнаго Анатолія, вызывая въ немъ постоянныя жалобы на равнодушіе къ судьбѣ раскола со стороны высшей администраціи. Насколько основательны были эти жалобы, насколько вообще надежны или необходимы были рекомендуемыя преосвященнымъ мѣры противъ раскольниковъ, обсуждать этого не ставемъ. Пospѣвшимъ присовокупить, что къ мысли о ненадежности или нецѣлесообразности полицейскихъ мѣръ противъ раскола пришелъ повидимому и самъ преосвященный послѣ своей многолѣтней практики по обращенію раскола. Будучи уже на покойѣ, въ Бессарабіи, онъ, между прочимъ, писалъ архіепископу смоленскому Автонію слѣдующее: „обыкновенныя наши средства къ вражужденію раскольниковъ безуспѣшны преимущественно по-

---

¹⁾ См. донесенія Анатолія Св. Синоду о состояніи церквей и монастырей Могилевской епархіи за 1845-й, 6-й и 7-й годы. Ркп. нв. в. д. а.

тому, что епархіальныя начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это надо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства“¹⁾). Слова преосвященнаго—„надо дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали апостолы“,—высоко знаменательны, какъ выражающія собою послѣднюю мысль испытаннаго годами и жизнью борца съ расколомъ. Думаемъ, что присутствію этой мысли въ болѣе счастливыхъ дѣйствіяхъ преосвященнаго по отношенію къ старообрядцамъ Могилевская епархія обязана тѣми, хотя и не особенно значительными, обращеніями ихъ къ единенію съ св. православною церковію, какія извѣстны за время управленія его Могилевскою епархіею²⁾). Упомянемъ наконецъ, что преосвященный Анатолій заботился объ успѣхахъ единовѣрія среди старообрядцевъ, какъ видно изъ его покровительства Мазарьеву единовѣрческому монастырю близъ г. Бѣлицы. Этому монастырю въ 1845 г. переданы штатная сумма, угодья и церковныя вещи изъ упраздненнаго Чонскаго монастыря (Извлеченіе изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1846 г.).

Еще болѣе озабоченъ былъ преосвященный вопросомъ о римскомъ католицизмѣ въ своей епархіи, восходя отъ этого мѣстнаго вопроса до болѣе широкихъ сбщихъ размышленій объ отношеніи римской церкви ко всей вообще православной церкви и ко всему христіанскому міру. Капитальный, учено-литературный трудъ его по этому предмету займетъ насъ во второй части настоящаго сочиненія. Теперь ограничимся характеристикой обстоятельствъ, вызвавшихъ

¹⁾ Письмо къ арх. смоленскому Антонію. Киев. Стар. 1884 г. іюнь, стр. 236.

²⁾ За время архипастырства Анатолія въ Могилевской епархіи съ 1844 по 1860 г., присоединилось къ православной церкви всего, впрочемъ, около 1000 раскольниковъ. См. Отчеты Оберъ-прокурора Св. Синода за эти годы,

этотъ трудъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ характеристикой практическихъ отношеній римскаго или латинно-польскаго католицизма къ русскому православію во время преосвященнаго Анатолія и въ его Могилевской епархіи, вліявшихъ на образъ мыслей и дѣйствій преосвященнаго, какъ поборника православія противъ римско-католической пропаганды.

Время архіерейскаго служенія Анатолія въ Могилевской епархіи совпало съ усиленнымъ дѣйствіемъ въ этомъ краѣ латинно-польской пропаганды. Такъ называемый ультрамонтанизмъ, провозглашающій господство своего папы и частной римской церкви надъ всѣми правительствами, частными церквями и народами міра, широко раскинулъ свои сѣти по всему югозападному краю Россіи. Издаваемая въ Европѣ (большею частію на французскомъ языкѣ) разныя антиправославныя сочиненія ультрамонтанистовъ разными темными путями стали проникать и въ наше отечество. Особенному успѣху такихъ сочиненій среди русскаго образованнаго общества содѣйствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что они издавались подъ заманчивыми названіями, въ уютныхъ форматахъ, и съ такою типографскою опрятностію, что какъ бы невольно завлекали любопытство читателей. Будучи близко знакомъ съ религіознымъ настроеніемъ образованнаго общества Могилевской губерніи, преосвященный видѣлъ, какой громаднй вредъ для православія приносило чтеніе подобныахъ книгъ. Онъ лично удостовѣрился въ томъ, что равнодушіе высшаго сословія къ православному исповѣданію вѣры проистекало, главнымъ образомъ, отъ чтенія религіозныхъ книгъ и книжечекъ (на французскомъ и др. языкахъ), коими наводнены были западныя губерніи. Какъ ревностный пастырь вѣреннаго его попеченію стада Христова, преосвященный не могъ не обратить серьезнаго вниманія на такое положеніе дѣлъ. Скорбя душевно о вторженіи въ его стадо чуждыхъ ему овецъ, онъ въ то же время пріискивалъ способы, коими можно было бы оградить послѣднее отъ чужого вліянія. Однимъ изъ най-

удобнѣйшихъ и въ то же время дѣйствительныхъ средствъ противъ враговъ православія было безъ сомнѣнія печатное слово. И вотъ съ дѣлю наилучшимъ образомъ воспользоваться этимъ надежнымъ оружіемъ, преосвященный старался пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ къ тому, чтобы собрать (особенно во время поѣздокъ по епархіи) необходимыя для него свѣдѣнія и матеріалы. При всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ, онъ просматривалъ богатыя бібліотеки польскихъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Въ видахъ удобнѣйшаго пользованія книгохранилищами католиковъ, скрывавшихъ обыкновенно свои книжныя сокровища отъ любопытнаго взора православныхъ, Анатолій старался заслужить расположеніе, а затѣмъ и довѣріе первыхъ. Справедливость требуетъ сказать, что большею частію ему и удавалось достигнуть этого; такъ, довольно извѣстенъ фактъ, что преосвященный пользовался благорасположеніемъ жившаго въ г. Могилевѣ прелата Ласки, поддерживалъ дружескія сношенія съ нимъ, благодаря которымъ Анатолій имѣлъ широкій доступъ и въ богатая книгохранилища этого прелата.

Результатомъ долготѣннаго изученія преосвященнымъ религіознаго состоянія западнаго края Россіи въ связи съ латино-польской литературой, направленной противъ православія, явились два извѣстныхъ сочиненія Анатолія: одно историческое „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ (вышло въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Авдія Востокова въ 1857 г.) и другое догматическое—„Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“. (Изд. въ 1848 г.). Какъ то, такъ и другое сочиненія Анатолія должны были по мысли автора служить противоядіемъ латино-польской пропагандѣ; первое, по преимуществу отрицательнымъ путемъ—черезъ разоблаченіе козней папизма, а второе—положительнымъ—посредствомъ доставленія обществу чтенія въ строго православномъ духѣ. Насколько удовлетворяло потребности

общества чтеніе поименованныхъ нами сочиненій преосвященнаго, въкоторое понятіе объ этомъ можетъ дать намъ хотя бы то, что, скоро по выходѣ въ свѣтъ перваго историко-полемическаго сочиненія Анатолія, потребовалось вторичное изданіе его (въ 1864 г.); сочиненіе же, извѣстное подъ именемъ „Вѣра, надежда и любовь“ выдержало цѣлыхъ пять изданій. Не смотря однако на несомнѣнную полезность указанныхъ сочиненій преосвященнаго Анатолія (что мы яснѣе увидимъ во 2-й ч. сочиненія), нельзя сказать, чтобы въ изданіи ихъ преосвященный не встрѣтилъ никакихъ препятствій. Есть основанія, напротивъ, думать, что въ изданіи своихъ сочиненій онъ встрѣтилъ затрудненія и притомъ весьма сильныя. Это были затрудненія со стороны цензуры, тогда очень строгой. Вопли нашего архипастыря противъ цензуры составляютъ содержаніе многихъ писемъ его. „Въ вашей церкви, пишетъ Анатолій одному изъ своихъ корреспондентовъ, съ 1812 г. (по 1822 г.) не явилось и десяти новыхъ назидательныхъ и полезныхъ книгъ ни для народнаго употребленія, ни для пастырей ея; съ того времени нашей духовной цензурѣ даны такія правила для руководства, что каждый цензоръ по произволу могъ одобрить для напечатанія, или нѣтъ, всякое сочиненіе. Даже въ Св. Синодѣ погибли невосвратно многія препозелныя для церкви сочиненія; многія такія сочиненія не узрѣли свѣта Божія потому только, что разсматривавшіе ихъ дали объ нихъ мнѣніе, что читатели ихъ могутъ о томъ или другомъ подумать то-то и то-то, хотя бы во вѣки, кромѣ разсматривавшаго, не подумали этого. Многія рукописи, не одобряемыя, напр., одною духовною цензурою, были одобряемы другою цензурою или чрезъ годъ тою же самою; многія сочиненія, одобренныя къ напечатанію, не одобрялись тою же цензурою, безъ всякой причины, для втораго изданія. Въ самомъ Синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! время

сочинять! видно, нечего ему дѣлать!“ а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ“,—и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви, со всею ревностію и самоотверженіемъ. И вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній оплевываются желчію даже такія сочиненія, въ которыхъ церковь имѣетъ вопіющую нужду... При мысли, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патриаршею властію свѣтскія лица, служащія при Св. Синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христіанское Чтеніе“..., нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едва ли враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна!¹⁾

Приведенный отрывокъ изъ письма преосвященнаго Анатолія, какъ видитъ читатель, не чуждъ нѣкоторой рѣзкости въ выраженіяхъ; но она объясняется чувствомъ горечи, какое испытывалъ впечатлительный ратоборецъ за православіе вслѣдствіе какъ бы неожиданныхъ помѣхъ его трудамъ. Особенно много хлопотъ причинило преосвященному изданіе его историческаго труда „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“. Въ изданіи этого сочиненія онъ встрѣчалъ препоны на каждомъ шагу: сначала оно разсматривалось въ С.-Петербургскомъ комитетѣ духовной цензуры, а затѣмъ поступило на разсмотрѣніе Св. Синода. Когда сочиненіе поступило въ вѣдѣніе Св. Синода, то преосвященный съ цѣлю ускорить печатаніе его, а можетъ быть, и изъ опасенія за благополучный исходъ начатаго имъ дѣла, просить покровительства себѣ у оберъ-прокурора Св. Синода. Въ письмѣ къ нему, послѣ обычнаго привѣтствія съ праздникомъ Рождества Христова, преосвященный такъ пишетъ:

¹⁾ Киевская Старина. 1882 г., май, стр. 232.

„Вмѣстѣ съ симъ (привѣтствіемъ) повергаю покорнѣйшее прошеніе объ оказаніи благоснисхожденія по возвращеніи на мои записки о римской церкви, которыя прошли уже съвозъ духовную цензуру С.-Петербургскаго комитета и должны теперь поступить въ Св. Синодъ. Ваше Высочайшее покровительство! Окажите благодѣтельное покровительство тѣмъ запискамъ. Видя, что весьма многія сочиненія западныхъ враговъ нашей церкви наполнены самыми гнусными на нее клеветами, невозбранно ходять по рукамъ, болѣзную душу и сердцемъ, что въ Могилѣвской епархіи лица значительныхъ мѣстныхъ семействъ совращаются въ латинство, я, при тягостныхъ моихъ занятіяхъ по званію, выкупалъ время безсонницами, и такимъ образомъ составилъ тѣ записки въ полномъ убѣжденіи, что онѣ хотя малую пользу принесутъ для послѣдователей нашей церкви еще отъ нея не отчуждившихся; что нѣкоторыхъ свѣдѣній, прописанныхъ въ тѣхъ запискахъ, писателю, живущему въ великой Россіи, и на мысль бы не пришло искать въ тѣхъ книгахъ, въ которыхъ мною онѣ найдены“¹⁾). Усиленные хлопоты преосвященнаго Анатолія по напечатанію имъ своихъ сочиненій увѣнчались въ концѣ концовъ полнымъ успѣхомъ: какъ намъ уже извѣстно, вышедшія изъ - подъ его пера произведенія узрѣли свѣтъ Божій, сдѣлавшись достояніемъ общества. Справедливость требуетъ сказать, что усердіе и ревность преосвященнаго въ печатаніи имъ литературныхъ трудовъ своихъ не остались безъ награды: они нашли себѣ достойныхъ дѣятелей, какъ въ обществѣ, охотно читавшемъ сочиненія преосвященнаго, такъ главнымъ образомъ въ коллегіи ученыхъ. За свое историческое сочиненіе „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ преосвященному Анатолію, по опредѣленію конференціи Кіевской духовной

¹⁾ Письмо къ оберъ-прокур. Св. Синода 1856 г. Рук. Церк. - арх. мз. К. Д. Ак.

академіи, усвоена степень доктора богословія. Извѣстно, что въ тогдашнее время весьма немногіе избранные изъ духовныхъ ученыхъ достигали этой степени.

Кстати упомянуть, что о докторской степени для преосвященнаго Анатолія позаботился особенно тогдашній ректоръ Кіевской академіи, преосвященный Антоній Амфитеатровъ¹⁾. Послѣдній издавна находился въ самыхъ искреннихъ и задушевныхъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ Анатоліемъ Мартыновскимъ. Онъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, въ которой раскрывалъ свои идеалы и взгляды по многимъ вопросамъ церкви²⁾. Съ какимъ участіемъ онъ относился къ дѣлу о докторствѣ Анатолія, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ писемъ его (Антонія). „Мы съ о. протоіереемъ Иваномъ Михайловичемъ Скворцовымъ, такъ писалъ преосвященный Антоній въ Петербургъ въ 1858 г., вошли запискою въ нашу конференцію и предложили просить автору записокъ о римской церкви докторскаго креста. Не знаю только, утвердить ли журналъ владыка. А кому же послѣ этого украшаться этимъ отличіемъ, какъ не сочинителямъ подобныхъ книгъ? Думаю, что и въ Питерѣ не имѣютъ причинъ отказать“. Въ декабрѣ 1859 г. преосвященный Антоній, уже получившій тогда назначеніе въ Смоленскъ, писалъ въ Петербургъ: „путь мой въ Смоленскъ устроится вѣрно не ранѣе праздника Рождества Христова и будетъ чрезъ Могилевъ, чтобы имѣть утѣшеніе видѣться съ добрѣйшимъ архипастыремъ тамошнимъ, будущимъ моимъ сосѣдомъ. Давно уже пошло у насъ дѣло о докторствѣ его и преосвященнаго черниговскаго (извѣстнаго ученаго Филарета Гумилевскаго, бывшаго архіепископомъ

¹⁾ Антоній Амфитеатровъ ректоръ Кіевской академіи съ 1851—1859 г., съ конца 1859 г. епископъ смоленскій и наконецъ архіепископъ казанскій.

²⁾ Одно письмо, касающееся вопроса о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, обнародовано Л. С. Мацѣвичемъ въ Труд. Кіев. Дух. Акад. за 1883 г., № 7; три другія письма помѣщены въ 48 №№ Церк. Вѣстника, изд. при Слб. дух. акад. за 1883. Ч. неоффиц.

черниговскимъ съ 2 мая 1859 г. и умершаго 9 августа 1866 г.). Узнайте пожалуйста, рѣшено ли это, и намъ бы прислали кресты въ конференцію, если только не прямо пошлютъ къ нимъ,—такъ чтобы можно было мнѣ лично обоимъ имъ доставить по дорогѣ въ Смоленскъ¹⁾). Но послѣднему желанію преосвященнаго Антонія не суждено было осуществиться, такъ какъ утверженіе Анатолія въ степени доктора богословія послѣдовало немного позже описываемаго времени, въ 1860 году. Въ іюль мѣсяцѣ этого года ректоръ Кіевской духовной академіи архимандритъ Іоанникій препроводилъ преосвященному Анатолію и докторскій дипломъ, увѣнчавшій собою ученныя заслуги послѣдняго²⁾).

Преосвященный Анатолій не ограничивался одною теоретическою дѣятельностью въ защиту православія; въ предѣлахъ ввѣренной ему власти онъ дѣйствовалъ на пользу его и нѣкоторыми практическими мѣропріятіями. Такъ напр., съ цѣлію отвлечь вниманіе православныхъ отъ латинскихъ торжествъ, совершавшихся въ праздникъ „Божіяго Тѣла“ и друг., онъ старался устраивать новые крестные ходы или возстановлять существовавшіе древніе, но забытые. Такъ имъ возстановлены древніе крестные ходы съ чудотворною Тупичевскою иконою Божіей матери—наканунѣ праздника св. Николая изъ Тупичевского монастыря въ могилевскій Никольскій и въ день отданія Пасхи изъ Никольскаго монастыря въ Мазаловскій. Въ память воссоединенія униатовъ совершался особый крестный ходъ съ тою же иконою изъ Мазаловскаго монастыря въ мстиславскій, откуда въ 14 день августа икона обратно переносилась въ Тупичевскій монастырь. Въ особенности же архипастырь считалъ необходимымъ поддерживать обычай крестныхъ ходовъ въ приходахъ воссоединенныхъ изъ униі, гдѣ сильнѣе было влія-

¹⁾ Церковный Вѣстникъ, изд. при С.-Петербургской дух. акад. № 48, ноябрь мѣсяцъ, 1883 г. Часть неоффиц. стр. 3.

²⁾ Дипломъ этотъ былъ отосланъ преосв. Анатолію при отношеніи, которое пишется въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. Д. А. вѣстѣ съ др. бумагами преосвященнаго.

ніе католицизма. Введеніе этого обычая по возможности воюду принесло бы, по мнѣнію преосвященнаго, „пріятные для церкви плоды и имѣло бы благотворное вліяніе не только на православныхъ, но и иновѣрцевъ“¹⁾). Въ этомъ смыслѣ преосвященный неоднократно писалъ и Св. Синоду, прося у него разрѣшенія на устройство въ епархіи крестныхъ ходовъ. Памятникомъ дѣятельности преосвященнаго въ этомъ родѣ служатъ существующіе и по настоящее время крестные ходы во многихъ приходахъ и монастыряхъ Могилевской губерніи (оршанскій, мстиславскій монастырь и друг.). Кромѣ этой мѣры преосвященный старался противодѣйствовать латинянамъ и другими способами: по мѣрѣ возможности препятствовалъ постройкѣ новыхъ костеловъ, каплицъ, олій и т. п. Просматривая резолюціи преосвященнаго по дѣламъ этого рода, мы не разъ встрѣчались съ (прописаннымъ въ нихъ) мнѣніемъ его о ненадобности постройки новаго костела въ томъ или другомъ мѣстѣ и на ряду съ этимъ — необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ обновленію или постройкѣ православныхъ церквей²⁾). Мотивомъ для такихъ мнѣній преосвященнаго служили, обыкновенно, донесенія благочинныхъ и другихъ лицъ объ удовлетворительномъ состояніи римско-католическихъ костеловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — бѣдственномъ — православныхъ храмовъ³⁾). Особенно сильно озабочивали преосвященнаго старанія католиковъ увеличивать и безъ того громадное число (140), такъ называемыхъ, олій и каплицъ. Въ своемъ

¹⁾ Донесеніе Св. Синоду о состояніи церквей въ Могилевской епархіи отъ 25 сентября 1847 г. Реп. муз. К. Д. А.

²⁾ Дѣло, напр., о постройкѣ новаго костела въ Лозовицахъ. Арх. консист. могил., 1852 г., № 1466.

³⁾ По донесенію, напр., бывшаго члена консисторіи, умершаго недавно о. Потанія Твердаго, — командированнаго въ имѣніе помѣщика Голынского, Климовичскаго уѣзда, для разбора пререканій православныхъ съ католиками изъ-за церквей — вмѣсто ветхой православной церкви надлежало построить новую, а костель упразднить, повлему вблизи (въ 15 верстахъ) былъ другой костель. Сообщено самимъ покойнымъ.

секретномъ донесеніи Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. преосвященный яркими красками изображаетъ непомярно большой вредъ для православія отъ этихъ католическихъ молельнъ. „Не смотря на большое количество католическихъ каплицъ и філій, пишетъ преосвященный Анатолій Св. Синоду, помѣщики Могилевской губерніи латинскаго вѣроисповѣданія всеусильно, посредствомъ самыхъ излучистыхъ ходатайствъ, стараются заводить новыя латинскія каплицы въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ отъ своихъ приходскихъ костеловъ, хотя къ устроенію ихъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ, заслуживающихъ уваженія, побужденій; а пользуясь дозволеніемъ строить каплицы единственно для временнаго помѣщенія мертвецовъ, устрояютъ въ такихъ каплицахъ алтари для служенія на нихъ миссъ“⁴).

Къ постройкѣ упомянутыхъ каплицъ помѣщики, по мнѣнію преосвященнаго, подстрекаются всендзами, частію для того, чтобы имъ имѣть случаи къ разсѣянности, а большею частію для цѣлей враждебныхъ православної церкви. Последнюю свою мысль преосвященный развиваетъ такимъ образомъ: „тогда какъ, говоритъ онъ, отправляясь на богослуженіе въ костелы, даже въ близкомъ разстояніи, помѣщикъ беретъ съ собою не болѣе трехъ человѣкъ служителей, изъ коихъ одинъ лакей сопровождаетъ его во внутренность костела, присутствовать при совершеніи миссы въ

---

⁴) Совершая миссы въ каплицахъ, всендзы, по отъзвѣ преосвященнаго, поступаютъ даже вопреки постановленію своей церкви. Такъ, декретомъ латинскаго Тридентинскаго собора воспрещено совершать миссы въ приходскихъ костеловъ (Juss. XXII de sacrificio Missae) и первоначально дозволено было сіе особенными привилегіями всендзамъ только нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ; и по ученію лучшихъ латинскихъ богослововъ богослуженіе, совершаемое по угламъ, въ такъ называемыхъ каплицахъ, влечетъ за собою много неприличій, отклоняетъ христіанъ отъ слушанія проповѣдей, открыто произносимыхъ въ костелахъ, и бываетъ поводомъ къ лицемерной ложной набожности. Theolog. Pastoralis. F. Giftschütz и др... *Секретное донесеніе* Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. Рукопись Церк.-арх. муз. К. Д. А.

домашнихъ каплицахъ заставляется вся дворя помѣщика^а. Черезъ такое посѣщеніе дворовыми людьми каплицъ — въ нихъ, по словамъ Анатолія, замѣчается сначала „охлажденіе духа благочестія, а затѣмъ и совращеніе въ латинство“^а. Что ксендзы имѣютъ полную возможность содѣйствовать помѣщикамъ латинскаго вѣроисповѣданія къ достиженію указанной цѣли, въ этомъ, по нему, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, — такъ какъ бывали и есть примѣры, что ксендзы произносили проповѣди противъ правительства и православной церкви даже въ приходскихъ костелахъ, открытыхъ для всякаго, хотя они не могли не имѣть въ виду, что слушателями ихъ могутъ быть не одни латинисты. Единственною мѣрою противъ этого зла служило то, чтобы священники наблюдали и доносили кому слѣдуетъ о прихожанахъ, присутствовавшихъ на молитвословіяхъ въ каплицахъ; но и эта мѣра, по мнѣнію преосвященнаго, не отвѣчала своей цѣли, — она была и неудобна, и вредна для священниковъ. Неудобною она оказывалась потому, что священникъ, не имѣя возможности бывать въ каплицахъ при отправленіи въ нихъ ксендзами миссъ, не можетъ знать достоверно: какіе изъ прихожанъ его были на моленіи въ каплицахъ; а вредною — потому, что въ случаѣ доноса, что его прихожане участвуютъ въ моленіи, совершаемомъ въ каплицахъ, священники подвергаются непримиримому гоненію отъ своего помѣщика. Принимая въ соображеніе все, указаннаыя нами, а равно и другія обстоятельства, преосвященный Анатолій въ своемъ донесеніи Св. Синоду предлагаетъ слѣдующія мѣры противъ латинявъ. Прежде всего онъ указываетъ на необходимость вновь рассмотреть составленную еще въ 1840 году вѣдомость о количествѣ костеловъ и каплицъ латинскаго вѣроисповѣданія: нѣтъ ли въ числѣ ихъ каплицъ при домахъ такихъ помѣщиковъ, которые по силѣ 138 статьи Свода Законовъ, тома XII, изданія 1842 года, не имѣютъ права

на удержаніе каплицъ при своихъ домахъ¹⁾). Затѣмъ преосвященный всенижайше проситъ Св. Синодъ о томъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ постройки костеловъ или каплицъ ему дозволено было непосредственно сноситься съ Св. Синодомъ. Въ этой своей просьбѣ преосвященный руководился очевидно тѣмъ соображеніемъ, что высшая духовная власть отнесется къ столь интересующему его дѣлу гораздо внимательнѣе и глубже, чѣмъ мѣстная власть.

Движимый тою же ревностію объ интересахъ православія, преосвященный доносилъ Св. Синоду о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ настоятелями римско-католическихъ приходскихъ церквей, при изъявленіи къмъ - либо изъ ихъ прихожанъ желанія бракосочетаться съ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія. „Наблюдая интересы своего исповѣданія (пишетъ преосвященный), ксендзы всячески стараются препятствовать подобнымъ бракамъ, какъ своимъ вліяніемъ на прихожанъ и своими имъ внушеніями, такъ и тѣмъ, что подъ различными предлогами, а иногда и совершенно прямо, отказываются выдавать жениху или невѣстѣ римскаго исповѣданія требуемыя 28 ст. X т. Свод. Зак. гражд. изд. 1857 г. письменныя удостовѣренія о безпрепятственности ихъ во вступленію въ бракъ. Тѣхъ же изъ нихъ, кои вступили въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, подвергаютъ церковной эпитиміи, какъ бы за нѣкое беззаконіе“. Въ виду громаднаго ущерба, наносимаго православію подобными дѣйствіями ксендзовъ²⁾), преосвященный въ заключе-

¹⁾ Такими каплицами могутъ быть, по мнѣнію преосвященнаго, устроенныя въ прежнія времена по ходатайству польскихъ вельможъ Салеги, Сангушки, Огнескаго, Поцел, Халецкаго, Храповицкаго, Любомірскаго и друг., мнѣнія коихъ по разнымъ случаямъ перешли во владѣніе многихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ (по силѣ 138 ст. Свода Законовъ) права на удержаніе при домахъ своихъ каплицъ. Секретное донесеніе Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. Рукопись Церк.-арх. муз. К. Д. А.

²⁾ Брады православныхъ съ католиками служатъ, какъ извѣстно, однимъ изъ средствъ распространенія православія, такъ какъ по силѣ 67 и 72 ст. X т. Свода Зак. гражд. изд. 1857 г. имѣющія бытъ отъ таковыхъ браковъ дѣти должны бытъ крещены и воспитываемы въ православной вѣрѣ.

ніе своего репорта Св. Синоду просить его — „дозволить православнымъ священникамъ, въ случаѣ неполученія ими отъ ксендзовъ письменнаго удостовѣренія о безпрепятственности ко вступленію въ бракъ жениха или невѣсты римскаго исповѣданія, брать такія удостовѣренія отъ мѣстнаго начальства, градской или земской полиціи, городскихъ думъ, ратушь, окружныхъ управленій и т. п. учрежденій^{а 1)}. Этою мѣрою преосвященный надѣялся уничтожить поставляемые ксендзами преграды ко вступленію въ бракъ православныхъ съ католиками. Обозрѣвая практическую дѣятельность Анатолія на пользу православія, считаемъ нужнымъ сказать объ отношеніи преосвященнаго къ совращеннымъ въ латинство православнымъ. Послѣдніе составляли предметъ особенныхъ заботъ преосвященнаго Анатолія: въ случаяхъ перехода православныхъ въ латинство преосвященный немедленно принималъ возможно рѣшительныя и энергичныя мѣры. Для увѣщанія на путь истины совращенныхъ въ латинство онъ посылалъ, обыкновенно, въ качествѣ миссіонеровъ благонадежныхъ священниковъ. При этомъ, смотря по обстоятельствамъ, онъ назначалъ священниковъ миссіонерами или на короткій промежутокъ времени, или на болѣе продолжительный^{б 2)}.

Изъ другихъ мѣръ, рекомендованныхъ высшимъ начальствомъ, къ обращенію совратившихся въ нѣдра православія можно указать на вызовъ послѣднихъ въ консисторію, гдѣ выдающіеся духовные сановники во главѣ съ пре-

^{а 1)} Репортъ Св. Синоду, хранящійся въ Церк.-арх. муз. К. Д. А.

^{б 2)} Такъ напр., для обращенія на путь истины совратившихся прихожанъ дудаковичской церкви преосвященный предложилъ консисторіи прислать (при посредствѣ благочинныхъ) священника, преимущественно, заштатнаго или одинокаго: „не возревнуетъ ли кто-либо изъ нихъ посвятить знанія и труды свои вразумленію при содѣйствіи благодати Божіей заблудшихъ прихожанъ дудаковичской церкви“. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ, что временныя командировки священниковъ для упомянутой цѣли не имѣли успѣха. *Секретное предписаніе* консисторіи отъ 15 апрѣля 1850 г. Реп. Церк.-арх. муз., письмо къ Анатолію К. С. Сербиновича (1852 г.). Труды Киев. Ак. 1883 г., ноябрь, стр. 553.

освященнымъ старались повліять на нихъ словомъ убѣжденія. При всемъ этомъ бывали нерѣдко случаи, что никакія вразумленія не дѣйствовали на совращенныхъ въ латинство. Этотъ фактъ засвидѣтельствовалъ и самъ преосвященный въ своемъ репортѣ Св. Синоду отъ 7 мая 1860 г.

„Почти двадцать лѣтъ, пишетъ Анатолій въ своемъ репортѣ, въ могилевской консисторіи производятся безъ всякаго успѣха дѣла: 1) о такихъ лицахъ, совратившихся въ латинство, которыя, бывъ крещены уніатскими священниками, издѣтства признаютъ себя принадлежащими къ латинскому вѣроисповѣданію, и 2)—такихъ, которыя при общемъ воссоединеніи уніатовъ съ православною церковію дали подписки въ принятіи ими православія, хотя были природными латинистами. Но тѣ и другія при всѣхъ настаиваніяхъ, убѣжденіи ихъ священниками на мѣстѣ жительства и вызовѣ ихъ для этой цѣли въ консисторію упорно отказываются отъ православнаго вѣроисповѣданія“¹⁾. По отзыву преосвященнаго, это—люди, не имѣющіе почти никакихъ религіозныхъ понятій, недоступные повтому ни для какихъ вразумленій. „Между тѣмъ, принимаемая къ ихъ вразумленію мѣры, особенно, вызовъ ихъ въ консисторію для убѣжденія къ принятію православія, они и ультрамонтанисты не только въ западныхъ областяхъ, но и за предѣлами Россіи считаютъ гоненіемъ латинскаго вѣроисповѣданія (какъ это видно изъ множества брошюръ на польскомъ и французскомъ языкахъ, появившихся въ Могилевской губерніи)²⁾. Руководствуясь такими соображеніями,

¹⁾ Это можно сказать, напр., о прихожанахъ дудаковичской церкви. Въ своемъ отношеніи къ губернатору (за № 47 и 48, 1845 г.) преосвященный упоминаетъ, между прочимъ, о двухъ крестьянахъ дудаковичскаго прихода, бывшихъ болѣе 4-хъ лѣтъ въ монастыряхъ и не оставившихъ своего упорства. Ихъ - то преосвященный предлагаетъ губернатору препроводить въ какіе-либо великороссійскіе города, хотя бы даже въ Смоленскъ.

²⁾ Репортъ Св. Синоду отъ 7-го мая 1860 г. Ручкопись Церк.-арх. музея К. Д. А. Въ другомъ донесеніи Св. Синоду преосвященный пишетъ: „совратившіяся жертвы латинскаго фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже

преосвященный Анатолий счелъ нужнымъ совершенно прекратить вышеуказанныя дѣла, оставивъ въ покоѣ совращенныхъ въ латинство; въ этомъ смыслѣ онъ доносилъ и Св. Синоду.

Въ замѣнѣ обыкновенныхъ и въ большинствѣ случаевъ безплодныхъ мѣръ противодѣйствія латинской пропагандѣ (сношеній съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, увѣщаній священниковъ, вызова въ консисторію и т. п.) преосвященный, незадолго до оставленія имъ Могилевской епархіи, проектировалъ нѣкоторыя другія, болѣе цѣлесообразныя, мѣры. По мнѣнію его (наложенному въ особой запискѣ Св. Синоду), лучшимъ противодѣйствіемъ латинской пропагандѣ могло бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ хранящихся въ губернскихъ архивахъ историческихъ документахъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена православія латинскимъ фанатизмомъ и униатами. „Такіе историческіе памятники, будучи драгоценными открытіями для церковной и отечественной исторіи, могли бы, говоритъ преосвященный, охлаждать жаръ фанатизма помѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и гонимыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія“. Кроме того изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь потерпѣла въ западныхъ губерніяхъ отъ людей, давно сошедшихъ со сцены,—не оскорбляя современниковъ, дока-

---

встрѣчи съ православными священниками, а увѣщанія совратившимся, чинимыя въ консисторіяхъ, вообще безплодны: потому что для доведенія совратившихся къ переменѣ превратнаго образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двонхъ или тронхъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени вынуждены лататься и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счетъ, и посему считаютъ такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру“. Киевская старина. 1884 г., июнь, стр. 219.

звало бы, по нему, хотя косвенно, что и пасквили на счет отечественной церкви, издаваемые въ большомъ количествѣ, простираются отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущихъ гибели отечества и православной церкви¹⁾. Сверхъ этой мѣры преосвященный, принимая во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и однодворцы, совратившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, будто они поляки, что современная польская литература всѣми силами старается доказать, будто западныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска,—считаетъ крайне необходимымъ ввести въ поселянскихъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе, по нему, было бы введено изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. „Поэтому, говоритъ онъ, нѣтъ никакой надобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова бы она ни была, лишь бы краткая, хотя бы такая, какая еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кievской гимназіи, сочиненная учителемъ той гимназіи Берлинскимъ. Волюющая потребность состоитъ въ томъ, чтобы глубоко насадить въ умъ и сердце поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ поработненія сословіемъ людей, чуждыхъ православной церкви“²⁾. Въ видахъ наилучшаго воспитанія юношества на началахъ православія и

¹⁾ Въ образецъ рекомендуемой преосвященнымъ мѣры взятъ прибавленіе къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, издав. подъ редакціей извѣстнаго К. Говорскаго (редактора-издателя журнала „Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи“ въ Кіевѣ въ 60-хъ годахъ, а послѣ въ Вильнѣ съ выброскомъ въ названіи слова: „Юго-западной“). Кіев. Стар. 1884 г., июнь, стр. 219—220.

²⁾ Выписка изъ докладной записки Анатолія Св. Синоду отъ 27 мая 1859 г., обнародована въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. июнь, стр. 220—221.

русской народности преосвященный, по поручению высшего начальства, составилъ и правила для западно-русскихъ гимназій. Основная мысль этихъ правилъ та, что чрезъ насажденіе въ русско-польскомъ юношествѣ преданности Августѣйшему престолу вмѣстѣ съ обязательнымъ обученіемъ русскому языку подготовить почву для полнаго обрусѣнія западнаго края Россіи¹⁾. Если мы послѣ всего сказаннаго нами о практической дѣятельности Анатолія на пользу православія спросимъ себя, достигъ ли преосвященный своей цѣли, и если достигъ, въ какой степени, то за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ мы не можемъ сказать

¹⁾ Мы имѣемъ подъ руками самый текстъ этихъ правилъ (7). Считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе важныя по нашему мнѣнію. *5-е правило гласитъ:* „Поставить въ неотложную обязанность всѣмъ начальникамъ и начинающимъ учебныхъ заведеній Могилевской губерніи заблаговременно увѣдомлять епархіальнаго архіерея письменно о времени, въ которое будетъ производиться годичный экзаменъ по предмету вѣрученія: дабы онъ своевременно могъ распорядиться, или самому присутствовать на испытаніи, или поручить участвовать въ ономъ опытному въ духовномъ просвѣщеніи лицу, которое бы могло вынести не только въ ходъ вѣрученія съ цѣлію судить объ успѣхѣ въ семъ предметѣ воспитывающихся; но и разузнать, соблюдаются ли правила относительно квартирнаго молитвословія, участія учениковъ въ общественномъ богослуженіи, преданности ихъ Августѣйшему престолу и церкви и обстоятельно довести объ этомъ епархіальному архіерею послѣ экзамена“. *6-е правило гласитъ:* „постановить правиломъ, чтобы законоучители латинскаго вѣрученія присутствовали на частномъ испытаніи учениковъ православнаго исповѣданія, а православные законоучители на испытаніи учениковъ латинскаго исповѣданія, а при семъ особенно выкажи, въ какой степени ученикамъ латинскаго вѣрученія внушается преданность Августѣйшему престолу, благонадеженъ ли въ семъ отношеніи законоучитель, и сообщали о томъ секретно свои замѣчанія епархіальному своему архіерею или непосредственно, или чрезъ духовное лицо, назначенное для присутствованія при испытаніи по Закону Божию“. *7 пр. гласитъ:* „наконецъ весьма было бы полезно, если бы въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Могилевской губерніи, гдѣ всѣ учебные предметы преподаются на русскомъ языкѣ кромѣ римско-католическаго вѣрученія, преподавагося на польскомъ языкѣ, и сіе вѣрученіе хотя въ половину преподавалось на русскомъ языкѣ, такъ какъ языкъ не составляетъ догмата вѣры, и нѣкоторые законоучители латинскаго вѣрученія чувствовали потребность сего, какъ напр., бывший могилевской гимназій законоучитель прелатъ каноникъ Коссовскій, который нѣкоторыя части вѣрученія преподавалъ на русскомъ языкѣ“. Черновой подлинникъ этихъ правилъ хранится въ Церк.-арх. музеѣ Киев. дух. ак.

объ этомъ что-нибудь положительное. Въ данномъ случаѣ намъ приходится констатировать не столько практическіе результаты борьбы преосвященнаго съ католицизмомъ, сколько заботы его въ этомъ направленіи. Нѣтъ сомнѣній, конечно, и въ томъ, что постоянная и неуспяная дѣятельность Анатолія на пользу православія и противъ латинявъ приносила благіе плоды, хотя о размѣрахъ ихъ мы и не можемъ судить.

Съ изображенною нами, достойною всякаго уваженія, общественною жизне-дѣятельностью преосвященнаго Анатолія вполне гармонировала и частная жизнь его; объ этой-то послѣдней мы и имѣемъ въ виду побесѣдовать теперь съ читателемъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвященный Анатолій представлялъ образецъ весьма миролюбиваго и благосклоннаго ко всѣмъ пастыря церкви. Населеніе Могилева было самое разнообразное; кромѣ преобладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ не мало доказательствъ (главнымъ образомъ свидѣтельства самихъ жителей г. Могилева), что преосвященному оказывалось глубокое уваженіе, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ при Анатоліи существовало особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой стоялъ весьма заслуженный прелатъ Ласки. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими сочленами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ благоводительныхъ отношеніяхъ, которыя были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ началомъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызвала сама по себѣ то величественное уваженіе, съ которымъ относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ и до низшихъ степеней

его. Справедливость требует сказать, что преосвященный вполне заслуженно пользовался расположением къ нему городского общества, какъ православнаго, такъ инославнаго. Многія симпатичныя черты его характера невольно привлекали къ нему людей съ самымъ разнообразнымъ положениемъ. Много, напр., подкупало въ пользу преосвященнаго его въ высшей степени простое и въ то же время привѣтливое обращеніе со всѣми. Принимая у себя гостей, или будучи самъ въ гостяхъ, онъ старался быть одинаково любезнымъ и обходительнымъ со всѣми. Разъ пять въ годъ онъ устраивалъ на свой счетъ оффиціальныя угощенія, приглашая на нихъ самое разнообразное общество¹⁾. Тутъ можно было встрѣтить и православное, и римско-католическое духовенство, и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ съ ихъ семействами; не смотря однако на такое разнообразіе собиравшагося общества, всѣмъ чувствовалось хорошо подъ гостепріимнымъ и радушнымъ кровомъ самого хозяина. А веселое настроеніе послѣдняго, выражавшееся въ свойственной ему остроумной бесѣдѣ, невольно сообщалось и гостямъ, будучи такимъ образомъ источникомъ оживленія и довольства среди нихъ²⁾.

Въ домашней и, такъ сказать, будничной жизни преосвященный строго наблюдалъ простоту и разъ заведенный порядокъ. Вставалъ онъ, обыкновенно, въ 4 ч. утра, а ложился спать въ 9 ч. вечера. Весь дневной промежутокъ времени онъ распредѣлялъ приблизительно такимъ образомъ: до-обѣденное время посвящалъ, главнымъ образомъ, приему просителей и занятіямъ по должности, а послѣ-обѣденное—отдыху, впрочемъ небольшому, и снова—занятіямъ, преимущественно, частнаго характера (напр., литературной работѣ). Частныхъ посѣтителей, или вѣрнѣе, гостей прини-

¹⁾ Угощенія эти, по словамъ іером. Алексія, бывшаго казначеемъ при Анатоліи, обходились преосвященному каждый разъ около 120 рублей.

²⁾ Особенно весело былъ настроенъ преосвященный въ обществѣ дамъ, которымъ рассказывалъ разные анекдоты, каламбуры и т. п.

маль, обыкновенно, въ теченіе времени отъ 6 до 8 ч. вечера¹⁾. Въшняя обстановка у преосвященнаго была суровая— чисто монашеская. Пища самая простая, по преимуществу, щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ винѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложень книгами, списанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду расчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мисочка, и одна или двѣ тарелки. Смежно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночного отдохновенія, также отличающаяся своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Твердый тѣфякъ, незатѣйливое одѣяло, одна подушка— вотъ и вся постель, которою довольствовался смиренный инокъ. Такой въ высшей степени простой образъ жизни преосвященнаго Анатолія вліялъ безъ сомнѣнія благотворно и на его здоровье. Послѣднее, не смотря на преклонные годы преосвященнаго (подъ конецъ пребыванія Анатолія въ Могилевѣ ему было свыше 60 лѣтъ), было сравнительно въ хорошемъ состояніи. Изрѣдка только страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ²⁾. Въ зимнее время преосвященный жилъ въ самомъ г. Могилевѣ, въ зданіяхъ архіерейскаго дома, что при Спасскомъ монастырѣ; лѣтніе же мѣсяцы онъ проводилъ на дачѣ, въ с. Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшого дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусствен-

¹⁾ Сообщено іер. о. Алексіемъ, бывшимъ казначеемъ преосвященнаго.

²⁾ Воспоминанія объ Анатоліи доктора Пирожкова. Киевская Старина. 1883 г., июль, стр. 574—575.

ную отдышку¹⁾; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ; скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полнаго удивленія, проводилъ свои труженическіе дни за учено-литературной работой преосвященный Анатолій. Здѣсь же, въ непосредственномъ общеніи съ природою, въ созерцаніи дивныхъ красотъ ея, находилъ и отдохновеніе отъ своихъ трудовъ неутомимый дѣятель на нивѣ Христовой. Нерѣдко въ часы досуга преосвященный садился за мольбертъ и рисовалъ картины, по преимуществу, духовнаго содержанія²⁾; или же предавался другому своему любимому занятію—опытамъ въ стихосложеніи. Послѣднимъ занятіемъ преосвященный пользовался, какъ средствомъ развлеченія, и въ часы долгихъ безсонницъ, которыми онъ весьма часто страдалъ на старости лѣтъ³⁾.

Ознаменованная многими заслугами церкви и отечеству жизнедѣятельность преосвященнаго нашла себѣ достойную оцѣнку и со стороны высшей власти. Въ періодъ своего 16-ти лѣтняго управленія Могилевскою епархіей онъ не разъ былъ отличаемъ разными наградами, какъ знаками Высочайшаго вниманія. Такъ во вниманіе „въ вроткому и благоразумному управленію имъ Могилевскою епархіей“, какъ говорится въ Высочайшемъ указѣ, онъ сопричисленъ былъ въ 1848 г. (апрѣля 11 дня) къ ордену св. Владиміра 2 ст.

¹⁾ Преемникъ Анатолія по кафедрѣ преосв. Евсеіи Орлинскій устроилъ въ саду прекрасный цвѣтникъ, дорожки, бесѣдки и разныя другія украшенія. Теперь этотъ садъ поражаетъ своею роскошью.

²⁾ Живописныя работы свои преосвященный дарилъ во многія церкви Могилевскою епархіи. Въ нѣкоторыхъ церквяхъ самого Могилева есть иконы кисти Анатолія; напр.—въ соборной зимней церкви—икона, изображающая снисхожденіе Спасителя во адъ, въ церкви Буйницкаго монастыря—икона, изображающая Пресвятую Троицу (ик. большихъ размѣровъ) и мн. др.

³⁾ Свои стихотворные опыты преосвященный печаталъ иногда въ дѣтскомъ журналѣ „Звѣздочка“, изд. Ишимовой.

Въ 1853-мъ году (апрѣля 19 дня) „за отлично усердное служеніе и ревностные пастырскіе труды“ былъ Всемилоостивѣйше пожалованъ въ санъ Архіепископа. Незадолго же до оставленія имъ Могилевской епархіи, именно въ 1859 г. (апрѣля 12 дня), „за долговременное и усердное служеніе, полезное для православія и заботливое о вѣрнной ему паствѣ“ сопричисленъ къ ордену св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго⁴).

Въ началѣ 1860 г. преосвященный Анатолій, еще бодрый и ярѣпкій здоровьемъ старецъ, подалъ Св. Синоду прошеніе объ увольненіи его на покой. По частнымъ извѣстіямъ, онъ трижды подавалъ прошеніе объ этомъ и только за третьимъ разомъ, послѣ настоятельныхъ просьбъ Св. Синоду, получилъ желаемое увольненіе (17 іюля 1860 г.). Что побудило преосв. Анатолія уволиться отъ управленія Могилевскою епархіей, остается пока невыясненнымъ. Въ виду отсутствія несомнѣнныхъ данныхъ для разясненія этого факта, мы съ своей стороны воздерживаемся отъ рѣшительныхъ сужденій о немъ; позволимъ себѣ однако высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого загадочнаго факта.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ,—по тому, напримѣръ, что преосвященный при своемъ увольненіи на покой чувствовалъ себя еще бодрымъ и сравнительно здоровымъ (о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдующая дѣятельная и полная энергіи жизнь преосвященнаго на покой), и что онъ впоследствии горько раскаявался въ своемъ поступкѣ,—можно думать, что преосв. Анатолій рѣшился на увольненіе отъ епископской каѳедры не совсѣмъ предусмотрительно, больше въ силу какого-то внѣшняго толчка, чѣмъ внутренней по-

⁴) Кроме этого ему было объявлено Высочайшее благоволеніе по званію Вице-президента Могилевскаго тюремнаго комитета (въ 1856 г.) и признательность Св. Синода за благоустроеніе при буйницкомъ женскомъ монастырѣ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія (въ 1857 г.). Упомянемъ еще, что преосв. Анатолій былъ почетнымъ членомъ Киевской дух. академіи (съ 1852 г.) и Горно-Горецкаго Земледѣльческаго Института (съ 1853 г.).—Послужной списокъ Анатолія, архіеп. Могилевской епархіи, составленный и тщательно переписанный самимъ преосвященнымъ. Присланъ въ Церк.-арх. музей академіи Л. С. Магдебичемъ.

требности. Повидимому положеніе Анатолія въ епархіи поколебалось еще въ 1859 г. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ нему покойнаго митрополита с.-петербургскаго Григорія (Постникова) отъ 14 января 1859 г. читаемъ между прочимъ: „P. S. Ваше письмо прояснило дѣло. Да дастъ Вамъ Господь Богъ продолжать Ваше служеніе св. Церкви съ обычнымъ усердіемъ и совершеннымъ спокойствіемъ“. Въ другомъ письмѣ отъ 4-го января 1860 г. митрополитъ, увѣдомляя Анатолія о ходѣ вопроса по преобразованію духовныхъ училищъ такъ говоритъ: P. S. „Надѣюсь, что Господь Богъ не дастъ успѣха злоумышляющимъ. Благодарю за доставленные мнѣ по сему отношенію свѣдѣнія“¹⁾. Кто таковы были эти злоумышляющіе, нарушавшіе обычное спокойствіе преосвященнаго, это съ несомнѣнною достовѣрностію трудно сказать. На основаніи нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ догадываемся однако, что такими злоумышляющими были разныя недовольныя преосвященнымъ лица, писавшія на него доносы Св. Синоду. По сообщеніямъ людей, близко стоявшихъ къ бывшему моголевскому архипастырю, такихъ почему-либо недовольныхъ преосв. Анатоліемъ лицъ было въ особенности много среди воссоединенныхъ униатовъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ высшей духовной власти, бывшіе униаты не стѣснялись осаждать преосвященнаго всевозможными просьбами и ходатайствами²⁾; въ случаяхъ же отказа съ его стороны переносили свое дѣло въ Св. Синодъ³⁾. Къ концу управленія преосв. Анатоліемъ

¹⁾ Письма митр. Григорія къ Анатолію присланы въ музей Кіев. Акад. чрезъ Ивана Кассіановича Суручана, изъ Кишинева.

²⁾ Воссоединеннымъ изъ униатовъ были предоставлены въ Моголевской епархіи многія права и привилегіи, особенно, при назначеніи на церковныя должности.

³⁾ Не совсѣмъ благовидящую роль въ такихъ случаяхъ игралъ первоприсутствующій членъ консисторіи (изъ униатовъ), каедр. прот. Борейко. Обязанный весьма многимъ преосвященному, онъ въ то же время выказалъ черную неблагодарность въ отношеніи послѣдняго тѣмъ, что совѣтовалъ многимъ изъ своихъ единомышленниковъ писать разныя клеветы и доносы на преосвященнаго.—Сообщено со словъ многихъ духовныхъ лицъ, живущихъ въ г. Моголевѣ.

Могилевской епархіей такихъ дѣлъ, а съ ними и жалобъ на распоряженія преосвященнаго, накопилось таки порядочно. Какъ ни притязательны и несправедливы были такія жалобы на преосв. Анатолія, все же онѣ глубоко разстраивали собою послѣдняго. Впечатлительная натура его сильно возмущалась каждымъ случаемъ доноса на него кѣмъ-либо изъ недовольныхъ; и вотъ, подъ вліяніемъ овладѣвавшихъ имъ по сему поводу горькихъ думъ, онъ писалъ нерѣдко весьма горячія посланія Св. Синоду. Въ одномъ изъ такихъ посланій, писанныхъ на имя оберъ-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича Толстаго (іюля 1857 г.), Анатолія чистосердечно оправдывается отъ разныхъ обвиненій, введенныхъ на него коллежскимъ секретаремъ Игнатіемъ Дроздовскимъ.

„12 лѣтъ, пишетъ Анатолій, я переносилъ съ терпѣніемъ самыя нахальные дерзости, самыя наглыя грубости, самыя злоствныя клеветы коллежскаго секретаря Игнатія Дроздовскаго... единственно за то, что я не имѣлъ законнаго основанія удовлетворить назойливымъ, безконечнымъ его требованіямъ. Наконецъ онъ, отправившись въ Петербургъ, сталъ поносить меня письменно, какъ доказываетъ случайно попавшееся мнѣ письмо, въ коемъ онъ безстыдно клеветаетъ, будто Могилевскою епархіею управляетъ состоящій при мнѣ письмоводитель Евфимій Петрашень и экономъ могилевскаго архіерейскаго дома игумень Евфимій Крымскій; будто епархіальныя дѣла зависятъ отъ какой-то торговли, для которой существуетъ продажная лавка въ рукахъ упомянутыхъ письмоводителя Петрашня и эконома Евфимія. Увѣренный письмами его же Дроздовскаго, что онъ имѣетъ свободный доступъ къ Вашему Сіятельству и г. Директору Вашей канцеляріи, и заключая по характеру и письмамъ его Дроздовскаго, что онъ лживыми клеветами обноситъ меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, признавая ихъ не столько моимъ, сколько самой церкви безчестіемъ, считаю долгомъ моего сана и совѣсти всепокорвѣйше просить внять насто-

ящему моему прошенію, и принять въ уваженіе точное изложеніе моихъ дѣйствій въ управленіи ввѣренною мнѣ епархіей⁴. Представивъ обстоятельное оправданіе во всѣхъ взведенныхъ г. Дроздовскимъ обвиненіяхъ (6 пунктовъ), преосвященный въ заключеніи посланія „съ горькими слезами“ умоляетъ его сіятельство потребовать отъ Дроздовскаго надлежащихъ объясненій по обвиненіямъ, а также нарядить по сему дѣлу слѣдственную комиссію изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ: „пусть допросятъ кого будетъ имъ угодно подъ присягою объ образѣ моего управленія епархією. Если же и безъ того заслужилъ я какое-либо довѣріе, то всенижайше прошу защитить меня отъ наглыхъ клеветъ, поношеній и дерзостей, которыя 12 лѣтъ претерпѣваю отъ Игнатія Дроздовскаго“¹⁾. Приведенныя нами строки изъ письма Анатолія къ оберъ-прокурору Св. Синода живо рисуютъ собою то горестное состояніе, какое испытывалъ преосвященный по поводу живыхъ жалобъ и доносовъ на него. Нѣтъ сомнѣнія, что эти сами по себѣ ничтожныя уколы и обиды преосвященному, на которыя другой въ его положеніи не обратилъ бы, пожалуй, и вниманія, тяжелымъ камнемъ ложились на впечатлительную душу Анатолія, вызывая въ ней рой неотвязчивыхъ горькихъ думъ. Подобныя обиды тѣмъ болѣе должны были казаться чувствительными для Анатолія, что онъ порядочно таки усталъ въ долгодѣтней жизненной борьбѣ, будучи уже на закатѣ дней своихъ (ему въ эту пору было уже около 70 лѣтъ). Имѣть дѣла (тяжелыя) съ темными личностями для него въ эту пору представлялось и непосильнымъ, и недостойнымъ носимаго имъ сана. Въ виду приведенныхъ нами данныхъ весьма естественно, повтому, думать, что именно несправедливыя притязанія и жалобы на Анатолія со стороны

---

¹⁾ Черныя письма Анатолія къ оберъ-прокурору Св. Синода вмѣстѣ съ другими бумагами преосвященнаго присланы въ даръ музею Кіев. Дух. Академіи Д. С. Мацѣевичемъ.

почему-либо недовольныхъ имъ лицъ и были ближайшимъ мотивомъ къ просьбѣ объ увольненіи на покой. Какъ проповѣдникъ мира и любви среди пасомыхъ, онъ, естественно, хотѣлъ избѣжать непріязненныхъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ нихъ: лучшимъ же средствомъ къ умиротворенію епархіи было, разумѣется, удаленіе отъ дѣлъ ея...

Въ числѣ предположеній о мотивахъ къ увольненію преосвященнаго на покой существуетъ, между прочимъ, и такое, по которому владыка, отказываясь отъ управленія Могилевскою епархіею, имѣлъ въ виду получить высшее назначеніе¹⁾; но, какъ показало время, надежды преосвященнаго не оправдались. Высшее церковное учрежденіе, по этому предположенію, или не поняло, или не хотѣло понять тайнаго намѣренія преосвященнаго Анатолія и на его знаменательную просьбу объ отставкѣ взглянуло, какъ на дѣйствительное желаніе. Этимъ и объясняется, по такому мнѣнію нѣкоторыхъ, то обстоятельство, что преосвященный въ послѣдствіи горько раскаявался въ сдѣланномъ имъ неосторожномъ шагѣ. Полагаемъ, что подобное предположеніе не заслуживаетъ опроверженія уже потому, что оно не мирится съ извѣстными намъ чертами нравственнаго характера преосвященнаго Анатолія, съ его прямодушіемъ, смиреніемъ и кротостію. Болѣе всякихъ предположеній заслуживаютъ вѣры собственныя слова преосвященнаго Анатолія, ссылавшагося въ своей послѣдней просьбѣ объ увольненіи на покой на свое старческое изнуреніе отъ трудовъ, которое, хотя могло пройти, но въ данное время, надо полагать, ощущалось имъ сильно. Эта послѣдняя просьба была, какъ сказано, уважена св. Синодомъ. И вотъ, послѣ 16-тилѣтняго пребыванія въ Могилевѣ, маститый іерархъ простился навсегда съ любимыми имъ паствою и духовенствомъ. При разставаньи съ своимъ архипастыремъ общество г. Моги-

---

¹⁾ Говорятъ, что онъ надѣялся занять митрополитскую катедру, вакантную тогда въ Кіевѣ.

лева устроило въ честь его прощальный обѣдъ, на которомъ сказано было не мало задушевныхъ словъ и пожеланій съ той и другой стороны. Духовенство же города въ полномъ своемъ составѣ (всѣ члены консисторіи in corpore) провожало уѣзжавшаго архипастыря до перваго мѣста остановки его (с. Вейны), гдѣ предложило ему въ послѣдній разъ откушать съ ними хлѣба-соли. По разсказу лицъ, бывшихъ участниками въ этихъ проходахъ преосвященнаго, послѣднія были невыразимо трогательны и задушевы. При мысли, что онъ навсегда разстается съ любимымъ имъ духовенствомъ, преосвященный, передавали намъ, не разъ даже плагалъ...

М. Едминскій.

(Продолженіе будетъ).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

ЛѢТОМЪ 1886 ГОДА.

(Продолженіе¹⁾).

30 мая, пятница. На пароходѣ въ Средиземномъ морѣ.

Провелъ ночь спокойно и спалъ хорошо. Въ семь часовъ утра я уже на ютѣ. Небо безоблачно. Утреннее солнце свѣтитъ радостно. Дуетъ вѣтеръ, какъ будто не попутный, а между тѣмъ паруса распушены и натануты. По сторонамъ ничего не видно, кромѣ неба вверху, да воды внизу. Пустынно и на пароходѣ и не только въ утреннюю пору, но и во весь день. На ютѣ никто почти не является. Палубные пассажиры, обыкновенно сидѣвшіе группами во время дня, теперь держатся особнякомъ: одни изъ нихъ сидятъ, понуря головы, другіе лежатъ, какъ-то безпомощно распростершись на полу. Лица всѣхъ болѣзненно желтыя; въ глазахъ видно томленіе. Нѣкоторые жалуются на головную боль и на приступы тошноты. Въ предотвращеніе послѣдней многіе держатъ во рту лимоны. Рѣдко кто пройдетъ невѣрною поступью. Лишь Ш—й сбѣгаетъ изъ конца въ конецъ, разминая, какъ онъ говоритъ, свои отсидѣлыя ноги. Я чувствовалъ себя сносно во весь день. Но должно быть и мой видъ не казался здоровымъ. По крайней мѣрѣ какому-то турку показалось разъ, что со мною дурно, и онъ, обращаясь ко мнѣ, закричалъ: „лимонъ, лимонъ!“ и сталъ совать себѣ въ ротъ пальцы, давая тѣмъ понять, чтобы я взялъ

---

¹⁾ См. Труды Киев. Дух. Акад., май, 1887 г.

въ ротъ лимонъ и тѣмъ предотвратилъ тошноту. Но именно въ это время я не чувствовалъ себя дурно. Съ интересомъ присматривался я къ морскимъ офицерамъ и простымъ матросамъ. Они держали себя такъ, какъ и всегда. Но обычной веселости не было замѣтно и въ нихъ; желтизна покрывала и ихъ лица. Лишь подъ вечеръ слышались на палубѣ звуки гармоника, и кто-то въ красной фескѣ и широкихъ синихъ шароварахъ босякомъ сталъ отплясывать трепака.

Виною болѣзненнаго состоянія и мрачнаго настроенія пароходнаго населенія довольно сильное волненіе на морѣ. Боковая качка продолжается во весь день. Не особенно пріятно сидѣть, но весьма интересно наблюдать за волненіемъ. Поверхность моря представляется сильно взбурожденною. Иногда волны идутъ одна за другою большими округленными темносиними валами. Иногда эти валы разрываются въ своей верхней части и изъ-подъ темносиняго покрывала вырывается съ шумомъ бѣлая пѣнистая полоса: обрывки пѣны, какъ лохмотья разодранной бѣлой ткани, носятся по всей видимой поверхности моря. Изъ ряда волнъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ замѣтно выдается своею величиною и полнотою такъ называемый девятый валъ. Приближеніе его къ пароходу ожидается съ большимъ интересомъ. Въ настоящій разъ волны нападаютъ на пароходъ съ правой стороны. Пароходъ, крихтя, тяжело поворачивается съ боку на бокъ, то однимъ, то другимъ краемъ, то опускаясь почти вплоть до воды, то поднимаясь высоко надъ нею. Иногда онъ попадаетъ въ тактъ волнѣ, и легко и безшумно опускается и поднимается вмѣстѣ съ нею. Иногда онъ встрѣчается съ нею и чѣмъ сильнѣе волна, тѣмъ сильнѣе шумъ отъ ея столкновенія съ нимъ; взовется къ верху пѣнистая влага, пѣна покроетъ поверхность воды около парохода и волна, переѣхавъ свой темносиній цвѣтъ въ свѣтлозеленый, отступитъ отъ него, какъ бы позеленѣвъ отъ злости за свою неудачу. Вечеромъ виденъ какой-то особенный отсвѣтъ, какъ

бы бронзовый, выступающій изъ-подъ темнаго воднаго покрывала.—Въ этотъ день за общимъ столомъ на завтракъ и обѣдъ были только офицеры и я. Обрдали со скрипкою. Такъ называется деревянная рѣшетка прикрѣпляемая сверхъ стола во время качки. Въ кѣтки этой рѣшетки вставляются столовые приборы для каждаго; бутылки вина кладутся бокомъ въ той же рѣшеткѣ,—и такимъ образомъ столовая посуда не падаетъ съ своего мѣста со стола и при сильныхъ качбахъ.

31 мая, суббота. На якорь предъ Александрією.

Въ шесть часовъ утра я былъ уже на ютѣ. На палубѣ произошла перемѣна: всѣ пассажирскія вещи были убраны съ пола и лежали на высокихъ мѣстахъ. На мой вопросъ: что это значитъ? москвичка отвѣтила, что ночью палуба была заливаема волнами и потому пассажиры положили свои вещи на болѣе высочія мѣста. Теперь на морѣ довольно тихо. Пассажиры высматриваютъ веселѣе. Послѣ чая глаза всѣхъ, почти не отрываясь, смотрятъ впередъ: въ этотъ день именно около полудня мы должны были притти въ Александрію: хотѣлось нетерпѣливо видѣть скорѣе берегъ Африки и саму Александрію, славную наследницу славнаго царства фараоновъ. И вотъ часовъ около одиннадцати въ туманной дали, какъ бы выходя изъ моря и поднимаясь выше и выше, сталъ обрисовываться александрійскій маякъ. Появился свѣтящаяся полоса и песчаный берегъ Африки, едва возвышающійся надъ поверхностью моря. По мѣрѣ приближенія къ берегу стали обозначаться отдѣльные на немъ предметы. Вотъ „дворецъ Александра Македонскаго“: такъ называютъ наши матросы какой-то дворецъ, стоящій одиноко вдали отъ города среди глубочайшихъ песковъ. Дворецъ съ двумя башнями, какъ бы колокольнями, и куполами. Ближе къ городу рядъ мельницъ, живописно раскинувшихся тоже на пескѣ. Впереди на пути молъ, защищающій гавань отъ морскихъ волнъ. Вотъ и первый посла-

нецъ изъ Александріи для встрѣчи насъ и привѣта: на легкой парусной лодкѣ, быстро говимой вѣтромъ, подплываетъ къ пароходу туземный лодманъ, взбирается на него и принимаетъ его въ свое управленіе. Вдоль александрійскаго берега идетъ гряда подводныхъ камней и песчаныхъ отмелей, оставляя лишь узкій и извилистый проходъ. Проходъ этотъ сбозначенъ теперь съ обѣихъ сторонъ мѣтками. Тѣмъ не менѣе паруходъ не осмѣливается или, быть можетъ, не имѣетъ права входить въ этотъ проходъ до восхода солнца и безъ туземнаго лодмана. Сдавъ на паруходъ лодмана, его товарищи прицѣпились къ нашему паруходу и плывутъ на его парухахъ; съ интересомъ всматриваюсь въ этихъ первыхъ для меня представителей Африки. Въ гавани, куда мы скоро вошли, стояло множество различныхъ судовъ и паруходовъ; одни изъ нихъ, какъ бы развалившись для большей вѣги, выставляли на солнце свои только что выкрашенные бока. Густой лѣсъ высоко поднимающихся мачтъ скрываетъ за собою городъ, расположенный на равнинѣ.

Не успѣлъ нашъ паруходъ остановиться, какъ былъ уже облѣпленъ со всѣхъ сторонъ лодками, а палуба его наполнилась лодочниками, агентами разныхъ гостинницъ и драгоманами,—переводчиками и вмѣстѣ руководителями при обзорѣни города: повторилось здѣсь то же, что было и въ Константинополѣ. Интересъ настоящаго момента для меня въ томъ, что теперь я въ первый разъ встрѣчаюсь съ жителями Африки. Судя по костюмамъ и языку нахлынувшей на паруходъ толпы, видно, что европейское вліяніе очень сильно въ Александріи: и костюмовъ европейскихъ и полу-европейскихъ много, слышна и рѣчь англійская, французская, итальянская, греческая и русская и часто изъ однихъ и тѣхъ же устъ. Тѣмъ не менѣе сразу видишь, что находишься въ иной средѣ, въ иномъ мірѣ. Кругомъ тебя шмыгаютъ смуглыя и даже совсѣмъ черныя лоснящіяся фигуры то въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ и широкихъ шароварахъ съ накидкою на плечахъ синей или чесучевою и съ круглою

красною фескою съ кисточкою на головѣ, то въ какой-либо цвѣтной курткѣ и шароварахъ по колѣни, перевязанныхъ широкимъ кушакомъ, то просто лишь въ синей рубахѣ съ широкимъ разрѣзомъ на груди или же въ однихъ шароварахъ. Среди такой разношерстной толпы и полунагой человѣкъ какъ-то не особенно поражаетъ. Обратило на себя мое особенное вниманіе сочетаніе самыхъ рѣзкихъ противоположностей. На небольшой лодочкѣ подплыли къ пароходу двое мужчинъ совершенно черныхъ—негровъ и одѣтыхъ въ черное. Рядомъ съ однимъ изъ нихъ сидѣла удивительной бѣлизны маленькая дѣвочка съ шелковистыми бѣлыми волосами, одѣтая въ платьице ослѣпительной бѣлизны. Бѣлый цвѣтъ ея волосъ и одежды казался еще бѣлѣе отъ близкаго ея сосѣдства съ черными, которые въ свою очередь казались еще чернѣе отъ сосѣдства съ бѣлымъ. На сторонняго зрителя такое сочетаніе противоположностей производитъ сильное впечатлѣніе.

Изъ толпы туземцевъ, нахлынувшихъ на пароходъ, замѣтно выдѣляется одинъ арабъ. Онъ выше средняго роста, съ лицомъ почти круглымъ и глубоко смуглымъ, почти чернымъ, съ черными волосами. Одѣтъ онъ въ красную круглую феску съ кисточкою на головѣ, въ безукоризненно бѣлую рубаху, и такіе же шаровары, а поверхъ рубахи бѣлая же расшитая жилетка. Поверхъ всего этого накинута длинная чесучевая одежда въ родѣ халата. Это Махмудъ, привилегированный драгоманъ привилегированныхъ путешественниковъ, объясняющійся свободно на всѣхъ существующихъ языкахъ и порядочно очень на русскомъ. Махмудъ ходитъ, закинувъ голову назадъ, постоянно прищурившись, почти ни на кого не обращая вниманія. Онъ говоритъ мало, но придаетъ вѣсъ своимъ словамъ. На возраженія онъ отвѣчаетъ: „мое дѣло“, „мое слово“ и при этомъ поведетъ пальцемъ по рту; или же отвѣчаетъ односложнымъ словомъ „ля, ля“ (нѣтъ, нѣтъ); большею же частію онъ ограничивается кивкомъ головы снизу вверхъ и прищелкиваніемъ язы-

комъ, или же просто движеніемъ бровей снизу вверхъ, сокращеннымъ знакомъ отрицанія. Махмудъ честенъ, за него могутъ поручиться служащіе на пароходѣ и „самъ капитанъ“. Первые дѣйствительно рекомендуютъ его, — также и послѣдній, впрочемъ съ оговоркою, что „изъ всѣхъ негодаевъ онъ все-таки лучший“. За мѣсяць предъ этимъ онъ сопровождалъ въ Каиръ одного изъ кіевлянъ г. К. и въ удостовѣреніе того, что онъ исполнилъ свое дѣло честно, показываетъ его визитную карточку. Но капитанъ, по поводу этой послѣдней его побѣдки, говоритъ ему, что если онъ поступитъ и съ нами также, какъ съ г. К., то нога его не ступить болѣе на пароходъ. Съ этимъ Махмудомъ и мы порѣшили ѣхать въ Каиръ, точно обозначивъ въ устномъ уговорѣ, что и что онъ долженъ для насъ дѣлать. На всякій случай я записалъ главные статьи уговора въ свою памятную книжку. Предполагалось пробыть въ Каирѣ три дня. Компания наша составила изъ шести лицъ — насъ трое и трое московскихъ купцовъ. Нѣсколько страннымъ казалось на первый разъ желаніе послѣднихъ предпринимать далекій и дорогой путь въ Каиръ, представляющій много интереса научнаго и почти никакого религіознаго. Но вблизи Каира есть селеніе Матаріе, гдѣ показываютъ священное дерево, подъ тѣнію котораго укрывалось, по преданію, святое семейство, во время своего пребыванія въ Египтѣ. Это-то священное дерево и влекло ихъ къ себѣ. Предпринявъ далекій путь паломничества къ святымъ мѣстамъ востока, они не хотѣли миновать и этого священнаго мѣста, которое все-таки сравнительно съ ихъ длиннымъ путемъ близко къ нимъ. Много вліялъ на своихъ спутниковъ одинъ изъ нихъ шустрый Ш..., которому хотѣлось повидать пирамиды, о которыхъ онъ слышалъ, и которому почему-то особенно нравилось то, что онъ теперь близко отъ тропиковъ. Не разъ приставалъ онъ къ намъ съ разпросами о томъ, далеко ли мы отъ тропиковъ, и, не слушая насъ, онъ уже въ Александріи представлялъ себя у тропиковъ. Съ прѣза-

домъ въ Каиръ онъ думалъ вступить въ самую область тропиковъ. Рѣшено было ѣхать въ Каиръ завтра же. Махмудъ долженъ былъ явиться за нами часамъ къ восьми утра или такъ, чтобы намъ можно было поспѣть въ греческую церковь къ богослуженію.

Вечеромъ на минаретахъ мечетей загорѣлись огни. Но какъ далеко отступалъ этотъ александрійскій видъ отъ константинопольскаго! За то лунная ночь здѣсь еще свѣтлѣе и прелестнѣе. Позади—я былъ на пароходѣ—безпредѣльное, блестящее серебристымъ отливомъ, волнующееся море. Надъ этимъ моремъ свѣта высится темносинее небо, усѣянное яркими звѣздами; благодаря необыкновенной прозрачности воздуха, послѣднія носятся какъ бы въ пустотѣ. Но болѣе всего приковываетъ къ себѣ вниманіе сама луна. Она кажется какъ-то цѣлостнѣе; покровъ ея свѣтлѣе, бѣлѣе и прозрачнѣе. То что-то умягчающее, успокоивающее, умилительно-торжественное, испытываемое вообще при взглядѣ на луну, вливается здѣсь полнѣе въ душу. Невольно пришли мнѣ на память слова Іова, въ которыхъ онъ говоритъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое южная луна производила на людей его времени и на него самого. „Смотря на солнце, какъ оно сіяетъ, и на луну, какъ она величественно шествуетъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего и цѣловали ли уста мои руку мою“ (Іов. 31, 26. 27)? Іовъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Но то, что онъ ставитъ себѣ это въ заслугу, показываетъ, что прелесть сохица и луны на югѣ очень искуссительна.

Отъ неба перевелъ я свои глаза на Александрію. Видна лишь набережная улица. За нею показываются лишь отдѣльные дома, крыши и куполы домовъ, мечетей и церквей. Свѣтъ луны смѣняется глубокими тѣнями. Не столько видишь городъ, сколько предполагаешь. Да и что можетъ представить путешественнику теперешняя Александрія? Это развалина, или нѣтъ,—это слабый слѣдъ, почти одно имя древняго величія древней Александріи и ворота къ развали-

намъ еще большаго величiя еще болѣе древняго царства фараоновъ. Перевожу глаза съ одного выдающагося пункта на другой, и сначала какъ бы безсознательно, а потомъ уже и намѣренно устанавливаю между ними связь преемственности. Вотъ освѣщенные иллюминаціею минареты мечетей означаютъ современное господство и процвѣтаніе мусульманства. Рядомъ съ ними изъ темной массы зданій выступаетъ греческая церковь съ бѣлыми освѣщенными луною, но прикрытыми темною крышею двумя небольшими башенками-колоколенками: это памятникъ и указатель прежняго цвѣтущаго, а теперь привиженаго состоянія въ Египтѣ христіанства. Знаменитая александрійская школа, великіе отцы и учителя александрійской церкви и многочисленный сонмъ пустынножителей выступаютъ предъ сознаниемъ изъ этого времени. Высящаяся къ небу вдаль вправо темнымъ столбомъ Помпеева колонна напоминаетъ о господствѣ римлянъ надъ Александріею и всѣмъ Египтомъ. А тощій невдалекѣ отъ насъ влѣво александрійскій маякъ—наслѣдникъ знаменитаго фаросскаго маяка изъ времени господства македонявъ надъ Египтомъ и цвѣтущаго состоянія самой Александриі. Здѣсь нить воспоминаній, связанныхъ непосредственно съ Александріею, прерывается; такъ какъ и сама Александрія получила начало своего существованія въ это время.

Но Александрія наслѣдница Саиса, Оивъ и Мемфиса. За нею и прежде ея появленія существовало въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій славное царство фараоновъ. Не могу выразить хорошо того сильнаго и глубокаго чувства, какое охватило меня при мысли о древнемъ Египтѣ, какъ царствѣ фараоновъ. И изумленіе предъ его величіемъ, и грусть объ его паденіи и вмѣстѣ радость о томъ, что я стою теперь предъ нимъ и скоро вступлю въ его прославленную область, въ среду поражающихъ всѣхъ его развалинъ,—чувства эти попеременно наполняли мое сердце. Предъ сознаниемъ быстро пронеслась продолжительная исторія царства фара-

оновъ, успѣвъ впрочемъ выставить на видъ нѣкоторыя отдѣльныя свои стороны: свое начало, превышающее вдвое или даже втрое начало исторій всего остального человечества и не вмѣщающееся въ рамки общепринятой хронологіи существованія человечества на землѣ,—свои исполинскія и высокохудожественныя постройки—пирамиды и др., стояція почти въ самомъ ея началѣ и требующія продолжительнаго предшествоващаго періода развитія искусства,—сложныя работы по водоорошенію почвы,—исполинскіе обелиски и храмы, многочисленныя и далекіе походы государей-воителей, сложныя и торжественныя религіозныя процессіи, разнообразную, глубокую и многоопытную мудрость его жрецовъ съ ея искуснымъ письмомъ и огромною литературою на камнѣ и папирусѣ, мудрость, изучать которую приходили великіе мыслители Греціи. Невольно припоминались при этомъ слова египетскихъ жрецовъ-учителей своимъ греческимъ ученикамъ: „вы вчерашніе, вы дѣти въ сравненіи съ нами“, а воображеніе воплощало мысль о первыхъ въ образы убѣленныхъ сѣдиною старцевъ, а мысль о послѣднихъ въ образы молодыхъ, полныхъ жизни и энергіи юношей. Звучали въ ухахъ и вопли и стоны израильтянъ, угнетаемыхъ въ Египтѣ въ цвѣтущій періодъ его существованія. Египетъ фараоновъ возставалъ во всемъ своемъ колоссальномъ величіи.

Но вотъ колоссъ заколебался и рухнулъ на землю. Глазамъ представилась совершенно иная картина. Весь Египетъ представлялъ теперь одно исполинскихъ размѣровъ кладбище. Ободранныя пирамиды, противящіяся разрушительной силѣ времени обелиски, исполинскія развалины величественныхъ въ своемъ разрушеніи храмовъ стояли здѣсь, какъ надгробныя памятники вполнѣ достойныя такого кладбища. Наряду съ ними зіяли темныя отверстія пещеръ и глубокихъ колодцевъ въ скалахъ. Между ними изъ глубокаго песку, покрывающаго почти все кладбище, торчали тамъ и здѣсь сухія черныя муміи, пережившія нѣ-

сколько тысячелѣтій, какъ бы вопрекоръ приговору Божию о человѣкѣ: „прахъ ты, и въ прахъ возвратишься“. По этому кладбищу рыскали такіе же, какъ и муміи, сухіе, черные, полунагіе хищные арабы: для нихъ нѣтъ ничего священнаго и неприкосновеннаго; все ничто въ сравненіи съ получаемымъ за то бакшишемъ. Но тутъ же ходятъ и другія лица то въ одиночку, то группами. Они останавливаются почти на каждомъ шагу, смотрятъ подъ ноги и часто наклоняются къ землѣ, озираются по сторонамъ и идутъ то прямо, то уклоняясь въ стороны, заглядываютъ и въ пещеры и колодцы, проникаютъ въ развалины храмовъ, собираются на пирамиды, словомъ стараются видѣть все. Почти у каждаго изъ нихъ въ рукахъ записная книжка и торопливая рука постоянно что-то въ нее заноситъ. Какая сдержанность, какая осторожность, какъ бы благоговѣніе къ окружающему, опасеніе нарушить его священный покой проглядываютъ во всемъ ихъ поведеніи! Кто они, откуда и зачѣмъ сюда пришли? Если вы спросите одного изъ нихъ о другомъ—кто, онъ и откуда? то навѣрное они другъ друга не знаютъ. Лишь по типамъ, языку и отчасти костюмамъ можно судить, что они принадлежатъ разнымъ національностямъ, пришли изъ разныхъ и даже очень далекихъ странъ,—но пришли всѣ за однимъ—взглянуть на это исполинское кладбище своими собственными глазами и составить себѣ свое на личномъ наблюденіи основанное представленіе о древнемъ царствѣ фараоновъ. И такіе посѣтители здѣсь не нынѣ только или завтра, а каждый день и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и даже тысячелѣтій. Какъ должны гордиться въ виду всего этого фараоны созданиемъ рукъ своихъ! А съ другой стороны какъ и посѣтителю этого кладбища не пожелать видѣть самихъ фараоновъ, многіе изъ коихъ еще доселѣ существуютъ въ своихъ муміяхъ! Если Богу угодно, то не завтра—послѣ завтра и мы пройдемся по краешку этого кладбища. Мы... Что такое мы въ неисчислимой массѣ его посѣтителей? Точно капля въ морѣ.

А между тѣмъ лично для насъ посѣщеніе это будетъ однимъ изъ самыхъ важныхъ событій въ нашей жизни.

1 іюня, воскресенье. Каиръ.

Сегодня, въ праздникъ Святыя Троицы, утромъ въ первый разъ ступилъ я на почву Африки въ Александрію, а вечеромъ былъ уже въ Каиръ, теперешней столицѣ теперешняго египетскаго царства, заступившаго мѣсто древняго царства фараоновъ. Съ именемъ Африки соединилось у меня всегда представленіе о ней, какъ о странѣ, для меня по крайней мѣрѣ недосыгаемой и совершенно отличной отъ нашихъ странъ: въ описаніяхъ ея у путешественниковъ всегда предполагалось встрѣтить что-то особенное и даже таинственное. И вотъ теперь я на почвѣ этой мнимо недосыгаемой страны. Египеть, какъ царство фараоновъ и какъ царство Птолемеевъ, давно уже до нѣкоторой степени родная для меня страна. Въ Египеть приходилъ Авраамъ и былъ дружественно тамъ принятъ. Въ Египеть, къ сыну своему Іосифу, въ то время бывшему первымъ у фараона сановникомъ, переселился со всею своею семьею Іаковъ. Потомство Іакова жило здѣсь долго (215 лѣтъ по переводу LXX и 430 лѣтъ по еврейскому тексту). Пришедши сюда въ качествѣ номадическаго племени, оно вышло отсюда народомъ многочисленнымъ съ богатымъ заимствованіемъ матеріальнымъ и умственнымъ. И въ послѣдующей своей исторіи евреи то терпѣли отъ фараоновъ, какъ враговъ, то искали у нихъ защиты и помощи, какъ у сильныхъ союзниковъ. Отношенія евреевъ къ Египту продолжались и при Птолемеяхъ. Не разъ поэтому приходилось мнѣ вмѣстѣ съ евреями бывать мысленно въ Египтѣ и имѣть дѣло, если можно такъ выразиться, съ царями его. Теперь мнѣ предстояло посѣтить лично эту давно знакомую заочно страну и повидѣться съ ея царями-фараонами,—изъ коихъ нѣкоторые и теперь еще существуютъ на землѣ въ своихъ муміяхъ: уста ихъ сомкнуты, но надписи ихъ на памятни-

кахъ, а также и самые памятники громко говорятъ объ ихъ дѣлахъ. Не придется правда видѣть страну собственно обитанія сыновъ израилевыхъ. Утѣшаю себя тѣмъ, что увижу лучшую землю египетскую, что буду по крайней мѣрѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Гелиополисомъ-Ономъ, въ связь съ которымъ ставитъ евреевъ и преданіе, да и пески, покрывающіе восточныя части Гесема, увижу въ пескахъ около пирамидъ. Съ этими мыслями сходилъ я съ парохода на лодку, на которой приплылъ за нами Махмудъ.

Не смотря на раннее время набережная, куда мы высадились, была уже полна народа. Таможенный чиновникъ пощупалъ имѣвшіеся у нѣкоторыхъ изъ насъ узелки и, не найдя ничего подозрительнаго, отпустилъ. Махмудъ скоро посадилъ насъ на извозчиковъ и отправилъ въ греческій монастырь святаго Саввы, резиденцію александрійскаго патріарха во время пребыванія его въ Александріи: постоянная его резиденція въ Каирѣ. Мы поспѣли къ великому выходу. Литургію совершалъ одинъ священникъ; вечерню служилъ епископъ, но не патріархъ. Отсюда, по окончаніи литургіи, мы прошли въ другую церковь, гдѣ будто бы служилъ патріархъ; но здѣсь богослуженіе было уже окончено. Отсюда прошли въ итальянскую церковь, а отсюда, пообѣдавъ на берегу моря, на вокзалъ.

Переѣздъ отъ Александріи до Каира представляетъ путешественнику два вида совершенно различные, смотря потому, совершаетъ ли онъ его во время наводненія или же за нѣсколько мѣсяцевъ до него. Въ первое время—въ августъ, сентябръ и октябръ, онъ видитъ всюду воду: незасѣянные поля покрыты водною скатертью, которая слагаетъ на нихъ свой плодородный илъ; самая желѣзная дорога стиснута между двумя теченіями воды, угрожающими ее поглотить. Во время мелководья напротивъ почва сухая и растрескавшаяся, и небольшая остающаяся еще вода употребляется посредствомъ рубъ и машинъ для орошенія полей съ рисомъ, мансомъ и хлопчаткою бумагою. Мы ѣдемъ

въ послѣднее время предъ разливомъ, Нила и видимъ виды свойственныя этому времени. Предполагаю, что сильное впечатлѣніе получаетъ путешественникъ, ѣдущій во время наводненія, видя всюду воду и пробираясь, такъ сказать, по единственной узкой тропинкѣ среди воды. Но лично я очень доволенъ временемъ своей поѣздки, потому что только теперь могу лично видѣть, хотя отчасти, плодородныя поля Дельты и способъ ихъ искусственнаго орошенія и, хотя опять отчасти, составить себѣ на мѣстѣ представленіе о той „работѣ полевой“, къ которой фараоны принуждали евреевъ съ жестокостію.

Быстро несется поѣздъ; быстро пробѣгаютъ предъ глазами предметы, встрѣчающіеся на пути; быстро и я перебѣгаю отъ одного окна къ другому, чтобы видѣть все по ту и другую сторону дороги. Махмудъ не успѣваетъ отвѣчать на вопросы. Вотъ скоро по выходѣ со станціи переѣзжаемъ сухой каналъ, вправо открывается видъ на большое озеро Мареотісъ: первоначально наполненное прѣсною водою и обильное рыбою, оно съ 1801 года, благодаря англичанамъ, превратилось въ огромное соляное болото, заражающее Александрію своими вредными міазмами. На станціи Кафръ-ель Дуаръ, первой отъ Александріи, какъ впрочемъ и на дальнѣйшихъ, поѣздъ окружаютъ продавцы разныхъ предметовъ, преимущественно фруктовъ; но особенно часто слышны выкрикиванья „мди, мди“! Это продаютъ воду для питья, разносивая ее въ глиняныхъ кувшинахъ съ узкимъ продолговатымъ горлышкомъ. Стакана для питья не полагается: каждому позволено пить изъ горлышка. Мнѣ не удалось узнать, есть ли въ вокзалахъ вода для бесплатнаго пользованія, какъ это заведено на нашихъ вокзалахъ. Продавцы женщины и мальчики грязные, оборванные, послѣдніе полунагіе. Нашъ драгоманъ купилъ для насъ персиковъ, позднее купилъ вѣзмъ по букету изъ розъ. Предъ станцію Кафръ-ель Цайятъ переѣзжаемъ Нилъ или точнѣе розеттскую вѣтвь Нила; предъ станцію Бенгаль-Ассаль

перевъзжаемъ вѣтвь Нила дамѣтскую, въ томъ и другомъ случаѣ по прекрасному желѣзному мосту. Нилъ не поразилъ меня своею величиною. Руслѣ его широко, но теперь онъ придвинулся къ одному берегу, оставя значительную часть русла сухою. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей прославленной чудодѣйственной силѣ, онъ казался величественнымъ; я смотрѣлъ на него съ какимъ-то благоговѣніемъ; что-то торжественное чувствовалось при перевѣздѣ чрезъ него.

Широкая безпредѣльная равнина разстилалась предъ нашими глазами по ту и другую сторону дороги. Въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ направленіямъ перерѣзывали ее невысокіе валы, покрытые рядами красивыхъ густолиственныхъ деревьевъ, а иногда и пальмъ стройныхъ и высокихъ, возносящихъ въ высъ свои красивыя вершины: то многочисленныя каналы разносили по равнинѣ живительную влагу Нила. Иногда въ воздушной синевѣ среди рощи пальмъ и другихъ деревъ проглядывали большія красивыя, бѣлыя или красныя постройки. Но чаще попадались на глаза какъ бы приземистыя грязныя возвышенія съ чернѣющими въ нихъ углубленіями: то бѣдныя деревушки феллаховъ, состоящія изъ хижинъ, сдѣланныхъ изъ кирпичей изъ земли и соломѣ, высушенныхъ на солнцѣ, и покрытыхъ очень гладкимъ слоемъ глины. Пробѣгала предъ глазами и сельская жизнь во всей ея неприкровенности. Вотъ на песчаномъ возвышеніи канавы, сопровождающей желѣзную дорогу, сидятъ группами и въ одиночку женщины въ синихъ рубахахъ съ черными платками на головахъ; а возлѣ нихъ въ песокъ валяются голыя темнокоричневые ребятишки. Далѣе по дорогѣ идетъ важно высокій мужчина въ длинной синей же рубахѣ съ обвязанною платкомъ головою; за нимъ верхомъ на маленькомъ осликѣ ѣдетъ окутанная въ покрывало женщина. А вотъ и цѣлый рядъ движущихся гуськомъ копенъ соломѣ или сжатого хлѣба: то везутъ на своей спинѣ свою ношу скрывшіеся подъ нею ослики. Бродящіе верблюды, буйволы, разныя птицы попо-

няютъ картину. Встрѣчались и водооросительныя приспособленія. Вотъ такъ называемое „сакийе“. Буйволь ходитъ кругомъ, вертя колесо. По этому колесу передвигается достоящее до воды ожерелье небольшихъ глиняныхъ горшковъ, обернутыхъ горлышками въ ту сторону, куда колесо вертится; такимъ образомъ нижній кувшинъ черпаетъ воду въ то время, какъ верхній надъ землею выливаетъ свою воду въ подставленный желобъ, изъ котораго вода течетъ чрезъ канавы на поля. Подобное устройство имѣетъ „табутъ“, отличаясь отъ предыдущаго прибора лишь тѣмъ, что вмѣсто глиняныхъ горшковъ къ колесу прикрѣпляются ящики. Въ другихъ мѣстахъ черпаютъ воду посредствомъ оцѣпъ т. е. длинной жерди, укрѣпленной посрединѣ между двумя столбами и имѣющей на одномъ концѣ сосудъ для черпанія, а на другомъ какую-либо тяжесть для облегченія подъема почерпнутой воды: это „шадуфъ“. Вычерпнутая такимъ образомъ вода выливается также въ канавку. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ берегъ высокъ, употребляется нѣсколько шадуфовъ. Одинъ рабочій достаетъ воду изъ канала или Нила и выливаетъ ее около себя въ небольшую яму, выкопанную въ крутомъ берегу и устланную финиковыми рогожками; вода по канавкѣ доходитъ до другой ямы, изъ которой черпаетъ ее другой работникъ, стоящій выше перваго. Иногда, смотря по высотѣ берега, третій, четвертый и дальнѣйшій доводитъ воду до полей. Но вотъ и болѣе простой способъ орошенія: стоя на берегу канала и держа за концы веревку, къ срединѣ которой привязана корзина, двое мужчинъ раскачиваютъ послѣднюю, черпаютъ ею воду изъ канала и выливаютъ ее въ яму на верху берега канала, откуда она чрезъ канавки расходится по полю. На поляхъ такъ орошаемыхъ въ бороздахъ или канавкахъ видна дѣйствительно сверлящая на солнцѣ вода. Приятная зелень покрываетъ ихъ. Видъ этого широкаго зеленого моря, перерѣзываемаго въ разныхъ направленіяхъ аллеями деревъ, производитъ какое-то особенное восхитительное впечатлѣніе, такое, ка-

кого прежде я не испытывалъ. Но вотъ и поля сѣрыя, голыя. Темныя небольшія грудки чего-то, точно бородавки тѣло, покрываютъ ихъ почти сплошь. Мнѣ припомнились наша поля съ раскиданнымъ по нимъ навозомъ предъ распашкою ихъ. Но не уже ли и въ благословенной нильской долинь прибѣгаютъ къ такому способу удобренія почвы? Я обратился съ вопросомъ къ Махмуду. „Грудки эти, разбросанныя по полю, отвѣтилъ онъ мнѣ, состоятъ изъ нильскаго ила. Его берутъ около Каира, привозятъ сюда или по желѣзной дорогѣ или же на верблюдахъ и разбрасываютъ по полю; разливающійся Нилъ разстелетъ этотъ илъ ровною скатертью“. Далѣе мы встрѣчали и караваны верблюдовъ, нагруженныхъ землею. Такъ вотъ, подумалось мнѣ, и хваленая легкость обработыванія полей подъ посѣвъ.

На пути къ Каиру пришлось познакомиться на опытѣ и съ хамсиномъ. Не много спустя послѣ нашего выѣзда изъ Александріи въ воздухѣ стало быстро теплѣть, появился и вѣтеръ. Сначала онъ какъ бы ласкалъ своею пріятною теплотою; но скоро онъ усилился и сдѣлался положительно горячимъ; не было никакой возможности не только смотрѣть въ окно въ сторону вѣтра, но и просто сидѣть возлѣ окна. „Что это за диковина такая? удивленно спрашивалъ Ш. Точно изъ каменки въ банѣ несетъ!... Да, заключилъ онъ глубокомысленно; это мы въ тропики въѣзжаемъ“. Я сначала не пришелъ къ мысли о хамсинѣ и спрашивалъ Махмуда: ужели всегда такой горячій здѣсь вѣтеръ, Онъ мнѣ отвѣтилъ, что такой горячій вѣтеръ бываетъ здѣсь не часто, и что теперь дуетъ хамсинъ. Но облаковъ пыли я не видѣлъ, по всей вѣроятности потому, что мы ѣхали среди зеленой равнины. Не испыталъ я на себѣ и того болѣзненнаго и гнетущаго состоянія тѣла и духа, о которомъ говорятъ другіе, подвергавшіеся дѣйствию хамсина.

Повѣдка по желѣзной дорогѣ не обошлась и безъ приключеній въ вагонѣ. Пассажировъ было много, преимущественно мужчины. Общество для насъ совершенно новое,

необычное и къ тому же самое разношерстное и по типу, и по цвѣту лица и по костюмамъ. Длинные халаты или мантии то спущенные, то собранные выше пояса, то перекинутые черезъ плечо преобладавали. Лица по преимуществу сильно загорѣлыя и иногда очень дикія, иногда совершенно черныя—негрскія. Не было и порядка въ сидѣніи: кто сидѣлъ на скамьѣ, опустивъ ноги, или поджавъ ихъ подъ себя, кто разлегся, а кто и ходилъ по скамьямъ, едва не наступая на головы. Вдругъ поднялся сильный шумъ, изъ котораго сталъ выдѣлаться плаксивый голосъ одного. Пассажиры разступились. Показался въ срединѣ невзрачный сухой небольшого роста арабъ. За тѣмъ начались обыски у лицъ, ближе къ нему сидѣвшихъ, а потомъ и у него самого. Оказалось, что у него вынули изъ кармана, или онъ самъ потерялъ пятнадцать турецкихъ золотыхъ (лиръ). Жалко было видѣть этого совершенно растерявшагося челоуѣка. Его сосѣди съ какимъ-то дикимъ взглядомъ почти полунагіе не внушали довѣрія. Тѣмъ не менѣе потерянное или похищенное не было отыскано. Я въ настоящемъ случаѣ имѣлъ возможность познакомиться съ одеждою туземцевъ, такъ какъ обыскиваемыхъ раздѣвали чуть не донага. У нѣкоторыхъ, одѣтыхъ сверху грязно, нижнее бѣлье было очень чистое бѣлое.

Наступившіе сумерки не позволяли различать предметы предъ Каиромъ, въ который мы пріѣхали около восьми часовъ вечера. Разсчетливый драгоманъ хотѣлъ было всѣхъ насъ усадить въ одно ландо, благо не видно; но мы сопротивились этому. Обнаруженная разсчетливость драгомана заставила было насъ опасаться и относительно хорошаго помѣщенія: наемъ помѣщенія для насъ лежалъ на обязанности драгомана и входилъ въ заранѣе условленную общую плату ему. Но это опасеніе было излишне. Скоро экипажи наши остановились предъ очень большимъ сѣрымъ зданіемъ. Широкія раскрытыя ворота вели въ открытый дворъ, среди котораго билъ фонтанъ, окруженный неболь-

шою растительностью. Оба верхнихъ этажей выходили въ этотъ дворъ. Внизу по продольнымъ стѣнамъ шла открытая съ боковъ галерея съ скамейками у стѣнъ, гдѣ мы пока и сѣли. Широкая каменная лѣстница, на сторонѣ противоположной воротамъ, вела въ верхніе этажи. Лѣстница была хорошо освѣщена. Между тѣмъ со стороны конторы гостиницы доносилась до насъ горячая, чуть не крупная рѣчь нашего Махмуда. Всегда ровный и почти неподвижный, онъ теперь горячился, жестикулировалъ и отплевывалъ въ сторону; раза два подходилъ и къ намъ, но на наши разспросы о причинѣ его горячности онъ спокойно отвѣчалъ одно и тоже: „мое слово“, „мое дѣло!“ Позднѣе оказалось, что съ него запросили слишкомъ большую цѣну за номера. Наконецъ мы двинулись по лѣстницамъ и размѣстились въ трехъ номерахъ на верхнемъ этажѣ: два номера заняли двѣ супружескія четы, а я и Ш. заняли третій. Сильная жажда мучила всѣхъ насъ и потому прежде всего мы заказали самовары; къ счастью нашему въ гостиницѣ оказались чайныя принадлежности—металлическіе чайники и стаканы, чай у насъ былъ свой. Компанія наша разбилась въ этомъ случаѣ на двѣ равныя половины. Напившись чаю, мы разошлись по своимъ номерамъ. Теперь я обратилъ вниманіе на свою новую обстановку. Номеръ нашъ довольно просторный, съ высокимъ деревяннымъ некрашеннымъ потолкомъ, въ два окна узкія, но высокія съ поднимающимися вверхъ рамами и занавѣсками. Стѣны штукатурныя, но не обклеенныя обоями, полъ покрытъ чистыми цыновками. Мебель обычная: диванъ чуть не во всю стѣну мягкій восточный, комодъ, столъ между окнами, фарфоровые умывальники и двѣ широкія желѣзныя кровати съ кисейными пологамъ и пружинными тюфяками. Такія же помѣщенія были и у нашихъ компаньоновъ. Ш. тотчасъ же приспособился къ тому, чтобы лечь спать; но не успѣлъ онъ еще вполне разлечься на тюфякѣ подъ пологомъ, какъ тотчасъ же соскочилъ на полъ. „Тутъ жарче, чѣмъ въ банѣ

на полкѣ^а, сказалъ онъ съ неудовольствіемъ и расположился на диванѣ. Но и тутъ ему показалось жарко, и онъ разлегся преспокойно на циновкѣ среди пола. „Здѣсь лучше, убаюкивалъ онъ себя: и прохладнѣе, да и мягко. И какъ это спать на такихъ перинахъ въ такую жару, да еще въ пологу? Не што, народъ восточный“...

Θ. Покровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи.

ЗА М. ФЕВРАЛЬ 1887 ГОДА.

9 февраля было собраніе членовъ Церковно-археологическаго Общества, на которомъ предложенъ былъ членомъ Общества, доцентомъ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскимъ рефератъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе современныхъ Константинопольскихъ и Аѳонскихъ храмовъ и ихъ украшеній“.

Въ теченіи февраля мѣсяца въ Церковно-археологическое Общество, музей и бібліотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества XXXV выпускъ „Странствованій Василія Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“.

Б) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за январь, 1887 года.

В) Отъ почетнаго члена, преосвященнаго Евгенія, епископа астраханскаго и енотаевскаго: 1, рукописный „Ключъ къ еврейской хрестоматіи протоіерея Г. Павскаго, составленный протоіереемъ Игнатіемъ Нѣмчиновымъ въ 1872 году“, и 2) письмо императора Петра I, съ собственноруч-

ной его подписью, отъ 17 апрѣля, 1717 года, за № 5-мъ къ какому-то генералу¹⁾. Письмо—слѣдующаго содержанія: „Господинъ Генералъ! Письма твои чрезъ курира Шемякина с приложенными табелями также и другія чрезъ почты Марта отъ 15-го, отъ 22-го и отъ 26-го чиселъ исправно до насъ дошли. И что пишете для отправления мундиру и амуниціи многое число надобно подводъ і не без великой в том трудности будет Мекленбургским обывателем и на сие мы много средства не находим что мундир драгунской когда вы станете выходить конечно надобно отправлять сухимъ путем собрав подводы добрым порядкомъ, а амуницію порох свинець и прочее тому подобное что ненужно в драгунские полки отпустить от Ростока морем на судах до Риги или Ревеля в то время когда канвой аглинской будет на Остъзей; Что же упоминаете о магазенне дабы былъ приготовлен в польском Шверяне і о том мы к еелтъ маршалу Граеу Шереметеву писали и то письмо при сем посылаем к нему отправь немедленно; роспись тѣмъ людямъ которыхъ Оиъкъ написал въ калегіи мы смотрѣли, и которыя годны в Калегіи тѣх призывать ему вели однакож между оными в ассесоры годны немногія но болше в нижнія чины а иныя стары как он о давенштерне самъ пимет, И для чтоб он старался как в Лиоляндіи такъ в Шлезии и других местах сыскать добрых людей в ассесоры в каждую Калегію по одному челоувѣку, над которыми определить по одному президенту. И тогда тѣ президенты вмѣстѣ с асесорами нижние чины сами себѣ могут сыскать; а ине нужнее всего чтоб ассесоровъ сыскивал.   Петръ.

въ 17 ден апрѣля искали 1717.

Р. S Однако ж і в нижние чины ежели найдутца добрыя люди и которыя хотя мало поруски или попольски могут говорить и будут просить невелико платы то бы не пропуская и нанял хотя по одному в каждую Калегію

¹⁾ Адаму Адамовичу Вейде,—по указанію А. О. Бичкова.

или меньше сколько может сыскать“. На оборотѣ письма помѣта: „Получено от Камисарията мая въ 3 день“.

Г) Отъ почетнаго члена, пресвященнаго Владиміра, епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго, *сто руб. (100 р.) серебромъ* на нужды общества и 22 гипсовые медальона графа Теодора Толстаго, изъ коихъ 20 медальоновъ сочинены и сдѣланы имъ на разныя событія отечественной войны 1812—1814 гг. Медальоны эти слѣдующіе: 1) Бой при Маломъ Ярославцѣ 1812 г.; 2) Битва Бородинская 1812; 3) Народное ополченіе 1812; 4) Освобожденіе Москвы 1812; 5) Трехдневный бой при Красномъ 1812; 6) Сраженіе при Березинѣ 1812; 7) Бѣгство Наполеона за Нѣманъ 1812; 8) Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи 1813; 9) Переходъ за Рейнъ 1813; 10) Освобожденіе Берлина 1813; 11) Бой при Кульмѣ 1813; 12) Сраженіе на высотахъ Бацбахскихъ 1813; 13) Битва при Лейпцигѣ 1813; 14) Родомыслъ девятиганадесять вѣка; 15) Тройственный союзъ 1813; 16) Освобожденіе Амстердама 1813; 17) Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ 1814; 18) Бой при Арсиъ-Сюръ-Объ 1814; 19) Сраженіе при Бриенѣ 1814; 20) Покореніе Парижа 1814; 21—22) двѣ сцены изъ классическаго міра.

Д) Отъ Екатеринославской духовной консисторіи церковныя вещи изъ Покровской церкви села Покровскаго, Екатеринославскаго уѣзда: 1) евангеліе на престольное московской печати 1785 года, въ мѣдномъ посеребренномъ окладѣ, съ грубыми чеканными изображеніями четырехъ евангелистовъ, Воскресенія и Богоявленія Господня; 2) оловянная чаша безъ подножія; 3) мѣдный вызолоченный сверху дискосъ, со слѣдующею надписью на подножіи: „1786 года октября 1 дня отмѣнилъ сей дискусъ и звѣзду житель покровскій Никифоръ Щипотникъ за здравіе свое и жени его Агафіи а заупокоею Ивана, Татіану, Григорія, Уліяну и всѣхъ сродниковъ“; 4) три деревянныя лопатки, на которыя наклеивались поминальныя записи и разныя богослужебныя молитвы; 5) миньютюрное изображеніе Богоматери съ Бого-

младенцемъ и молитва „О тебѣ радуется“ на нотахъ, написанныя красками на доскѣ, въ формѣ иконы, и б) весьма испортившаяся икона Спасителя на холстѣ, со слѣдующею внизу подписью: „сію ікону отмѣнивъ куреня Б(ру)ховецкаго атаманъ Васил... Шило 1769 г... мѣд...“.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Литовской духовной семинаріи архимандрита Іосифа: 1) фотографическій снимокъ съ Виленской иконы Богоматери, и 2) составленная и изданная жертвователемъ молитва передъ сею иконою, со слѣдующимъ историческимъ примѣчаніемъ о сей иконѣ: „Сія св. икона—одна изъ древнѣйшихъ. Происхожденіе ея возводится ко времени апостольскому и усвоется св. Лукъ. Она находилась во дворцѣ византійскихъ императоровъ и была въ числѣ благословенныхъ рода Палеологовъ. Послѣдняя отрасль этого рода Софія Ѳоминична съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ этою св. иконою благословили дочь свою Елену Іоанновну, при отъѣздѣ въ замужество за великаго князя Литовскаго Александра. Царственная невѣста вѣзжала въ Вильну въ преднесеніи сей иконы; на встрѣчу торжественнаго поѣзда выходили всѣ граждане Вильны крестнымъ ходомъ и архимандритъ Троицкаго монастыря Макарій, впоследствии митрополитъ Кіевскій, священномученикъ, коего святыя мощи почиваютъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. св. икона была поставлена въ Пречистенскомъ Виленскомъ соборѣ, а потомъ въ 1749 году перенесена въ церковь Троицкаго монастыря, гдѣ находится и донинѣ, источая силу чудотвореній по молитвѣ съ вѣрою притекающимъ къ ней. Въ 1865 г. поновлена. Большія свѣдѣнія о сей св. иконѣ см. въ книгахъ „Островоротная или Остробрамская св. икона Богородицы въ Вильнѣ“ и „Виленскій Свято-троицкій монастырь“.

Ж) Отъ члена общества, члена Православной Японской миссіи архимандрита Аватолія (Тихая): 1) Служебникъ кіевской печати 1736 года, in 8-о, безъ выходнаго и двухъ послѣднихъ листовъ съ гравированными изображеніями св.

Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Двоеслова, исполненными іеромонахомъ Макаріемъ, и 2) японскіе стѣнные часы, сломавшіяся въ пути.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Московскаго университета А. С. Павлова его сочиненія: 1) „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“, Казань, 1869 г., и 2) „Книги законныя, содержащія въ себѣ, въ древнерусскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачныя и судебныя“, С. Петербургъ, 1885 года.

И) Отъ дѣйствительнаго члена, законоучителя Астраханской гимназіи, протоіерея Г. Покровскаго *пять руб. (5 р.) серебромъ* на нужды Церковно-археологическаго Общества.

І) Отъ дѣйствительнаго члена, Житомирскаго полиціймейстра Т. І. Вержбицкаго: польскій троякъ Стефана Баторія и 25-рублевая русская ассигнація 1814 года, за № 690350-мъ.

К) Отъ дѣйствительнаго члена, Н. П. Чернева, 10 серебряныхъ монетъ, 1 бронзовая и 1 серебряный жетонъ, а именно монеты: 1) Александра Великаго; 2) Юлія Цесарія; 3) Тиверія; 4) Гальбы; 5) Нерона; 6) Домиціана; 7) Константина Великаго бронзовая; 8) японская; 9—10) новгородки; 11) псковка, и 12) жетонъ Фердинанда принца Орлеанскаго и Елены принцессы Мекленбургъ-Шверинскій.

Л) Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Одесскаго дух. училища Игн. Ант. Чемены: 1) медальончикъ мѣдный съ изображеніями Богоматери и св. Бенедикта; монеты бронзовыя и мѣдныя: 1—4) понтійскія Матридата, Рискупориса IV и Рискупориса Савромата; 5—6) ольвійскія; 7) пантикапейская; 8—12) римскія неясныя; 13—16) византійскія; 17—19) турецкія (изъ нихъ 2 серебряныя); 20) китайская; 21) японская; 22) Карла Еммануила, царя Сардиніи, Кипра, Іерусалима и проч., 1769 г.; 23) французская Людовика XVI; 24—25) австрійскія; 26—28) польскія; 29—30) русскія.

М) Отъ члена-корреспондента, чиновника генералъ-губернаторской канцеляріи А. Ф. Новицкаго, монеты: 1—2) брон-

зовыя римскія Адріана и Домиціана и 3) серебряная турецкая.

Н) Отъ учителя Житомирскаго духовнаго училища Н. В. Стемпковскаго монеты бронзовая римская Домиціана и квадратная восточная.

О) Отъ учителя Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища В. Н. Ястребова его брошюра: „Свѣдѣнія объ археологической коллекціи при Елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ“, Херсонъ, 1887 года.

П) Отъ воспитанника первой Кіевской гимназіи Н. Г. Захаріевскаго: польско-русская монета въ 5 золотыхъ 1832 г. и гривенникъ 1886 года.

ЗА М. МАРТЬ 1887 г.

16 марта было обыкновенное собраніе членовъ Церковно-археологическаго Общества, на которомъ, кромѣ доклада текущихъ дѣлъ, заслушанъ былъ рефератъ члена Общества, доцента Кіевской духовной академіи А. А. Дмитриевскаго, подъ заглавіемъ „Живопись Аеонская, ея характеръ и богослужебныя принадлежности“.

Въ теченіи Марта мѣсяца въ Церковно-археологическое Общество музеей и библіотеку его поступили нижеслѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества 1) XXXVI выпускъ „Странствованій Василя Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“; 2) „Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1885—1886 годъ“; 3) „Поѣздка въ Іерусалимъ. Докладъ, читанный Т. В. Кибальчичемъ въ засѣданіи 10 декабря 1886 года“, и 4) „Сообщенія Православнаго Палестинскаго Общества. Январь. 1887 г.“.

Б) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за февраль.

Труды Кіевской Дух. Академіи. Т. II. 1887 г.

20

В) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи XIII-й выпускъ „Извѣстій“ сей комиссіи, съ журналами засѣданія ея отъ 10 января и 4 февраля 1887 года.

Г) Отъ почетнаго члена, преосвященнаго Владимира, епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго, архіерейскій посохъ или жезлъ. Матеріалъ для него,—различныхъ породъ камни, желѣзо, мѣдь и золото,—добытъ въ нѣдрахъ Русскаго Алтая руками мѣстныхъ рабочихъ; рисунокъ, гранильная, литейная и позолотная работы выполнены на Алтаѣ же мѣстными художниками и мастерами колывянской гранильной фабрики. На подножкѣ посоха вырѣзана слѣдующая надпись: „Незабвенной матери Кіевской Академіи благодарный питомецъ Епископъ Владиміръ съ сѣвернаго Кавказа приносить даръ отъ сокровищъ Алтая. 31 декабря 1886 года“.—„Это,—пишетъ преосвященный Владиміръ,—усердный, давно, еще на Алтаѣ задуманный, но только теперь съ сѣвернаго Кавказа посланный даръ моего достоинства Кіевской Академіи, какъ воспитанника своей *Almae Matris*, въ знакъ признательности къ полученнымъ отъ нея безцѣннымъ благамъ духовнымъ, а вмѣстѣ и память о многолѣтнемъ, Божію милостію, служеніи моемъ, единаго изъ Кіевскихъ питомцевъ, дѣлу распространенія св. вѣры между язычниками въ горахъ Русскаго Алтая, на югѣ Западной Сибири. Да благоволитъ дорогая, незабвенная Академія принять сей даръ съ такою же любовью, съ какою онъ посылается. Утѣшенъ буду, если жезлъ сей хоть когда-нибудь будетъ употребляемъ при богослуженіи начальниками академіи, но въ особенности желалъ бы этого въ день послѣдній всякаго года, когда молитвенно воспоминаются всѣ усопшіе благодѣтели, начальники, наставники и воспитанники Кіевской Академіи. Во всякомъ случаѣ сей вещь найдется, думаю, мѣстечко гдѣ-либо въ уголкѣ помѣщенія Церковно-археологическаго Музея“.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, намѣстника Троице-Сергіевской лавры архимандрита Леонида составленное имъ „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой лавры въ бібліотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 году (нынѣ находящихся въ бібліотекѣ Московской духовной академіи)“. Выпуски 1 и 2-й. Москва. 1887. 8-о.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Минской духовной семинаріи, протоіерея Алексѣя Конскаго *двадцать руб.* (20 р.) серебромъ.

Ж) Отъ членовъ Общества изъ состава служащихъ при Кіевской духовной академіи лицъ *тридцать пять* (35 р.) руб. серебромъ.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, житомирскаго полицій-мейстера Т. І. Вержбицкаго книги: 1) *Le philosophe Anglois ou histoire de Monsieur Cleveland, fils naturel de Cromwell. Tome troisième. A Utrecht, 1734, in 12-о;* 2) *Thesauri polono-latino-graeci R. P. Gregorii Snapii tomus secundus latino-germano-polonicus. Posnaniae. 1739, in 4-о;* 3) *Gradus ad Parnassum, іезуита Павла Алер, Кельвъ и Франкфуртъ, 1752, in 8-о;* 4) *Exercice journalier de piété à l'usage de sa majesté l'imperatrice reine de Hongrie et de Bohème, Вѣна, 1761, in 8-о;* 5) *Prawo cywilne narodu Polskiego, X. Teodora Ostrowskiego, tom II, Варшава, 1787, in 8-о;* 6) „Наставленія дѣтямъ въ законѣ вѣры“,—въ разговорахъ,—переводъ воспитанниковъ Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго корпуса, посвященный митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Гавриилу, С.-Петербургъ, in 8-о; 7) *Ars rhetorica ad Tullianam rationem exacta..., auctore P. Gabriele Francisco Lejay, Petropoli, 1800, in 8-о;* 8) *Le voyageur de la jeunesse dans les quatre parties du monde..., rédigé par Pierre Blanchard, à Paris, 1804, tome cinquième, 8-о;* 9) Сокращеніе нравственныхъ богословіи, С.-Петербургъ, 1805, 8-о; 10) *Szkola cnoty i grzeczności..., przez M. Wandelaincourt, на*

польскомъ и французскомъ языкахъ, w Wroclawiu, 1809, in 12-o; 11) „Ботаника Вильденова“, въ переводъ Ив. Рейпольскаго, Москва, 1819, in 8-o; 12) „Поучительныя слова, говоренныя въ разныя времена синодальнымъ членомъ Филаретомъ, архіепископомъ ярославскимъ и ростовскимъ“, С.-Петербургъ, 1820, in 8-o; 13) Ручной російско-польскій словарь, изданный Піарскаго Общества іеромонахомъ Модестомъ Станевичемъ, Вильна, 1826, in 8-o, и 14) Начертаніе церковно-библейской исторіи, въ пользу юношества обучающагося въ духовныхъ училищахъ. Изданіе четвертое исправленіе. С.-Петербургъ, 1827, in 8-o.

И) Отъ члена-корреспондента, чиновника канцеляріи кievскаго генералъ-губернатора, А. Ф. Новицкаго: 1) Планъ города С.-Петербурга, сочиненный въ Главномъ Штабѣ Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ Фитцтумомъ и гравированный при Военно-топографическомъ Депо, 1827 г.; 2) серебряный рубль Іоанна Антоновича, 1741 г.; 3) серебряный пятачекъ 1756 г.; 4—5) гривенники 1787 и 1798 гг.

Л) Отъ секретаря Русскаго Посольства въ Константинополь Виктора Львовича Гриценка—золотая французская монета Карла V Мудраго (1364—1380 гг.), найденная, вмѣстѣ съ другими такими же, при рытьѣ одного колодца во Франціи. На лицевой сторонѣ изображенъ стоящій подъ готической аркой король, съ мечомъ въ правой и копьемъ въ лѣвой рукѣ. Legend: Кагопуг (?) De. gr. Francoru. rex.— На оборотной сторонѣ—крестъ съ коронами и лиліями по сторонамъ и legend:—Хрс (Χρῖστος) vincit, Хрс regnat, Хрс imperat.

М) Отъ Д. Θ. Самарина, изъ Москвы: гравированный портретъ Ю. Θ. Самарина, работы Ив. Пожалостина, 1886 года.

Н) Отъ Василія Горленка: 1) лѣвая створка отъ мѣднаго складня, съ изображеніями внизу св. мучениковъ Кирика и Іудитты и двухъ святителей, обращенныхъ ликами

по направленію къ центральной створкѣ, а вверху—трехъ св. женъ и между ними св. мученицы Параскевіи пятницы и Агриппины; 2) мѣдный эмальированный складень, безъ лѣвой створки, съ изображеніями на центральной створкѣ Демсуса, а на правой—Іоанна Богослова, св. Николая и св. митрополита Филиппа; 3) мѣдный образокъ вынѣшняго вѣка, съ изображеніями на одной сторонѣ Успенія Богоматери, а на другой—распятія; 4) серебряный крестикъ 1871 г.; 5) серебряный позолоченный съ лицевой стороны крестикъ, оба 84 пробы; 6) мѣдный жетончикъ, съ изображеніями шаха персидскаго и солнца; 7) мѣдный крестикъ—тѣльничъ; 8) книга „Краткая священная исторія для малолѣтнихъ дѣтей на шести языкахъ (русскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ), напечатанная въ Кіево-Печерской лаврѣ, 1829, in 8-о.

М) Отъ учителя Горійскаго духовнаго училища (въ Имеретіи) Бутырскаго: „Сравнительная таблица христіанскихъ вѣроисповѣданій, составленная С.-Петербургской академіи инспекторомъ архимандритомъ Иннокентіемъ 1828 года“,—рукопись 1836 года, въ листъ, на 9 листахъ. Сравниваются главные пункты вѣроисповѣданій греко-россійскаго, католическаго, лютеранскаго, реформатскаго, меннонитскаго, квакерскаго, арменіанскаго и соцініанскаго.

Н) Отъ вумизмата Менчинскаго, въ обмѣвъ на дублетный троякъ Стефана Баторія: 1) кнуфбургская монета Карла V, 1545 г.; 2) польскій ортъ Сигизмунда III; 3) шостакъ его же, 1626 г.; 4) то же, 1627 г.; 5) монета въ 30 грошей Яна Казимира, 1663 года.

О) Отъ студента II курса Кіевской дух. академіи Іоас. Краснитскаго монеты: 1) серебряная австрійская Франциска I, 1831 г.; 2) прусскій зильбергрошъ 1864 г.; 3) Grosze 1828 г.; 4) копейка 1707 г.; 5) двухкопеечникъ 1756 г. (перечеканка), и 6) гривенникъ 1791 года.

ЗА М. АПРѢЛЬ 1887 г.

20 апрѣля было собраніе членовъ Церковно-археологическаго Общества, на которомъ рассмотрѣны были проектъ и смѣта на предполагаемыя пристройки къ каменной церкви Кіево-Николаевскаго монастыря, доложено было дѣло по сообщенію священника В. Криницкаго о пожертвованныхъ имъ Церковно-археологическому музею, но не переданныхъ въ него членомъ Т. В. Кибальчицемъ предметахъ, и заслушано было сообщеніе члена, профессора М. Ф. Ястребова о рукописныхъ лекціяхъ по догматическому богословію, преподаваемыхъ въ Кіевской духовной академіи ректоромъ ея архимандритомъ Димитріемъ (Муретовымъ), впоследствии архіепископомъ херсонскимъ.

Въ теченіи апрѣля мѣсяца въ Церковно-археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертванія:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества— XXXVII выпускъ „Странствованій Василя Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“.

Б) Отъ С.-Петербурскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за м. мартъ.

В) Отъ дѣйствительнаго члена, духовника Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Петровны, протоіеря В. И. Лебедева — большая бронзовая медаль въ воспоминаніе двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго, 30 мая, 1872 года.

Г) Отъ дѣйствительнаго члена, д. с. с. А. Л. Добровторскаго—десять руб. (10 р.) серебромъ на нужды Общества.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, с. с. С. В. Бодилевскаго пять серебряныхъ копеечекъ: 1) царя Ив. В. Грознаго; 2) В. И. Шуйскаго; 3—4) Михаила Θεодоровича, и 5) Θεодора Іоанновича.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Волынской дух. семинаріи М. В. Писарева—четыре серебряныя денежки царя Ивана Васильевича Грознаго.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена Н. П. Чернева: 1—2) два бронзовые наконечника стрѣлъ, изъ-за Дняпра, изъ Остерскаго уѣзда, Черниговской губ.; 3) серебряный перстень съ печаткой и греческою рѣзною надписью 1737 г.; 4) серебряный перстень въ видѣ согнувшейся въ кольцо змѣи.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Одесскаго духовнаго училища Иг. Ав. Чемены—двѣ серебряныхъ и десять бронзовыхъ и мѣдныхъ монетъ ольвійскихъ, татарскихъ, австрійскихъ, польскихъ и русскихъ, и печатное „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“, in 4-о. С. - Петербургъ, 1780 г.

И) Отъ учителя Волынской дух. семинаріи Гр. Крыжановскаго—двѣнадцать серебряныхъ монетъ, изъ коихъ 2 римскія (1 Коммода Антонина), 1 австрійскій талеръ города Эмбаха, времени императора Фердинарда III, а остальныя польскія Сигизмунда III и Станислава Августа Понятовскаго.

1) Отъ учителя второй Вилевской гимназіи А. Н. Сергѣева, чрезъ члена Киевской Судебной Палаты г. Сурина: 1) пробный экземпляръ бронзоваго священническаго креста въ память отечественной войны 1812 г., и 2) большая бронзовая медаль на начатіе постройки храма Христа Спасителя въ память отечественной войны 1812 года, 1838 года. „Сочинилъ К. Тонъ. Рѣзалъ П. Уткинъ“.

К) Отъ В. Горленка: 1) серебряный образокъ съ изображеніями Успенія Богоматери и св. великомученицы Варвары; 2) серебряный образокъ съ изображеніями нерушимой стѣны Киево-Софійскаго собора и св. великомученицы Варвары; 3) мѣдный образокъ, съ изображеніями Знаменія Пресв. Богородицы и святителя Николая съ Артеміемъ Веркольскимъ; 4) серебряная монетка римскаго королевства Наполеона I, 1809 года.

Л) Отъ священника села Тулинецъ, Каневского уѣзда, Кіевской губ., Кипріана Ляховецаго — монашеская схи́ма выѣшшняго вѣка.

М) Отъ г. Болсуновскаго: ручка отъ большого глинянаго сосуда, мѣдный образокъ Казанской иконы Богоматери, безъ верхняго праваго угла, и мѣдный крестикъ съ изображеніемъ Богоматери и слѣдами изваянія распятія, найденныя въ землѣ, въ Кіевѣ, на усадьбѣ Самонова, по Театральному переулку.

Н) Отъ г. Менчинскаго—серебряная византійская монета Алексѣя Комнена, съ изображеніями св. Евгенія и императора на коняхъ.

О) Отъ студента Кіевскаго университета Н. Бѣляшевскаго три бронзовыя византійско-херсонисскія монеты императоровъ Никифора, Васи́лія Македонянина и Васи́лія Багрянороднаго.

П) Отъ студента Кіевской дух. академіи Іоас. Краснитскаго—серебряный жетонъ на коронаціи Александра I, 1801 года.

Кромѣ того, дворянинъ С. Н. Шмитъ, при посредствѣ члена, доцента Кіевской дух. академіи В. З. Завитневича, передалъ въ Церковно-археологическое Общество для временнаго пользованія, шесть свитковъ документовъ XVII вѣка, касающихся исторіи заселенія Слободской Украины.

Секретарь Общества *Н. Петровъ*.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

по

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе¹).

§ 110.

Ученіе объ освящающей благодати послѣ IV вѣка на западѣ.

Такъ училъ до борьбы своей съ Пелагіемъ по вопросу о благодати и бл. *Августинъ*. Но впоследствии, увлеченный этою борьбою, онъ много измѣнилъ свой взглядъ на отношеніе благодати къ свободѣ человѣка, что осталось не безъ вредныхъ послѣдствій, если не на востокѣ, то на западѣ. Пелагій, какъ извѣстно, руководясь тѣмъ опасеніемъ, что излишняя надежда на благодать Божию можетъ служить поводомъ къ нравственной беспечности и развращенности, поставилъ для себя задачу возвысить въ дѣлѣ спасенія человѣка значеніе его нравственной свободы и самостоятельности. Но въ преслѣдованіи этой цѣли онъ зашелъ слишкомъ далеко, ставши утверждать, что не только въ каждомъ человѣкѣ есть способность и силы къ добру, но что эта способность и силы нисколько (прародительскимъ грѣхомъ) не повреждены, а напротивъ находятся въ такомъ здоровомъ или нормальномъ состояніи, что человѣкъ не только самъ собою можетъ творить доброе, но даже можетъ достигать совершенной святости, лишь бы только твердо и

---

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., июнь, 1887 г.
Труды Кіевской Дух. Академіи. Т. II. 1887 г.

рѣшительно захотѣлъ того и навсегда оставался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи¹⁾. Вслѣдъ же за симъ Пелагій, если не безусловно отвергъ всякую нужду для человѣка въ благодати, то оставилъ за ней только значеніе вспомогательнаго или облегчающаго трудъ человѣка пособія, и то пособія болѣе вѣшняго, чѣмъ внутренняго. Такъ какъ подъ благодатію Пелагій съ своими сторонниками разумѣлъ то возбуждающій къ добру откровенный законъ, ученіе Христово и Его примѣръ²⁾, то даруемое во Христѣ всемъ прощеніе грѣховъ, состоящее въ одномъ ихъ невмѣненіи³⁾, то заслуживаемое человѣкомъ и сообщаемое Богомъ разнообразными способами просвѣщеніе его ума⁴⁾.

Все это, понятно, было новымъ и совершенно несогласнымъ съ ученіемъ древней церкви лжеученіемъ. А потому для его ниспроверженія требовалось одно, съ непоколебимою твердостію и рѣшительностію противопоставить ему древне-церковное ученіе, какъ о наследственной порчѣ и отсюда слабости силъ природы человѣческой, такъ и необходимости для человѣка благодати, какъ туне подаваемой Богомъ сверхъестественной и внутренне-возрождающей силы, что именно и сдѣлано было помѣстнымъ карагенскимъ соборомъ (418 г.), вмѣстѣ съ симъ осудившимъ и самую ересь Пелагія съ его сторонниками⁵⁾.

¹⁾ *August. De peccat. orig. Epist. 175. c. 13.*

²⁾ *August. De grat. Christ. c. 10 et 38.*

³⁾ *Contr. Jul. VI, 23. De grat. Christ. c. 52.*

⁴⁾ *De grat. Christ. c. 7.*

⁵⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ карагенскаго собора, прямо касающіяся ученія о благодати:

Пр. 111 (125): „Опредѣлено также: если кто скажетъ, что благодать Божія, которою оправдываются во Иисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, простираетъ свою силу только на одно отпущеніе грѣховъ уже содѣянныхъ, а не подаетъ сверхъ того помощи воздерживаться отъ иныхъ грѣховъ, таковой да будетъ анафема“.

Пр. 112 (126): „Также если кто скажетъ, что благодатію Божіею, лже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, подается намъ только помощь къ тому, чтобы не грѣшить, такъ какъ ея открывается намъ познаніе грѣховъ, чтобы мы знали,

Но бл. Августинъ этимъ не ограничился въ своемъ опроверженіи пелагианства и въ защитѣ церковнаго ученія о благодати, а перешелъ далеко за предѣлы справедливаго и должнаго со стороны поборника церковной вѣрѣ. Чтобы всецѣло защитить и оправдать необходимость благодати, онъ въ своемъ ученіи о слѣдствіяхъ грѣховной наслѣдственной порчи допустилъ ту, ничѣмъ не оправдываемую крайность, что сталъ утверждать, будто бы падшій человѣкъ настолько поврежденъ, что въ немъ не только воля сдѣлалась болѣе склонною ко злу, чѣмъ къ добру, но даже вовсе потерялась въ волѣ всякая способность къ добру при одномъ неотразимомъ влеченіи ко злу ¹⁾. Вслѣдъ за симъ Августинъ естественно долженъ былъ допустить и то, что если человѣкъ можетъ быть спасенъ, то не иначе, какъ одною только, безъ его свободнаго участія дѣйствующею благодатію и что, повтому, если кому подается благодать, то она дѣйствуетъ въ немъ сама собою непреоборимо, производя въ немъ сперва самую добрую волю, а затѣмъ вѣру, добрыя дѣла, и все нужное для его спасенія ²⁾. А такъ какъ непреоборимо дѣйствующая благодать Божія необходимо должна спасать тѣхъ, которымъ подается, а между тѣмъ, какъ показываетъ опытъ, весьма многіе не спасаются, то Августинъ наконецъ выужденъ былъ допустить и то, что благодать Божія дается не всѣмъ людямъ, а только однимъ

чего слѣдуетъ домогаться и отъ чего уклоняться, но что ея не даруется намъ силы и любви къ совершенію того, что сдѣлать мы сознаемъ нужнымъ, таковой да будетъ анаема“.

Пр. 113 (127): „Опредѣлено также: если кто-либо скажетъ, что благодать оправданія дана намъ (только) для того, чтобы чрезъ нее намъ легче было исполнять то, что возможно и для одного собственнаго нашего хотѣнія, какъ будто и не пріять благодати Божіей, мы могли бы и безъ нея, хотя и съ трудомъ исполнить заповѣди Божіи, таковой да будетъ анаема, потому что о плодахъ заповѣдей не сказалъ Господь: безъ Мене съ трудомъ можете творить, но сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоуже* (Іоан. 15, 5)“ (Дѣян. 9 пом. соб. Казань, 1878 г., стран. 195—197).

¹⁾ De grat. Christ. c. 24 De civit. Dei, lib XIV, c. 11.

²⁾ De corrept. et grat. c. 7—9, 11 et 12.

избраннымъ, или только тѣмъ, которыхъ Богъ единственно по Своей милости еще отъ вѣчности предопредѣлилъ спасти, вмѣстѣ съ симъ остальныхъ опредѣливъ предоставить ихъ собственной, заслуженной ихъ грѣховностию, участи ¹⁾.

Такого рода столь крайнія воззрѣнія Августиновы на благодать и свободу, хотя могли быть объясняемы и отчасти извиняемы его увлеченіемъ въ борьбѣ съ пелагіанами, но ни въ какомъ случаѣ не могли быть вполне оправдываемы, такъ какъ стояли въ совершенномъ противорѣчій съ ученіемъ откровеннымъ и древне-церковнымъ. Тѣмъ не менѣе время отъ времени появлялись на западѣ и такіе строгіе приверженцы ученія Августинова, которые готовы были и на самомъ дѣлѣ принимались защищать и оправдывать всѣ означенныя его мнѣнія, но они всякій разъ встрѣчали равносильныхъ себѣ противниковъ, вслѣдствіе чего, само собою понятно, ученіе Августиново о благодати въ своемъ настоящемъ видѣ не могло получить господственнаго значенія въ западной церкви. Такъ на первыхъ же порахъ противъ этого ученія съ особенною силою возстали такъ называемые *помуцеллане* (изъ монастырей адрументскаго и южно-галликанскихъ), которые, почитая несообразностию, какъ однимъ только избраннымъ подаваемую, такъ и непреодолимо дѣйствующую благодать, твердо настаивали, какъ на общедоступности для всѣхъ благодати, такъ и на необходимости совмѣстнаго съ дѣйствіями благодати живого и дѣятельнаго участія свободы на всѣхъ ступеняхъ духовно-благодатной жизни, къ которой первый шагъ обыкновенно приписывали рѣшенію воли ²⁾.

¹⁾ Epist. 190. c. 3. De praedest. sanct. c. 8, 18 et 19.

²⁾ Однѣ изъ главныхъ представителей этого направленія пр. *Кассіанъ*, развивая ту мысль, что благодать дѣйствуетъ въ зависимости отъ мѣры вѣры и пріемлемости человека, между прочимъ сравниваетъ ее съ кормилицею, которая сперва дитя носитъ у груди своей, затѣмъ дозволяетъ ему ползать или стоять на время на своихъ ногахъ, а когда дитя приобрѣтеть силу стоять на ногахъ и ходить, поддерживаетъ его, чтобы оно не упало и вообще всегда зорко слѣдитъ за всѣми его поступками, по мѣрѣ надобности оказывая ему свою помощь (Collat. c. 14).

На защиту же ученія Августинова выступили между другими *Просперъ*, *Фульменцій* и *Люцидъ*. Но первые два, поставяя на видъ своимъ противникамъ, что они неправильно понимаютъ это ученіе, и сами передавая его въ значительно смягченномъ видѣ, этимъ самымъ уже обнаруживали его несостоятельность. Послѣдній же, когда сталъ защищать и отстаивать ученіе Августиново во всей его силѣ и со всѣми крайними его выводами, возбудилъ противъ себя самую упорную и ожесточенную полемику со стороны *Викентія миринскаго*, *Геннадія* и *Фавста*, которая окончилась только изложеніемъ его лжеученія на арелатскомъ соборѣ¹⁾. Этимъ же впоследствии (въ IX в.) окончались и попытки *Готшалка* возстановить во всей чистотѣ и силѣ ученіе Августиново, какъ о безусловномъ предопредѣленіи, такъ совмѣстно съ симъ и о партикулярной и непрвоборимой благодати²⁾.

Между тѣмъ и болѣе выдающіеся схоластическіе богословы большею частію не раздѣляли крайнихъ возрѣній Августиновыхъ на отношеніе благодати къ свободѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ очень мало оставляли здѣсь мѣста для свободы. Такъ, напр. *Ансельмъ*³⁾, *Бернардъ*⁴⁾ и *Альбертъ великій*⁵⁾, признавая безусловную необходимость въ дѣлѣ спасенія благодати, въ то же время находили нужнымъ сохранить здѣсь нѣкоторую долю участія и за человѣческую свободу. Гюю же (Сентъ-Викторъ), хотя волю человѣческую въ ея отношеніи къ благодати сравнивалъ съ игральнымъ инструментомъ, который вначалѣ, когда артистъ его настраиваетъ, является совершенно бездѣйственнымъ, и только, когда артистъ станеть на немъ играть, выражаетъ

¹⁾ Bini Concil. T. III. p. 823.

²⁾ Ibid. T. VI. p. 438, 459.

³⁾ De concil. praescientiae et praedest. nec non gratiae cum liber. arbitr. qu. 2. c. 2.

⁴⁾ См. Gieseler. Hist. des dogm. § 93. ed. 1863.

⁵⁾ Ibidem.

нѣкоторое свое содѣйствіе чрезъ издаваніе звуковъ, но въ другихъ мѣстахъ повидимому предоставлялъ за нею болѣе дѣятельное участіе ¹⁾. Подобнымъ образомъ еще болѣе склоняясь въ пользу воззрѣнія Августинова, училъ о благодати *Петръ Ломбардъ* ²⁾, а *Тома аквинскій* почти всецѣло воспроизвелъ это воззрѣніе въ своемъ ученіи, какъ о безусловномъ предопредѣленіи, такъ и непреоборимой благодати ³⁾, но его ученіе встрѣтило для себя сильный протестъ и отпоръ въ *Дунс-Скотъ*, который, хотя и самъ не избѣжалъ крайности, ставши утверждать, что каждый человѣкъ, какъ вслѣдствіе паденія не потерявши цѣлостности своихъ естественныхъ силъ (*præ naturalia*), а только утратившій сверхъестественную праведность, можетъ и долженъ творить все естественно доброе, и этимъ заслуживать себѣ благодать, а также, что благодать только такъ относится къ человѣческой волѣ, какъ ѣздокъ съ уздою къ правой имъ дивой лошади ⁴⁾, однакоже не маловажную для западной церкви услугу оказалъ тѣмъ, что положилъ твердую преграду къ распространенію здѣсь еще болѣе крайняго воззрѣнія своего противника.

Только въ протестантствѣ, и то на первыхъ порахъ, вполне сочувственно, и во всей строгости и силѣ принято было вмѣстѣ съ ученіемъ о безусловномъ предопредѣленіи ученіе о подаваемой однимъ предопредѣленнымъ и непреоборимо спасающей благодати. Вскорѣ же вслѣдъ за отложившимся отъ него Меланхтономъ, число приверженцевъ его настолько сократилось, что успѣло изъ себя организовать только сравнительно небольшое общество, получившее названіе общества реформатскаго.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Sentent. lib. II. dist. 27.

³⁾ Summa. Pars 1. qu. 19 et 23. Prima Secundæ. art. 6.

⁴⁾ In 4 libr. Sentent. lib. I. dist. 17 et 45. qu. 1; lib. II. dist. 28. qu. 1.

§ 111.

Ученіе послѣ IV вѣка на востокѣ.

Между тѣмъ на востокѣ, какъ въ V такъ и въ дальнѣйшихъ вѣкахъ, никакихъ не поднималось недоумѣній и споровъ по вопросу о благодати, и даже въ западныхъ по сему предмету спорахъ восточные пастыри почти никакого не принимали участія. Тѣмъ не менѣе по вызову обстоятельствъ они и объ этомъ высказывали свои сужденія, строго въ семъ случаѣ держась прямого и опредѣленнаго древне-церковнаго ученія о благодати.

Такъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ они, какъ можно видѣть изъ соборнаго посланія ¹⁾, вмѣстѣ съ заблужденіемъ Несторіевымъ осудили между прочимъ и лжеудрованіе Целестіево, каковое осужденіе должно было воевнню касаться и самого Пелагія, котораго Целестій былъ ученикомъ и распространителемъ его лжеученія. Но еще прямѣе и яснѣе они выразили свой судъ надъ лжеученіемъ Пелагіевымъ относительно благодати на шестомъ вселенскомъ (трульскомъ) соборѣ ²⁾, принявъ на немъ между другими постановленіями 9-го помѣстнаго кареагенскаго собора и направленные прямо противъ Пелагія вѣроопредѣленія относительно какъ безусловной необходимости для спасенія благодати, такъ и самаго понятія благодати, не какъ силы только вѣшной и сообщаемой одно вѣшнее благо,—прощеніе или невмѣненіе грѣховъ, а какъ особеннѣйшей сверхъестественной силы, дѣйствующей на всю внутренность души, не только на умъ, но и на волю, и потому дающей душѣ не одно прощеніе грѣховъ, а производящей въ ней дѣйствительное отъ нихъ очищеніе, а вмѣстѣ съ симъ и внутреннее обновленіе или возрожденіе.

Между тѣмъ что касается до вопроса объ отношеніи благодати къ свободѣ, то они попрежнему, признавая не-

¹⁾ См. Дѣян. всел. соб. Казань. 1861 г. т. II, стр. 16.

²⁾ См. тамъ же. Прав. 2. трул. соб. т. VI. стр. 286.

возможнымъ спасеніе чловѣка, какъ собственною волею чловѣка, такъ и одною благодатію безъ участія чловѣка, съ прежнею ясностію и опредѣленностію учили о необходимости совмѣстнаго участія и дѣйствія какъ благодати, такъ и свободы чловѣка на всѣхъ путяхъ спасенія и степеняхъ духовной жизни, почему были совершенно чужды мнѣнія о возможности какъ партикулярной, такъ и непреоборимой благодати. Такъ напр. по *св. Кириллу александрійскому* (отчасти современнику *Августина*), хотя благодать безусловно необходима для немощнаго чловѣка и Богомъ ему подается, но она не дѣйствуетъ необходимо, потому что, хотя Богъ желалъ бы не допускать насъ ни до чего злого, но это случается тогда, когда мы, прогнѣвая Его, сами собою по своей винѣ подвергаемся злу¹⁾, такъ какъ мы имѣемъ возможность по произволѣнію избирать и дѣлать угодное (Богу), и въ состояніи сохранить свободную и непринужденную склонность въ ту и другую сторону, т. е. ко злу или къ добру²⁾.

И по *Теодориту*, хотя только при помощи благодати можно подвизаться, побѣдить и сподобиться похвалъ о Христѣ³⁾, но Богъ никого не доводитъ до необходимости преуспѣвать въ добродѣтели, равно какъ и дѣлать зло⁴⁾.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ученіе *св. Исидора Пелусіота* объ отношеніи благодати къ свободѣ чловѣка. По *Исидору Пелусіоту*, хотя чловѣческая природа зла, но зла не всецѣло⁵⁾, хотя есть ожесточенные сердцемъ и противящіеся своему собственному спасенію, но они не лишены возможности или способности воспользоваться предлагаемымъ имъ отъ Бога врачевствомъ. Потому-то не

¹⁾ О поклоненія и служенія въ духѣ истинн. Кн. 1. Твор. св. отд. 1880 г. т. 47. стр. 23 и 24.

²⁾ Тамъ же стр. 29.

³⁾ In epist. ad Colos. c. 4. vers. 18.

⁴⁾ In epist. ad Rom. c. 8. vers. 30.

⁵⁾ См. lib. II. Epist. ad Ischir. 207 (3, 117).

смотръ на ожесточеніе и противленіе нѣкоторыхъ, благодать Божія призываетъ ихъ ко спасенію и тотчасъ приходитъ къ намъ съ своимъ врачевствомъ на помощь, лишь только въ нихъ замѣчается хоть какая-либо къ тому расположенность и готовность, и только тогда оставляетъ ихъ совершенно, когда ничего подобнаго въ нихъ не находитъ¹⁾. На вопросъ пресвитера Аѳродисія: по какой причинѣ благодать Божія нисходитъ не на всѣхъ, св. Исидоръ отвѣчалъ ему слѣдующимъ: „знай же, что это бываетъ потому, что она испытываетъ сперва произволеніе, а потомъ нисходитъ. Потому что хотя она и благодать, но изливается не безпричинно, а соразмѣряясь съ пріемлющими,—и истекаетъ въ такой мѣрѣ, въ какой найдетъ вмѣстительнымъ представленный ей сосудъ вѣры. Если бы же она не требовала сперва зависящаго отъ насъ, то нисходила бы на всѣхъ. Но такъ какъ она испытываетъ произволеніе, и послѣ этого уже приходитъ, какъ было и съ всеславнымъ Павломъ, о которомъ сказано: *сосудъ Ми избранъ есть сей* (Дѣян. 9, 15), то на однихъ нисходитъ и пребываетъ на нихъ, отъ другимъ же отступаетъ, а на иныхъ не нисходитъ и первоначально“²⁾. Въ письмѣ же къ Сирону онъ пишетъ: „и люди обыкновенно оказываютъ свое вниманіе и помощь тѣмъ, которыхъ видятъ не спящими и не лѣнвыми, но готовыми, расположенными и желающими дѣлать все нужное. Какъ же ты, который непробудно спишь и не заботишься о своемъ спасеніи, простишь себѣ какого-то неодолимаго споборенія, и огорчаешься, его не получая. Пусть предшествуетъ,—что—въ твоихъ силахъ, тогда послѣдуетъ и зависящее отъ божественной помощи... Потому что эта, воздвигающая спящихъ и побуждающая нехотящихъ, помощь не оставитъ тѣхъ, которые сами собою избрали добродѣтель, а еще поможетъ имъ, и преспѣваніе ихъ приведетъ къ счастливому концу“³⁾. Однимъ

¹⁾ См. lib. II. Epist. ad Episc. Apollon. 60 (270).

²⁾ См. lib. II. Epist. ad. Aphrodis. 361 (3, 271).

³⁾ Lib. II. Epist. 516 (4, 13).

словомъ, по Исидору, благодать не сама собою спасаетъ чловѣка, а спасаетъ какъ бы „срастворяясь съ чловѣческимъ усердіемъ“¹⁾.

И по *Дамаскину*, хотя благодать необходима, но она подается вѣрующему по мѣрѣ его вѣры и предварительнаго очищенія²⁾, и дѣйствуетъ въ немъ, не сама по себѣ, а совмѣстно съ его волею, такъ что „выборъ добрыхъ дѣлъ зависитъ отъ насъ, а конецъ ихъ отъ Божія содѣйствія“³⁾, при чемъ нерушимо сохраняется свобода, и добродѣтель является непринужденною⁴⁾. Подобнымъ воззрѣніемъ на отношеніе благодати къ свободѣ руководились и позднѣйшіе восточные пастыри и учителя, что яснѣе всего можно видѣть изъ состоявшагося на іерусалимскомъ соборѣ въ 1672 году исповѣданія вѣры (получившаго названіе Посланія восточныхъ патріарховъ), въ которомъ между прочимъ относительно благодати читаемъ слѣдующее: „хотя чловѣкъ и прежде возрожденія можетъ по природѣ быть склоннымъ къ добру, избирать и дѣлать нравственное добро, но чтобы возродившись, онъ могъ дѣлать добро духовное, для сего нужно, чтобы благодать предваряла (его) и предводила (имъ)...“⁵⁾ Богъ (потому) предварительно подаетъ просвѣщающую благодать,... но не уничтожая свободной воли чловѣка, а предоставляя ей повиноваться или не повиноваться ея дѣйствию... (Потому - то) желающіе свободно покоряться ей и исполнять ея повелѣнія, необходимо нужныя, получаютъ и особенную благодать, которая, содѣйствуя, укрѣпляетъ и постоянно совершенствуя ихъ въ любви Божіей,... оправдываетъ и дѣлаетъ (ко блаженству) предопредѣленными, тѣ же напротивъ, которые не хотятъ повиноваться и слѣдовать благодати, и потому не соблюдаютъ заповѣдей Божіихъ,

¹⁾ Lib. II, Epist. ad Theon. 554 (4, 51).

²⁾ De fid. orthodox. lib. IV. c. 9.

³⁾ Ibid. lib. II. c. 29.

⁴⁾ Ibid. lib. IV. c. 19.

⁵⁾ Членъ 14.

но, слѣдуя внушеніямъ сатаны, злоупотребляютъ своею свободою, данною имъ отъ Бога, съ тѣмъ, чтобы они произвольно дѣлали добро, предаются вѣчному осужденію⁴⁾).

О вѣрѣ, какъ подчиненномъ и восприимательномъ началѣ въ освященіи человѣка.

§ 112.

Ученіе откровенное.

Такимъ образомъ освящающая благодать, какъ мы сейчасъ видѣли, и по ученію откровенія и церкви ничуть не исключаетъ собою личнаго участія со стороны человѣка въ дѣлѣ его освященія, а напротивъ его необходимо предполагаетъ и требуетъ. Какое же именно требуется здѣсь со стороны человѣка участіе, и въ какихъ формахъ или видахъ оно можетъ и должно выражаться и осуществляться? Это участіе, какъ оно изображается въ писаніи, по своему существу есть ничто иное, какъ вѣра, которая хотя здѣсь признается и даромъ или дѣломъ Божиимъ, потому что ей вспомошествоуетъ и Самъ Богъ (Іоан. 6, 43; Филип. 1, 29; Еф. 2, 8; 1 Кор. 12, 3), но въ то же время вездѣ изображается и какъ лично свободное дѣло самого человѣка, точно также вполне зависящее отъ него, какъ и невѣріе, а потому она всегда требуется отъ него какъ необходимое условіе и признакъ его свободного участія на всемъ пути его освященія и спасенія, такъ что безъ этого представляется немислимымъ истинный христіанинъ, а также возникновеніе и примѣненіе въ немъ духовно-благодатной жизни.

Такъ Самъ Иисусъ Христосъ, хотя по поводу исповѣданія Петромъ вѣры въ Него, какъ Сына Бога живаго, выразился, что это открыли ему не плоть и кровь, а Его

⁴⁾ Членъ 3.

Отецъ, сущій на небесахъ (Мат. 16, 16 и 17), но въ то же время съ совершенною ясностію такую въ другихъ вѣру признавалъ, при Своемъ къ тому содѣйствіи, и ихъ собственнымъ дѣломъ, вполне зависящимъ отъ ихъ личной свободы. На вопросъ іудеевъ: что намъ дѣлать, чтобы мы могли творить дѣла Божіи, Онъ такъ отвѣчалъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Тою, Еюже посла Отець* (Іоан. 6, 28 и 29), т. е. такое дѣло, которое они сами дѣйствительно могутъ совершить, если только поистинѣ рѣшились творить дѣла Божіи. Уча же, что Онъ сошелъ съ небеси не для того, чтобы творить Свою волю, а волю пославшаго Его Отца, и что воля пославшаго Его Отца въ томъ именно заключалась, *да всякъ видѣй Сына и вѣруй въ Него, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 38—40), вотъ какой произнесъ Онъ приговоръ о тѣхъ, которые не увѣровали въ Него и пославшаго Его: *аще не быхъ пришелъ и малолазъ имъ, грѣха не быша имъли, нынѣже не умутъ вины о грѣсѣ своемъ* (Іоан. 15, 22). Если же, по слову Спасителя, такъ неизвинительно были виновны тѣ, которые, видѣвъ Его, не увѣровали въ Него, то понятно, что таковое ожесточенное невѣріе зависѣло не отъ кого-либо много, какъ отъ нихъ самихъ, равно какъ отъ нихъ же самихъ всецѣло зависѣло, подобно другимъ, увѣровать въ Него, чего однакожъ они не захотѣли сдѣлать.

Такой, а не иной, смыслъ заключаютъ въ себѣ и сказанныя Іисусомъ Христомъ Никодиму слова: *вѣруй въ Онъ (Сына) не будетъ осужденъ, а не вѣруй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя едиnorodнаго Сына Божіа* (Іоан. 3, 18. Сравни. ст. 36).

Между тѣмъ Іисусъ Христосъ и прямо требовалъ отъ Своихъ послѣдователей не иной какой-либо, а чисто свободной и искренней вѣры, какъ для вступленія въ Свое царствіе, такъ и для полученія здѣсь спасенія. *Приблизися царствіе Божіе, такъ училъ Онъ, покайтесь и вѣруйте во евангеліе* (Марк. 1, 15), *аще не покаетесь, погибнете* (Лук. 13, 3). Требуемая въ семъ случаѣ Спасителемъ соединенная съ

покаяніемъ вѣра, что само собою понятно, должна была быть ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ свободнаго избранія и рѣшенія, исполнѣ зависѣвшимъ отъ человѣческой воли. Уча, затѣмъ, о необходимости пріятія вѣрующими имѣвшаго животворить ихъ жизнь Духа Святаго, и вмѣстѣ съ симъ о вѣрѣ, какъ необходимомъ условіи къ Его пріятію, Христосъ вотъ въ какихъ чертахъ образно представилъ эту вѣру, ясно указавъ на полную ея свободу: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ; вѣруай въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева ея истекуть воды живы* (Іоан. 7, 37—39). Въ такихъ же точно чертахъ Онъ изобразилъ ту вѣру, какая имѣла потребоваться для спасенія отъ всѣхъ народовъ, когда посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, такъ сказалъ имъ: *шедше въ мѣръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16).

Такъ учили о вѣрѣ и Апостолы, признавая ее не только даромъ Божиимъ, но и дѣломъ личной свободы человѣка, хотя, по ап. Павлу, вѣра—отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія, но причина тому, почему одни увѣровали, а другіе—нѣтъ, заключалась въ волѣ человѣческой, по которой первые послушались благовѣствованія, а послѣдніе не послушались, о чемъ предсказалъ еще Исаія, такъ говоря: *Господи, кто вѣрова слуху нашему* (Рим. 10, 16 и 17. Ис. 53, 1), *одебелъ бо сердце людей сиыхъ, и ушама тѣжко слышаша, и очи свои смежиша, да не како увидятъ очима, и ушима усмышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся* (Дѣян. 28, 24 и 27. Ис. 9, 9 и 10). Тотъ же Апостолъ, по ученію котораго вѣра безусловно необходима, какъ вначалѣ, такъ и во все продолженіе дѣла освященія человѣка, такъ какъ мы ею и оправдываемся или получаемъ очищеніе отъ грѣховъ (Рим. 5, 1; 3, 25) и получаемъ доступъ къ благодати (Рим. 5, 2), сподобляясь Духа Святаго (Гал. 3, 2 и 5), и постепенно возрастаемъ въ духовной жизни (Рим. 1, 17; Еф. 4, 29), эту самую вѣру признавалъ собственнымъ достояніемъ

вѣрующихъ (1 Солун. 3, 7 и 10), почему и наставлялъ ихъ, чтобы они дорожили этимъ своимъ пріобрѣтеніемъ, чтобы бодрствовали и стояли въ вѣрѣ (1 Кор. 1, 13), и не только въ ней не изнемогали (Рим. 14, 1), а напротивъ превозмогали и возрастали (2 Солун. 1, 3; 2 Кор. 10, 15; 13, 5).

Но что же такое по своему существу вѣра, какъ изображается она въ ученіи Христовомъ и апостольскомъ?

Прежде всего она есть соединенное съ довѣріемъ пріятіе за истину (Марк. 16, 16) того, что открыто было Христомъ какъ вообще о Богѣ, такъ въ особенности о Немъ Самомъ, какъ посланномъ Отцомъ Его Сынѣ и Искупителѣ міра. Такое именно главнымъ образомъ соединялось понятіе съ вѣрою, когда напр. Иисусъ Христосъ требовалъ отъ іудеевъ вѣры въ Себя, какъ посланнаго Отцомъ Сына Божія, во что одни изъ нихъ вѣровали, тогда какъ другіе не вѣровали (Іоан. 3, 5—8), или когда впоследствии посылая Своихъ учениковъ въ міръ, съ заповѣдію научить всѣ народы тому, чему Самъ ихъ училъ, въ этому присовокупилъ: *иже вѣру иметъ... спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16. Матѣ. 28, 20). Такое же, конечно, по преимуществу соединялось понятіе съ вѣрою, когда и апостолы тѣхъ изъ іудеевъ и язычниковъ, которые съ полнымъ довѣріемъ принимали ихъ благовѣстіе, называли и признавали увѣровавшими, тогда какъ наоборотъ противящихся ихъ слову считали невѣрующими (Дѣян. 4, 4; 8, 12. 13 и 37; 9, 42; 11, 21; 13, 12 и 48; 15, 7), или когда св. Іоаннъ, написавъ свое евангеліе, такъ объяснилъ его цѣль: *сія же написана быша, да вѣруете, яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій* (Іоан. 20, 31), или же когда ап. Павелъ такъ училъ между прочимъ о вѣрѣ: *вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ* (Рим. 10, 17), *есть же вѣра уповаемъхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1).

Но вышеозначенное понятіе вѣры далеко еще не обнимаетъ и не опредѣляетъ собою всей ея сущности и силы. Оно опредѣляетъ богѣе внѣшнюю и случайную сторону

вѣры, чѣмъ сторону ея внутреннюю и первоосновную, а между тѣмъ послѣдняя и составляетъ самое главное и существенное въ вѣрѣ, безъ чего она и не можетъ быть признана самою вѣрою, конечно въ истинномъ смыслѣ сего слова. Такъ какъ по словамъ Самаго Спасителя, сказаннымъ въ изъясненіе притчи о сѣятелѣ, можно, услышавши слово Божіе, съ радостію его принимать безъ имѣнія для него въ себѣ корня, а потому вѣровать только временно до какого-либо искушенія, когда таковая вѣра сама собою должна исчезнуть (Лук. 8, 13. Сравни. Іоан. 12, 42). Что же, спрашивается, составляетъ внутреннюю сторону вѣры, и гдѣ ея долженъ быть корень? Отвѣтъ на это находимъ въ той же притчѣ Спасителя о сѣятелѣ, гдѣ Онъ, объясняя, что такое означаетъ сѣмя, упавшее на добрую землю, говорить, что это суть тѣ, которые, услышавъ слово, хранятъ его въ добромъ и чистомъ сердцѣ (Лук. 8, 15). По точному смыслу заключающейся здѣсь мысли, не та истинная и плодотворная вѣра, которая ограничивается однимъ чисто внѣшнимъ и поверхностнымъ принятіемъ слова Божія, а та, которая, принимая слово Божіе, въ то же время углубляетъ и вкореняетъ его въ сердцѣ, давая ему чрезъ это возможность проникнуть всю душу человѣка до самыхъ глубовихъ ея основъ.

Потому-то и Апостолы, располагая своею проповѣдію слушателей къ вѣрѣ Христовой, всегда предполагали, а иногда и прямо высказывали, что эта вѣра должна быть вѣрованіемъ отъ всего сердца (Дѣян. 8, 37), а не заключаться въ одномъ наружномъ и холодномъ согласіи разума. Касаясь сего, апостолъ Павелъ писалъ: *аще исповѣсьи усты твоими Господа Иисуса, и вѣруеши въ сердце твоемъ, яко Богъ тою воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися. Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. 10, 9 и 10).

И такъ вѣра, какъ изображается въ откровеніи, будучи всецѣлымъ принятіемъ открытаго Сыномъ Божиимъ о Богѣ и о Немъ Самомъ, есть вмѣстѣ съ симъ нераздѣльно и глу-

боко сердечное его принятіе и усвоеніе. Но будучи таковою по своему существу вѣрою, она есть, далѣе, совмѣстно съ симъ всецѣлое влеченіе и устремленіе вѣрующей души къ высочайшему предмету своей вѣры,—Богу, или что то же любовь къ Нему, возводящая ее до внутренняго и живого съ Нимъ общенія и единенія. Потому что, по ученію ап. Іуды, вѣра служитъ основаніемъ, на которомъ должна созидаваться и сохраняться любовь Божія (Іуд. ст. 20 и 21), а по ап. Павлу, она служитъ тѣмъ средствомъ, при помощи котораго вѣрующій прививается къ святому, духовно-благодатному корню, и подобно вѣтви, стоитъ на немъ, почерпая, конечно, при этомъ изъ него нужную для себя жизненность и силу (Рим. 11, 16—20).

И такъ спасающая или оправдывающая вѣра, какъ она изображается въ откровеніи, не есть что-либо мимолетно проходящее мимо души, и касающееся только ее поверхности, а есть напротивъ постоянно пребывающее и притомъ глубоко внутреннее настроеніе души, обнимающее собою и проникающее все ее существо, и слѣдовательно, не только умъ, но и сердце, и волю, а потому она заключается не въ одномъ только согласномъ съ богооткровенною истинною мыслительномъ процессѣ, а во всегда настроенной, согласно съ открывшеюся волею, всей внутренней душевной жизнедѣятельности, почему всегда необходимо выражается вовнѣ въ соответственныхъ дѣйствіяхъ или добрыхъ дѣлахъ, такъ что безъ этого и не мыслима истинная вѣра, и таковою не можетъ быть признана.

Такъ, по слову Самаго Господа, тѣ только истинно вѣрующіе, которые, слыша слово Божіе, хранятъ его въ добромъ и чистомъ сердцѣ, и подобно сѣмени, посѣянному на доброй землѣ, приносятъ плодъ въ терпѣніи (Лук. 8, 15). Потому-то Онъ отъ Своихъ послѣдователей виѣсть съ вѣрою требовалъ покаянія (Марк. 1, 15), самоотверженія (Мат. 16, 24) и любви (Мат. 10, 37), потому-то Онъ тогда какъ всякаго слышащаго и исполняющаго Его слово уподоблялъ

благоразумному мужу, построяющему свой домъ на камнѣ, наоборотъ всякаго слышащаго Его слово и не исполняющаго его сравнивалъ съ безразсуднымъ челоувѣкомъ, созидающимъ домъ свой на пескѣ (Мат. 7, 24 и 26), и еще прямѣе и яснѣе выражая Свою мысль, такъ училъ о семъ: *не всякъ глаголюй Ми, Господи, Господи, увидеть въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесахъ* (Мат. 7, 21).

Эту же мысль о вѣрѣ ап. Іоаннъ передаетъ въ слѣдующихъ своихъ выразительныхъ изреченіяхъ: *глаголюй, яко познавъ Бога, и заповѣди Его не соблюдаетъ, ложь есть, и въ семь истины нѣсть* (1 Іоан. 2, 4), *не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8).

Если же ап. Павелъ училъ: *мыслимъ убо върою оправдатися челоувѣку, безъ дѣлъ закона* (Рим. 3, 28; Гал. 2, 16), то въ семъ случаѣ онъ противопоставляетъ вѣрѣ только такого рода дѣла, которыя совершались безъ вѣры и которыми одними думали оправдаться іудеи, независимо отъ вѣры, но дѣлъ вѣры или такого рода дѣлъ, которыя имѣли происходить отъ вѣры, онъ не только не отрицалъ, но считалъ ихъ необходимою принадлежностію вѣры, признаваемой имъ не за одно только чисто внѣшнее или историческое принятіе истины, а за живое и дѣятельное начало новой духовно-благодатной жизни. Потому-то Онъ такъ училъ о вѣрующихъ и Себѣ самомъ: *вси бо въ сѣмъ Божіи есте върою о Христѣ Исусѣ* (Гал. 3, 26), *живу же не ктому азъ, но живу въ мнѣ Христосъ, а еже нынѣ живу во плоти, върою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе во мнѣ* (Гал. 2, 20). Потому-то о самой вѣрѣ онъ такъ училъ: *о Христѣ Исусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но въра мововію споспѣшествуема* (Гал. 5, 6); *аще имаю всю въру, яко и горы престаवляти, любве же не имаю, ничтоже есмь* (1 Кор. 13, 2).

Апостолъ же Іаковъ какъ бы продолжаетъ и вмѣстѣ съ симъ еще яснѣе раскрываетъ и точнѣе опредѣляетъ ученіе Павлово объ оправдывающей вѣрѣ, какъ о живомъ и дѣятельномъ, а не безжизненномъ и бесплодномъ христіанскомъ началѣ. По его воззрѣнію, истинная и оправдывающая человѣка предъ судомъ Божиимъ вѣра — не та, которая заключается въ однихъ словахъ, и не переходитъ въ дѣла, а та, которая содѣйствуетъ дѣламъ, и въ дѣлахъ сама достигаетъ своего преспѣванія или совершенства (Іак. 2, 22). Только такая вѣра представляетъ собою внутренне-жизненное органическое единство, похожее на то, какое представляетъ изъ себя тѣлесный, душою одушевляемый, человѣческій организмъ, *вѣра же безъ дѣлъ (ковечно, дѣлъ, долженствующихъ истекать изъ вѣры) мертва есть, якоже тѣло безъ духа мертво есть* (Іак. 2, 26).

§ 113.

Ученіе древне-отеческое.

Такъ учили о вѣрѣ въ ея отношенія къ освященію человѣка, начиная съ мужей апостольскихъ, и всѣ древніе отцы и учителя церкви. И они подъ истинною спасающею вѣрою разумѣли не одно только вѣдѣніе и принятіе ученія Христова, но главнымъ образомъ соединенное съ нимъ искреннее и постоянное влеченіе души къ Богу при соотвѣтствующемъ, конечно, воздѣйствіи на нее со стороны самого Бога. А потому совмѣстно съ симъ смотрѣли на вѣру, какъ на дѣло благодати Божіей и участіе личной свободы человѣческой, и признавали ее такимъ жизнедѣятельнымъ началомъ, которое, собою проникая и оплодотворяя всю душу человѣка, естественно и необходимо должно, насколько представляется къ тому возможность, вынашиваться и въ добродѣтельной или богоугодной жизни, чего если бы не было, то это было бы яснымъ признакомъ отсутствія въ вѣрующемъ истинной Христовой вѣры.

Такъ напр. *св. Варнава*, приписывая вѣрѣ, какъ посредницѣ благодати Духа Святаго, такую зиждительную силу, что она возсозидаетъ собою вѣрующаго въ храмъ Божій¹⁾, въ то же время довольно здѣсь мѣста предоставлялъ и личному, живому и дѣятельному участию со стороны человѣка, вслѣдствіе чего между прочимъ такъ училъ: „будемъ внимательны къ послѣднимъ днямъ. Ибо все время нашей жизни и вѣры не доставитъ намъ никакой пользы, если не будемъ ненавидѣть неправды... Не отдѣляйтесь отъ другихъ, какъ будто бы вы были уже оправданы, а напротивъ собираясь въ одно мѣсто изслѣдывайте, что прилично и полезно всемъ возлюбленнымъ вообще... Каждый получить маду по своимъ дѣламъ“²⁾).

И по ученію *Ерма*, вѣра составляетъ первое и главное, что необходимо для вступленія въ церковь Христову³⁾, но при посредствѣ ея тѣ только дѣлаются истинными и живыми членами церкви, въ которыхъ она производитъ изъ себя, какъ мать разныя христіанскія добродѣтели⁴⁾, тѣ же, которые имѣютъ Господа только на устахъ, а въ сердцѣ не имѣютъ, представляютъ собою то же, что въ деревѣ завидшія и сухія вѣтви, и потому должны остаться внѣ церкви Христовой⁵⁾.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ разсужденіе по сему предмету *св. Климента римскаго*, который, пояснивъ коринѣянамъ, что христіане оправдываются не сами собою, не своею мудростію или разумомъ, не своимъ благочестіемъ или дѣлами въ святости сердца совершаемыми, а посредствомъ вѣры, которою Вседержитель Богъ всѣхъ отъ вѣка оправдывалъ, такъ продолжаетъ свою рѣчь: „итагъ, что намъ дѣлать, братія? Не отстать ли отъ добродѣтели и любви?

¹⁾ Epist. c. 16.

²⁾ Ibid. c. 4. Сравн. c. 6.

³⁾ Past. Simil. 9. c. 15.

⁴⁾ Vis. 3. c. 8.

⁵⁾ Simil. 9. c. 21.

Отнюдь вѣтъ, не дай Господь, чтобы это случилось съ нами, напротивъ со всѣмъ усидиємъ и готовностію поспѣшамъ совершать всякое доброе дѣло... Добрый работникъ смѣло получаетъ хлѣбъ за трудъ свой; лѣнивый же и безпечный не смѣетъ и взглянуть на того, кто далъ ему работу. Такъ и намъ надлежитъ быть ревностными въ дѣланіи добра¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „не будемъ довольствоваться тѣмъ, чтобы называть Христа Господомъ, это не спасетъ насъ. Ибо Онъ говоритъ: не всякій, кто говоритъ Мнѣ: Господи, Господи, спасется, но дѣлающіе правду (Мат. 7, 21). Поэтому, братья, будемъ исповѣдывать Его добрыми дѣлами“²⁾. Такое же точно представленіе о вѣрѣ было у *св. Ипатія Богоносца и Поликарпа смирискаго*.

По *Ипатію*, тогда какъ вѣра составляетъ начало духовной жизни, любовь есть ея конецъ³⁾, тогда какъ вѣра влечетъ вѣрующаго на высоту, любовь служитъ путемъ, возводящимъ его къ Богу⁴⁾, а потому вѣра и любовь должны составлять одно нераздѣльное, какъ плоть Господа и кровь Іисуса Христа⁵⁾, и вѣра истинная должна обнаруживаться въ добрыхъ дѣлахъ, такъ какъ дерево познается по плоду своему⁶⁾. И по *Поликарпу*, истинная вѣра должна быть внутренне соединена съ добрыми дѣлами, почему онъ, убѣждая смирянъ быть твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ, въ то же время требовалъ отъ нихъ, чтобы они твердо стояли въ добродѣтеляхъ и, слѣдуя примѣру Господа, вели жизнь вполне безупречную, дабы такимъ образомъ получить похвалу за свои добрыя дѣла, и ими Господне не подвергнуть изъ-за себя хуленію⁷⁾.

¹⁾ Epist. 1. ad Cor. c. 33 et 34.

²⁾ Epist. 2. ad Cor. c. 4.

³⁾ Epist. ad Ephes. c. 14.

⁴⁾ Ibid. c. 9.

⁵⁾ Epist. ad. Trall. c. 8.

⁶⁾ Epist. ad. Ephes. c. 14.

⁷⁾ Epist. ad. Smyrn. c. 10. Сравн. c. 3 et 12.

Не иначе учили о вѣрѣ отцы и учителя, и церковные писатели II и III вѣковъ, какъ напр. *св. Иустинъ* ¹⁾, *Ириней* ²⁾, *Киприанъ* ³⁾, *Климентъ александрійскій* ⁴⁾ и *Оригенъ* ⁵⁾. Всѣ они съ одной стороны оправдывающую вѣру противопоставляли дѣламъ естественной нравственности, какъ истекающимъ отъ нечистаго источника, а потому не имѣющимъ цѣны предъ Богомъ, а съ другой при той же оправдывающей вѣрѣ всегда требовали добрыхъ дѣлъ, но только дѣлъ, естественно и необходимо произтекающихъ изъ чистаго источника вѣры, и потому благоугодныхъ Богу. По *Иринейю*, человекъ, чрезъ вѣру привившійся ко Христу, естественно приноситъ новые, болѣе совершенные духовные плоды, подобно тому, какъ и привитая дивная маслина по привитіи приноситъ другіе лучшіе плоды ⁶⁾. „Кто, по *Киприану*, имѣетъ истинную вѣру, тотъ хранитъ страхъ Божій, а кто хранитъ страхъ Божій, тотъ, милосердая о нищихъ, помышляетъ о Богѣ, онъ творитъ добрыя дѣла потому, что вѣруетъ, потому что сознаетъ истину возвѣщеннаго въ словѣ Божіемъ и непреложномъ божественномъ писаніи, въ которомъ сказано, что безплодныя деревья, т. е. люди немилосердые, посѣкаются и въ огонь свергаются“ ⁷⁾. А по *Оригену*, вѣра—это зародившійся въ глубинѣ души подъ дѣйствіемъ благодати и полный жизни корень, изъ котораго, при нужномъ со стороны вѣрующаго попеченіи, естественно и необходимо происходятъ отпрыски, въ свое время приносящіе богатые плоды добрыхъ дѣлъ, такъ что если этого не бываетъ, то и вѣра не бываетъ истинной и живой вѣрою ⁸⁾.

¹⁾ Dialog. cum. Triph. n. 13, 25, 92, 93 et 100.

²⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 10. n. 2.

³⁾ Epist. 1. ad. Donat.; Epist. 60 ad. Jub.

⁴⁾ Strom. V, 1; VI, 14 et 15.

⁵⁾ Comment. in epist. ad Rom. lib. III. n. 9.

⁶⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 10 n. 2.

⁷⁾ Книг. о благод. и милостивѣ. См. Библиот. твор. запад. отц. изд. 1879. Тв. Клар. т. 2. стр. 263.

⁸⁾ Comment. in epist. ad Rom lib. IV. n. 1.

§ 114.

Съ IV вѣка—на востокъ.

Съ IV вѣка въ ученіи о вѣрѣ та замѣчается особенность, что вслѣдствіе почти непрерывной и самой упорной борьбы съ ересями, сравнительно съ прежнимъ стало по-видимому больше значенія усвоиться ея догматической или исторической сторонѣ, такъ какъ для того, чтобы принадлежать церкви, требовалось прежде всего непремѣнно имѣть правую или православную вѣру, почему всѣ, не удовлетворявшіе сему условію, безъ всякихъ колебаній совершенно отъ нея отсѣкались, подвергаясь анаемѣ. Но это, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не измѣнило прежняго взгляда на существо оправдывающей вѣры. Если прежде всего отъ вѣрующаго требовалась правая во Христа вѣра, то она требовалась не по иной какой-либо, а по той причинѣ, что, какъ пояснилъ еще *св. Кирианъ*, вѣрующій ложному не можетъ получить истиннаго, или лучше сказать, таковой по ложной вѣрѣ своей получить одно ложное и нечестивое¹⁾. Потому-то отцы и учителя этого періода хотя отъ вѣрующихъ для ихъ спасенія требовали правой догматической вѣры, но вмѣстѣ съ симъ при ней попрежнему требовали, какъ единственно спасительной и оправдывающей, вѣры сердечной, живой и дѣятельной, естественно и необходимо выражающейся въ добрыхъ дѣлахъ.

Вотъ что напр. пишетъ по сему поводу *св. Кириллъ іерусалимскій*: „образъ богопочтенія заключается въ сихъ двухъ вещахъ, въ точномъ познаніи догматовъ благочестія и въ добрыхъ дѣлахъ. Догматы безъ добрыхъ дѣлъ не благопріятны Богу, не пріемлетъ Онъ и добрыхъ дѣлъ, если они основаны не на догматахъ благочестія. Ибо что за польза знать хорошо ученіе о Богѣ, и постыдно любодѣй-

¹⁾ Письмо 60 къ Юбалу о крещ. ерет. Свес. Вибліот. тв. св. отд. запад. Тв. св. Кипр. т. 1. стр. 287. изд. 1879.

ствовать? Съ другой стороны, что за польза быть, какъ слѣдуетъ, воздержну и нечестиво богохульствовать¹⁾? Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ: „если мы соблюдемъ вѣру сію, то не будемъ осуждены, и украсимся всякаго рода добродѣтелями²⁾. Если мало трудишься, то мало и приемишь, а если сдѣлаешь много, то велика и награда³⁾).

Также точно учили о вѣрѣ между другими восточными отцами и учителями *Василій великій*⁴⁾, *Григорій Богословъ*⁵⁾, *Григорій нисскій*⁶⁾, *Іоаннъ Златоустъ*⁷⁾, *Макарій великій*⁸⁾, *Кириллъ alexандрійскій*⁹⁾, *Феодоритъ кирскій*¹⁰⁾, *Исидоръ Пелусіотъ*¹¹⁾ и *Іоаннъ Дамаскинъ*¹²⁾. Для примѣра же остановимся на Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, Исидорѣ Пелусіотѣ и Іоаннѣ Дамаскинѣ. *Св. Григорій Богословъ* пишетъ: „какъ дѣло безъ вѣры не принимается, потому что многіе дѣлаютъ доброе ради славы, а не по естественному расположенію, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва... Итакъ покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодородіе земли вашей: точно ли не напрасно я сѣялъ... кто приноситъ плодъ во сто кратъ, кто въ шестьдесятъ, и кто наконецъ въ тридцать“¹³⁾?

Эту же мысль о вѣрѣ *Златоустъ* выражаетъ еще тверже и сильнѣе, съ такою рѣчью обращаясь къ слушателямъ

1) Catech. 4. п. 2.

2) Catech. 5. п. 7.

3) Catech. 1. п. 5.

4) Толков. на Исаяю гл. I. въ Твор. отд. Твор. Васил. т. II. стр. 58; Бесѣд. о смиренномудр. Тамъ же т. IV. стр. 313.

5) Сл. 2. Твор. св. Григ. т. I. стр. 14; Сл. 82. Тамъ же т. IV. стр. 156.

6) Catech. с. 37.

7) Homil. 7 in epist. ad Rom. с. 3. vers. 19 et 22; Бесѣд. на слова: *имуще тойже духъ стры.* См. Бесѣд. на разн. мѣст. т. 3. стр. 10. изд. 1863:

8) Бесѣд. 37. § 1; Бесѣд. 20. § 8.

9) In Joan. lib V. T. IV. p. 539. ed. Aubert.

10) In epist. ad. Tit. с. 1. vers. 4; in Exod. quaest. 63; in Psalm. 48; 1 in Rom. с. 4. v. 25.

11) Epist. ad Pallad. lib. II. ep. 163 (III, 73).

12) De fid. orthodox. lib. IV. с. 9—11.

13) Тв. св. Григ. Слово 26. т. II. стр. 296. изд. 1843.

своимъ: „умоляю васъ, будемъ прилагать всякое стараніе о томъ, чтобы намъ пребывать твердыми въ истинной вѣрѣ и вести жизнь добродѣтельную. Ибо если мы съ вѣрою не соединимъ достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанію¹⁾... Ни крещеніе, ни отпущеніе грѣховъ, ни знаніе, ни приобщеніе Тайнъ, ни священная трапеза, ни вкушеніе тѣла Господня, ни приобщеніе крови и ничто другое не можетъ принести намъ никакой пользы, если мы не будемъ вести жизнь честную, строгую и чуждую всякаго грѣха²⁾. Вѣра безъ дѣлъ есть то же, что прираокъ безъ жизни“³⁾. *Исидоръ же Пелусіотъ*, по поводу вѣры въ отношеніи къ добрымъ дѣламъ, преподавалъ слѣдующее весьма замѣчательное наставленіе: „не думай, что вѣра, если только надобно назвать вѣрою твою вѣру, обличаемую дѣлами, возможетъ спасти тебя. Потому что вѣра, оправдавшая вначалѣ, требуетъ согласныхъ съ нею дѣлъ, безъ которыхъ спастись невозможно. Пріятый по благоугодности по справедливости долженъ изобиловать собственными своими преимуществами, чтобы не быть иначе уличеннымъ въ неблагодарности“⁴⁾. А *Дамаскинъ* такъ вкратцѣ выражаетъ главную мысль всѣхъ древнихъ отцовъ и учителей о вѣрѣ: безъ вѣры невозможно спастись, потому что на вѣрѣ основывается все, какъ человѣческое, такъ и духовное. Но вѣра не иначе приходитъ въ совершенство, какъ чрезъ исполненіе всего узаконеннаго Христомъ. Безъ дѣлъ же вѣра мертва, равно какъ и дѣла безъ вѣры. Истинная вѣра показывается въ дѣлахъ⁵⁾.

¹⁾ Бесѣд. на Мате. 64. стр. 102 и 103 (въ русск. перев.).

²⁾ Бесѣд. на слова: *не хошу васъ невѣдѣти, братіе*. 1 Кор. 10, 1. Бесѣд. на разн. мѣст. св. пис. т. II. стр. 552 изд. 1862.

³⁾ In epist. 2. ad. Timoth. homil. 8. n. 1.

⁴⁾ Lib. II. Epist. ad. Pallad. 163 (III, 73).

⁵⁾ De fid. orthodox. lib. IV. c. 9—11.

§ 115.

На западѣ.

Такъ точно учили объ оправдывающей вѣрѣ вначалѣ разсматриваемаго нами періода и западные отцы и учителя, какъ напр. *Иларій* ¹⁾, *Амеросій* ²⁾, *Иеронимъ* ³⁾ и до борьбы съ Пелагіемъ *Августинъ*. Но такъ какъ въ ученіи первыхъ, совершенно согласномъ съ ученіемъ восточныхъ отцовъ, не представляется ничего особеннаго, то мы прямо обратимся къ заслуживающему вниманія ученію *Августинову*.

До борьбы своей съ Пелагіемъ *Августинъ* согласно со всѣми древними учителями о вѣрѣ училъ, что хотя она съ одной стороны есть даръ благодати Божіей, но съ другой есть дѣло и личной свободы человѣческой, долженствующей необходимо участвовать въ принятіи и усвоеніи сего дара, и что, повтому, она, если только есть истинная и богоугодная вѣра, необходимо должна быть соединена съ любовью и добрыми дѣлами, безъ чего будетъ одною мертвою и дьявольскою вѣрою ⁴⁾. Но въ жаркой борьбѣ съ Пелагіемъ онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на вѣру. Тогда какъ Пелагій, отвергнувъ всякое поврежденіе человѣческой природы, твердо стоялъ на томъ, что человѣкъ, самъ собою имѣя полную возможность совершать добрыя дѣла, можетъ достигать праведности, и что въ семъ случаѣ если имѣеть нужду въ благодати, то развѣ только какъ въ пособіи, и притомъ пособіи, только заслуживаемомъ добродѣтельною жизнію, *Августинъ* наоборотъ, признавъ въ человѣкѣ совершенную низвращенность природы до потери въ ней самой воли къ добру, сталъ утверждать, что человѣкъ самъ собою не только не можетъ производить добрыхъ дѣлъ, но

¹⁾ Comment. in Math. c. 20. n. 7.

²⁾ De Cain et Abel. II, 2. n. 8.

³⁾ In Jes. c. 26, vers. 1.

⁴⁾ Tract. in Joan. serm. 61. De Spir. et litter. c. 32. De cathechiz. rudibus. c. 24. De gratia Christ. c. 27. De grat. et liber. arbitr. c. 7.

и пожелать чего-либо добраго, и что, поетому, и самая вѣра его не есть его дѣло, а есть одно дѣло благодати Божией, которая въ немъ, какъ все доброе, такъ и самую волю добрую производить, независимо отъ ея на то согласія или участія¹⁾). Послѣ сего вѣра, по Августину, естественно должна была утратить всякое значеніе свое, какъ лично свободнаго, живого и дѣятельнаго начала, могущаго и долженствующаго при извѣстномъ содѣйствіи со стороны благодати вынаруживать себя въ богоугодныхъ и цѣнныхъ предъ Богомъ дѣлахъ, вмѣсто этого напротивъ она должна была быть однимъ только чисто пассивнымъ въ человѣкѣ сознаниемъ того, что все нужное для его спасенія должна дѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ вмѣсто него сама благодать, производя въ немъ и благія пожеланія и добрыя дѣйствія, независимо отъ его собственной воли.

Но не трудно было понять, что подобное воззрѣніе Августиново на вѣру было крайностію, вызванною запальчивою борьбою съ Пелагіемъ. А потому его не раздѣляли не только восточные, но и западные учителя, исключая только немногихъ строгихъ предестинаціанъ. Не говоримъ уже о томъ, что совершенно противъ него были такъ называемые полупелагіане, которые съ особенною силою отстаивали за вѣрою, и въ самомъ ея первоначальномъ зарожде-ніи, значеніе свободно-личнаго, живого и дѣятельнаго начала. Но даже и такіе приверженцы и читатели Августиновы, каковъ напр. былъ *Фульгенцій рупенскій*²⁾, предпочитали придерживаться того воззрѣнія на вѣру, какового держался Августинъ на первыхъ порахъ—до своей борьбы съ пелагіанствомъ.

Между тѣмъ и знаменитѣйшіе схоластическіе богословы, какъ напр. *Анзельмъ*³⁾, *Гуго Сентъ-Викторъ*⁴⁾ и *Петръ*

¹⁾ De praedest. sanct. c. 2, 5, 8 et 19.

²⁾ De fid. prolog. Curs. compl. Patr. latin. T. 65.

³⁾ Monolog. c. 67, 72 et 75.

⁴⁾ Liebner Hugo und die Theolog. S. 435. Leipzig. 1832.

Ломбардъ ¹⁾, твердо держались того воззрѣнія на вѣру, что она, если только есть истинная вѣра, должна заключаться не въ одномъ признаніи за истину преподаваемаго намъ Христомъ, а и въ точномъ ему слѣдованіи, или что то же въ любви и добрыхъ дѣлахъ. Дальнѣйшіе же изъ нихъ мало того, что при вѣрѣ требовали добрыхъ дѣлъ, какъ естественнаго выраженія и свидѣтельства ея истинности и искренности, но вмѣстѣ съ симъ такое преувеличенное значеніе стали приписывать добрымъ дѣламъ, что могло казаться, будто бы послѣдніе и сами по себѣ, независимо отъ вѣры, могутъ имѣть цѣну и заслугу предъ Богомъ, и притомъ тѣмъ большую, чѣмъ больше ихъ будетъ сдѣлано. *Томас аквинскій*, напр., хотя добрыя дѣла поставлялъ во внутреннюю зависимость отъ вѣры, воспроизводимой благодатію ²⁾, но значеніе заслугъ предъ Богомъ (*merita de congruo*) усвоилъ собственно однимъ добрымъ дѣламъ, допустивши же между послѣдними не только добрыя дѣла должныя (состоящіе въ исполненіи заповѣдей), а и сверхдолжныя (заключающіяся въ исполненіи евангельскихъ совѣтовъ), онъ вмѣстѣ съ симъ, что само собою понятно, однимъ изъ нихъ долженъ былъ усвоить значеніе только необходимыхъ, а другимъ — заслугъ сверхдолжныхъ или при избыточествующихъ ³⁾.

Александръ же гальскій, присовокупивъ къ сему, что избыточествующими заслугами однихъ могутъ, при посредствѣ церкви, восполняться недостающія заслуги у другихъ, довелъ позднѣйшее римское ученіе о добрыхъ дѣлахъ до той полноты, а вмѣстѣ съ симъ и крайности, къ какой оно, бывъ вызываемо исканіями опоры для оправданія индульгенцій, неудержимо стремилось, и на которой наконецъ остановилось съ своею причудливою теоріею сверхдолж-

¹⁾ Sentent. lib. III. dist. 23.

²⁾ Summ. Secunda secundae q. 2, 4.

³⁾ Summ. P. II, 2. qu. 2. art. 9; P. II. qu. 108. art. 4.

ныхъ дѣлъ, и находящейся въ распоряженіи церкви сокровищницы преизбыточествующихъ заслугъ¹⁾).

Между тѣмъ эта крайность въ ученіи римской церкви о значеніи добрыхъ дѣлъ, какъ извѣстно, вызвала въ протестанствѣ другую совершенно противоположную ей крайность, а именно крайность похожую на ту, какая въ бл. Августиѣ вызвана была его борьбою съ пелагианствомъ. Возставши противъ ученія римской церкви о крайне преувеличенномъ значеніи добрыхъ дѣлъ, Лютеръ на первыхъ порахъ повидимому думалъ ограничиться однимъ только восстановленіемъ истиннаго ученія объ оправдывающей вѣрѣ какъ первомъ, главномъ и существенномъ началѣ въ дѣлѣ оправданія человѣка, при чемъ если какое значеніе должно быть приписано добрымъ дѣламъ, то не болѣе какъ настолько, насколько они служатъ естественнымъ и необходимымъ отображеніемъ или свидѣтельствомъ дѣйствительной и живой вѣры²⁾. Но вскорѣ онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ, какъ на добрыя дѣла, такъ и на самую вѣру. Признавая, согласно съ Августиномъ, всецѣлую поврежденность человѣческой природы до потери всякой способности ея къ добру, и вслѣдствіе сего все въ дѣлѣ оправданія человѣка предоставивши одной безусловно и неодолимо дѣйствующей благодати, онъ, повятно, долженъ былъ отвергнуть и на самомъ дѣлѣ отвергъ не только всякое значеніе, но и самую возможность добрыхъ дѣлъ, какъ дѣлъ происходящихъ отъ извѣстнаго участія свободы, и потому имѣющихъ свою цѣну или заслугу предъ Богомъ, а вслѣдъ за симъ, что естественно вытекало одно изъ другого, и у самой вѣры отнялъ ея жизненное и нравственно-дѣятельное значеніе, ставши требовать отъ нея одного только, чтобы она внушала человѣку глубокое сознаніе своей грѣховности и безсилія, а также возбуждала въ немъ постоянную и твер-

¹⁾ Hagenbach. Dogm. geschicht. § 186. p. 446. ed. 1857.

²⁾ Walch. VIII. § 97, XII. 4.

дую увѣренность въ томъ, что Христось умеръ за него и Одинъ можетъ спасти его, каковая вѣра собственно и вмѣняется ему въ правду, или даруетъ ему оправданіе¹⁾. Этотъ взглядъ на вѣру, всецѣло принятый кальвинистами, былъ вѣсколько умѣренъ послѣдователями Меланхтона (синергистами), отказавшимися отъ ученія о безусловномъ предопредѣленіи и такой же благодати, но и послѣдними очень многое изъ него удержано²⁾.

Между тѣмъ церковь во всей строгости и чистотѣ сохранила древнее ученіе о вѣрѣ, и ея архипастыри, собравшись въ 1672 г. на іерусалимскомъ соборѣ, вотъ какое изрекли осужденіе и опредѣленіе въ виду вышеозначеннаго лжеученія: „вѣруемъ, что человекъ оправдывается не просто одною вѣрою, но вѣрою споспѣшествуемою любовію, т. е. чрезъ вѣру и дѣла. Признаемъ совершенно нечестивою мысль, будто вѣра замѣняетъ дѣла, приобрѣтаетъ оправданіе о Христѣ: ибо вѣра въ такомъ смыслѣ могла бы приличествовать каждому, и не было бы ни одного не спасающагося, что очевидно ложно. Напротивъ мы вѣруемъ, что не призракъ только вѣры, а сущая въ насъ вѣра чрезъ дѣла оправдываетъ насъ во Христѣ. Дѣла же почитаемъ не свидѣтельствомъ только, подтверждающимъ наше призваніе, но и плодами, которые содѣлываютъ вѣру нашу дѣятельною, и могутъ по божественному обѣтованію доставить каждому заслуженную мзду, добрую или худую, смотря потому, что онъ сдѣлалъ съ тѣломъ своимъ“ (Послан. восточн. патр. чл. 13).

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Apolog. III. n. 171. Solid. declar. III. de just. fidei. n. 15, 22 et 55.

ПРОПОВѢДИ СВ. КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

(Продолженіе¹⁾).

Архіепископское служеніе св. Кирилла.

Періодъ до-несторіанскій (412—429 гг.).

15-го октября²⁾ 412 года скончался архіепископъ александрійской церкви Θεοφιλѣ. Послѣ трехдневныхъ споровъ преемникомъ ему былъ избранъ и утвержденъ на архіепископскомъ³⁾ престолѣ племянникъ почившаго Кириллѣ.

Городъ Александрія, святительскій престолъ котораго занялъ св. Кириллѣ, основанъ былъ завоевателемъ, давшимъ ему свое имя, въ 311 году⁴⁾ до Рождества Христова. Отъ основателя своего, ученика Стагирита, Александрія наследовала духъ великихъ греческихъ философовъ, и при Птоломахъ сдѣлалась всемірнымъ не только промышленно-торговымъ, но и научнымъ центромъ. Музей, основанный въ новой столицѣ Египта преемниками Птолемея, представлялъ собою такое поразительное по организаціи научнаго

¹⁾ См. Труды Киев. Дух. Акад., июнь, 1887 г.

²⁾ Le Quien, Oriens christianus, pag. 407: Theophilus lethargia obiit 18 mensis Paophi seu 15 Octobris, Honorio Augusto IX et Theodosio Aug. V coss., quum sedisset annos 27, dies 24, hoc est anno 28 inchoato, juxta atque fertur in tabulis Theophanis et Nicephori laterculo patriarcharum Alexandrinorum.—Ср. Сокр. кн. VII, гл. 7.

³⁾ Апостольская александрійская кафедра со времени 2-го вселенскаго собора уступила свое первое мѣсто между восточными епископіями кафедрѣ константинопольской. Первосвященникъ ея носилъ титулъ „папа“ или „архіепископа“.— Ibid.

⁴⁾ „Проповѣдники въ патриархатѣ александр.“ Порфирія Успенскаго, стр. 3.

дѣла учрежденіе для древняго міра, какое едва ли можеть найти себѣ соперника и въ новое время. Ученые всевозможныхъ національностей жили въ музеѣ на счетъ государства, и тысячи учениковъ стекались туда изъ всѣхъ со-сѣднихъ странъ. Естествоиспытатели имѣли тамъ въ сво-емъ распоряженіи ботаническій садъ, обширныя зоологи-ческія коллекціи, анатомическій амфитеатръ; астрономы имѣли обсерваторію; математики, литераторы, грамматикъ, филологи пользовались великолѣпною бібліотекою, гдѣ въ первые вѣка нашей эры числилось до 700 тысячъ томовъ. Но особенною славою пользовалась Александрія со временъ Птолемея въ опытныхъ и математическихъ наукахъ ¹⁾. Всѣ почти древніи свѣтила математики и астрономіи до Коперника, Кеплера и Галилея принадлежали Александріи. Хотя музей и его всемірная ученая слава, начиная съ III вѣка по Р. Хр., при императорѣ Каракаллѣ, который истребилъ большую часть его бібліотеки и учителей его лишилъ казеннаго содержанія, постепенно слабѣеть и меркнетъ, тѣмъ не менѣе громаднѣйшая бібліотека и духъ учености и фило-софіи продолжали существовать въ Александріи до 641 года, когда Египетъ былъ завоеванъ арабами, музей разрушенъ и бібліотека сожжена.—Въ рассматриваемое нами время гре-ческая философія, переселившаяся изъ Аѳинъ въ Алексан-дрію, ослабѣла; греческій геній вступилъ въ возрастъ стар-ческаго безсилія. Неспособная создать что-нибудь новое, самостоятельное и оригинальное, греческая мысль обратилась къ воспоминанію, къ днямъ былой своей творческой моло-дости, впала въ эклектизмъ. Древнія философскія школы, изъ которыхъ каждая имѣла свое собственное основное на-чало, свою особенную печать и индивидуальнѣйшій характеръ, теперъ обезцвѣтились и слились сначала въ синкретизмъ,

---

¹⁾ Le Quien, Or. Christ., p. 377:... Quam Alexandria sub Ptolemaeis principibus, ac sub Romanis deinceps, viris scientiarum peritissimis abundaret, imprimisque mathematicis et astronomis..

а потомъ въ новомъ порожденіи послѣдняго—неоплатонизмъ. Сей послѣдній, получивъ свое начало въ философіи Плотина († 270 г.), ученика Аммонія Саккаса александрійскаго,—въ философіи, вмѣстившей и объединившей въ себѣ и эманатическія и теософическія системы востока, и системы Платона, Аристотеля и стоиковъ,—начиная съ IV вѣка получаетъ нѣсколько иной характеръ. Тогда какъ Плотинъ и Порфирій, жившіе ранѣе окончательной побѣды христіанства подъ язычествомъ при Константинѣ великомъ, были рѣшительными противниками суевѣрія,—у послѣдователей ихъ изысканіе истины подчиняется все болѣе и болѣе интересамъ религіознымъ—теософическимъ и теургическимъ (Ямвлихъ и Проклъ). Изъ заклятаго врага народныхъ вѣрованій, философія, какъ бы въ противовѣсъ всеобъѣдающей силѣ христіанства, дѣлается апсilla политеизма. Возстановить его во что бы то ни стало—такова безнадежная задача, которую ставить себѣ философія. Съ этихъ поръ все въ древнемъ язычествѣ кажется ей хорошимъ: самыя странныя суевѣрія, вызыванія духовъ, чародѣйство, магія, заклинанія боговъ, смотолкованія и проричанія и пр. не только извиняются и терпятся ею, но даже сама она рекомендуетъ и предается всему этому съ лихорадочнымъ жаромъ. Языческая религія, лишенная теперь права на существованіе, а потому принужденная отказать отъ совершенія своихъ обрядовъ¹⁾, укрывалась теперь подъ защитою философіи и другихъ наукъ, имѣвшихъ за собой такое блестящее прошлое въ Александріи. Древній языческій политеизмъ, слившись съ восточною теософіею и теургіею, равно какъ съ мастеріями египтянъ, могъ такимъ образомъ свободно, на нѣкоторое время, существовать подъ чужимъ именемъ—философіи и мудрости.—Въ такомъ именно видѣ изображаетъ состояніе

¹⁾ Между прочимъ, еще Теофілъ, предшественникъ Кирилла, въ 391-мъ году разрушилъ до основанія идольскія капища въ Александріи, Капонѣ и другихъ городахъ.

языческаго политеизма и современной философіи и мудрости вообще св. Кириллъ въ своихъ проповѣдяхъ (h. p. 4, γ', p. 460). Такъ, язычники, одержимые недугомъ многобожія и объюродѣвшіе отъ идольскихъ навожденій, воздають почитаніе дереву и камню; даже философы и астрономы, изучающіе подсолнечную и опредѣляющіе сущность міра, поклоняются тварямъ (h. p. 6, γ', p. 504—δ', p. 508): „Они включаютъ въ число боговъ даже тапхъ, которые не имѣютъ челоуѣческаго вида, приписывая имъ члены свиньи и собаки (ibid.); признають тяготѣющій надъ жизнью и дѣйствіями челоуѣка неотвратимый фатумъ (ibid. δ', p. 508—ε', p. 513). Св. Кириллъ указываетъ и на ту черту современной ему философіи, по которой она внесла въ свои системы религиозныя и суевѣрныя ученія, даже заимствованныя изъ божественнаго откровенія. Таково изображаемое имъ пантеистическое ученіе философовъ о „силахъ“, „престолахъ“, „господствахъ“ и пр., какъ о божественныхъ существахъ, которымъ и воздавалось суевѣрное божеское поклоненіе (h. p. 12, α', p. 673—β', p. 680). Астрологи, прорицатели и колдуны морочили людей знаніемъ будущаго и чужихъ дѣлъ, „собирали вереницы жалкихъ старухъ и нашептывали имъ свои выдумки, выдавая ихъ за божественную волю (h. p. 14, γ', p. 717—720): ψυχρῶν γάρ ἐκείνοις, продолжаетъ Кириллъ, καὶ ἀνοσίων ληϊμάτων ἢ τέχνη προμνήσεια καὶ τὴν ἐν πίνακι τῷ πανώλει γραφὴν, ψεῦδος ὡςπερ τι ποιεῖνται πωλητῆρων (ibid.).—По замѣчанію Анжело Майо (h. d. 18, Γ, p. 1105) въ Александріи извѣстны были сновидцы и снотолкователи, прорицавшіе отъ имени Эскулапа александрійскаго. Но въ мѣстахъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ города, были и нарочитыя идольскія капища и прорицалища. Такъ, въ 14 стадіяхъ отъ Александріи, именно въ селеніи Менуеисъ существовало идольское святилище, гдѣ открыто собирались нечистые духи; здѣсь были сновидцы и снотолкователи, къ которымъ обращались закоснѣлые язычники съ вопросами объ успѣхѣ своихъ пред-

пріятій и для испрошенія помощи въ болѣзняхъ. Отъ имени богини Менуеисъ (отчего получило названіе и самое селеніе) прорицатели давали предсказанія и отвѣты приходящимъ къ святилищу богини за совѣтомъ (h. d. 18, Г, р. 1105). Между прочимъ были извѣстны пророчанія и отвѣты Кассіана, менуеійскаго жреца. Такова была Александрія съ своей языческой, традиціонной стороны при вступленіи Кирилла на архіепископскую кафедру.

Со времени завоеванія Египта Александромъ Македонскимъ и основанія Александріи, въ Египтѣ и особенно столицѣ его стали селиться въ большомъ количествѣ иностранцы¹⁾. Самую большую часть ихъ составляли греки, водворявшіеся здѣсь съ своею многобожною религіею, съ своими обычаями и съ своимъ языкомъ. Во время правителей Египта Птолемеевъ, любившихъ греческую словесность и греческія искусства, грековъ уважали и ласкали такъ, что дѣлае города вновь настроенные населены были одними греками. На греческомъ языкѣ издавались царскіе указы и распоряженія префектовъ. Погречески объяснялись передъ судьями; погречески говорили въ собраніяхъ мужей ученыхъ и вѣлможныхъ. Вообще греческій языкъ былъ общепотребительный въ городахъ и особенно въ Александріи, гдѣ жили греки. Въ проповѣдяхъ св. Кирилла александрійскаго только названія мѣсяцевъ даются на египетскомъ языкѣ; самый же языкъ проповѣдей, равно какъ и слушатели, имѣющіеся постоянно въ виду, указываютъ на языкъ и націю грековъ.

Другую значительную часть населенія Александріи составляли евреи, которымъ сначала Александромъ Македонскимъ, а потомъ Юліемъ Цезаремъ предоставлены были права гражданства александрійскаго. Въ началѣ христіанской эры ихъ числилось въ Египтѣ около милліона. Законы

¹⁾ Последующій очеркъ сдѣланъ главнымъ образомъ по монографіи преосвящен. Порфирія Успенскаго: Проповѣдники въ патріархатѣ александрійскомъ, стр. 1—7.

государственные не отъсняли ихъ ни въ чемъ житейскомъ и не отнимали у нихъ права на покупку имѣній. Всѣмъ имъ было позволено соблюдать свои обычаи и уставы, такъ что Египетъ былъ для нихъ вторымъ отечествомъ. Здѣсь въ идиопольскомъ околоткѣ они еще въ царствованіе Птоломея Филоматора построили себѣ храмъ по образцу храма іерусалимскаго, и совершали въ немъ богослуженіе по іудейскому закону и обряду, содержа своихъ священниковъ и левитовъ денежными подаваніями и доходами съ отведенныхъ сему храму сосѣднихъ полей. Однако это, уважаемое ими, святилище стояло только до воцаренія Веспасіана. Св. Кириллъ александрійскій въ своихъ проповѣдяхъ ясно даетъ разумѣть, что ни храма, ни жертвоприношеній, ни священническихъ и левитскихъ чередъ не было у іудеевъ въ его время. „Гдѣ находится храмъ вашъ, спрашиваетъ онъ іудеевъ (h. p. 4, ζ, p. 465—468)? Гдѣ въ немъ алтари и приношенія жертвъ? Гдѣ прикажете искать служителей святилища, т. е. многочисленныхъ чредъ священниковъ и левитскія учрежденія? А облаченія первосвященника и разноцвѣтная одежда,—куда и когда, опять, дѣвались отъ васъ? А колокольчики, привѣшенные къ краямъ одежды,—отчего перестали звенѣть?“ (Ср. h. p. 21, γ', p. 853). Впрочемъ египетскіе евреи не смотря на то, что жили въ довольствѣ, часто бунтовались, особенно тогда, когда туземцы или греки причиняли имъ какія-либо обиды. Такъ какъ они ни во что ставили религіи другихъ народовъ, какъ суевѣрныхъ, а пользовались особыми преимуществами и покровительствомъ префектовъ, какъ это было во дни св. Кирилла¹⁾, и были богаты; то и навлекали на себя ненависть черни, особенно александрійской, которая и истребила бы ихъ, если бы они не находили защиты у префектовъ римскихъ²⁾.

Но самую большую, коренную, часть населенія составляли туземцы египтяне, говорившіе на своемъ національ-

¹⁾ Церкви. Исторія Сократа, кн. VII, гл. 13; гл. 16.

²⁾ Ibidem.

номъ нарѣчїи. Мѣстомъ жительства ихъ были села и деревни, разбросанныя по плодородной равнинѣ Нила. Занятїями ихъ были скотоводство, огородничество, и земледѣіе. По крайней мѣрѣ когда Кириллъ обращается къ жизни и занятїямъ туземцевъ, то изображаетъ всегда эти, а не иные, труды и занятїя ихъ. Ὁ τῆς Αἰγύπτου γῆπόνος (h. p. 7, p. 545) или: οἱ τῆν Αἰγύπτου οἰκοῦντες γῆπόνος (h. p. 8, p. 564 и др.)— мотъ неизмѣнныя выраженїя Кирилла о египтянахъ, употребляемыя какъ бы въ смыслѣ эпитета для послѣднихъ. О другихъ названныхъ нами занятїяхъ египтянъ (равно какъ и о земледѣліи) свидѣлствуютъ не лишеныя поэзи картины весенняго времени, неоднократно рисуемыя Кирилломъ (h. p. 9, p. 581; h. p. 29, p. 960; и др.). Въ нихъ изображаетъ Кириллъ разноцвѣтныя ковры зелени и цвѣтовъ на поляхъ и лугахъ, стада пасущихся на нихъ овецъ и ягнятъ; аллеи виноградниковъ съ налившимися и поспѣвшимъ виноградными кистями; нивы, блестящїя золото-желтыми колосьями пшеницы, и толпою жнецовъ, выходящихъ на работу, и пр.—По изображенію историковъ Египтяне были тонки, сухощавы, смуглы и певзрарчы; нравомъ легкомысленны, непостоянны, упрямы, хвастливы, обидливы, горды, похотливы, сварливы, неистовы. Доносамъ ихъ, особенно на богачей, не было конца. Въ случаяхъ разномыслія о предметахъ вѣры и богопочитанїя они приходили въ такое изступленіе, что затѣвали междоусобїя, калѣчили людей, растерзывали ихъ на части и даже кусали. Весьма опасны были для правительства эти люди, подвергавшіе общество великимъ опасностямъ даже за мелочи, напримѣръ, за неуступленное мѣсто въ бавѣ, за забытый поклонъ, за похуленное мясо. Какъ говоруны и остряки, они мастерски выдумывали пасквили на своихъ правителей (префектовъ) и насмѣхались даже надъ императорами. Вообще это былъ народъ нехорошїй. Такимъ сдѣлало его вѣковѣчное рабство. Въ такихъ, а можетъ быть и еще болѣе яркихъ и мрачныхъ краскахъ и чертахъ изображаетъ земледѣльцевъ—егип-

тянь и разсматриваемый нами проповѣдникъ (h. p. 11, ζ, p. 656; h. p. 7, β', p. 544—549; h. p. 8, γ', p. 561—565 и др.).

Въ матеріальномъ и экономическомъ отношеніи Александрія и Египетъ занимали высокое положеніе. Египетъ считался и служилъ хлѣбною житницею для римской имперіи ¹⁾. Александрія же, расположенная почти въ центрѣ тогдашняго міра, при впаденіи громадѣйшей рѣки Нила въ Средиземное море, пользовалась славю богатого торгово-промышленнаго пункта. Отсюда въ Александрію, какъ и вообще въ богатыхъ и роскошныхъ промышленно-торговыхъ городахъ, рѣзко бросалось въ глаза неравномѣрное распределеніе матеріальныхъ средствъ между гражданами города. Еще Климентъ александрійскій († 210 г.), наставникъ александрійскаго училища и пресвитеръ, указывалъ и обращалъ вниманіе на сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ коммерсантовъ и вельможъ ²⁾. Нерѣдко упоминаетъ объ этомъ и св. Кириллъ, выставляя при этомъ на видъ алчность и ненасытность богатыхъ, ихъ невниманіе и жестокосердіе къ бѣднымъ и нищимъ (h. p. 11, p. 645—653; h. p. 27, p. 933—936, и др.).—На ряду съ богатствомъ и въ зависимости отъ него въ Александрію сильно были развиты и разные виды утонченной роскоши и порока. По свидѣтельству упомянутаго нами Климента ³⁾, богатые александрійскіе граждане окружали себя толпами рабовъ и наемниковъ. Одни изъ нихъ, писалъ Климентъ, готовятъ сѣбѣ, похлебки, печенія, конфеты, другіе берегутъ и чистятъ одежды, третьи стерегутъ золото, какъ грифы, четвертые хранятъ серебро, чистятъ стаканы и готовятъ посуду для пиршествъ, пятые ухаживаютъ за скотиною. Кромѣ этихъ нужны еще толпы виночерпійевъ и стада красивыхъ юношей, какъ скотовъ, изъ которыхъ выдоиваютъ красоту.

¹⁾ Въ 7 ласх. проп. Кириллъ называетъ египетскую землю „житницею подсолнечной“ (τροφός τῆς ὀφ' ἡλίω...), pag. 548.

²⁾ Въ проповѣди: „какой богатъ спасется“.

³⁾ Въ сочиненіи „Педагогъ“.

Особые слуги и служанки нужны для наряжанія женщинъ, одинъ для лица, другіи—для одежды и повязокъ, третьи для чесанія и убора головы. Въ ряду слугъ много евнуховъ, и всѣ они—сводники. Далѣе у богатыхъ женщинъ должны быть галлы, которые поднимали бы ихъ на носилкахъ и носили на плечахъ... Для женщинъ нужны еще люди, которые рассказывали бы имъ всякую ложь и передавали любовныя сплетни... Подобный же образъ жизни богачей изображается и Кирилломъ въ вышеуказанныхъ (h. p. 11, h. p. 27) и другихъ проповѣдяхъ. Страсть же къ евнухамъ и вообще порокъ скопчества ко времени Кирилла еще болѣе усилились и выступили наружу въ александрійскомъ обществѣ, какъ это видно изъ „обличительной рѣчи Кирилла противъ евнуховъ“ (h. d. 19, p. 1105—1109).

Всѣ разсмотрѣнные нами явленія жизни александрійскаго общества происходили въ средѣ пасомыхъ александрійскаго святителя. Даже языческія заблужденія и суевѣрія, сталкиваясь съ христіанскимъ ученіемъ, оставляли въ обществѣ христіанъ пагубныя слѣды, производили суевѣрія и вообще такъ или иначе вредили чистотѣ вѣры и жизни послѣдователей Христа (h. p. 9, γ', p. 585; h. p. 6, γ', p. 504—505 и др.; h. p. 12, α', 669—673 и др.). На ряду съ этими зловредными порожденіями язычества и политеизма, въ церкви александрійской нерѣдко прозябали и иного рода плевелы,—это ереси и расколы. Ко времени вступленія Кирилла на епископскій престолъ, въ Александріи свободно проживали еретики новаціане, имѣвшіе здѣсь нѣсколько своихъ церквей и безпрепятственно отправлявшіе въ нихъ свое богослуженіе. Были въ Александріи послѣдователи и другихъ еретическихъ заблужденій, противъ которыхъ нерѣдко направлялъ обличительное слово александрійскій пастырь.

Продолжительна и многоплодна была жизнь и дѣятельность Кирилла въ санѣ архіепископа, какъ для александрійской паствы, такъ и для церкви вообще. 32 года святы-

тельствовалъ на александрійской каедрѣ сей учитель и ревнитель вѣры и благочестія, заявившій себя такимъ съ первыхъ же дней своего новаго служенія. Церковный историкъ Сократъ, передавъ извѣстіе объ избраніи на епископство Кирилла¹⁾, замѣчаетъ, что „Кириллъ вступилъ на епископство съ ббльшею властію, чѣмъ Теофилъ, что съ его времени александрійское епископство выступило за предѣлы священническаго сана и начало самовластно распоряжаться дѣлами. Именно, Кириллъ тотчасъ же заперъ бывшія въ Александріи новаціанскія церкви и взялъ всю ихъ священную утварь, а епископа ихъ Теопемпта лишилъ всего, что онъ имѣлъ“. Не принимая вышеприведеннаго вывода Сократа изъ даннаго дѣйствія Кирилла по отношенію къ новаціанамъ,—какъ вывода пристрастнаго въ силу приверженности самого Сократа новаціанскимъ заблужденіямъ²⁾, мы видимъ въ этомъ первомъ дѣйствіи св. Кирилла типическія, основныя черты его характера и личности—пылкую, рѣшительную ревность его по чистотѣ и славѣ вѣры. Сдѣлано было это имъ не изъ-за самовластія, не въ смыслѣ попытки вторгнуться въ предѣлы непринадлежащей ему свѣтской власти и тѣмъ расширить свои и безъ того обширныя права (такой поступокъ скорѣе повелъ бы къ огривиченію ихъ), по гораздо вѣрнѣе и сообразнѣе съ дѣйствительностью изъ чисто религіозныхъ и благочестивыхъ побужденій,—изъ

¹⁾ Церковная Исторія, кн. VII, гл. 7.

²⁾ Архим. Порфирій Поповъ въ монографіи: *Св. Кириллъ Александрійскій* (Прибавлен. къ Творен. Святыхъ Отецъ, т. 13-й); также Le Quien въ сочиненіи *Oriens Christianus* (XLII, pag. 360). Сей послѣдній (Le Quien), изложивъ переданный нами рассказъ изъ исторіи Сократа о поступкѣ Кирилла съ новаціанами, замѣчаетъ на это: *Socrates, in Novatianos alioqui propensior...* („вообще расположенный къ новаціанамъ“...), и передаетъ затѣмъ рассказъ о подобномъ же поступкѣ съ новаціанами и ихъ епископомъ Рустиколомъ папѣ Целестину въ Римѣ,—за что однако никто не осуждалъ папу въ превышеніи епископской власти. Пристрастность Сократа къ новаціанамъ, добавимъ отъ себя, видна изъ подобнаго же осужденія имъ поступка св. Іоанна Златоуста съ новаціанами; см. Церковн. Истор. книг. VI, глав. 21.

желанія очистити ниву церкви Христовой отъ вредоносныхъ плевель, побужденій, выразившихся въ силу рѣшительнаго характера Кирилла въ такой крутой мѣрѣ.

По тону и характеру первыхъ дѣйствій человека, выступившаго въ первый разъ на поприще общественнаго служенія, можно уже навѣрное заключать и о послѣдующей его дѣятельности. Такъ случилось и съ Кирилломъ. — Не менѣе новаціанскихъ заблужденій возмущали душу Кирилла и другія еретическія лжеученія, проникавшія въ среду его пасомыхъ. Весьма естественно, что между александрійскими христіанами было не мало людей получившихъ свѣтское философское образованіе и увлекавшихся мірскою ученостью, вслѣдствіе чего и въ христіанство вносившихъ предпочтеніе разума вѣрѣ, старавшихся провѣрять и изслѣдовать истины вѣры и христіанской догматики по началамъ и требованіямъ разума, не подчиняя это изслѣдованіе и участіе разума голосу церкви и преданія. Были конечно люди и прямо зараженные мыслями уже появившихся въ церкви Христовой еретиковъ, каковы — гностики, манихеи, Павелъ Самосатскій, аріане, евноміане, аполинаристы. Повиная нужду въ уврачеваніи такого зла, испровергавшаго христіанство, и свою обязанность какъ обличать самыхъ заблужденія, такъ и предостерегать и охранять своихъ пасомыхъ отъ увлеченій сими лжеученіями, Кириллъ еще въ первые годы своей епископской дѣятельности (до христологическихъ споровъ) не разъ дѣлалъ еретическія мнѣнія предметомъ обличеній въ своихъ проповѣдяхъ. Въ „бесѣдѣ на св. праздникъ ваи“ (h. d. 13, p. 1060—1064) св. Кириллъ рѣзко обличаетъ еретиковъ манихеевъ, Арія, Маркіона, Павла Самосатскаго и ихъ тайныхъ и явныхъ послѣдователей, защищаетъ божественное достоинство Иисуса Христа, Его воплощеніе, рожденіе отъ Дѣвы Маріи, троичность лицъ въ Богѣ и пр. Во многихъ пасхальныхъ проповѣдяхъ, начиная съ восьмой, Кириллъ точно также сильно обличаетъ названныхъ еретиковъ, особенно аріанъ и евноміанъ (h. p. 8, p. 565—577;

h. p. 12, p. 681—692; h. p. 15, p. 736—741 и др.). Во всѣхъ означенныхъ и другихъ мѣстахъ пасхальныхъ проповѣдей Кириллъ обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе на обличеніе еретическихъ мнѣній о лицѣ Иисуса Христа (какъ и въ послѣдующей несторианской борьбѣ) и раскрытіе истиннаго и православнаго ученія о Немъ. Но положительное догматическое ученіе, и главнымъ образомъ христологическое,—безъ прямого указанія на то или другое еретическое заблужденіе,—пастырь александрійскій излагаетъ въ каждой пасхальной проповѣди, изъ чего нельзя не заключать, какъ велика была ревность Кирилла по чистотѣ православнаго догматическаго ученія. Но еще прискорбнѣе было для св. Кирилла присутствіе среди его паствы язычниковъ съ ихъ суевѣрнымъ политеистическимъ культомъ. Какъ мы уже видѣли, въ двухъ стадіяхъ (2 тысячи шаговъ) отъ Канопы, отстоящаго на 12 стадій отъ Александрии, въ селеніи Менуеисъ было идольское капище, въ которомъ явно собирались нечистые духи¹⁾. Предшественникъ Кирилла Теофилъ построилъ здѣсь церковь въ честь Евангелистовъ. Но демонская сила и разныя суевѣрія и прорицанія продолжали существовать здѣсь и при Кириллѣ²⁾—*ille magnus pietatis amator et fidei violatorum depositor*—по внушенію Божію переноситъ сюда, именно въ церковь св. Евангелистовъ, мощи св. мучениковъ Кира и Іоанна, пострадавшихъ въ царствованіе Діоклетіана вмѣстѣ съ тремя канопскими дѣвицами сестрами (Θεοκτιστοῦ, Θεοδοτῆς и Εὐδοκίᾶς) и матерью ихъ Аѳанасіей,—и почивавшихъ до того времени въ церкви св. Апостоловъ въ Канопѣ или Метані³⁾. Съ перенесеніемъ мощей удалилась какъ нечи-

¹⁾ Curs. compl. P. gr. Mign. p. 1103, not. 1: ...in quo manifeste cooperabantur nequissimi spiritus...

²⁾ ibidem.

³⁾ Curs. compl., h. div. 18, a', p. 1101;—надписаніе 2-й (β') рѣчи. Однако можно думать на основаніи содержанія 2-й рѣчи (...„божественный источникъ которыхъ мы цѣлемъ въ церкви св. евангелиста Марка“...), что мощи были пе-

стая сила демоновъ, такъ прекратились и снотолкованія и предсказанія прорицателей. Чудеса, изливаемые отъ мощей мучениковъ, привлекали къ себѣ вниманіе какъ заблуждавшихся, такъ и благоговѣйныхъ поклонниковъ близкихъ и отдаленныхъ странъ. Но Кириллъ не ограничился однимъ перенесеніемъ мощей. По близости селенія Менуеисъ отъ Александріи, онъ часто являлся сюда и произносилъ поученія¹⁾. При самомъ перенесеніи останковъ св. мучениковъ произнесены были имъ три краткія поученія²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кириллъ выступилъ съ словомъ обличенія и противъ суевѣрій и шарлатанства александрійскихъ язычниковъ, прорицателей и прорицательницъ, колдуновъ, чародѣевъ, — прикрывавшихся, какъ мы видѣли, именемъ теософической и суевѣрной неоплатонической философіи. Въ одной изъ раннихъ своихъ бесѣдъ (h. p. 4, γ, p. 460) св. Кириллъ рѣзко обличаетъ жалкій недугъ многобожія грековъ; въ другой (h. p. 6, γ', δ', ε', p. 504—513) осмѣиваетъ

рenessи изъ Александріи, или еще вѣрнѣе—изъ другого какого-либо мѣста, какъ даетъ разумѣть выраженіе о мощахъ мучениковъ въ той же рѣчи: ἦν ἑμὸν τὰ λείψανα τῶν ἁγίων μαρτύρων ἐν ἐνὶ τόπῳ χεῖρωνα...

¹⁾ Начало 2-го поученія (p. 1101): „мы не были лѣны въ отношеніи общаго слова“...

²⁾ 1-е поученіе—къ тавенскимъ монахамъ въ Кановѣ, или Метанетъ; оно по всей вѣроятности (сообразно съ примѣчаніемъ 1-мъ) сказано было, когда мощи еще только несены были въ Менуеисъ, т. е. во время остановки въ Кановѣ или Метаніи Тавеннской обители; 2-е поученіе произнесено было тоже въ Кановѣ, или Метанія, въ церкви св. Апостоловъ, по всей вѣроятности черезъ 4 дня послѣ 1-го (въ самыхъ проповѣдяхъ и подписаніи ихъ нѣтъ указанія на близкую временную связь 1-й и остальныхъ двухъ другихъ проповѣдей, такъ что можно предположить, что онѣ произнесены въ разные годы, хотя и въ тѣ же числа мѣсяца) поученія, уже по возвращеніи Кирилла изъ селенія Менуеисъ и положенія тамъ св. мощей въ гробницѣ или рактѣ, на что потребовалось конечно не мѣнѣе трехъ дней (p. 1101): „перенесли и положили останки св. мучениковъ въ церкви Евангелистовъ, устроивъ по обыкновенію, какъ мученикамъ, усыпальницу (μνημεῖον)“... 3-е же поученіе—въ церкви св. Евангелистовъ (близъ селенія Менуфисъ), на другой день послѣ 2-го поученія, какъ значится въ подписаніи рѣчи и въ заключительныхъ словахъ 2-го поученія: „досему соберемъ завтрашній день и почтимъ блаженныхъ мучениковъ“...

крайнее юродство фетишистовъ, сдѣлавшихся безразсуднѣе глупыхъ животныхъ,—зоолатризмъ философовъ и астрономовъ, фатализмъ стоиковъ и современныхъ неоплатониковъ вообще. Въ проповѣдяхъ Кирилла находятъ себѣ обличеніе и опроверженіе и искаженныя заимствованія язычниковъ ¹⁾ изъ божественнаго откровенія, какъ-то вѣра въ „силы“, „престолы“, „господства“ и пр., какъ божественныя существа (h. p. 12, β, p. 673—680). Подобное поклоненіе есть не что иное, какъ многобожіе и идолопоклонство. Въ 14 пасхальной проповѣди (γ', p. 717—720) св. Кириллъ направляетъ свою рѣчь противъ астрологовъ, прорицателей и колдуновъ, обманывавшихъ людей званіемъ чужихъ обстоятельствъ жизни и вѣдѣніемъ будущаго,—что свойственно только Богу и истиннымъ Его пророкамъ по божественному откровенію.

Но эти и подобныя обличенія Кирилла были направлены собственно къ одряхлѣвшему уже и пассивному, а потому безопасному для христіанства, неоплатонизму и языческой мудрости вообще. Между тѣмъ были конечно, какъ это показываетъ примѣръ Ипатіи ²⁾, и болѣе серьезные и видные представители отжившей александрійской философіи. Противъ нихъ-то, равно какъ и противъ еретиковъ, зараженныхъ препретельною человѣческою премудростію, и выстъ съ тѣмъ для огражденія отъ нихъ и для утвержденія своихъ духовныхъ чадъ въ истинахъ вѣры и благочестія, св.

¹⁾ На это указываетъ смыслъ обличенія, хотя можно разумѣть и христіанъ суевѣровъ.

²⁾ „Въ Александріи, передаетъ Сократъ (Ц. Ист. кн. VII, гл. 15), была одна женщина по имени Ипатія, дочь философа Тсона. Она приобрѣла такую ученость, что превзошла современныхъ себѣ философовъ, была презвицею платонической школы, происходившей отъ Платона, и желающимъ преподавала всѣ философскія науки. Оттого хотѣвшіе изучать философію стекались къ ней со всѣхъ сторонъ. По своему образованію, имѣла достойную уваженія самоувѣренность, она съ скромностію представала даже предъ лицо правителей, да и въ томъ не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчинъ: ибо за не обыкновенную ея скромность всѣ уважала ее и дивились ей“.

Кирилль пишетъ (до появленія Несторіевой ереси) и болѣе обширныя и серьезныя богословскія сочиненія—17 книгъ о поклоненіи Богу духомъ и истиною, разныя экзегетическія сочиненія, сокровище о Святой и Единосущной Троицѣ, семь разговоровъ о Св. и Единосущной Троицѣ, книгу о Св. Животворящей Троицѣ.

Но еще болѣе возмущали пастыря александрійской церкви жившіе въ Александріи евреи. „Будучи всегда и вездѣ врагами христіанъ, какъ говоритъ Сократъ¹⁾, іудеи особенно были ненавистны для александрійской черни и вообще христіанъ. По разсказу Сократа они дѣлали много зла и пакостей какъ александрійскимъ христіанамъ вообще, такъ и въ частности Кириллу²⁾. Неудивительно поэтому, что Кирилль, какъ строгій и непреклонный ни предъ какими препятствіями ревнитель Христовой вѣры и славы церкви, предпринялъ противъ нихъ, въ первое же время по вступленіи на кафедру, самыя строгія и рѣшительныя мѣры: отнялъ синагоги, лишилъ имущества и самихъ изгналъ изъ города³⁾. Кроме того, Кирилль выступалъ противъ іудеевъ и съ другимъ истинно-христіанскимъ оружіемъ—церковною проповѣдію. Въ первыхъ своихъ шести пасхальныхъ проповѣдяхъ, падающихъ на 414—418 годы, т. е. на первые годы служенія своего, а также въ 8 и 10, относящихся къ 420 и 422 годамъ,—къ каковому приблизительно времени относится и

¹⁾ Ц. Ист. кн. VII, гл. 13.

²⁾ Сокр. Ц. Ист. кн. VII, глава 13 (разсказъ объ убіеніи евреями Иераса, сожевіи „Александровской Церкви“ и избіеніи въ это время христіанъ).

³⁾ По этому поводу архим. Порфирій (Поповъ) въ своей монографіи о Кириллѣ (стр. 255 въ Приб. къ Тв. Св. О.о.) замѣчаетъ: „несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ святитель поступилъ по правамъ, предоставленнымъ императорами александрійскимъ епископамъ. Иначе, іудеи скорѣе возвратились бы въ Александрію, и префектъ Орестъ, крайне досадовавшій на это изгнаніе, не убоился бы дозволить имъ входить въ городъ и защитить ихъ вооруженною рукою, если бы изгнаніе было дѣломъ чуждаго всякихъ правъ своеволія и незаконнаго вѣшателства въ кругъ чужой власти. Но онъ и въ донесеніи царю, какъ видно изъ словъ Сократа, главнымъ образомъ высказывалъ свою скорбь только о томъ, что городъ неожиданно лишился такого множества жителей, слѣдов., указывая на невыгодъ для города изгнанія іудеевъ“.

неистовство іудеевъ и ихъ козни противъ христіанъ¹⁾, св. Кириллъ съ особенною силою и негодованіемъ обличаетъ злодѣйства и жестоковѣйность іудеевъ. Рѣзкія и энергическія филиппики противъ іудеевъ въ указанныхъ уже проповѣдяхъ и болѣе или мевѣ сильныя обличенія во всѣхъ остальныхъ пасхальныхъ проповѣдяхъ и въ большей части изъ проповѣдей „на разные случаи“ (h. p. 1, ε', p. 417—ζ', p. 424: обличается безбожіе, идолопоклонство, нечестіе, преступленіе закона и предательская жестоковѣйность іудеевъ по отношенію къ Спасителю; h. p. 5, β', p. 473—с', p. 496: намѣренное извращеніе ими и жетолкованіе закона, содержащаго однакожь ясное ученіе о Спасителѣ; то же въ пропов. 6, с', p. 513—α', p. 529 и др.),—такія филиппики конечно были вызываемы дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, дѣйствительнымъ нахальствомъ и злодѣйствомъ іудеевъ. Обличая іудеевъ во всевозможныхъ беззаконіяхъ, злодѣйствахъ и преступленіяхъ, проповѣдникъ восклицаетъ наконецъ (h. p. 10, ε', p. 632): „но зачѣмъ мнѣ такъ много растягивать свою рѣчь о томъ, что у каждаго предъ глазами? Кто въ самомъ дѣлѣ не слышалъ о дерзостяхъ нечестивыхъ іудеевъ“? (Сравн. h. p. 4, γ', p. 460).

Если же гнѣвъ Кирилла противъ іудеевъ имѣлъ законныя основанія въ самомъ положеніи дѣла, то и въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого дѣла, именно во враждѣ александрійскаго префекта Ореста къ Кириллу, возникшей вслѣдствіе изгнанія жидовъ, и въ убійствѣ мятеежниками

---

¹⁾ Историкъ Сократъ, передавая объ этихъ событіяхъ (кн. VII, главы 13, 14, 15 и 16), не опредѣляетъ въ точности времени ихъ происшествія; но судя по тому, что пермя изъ указанныхъ нимъ зловредныхъ дѣйствій іудеевъ случилось ранѣе (на нѣсколько мѣсяцевъ) убійства Ипатія, совершеннаго въ 415 году, а вторня, какъ онъ говоритъ, „спустя немного времени“, т. е. послѣ смерти Ипатія, нужно полагать, что время злодѣйства іудеевъ и борьбы съ ними Кирилла относится именно къ 412—422 годамъ; самый перерывъ въ рассказѣ Сократа о злодѣйствахъ іудеевъ совпадаетъ съ перерывомъ рѣзкихъ обличеній на іудеевъ въ проповѣдяхъ Кирилла.

Ипатіи становится вполне ясною справедливость и невинность Кирилла. Что не самъ Кириллъ былъ причиною этой вражды къ нему Ореста, или лучше, что со стороны самого Кирилла не было никакой личной вражды и противодѣйствія Оресту, на что повидимому намекаетъ Сократъ въ своихъ выраженіяхъ о Кириллѣ въ родѣ слѣдующаго -- „что Кириллъ хотѣлъ имѣть надзоръ и надъ распоряженіями Ореста“ и др., — это подтверждаетъ и свидѣтельство самого же Сократа (въ общемъ несочувственно отзывающагося о дѣйствіяхъ Кирилла), что предлагалъ дружбу Оресту и даже держалъ предъ нимъ Евангеліе въ видахъ скорѣйшаго примиренія, „но и такая мѣра не смягчила префекта“¹⁾. Что же касается убійства Ипатіи, совершеннаго, по Сократу, какими-то „людьми съ горячими головами“ изъ желанія въ лицѣ ея уничтожить преграду для примиренія между Кирилломъ и Орестомъ, в такомъ образомъ случившагося какъ бы не безъ вѣдома Кирилла, а по свѣтскимъ историкамъ (Дреперъ) даже по его волѣ, то это положительно не вѣрно. Историкъ Сократъ, при всей своей нерасположенности къ Кириллу, словами: „это (убійство) причинило не мало скорби и Кириллу, и александрійской церкви“²⁾, все-таки даетъ ясно видѣть непричастность Кирилла такому недостойному дѣлу. Изъ этихъ словъ, напротивъ, можно заключать даже о нѣкоторой расположенности³⁾ Кирилла къ этой женщицѣ-философу. Коппаликъ, въ своемъ сочиненіи о „св. Кириллѣ александрійскомъ“⁴⁾, и Филаретъ черниговскій (Ист. уч. объ оо. ц., § 212)

¹⁾ У Сократа передаются и другія свидѣнія изъ отношеній Ореста къ Кириллу и Кирилла къ Оресту (гл. 14), которыя для насъ не имѣютъ важности.

²⁾ На это повидимому указываетъ и письмо Ипатіи къ Кириллу (epist. 88, pag. 589), которое, хотя и должно быть признано подложнымъ (говорится напр. о Несторіи), однако фактомъ своимъ показываетъ, что въ древности иначе смотрѣли на отношенія рассматриваемыхъ лицъ, чѣмъ смотрятъ нѣкоторые теперь.

³⁾ Cyrillus von Alexandria... Mainz, 1881, — мы основываемся на рецензії на это сочиненіе проф. Лебедева, въ Приб. къ Твор. Св. Отецъ, 1882 г., ч. IV, стр. 546—562.

не находить возможнымъ допустить подобное участіе Кирилла въ дѣлѣ убійства Ипатія.

Пастырь александрійскій не оставлялъ безъ уврачеваній и нравственныя недуги своихъ духовныхъ чадъ. Изъ очерка преосвящ. Порфирія мы уже видѣли, какого свойства была паства александрійская въ данномъ отношеніи. Подобнымъ же образомъ характеризуетъ ее и Сократъ (Ц. Ист. кн. VII, гл. 13): „александрійская чернь любитъ возмущенія больше всякой другой черни и, когда ваходитъ поводъ, устремляется къ нестерпимымъ злодѣйствамъ, ибо безъ крови не успокоивается отъ волненій“. Но такъ какъ подобныя черты замѣчались и во всѣхъ другихъ жителяхъ Египта (по Порфирію), и такъ какъ тѣ же черты ихъ нравовъ и обычаевъ — смуты, междоусобія, кровопролитія и притомъ изъ-за ничтожныхъ поводовъ — продолжались и во время Кирилла, какъ видно изъ его проповѣдей, то святитель александрійскій не оставлялъ безъ уврачеванія и этого зла. Неоднократно въ своихъ „пасхальныхъ проповѣдяхъ“ онъ скорбитъ о кровавыхъ междоусобицахъ египтянъ (h. p. 7, β', p. 544—549), о грабительствѣ и морскихъ разбояхъ и душегубствѣ (h. p. 8, γ', p. 561—565) и противопоставляетъ этимъ распрямъ и буйству и пр. начало любви христіанской (h. p. 7, α', p. 540—544), обличаетъ влятвопреступничество и обманъ (h. p. 5, η', p. 497), лицемеріе двоевѣровъ „торгующихъ любовью къ Богу (h. p. 9, p. 589—604); указываетъ на засуху и голодъ, какъ на гнѣвъ и наказаніе Божіе за междоусобную жизнь египтянъ (h. p. 7, p. 544—549; h. p. 29, β', γ', p. 909); внушаетъ „очистить свое сердце отъ лукавства, именно: чародѣйства, плотоугодія, лихоиманія, наговоровъ, влятвопреступничества, обмановъ, въ особенности же отъ искаженія точной и неподдѣльной вѣры; такъ какъ такому отступническому образу мыслей преданы нѣкоторые изъ принявшихъ имя христіанъ“, по словамъ проповѣдника (h. p. 26, β', p. 917); обличаетъ скудость и жестоко-

сердіе александрійскихъ богачей, ихъ разсѣянную и порочную жизнь (h. p. 11, ε', p. 645--652); въ параллель съ этимъ изображаетъ жалкую жизнь бѣдниковъ и показываетъ превосходство ихъ жизни предъ жизнью богачей (ibid., также: h. p. 27, β', γ', p. 932—936, и мн. др.).—Противъ же разврата и наипаче гнуснаго его вида—скопчества, какъ порожденіи роскошной и извѣженной жизни александрійскаго общества, Кирилль вынужденъ былъ въ первые же годы своего служенія выступить съ грознымъ обличительнымъ словомъ (h. d. 19, p. 1105—1109).

Но строгая ревность Кирилла по чистотѣ и славѣ вѣры и церкви Христовой, воодушевлявшая его на открытую и неустанную борьбу съ разнаго рода заблужденіями (еретиковъ, азычниковъ и іудеевъ) и вообще религіозно-нравственными недостатками и пороками своей паствы, его непоколебимая преданность традиціямъ, богословію и взглядамъ своей церкви, бывшей со времени перваго вселенскаго собора вѣрною хранительницею православія на востокъ,—иногда нѣсколько ослѣпляла его глаза и не позволяла ему видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Мы разумѣемъ отношеніе св. Кирилла къ памяти св. Іоанна Златоустаго. Считаая все, что ни дѣлали его александрійскіе предшественники—архіепископы—столпы вѣры и православія (напр. св. Афанасій Великій: h. p. 8, p. 572, Теофилъ: h. p. 1, β', p. 405),—законымъ и вполне справедливымъ, по крайней мѣрѣ согласнымъ съ церковно-каноническими правилами, и стараясь быть достойнымъ ихъ преемникомъ и продолжателемъ ихъ традицій, Кирилль долгое время держался образа дѣйствій и политики своего предшественника по каеедрѣ и дяди архіепископа Теофила, осудившаго, какъ извѣстно (epist. 33, p. 159), и низложившаго св. Іоанна Златоуста въ 403 году. Посему св. Кирилль до 419 года не соглашался внести имя сего великаго святителя въ свои церковные диптихи, что сдѣлали римскій и восточные предста-

вители церквей. Только по настоянію и увѣщанію Исидора Пелусіота онъ согласился на это, и потому только тогда папою Зосимой былъ принятъ въ общеніе съ римскою церковью, именно въ 419 году¹⁾, между тѣмъ какъ равнѣ былъ отлученъ отъ общенія²⁾.

А. Миролубовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Le Quien, Oriens Christianus, XXIV, p. 407: Ad annum usque 417 Romanae sedis communionis (Cyrillus) exsors fuit, quum sancti Joannis Chrysostomi nomen in diptycha facta referre obstinatius abnueret. Tandem vero, Isidoro praesertim Pelusiota suadente, de sanctissimo illo pontifice meliora sentiens, admissus fuit a Zosimo papa, anno 419...

²⁾ У Порфирія (Полова) въ известной его монографіи (стр. 301, въ „Приб. къ Твор. св. О.о.“, т. 13-й) время этого событія не вѣрно отнесено въ 438 году; въ этомъ случаѣ непонятно было бы, какъ св. Кириллъ вступалъ въ такіа близкія сношенія съ папой Целестиномъ (по поводу ереси Несторія) и получалъ отъ него такіа важныя полномочія. Въ сочиненіяхъ Тьерри (Нест. и Евт. ч. I, стр. 55) принятіе Кирилла въ общеніе приписано папѣ Целестину.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

(Продолженіе¹).

При изложеніи очерковъ исторіи перваго періода методизма мы замѣтили, что слѣдить за его распространеніемъ по С. Штатамъ значитъ слѣдить за распространеніемъ самыхъ С. Штатовъ, потому что то и другое тѣсно связаны между собою. Но это дѣло не легкое, да и не представляетъ особаго интереса. Дѣятельность проповѣдниковъ методизма, которымъ онъ обязанъ своимъ распространіемъ, такъ однообразна, что сказавши объ одномъ изъ нихъ, мы уже должны повторяться, когда станемъ говорить о другомъ. Распространяли методизмъ странствующіе проповѣдники и колонисты-методисты всегда на одинъ ладъ. Явившись въ извѣстную мѣстность, они начинали проповѣдь о методизмѣ, если находили жителей въ окрестностяхъ; въ противномъ случаѣ методизмъ распространялся чрезъ естественный приростъ методистскаго поселенія. Нѣсколько такихъ поселеній объединялись въ одинъ округъ, если ихъ съ удобствомъ могъ руководить одинъ проповѣдникъ. Какъ только конференція получала свѣдѣнія объ образованіи такого округа, вносила его въ списокъ округовъ и уже посылала проповѣдниковъ по своему плану. Такимъ путемъ ко времени образованія самостоятельной церкви епископальнаго методизма методизмъ уже былъ распространенъ по слѣдующимъ штатамъ и территориямъ: *Ньюйорку* (въ концѣ 60 годовъ

¹) См. Труды Бѣв. Дух. Академіи, іюнь, 1886 г.

прошлаго столѣтія—около 1768 г.), *Мериланду* (съ того же почти времени), *Вириніи* (съ 1772), *Делавару* (съ того же времени), *Пенсильваніи* и другимъ прибрежнымъ мѣстностямъ восточнаго берега сѣверной Америки. Но недостатокъ лицъ, которыя могли бы отправлять богослуженіе, былъ значительною задержкою для распредѣленія методизма. Съ пріобрѣтеніемъ независимости С. Штаты получили самостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ: всѣ религіозныя общества штатовъ стали независимы отъ таковыхъ же обществъ въ Англіи, а полное отдѣленіе церкви отъ государства было причиною того, что эти религіозныя общества въ С. Штатахъ были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и начали между собою борьбу, то увеличиваясь, то уменьшаясь по числу своихъ членовъ. Такимъ образомъ методизмъ получилъ въ странѣ полную равноправность со всѣми сектами и пріобрѣлъ возможность больше чѣмъ въ Англіи возрастать на счетъ своихъ сосѣдей. Первая общая (генеральная) конференція епископальныхъ методистовъ объединила всѣ общины методистовъ, назначила много духовенства для завѣдыванія общинами и такимъ образомъ положила прочную основу для дальнѣйшихъ успѣховъ методизма въ Америкѣ. Имѣя въ виду такое положеніе дѣлъ, мы вполнѣ можемъ повѣрить словамъ *Jacoby*: „Проповѣдники (послѣ основанія Episcopal-Methodists'-Church) при новыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ ревностно начали великое дѣло призванія душъ къ покаянію. Въ странѣ господствовали свобода и миръ, и они съ большими, чѣмъ прежде, надеждами на успѣхъ могли вести свое дѣло“. Вновь посвященные епископы методизма (Кокъ и Ашбери) начали прямо послѣ конференціи объѣзжать общины и всюду видѣли успѣхи. Одно только тяготило ихъ: въ южныхъ штатахъ, странѣ невольничества, методисты были вовлечены въ рабовладѣльчество не менѣе другихъ. Послѣ мы увидимъ, что было предпринято общими ихъ усиліями для уничтоженія этого зла. Мы уже говорили, что въ годъ смерти Джона

Весли было 43,265¹⁾ членовъ епископальнаго методизма; они были разсѣяны по всѣмъ частямъ территоріи тогдашнихъ штатовъ и даже проникли въ Канаду, остававшуюся во власти Англіи. Черезъ 2—3 года число членовъ увеличилось больше чѣмъ на 20 тысячъ, такъ что въ 1792 году по отчетамъ 18 окружныхъ конференцій методизма значилось 65,980 членовъ, изъ которыхъ 13,871 были негры. Такой быстрый успѣхъ проповѣдниковъ нужно приписать тому, что послѣ войны за независимость жители штатовъ находились въ жалкомъ религіозномъ положеніи: многіе до зрѣлаго возраста оставались некрещеными, не было проповѣди въ протестантскихъ общинахъ, такъ что многіе не имѣли понятія объ Иисусѣ Христѣ. Между тѣмъ религіозная потребность не умерла совсѣмъ: она давала себя чувствовать; методисты удовлетворяли ей и были принимаемы охотно, какъ руководители религіозно-нравственной жизни²⁾. Послѣ 1792 года методизмъ распространился по Родъ-Айланду, Массачузетсу, территоріи Гѣдсоновой рѣки и Мену; но общее число членовъ значительно уменьшилось въ общинахъ главной вѣтви епископальнаго методизма, потому что въ это время, какъ увидимъ послѣ, произошло отдѣленіе отъ методизма многихъ членовъ по поводу возмущенія одного виргинскаго проповѣдника: число членовъ къ 1796 году значительно уменьшилось, и конференція (генеральная), не смотря на распространеніе общинъ методизма по новымъ мѣстностямъ, не досчитывалась больше чѣмъ 9 тысячъ членовъ. Въ 1796 году методисты проникли въ территорію рѣки Огайо; колонизована она была въ 1788 году, а обращена въ штатъ въ 1802 году. Одинъ изъ проповѣдниковъ округа Виргиніи переселился туда и началъ проповѣдать методизмъ, хотя встрѣтилъ большія

¹⁾ *Southey*, II, 435, относить это число не къ году смерти Джона Весли, а къ 1789 году.

²⁾ *Southey*, II, 434.

трудности со стороны полудикарей колонистовъ. Въ то же время методисты приобрѣли себѣ нѣсколькихъ членовъ среди пенсильванскихъ нѣмецкихъ колонистовъ, о чемъ послѣ мы будемъ говорить болѣе подробно. Вообще же нужно сказать, что періодъ 1796—1800 годовъ былъ временемъ особенно сильнаго религіознаго возбужденія. „Въ это время,—говоритъ *Jacoby*,—посѣщались не только всѣ церкви, но даже во многихъ домахъ совершалось богослуженіе, а гдѣ было неудобно дѣлать это, тамъ производили религіозно-богослужебныя собранія подъ открытымъ небомъ, по подражанію первымъ проповѣдникамъ методизма, произносившимъ свои поученія всюду, гдѣ представлялся къ тому случай. Особенно много содѣйствовали распространенію методизма эти собранія на открытомъ воздухѣ (*samrmeeting*) по своей новизнѣ, оригинальности и удобствамъ. Въ 1799 году въ штатѣ Теннесси два брата методисты задумали совершить таинство причащенія: одинъ изъ братьевъ былъ посвященъ конференціевъ въ проповѣдники. Къ нимъ присоединился также одинъ изъ пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ. Богослуженіе началось проповѣдью въ частномъ домѣ: капеллы въ окрестностяхъ еще не было. Проповѣдь, по рассказамъ, сильно подѣйствовала, такъ что со многими изъ слушателей произошли тѣ психофизическія потрясенія, которыя столь часто повторялись въ первые времена методизма. „Одна женщина громко ахала отъ радости; нѣкоторые начали весьма громко просить Бога о прощеніи своихъ грѣховъ“. Сами проповѣдники не выдержали и принуждены были прекратить проповѣдь. Но такъ какъ религіозное настроеніе охватило всю массу собравшихся, то они порѣшили продолжить свое собраніе вмѣстѣ. Съ ними было много такихъ, которые явились къ богослуженію изъ очень далекихъ мѣстностей на повозкахъ, наполненныхъ необходимыми дорожными запасами. Тѣснота дома, въ которомъ происходило богослуженіе, мѣшала собранію провести время въ зданіи, а между тѣмъ ночь была такъ хороша, что молитву

можно было продолжать безъ препятствій подъ открытымъ небомъ¹⁾. Такимъ образомъ произошелъ первый кампмитингъ (собраніе подъ открытымъ небомъ, полевое собраніе). Вѣсть о немъ распространилась по всѣмъ общинамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; а его плодотворность для пріобрѣтенія новыхъ членовъ заставила проповѣдниковъ методизма ввести таковыя собранія и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ мы скажемъ подробнѣе о порядкѣ совершенія *camp-meeting*'овъ. Кампмитинги, какъ новинка, увлекали въ члены методизма весьма многихъ, такъ что конференція 1804 года насчитывала въ рядахъ своихъ членовъ 113,134 человека, для которыхъ трудились 400 проповѣдниковъ. Кампмитинги послужили отличнѣйшимъ средствомъ для распространенія методизма по разсѣяннѣмъ поселеніямъ тогдашнихъ территорій Иллинойса и Миссури, гдѣ овъ распространялся въ промежуткѣ 1806—1816 годовъ, а значительный успѣхъ проповѣди методистовъ далъ имъ возможность пріобрѣсти въ некоторыхъ послѣдователей въ послѣднемъ штатѣ изъ католицизма, которое было тогда приращено въ С. Штатахъ²⁾: при тогдашнемъ положеніи католицизма методисты боролись съ нимъ довольно успѣшно. Чтобы судить о быстротѣ распространенія методизма послѣ конференціи 1804 года, достаточно показать, что въ 1807 году число членовъ дошло до 144,590 человекъ, въ 1811 году—до 184,567, то есть присоединилось по 10,000 человекъ среднимъ числомъ въ годъ; въ 1812 году число членовъ методизма равнялось почти 190,000 съ 2000 проповѣдниковъ мѣстныхъ и 700 проповѣд-

¹⁾ Дѣло происходило въ штатѣ Теннесси на берегахъ рѣки Красной (Red-River); мѣстность эта—одна изъ наиболѣе одаренныхъ мѣстностей сѣв. Америки; она тропически тепла, но безъ тропическихъ ночныхъ холодовъ, благодаря вѣтрамъ съ Мексиканскаго залива.

²⁾ Полную свободу вѣроисповѣданія католики получили только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія. До этого времени только *de jure*, по конституціи Конгресса католикамъ была дозволена свобода вѣроисповѣданія; *de facto* конституція Штатовъ съ протестантскимъ народонаселеніемъ тѣснила католиковъ. Ломухина, „Католицизмъ въ С. Америкѣ“.

никовъ странствующихъ.—Всворѣ послѣ конференціи 1812 года поднялась война между Англіею и Соединенными Штатами. Такъ какъ члены епископальнаго методизма были разсѣяны по всеѣмъ областямъ сѣверной Америки, то во владѣніяхъ штатовъ, соприкасавшихся съ англійскою Канадой, происходили постоянныя сношенія общинъ сѣверныхъ штатовъ съ общинами въ Канадѣ: въ сѣверныхъ штатахъ было средоточіе дѣлъ канадскаго методизма; отсюда канадцы-методисты получали и духовную и матеріальную помощь. Когда началась война, она сосредоточилась преимущественно въ точкахъ соприкосновенія Канады и С. Штатовъ,—что было причиною невозможности продолжать прежнія сношенія по дѣламъ религиознымъ: епископально-методистскіе проповѣдники должны были прекратить свои поѣздки въ Канаду. Последнее обстоятельство заставило канадскихъ методистовъ примкнуть къ весліано-методистской конференціи; такимъ образомъ война была причиною того, что канадскіе методисты (послѣ мы увидимъ, что не всё) отдѣлились отъ епископальнаго методизма. Война окончилась въ 1815 году; она въ общемъ нисколько не задержала роста методизма, потому что охватывала только немногія общины. Къ концу 1816 года епископальный методизмъ насчитывалъ 211,165 членовъ съ 704 странствующими проповѣдниками¹⁾. Промежуткомъ 1816—1820 годовъ былъ временемъ разрѣшенія для методистовъ вопроса о черныхъ методистахъ. Послѣ мы увидимъ, что методизмъ распространялся между ними весьма быстро, и что они очень скоро по своему развитію стали на одинъ уровень съ методистами бѣлыми и начали стремиться къ пріобрѣтенію самостоятельности или, по крайней мѣрѣ, равноправности. Но методисты бѣлые не такъ охотно соглашались поставить ихъ на одиакъ уровень съ собою въ религиозномъ отношеніи, какъ они охотно стре-

---

¹⁾ Въ началѣ 1816 года умеръ епископъ Ашбери послѣ почти 50-ти лѣтней дѣятельности для методизма.

милось пріобрѣсти для нихъ права политически свободныхъ людей. Негры—методисты такого двоедушія не потерпѣли и рѣшили отдѣлиться отъ епископальнаго методизма въ самостоятельную методистскую общину. Ихъ отдѣленіе значительно уменьшило число членовъ епископальнаго методизма, и только возрастаніе методизма въ другихъ мѣстностяхъ С. штатовъ не дало общей конференціи почувствовать урона вслѣдствіе отдѣленія черныхъ методистовъ: въ 1820 году общей конференціи епископальнаго методизма было подчинено 11 окружныхъ конференцій, которыя дѣйствовали отъ штата Мена на сѣверѣ до Миссисипи на югѣ, и отъ Атлантическаго океана на востокѣ до штата Миссури на западѣ. Такое блестящее положеніе дѣлъ облегчало уронъ отъ выдѣленія методистовъ-негровъ и выдѣленія общинъ Канады, окончательно рѣшеннаго въ 1820 году. Выдѣленіе негровъ было чувствительно только въ отношеніи къ числу членовъ; выдѣленіе же канадскихъ общинъ сказывалось и на матеріальной сторонѣ общинъ методизма, потому что среди методистовъ Канады было много крупныхъ торговцевъ, которые своими пожертвованіями въ пользу методистовъ значительно увеличивали общій фондъ сборовъ на нужды общества. Въ общемъ же, какъ мы замѣтили, число членовъ епископальнаго методизма возрасло и всѣ стороны его жизни развивались въ 1816—1820 годахъ весьма успѣшно. Успѣхи методизма не прекращались и въ слѣдующее четырехлѣтіе (1820—1824 г.). Оно прошло для методистовъ спокойно; къ 11 уже бывшимъ окружнымъ конференціямъ теперь было присоединена новая конференція въ Кентукки. Кромѣ того преимущественными мѣстами распространенія методизма въ послѣднее четырехлѣтіе были области рѣкъ Миссури и Мичигана, а также штатъ Луизиана. Послѣдній былъ центромъ католичества, какъ населенный преимущественно французами. Къ концу 1823 года епископальный методизмъ насчитывалъ въ своихъ общинахъ до 312,540 членовъ съ 1226 проповѣдниками. Такой успѣхъ епископальнаго методизма

можно считать еще не такъ большимъ, какимъ онъ могъ быть на самомъ дѣлѣ: спокойствіе общинъ и успѣхи въ распространеніи методизма должны были страдать въ нѣкоторой мѣрѣ отъ того, что въ это время и епископальный методизмъ долженъ былъ заняться вопросомъ о представительствѣ простыхъ мірянъ въ дѣлѣ управленія. Правда, члены конференціи имѣли еще достаточно силы для того, чтобы отказать мірянамъ въ ихъ требованіяхъ, однако конференція была и въ состояніи удержать въ своихъ общинахъ около 6 тысячъ недовольныхъ членовъ, которые около 1830 года составили особую деноминацію методистовъ, о которой мы будемъ имѣть случай поговорить послѣ. Въ концѣ 1827 года число членовъ методизма равнялось 381,997; проповѣдниковъ было 1576. Гдѣ и какъ распространялся методизмъ въ 1828—1840 годы, неизвѣстно. Мы знаемъ только, что конецъ 30-хъ годовъ епископальныя методисты провели въ особомъ возбужденіи, потому что и въ Америкѣ былъ въ 1839 году отпразднованъ общій юбилей столѣтняго существованія методизма. Успѣхъ и значеніе юбилейнаго торжества были также велики въ Америкѣ, такъ и въ Англии: чрезъ него было поднято какъ религіозное, такъ и матеріальное положеніе епископальнаго методизма; члены и проповѣдники уяснили себѣ смыслъ многихъ событій въ исторіи методизма; а юбилейный сборъ далъ возможность сдѣлать многое для внутренней и внѣшней миссіи и поправить дѣла многихъ методистскихъ учрежденій. Число членовъ въ годъ юбилея было 749,216 съ 3557 странствующими и 5856 мѣстными проповѣдниками. Возбужденіе послѣ юбилейнаго торжества не прекратилось: оно продолжалось и въ слѣдующее четырехлѣтіе (1840—1844 годы). Въ общинахъ особенно въ зимнее время почти повсюду совершалось ежедневное богослуженіе, которое посѣщали не одни только методисты, но и члены другихъ религіозныхъ обществъ,— другими словами: въ 1840—1844 годахъ по Америкѣ прошло одно изъ тѣхъ религіозныхъ возбужденій, о которыхъ мы

въ краткомъ видѣ замѣтили раньше по поводу религіознаго возбужденія 1760 года (revival of religion). Число общинъ епископальнаго методизма значительно увеличилось въ четырехлѣтіе, о которомъ идетъ рѣчь.—Дальнѣйшая исторія епископальнаго методизма стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ объ освобожденіи невольниковъ отъ рабства. И такъ какъ этотъ вопросъ различными методистами рѣшался различно, то, когда окончательное рѣшеніе стало невысказаннымъ откладывать, епископальный методизмъ раздѣлился на двѣ большія вѣтви, которыя расходились до крайностей во взглядахъ на вопросъ о существованіи рабства. Объ ихъ различіи въ данномъ отношеніи мы будемъ говорить послѣ. Отдѣленіе рабовладѣльческихъ общинъ методизма отъ общей конференціи епископальнаго методизма было до нѣкоторой степени вознаграждено успѣшнымъ его распространеніемъ на далекомъ западѣ С. Америки: къ 1848 году методизмъ проникъ до самыхъ береговъ Тихаго (Великаго) океана. Около того времени С. Штаты окончили войну съ Мексикою; результатомъ ея было присоединеніе къ владѣніямъ штатовъ Калифорніи и Нов. Мексики. Въ страны эти еще во время войны потянулись толпы колонистовъ, среди которыхъ было нѣсколько мѣстныхъ (осѣдлыхъ) проповѣдниковъ методизма. Сначала они остановились было въ долину Сакраменто и Санта-Клара; но когда окончилась война, они забрали себѣ постоянное мѣстопробываніе въ Санта-Крузѣ, гдѣ и были устроены первыя методистскія общины. Въ 1848 же году изъ штата Индіана переселилось другое семейство методистовъ, которое и поселилось въ городѣ Санъ-Хозе. Глава семейства (осѣдлый проповѣдникъ) началъ проповѣдь методизма здѣсь. Когда были открыты въ Калифорніи золотыя разсыпи, число вновь появляющихся методистовъ въ данной мѣстности начало увеличиваться (1847.—1849). Въ 1850 году миссіонеръ Калифорніи (въ отношеніи къ методизму) могъ уже изъ членовъ новой методистской общины составить 1/4-годиичную конференцію. Одновременно съ дви-

женіемъ методизма къ югу, по полуострову Калифорніи, происходило и его движеніе къ сѣверу по берегу Великаго океана. Первая окружная конференція изъ проповѣдниковъ вновь открытаго округа происходила въ Салемѣ (на рѣкѣ Орегонѣ). Изъ ея отчетовъ видно, что всѣ общины методизма были отдѣлены тогда на три округа: Орегонъ, Калифорнія и Нов. Мексика. Число членовъ въ новыхъ округахъ было равно 1300 человекъ, а число членовъ всего вообще епископальнаго методизма къ 1852 году достигло до 734,261. Если бы не отдѣленіе членовъ общинъ изъ-за несогласій по вопросу о рабствѣ, число членовъ епископальнаго методизма въ этотъ годъ было бы равно почти миллиону. На самомъ же дѣлѣ такого числа конференція главной вѣтви епископальнаго методизма не насчитывала даже во время столѣтняго юбилея американскаго методизма, который рѣшено было отпраздновать въ концѣ 60-хъ годовъ. Окончательное рѣшеніе о празднованіи юбилея было постановлено конференціею 1864 года, которая выбрала для этой цѣли особый комитетъ. Послѣдній (въ своемъ собраніи 1865 года) постановилъ: 1) въ первое январское воскресенье 1866 года повсемѣстно совершить общее богослуженіе, — что должно было отмѣтить наступающій годъ, какъ эпоху епископально-методистской церкви; 2) богослуженіе также должно быть совершено и въ дѣтскихъ школахъ въ октябрѣ того же года; 3) послѣднее воскресенье октября должно быть почитено особымъ юбилейнымъ богослуженіемъ. Празднованіе дѣйствительно вышло торжественнымъ и произвело сильное впечатлѣніе на массы. Къ 1868 году было собрано значительное количество денегъ, которыя употреблены на увеличеніе расходовъ для внутренней и ввѣшной миссіи методистовъ въ Америкѣ¹⁾. Главная вѣтвь епископальнаго мето-

¹⁾ По *Jacoby*, было собрано 8½ миллионъ долларовъ, по статьѣ въ *Real-Encyclopädie von Herzog*, было только 2 или 3 миллиона. См. Bd. IX, S. 721, Ausg. II.

дизма насчитывала тогда въ своихъ общинахъ 928,320 членовъ съ 6821 странствующими и 8205 мѣстными проповѣдниками. Торжество конференціи 1868 года увеличилось еще больше, когда явились посольства отъ вестланскихъ и американскихъ методистскихъ деноминацій привѣтствовать общую конференцію. — Мы не можемъ сказать, сколько въ приведенномъ числѣ было членовъ изъ бѣлаго, чернаго и краснаго племенъ въ отдѣльности; не можемъ также прослѣдить возрастанія методизма другихъ деноминацій¹⁾; по этой причинѣ мы переходимъ къ заграничнымъ (въ-американскимъ) миссіямъ епископальнаго методизма.

Первая по своей значительности и происхожденію миссія падаетъ на *Либерію*²⁾. Эта теперь цвѣтущая республика получила свое начало въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія; она образована сѣвероамериканцами изъ отпущенныхъ на свободу негровъ. Сѣвероамериканцы, давъ свободу неграмъ, хотѣли съ одной стороны освободить свою страну отъ множества людей, которые не были пристроены, а между тѣмъ самую природою были отмѣчены особымъ отпечаткомъ, — что мѣшало окончательному ихъ сліянію съ остальною частью народонаселенія Америки³⁾. Съ другой стороны сѣвероамериканцамъ (изъ сѣверныхъ штатовъ) хотѣлось показать, что негры стоятъ не ниже другихъ расъ по своимъ способностямъ, могутъ усвоить всѣ отличительныя черты цивилизованныхъ народовъ и жить подъ самоуправленіемъ. Чтобы доказать свою мысль, они рѣшили колонизовать какую-нибудь часть Африки ея сынами, проводшими

¹⁾ Нѣкоторыя числовыя данныя относящіяся къ данному вопросу мы приведемъ, когда будемъ говорить о раздѣленіи методистовъ на деноминаціи.

²⁾ Государство, расположенное по берегу Африки тамъ, гдѣ онъ принимаетъ юговосточное направленіе отъ 10° 40' до 70° 30' зап. долготы. *Grande-tani, I Abth.*

³⁾ Разумѣемъ черный цвѣтъ кожи, который упорно сохраняется при самыхъ разнообразныхъ смѣшеніяхъ и, какъ позорное клеймо, отмѣчаетъ тѣхъ, которые имѣютъ какое-нибудь кровное родство съ бывшимъ въ рабствѣ.

въ рабствѣ больше 300 лѣтъ въ числѣ нѣсколькихъ генераций¹⁾. Нужно сказать, что рабство не однимъ вредомъ отозвалось на неграхъ. Проведши такой значительный періодъ времени среди общества, стоявшаго выше по своему развитію, негры, правда, утратили весьма много изъ своей естественной простоты, потому что общество колонистовъ стояло не высоко по своему нравственному уровню. Тѣмъ не менѣе при всѣхъ воспринятыхъ дурныхъ качествахъ они усвоили много такого, что сдѣлало ихъ способными къ воспринятію христіанской цивилизаціи. Блестательнымъ доказательствомъ этой истины служатъ республики Сьерра-Ліоне, основанная англичанами, и Либерія, которую образовали сѣвероамериканцы. Обѣ республики населены неграми. О состояніи первой мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній при разсказѣ относительно миссій вестланскаго методизма. Вторая нѣсколько не уступаетъ первой, если не стоитъ выше ея. Среди первыхъ колонистовъ—негровъ, высланныхъ въ Либерію сѣвероамериканцами, уже было нѣсколько методистовъ. По приѣздѣ туда они почувствовали нужду въ духовномъ руководствѣ для себя и просили миссіонерское общество епископальнаго методизма выслать имъ способнаго проповѣдника. Чтобы по достоинству цѣнить труды проповѣдниковъ въ Либеріи, необходимо принять во вниманіе, что та мѣстность Африки, въ которой расположена Либерія, отличается весьма нездоровымъ климатомъ по причинѣ болотныхъ береговыхъ испареній: такимъ образомъ подвигъ миссіонерства въ этой мѣстности можно назвать полнымъ самопожертвованіемъ. Однакоже къ чести методистскихъ миссіонеровъ нужно сказать, что они не обращали на это вниманія, и одинъ за другимъ шли туда и умирали. Одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ,—по поводу частой смерти во-

---

¹⁾ Разумѣется со времени перваго вывоза негровъ по совѣту Ласъ-Каваса, т. е. съ первой половины XVI столѣтія до первой половины настоящаго, когда основаны общества аболіціонистовъ.

вопріѣзжихъ: „Пусть умрутъ тысячи миссіонеровъ, прежде чѣмъ имъ думать объ оставленіи Африки“¹⁾). Такимъ образомъ не смотря на опасности имъ удалось поставить прочно миссіонерское дѣло въ Либеріи: тамъ была основана высшая школа (лицей), учреждена типографія; а чтобы избавить бѣлыхъ миссіонеровъ отъ опасностей, вся миссіонерская дѣятельность передава въ вѣдѣніе черныхъ миссіонеровъ, которые работаютъ теперь для распространенія методизма и составляютъ своею совокупностью нѣчто въ родѣ конференціи со своимъ собственнымъ епископомъ. Въ настоящее время миссія поставила себѣ разрѣшеніе двухъ задачъ: утвержденіе христіанства и обращеніе его въ методизмъ среди жителей Либеріи и проповѣдь сосѣднимъ языческимъ племенамъ; на послѣднее методисты обратили особенное вниманіе²⁾): они теперь особенно усиленно дѣйствуютъ среди племенъ Golas, Kwias, и среди дикихъ ашанти и Дагоме. Жители мѣстности, о которой идетъ рѣчь, по послѣднимъ извѣстіямъ отличаются хорошими качествами, чему они во многомъ обязаны европейцамъ: они разумно пользуются своею свободою, учатъ (всѣ обязательно) своихъ дѣтей; строго воздерживаются (вслѣдствіе запрещеній) отъ продажи спиртныхъ напитковъ и употребленія ихъ, — что напоминаетъ намъ предписанія методистскихъ правилъ и заставляеть предположить, что методисты сильно вліяли на внѣшнюю сторону жизни либерійцевъ³⁾). Въ 1868 году въ Либеріи было 2000 черныхъ членовъ методизма съ 14 проповѣдниками и епископомъ во главѣ; въ ихъ распоряженіи было 2 семинаріи, 9 ежедневныхъ школъ и 131 вос-

¹⁾ Baird, La religion aux Etats-Unis de l'Amérique, vol. II, p. 410. Ср. Jacoby, II, 175.

²⁾ Въ Либеріи находится теперь около 15 миссіонерскихъ пунктовъ епископальнаго методизма. См. Grundemann's Missions-Atlas, 1. Abth., № 4.

³⁾ Въ Африкѣ, т. е. въ части ея, гдѣ находится Либерія, воспрещеніе употреблять спиртные напитки уже не должно считаться ригористическимъ требованіемъ, потому что тамъ они гигиенически неудобны для употребленія.

красная. Этого уже довольно много для такой маленькой мѣстности, какую занимает Либерія (см. географическія карты).

Вторая по времени происхожденія миссія епископальныхъ методистовъ относится къ южной Америкѣ, которая въ отношеніи въ С. Штатамъ также можетъ считаться заграничною страной, тѣмъ болѣе, что миссія была основана въ странѣ, гдѣ преобладающимъ народонаселеніемъ было не англосаксонское племя. Миссія была основана въ Буэносъ-Айресѣ (при устьяхъ рѣки Ла-Платы). Въ 1836 году конференція епископальныхъ методистовъ отправила туда миссіонера для англійскаго поселенія, въ которомъ и была устроена капелла методистовъ и школа для дѣтей. Послѣдователи миссіонера образовали англійскую методистскую общину, исторія которой до 1857 года неизвѣстна. Въ послѣднемъ году одинъ изъ миссіонеровъ (вновь прибывшій) основалъ цѣлый методистскій округъ, котораго распорядителемъ былъ онъ самъ. Въ 1869 году въ Буэносъ-Айресѣ была англійская община изъ 80 членовъ полныхъ, 40 членовъ на испытаніи и школа съ 19 учителями и 130 учениками. Съ 1867 года другой миссіонеръ началъ проповѣдать методизмъ для испанскаго народонаселенія на испанскомъ языкѣ. Къ концу 60 годовъ ему удалось достигнуть того, что школы методизма стали посѣщаться дѣтьми испанскаго происхожденія (въ Бока, по сосѣдству съ Буэносъ-Айресомъ). Въ Розаріо также была основана община съ капеллою и первоначальною школою. Въ Эсперанца, гдѣ жило поселеніе швейцарскихъ колонистовъ, методисты проповѣдали на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; на тѣхъ же языкахъ обучали дѣтей въ въ воскресной и народной школахъ. Здѣсь были зданія, въ которыхъ помѣщались капелла, школы и квартира для проповѣдниковъ. Въ Кордовѣ методисты даже стали издавать на испанскомъ языкѣ газету „Estrella Matutina“ (Утренняя Звѣзда), которая, по словамъ *Jacoby*, очень много служитъ къ воспитанію бѣднаго, забытаго духовенствомъ, народо-

васеления¹⁾. По словамъ *Baird'a*, методистскіе миссіонеры были въ Рио-де-Жанейро, Монтевидео (въ 1841 году). „Это было не безъ вліянія,—говоритъ онъ,—на распространеніе истинъ евангелія въ этихъ невѣдающихъ истинны городахъ, но миссіонерское общество вынуждено было отозвать своихъ миссіонеровъ по трудности обстоятельствъ. Спустя нѣсколько времени они снова начали свои труды съ новою рѣшимостью“²⁾. Какія трудныя для миссіонерскаго общества обстоятельства разумѣетъ авторъ, это рѣшить трудно. Вѣроятно, здѣсь разумѣется смутное время раздѣленія епископальнаго методизма на два враждебные лагеря по поводу невольничьяго вопроса, которое повлекло за собою и сокращеніе миссіонерскихъ доходовъ³⁾. Повидно, что такія обстоятельства могли быть причиною сокращенія операцій миссіонерскаго общества и оно отозвало миссіонеровъ изъ мѣстностей, въ которыхъ было нечего терять.

Въ 1846 году нѣкоторые члены епископальнаго методизма побуждали управленіе миссіонерскаго общества основать миссію въ *Китай*. Мы не должны удивляться, что это сдѣлано было такъ поздно: нужно помнить, что Китай былъ закрытъ для протестантскихъ миссіонеровъ до 1842 года. Въ противномъ случаѣ американцы не замедлили бы завязать торговыя и религіозныя сношенія съ этою нецивилизованною страной⁴⁾. Упомянутые члены методизма обѣщались поддерживать эту миссію ежегоднымъ взносомъ. Комитетъ миссій поступилъ согласно съ ихъ желаніемъ: въ 1847 году въ Китай были посланы миссіонеры епископальнаго методизма, которые и прибыли въ Фуцау-Фу⁵⁾. Но

¹⁾ Geschichte d. Methodismus, Bd. II. S. 181.

²⁾ La religion aux Etats-Unis de l'Amérique, vol. II. p. 411.

³⁾ Что ясно видно изъ возрастанія взноса 3-го десятилѣтія миссіонерскаго общества. См. выше.

⁴⁾ *Grundemann*. Allgemein. Missions-Atlas, II Abth, № 25: Asien.

⁵⁾ 120° восточн. долготы (Гринвичъ) на берегу моря.

нездоровый климат мѣстности постоянно заставлялъ миссіонеровъ возвращаться въ С. Штаты, такъ что прошло около 13 лѣтъ, прежде чѣмъ они успѣли устроить общину въ 100 человекъ (1860 год.). Статистика этой миссіи въ 1868 году показывала, что въ Китаѣ было 7 миссіонеровъ, 9 странствующихъ проповѣдниковъ изъ природныхъ китайцевъ, 15 туземныхъ мѣстныхъ проповѣдниковъ; число членовъ въ общинахъ было 468 (дѣйствительныхъ)+353 (принятыхъ на испытаніе). Послѣ 1867 года миссія стремилась направить свою дѣятельность въ Kiang-si и Пекинъ, что и удалось имъ, какъ можно судить по новѣйшимъ миссіонерскимъ сообщеніямъ ¹⁾).

Самою успѣшною миссіею епископальныхъ методовъ является ихъ миссія въ *Ост-Индіи*. Она существуетъ только съ 1856 года. Первоначально миссіонеры епископальнаго методизма были встрѣчены преслѣдованіями туземнаго народонаселенія. Но англійскіе колонисты помогли имъ и матеріально, и силою власти. Благодаря такой поддержкѣ миссія быстро разрослась въ три округа: Барейли ²⁾), Лукнау, Морадабадъ ³⁾). Статистическія свѣдѣнія о миссіи въ 1869 году показывали, что въ этой мѣстности было 19 семейныхъ миссіонеровъ кромѣ одного, 23 туземныхъ проповѣдника, 435 членовъ и 71 школа для 2905 мальчиковъ и 528 дѣвочекъ. При миссіи уже тогда было два сиротскихъ пріюта (мужской и женскій) и типографія, которая печатала книги на туземномъ нарѣчій. Три упомянутые миссіонерскіе округа и въ настоящее время заключаютъ 19 миссіонерскихъ станцій ⁴⁾).

Хотя миссіи *среди американскихъ краснокожихъ* не требо-

¹⁾ См. *Grundemann*, Allg. Missions-Atlas, Abth. II, № 25, 27.—Теперь епископальный методизмъ имѣетъ въ Китаѣ болѣе 5 миссіонерскихъ пунктовъ.

²⁾ Въ долині Ганга, 79° вост. долготы (Гринвичъ) и 28° сѣв. широты.

³⁾ Оба города лежатъ въ долині Ганга, на одной и той же желѣзной дорогѣ. См. *Church Missionary Atlas*. Lond. 1879. Language Map of India.

⁴⁾ *Grundemann*, Allgem. Missions-Atlas, Abth. II, № 10: Asien.

пали учрежденія особыхъ миссіонерскихъ пунктовъ, тѣмъ не менѣе и онѣ стояли порядочныхъ усилій¹⁾ для проповѣдниковъ методизма. Причина трудностей миссіонерства среди индѣйцевъ Америки заключается въ той враждебной настроенности, съ которою красное племя относилось къ бѣлымъ поселенцамъ Америки. Замѣчательно то обстоятельство, что начало миссіи между краснокожими положилъ негръ-методистъ. Исцѣленный отъ пьянства методистскою проповѣдью, или, по выраженію методистовъ, совершенно „возрожденный“, этотъ негръ (Джонъ Стюартъ) путешествовалъ къ сѣверу отъ штата Огайо съ библіею и книгою гимновъ. Дѣло, взятое имъ на себя, было не легкое: онъ часто подвергался опасности потерять свой скальпъ, т. е. подвергнуться жестокой операціи снятія кожи съ головы. Среди одного индѣйскаго племени былъ плѣнникъ - негръ, еще въ дѣтствѣ похищенный индѣйцами. Онъ понималъ англійскій языкъ настолько, что могъ быть для проповѣдника переводчикомъ. Путешествіи Джона Стюарта начались около 1816 года. Въ 1819 году было основано, какъ извѣстно, миссіонерское общество, которое и выслало проповѣднику-негру на помощь проповѣдника-бѣлаго. Дѣло проповѣди быстро двинулось впередъ, такъ что очень скоро распространять методизмъ стали природные индѣйцы. Для вѣкоторыхъ были открыты школы (?) и въ методизмъ стали обращаться цѣлыя племена. Но понятно, что миссіа среди краснаго племени не могла имѣть широкаго приложенія, потому что индѣйцы скорѣе соглашались уходить въ неудобныя для кочевокъ поселенія, чѣмъ поддаваться цивилизующему вліянію бѣлыхъ, которые съ самаго начала поведеніемъ своимъ поселили отвращеніе къ христіанской цивили-

---

¹⁾ Относимъ эту миссію къ вѣшней потому, что поселенія индѣйцевъ никогда не держались въ сосѣдствѣ съ европейскими колонистами, а потому проповѣдь христіанства между ними имѣетъ всѣ отличительныя черты другихъ миссій.

лизаціи въ этой прекрасной по своимъ естественнымъ качествамъ расѣ. Испанцы и другіе искатели приключеній и легкой наживы, населявшіе понемногу Америку, дали очень нехорошее понятіе краснымъ о бѣломъ племени, и красивые подъ первымъ, такъ сказать, впечатлѣніемъ скорѣе рѣшились умереть, чѣмъ начать образъ жизни бѣлыхъ. Дѣйствительно, эта прекрасная раса теперь почти совсѣмъ исчезла (на всемъ громадномъ пространствѣ, занимаемомъ Америкой, осталось аборигеновъ только около 20 милліоновъ; значить племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, т. е. кочевавшихъ по равнинамъ сѣверной Америки, есть еще меньше). Уменьшеніе краснаго племени замѣтно и въ статистическихъ таблицахъ методистской миссіи. Въ 1831 году миссія среди индѣйцевъ Америки насчитывала 4209 членовъ; изъ отчетовъ 1869 года видно, что ихъ осталось только 2236 (по отчетамъ южной вѣтви епископальнаго методизма, на которую главнымъ образомъ пала миссія среди американцевъ) и 1000 (по отчетамъ сѣверной вѣтви епископальнаго методизма, т. е. главной вѣтви его).

Кромѣ миссій среди дикихъ епископальный методизмъ, какъ и вестляновскій, имѣетъ также миссіи *среди народовъ цивилизованныхъ*. Миссіи эти раздѣляются также на два разряда: 1) на миссіи, такъ сказать, домашнія, т. е. дѣйствующія среди культурныхъ европейскихъ національностей, переселившихся въ С. Америку; 2) на миссіи въ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, въ которыхъ живутъ упомянутыя національности. Первые миссіи направлены къ тому, чтобы, такъ сказать, помочь европейскимъ переселенцамъ въ религіозно-нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ въ первое время ихъ жизни на новыхъ мѣстахъ до того времени, пока ихъ благосостояніе будетъ доведено до удовлетворительныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ епископально-методистское миссіонерское общество, устраивая подобнаго рода миссіи, имѣетъ въ виду съ избыткомъ вознаграждать затраченныя на нихъ суммы. Таковы именно домашнія (сѣверо-

американскія) миссіи среди англійскихъ колонистовъ, среди выселившихся изъ Скандинавіи шведовъ и норвежцевъ, и изъ Германіи—нѣмцевъ. По извѣстіямъ 1869 года среди указанныхъ народностей дѣйствовали 36 миссіонеровъ для 2396 членовъ методизма. Миссіи второго рода гораздо обширнѣе и стоить методизму гораздо ббльшихъ затратъ, потому что для нихъ методистамъ приходится бороться съ болѣе серьезными врагами (духовенствомъ упомянутыхъ національностей).

Имѣя постоянныя торговыя сношенія съ *Норвегією* и *Швецією*, епископальные методисты естественно пришли къ мысли о распространеніи методизма среди матросовъ торговыхъ кораблей. Такъ и было сдѣлано. Нѣсколько обращенныхъ въ методизмъ матросовъ послѣ возвращенія на родину стали въ свою очередь распространять методизмъ среди родныхъ и знакомыхъ. На помощь себѣ они просили послать нѣсколькихъ миссіонеровъ. Методизмъ распространялся преимущественно въ приморскихъ городахъ Швеціи, Норвегіи и Даніи. Въ столицѣ послѣдняго государства Коненгагенѣ (Kjøbenhavn) находится красавѣйшая на европейскомъ материкѣ методистская капелла. Къ 1868 году въ приморскихъ городахъ трехъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь дѣйствовало 19 епископально-методистскихъ миссіонеровъ. Членовъ въ тамошнихъ общинахъ было 835, для которыхъ методисты выстроили 8 капеллъ. Распространялся методизмъ чрезъ собесѣдованія и уроки въ воскресныхъ школахъ (ихъ было 13).

Пересматривая миссіи вестланскаго методизма, мы не замѣчали, чтобы вестланскіе методисты дѣлали попытки въ борьбѣ съ православною церковью и приобрѣтенію прозелитовъ среди ея членовъ. Епископальные методисты пошли въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Въ 1857 году они сдѣлали попытку основать миссію въ *Бомаріи*. Но до 1868 года „она,—по признанію *Jacoby*,—имѣла весьма мало успѣха“. Цѣль Сію распространять методизмъ въ *Болгаріи*, одивъ

изъ миссіонеровъ хотѣлъ, чтобы побольше сочиненій евангелико-методистскаго характера появилось на болгарскомъ языкѣ. Не мало трудовъ онъ потратилъ на то, чтобы перевести Новый Заветъ на болгарскій языкъ при помощи американскаго библейскаго общества.—Другой миссіонеръ, хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ, въ Тульчѣ стремился проповѣдать методизмъ среди русскихъ и нѣмцевъ. „Онъ основалъ русскую епископально-методистскую церковь“—говорить *Яcobу*. Интересно было бы прослѣдить исторію *русской епископально-методистской церкви*; въ сожалѣнію у насъ нѣтъ подъ руками никакихъ данныхъ для этого. Со словъ одного болгарина мы знаемъ, что новымъ проповѣдникамъ евангелическаго движенія въ Болгаріи не особенно удается: ихъ попытки разбиваются о вѣрность народа и пастырей его церкви, съ которою они сжились, какъ дѣти съ чадолюбивою матерью.

Самою серьезною и многознаменательною миссіею велиаяскихъ и епископальныхъ методистовъ слѣдуетъ считать миссію *среди нѣмецкихъ протестантовъ*, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, даже въ самой Германіи—средоточіемъ пунктъ протестантизма. Правда, нужно сказать, что распространеніе методизма среди нѣмецкихъ поселеній въ Америкѣ является дѣломъ весьма естественнымъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже. Но очень странно стремиться съ миссіонерскими цѣлями въ Германію, которая съ давнихъ поръ стояла впереди, когда дѣло шло о религиозныхъ преобразованіяхъ. Германія первая подняла знамя свободы, на которомъ было написано: „конецъ папству“, и сама выслала миссіонеровъ протестантизма по всѣмъ странамъ. Между прочимъ и англійская „первая“ реформація только благодаря протестантскимъ выходцамъ изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ протестантизмъ преслѣдовало католическое правительство, приняла болѣе рѣшительный оборотъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было предпринято и сдѣлано Генрихомъ VIII. То же самое должно сказать о методизмѣ,

или „второй“ реформаціи въ Англіи. Первые методисты, члены оксфордскаго „Священнаго клуба“, ничего не достигли, пока оставались въ границахъ, положенныхъ символическими книгами ихъ родной церкви. Первенствующее значеніе германскихъ ученыхъ по сравненію съ учеными другихъ странъ въ изслѣдованіяхъ по религіознымъ предметамъ можно считать почти неоспоримымъ: они своими трудами давали тонъ другимъ,—по крайней мѣрѣ до конца первой четверти настоящаго столѣтія. Однакоже, не смотря на все это, методисты рѣшаются учредить и дѣйствительно учреждаютъ миссію для Германіи или—гораздо шире—для нѣмецкой народности! Чтобы понять такой странный фактъ, нужно имѣть въ виду, какую задачу поставилъ себѣ методизмъ. По мнѣнію методистовъ, христіанство не можетъ быть оставлено въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у различныхъ народовъ. Всѣ христіане только по вѣншности могутъ считаться таковыми: въ нихъ христіанство утратило свой духъ, свою животворную силу. Христіанство нужно поднять,—нужно оживить его духъ. Такъ рассуждали основатели методизма; ихъ мысль была поддерживаема ихъ послѣдователями и осталась въ наслѣдство методистамъ второго періода. Такимъ образомъ методисты стремятся къ проведенію христіанства въ жизнь, къ нравственному возрожденію христіанскихъ народовъ по идеямъ христіанства. Но нравственность весьма часто не совпадаетъ съ образованностью, а потому какъ бы ни была образована извѣстная нація, ея представители могутъ служить предметомъ миссіонерской дѣятельности. Германская народность въ данномъ случаѣ не есть исключеніе.

Мы уже имѣли случай намекать на то, что положеніе колонистовъ, являвшихся въ Америку изъ различныхъ странъ, представлялось очень жалкимъ, когда выступалъ на сцену вопросъ объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей. Они въ данномъ случаѣ были почти всегда предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ страны, выславшія ихъ, не за-

ботились о томъ, что будетъ съ переселенцами въ чужой странѣ, и не заботились объ обезпеченіи для переселенцевъ необходимыхъ средствъ къ удовлетворенію религіозно-нравственныхъ потребностей. Неудивительно, что переселенцы очень легко поддавались вѣшнимъ влияніямъ, забывали свою родную церковь и переходили къ той церкви, представители которой старались удовлетворять ихъ религіозно-нравственными потребностямъ. То же было и съ нѣмцами въ Америкѣ. Еще въ 70-годахъ прошлаго столѣтія два нѣмецкихъ пастора (реформатскій и лютеранскій) познакомились съ суперинтендентомъ методистовъ Ашбери и подъ его влияніемъ рѣшились устроить свои общины по образцу методистскихъ. Послѣ этого они начали распространять методизмъ въ средѣ колонистовъ изъ нѣмцевъ. Дѣло проповѣди пошло очень успѣшно: возникъ методизмъ нѣмецкій. Въ общинахъ его соединились два главныхъ религіозныхъ общества (лютеранское и реформатское), почему нѣмецкій методизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, и получилъ названіе „соединенныхъ о Христѣ братій“. Главнымъ образомъ нѣмецкій методизмъ распространялся среди пенсильванскихъ нѣмцевъ. Сближеніе ихъ съ методистами послужило къ тому, что нѣмцы въ этой мѣстности стали постепенно обращаться въ англичанъ по языку и другимъ характернымъ особенностямъ.—Вторую фазу въ исторіи нѣмецкаго методизма представляетъ основаніе „Евангелическаго общества“, члены котораго прежде были извѣстны подъ именемъ „Людей Албрехта“. Последнее названіе произошло отъ имени основателя „Евангелическаго общества“, Якова Альбрехта. Родился онъ въ лютеранской семьѣ въ Пенсильваніи; но стѣснительное положеніе тамошней лютеранской общины было причиною того, что ея члены, по словамъ *Jacoby*, „жили безъ Бога и ненавидѣли всё то, что могло нарушать ихъ грѣховный покой“. Альбрехтъ началъ искать выхода изъ такого безотраднaго положенія и нашелъ его въ проповѣди методизма: онъ былъ обращенъ въ методисты и началъ заботиться о распространеніи мето-

дизма среди земляковъ. Пенсильванскіе странствующіе проповѣдники позволили Альбрехту быть „убѣдителемъ“ (первая степень, въ которой каждый методистъ могъ заявить свои проповѣдническіе таланты). Съ 1795 года онъ уже былъ посвященъ въ странствующіе проповѣдники и началъ ревностно обязывать сосѣднія нѣмецкія поселенія съ цѣлю распространять методизмъ. Къ 1800 году онъ основалъ общество, о которомъ мы начали рѣчь. Общество въ началѣ было очень маленькимъ: въ 1806 г. оно достигло едва 120 членовъ. Въ 1807 году была созвана первая конференція его проповѣдниковъ. Здѣсь было рѣшено, что Альбрехтъ создастъ ученіе и церковное устройство для новой секты: его избрали епископомъ. Но онъ въ слѣдующемъ году умеръ, и вторая конференція (1809) рѣшила принять ученіе и церковное устройство отъ епископальныхъ методистовъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что вѣмцы не могли примириться съ понятіемъ объ епископахъ и послѣ смерти Альбрехта не повторили выбора въ епископы; вмѣсто этого они ввели у себя „первенствующихъ пресвитеровъ“. Конференція 1816 года порѣшила переименовать свое общество изъ такъ называемыхъ „братьевъ Альбрехта“ въ „Евангелическое общество“. Въ 1839 году снова было введено понятіе *епископа* въ кругъ понятій объ управляющемъ духовенствѣ: былъ выбранъ епископъ. Выборы его должны были повторяться при каждой генеральной конференціи: хотя можно было выбирать и прежняго епископа, но это не исключало возможности и выбора новаго лица.—„Евангелическое общество“, такъ же какъ и общество „соединенныхъ братьевъ“, не могло устоять противъ англійскаго вліянія, такъ что уже слѣдующее поколѣніе говорило на англійскомъ языкѣ и воспитывалось въ англійскихъ школахъ; а общины были поставлены въ необходимость пользоваться услугами англійскихъ проповѣдниковъ. Отъ окончательнаго обращенія нѣмецевъ-методистовъ въ американскихъ явни спасало ихъ то обстоятельство, что нѣмецкій элементъ поддерживался по-

стояннымъ приливомъ изъ Европы новыхъ переселенцевъ-нѣмцевъ. Особенно много являлось переселенцевъ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Ихъ религіозно-правственное состояніе было такъ неутѣшительно, что благочестивые методисты считали своею прямою обязанностію начать проповѣдь среди нихъ. Первымъ долгомъ нужно было снабдить нѣмецкихъ колонистовъ библіею и книгами религіозно-правственнаго содержанія на нѣмецкомъ языкѣ, а также позаботиться объ устройствѣ для нихъ школы и избраніи говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ проповѣдниковъ и учителей. Окружная конференція въ штатѣ Огайо выбрала (въ 1835 году) для этой цѣли знаменитаго въ исторіи нѣмецкаго методизма проповѣдника Вильгельма Наста (W. Nast), котораго мы имѣли уже случай называть, говоря о литературѣ по исторіи методизма. Среди чистокровныхъ нѣмцевъ, только что появившихся въ Америкѣ, Насту приходилось торпѣть очень много непріятностей („больше даже можетъ быть, чѣмъ Джову Весли“—говоритъ *Jacoby*). И только законы страны, да сочувствіе нѣмцевъ, уже нѣсколько свыкшихся съ англичанами и методизмомъ, препятствовали противникамъ методизма употреблять наспіе противъ проповѣдниковъ методизма. Осенью 1836 года онъ былъ уже назначенъ конференціею Огайо для объѣзда округа въ качествѣ нѣмецкаго миссіонера, а въ 1837 году долженъ былъ посвятить свои труды на пользу нѣмецкихъ колонистовъ, въ значительной степени появившихся въ этомъ году въ Цинциннати. Для нихъ же В. Настъ долженъ былъ перевести на нѣмецкій языкъ „общія правила“ епископальнаго методизма и веслианскій катехизисъ. Въ 1838 году въ методистскомъ журналѣ *Western Christian Advocate* появилась статья, въ которой проведена была мысль о необходимости создать фондъ для обезпеченія возможности устроить изданіе нѣмецкаго методистскаго журнала; мысль нашла сочувствіе, и въ 1839 году (юбилейный годъ) Настъ сдѣлался редакторомъ нѣмецкаго методистскаго журнала *Christlicher Apologet*, который много

содѣйствовалъ подготовкѣ нѣмцевъ къ методизму. Труды Наста увѣнчались успѣхомъ, такъ что уже въ 1838 и 1839 годахъ появились способные къ проповѣди методизма люди изъ нѣмцевъ,—что помогло расширить дѣло миссіи среди нѣмецкихъ переселенцевъ въ Америку. Изъ Цинциннати нѣмецкій методизмъ распространился въ штатъ Индіана. Проповѣдь нѣмецкихъ методистовъ коснулась и переселенцевъ изъ Швейцаріи и Эльзаса.—Такимъ образомъ къ 1840 году было основано множество миссіонерскихъ пунктовъ съ цѣлю заботиться о распространеніи нѣмецкаго методизма; а въ 1844 году всѣ различныя миссіи нѣмецкаго методизма подѣлены были на различныя конференціи (т. е. на нѣсколько округовъ, управленіе которыхъ принадлежало извѣстной окружной конференціи). Въ 1850 году округовъ этихъ было 11 и въ нихъ находилось 5739 членовъ методизма изъ природныхъ нѣмцевъ. Дальнѣйшіе успѣхи методизма среди нѣмцевъ были обезпечены вполнѣ: для образованія проповѣдниковъ устроены среднія и даже высшія школы; расходы по содержанію миссій и бѣдныхъ нѣмецко-методистскихъ общинъ покрывались достаточно большими для этой цѣли сборами. Въ 1864 году всѣ округи нѣмецкаго методизма были раздѣлены между 4-мя окружными конференціями, которымъ принадлежало 16 округовъ въ различныхъ частяхъ С. Штатовъ. Полныхъ членовъ изъ нѣмцевъ было 25,340 и принятыхъ на испытаніе 4272. Для общинъ было устроено 514 воскресныхъ школъ, въ которыхъ воспитывалось 25,980 учениковъ ¹⁾).

Какъ ни беззаботно относились германскія протестантскія общины къ жизни нѣмецкихъ переселенцевъ въ Америку, однако переходъ послѣднихъ на сторону методизма очень встревожилъ тѣхъ, кто былъ руководителемъ протестантскихъ общинъ, находящихся въ Германіи. Друзья и знакомые

---

¹⁾ Подробнѣе см. *Jacoby*, II, 247.

тѣхъ, которые покинули Германію и поселились въ Америку, упрекали переселенцевъ въ невѣрности ихъ родной религіи. Чтобы съ одной стороны оправдать себя, а съ другой, чтобы помочь своимъ землякамъ „узнать истину“, методисты-нѣмцы рѣшили отправить свою миссію въ самую Германію, что и было достигнуто въ концѣ 40-хъ годовъ нашего вѣка. Около этого времени вся западная Европа находилась въ возбужденномъ состояніи по причинѣ политическихъ переворотовъ. Результатомъ ихъ было между прочимъ то, что было и результатомъ политическаго переворота въ Англии въ концѣ XVII столѣтія (въ 1688 г.), т. е. крайнее развитіе раціонализма съ необходимымъ слѣдствіемъ его—равнодушіемъ народа къ религіи: образованное общество было вовлечено въ споры о значеніи философіи Гегеля, при чемъ съ сущностью христіанства знакомились не по св. книгамъ, а по такимъ произведеніямъ, какъ сочиненія Фейербаха¹⁾; первоначальную же исторію его изучали по сочиненіямъ, похожимъ на Штраусова „Das Leben Jesu“²⁾. Нельзя поэтому не признать справедливости словъ *Jacoby* объ этомъ времени, какъ времени религіозно-нравственнаго упадка нѣмецкаго народа. Онъ говоритъ: „хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и были нѣкоторые вѣрующіе проповѣдники (т. е. пасторы), и хотя въ нѣкоторыхъ протестантскихъ общинахъ была замѣтна по истинѣ христіанская жизнь; однако въ общемъ около 1848 года среди духовенства господствовало замѣтное равнодушіе (къ религіи); большинство духовныхъ лицъ были раціоналистами и проповѣдали свой раціонализмъ открыто и свободно“. Такимъ образомъ христіанству въ Германіи грозила та же опасность, какая въ началѣ прошлаго вѣка грозила ему

¹⁾ Разумѣемъ главнымъ образомъ его сочиненіе „Das Wesen d. Christenthums“, 1841.

²⁾ Появившееся въ 1835 г. и надѣлавшее много шума въ ученomъ мѣртѣ.

въ Англии. Въ Англии реакція противъ раціонализма деистовъ поднята была самими англичанами; въ Германіи же противъ раціонализма выступили представители евангелическаго движенія, родившагося на англійской почвѣ. Весьма естественно такимъ образомъ, что методисты также обратили вниманіе на религіозно-нравственное положеніе германскаго народа и порѣшили основать миссію для распространенія методизма въ самой Германіи, при чемъ Германію они разсматриваютъ такъ же, какъ и всякую языческую страну, не смотря на протесты, которые время отъ времени раздаются среди патріотическихъ нѣмцев¹⁾.— Не смотря на всю свою смѣлость въ стремленіи пріобрѣтать прозелитовъ и устроить миссіи, методисты не сразу рѣшились отправить миссіонеровъ въ Германію. Первымъ проповѣдникомъ епископальнаго методизма въ Германіи былъ назначенъ предстоитель (старшій проповѣдникъ) одного изъ нѣмецко-методистскихъ округовъ въ штатѣ Иллинойсъ, по имени *L. S. Jacoby*²⁾, который основалъ свое мѣстопребываніе въ Бременѣ. Такимъ образомъ Бременъ сталъ центромъ распространенія методизма въ Германіи. Такъ какъ въ Германіи нельзя было начать проповѣди на открытомъ воздухѣ, и такъ какъ у методистовъ еще не было капеллъ, то они на первыхъ порахъ должны были проповѣдать или въ частныхъ домахъ, или въ наемныхъ залахъ (обыкновенно въ комнатахъ, употреблявшихся для торговли или устроенія общественныхъ увеселеній). Миссія въ Германіи началась около 1850 года; первоначально она была только средствомъ „спасать души“³⁾; методисты не стремились основывать самостоятельнаго общества; но время измѣнило ихъ планы. Уже въ 1850 году необходимо было основать классы (въ методистскомъ смыслѣ), потому что этого требовали тѣ, которые стали на сторону методизма. Въ томъ же году

¹⁾ См. *Jüngst*, *Americanischer Methodismus in Deutschland*. 1865.

²⁾ Авторъ сочиненія *Geschichte d. Methodismus*, который мы пользуемся при изложеніи фактовъ въ нашихъ „Очеркахъ исторіи методизма“.

³⁾ *Jüngst*, *Amer. Meth. in Deutschland*, S. 18.

Jacoby разослалъ множество методистскихъ изданій на нѣмецкомъ языкѣ и началъ издавать журналъ для пропаганды методизма въ Германіи. Средства для миссіи онъ получилъ отъ „Евангелическаго общества“, изъ Америки. Для проповѣдничества при помощи школы *Jacoby* въ томъ же году основалъ воскресную школу. Первоначально жители съ любопытствомъ присматривались къ дѣятельности новыхъ проповѣдниковъ, собираясь большими толпами смотрѣть на нихъ и слушать ихъ богослуженіе. Любопытство окончилось увлеченіемъ многихъ: проповѣдь подѣйствовала настолько, что содержатели увеселительныхъ заведеній, которыя раньше были полны посѣтителями, особенно въ часы отдыха отъ ежедневныхъ занятій, начали чувствовать замѣтное уменьшеніе доходовъ; они рѣшились противодействовать непризваннымъ исправителямъ нравственности. Результатомъ было повтореніе въ Германіи, какъ въ Англій, сценъ преслѣдованія методистскихъ проповѣдниковъ и ихъ почитателей. Обыкновенно около домовъ, въ которыхъ предполагалось совершеніе методистскаго богослуженія, собирались подговоренныя и подпоеныя водкою толпы, которыя били окна и двери дома и разгоняли толпу, сочувствовавшую методистамъ. Подобныя безпорядки заставили полицію обратить вниманіе на проповѣдниковъ, которые являлись причиною безпорядковъ. Но, послѣ разсмотрѣнія поведенія проповѣдниковъ высшими представителями власти города Бремена, оказалось, что методисты ничего противозаконнаго не совершаютъ, и имъ стали давать защиту изъ полиціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповѣдникамъ методизма приходилось выносить неприятели изъ-за ихъ иностранныхъ паспортовъ, языкъ которыхъ (англійскій) былъ неизвѣстенъ простымъ полицейскимъ. Мало по малу всѣ подобныя неприятели устранились, и методисты получили возможность беспрепятственно вести дѣло проповѣди. Въ этомъ отношеніи они весьма много выигрывали своею настойчивостью: они, напр., не стѣснялись совершать свои молитвенныя со-

бравія, когда по сосѣдству (за стѣною или надъ головами) происходила шумная пирушка или танцевальный вечеръ; подобная настойчивость сильно дѣйствовала на нѣмцевъ, и они постепенно свыкались съ необычнымъ поведеніемъ новопрїѣзжихъ и переходили на ихъ сторону. Изъ Бремена и его окрестностей миссія была перенесена въ Гамбургъ, Ганноверъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ. Но въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ методисты должны были отложить проповѣдь до болѣе благопрїятнаго времени, потому что она была рѣшительно воспрещена, такъ что сочувствовавшіе методизму должны были уже въ 1851 году переселиться въ Америку. Въ томъ же году методисты основали миссіонерскіе пункты въ Франкфуртъ-на-Майнѣ и Виртембергѣ, а также въ Саксоніи,—что требовало увеличенія какъ наличнаго числа проповѣдниковъ, такъ и средствъ для содержанія ихъ миссій. Чтобы придать всей миссіи округленность и нѣкоторую сплоченность, *Jacoby* въ 1852 году рѣшилъ устроить нѣчто въ родѣ конференціи изъ всѣхъ наличныхъ проповѣдниковъ методизма; а чрезъ устройство въ Бременѣ первой методистской капеллы онъ обратилъ Бременъ въ центральный пунктъ методизма. До разрѣшенія отъ американской конференціи „Евангелическаго общества“ нѣмецкіе методисты не имѣли права созывать конференцій въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что конференція была между прочимъ распорядительнымъ собраніемъ, но нѣмецкіе миссіонеры не могли устроить такихъ собраній пока миссія существовала на средства „Евангелическаго общества“ въ Америкѣ; нѣмецкіе миссіонеры могли только составлять собранія для представленія отчетовъ о дѣятельности своей въ различныхъ мѣстахъ Германіи. Съ 1852 по 1856 годы они и составляли такіе годовые отчеты о своихъ трудахъ для распространенія методизма. Нужно замѣтить, что методизмъ съ большимъ успѣхомъ распространился въ направленіи къ югозападу Германіи, чѣмъ къ сѣверовостоку. Въ Саксоніи, напримѣръ, методисты встрѣ-

тели столь же энергическое сопротивленіе, какъ и въ Брауншвейгѣ, такъ что и оттуда методисты должны были выселиться въ Америку, хотя и не всѣ: остальные же терпѣли большія стѣсненія. Наоборотъ около Рейна миссіонеры методисты пріобрѣтали все больше и больше послѣдователей и основывали все новые и новые миссіонерскіе пункты. Эпохою въ распространеніи нѣмецкаго методизма нужно признать 1856 годъ, когда „Евангелическое общество“ разрѣшило основать въ Германіи самостоятельную методистскую конференцію. Въ этомъ году суперинтендентъ нѣмецкой миссіи былъ отозванъ въ Америку, вѣроятно, для отчетности по дѣлу миссіи въ Германіи. Личныя сообщенія его подѣйствовали на членовъ конференціи „Евангелическаго общества“ такъ благопріятно, что она дала *Jacoby* право созывать самостоятельную „нѣмецкую“ конференцію въ Германіи, а миссіонерскому обществу разрѣшила сдѣлать расходъ въ 4000 долларовъ на распространеніе германскаго методизма. Послѣ такого разрѣшенія нѣмецкіе миссіонеры методизма обращались въ самостоятельныхъ распорядителей методизма въ Германіи, а германскія методистскія миссіи становились до нѣкоторой степени самостоятельнымъ религиознымъ обществомъ. Статистическія данныя, которыя можно почерпнуть изъ трактатовъ первой методистской конференціи въ Германіи, слѣдующія: Въ 1856 году общины методизма были: въ Бременѣ (58 членовъ), въ его окрестностяхъ (57 членовъ), въ Брокѣ (13 членовъ), Бременгафенѣ (24 члена), Гамбургѣ (5 членовъ), Саксоніи (99—здѣсь разумѣются мелкія саксонскія государства), въ Франкфуртѣ-на-М. и Виртембергѣ (172 члена). Всмотриваясь въ таблицу статистики, мы можемъ замѣтить, что южныя и западныя части Германіи оказались болѣе воспріимчивы въ отношеніи къ методизму, нежели сѣверовосточныя, хотя самое большее напряженіе дѣятельности проповѣдниковъ сосредоточено около Бремена¹⁾. Такъ въ Бременѣ на школы, въ кото-

¹⁾ См. *Jacoby*, Geschichte d. Methodismus, II, 301.

рыхъ было 475 человекъ, было назначено 58 чиновниковъ, а въ округъ около Бремена на 155 учащихся—27 чиновниковъ, тогда какъ въ школахъ Франкфурта и Виртемберга на 210 учащихся было только 11 чиновниковъ. Въ Саксоніи на 30 учащихся былъ 1 чиновникъ, за то въ Гамбургѣ на 60 учениковъ—9 чиновниковъ, и т. п. При этомъ нельзя не замѣтить того обстоятельства, что въ большинствѣ случаевъ число чиновниковъ въ школахъ обратно пропорционально числу дѣйствительныхъ членовъ общества въ извѣстной мѣстности. Кажется, что для объясненія этого факта нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что методисты старались дѣйствовать на молодое поколѣніе тамъ, гдѣ имѣли мало успѣха среди взрослыхъ; наоборотъ, гдѣ проповѣдь среди взрослыхъ имѣла большій успѣхъ, тамъ они не затрачивали своихъ и безъ того незначительныхъ доходовъ на дорогія школы. По той же причинѣ и различныя школы обставляются различно: въ Виртембергѣ на 210 человекъ 4 школы; а въ бременскомъ округѣ на тѣ же 4 школы приходилось 155 человекъ; въ первыхъ четырехъ школахъ было 11 чиновныхъ лицъ, а во вторыхъ въ 2 $\frac{1}{2}$ раза больше.—Успѣхи методизма въ Германіи казались достаточно большими на взглядъ американскихъ вѣмцевъ-методистовъ, такъ что присутствовавшій на конференціи германскихъ методистовъ епископъ евангелическаго общества счелъ нужнымъ посвятить для германской конференціи нѣсколько новыхъ духовныхъ лицъ. Обращаясь къ статистикѣ, мы дѣйствительно видимъ, что въ 1857 году методистовъ въ Германіи было уже на 237 человекъ больше сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Вообще мы должны сказать, что съ конца 50 годовъ методизмъ все болѣе и болѣе сживается по своимъ тенденціямъ съ германскимъ протестантизмомъ. Такъ напр., собраніе евангелическихъ христіанъ въ Германіи въ 1857 году имѣло своего представителя и среди вѣмцкаго методизма. Последнее обстоятельство было важно въ томъ отношеніи,

что съ одной стороны общество евангелическихъ христіанъ признало въ методистахъ своихъ союзниковъ, съ другой стороны участіе методистовъ въ собраніяхъ евангелическихъ христіанъ сообщало методистамъ нѣкоторую популярность, ставя его представителей на одну точку съ представителями другихъ религіозныхъ обществъ Германіи. Успѣхи методистовъ къ 1838 году были настолько велики, что стала чувствоваться потребность въ спеціальному заведеніи для образованія проповѣдниковъ методизма; для этой цѣли общины на первый разъ собрали 390 талеровъ,—сумму, которая вполне была достаточна для покрытія расходовъ по содержанію трехъ методистскихъ стипендіатовъ въ университетѣ. Но методисты Германіи съ согласія американскаго миссіонерскаго общества рѣшили открыть собственное высшее учебное учрежденіе для образованія проповѣдниковъ, что и было сдѣлано въ 1838 году. Конференція этого года раздѣлила всѣ общины германскаго методизма на четыре округа: бременскій, ольденбургскій, южно-нѣмецкій и швейцарскій. Первый обнималъ собою городъ Бременъ съ окрестностями, Гамбургъ и другіе пункты къ востоку отъ рѣки Везера. Въ ольденбургскомъ округѣ находились общины методистовъ В. Г. Ольденбургскаго; къ южно-нѣмецкому округу принадлежали части методистской миссіи въ Саксоніи, въ Виртембергѣ и Франкфуртѣ-на-М. швейцарскій округъ обнималъ собою миссіонерскіе пункты въ Швейцаріи. Въ послѣдней странѣ методизмъ началъ распространяться съ 1856 года. Хотя здѣсь методистамъ предстояла упорная борьба съ раціонализмомъ, за то въ этихъ мѣстахъ имъ не нужно было опасаться вѣшнихъ преслѣдованій, такъ какъ въ Швейцаріи царила полная религіозная свобода: въ 1859 году въ Цюрихѣ были уже устроены вапелла для проповѣди и квартиры для постоянныхъ пребываній проповѣдниковъ. Потребность въ спеціально-методистскомъ учрежденіи для образованія заставило конференцію 1859 года позаботиться о расширеніи помѣщенія для воспитанниковъ.—Раньше ука-

занное нами обстоятельство, что методизмъ все болѣе и болѣе успѣвалъ на западѣ и югѣ Германіи, какъ нельзя болѣе оправдывалось въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1860 году конференція изъ Бремена перенесла свои засѣданія въ Дюрихъ, — что имѣло весьма важное значеніе для объединенія дѣйствія французскихъ методистовъ съ вестланскими и методистовъ епископальныхъ съ тѣми и другими, потому что на конференцію послѣднихъ французскіе методисты прислали своего представителя; представитель нѣмецкаго методизма *Jacoby*, наоборотъ, посѣтилъ конференцію французскихъ методистовъ 1861 года, въ Парижѣ. — Средствами для распространенія методизма служили преимущественно школы и сочиненія религіозно-нравственнаго характера. Такъ къ 1859 году методисты раздали 5000 Библій, 11,000 Новыхъ Заветовъ, и 400,000 брошюркъ религіозно-нравственнаго содержанія. Для той же цѣли издавалось два журнала: „*Evangelist*“ и „*Kinder-Freund*“ (другъ дѣтей), которые при любви нѣмцевъ къ чтенію расходились довольно порядочно. Въ томъ же году у методистовъ было уже 36 воскресныхъ школъ съ 2030 учениками, а ихъ „Миссіонерское заведеніе“ ежегодно выпускало по нѣсколькѣ равностныхъ проповѣдниковъ методизма. Методистская миссія сосредоточилась преимущественно въ окрестностяхъ Рейна, такъ что Франкфуртъ-на-М. сталъ вмѣсто Бремена центромъ нѣмецкаго методизма. Въ годъ столѣтняго юбилея епископальнаго методизма „Евангелическое общество“ съ нѣмецкихъ проповѣдниковъ методизма сняло всѣ лежавшія на нихъ ограниченія. Германія стала округомъ епископальнаго методизма, который получалъ право посылать своихъ делегатовъ въ Америку для засѣданія въ общей конференціи „Евангелическаго общества“. Въ 1869 году весь нѣмецкій методизмъ былъ раздѣленъ на 7 округовъ: бременскій, ольденбургскій, берлинскій (1)¹⁾, франкфуртскій, хайлброн-

¹⁾ Иначе называемый восточнымъ округомъ. См. *Jacoby*, II, 332.

скій (Heilbronn¹⁾), цюрихскій²⁾ и базельскій. Сюда же относится община епископальных методистовъ, находящаяся въ Парижѣ.—Нужно замѣтить, что распространеніе германскаго методизма заслуживаетъ болѣе серьезнаго труда, чѣмъ тотъ, который мы посвятили ему. Дѣло въ томъ, что нѣмецкій методизмъ подъ знаменемъ чистаго протестантизма съ евангелическою нравственностію можетъ сдѣлаться весьма серьезнымъ противникомъ лютеранской церкви: онъ увлекаетъ на свою сторону многихъ членовъ этой церкви, прельщая ихъ своею нравственною стороною, своею строгою дисциплиною, основаніе которой состоитъ въ нравственномъ превосходствѣ однихъ лицъ предъ другими. Въ методизмѣ первенство принадлежитъ не болѣе образованнымъ личностямъ, потому что такихъ, собственно говоря, у методистовъ нѣтъ,—но тѣмъ личностямъ, которыя своею проповѣдью доставляютъ методизму наибольшее число вновь обращенныхъ членовъ. Такимъ образомъ неутомимый проповѣдникъ, способный потрясать массы слушателей глубоко прочувствованною рѣчью съ террористическимъ характеромъ,—рѣчью о страхахъ загробной жизни, ожидающей грѣшника,—такой проповѣдникъ выдвигается въ ряду обыкновенныхъ членовъ общества, становится сначала руководителемъ другихъ, а потомъ и представителемъ методизма въ данномъ мѣстѣ. Правда, что, какъ необразованный или полуобразованный, онъ не можетъ быть хорошимъ руководителемъ; тѣмъ не менѣе въ массѣ необразованной или полуобразованной части общества, которая и въ Германіи составляетъ большинство, такіе люди силою своего нравственнаго вліянія и проповѣдническаго слова могутъ производить сильное впечатлѣніе и находить себѣ многихъ послѣдователей. Такимъ образомъ въ методизмѣ для протестантизма Германіи есть опасный конкурентъ, если руководители протестантизма въ-время не озна-

¹⁾ Или вюртембергскій. См. *ibid.*

²⁾ Самый многочисленный округъ нѣмецкаго методизма.

комятся съ слабою стороною методизма, которая, повторяемъ, вновь состоитъ въ его небреженіи къ теоретической сторонѣ христіанства и въ презрѣніи къ серьезно-богословскому изученію религіозныхъ вопросовъ. Нѣмцы до тѣхъ поръ будутъ въ опасности со стороны методизма, пока не обратятъ серьезнаго вниманія на религіозно-нравственное воспитаніе въ школахъ¹⁾.

А. Бумаковъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Судя на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно думать, что евангелическое движеніе, охватившее протестантскія страны по почину Англіи, и въ Германіи оказываетъ свое вліяніе,—что значительно ослабитъ дѣйствіе методизма на нѣмцевъ.

АНАТОЛІЙ МАРТЫНОВСКІЙ,

архієпископъ моголевскій и истиславскій,
И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ.

(Продолженіе¹).

V.

Преосв. Анатолій на покой: Гербовецкій монастырь въ Бессарабіи, гдѣ жилъ преосв. Анатолій на покой. Неудобства житія, сожалѣнія объ оставленіи службы, потребность дѣятельности; литературныя упражненія, изданіе прежнихъ трудовъ, затрудненія въ томъ и другомъ, переписка съ разными лицами. Огорченія и стѣсненія въ монастырѣ, терпѣливость и смиреніе старца архипастыря; пожертвованія его; послѣдніе дни, кончина, погребеніе.

Мѣстомъ для своего покоя преосвященный Анатолій избралъ Бессарабію; при выборѣ этого мѣста онъ принималъ въ соображеніе, какъ свое здоровье, требовавшее южнаго климата, такъ и близость къ родинѣ (Подоліи). Послѣ предварительныхъ совѣщаній съ своими друзьями, жившими въ Кишиневѣ, и сношеній съ тамошнимъ архипастыремъ—почти ровесникомъ Анатолія по Кіевской академіи—Антоніемъ Шокотовымъ, онъ рѣшилъ поселиться въ Гербовецкомъ монастырѣ²). Но на первыхъ же порахъ

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., іюнь, 1887 г.

²) Этотъ монастырь—въ Оргеевскомъ уѣздѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Кишинева. Основанъ въ 1730 г. Въ немъ есть знаменитая во всей Бессарабіи чудотворная икона Божіей Матери. За монастыремъ числится 2,414 дес. земли, изъ нихъ 200 д. лѣсу.

Первоначально Анатолій, по совѣту своего родственника и товарища по школѣ Ф. Т. Прибыльскаго, думалъ было поселиться въ принадлежащемъ кишиневскому архіерейскому дому Гиржавскомъ монастырѣ (лежащемъ въ Оргеевскомъ уѣздѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Кишинева, близъ ручья Гиржавки); но тутъ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія, помѣшавшія этому намѣренію преосвященнаго. Дѣло въ томъ, что въ Кишиневѣ былъ одинъ протоіерей П—скій, близкій

пребыванія преосвященнаго на покой ему пришлось горько раскаяваться какъ въ томъ, что онъ вообще уволился на покой, такъ въ особенности въ томъ, что избралъ для этого покоя Гербовецкій монастырь... Проживъ въ немъ около двухъ лѣтъ, Анатолій не могъ долѣе выдерживать доставшагося ему удѣла, и вотъ онъ рѣшился написать къ одному высокопоставленному духовному лицу въ С.-Петербургъ письмо, которое мы и приведемъ въ подлинникѣ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Благомилостивѣйшій Архипастырѣ и Огецѣ!

„Изнуренный трудами, обезсиленный, въ 1860 г. я вынужденъ былъ рѣшиться просить Св. Синодъ объ увольненіи меня отъ управленія Могилевскою епархіею, и, по совѣту врачей, удалился на югъ: потому что не имѣлъ въ виду примѣра, чтобы епархіальныя архіереи были увольняемы на продолжительное время отъ исправленія своей должности: подобно тому, какъ увольняются правительствомъ свѣтскіе сановники. Оказалось, что, по причинѣ господствующихъ въ Бессарабіи лихорадокъ, климатъ ея чрезвычайно для меня вреденъ. При всемъ томъ, отдохнувъ отъ трудовъ, чувствую себя теперь здоровымъ, а многія самыя вопіющія побужденія заставляютъ меня отправиться въ

къ архіеп. Антонію,—землякъ, имѣвшій на него сильное вліяніе. И вотъ, рассказываетъ Прибыльскій (бывшій посредникомъ въ дѣлѣ Анатолія), началъ этотъ протоіерей интриговать: „Зачѣмъ вамъ, ваше п—во, эти хлопоты?... Вы себя еще бѣду наживете, принявши этого архіерея въ свой монастырь... Онъ будетъ все критиковать—всѣ ваши распоряженія...“ Антоній началъ раздумывать; тогда, рассказываетъ Прибыльскій, я извѣстилъ Анатолія о перемѣнѣ мысли Антонія. Анатолій, когда узналъ въ чемъ дѣло, былъ поставленъ въ щекотливое положеніе и поскорѣе самъ написалъ письмо Антонію въ томъ смыслѣ, что „я—де не зналъ, что Гиршаскій монастырь находится въ вашемъ непосредственномъ завѣдываніи, что я ни за что не рѣшусь затруднять въ чемъ бы то ни было ваше п—ство и что я готовъ жить въ какомъ угодно другомъ монастырѣ Бессарабіи...“ И вотъ ему опредѣлили монастырь Гербовецкій. См. „Матеріалы къ біографіи архіепископа Анатолія Мартыновскаго“ Л. С. Мацѣвича. Труды Кіевской Академіи, 1883 г., ноябрь, стр. 510—511.

С.-Петербургъ. Не дерзаю исчисленіемъ ихъ утрудять вниманіе вашего высокопреосвященства; но припадаю въ стопы вашимъ, Благомыслитивѣйшій Архипастырѣ, смиреннѣйше прошу учинить распоряженіе о вызовѣ меня въ Петербургъ для занятія какимъ-либо дѣломъ: такъ какъ я еще могу трудиться; а за тѣмъ повелѣть дать мнѣ пристанище въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ чувствѣ глубочайшаго, душевнаго, высокопочитанія и преданности пребываю, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Благомыслитивѣйшій Архипастырѣ! Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій послушникъ Архіепископъ Анатолій. 1862 года, декабря дня^а.

Письмо это было переписано начисто самимъ Анатоліемъ—съ цѣлію отправить его въ Петербургъ. Но затѣмъ на томъ же письмѣ, собственноручно, но уже вчернѣ, сдѣлана Анатоліемъ еще слѣдующая прибавка:

„Кромѣ господствующихъ въ Бессарабіи лихорадокъ, коими я въ два года четыре раза страдалъ до того, что притупился мой слухъ—особенно на правое ухо, побуждаютъ меня удалиться изъ Бессарабіи между прочимъ и слѣдующія обстоятельства:

1. До прибытія въ Бессарабію увѣряли меня, что монастырь, въ которомъ состою, русскій; а онъ—молдавскій: въ немъ всѣ монахи и послушники—молдоване, кромѣ одного іеромонаха, который можетъ говорить порусски и служить подчасъ по русскимъ церковнымъ книгамъ литургію. Монашествующіе сплошь читаютъ и поютъ помолдавски; молдавское же пѣніе для непривычнаго слуха очень непріятно.

2. Въ монастырѣ нѣтъ теплой церкви, а морозы здѣсь съ половины ноября до апрѣля мѣсяца бывають очень чувствительныя.

3. Кругомъ монастыря, въ которомъ обитаю, на 60 верстѣ во всѣ стороны не найти лекаря.

4. Пламенное желаніе напечатать въкоторыя изъ моихъ сочиненій вторымъ и первымъ изданіемъ, хотя не для продажи въ мою пользу¹⁾.

Намъ неизвѣстно въ точности, подалъ ли Анатолій это письмо по назначенію. Судя, впрочемъ, по другимъ его письмамъ (напр. къ Филарету Черниговскому) можно думать, что письмо это было отправлено преосвященнымъ по назначенію. Какъ бы то ни было, письмо это даетъ видѣть, что Анатолій рвался изъ своего покоя къ жизни, къ дѣятельности; ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, освободиться отъ заключенія въ глухомъ бессарабскомъ захолустѣ. Скучно, тяжело было ему жить безъ привычной церковно-общественной дѣятельности. Огсутствіе послѣдней онъ старался восполнить литературной работой и съ этою цѣлію писалъ статьи о разныхъ современныхъ вопросахъ въ журналахъ „Странникъ“, издававшемся его землякомъ и давнишнимъ пріятелемъ В. В. Гречулевымъ²⁾, и въ „Вѣстникъ юго-западной

¹⁾ Письмо это, обнародованное Л. С. Мацѣвичемъ въ Трудахъ Кіев. Акад. за 1883 г., Ноябрь, стр. 498—499, хранится въ Церк. арх. музеѣ при Кіевской дух. акад.

²⁾ Вослѣдствіи — Виталій, епископъ моголевскій и истиславскій, а ранее — протоіерей Василій Гречулевичъ и законоучитель въ петербургскомъ институтѣ. Въ литературѣ извѣстенъ какъ авторъ „Сравнительнаго обзора Четвероевангелія“, проповѣдникъ (есть сборникъ его проповѣдей) и издатель журнала „Странникъ“. Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анатоліемъ, принималъ весьма дѣятельное участіе въ изданіи сочиненій послѣдняго (о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, въкоторыя, имѣющіяся у насъ подъ руками, и письма Анатолія, какъ къ о. Гречулевичу, такъ и другимъ лицамъ). Всѣ издавшіяся произведенія пр. Анатолія—суть изданія свѣц. Гречулевича („объ отношеніяхъ Римской церкви“ и т. д...). Въ некоторыхъ случаяхъ, по порученію и просьбѣ о. В. Гречулевича, Анатолій писалъ статьи для „Странника“ (такихъ статей можно находить въ Странникѣ не мало) и исполнялъ другія работы, напр. живописныя... Въ имѣющемся у насъ подъ руками чернѣкъ одного письма Анатолія къ Гречулевичу первый сообщаетъ объ исполненіи имъ, по заказу Гречулевича, одной художественной работы—виньетки. „Не знаю, какъ вашему высокопреподобію покажется (пишетъ Анатолій) прилагаемая при семъ виньетка, нарисованная по заказу вашему? Признаться, придумать, какъ нарисовать ее по вашей задатѣ, для меня труднѣе было, чѣмъ для Брюлова написаніе картины

и западной Россіи", изданіи Говорскаго¹⁾). Печатавшіяся въ этихъ журналахъ публицистическія статьи Анатолія вышли впоследствии отдельной книгой подъ заглавіемъ „Досуги архіепископа Анатолія“ (1868 г. С.-Петербургъ²⁾). Внима-

„Послѣдній день Помпеи“. Вы изволите требовать нарисовать только крестъ и Евангеліе: я долго думалъ, какъ бы ихъ нарисовать. Поставивъ крестъ съ какой-либо стороны Евангелія, надлежало бы для симметріи нарисовать что-либо съ другой стороны. Что жъ нарисовать кромѣ скривленій заповѣдей, да креста со зміемъ, тогда какъ подобнаго рода виньетки такъ обыкновенны, до того тривиальны, что не обращаютъ уже на себя никакого вниманія. Поэтому я рѣшился нарисовать виньетку въ такомъ видѣ, въ какомъ при семъ препровождается. Если вашему выс-ю она не нравится, то потрудитесь написать обстоятельно со всѣми подробностями: какъ вамъ нарисовать ее. Мнѣ же кажется, что послѣдняя очень будетъ соответствовать требуемой цѣли“. Черныкъ письма хранится въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. дух. акад.

¹⁾ К. Говорскій, редакторъ - издатель „Вѣстникъ юго зап. и зап. Россіи“ въ Кіевѣ (въ 60-хъ г.), а затѣмъ въ Вильнѣ (съ выброскою въ названіи журнала „юго-западной“), извѣстенъ своею борьбою съ латинско-польскою пропагандой, каковою борьбою посвященъ былъ этотъ журналъ. Не особенно умѣло и удачно велъ онъ это изданіе, за то усиленно искалъ поддержки ему отовсюду. Жившій на покой Анатолій болѣе всѣхъ, кажется, былъ осаждаемъ со стороны Говорскаго разными просьбами. Изъ помѣщеннаго въ Кіевской Старинѣ (за 1883 г., Май) письма Говорскаго къ Анатолію можно видѣть, съ какою навязчивостію притѣгаетъ онъ къ помощи тощаго Анатоліева кошелька. Справедливость требуетъ сказать, что при всѣхъ невзгодахъ, постигавшихъ Анатолія, послѣдній все же не отказывалъ ни въ матеріальномъ, ни въ литературномъ (черезъ бесплатное помѣщеніе многихъ своихъ статей въ журналѣ Говорскаго) содѣйствіи челоуѣку, котораго онъ, по своему добросердечію, считалъ борцомъ за святое дѣло (защиту православія и русской народности). Свое покровительство Говорскому Анатолій простиралъ даже до того, что брался защищать его, преслѣдуемаго своимъ ближайшимъ начальствомъ (въ бытность Говорскаго архиваріусомъ центрального архива Витебской и Могилевской епархій). Едва ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ, одна, наделила на Говорскаго преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ „о латинско-польской пропагандѣ“ арх. Анатолій (Кіевск. Стар., 1884 г., Іюнь, стр. 220); виною въ этомъ случаѣ были и доносы Говорскаго въ Петербургъ на это самое начальство.

²⁾ Въ сборникѣ разныхъ статей Анатолія (большою частію публицистическаго характера), извѣстный подъ именемъ „Досуги архіепа. Анатолія“, вошли слѣдующія произведенія пера его: изъ печатавшихся ранѣе—брошюра „объ иконописаніи“ и аллегорическая повѣсть „Пereгринъ“; а изъ писанныхъ на покой (съ 1860—1868 гг.)—„Гербовецкая икона Вожіей Матери“, „нѣсколько словъ о чудесахъ всемогущества и промысла Божія“, „наука“, „астрономія и челоуѣкъ“.

тельно слѣдя за ходомъ современной ему жизни, Анатолій чутко отзывался на тѣ или другіе выдвигаемые жизнью вопросы. Защищая въ своихъ статьяхъ интересы церкви и отечества, онъ въ то же время оживлялся малѣйшимъ признакомъ того, что для литературной дѣятельности настали лучшія времена. Съ радостнымъ чувствомъ онъ привѣтствуетъ по сему случаю Филарета Черниговскаго. Въ письмѣ къ нему отъ 1862 года Анатолій пишетъ между прочимъ: „Другой разъ наслаждаюсь чтеніемъ „Православнаго догматическаго богословія“ вашего высокопреосвященства, сознаю себя обязаннымъ принести и отъ всего моего сердца и души приношу глубочайшую благодарность за душевное, неизъяснимо пріятное наслажденіе, которое ощущаю, читая это безцѣнное произведеніе трудовъ вашихъ“. Отмѣтивъ затѣмъ достоинства этого сочиненія, Анатолій продолжаетъ: „меня восхищаетъ и то, что ваше богословіе издано просто съ разрѣшенія комитета Кіевской духовной цензуры, а не по одобренію Св. Синода. Ибо къ чему это одобреніе, когда были примѣры, что Св. Синодъ воспрещалъ употребленіе разныхъ книгъ, которыя прежде того дозволилъ напечатать? Кромѣ того павѣстно, что тѣ, коимъ поручаемо было Св. Синодомъ рассмотреть и представить мнѣніе о какомъ-либо сочиненіи, опасаясь попасть въ просакъ или выставить себя не свѣдущими, не умѣющими критиковать, каждое разсмотрѣнное ими сочиненіе обыкновенно не одобряли вполне или судили объ немъ по предзанятымъ неоснова-

---

„о воспитаніи иночества“, „совѣсть“, „гласность“, „мысли по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви“, „мысли по случаю учрежденія губернскихъ комитетовъ для изысканія средствъ къ улучшенію быта приходскаго православн. духовенства“, „мысли по случаю вновь учрежденнаго въ 1875 г. миссіонерскаго общества“, „религіозная и общественная жизнь евреевъ въ западныхъ областяхъ Россіи“, „старческаго воспоминанія вѣдѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ царствѣ польскомъ съ 1793 г. по настоящее время“.

Съ содержаніемъ этихъ статей мы надѣемся познакомить читателя во 2-й ч. нашего изслѣдованія.

тельными мнѣніями“¹⁾... Въ своемъ отвѣтѣ Анатолію преосвященный Филаретъ, однако не вполне согласился со взглядомъ на цензуру нашего преосвященнаго. „Вы напрасно думаете, пишетъ Филаретъ послѣднему, что Догматика не проходила сквозь терку цензуры синодальной и академической. Исторія похожденій ея длинна. Согласенъ съ вами, что вышшія облегченія цензуры имѣють хорошую сторону. Но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія: но за то книги могутъ являться небезполезныя или невредныя“. Выказавъ взглядъ на цензуру благосклонный, не въ тонъ Анатолію, преосвященный Филаретъ просить послѣдняго сообщить ему о своей жизни на покой. „Скорби времени доводили душу мою, пишетъ онъ Анатолію, до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что ваше высокопреосвященство жалеете о своемъ избраніи удививной жизни. Правда ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ васъ самихъ извѣстіе о состояніяхъ души вашей. Надобно намъ учиться и учиться. Всего труднѣе знать самого себя. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую“. Анатолій съ отвѣтомъ не слѣдшилъ и о цензурѣ болѣе не поднималъ вопроса. „Старческое разслабленіе и отдышка о сию пору не дозволили мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее писаніе ваше—извинялся Анатолій.—Вотъ отвѣтъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я порывался куда-либо переселиться изъ нея: потому что въ это время перенесъ шесть лихорадокъ самыхъ томительныхъ; преимущественно же я желалъ побывать въ Петербургѣ для того, чтобы подъ своимъ наблюденіемъ издать по моему плану и вкусу хотя нѣкоторыя изъ издѣлій пера моего. Желаніе

¹⁾ Письмо это помѣщено на страницахъ Киевской Старины за 1882 г., Май, стр. 233—234.

мое не осуществилось. Затѣмъ съ 1863 г. меня не удручала ни малѣйшая болѣзнь, кромѣ одышки и старческаго безсилія. При всемъ томъ, какъ скоро хотя немного прихожу въ силу, тотчасъ занимаюсь какимъ-либо сочиненіемъ, и тогда только скучаю, когда не могу придумать, о чемъ бы писать; а придумать это тѣмъ труднѣе, что моя бібліотека скудна, а въ Кишиневской семинаріи такая ничтожная, ничтожнѣе которой я не видѣлъ ни въ одной семинаріи. Если бъ я былъ на нашемъ мѣстѣ и рѣшился просить объ увольненіи отъ управленія епархіею, то поселился бы вблизи какой-либо духовной академіи и занимался бы изданіемъ еще новыхъ такихъ драгоценныхъ сочиненій, какими ваше высокопреосвященство надѣлили св. церковь¹⁾.

Какъ можно видѣть изъ содержанія приведеннаго нами письма Анатолія, литературный трудъ составлялъ для него насущную потребность. Обычнымъ занятіемъ преосвященнаго въ его одиночествѣ было чтеніе выписываемыхъ имъ на свой счетъ книгъ, журналовъ и газетъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ²⁾. На ряду съ этимъ время отъ времени онъ брался за перо и письменно излагалъ свои мысли о тѣхъ или иныхъ предметахъ. Будучи печатаемы въ періодическихъ изданіяхъ, послѣднія дѣлались затѣмъ достояніемъ общества³⁾.

¹⁾ Киевская Стар., 1862 г., май, стр. 234.

²⁾ Особенно любилъ преосвященный читать книги и журналы на французскомъ языкѣ, которому онъ основательно научился уже на старости лѣтъ (въ послѣднее время пребыванія въ Могилевской губ.). Много труда, по отзывамъ лично знавшихъ преосвященнаго, стоило ему изученіе этого языка на старости лѣтъ. Какъ можно видѣть изъ переписки Анатолія со многими лицами, онъ охотно дѣлился получаемыми имъ французскими книгами и журналами со всеми, кто только просилъ ихъ у него.

³⁾ Кромѣ указанныхъ нами раньше статей Анатолія, составившихъ „Досуги архі. п. Анатолія“, имъ, по полученнымъ нами частнымъ извѣстіямъ, приготовлено было къ печати еще нѣсколько произведеній. Оставшіяся по смерти преосвященнаго рукописи были, по слухамъ, разобраны частію монахами монастыря, частію родственниками почившаго архіепископа; до сихъ поръ только небольшая часть рукописныхъ сочиненій Анатолія появилась въ печати. Такъ, въ

На ряду съ новими литературними работами преосвященнаго Анатолія въ сильной степени занимало изданіе его прежнихъ сочиненій. Для лучшаго выполненія этого завѣтнаго желанія своего онъ не рѣзъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ Петербургъ. При этомъ, по частнымъ извѣстіямъ, онъ имѣлъ въ виду получить тамъ и мѣсто цензора. Какъ бы то ни было, только побѣдка въ Петербургъ представлялась Анатолію крайне желательною и даже необходимою. Въ своемъ письмѣ къ одному высокопоставленному іерарху русской церкви, вызванному въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ (можетъ быть кievскому митрополиту), Анатолій такъ мотивируетъ причину своей побѣдки въ Петербургъ ¹⁾.

„По письмамъ моимъ вашему высокопреосвященству истекшаго еще 1861 года извѣстно, что я имѣю нужду въ изданіи моихъ сочиненій, нѣкоторыхъ во второмъ и третьемъ изданіи, а нѣкоторыхъ въ первомъ, что желаю, чтобы это изданіе произведено было по моимъ мыслямъ и вкусу. Увольняясь отъ управленія епархіей, я полагалъ, что не буду имѣть никакой нужды въ личномъ надсмотрѣ за предполагаемымъ изданіемъ: потому, что редакторъ журнала Странникъ, протоіерей Василій Гречулевичъ болѣе чѣмъ за три года до выѣзда моего изъ Могилева обѣщалъ мнѣ тщательно заняться печатаніемъ издѣлій моего пера, и я въ

журналѣ Кіевская Старина за 1884 г., Іюнь, помѣщены были слѣдующія рукописныя произведенія Анатолія: „Мои мысли и наблюденія ягавовъ чловѣческихъ (но не для всѣхъ)“. „Министерство государственныхъ имуществъ и государственныхъ крестьяне“. „Латинно-польская пропаганда“. „Еврейскій вопросъ“.

¹⁾ Изложенію причинъ своей побѣдки въ Петербургъ Анатолій предосылаетъ краткое привѣтствіе высокопоставленному іерарху въ званіи члена Св. Синода. „Наконецъ и я, пишетъ Анатолій, получилъ вѣрное извѣстіе, что ваше выс—ство отправилась въ Петербургъ и въ немъ пребываете. Быть можетъ вашему святительству неприятно это обстоятельство, но простите мнѣ, я радуюсь, что въ вашемъ лицѣ церковь будетъ имѣть представителя своего въ верховномъ соборѣ ея пастырей, такъ какъ едва ли когда церковь имѣла такую нужду въ мужахъ совѣта, какъ въ настоящее время“. Засимъ слѣдуютъ привѣтствіе „съ новымъ поприщемъ служенія св. церкви“ и просьба Анатолія. Писано въ 1862 г. Черныя письма хранятся въ музеѣ Кіев. дух. акад.

полной надеждѣ, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе, отправить къ нему не мало своихъ рисунковъ для политипажей, коими хотѣлъ украсить бѣдныя мои произведенія. Но вотъ проходитъ уже второй годъ послѣ моего выѣзда изъ Могилева, а протоіерей Гречулевичъ не думаетъ, да и не можетъ, занявшию издавіемъ журнала Странникъ, исполнить данное мнѣ обѣщаніе, даже пересталъ отвѣчать на мои по сему предмету письма, а теперь, какъ слышу, онъ опасно боленъ и отправился для поправленія здоровья на родину. Все это настоятельно побуждаетъ меня для сказанной цѣли отправиться въ Петербургъ. Нужнымъ считаю присовокупить, что я о сю пору не продавалъ, и теперь не думаю отдавать въ продажу моихъ сочиненій и обыкновенно выдавалъ издателю ихъ въ пособіе своихъ по вѣсколку сотенъ рублей и за то получалъ отъ него отпечатанныхъ книгъ по означенной имъ цѣвѣ только такое количество, которое равнялось сказанному мною пособію, а прочія книги предоставлялъ издателю продавать въ свою пользу. Желалъ бы такимъ образомъ поступить и теперь, и для этой цѣли отправиться въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что личное мое хожденіе по этому дѣлу можетъ быть побудило бы и цензуру быть снисходительнѣе къ произведеніямъ моего пера и сговорчивѣе, тогда какъ представляя свои сочиненія въ цензуру по почтѣ, чрезвычайно трудно дожидаться ея рѣшенія. Такъ, между прочимъ, напечатанныя однажды, затѣмъ исправленныя мною и дополненныя мои записки о римской церкви, болѣе четырехъ лѣтъ состояли въ разсмотрѣніи ихъ одесскимъ преосвященнымъ Димитріемъ и я о сю пору не знаю, какаа судьба ихъ и куда они дѣвались¹⁾. Хотя преосвященному,

¹⁾ Въ другомъ своемъ письмѣ—къ архіеп. смоленскому Антонію—Анатолій сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее по поводу историчнаго наданія „Записокъ о Римской Церкви“. „Въ 1858 г. издатель моихъ издѣлій священникъ Василій Гречулевичъ настойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе „Записокъ о Римской Церкви“. Съ этою цѣлю я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вѣрившихся въ нихъ ошибокъ, подтвердилъ

при всемъ его желаніи, и не удалось побывать въ С.-Петербургѣ, тѣмъ не менѣе задуманное имъ дѣло—изданіе нѣкоторыхъ своихъ сочиненій онъ довелъ до конца. Таки имъ были изданы на покой слѣдующія сочиненія: „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ (изд. 2-е въ 1864 г.); „Вѣра, надежда и любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“ (изд. въ 1862 и 1867 гг.); брошюра „объ иконописаніи“ (въ 1867 г.); „Слова, бесѣды и рѣчи на воскресные дни и по особымъ случаямъ“, IV и V части (въ 1866 г.); „покаянныя воздыханія для говѣющихъ“ (1861 г.); „Наставленіе приходскаго священника пріемлющимъ святыя таинства“ (въ 1864 г.); „Скорби и утѣшенія Богоматери“ (въ 1868 г.) и т. п.. На изданіи этихъ сочиненій Анатолій тратилъ большую часть получаемой имъ отъ правительства пенсіи (въ размѣрѣ 2,000 руб.), а также свои прежнія сбереженія. И все это онъ дѣлалъ главнымъ образомъ для того, чтобы быть полезнымъ своей родинѣ. „Въ изданіи моихъ сочиненій, писалъ онъ въ Петербургѣ, не имѣю ни малѣйшей корыстной мысли, хотя намѣренъ издать ихъ на свой счетъ, но вовсе не думаю выручать за нихъ денегъ, какъ не выручалъ и за прежде напечатанныя... Особенно хотѣлось бы мнѣ напечатать на свой счетъ и отправить въ консисторію моей родины мои проповѣди и бесѣды для безмезднаго надѣленія ими всѣхъ приходскихъ церквей Подольской епархіи“¹⁾). Насколько намъ извѣстно, преосвященный по мѣрѣ возможности и исполнилъ свое завѣтное жела-

сужденія и событія, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками объ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ представилъ ихъ Св. Синоду; Синодъ поручилъ дать свое мнѣніе объ нихъ преосвященнѣйшему Дмитрію; Дмитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ Записокъ нѣкоторыя главы, особенно главу объ избраніи палъ...“ Киевская Стар., 1884 г., Іюль, стр. 238.

¹⁾ Отрывокъ изъ какого-то письма Анатолія въ Петербургъ помѣщенъ въ Киевской Старинѣ за 1882 г., Май.

ніе относительно родины: многія приходскія церкви Подольской епархіи онъ безмездно надѣлилъ своими сочиненіями и, преимущественно, проповѣдями¹⁾. Кромѣ того имъ было

¹⁾ Въ церковь же села Хрустовой, гдѣ Анатолій провелъ первые годы дѣтства, онъ сдѣлалъ очень много цѣнныхъ пожертвованій иконами, утварью, деньгами и пр. Такъ, изъ описанія хрустовскаго храма, составленнаго священникомъ о. Андреемъ Дятвиновскимъ, видно, что въ 1855 году преосвященнымъ Анатолиемъ пожертвованъ въ церковь с. Хрустовой весьма художественный образъ св. Аліпія, иконописца печерскаго (образъ имѣетъ три аршина длины и аршинъ и три четверти ширины), находящійся при сѣверной сторонѣ храма. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, въ кивотѣ, такой же точно величины образъ: Распятіе Спасителя на крестѣ, присланный преосв. Анатолиемъ въ 1857 г. Тамъ же выше образа Распятія, находится полевный образъ Спасителя, сдѣланный въ италіанскомъ стилѣ, производящій издали особенное дѣйствіе, пожертвованный преосвященнымъ въ 1856 г. Въ алтарѣ, при сѣверной стѣнѣ, образъ препод. Сергія, радонежскаго чудотворца, а при южной—архистратига Михаила, пожертвованные преосвященнымъ въ 1859 году. Кромѣ этихъ образовъ, присланныхъ въ хрустовскую церковь изъ г. Могилева, преосв. Анатолій проѣздомъ 1860 г. въ г. Кишиневъ посѣтилъ 18 октября храмъ въ с. Хрустовой, гдѣ, по выслушаніи божественной литургіи и по молитвѣ надъ гробами своихъ родителей, вручилъ еще два образа: Рождества Христа Спасителя и Ангела апокалипсическаго съ факеломъ и кадильницею въ рукѣ. Образъ Ангела въ вызолоченныхъ рамкахъ помѣщается надъ дверью при южной стѣнѣ храма, а образъ Рождества Спасителя въ иконостасѣ, по правую сторону наиѣстныхъ иконъ.

Изъ утвари заслуживаютъ особеннаго вниманія, по своему украшенію и цѣнности, слѣдующіе пожертвованные преосв. Анатолиемъ предметы.

а) Большое св. Евангеліе въ листъ изданія 1855 г., обложено малиновымъ бархатомъ, украшенное вызолоченною 84 пробы серебряною доскою съ такими же четырьмя подставками, гдѣ съ лицевой стороны изображенія на эмали Воскресенія Господня и четырехъ Евангелистовъ обложены крупнымъ горнымъ хрусталемъ, въ золотомъ обрѣзѣ. Пожертвовано преосв. Анатолиемъ въ 1856 г. На вачальныхъ страницахъ св. Евангелія рукою преосвященнаго написано такъ: „въ память и во опущеніе грѣховъ священника села Хрустовой Василія Мартыновскаго и супруги его, уречденной Соколовской, внесено сіе Евангеліе въ церковь села Хрустовой 1856 г., мѣсяца сентября“.

б) Большая серебряная 84-й пробы, внутри и снаружи вызолоченная чаша, вѣсу два фунта и десять съ половиною лотовъ, обдѣланная барельефною чеканною работою съ изображеніемъ страданій Господнихъ.

в) Серебряный 84 пробы вызолоченный дискосъ, вѣсу пятьдесятъ шесть съ половиною золотниковъ.

г) Серебряная 84 пробы вызолоченная ложка, вѣсу двѣнадцать съ половиною золотниковъ.

д) Два серебряныхъ 84 пробы вызолоченныя блюда, семь золотниковъ.

пожертвовано болѣе 600 названій разныхъ книгъ и брошюръ въ бібліотеку Подольской духовной семинаріи и болѣе 1000 экземпляровъ книжекъ подъ заглавіемъ: „Наставленія приходскаго священника при совершеніи святыхъ таинъ“ въ подольское епархіальное попечительство¹⁾.

Будучи сильно привязанъ къ родинѣ, Анатолій желалъ по крайней мѣрѣ умереть въ ней и для этого просилъ о переводѣ его въ подольскій шаргородскій монастырь; но ему предложили проситься въ какой-либо монастырь среднихъ епархій, на что онъ однако не согласился.

Тяжелы и мучительны были для Анатолія годы пребыванія его на покоѣ: не разъ тосковалъ онъ по прежней своей службѣ на кафедрѣ епископа. Даже столь любимыя имъ литературныя занятія не могли наполнить его души, жаждавшей церковно-общественной дѣятельности. Объ этихъ душевныхъ мукахъ Анатолія, объ этой тоскѣ его по прежней службѣ узнавали по временамъ его собраты — нѣкоторые высокоставленные іерархи. Такъ, преосвященный Евсевій Орлинскій, преемникъ Анатолія въ Могилевской епархіи, въ письмѣ своемъ отъ 15 сентября 1862 г. къ преосвященному Антонію Шокотову, правившему тогда Бессарабіей,

---

е) Ручной на престольный 84 пробы серебряный вызолоченный св. Крестъ, на которомъ изображенія на эмали обложены крупнымъ горнымъ хрусталемъ. Все это пожертвовано преосвященнымъ въ 1855 году.

Кромѣ этого преосвященнымъ пожертвовано много ризъ (золотыхъ газетовыхъ), поручей, подсовъ и т. п. Въ храмѣ сохраняется большая серебряная медаль, выбитая по Высочайшему повелѣнію, въ память воссоединенія униатовъ съ православною церковію, работы извѣстнаго художника Уткина, подарокъ преосв. Анатолія. См. Историко-статистическое описаніе села Хрустовой Ольгопольскаго уѣзда Подольской епархіи. Подол. Епарх. Вѣд., 1862 г., № 16, ч. неоффц.

¹⁾ Последнія книжечки пожертвованы преосв. Анатоліемъ съ тою цѣлю, чтобы на вырученія отъ продажи ихъ суммы увеличить денежный фондъ подольскаго епархіальнаго попечительства.

За пожертвованныя Анатоліемъ въ Подольскую семинарію книги ему была объявлена признательность Св. Синода, а также правленія этой семинаріи. См. Указъ Св. Синода отъ 24 апрѣля 1869 г., отношеніе Подольской семинаріи отъ 24 іюля 1868 г. Рукописи Муз. Акад.

говорить, между прочимъ, слѣдующее: „Владыка—вашъ со-
сѣдъ преосвященный Анатолій повидимому сучаетъ своимъ
положеніемъ. А я думалъ было видѣть въ немъ примѣръ
мирнаго дозрѣванія для переселенія въ житницу небесную!
И въ этомъ не мало назиданія. Такова земная жизнь, и
такова наша природа“¹⁾.

Какъ бы къ довершенію бѣдственной участи Анатолія
для него весьма неблагопріятно сложилась и вѣшняя жизнь
на покой. Пока былъ настоятелемъ Гербовецкаго монастыря
архимандритъ Іеронимъ Гепнеръ, преосвященному жилось
на покой еще кое-какъ. Будучи самъ высокообразованнымъ
человѣкомъ²⁾, этотъ настоятель относился къ Анатолію съ
глубокимъ уваженіемъ, видя въ немъ не только святителя,
но и выдающагося ученостью мужа. Совершенно иначе
сталъ относиться къ Анатолію преемникъ Іеронима, архи-
мандритъ Н. Данилевскій (бывшій протоіерей Кишинев-
скій). По сообщенію разныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ
дневникѣ Л. С. Мацѣвича (Труд. Кіев. Акад., 1883 г., Ноябрь),
это—была личность невѣжественная и грубая. Этотъ на-
стоятель Гербовецкаго монастыря, по отзыву многихъ,
страшно притѣснялъ Анатолія; послѣдній же, хотя и былъ
главнымъ лицомъ въ монастырѣ, но по своей скромности
ни во что не вмѣшивался. Онъ долженъ былъ имѣть мона-
стырскій столъ даромъ, а между тѣмъ онъ еще своихъ 500
рублей платилъ монастырю—и все-таки его кормили очень
плохо. Не обращали рѣшительно никакого вниманія на при-
способительность стола въ его старческому желудку: кор-
мили его больше всего фасолью. „*Miserum grandium*“! ти-
хонько говоритъ онъ бывало, получая обѣдъ изъ подобныхъ
блюдь³⁾. Бывало, рассказываютъ, только и живетъ просео-

¹⁾ Приведенный отрывокъ изъ письма Евсевія Орлинскаго помѣщенъ въ
Труд. Кіев. Дух. Ак. за 1883 г., Ноябрь, стр. 500.

²⁾ Архим. Іеронимъ Гепнеръ, род. нѣмецъ, сначала обучался въ Дерпт-
скомъ университетѣ, а затѣмъ—въ Кіевской академіи.

³⁾ См. Дневникъ Л. С. Мацѣвича, помѣщенный въ Трудахъ Кіевской
Акад. за 1883 г., Ноябрь, стр. 502.

рой, растворить ее въ водѣ и ѣсть... Не лучше содержанія было и обхожденіе съ Анатоліемъ, какъ самого настоятеля, такъ и монастырской братіи. Подъ конецъ жизни Анатолій сталъ глухъ и надъ нимъ насмѣхался невѣжда Данилевскій. Что-нибудь начнетъ говорить Анатолій,—а тотъ помолдавски въ отвѣтъ: спуни минь шювъ (т. е. глупости городятъ), и окружающіе монахи смѣются отъ удовольствія. По примѣру своего настоятеля и монастырская братія пренебрежительно относилась къ этому состарѣвшемуся льву, какъ выразилось одно лицо въ дневникѣ Л. С. Мацѣевича (о. Ѳеодоръ Лашковъ). И все это, всѣ эти обиды и огорченія переносились преосвященнымъ Анатоліемъ съ удивительнымъ смирениемъ и безропотностію. Никому онъ не жаловался на свое положеніе. Какъ-то дошли слухи о неприглядномъ житьѣ-бытьѣ Анатолія въ Гербовцахъ до архіепископа Автонія (Шовотова),—тотъ пріѣхалъ туда и сталъ спрашивать его: правда ли?—Нѣтъ,—отвѣчалъ Анатолій, мнѣ тутъ очень хорошо,—со мною обращаются какъ нельзя лучше, и обѣдъ у меня самый обильный. О томъ же спрашивалъ Анатолія и викарій Кишиневской епархіи, преосвященный Петръ (временно правившій епархіей по смерти Автонія), а также преосвященный Павелъ, преемникъ Автонія по кафедрѣ. И что же мы видимъ? Когда преосвященный Петръ, пріѣхавши разъ въ Гербовецъ, сталъ говорить Анатолію; что „вотъ я слышалъ, что Ваше Преосвященство здѣсь обижаютъ“.., то Анатолій даже обидѣлся... „Какъ? отвѣтилъ онъ, развѣ я самъ не могу оградить своихъ правъ? Я самъ еще способенъ себя защищать... никто меня не обижалъ и не обижаетъ“^{*)}. Таже исторія повторилась и при распросахъ о притѣсненіяхъ (Анатолія) преосвященнымъ Павломъ Кишиневскимъ. Можетъ быть пре-

*) См. помѣщенныя въ дневникѣ Л. С. Мацѣевича разсказы объ Анатоліѣ о. Ѳеодора Лашкова, Н. М. Вертоградова, Ф. Т. Прибыльскаго и др. Труды Кіев. Акад. ноябрь, 1883 г. стр. 502—514.

освященный Анатолий не считалъ удобнымъ жаловаться на своихъ притѣснителей и въ виду того, что отъ этого могла произойти для него новая бѣда. Стали бы по поводу его жалобы производить разслѣдованіе: обвиняемые стали бы, по обыкновенію, оправдываться, что они хорошо, напр., кормятъ преосвященнаго Анатолія, что послѣдній жалуется несправедливо и пр. и пр.—однимъ словомъ—новыя неприятности могли бы выйти для Анатолія.. Весьма возможно, повторяемъ, что собственное благоразуміе и осторожность побуждали преосвященнаго умалчивать о причиняемыхъ ему притѣсненіяхъ; но нельзя не признать и того, что здѣсь въ сильной степени сказались характеристическія черты личности Анатолія: кротость и дѣтское незлобіе. По словамъ самихъ монаховъ Гербовецкой обители, преосвященный въ терпѣливомъ перенесеніи обидъ былъ смиреннѣе всякаго послушника. Мало этого: слѣдуя высокой заповѣди Спасителя—воздавать добромъ за зло—Анатолий старался принести посильную пользу столь негостепрѣмно принявшему его монастырю. Такъ, онъ явился защитникомъ иттересовъ монастыря въ дѣлѣ отчужденія монастырской земли жителями сосѣднихъ селъ—Онишкамъ, Хировой и Хирашенъ¹⁾. Во многихъ письмахъ своихъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ (напр., Оберъ-Прокурору Св. Синода, графу Д. А. Толстому и др.) онъ просилъ послѣднихъ оказать свое благосклонное содѣйствіе и покровительство дѣлу Гербовецкой обители. Мы не имѣемъ свѣдѣній на счетъ того, успѣлъ ли Анатолий въ своемъ ходатайствѣ за мона-

---

¹⁾ Дѣло объ отчужденіи монастырской земли велось болѣе 50 лѣтъ безъ всякаго успѣха для монастыря. Незадолго до прибытія Анатолія въ Гербовецкъ оно было рѣшено въ пользу крестьянъ межевымъ департаментомъ Сената, который, по словамъ Анатолія, не принялъ даже во вниманіе голоса по этому дѣлу товарища оберъ-прок. Св. Синода. Посредничество въ этомъ дѣлѣ Анатолія состояло въ томъ, чтобы перенести давнишній процессъ монастыря съ крестьянами въ общее собраніе Сената. См. черновыя письма Анат. къ оберъ-прок. Св. Синода и др. лицамъ. Рукописи Церк.-арх. музея Киев. дух. Акад.

стырь—такъ какъ этого не видно изъ его переписки съ разными высокопоставленными лицами. Одно для насъ несомнѣнно, это—что онъ принималъ сердечное участіе въ судьбахъ ввѣренной его попеченію Гербовецкой обители. Не смотря на оказанный ему монастыремъ суровый пріемъ, онъ все же сильно любилъ это мѣсто своего добровольнаго заключенія. Нагляднымъ доказательствомъ этой любви служить и тотъ фактъ, что онъ пожертвовалъ въ пользу монастыря 500 рубл., проценты съ которыхъ должны были идти на содержаніе монастырской братіи. Помогалъ также девками въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ монастырской жизни: когда въ монастырѣ, напр., не уродилъ однажды ячмень, то преосвященный въ теченіи цѣлаго года давалъ ему деньги на покупку ячменя. Но преосвященный оставилъ по себѣ въ Гербовецкой обители и иного рода память. Какъ извѣстно, онъ устроилъ для себя въ своихъ комнатахъ, именно—въ залѣ, домашнюю церковь, украшенную иконами собственной живописи. Иконостасъ весь былъ его работы¹⁾. По описанію лицъ, видѣвшихъ эту домашнюю церковь преосвященнаго Анатолія, она представляла собою много выдающагося въ художественномъ отношеніи. Нѣкоторыя иконы кисти преосвященнаго удовлетворяютъ требованіямъ настоящихъ цѣнителей и знатоковъ церковной живописи. Да и что удивительнаго въ этомъ: вѣдь преосвященный и самъ былъ истымъ художникомъ, прекрасно знавшимъ церковную живопись, какъ въ теоріи, такъ и на

---

¹⁾ Какъ передавало намъ одно лицо, осматривавшее лѣтомъ 1883 г. означенный иконостасъ, послѣдній составляли слѣдующія иконы: 1) Спасителя, 2) Божіей матери, 3) св. Георгія Побѣдоносца. 4) св. Великомуч. Варвары, 5) св. Василия Великаго, 6) прелод. Макарія Египетскаго и еще двѣ. Святые на этихъ иконахъ представлены строгими аскетами, облеченными въ грубую (въ Восточномъ вкусѣ) одежду; одни изъ нихъ изображены живописцемъ со взорами, обращенными вдаль, благоговѣнно созерцающими въ видимой природѣ величіе Божіе, а другіе—со взорами, смиренно потупленными долу... По своимъ размѣрамъ всѣ иконы одинаковой величины: каждая имѣетъ 1 арш. и 13 вершковъ въ длину и 1 арш. въ ширину.

практик¹⁾). Какъ же отнесся монастырь къ перешедшему во владѣніе его цѣнному дару преосвященнаго? Съ прискорбіемъ приходится отмѣтить слѣдующій весьма печальный фактъ въ лѣтописи монастыря. По смерти Анатолія, извѣстный уже намъ настоятель монастыря, о. Н. Данилевскій, велѣлъ разобрать — и вообще уничтожить домашнюю церковь почившаго архипастыря. Иконостасъ со всѣми иконами былъ вынесенъ, по словамъ одного очевидца, куда-то на хоры... Зала же, гдѣ была церковь, обращена послѣ въ училище для приходскихъ поселенскихъ дѣтей... Училище—доброе дѣло: во ужели нельзя было найти или устроить другое помѣщеніе для него, не трогая церкви²⁾?

Тихо и незамѣтно уходили послѣдніе дни пребыванія Анатолія на покой. Жизненный яуть преосвященнаго уже близился къ концу. Душевная неудовлетворенность въ соединеніи съ Бессарабской лихорадкой въ конецъ надломилъ здоровье Анатолія. Въ письмѣ къ архимандриту Филарету, ректору Кіевской Академіи, приглашавшему его къ участию въ академическомъ юбилеѣ 1869 г.,—онъ писалъ между прочимъ: „принимая всегда живѣйшее участіе въ судьбахъ Академіи, я бы теперь полетѣлъ, чтобы хотя взглянуть на

¹⁾ Желаніе хотя отчасти познакомиться съ рисовальнымъ искусствомъ пр. Анатолія могутъ видѣть нѣкоторые рисунки его въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. дух. Акад. (присланы Л. С. Мацѣвичемъ).

²⁾ Въ виду полнѣйшаго небреженія со стор. монастыря къ иконостасу Анатолія, нельзя не отнестись съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ предложенію одного лица (С. К. К. Р.), дѣланному монахамъ, —возстановить домашнюю церковь Анатолія, поставивъ на мѣстѣ все какъ было при немъ. Это можетъ привлечь въ монастырь не мало благочестивыхъ посѣтителей, которыми любозпно будетъ взглянуть, какъ на мѣсто послѣднихъ подвиговъ Анатолія, такъ и на произведенія его кисти. Заслуживаетъ также вниманія и мысль Л. С. Мацѣвича о томъ, чтобы передать иконостасъ въ музей Кіевской Академіи—на память о знаменитомъ ея воспитанникѣ архіеп. Анатоліѣ. Во всякомъ случаѣ весьма желательнo видѣть перемѣну въ судьбѣ иконостаса. Труды Кіевской Акад. 1883 г. ноябрь, стр. 315—16.

здавля ея¹⁾. Но я совершенно разслабленъ, немощенъ во всѣхъ отношеніяхъ, безсиленъ, по вся дни умираю, а теперь терзаюсь мучительною лихорадкой, почему доведенъ до рѣшительной невозможности отправиться въ Кіевъ²⁾. Къ концу жизни Анатолій почти лишился слуха и зрѣнія. Когда за годъ до смерти самъ не въ состояніи былъ уже совершать службъ церковныхъ, то желалъ, по крайней мѣрѣ, слушать ихъ. Для этого лѣтомъ два діакона водили его въ общую монастырскую церковь, а зимою служили въ его домовую церквь. Черезъ каждыя двѣ недѣли преосвященный обыкновенно исповѣдывался и приобщался св. Таинъ. Большую часть дня онъ проводилъ въ молитвѣ; даже и во снѣ лежа произносилъ молитвы почти всю ночь. Это обстоятельство часто привлекало къ его постели любопытныхъ иноковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдавшихъ сонное моленіе архіепископа и дивившихся знанію наизусть всѣхъ службъ церковныхъ. Незадолго до смерти преосвященный сильно занемогъ: „все, говорилъ, у меня болитъ“³⁾. Наконецъ, послѣ непродолжительной мучительною болѣзни послѣдовала

¹⁾ Съ этихъ зданій онъ снялъ когда-то прекрасный рисунокъ, хранящійся теперь у Л. С. Мацѣвича. По словамъ послѣдняго, извѣстная, несуществующая теперь галерея стараго корпуса производить особенно пріятное впечатлѣніе.

²⁾ Въ знакъ своего искренняго сочувствія къ юбилейному торжеству Кіевской Академіи пр. Анатолій препроводилъ къ ней картину при слѣд. словахъ: „Можетъ быть въ зданіяхъ академіи найдется гдѣ-либо для нея мѣсто (она находится теперь въ домовой академич. церквѣ). На ней художникъ хотѣлъ изобразить тотъ моментъ, когда Спаситель говоритъ ученикамъ своимъ: будите мудры яко змій и цѣлы яко голубіе“. См. 50-ти лѣтній юбилей Кіев. дух. Ак. 28 сент. 1869 г., стр. 272.

Считаемо не лишнимъ сказать, что и Кіевская Академія почтила память своего бывшаго питомца, помѣстивъ его портретъ (съ лѣвой стороны при входѣ въ актовыи залъ) въ ряду другихъ славныхъ сыновъ ея...

³⁾ Когда Анатолій заболѣлъ предсмертною болѣзнію, — то Наваналъ (настоят. монаст.), рассказываютъ, нарочно выѣхалъ въ Кишиневъ и садѣлъ тамъ, пока не умеръ Анатолій. Кромѣ того разслабъ, говорить, въ эту пору всѣхъ монастырскихъ лошадей, — такъ что не было возможности послать за докторомъ, чтобы сколько-нибудь облегчить страданія умирающаго старца. Сообщ. Мацѣвичемъ. Труды Кіев. Акад. 1883 г. ноябрь, стр. 516—17.

мирная кончина архипастыря. Онъ переселился въ вѣчность 8 августа, 1872 г., во вторникъ, въ пять часовъ утра, имѣя 80 лѣтъ отъ роду¹⁾.

Погребеніе по чину архіерейскому совершено было преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, 11 августа. При погребеніи архипастырь сказалъ рѣчь, предметомъ которой было раскрытіе свойствъ покойнаго архіепископа. Какъ на выдающуюся черту личности почившаго святителя Павелъ указалъ на его любознательность и, разъяснивъ нравственное значеніе истинной любознательности, заключилъ рѣчь свою молитвеннымъ пожеланіемъ, чтобы почившій архипастырь нашелъ полное удовлетвореніе своей любознательности въ созерцаніи Троицкаго Бога²⁾. Останки покойнаго похоронены подъ сводомъ церкви—подъ самимъ престоломъ, такъ что могила его не видна³⁾. Ее можно видѣть, только попросивши открыть монастырское подземелье подъ большою новою церковью... Это вѣчто въ родъ монастырской усыпальницы для болѣе важныхъ покойниковъ. Здѣсь то, въ темномъ подземельи мирно покоится прахъ славнаго іерарха церкви русской... Память о немъ навсегда сохранится въ исторіи нашей церкви и отечества.

Съ юныхъ лѣтъ жизни испытанный трудами и невзгодами и усиліями надъ самообразованіемъ, онъ явилъ въ себѣ образъ пастыря просвѣщеннаго и учительнаго, ревнующаго о защитѣ и утвержденіи вѣры православной, благо-

¹⁾ Когда онъ умеръ, на единой родной души не было возлѣ него.. У него были очень дорогія вещи и рѣдкости. „Помню, рассказываетъ въ дневникѣ Л. С. Мацѣвича Ф. Т. Прибыльскій, у него былъ цѣлый мѣшочекъ сибирскихъ дорогихъ камней, собранныхъ имъ въ бытность епископ. Екатеринбургскимъ. Не знаю, какому счастливцу удалось захватить этотъ мѣшочекъ“. Тамъ же стр. 512—13.

²⁾ Кишиневскія Епарх. Вѣдом. 1872 г. № 16 (некрологъ Уарова) стр. 506.

³⁾ Незадолго до смерти Анатолій высказывалъ желаніе быть похороненнымъ возлѣ церкви, на открытомъ мѣстѣ. Но и эта послѣдняя воля его не была исполнена. Свѣщ. Мацѣвичъ. Труд. Кіев. Акад. 1883 г., ноябрь, стр. 507.

стояніи церкви отечественной, нравственномъ воспитаніи общества и нравственномъ подъемѣ служащаго сословія церкви. Съ искреннимъ благочестіемъ въ немъ соединились примодушіе и благосердчіе. Не избѣгъ онъ ошибокъ довѣрчиваго отношенія къ людямъ, способнымъ злоупотреблять имъ, не чуждъ былъ и увлеченій въ своихъ смѣлыхъ сужденіяхъ и рѣчахъ о лицахъ и явленіяхъ, съ какими сталкивала его жизнь. Но и эти ошибки и увлеченія смягчаются привлекательными чертами его примодушія и благосердія. Успокоившійся отъ трудовъ практически-административной дѣятельности, онъ не зналъ покоя въ порывахъ къ умственному труду на пользу церкви и христіанскаго общества. Нестыжательность его соединялась съ готовностію на пожертвованія плодами своихъ заслугъ и трудовъ въ мѣру всего достоянія своего. Смиреніемъ и незлобіемъ заслонялъ онъ скорби и испытанія, постигавшія его въ послѣдніе годы жизни, свято законченной. Этими заключительными словами о жизни и дѣятельности преосвященнаго Анатолія мы полагаемъ выразить полную характеристику его, которая есть еще дѣло будущаго. Но полагаемъ, что значительно пополнимъ ее, предлагая въ слѣдующихъ главахъ обзоръ и характеристику учено-литературныхъ трудовъ преосвященнаго.

М. Едлинскій.

(Продолженіе будетъ).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

V.

Памятники проповѣдничества XVII вѣка въ Забужной Руси.

Въ 1873 году Я. П. Андриевскій, бывший тогда инспекторомъ педагогическихъ классовъ въ г. Бѣлѣ, Сѣдлецкой губ., пожертвовалъ въ Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи 18 рукописей, большею частію собранныхъ имъ въ Сѣдлецкой губерніи и представляющихъ памятники православія и русской народности въ Забужной Руси ¹⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ уже сдѣлались предметомъ особыхъ монографій, какъ напр. отрывокъ посланія Марка Антонія Господнѣчича ²⁾. Въ настоящій разъ мы останавливаемся еще на одной изъ этихъ рукописей, представляющей интересъ какъ по мѣсту и времени своего происхожденія, такъ и по нѣкоторымъ особенностямъ своего состава. Это именно сборникъ, писанный разными руками въ XVII вѣкѣ, принадлежавшій нѣкогда Яблочинскому свято-Онуфріевскому монастырю и заключающій въ себѣ нѣсколько проповѣдей западно-русскаго происхожденія ³⁾.

Яблочинскій Онуфріевскій монастырь находится нынѣ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Сѣдлецкой губерніи, въ двухъ вер-

---

¹⁾ Въ „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи“ эти рукописи значатся подъ №№ 112, 157, 181, 182, 235, 322, 323, 329, 333, 334, 397, 406, 407, 408, 476, 481, 491 и 521.

²⁾ См. „Труды Кіев. дух. Академіи“, 1879 г., №№ 2 и 3.

³⁾ См. „Описаніе рукописей Церковно-археологич. музея“, № 521, стр. 460--473.

стахъ отъ села Яблочна, на лѣвомъ берегу р. Буга, по другую сторону котораго начинается гродненская губернія. По преданію, поводомъ къ основанію монастыря послужило то обстоятельство, что по водѣ приплыла и остановилась на этомъ мѣстѣ икона св. Онуфія, которая сохраняется и понынѣ на правой сторонѣ монастырской церкви. Монастырь основанъ не позже XV вѣка православными вельможами Богушами. Кромѣ ихъ, въ послѣдствіи времени и другіе боголюбивые вельможи надѣляли эту обитель фундушами и угодьями, такъ какъ Яблочинское имѣніе переходило изъ рукъ въ руки къ разнымъ владѣльцамъ. Въ выписи на польскомъ языкѣ о фундушахъ Яблочинскаго монастыря, говорится, что этотъ монастырь св. Онуфія основанъ въ вотчинномъ Славатыцкомъ имѣніи князя Радзивила, виленскаго воеводы, бывшемъ въ заставномъ владѣніи княгини изъ Радзивиловъ Массальской, и что фундушами надѣляли его и православные князья Александръ и Феодоръ изъ Сангушкови Пронскіе, а также Рафаилъ и Владиславъ Лещинскіе, хотя послѣдніе, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, принадлежали къ религіозной общинѣ моравскихъ братьевъ.

Въ началѣ Яблочинскій монастырь, безъ сомнѣнія, былъ въ порядкѣ и довольствѣ. Въ Яблочнѣ и окрестныхъ селеніяхъ, очевидно, еще не было приходскихъ храмовъ, и онъ занималъ ихъ мѣсто; поэтому тысячи православныхъ были въ его владѣніи и своимъ усердіемъ поддерживали его благосостояніе. Съ 1621 до 1633 года этотъ монастырь былъ даже резиденціей холмскаго православнаго епископа Паисія Ипполитовича Черкавскаго, рукоположеннаго въ этотъ санъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. Будучи не допущенъ униатами въ Холмъ, преосвященный Паисій поселился въ Яблочинскомъ монастырѣ и отсюда руководилъ своею православною паствою. Въ 1624 году, по его повелѣнію, сдѣлана была въ напрестольномъ древнемъ евангеліи Яблочинскаго монастыря записъ, подписанная самимъ Паисіемъ, объ основаніи сего монастыря для иноковъ

восточной православной церкви православными вельможами Богушами. Въ томъ же 1624 году преосвященный Паисій вторично исходатайствовалъ для Яблочинскаго монастыря утвердительную грамоту у владѣльца сего мѣста, белзскаго воеводы Рафаила Лещинскаго. Ко времени этого святителя нужно отнести единственный доселѣ извѣстный списокъ русскаго перевода посланія бывшаго слѣтскаго католическаго архіепископа Марка-Антонія Господнѣвича къ соепископамъ своимъ о злоупотребленіяхъ папскаго двора, недавно найденный въ Яблочинскомъ монастырѣ. Памятникъ этотъ свидѣтельствуесть, что въ то время въ Забужной Руси умные и знающіе люди старались и умѣли запасаться писаніями, служащими къ обличенію папства и униі. Извѣстно также, что при владыкѣ Паисіѣ, въ началѣ 1624 года, бывший ректоръ вѣво-братской школы Кассіанъ Саковичъ, по просьбѣ ревнителя православія, волынскаго чашника Лаврентія Древиискаго, перебрался изъ Кіева въ Люблинъ и здѣсь почти цѣлый годъ исправлялъ должность проповѣдника въ православномъ Люблинскомъ братствѣ, до совращенія своего въ унию въ слѣдующемъ 1625 году.

Послѣ преосвященнаго Паисія, когда уже въ Забужной Руси стала усиливаться униі, Яблочинская обитель начала приходить въ ветхость и оскудѣніе и доведена была наконецъ до того, что оставалась въ ней одна клонившаяся къ паденію церковь и при ней кельи. Но въ половинѣ XVII вѣка вотчинникъ села Яблочна Владиславъ Лещинскій просилъ настоятеля православнаго Мѣлецкаго монастыря архимандрита Чаплица избрать изъ среды мѣлецкой братіи іеромонаха, способнаго возстановить Яблочинскую обитель и могущаго управлять ею достойно. Архимандритъ удовлетворилъ просьбѣ Лещинскаго. По выбору его, посланъ былъ въ Яблочинскій монастырь іеромонахъ Макарій Корниловичъ, бывший до того времени намѣстникомъ Мѣлецкой обители. Онъ со веѣмъ усердіемъ и силами принялся за возобновленіе Яблочинскаго монастыря: построилъ церкви,

колокольню, келліи, трапезу и другія заведенія и собралъ общежительную братію, долженствовавшую вести себя по чину св. Василія Великаго. Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ 18 сентября 1659 года далъ отъ себя грамоту сему монастырю, въ которой хвалитъ игумена его Макарія за его благопечение и рачительность о возобновленіи св. обители и предписываетъ, чтобы собранная имъ Макаріемъ общежительная братія и впредь жила по чину св. Василія Великаго. По смерти игумена Макарія, Яблочинскій вотчинникъ графъ Андрей Лещинскій, замѣтивъ, что настоятель мѣлцаго монастыря (преемникъ Чаплица) уклонился въ унію, грамотою отъ 27 Октября 1670 года, заявленною въ актахъ брестскихъ, тотчасъ пресѣкъ всякое сообщеніе Яблочинской обители съ отступникомъ и предписалъ ей навсегда состоять подъ властію православнаго епископа Луцкаго князя Гедсона Четвертинскаго и его преемниковъ. Когда же въ 1712 году и въ Луцкѣ православіе оскудѣло и пастыри нашей церкви принуждены были уступить мѣсто уніатскимъ, Яблочинскій монастырь поступилъ собственно въ вѣдѣніе Кіевскихъ митрополитовъ и, не смотря на всевозможныя оскорбленія и преслѣдованія со стороны католиковъ и уніатовъ, неизмѣнно сохранялъ православіе до самаго воссоединенія Холмщины съ Россіей¹⁾.

Что интересующій насъ сборникъ принадлежалъ Яблочинскому монастырю, это видно изъ слѣдующей замѣтки на 74 листкѣ нынѣшняго счета: „сія книга именованая сборникъ з книгъ монастыря Яблочинскаго Храму и обители прѣд. отца Онуф. велик. и еще ко ней приписанны нѣкоторыя богопотребныи словеса мною іеромонахом Іоанномъ той

¹⁾ См. о Яблочинскомъ монастырѣ: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, П. Н. Батюшкова, т. VII, стр. 210--217; „Холмская Русь“, съ Высоч. соизволенія изд. П. Н. Батюшковымъ, С. П. Бургъ, 1887 г., стр. 83, 104, 133—136, 157, 164 и примѣч. 30. О вѣромсповѣданіи Рафаила Лещинскаго см. „Фаустъ Социнъ“ Е. Бурина въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за декабрь 1886 года.

стой обители законником⁴. Судя по сходству почерка, іеромонахомъ Іоанномъ приписаны вирши духовнаго содержания на листахъ 26 на об., 44, 54, 68, 76, 108, 130 и 216, Григорія Вогослова на Вознесеніе Господне омилія двадцат девятая на л. 74—76, изъ книги „о паціенствѣ Августина“ на 194 листѣ, изъ пролога „поученіе къ кнзю, царю, еписпом, попом, інокѣмъ и всѣмъ хрстіаномъ Бга любящимъ о еже не упиватися“ на л. 207—208, и нѣсколько лѣтописныхъ замѣтокъ на листахъ 13, 16 и 26. Изъ нихъ замѣтка на 13 листѣ гласитъ слѣдующее: „Каменецъ Подолскій турцы взяли року 4Х0К, Августа Кд.“. Слѣдовательно, іеромонахъ Іоаннъ могъ дѣлать приписки къ сборнику около 1672 года. За исключеніемъ же этихъ приписокъ, остальные части сборника, писанныя разными руками и, можетъ быть, въ нѣсколько различныхъ времена, могутъ быть отнесены къ первой половинѣ XVII вѣка. Между ними особую категорію, по характеру письма и черниламъ, представляютъ листы 17—39 и 84 вывѣшняго счета, на которыхъ помѣщены слѣдующія статьи, писанныя на западно-русскомъ нарѣччі XVII вѣка: житіе св. Алексія челоуѣка Божія, 17 марта; „Божественнаго Іоанна Хризостома архиепископа Константинопольскаго о воскресенію Ха Бга ншего“; „Слово ко наученію (слово поучительно о постѣ и добродѣтелях)“ изъ „учительнаго евангелія“ патріарха Каллиста (на 5 недѣлю великаго поста); „Предмова“; „Наука о стом постѣ“¹⁾ и слово на св. Пасху, безъ заглавія. И тогда какъ первые три изъ этихъ статей имѣютъ чисто переводной характеръ, — послѣднія три статьи, по всѣмъ признакамъ, составлены какимъ-либо западно-русскимъ православнымъ писателемъ первой половины XVII вѣка.

¹⁾ Судя по евангельскому чтенію, „Наука“ эта написана на недѣлю по просвѣщенію. На этотъ же евангельскій текстъ написано поученіе Кирилла Транквиліона „въ недѣлю по просвѣщенію“ въ его „Учительномъ евангеліи“. См. Могилевское изданіе 1619 года, ч. 2, л. 108 наоборотъ и слѣд.

Рѣшающее значеніе въ опредѣленіи западно-русскаго происхожденія перечисленныхъ трехъ статей сборника имѣеть такъ называемая „Предмова“ или предисловіе, которое имѣеть и общій смыслъ предисловія къ цѣлому сборнику проповѣдей на Господскіе праздники православной церкви, и частный смыслъ предисловія къ слѣдующей за нимъ „Наука о св. постѣ“. Авторъ „Предмовы“ былъ несомнѣнно православный человѣкъ, такъ какъ исповѣдуетъ исхожденіе Св. Духа отъ единого Отца и доказываетъ превосходство православной церкви предъ другими христіанскими церквами. Это превосходство доказывается тѣмъ, что Господь ввѣрилъ православной церкви всѣ св. мѣста, на которыхъ совершились и имѣють совершиться всѣ дѣянія Господа, касающіяся домостроительства нашего спасенія, и что одна только православная церковь свято и неизмѣнно чествуетъ эти событія особенными праздненствами, тогда какъ другія христіанскія церкви или не знаютъ этихъ праздненствъ (протестанты), или же совершаютъ ихъ ненадлежащимъ образомъ. Есть у автора и специальное обличеніе латинянъ, когда онъ говоритъ, что теперешніе философы свѣта сего ослабили чествованіе нѣкоторыхъ господскихъ праздниковъ и заслоняють ихъ праздниками въ честь святыхъ Вавржинца, Доминика и другихъ. Зная русскія народныя названія нѣкоторыхъ господскихъ праздниковъ, какъ напр. названіе крещенія Господня „водохрещами“, авторъ въ то же время обнаруживаетъ знакомство и съ латино-польскими народными названіями праздниковъ, напр. названія праздника Срѣтенія Господня у римлянъ „громницами“; слѣдовательно жилъ и писалъ въ юго-западной Россіи, среди смѣшаннаго русскаго и польскаго населенія.

“Предмова“ ованчивается словами „за чимъ до науки в сегодняшнемъ столѣ евангеліи описаныхъ с писма божественнаго приступую“,— послѣ которыхъ непосредственно слѣдуетъ „наука о столѣ постѣ“, объясняющая евангельское чтеніе объ искушеніи Господа въ пустынь послѣ Его кр-

щенія и имѣющая тѣсную связь съ „Предмовою“; слѣдовательно, и эта „наука“ составлена тѣмъ же авторомъ, которому принадлежитъ „Предмова“. Ему же можетъ быть приписано предположительно и слово на св. Пасху, такъ какъ оно написано однимъ и тѣмъ же западно-русскимъ языкомъ или нарѣчьемъ и не надписывается именемъ кого-либо изъ извѣстныхъ отцевъ и учителей церкви.

Кто былъ авторомъ предмовы, науки и слова и когда и гдѣ онъ жилъ и проповѣдывалъ,—рѣшать не беремся. Но такъ какъ въ рассматриваемой рукописи эти произведенія носятъ признаки не совсѣмъ исправной копіи съ другого какого-то оригинала; то на этомъ основаніи предполагаемъ, что эти гомилетическія произведенія первоначально сочинены и произнесены были не въ Яблочинскомъ монастырѣ, куда они перешли приблизительно въ то время, когда здѣсь имѣлъ резиденцію Холмскій, православный епископъ Паисій (1621—1633 гг.). По крайней мѣрѣ, къ этому времени можетъ быть отнесена та часть сборника, въ которой заключаются вышеозначенныя гомилетическія произведенія.

Представляемъ здѣсь самыя эти произведенія.

1. П Р Е Д М О В А .

Аеанасій стѣй розмовляючи о нѣкоторыхъ речахъ зъ княжатамъ Антиохомъ. а в розмовѣ оной по многихъ квестіяхъ. былъ тежъ спытанный отъ оного жъ княжати Антиоха, ижъ естъ много вѣр на свети. которая бы еднакъ надосконалшая и направдившая зъ нихъ быт могла. которому Аеанасій стѣй отповѣдаеть. подъ приповѣстью мовечи, Кролъ албо монарха. яковый колвекъ отеждаючи зъ панствъ своихъ в далекии край. не лекому повераетъ предложенства своего: не повераетъ его особе подлой. который бы онымъ шафоватъ не вмѣючи мѣлъ прійти на посмевиско и възгарду людскую, але павераетъ его людямъ въ цнотахъ и въ во вшелякихъ поступкахъ добрыхъ кохаючимсе. которые бы тыхъ всѣхъ надѣдер кош-

товныхъ клейнотовъ и оздоб его вцале верне ему дотримат могли. Такъ тежъ и крол панъ ншъ монарха небесный Исусъ Христосъ не безъ великаго уваженя таемницъ. вси стые мѣсца где се ведле человечества народилъ. ведле старозаконныхъ тежъ церемоній. осмого дня обрезался: отъ пречистое тежъ панны Маріи матки своее. ведлугъ закону старому, што в насъ вазываютъ стретеніемъ. а в риманъ громницами, былъ оферованый, по чудовныхъ теде в тамтомъ восточномъ краю справахъ смерть добровольную принялъ, на горе Фаворстей преображеніе аболи пременене чудовне моцю божества своего учинилъ. Мойсея изъ мертвыхъ. а Илию зъ неба котори до втораго страшнаго прістѣя Его зъ Енохомъ живыми сутъ. упевняючи насъ правдивымъ зъ мертвыхъ встанемъ подвинулъ и моцъ божества своего при бытности трехъ тылко апостоловъ выражаючи пренасвятшюю тройцу оказалъ. Елеонъ гору съ которе на нбо вступилъ и Дха Стго отъ Отца предвечнаго исходячого во мѣ дни на апслы и учники свое зослатъ рачилъ. итакъ знову ведлугъ писма божественнаго живыхъ и умерлыхъ зъ невымовною хвалою судити приидетъ. яко церковь Ъжая въ отправаню шестаго часа спеваетъ спасеніе содѣя посредѣ земля Хе Бе. сродкомъ землѣ або всего свѣта. яко сердце в тѣлѣ чловечомъ называетъ мѣстце свое улюбленное и по сесъ часъ схоженіемъ нбснаго огня в денъ великодный чудотворнаго гроба Ерусалимъ. чудотворные стопами и кровию его пренасветшею и зсланиемъ Дха Стго наполненныя не безъ причины и не безъ великаго уваженя таемницъ полныхъ церкви своей стой въсходней калолической набоженства вгрецкого злечитъ рачилъ ведаючи то предвечнаго божества своего презрениемъ. же она толко сама една тое цноты яко верная облюбеница его тыхъ всѣхъ сварбовъ духовныхъ отъ него себе повероныхъ и злецоныхъ статечне вцале дотримат мѣла где абовеле въ иныхъ розное релии людей тое такъ знаменитое и чудовное свято в пристойномъ пошпацованю надъ тую стую апостолскую в Хсѣ Панѣ звеку уфундованое

церкви завидеш. Едны тоє зацное свято. тоєж светое писмо и евангелію светую читаючи не знают. а другіє его в легком поваженію называючи. толко костелным а не публичным святом мают. але не димъ бо и другое томуж подобное также зацное и великое чти годное свято крѣмене Пне. што посполитый люд подохрѣсчачаи пазыват звыклъ. теперешніи философовє свѣта сего с календаров своих выкинули позволивши раднѣи светях иишіє слуг его свята Ваврияца Доминика и иишіє тым подобные которым мы почести не уймуем. але еднакь гдѣские свята над них прекладаемъ, вѣдаючи с пророка божественнаго ѡ особѣ Божой мовячого иному славы моеє не дам. Кгдыж не может быти слуга болшей над пана своего. Зачим правдиве слова Павские сполняются гдѣ мовит. и словѣдаютис Отче Пне неба и земли ижеє закрыл тоє от премудрыхъ и разумныхъ и оказалєє се простачком. Отче заховай их да будут где и я с тобою естем. што и апслъ Павел уважаючи пишет, мудрост свѣта сего неприятелем ест Ъгу бо се правде его спречает: Зачим до наукъ в сегодняшнем стом евангеліи описаных с писма божественнаго приступую.

2. НАУКА.

о стом постѣ. которую ведле преможенъа худое а мѣлкое умѣстности моеї ласкамъ вашим повѣдити хочу до которое тѣмно прошу, иж бы слухи ваши наклонены были стоячи кротко спокойне на мѣстцах своих, кождый. и откинувши от себе ест иишіє прожние мысли на сторону и нахиливши слухи сердцеъ ваших прислухатис маем.

Хорый чоловѣкъ который мает пяти який трунокъ горный, не так се им брыдит, коли видит же его первой сам доктор пѣть: также теж на войнѣ въ поткавию. або в добываню мѣста якого. сердца жолвѣром прибывает, кгда батчат гетмана пред собою. Тым же способом Церковь Божая нам дний сих светых поствых кладет пред очи Христа Спа-

сителя нашего на пущи постачого и потыкаючогоса со днѣ-
волом: абысмо и мы смотрячи на продка вѣры и коньчителя
Исуса: зложивши всякий тѣжар, и грѣхъ который нас ото-
чиль бѣгли на войну нам зготованую: подает нам церковь
Х̄на тотъ напои горький, покуты и посту светого. для уле-
чена хоробы на которую есмо зарабатали през цалый рок.
што иж бы се нам не здадо тѣжко, указуе нам, же тот тру-
нок самъ Гдѣ наш Исус Х̄с лѣвар наш выпити рачыл. По-
зываетъ нас на великое а небезпечное потыкание зъ не-
пріятелем дшевным дьяволом: але нам притом указывает, иж
Гдѣ наш Исус Х̄с гетманъ и вож нашъ, первой се з ним
потыкалъ и звытежилъ, и завжды ест при нас: абысмо его
и мы за помочю его также поразити могли: бо жаденъ не
будеть корунованъ, едно тотъ, который нужно потыкатис
будет. Але уже приступим до евангелии светом, а обачмо
в чом наболшей гетмана своего наслѣдовати маем.

Чотыри я рѣчи найдую которые тутъ Хр̄тос учинил
противъ покусы дьявольской. што и мы также чинит маем,
если хочем звытежить: Х̄с вышол из свѣта на пущу: по-
стился. я в жадной рѣчи дьявола не услухалъ. и завше
се ему словом божним боронил: Тых же и мы броней хри-
стіяне милые противко непріятели душъ наших уживати
маемо. Тут если бы з вас который мовити хотѣлъ, албо
я я теж еще з ним вильчити маю: я - мѣ разумѣлъ же Х̄с.
Слситель наш уже дьявола поразивъ, и голову его сокру-
шилъ: то ест правда истипная, же сокрушилъ Гдѣ нашъ
Исус Хр̄тос главу змиеву, але его до конца не забылъ.
Прото ж стертую голову подносит яко може а где колвекъ
мѣстце найдуе, тогда срожшей кусает иижли пред тым.

Або вѣм мает гнѣвъ великий, вѣдаючи то, же мало
мает часу, прето ж мы тым пилней добивати его маем, абы
за се не поднеслъ головы своей. Спытаеш ли як. А то на-
первей, утекай з свѣта на пущу: стережися и варуйся того
всего, што колвекъ тебе ву злomu приводить: выходи з Ва-

вилону, опусти злое товариство, злые налоги, и звычае того свѣта. утекай з Содому и з Лотом светым, а ни се назад огледай яко жена его, а ни близко ставай. вѣдаеш персону которая тебѣ до греху проводить. утечи ж из нее: не май з нею жадной справы: вѣдаеш мѣстце, або уряд або справу кгда мусишь што противъ Бгу чинити. утекай же: опусти такой урядъ, такую справу: не ходи болшей на мѣстце таковое. лепей тобѣ быти убогим на пуци, а нижли згнвутьи весполъ и злыми. Але чы вжеж то на том досыт: ни: не ест еще на томъ досыт, поневаж и Христос Спасител нашъ не толко вышолъ, але тежъ и постилъ. не сам его стая мзть посту потребовалъ, але намъ приклад зоставилъ, абысмотых же броний уживали: яко явне свѣтчитъ писмо свтое. Постих Мойсей и Илия, Есеяр, Июдиеъ Товия пророци, Иоанъ Крестител на пуци, Анна пророчица. Постилъ Сам Гдъ нашъ Исус Христосъ постили апостолове и их намѣстници. Николае, Василие великий Иоанъ Златоустый, Антоний Амвросий, и одним словом люди свтые всѣ; бо якъ мовят, Киприян свтый, иже мавит видим людей стых, которые чуда чинили, тогда не читали есмо о том, абы который без посту до светобливости пришолъ: а николи ничего великого не починали, аж себе первей зготовали постом. А не толко тые сами постили, але и ившихъ грѣшных до посту напоставали. Мойсей з стороны Божей пост под горьлом постити розказалъ. Господ Богъ през Ионя также упоминает мовечи. Навернетеса ко Мнѣ зо всего сердца, через пост, и през плачь, и жалобу. Также и Павелъ стый. в листе втором до Коринтовъ пишучи мовит. оказуймося во всем, яко слуги Божии, во великой терпливости, во утисках в потребах, в роботах в чуйностях, в постах в чистотѣ, в милости справедливой. Также и ангел у Товия мовит, же лѣпша ест млатва с постом нижли скарбы золотые. Надто еще маем тое с писма свтго; же пост ест людем вѣрным велми пожиточный. Або вѣмъ през пост Мойсей

размовляя из Богом, и закон одержалъ. Через пост Нине-витове одержали грехов отпущение. Ахавъ заслужоного караня одиѣнене, Даниил духа пророцкого, Есеир Иудиеъ звытежство над неприятелми своими, Товия освещение, Але што болшей мовить, сам Господ нашъ Исус Христос, обещуе тым которые добре постят заплату от Бога Отца в неби. Але теперь што за посты у наших християнъ бо хотя ж в пост не едят мяса, ави молока, але се нѣкоторые предсе з них упивают. другии два врот, албо болшей на день ядят: або если раз едятъ тогды се такъ покармомъ обтяжают, же сут до всего доброго неспособни. другии ачь мяса не едят але ишни потравы такъ дорого купуют, и такъ смачно собѣ приправуют, жебы на них могли и на великое свято перестават. такъ иж нѣкоторые посту з радостию ожидают, с тое причины, иж ового часу, и болшей ести робеть, и коштовней потравы приправуют. Таковых постовъ намней се неприятел душный не бовт, и овшем з нихъ шидит и смиеся. Прото ж если ты хочешъ пожиточне постит, ведле уставы и науки Церкви божественное, опусти ж вси роскоши телесные, уживаючи простых а поспозитых потрав едно толко раз на ден, и такъ маешъ тѣло свое смирити, иж бы было духови послушно. Паметай же иж тобѣ тот пост телесный не поможе, если духовный не приступит, же быс се заразы и од греховъ постил. бо такъ Господ Богъ през Исаия мовит. Ото праве во дни постов ваших свою волю чивите и потегаете всѣх должниковъ ваших: Азали то ест пост, которого-м я обобралъ. Хороше о том единъ историкъ церковный повѣдилъ. Если сам мовит брух согрешилъ, тогды сам нехай постит. але если теж согрешили и другии чловки, а чому ж те ж постити не мѣли. Нехай постит езыкъ от блюзяѣрства, и от злореченства, от обмовъ от словъ шкаредных. Нехай постит око от непотребнаго взирания, и от вшетечности. Нехай постит ухо от слуханя непотребных речей. нехай постит рука от злых учинковъ. Нехай постит сердце от мыслей злых. а надвсе нехай постит дша от

своей воли. Надто теж хочеш ли пожиточне постити, ззучи ж с постом и другие учинки добрые, а звлашча млстню и молитву; яко сам Бог у Исая учит: уломи лакнучому хлѣба твоего, а убогих и тулящихся по улицахъ впровад до дому своего, если теж обачишь нагого одени его. а такъ тепер твой пост будет вдячен Гду Богу. и заплату одержать од него. А коли ся постишь разумѣй же не для чого нишого, едно иж быс Гда своего наследоваль, иж быс прошлые грехи в собѣ караль; абыс пожадлиности въ собѣ телесные погамоваль, иж был способнѣйший до млтвы. иж быс теж былъ послушнымъ свомъ Церкви Божой: а наостатокъ иж быс никого не горшилъ. Такой пост ест моцный протывъ дияволу, бо и Бога ублагает, и греховъ повѣстегает и молитви допомагает. Такого посту Церковь Хва по нас жадаст, и конечно мѣти хочет.

То теж вѣдати маемъ хрстіяне милше: иж тот час посту светое чотырдесятницы на тое ест установленый, иж бысмо через правдивую покуту, и през овоцы годные покуты то ест постомъ, и млтвами и млстнею. очищени были. и чистымъ сердцемъ и добрымъ сумненемъ. причастниками были пречистому тилу и крови Гда Бога и Спса ншего Иусу Хрста. дни тые светые проводили; а затымъ в новости живота ходили, мертвыми будучи на грѣхъ, справдиве жити могли. Про то нас церковь Божая до правдивое покуты, то ест иж бысмо съ навернули ко Господу Богу от всего сердца постомъ и млтвами, нилво напоминает. Але иж тые рѣчи ачь духови барзо пожиточны. але тѣлу ест прикры, и тяжки, и горки. прото ж их намъ розманте цукрует и услажает прикладомъ самого Гда и учителя нашего. который не для себе, але для нас, и для прикладу нашего, вышолъ также на пуцу покуты, и постилъ, и могагься, и покусы шатавскыи звытежилъ. А тут за се выставует намъ предъ очи великость заплаты тымъ наготованое, которые тут на свети правдиве покутують. Або вѣмъ тые сами ко-

торые тут з Господем своим терпят з ним теж и царствовати будутъ, и огледати его будут во славъ. и будутъ се вѣчне кохат и веселитися от видения славы его. которого веселии всѣмъ Спасе нашъ дай получитьи, благодатию твоею аминь.

3. Слово на св. Пасху (въ рукописи— безъ заглавіа).

В сей ден изъ мертвыхъ востаніа Гда нашего Иса Хи мои милые православныи Христиане, выпни есмо веселитяс. и радовати и торжествовати дховно, не въ пивнстве и въ объяденіи и во иишихъ телесныхъ сластехъ; але в молитвѣ непрестаньво. въ любви и въ иишихъ добродѣтеляхъ, въ цнотахъ а у вѣре доброй, помнажати себе, если маемо гнѣвъ який на кого простимся воскресеніа Хва ради, и от сердца правдиве гнѣвъ имъ свой отпускаямо: Або вѣмъ въ сей день показалася намъ великая ласка и милосердіе Божие, и гоиное его еже насъ дѣля милованье, иже намъ будучи сынами гнѣву божого и подданными дивноуми, оказалосе намъ даремное збавене Божее бо еще въ рай перший человекъ нашъ прадѣдъ Адамъ за преступленіе заповѣди Божей ижъ вкусилъ отъ дерева овоцу заказаного ему. прозлятъ бывъ отъ Бога. зо всѣми нами потомки его. которые подлугъ тѣла родимся по немъ. А всѣмы есмо были подъ тымъ проклятьствомъ его. якожь тотъ же отъ вѣковъ мѣрсдый Богъ ужалившии самъ же того упадку члвка бѣдного. тамъ же еще въ рай выгонючи Адама на працу и на вадзу сего свѣта; рачилъ ему обѣтницу свою показати, абы оный бѣдный Адамъ будучи въ болестяхъ а тяжкостяхъ своихъ, споминаючи на роскошь иже мѣлъ в рай оною обѣтницею тѣшилъ. ижъ мѣлъ тотчасъ прийти ижъ сѣми женское мѣло свершитъ главу оногю змий. а зводцы адамоваго. а тое сѣми ведлугъ писма пророцкогю называемъ и именуется Христось. аминь,

VI.

Южно-русскій рукописный сборникъ XVII вѣка и неизвѣстная доселѣ брошюра Кутеинской печати 1636 года.

Въ декабрѣ 1886 года членъ-корреспондентъ Церковно-археологическаго Общества, инспекторъ народныхъ училищъ Одесскаго района Л. П. Шпановскій передалъ въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи рукописный сборничекъ XVII вѣка, полученный имъ отъ одного изъ учителей народныхъ училищъ въ Одесскомъ уѣздѣ. На первомъ бѣловомъ листѣ находится слѣдующая позднѣйшая замѣтка XVIII вѣка: Сія книга глѣмая цркви Рожства Престыя Бдца священника Іоанна Андреѣла сна Щыровскаго“. Самый же сборникъ писанъ разными руками, вѣроятно въ какомъ-либо монастырѣ, и притомъ, повидимому, въ различное время: старѣйшія статья его могутъ быть отнесены къ половинѣ XVII вѣка, а болѣе позднія—къ концу этого вѣка. Судя по составу сборника, онъ несомнѣнно писанъ гдѣ-либо на югѣ Россіи, но заключаетъ въ себѣ не однѣ только статьи южно-русскаго происхожденія, а и древніе славянскіе переводы святоотеческихъ писаній и нѣкоторыя произведенія сѣверно-русской письменности; слѣдовательно, въ XVII вѣкѣ въ южно-русскихъ монастыряхъ еще сохранялись древнеславянскія и общерусскія традиціи и поддерживалась литературная связь съ сѣвѣрною Россією.

Сборникъ писанъ in 8-о и въ настоящемъ составѣ своемъ заключаетъ 416 листовъ, изъ коихъ около 270 заняты древнеславянскими переводами и произведеніями древнерусской и сѣверно-русской письменности, а около 146 листовъ произведеніями и переводами южно-русской письменности.

Къ статьямъ перваго рода въ разсматриваемомъ сборникѣ относятся слѣдующія: „Слово о распятіи Господа нашего Іисуса Христа и о всѣхъ собывшихся“, т. е. Никодимово евангеліе (л. 44—102); творенія Никиты инокѣ и пре-

свитера обителя студійскія Стифата (л. 132—202); Нила Синайскаго (л. 202—221); Никона Черногорца (л. 223—237); Толкованіе св. Іоанна Златоустаго на молитву Отче нашъ (л. 239—241); Толкованіе символа вѣры, извлеченное изъ твореній Іоанна Дамаскина, Кирилла Александрійскаго и другихъ (л. 241—260); Блаженнаго Леонасія, архіепископа Александрійскаго, къ Антиоху князю о многихъ и нужныхъ взысканіяхъ (л. 308—371); Кирилла, епископа Туровскаго, сказаніе о черноризчестемъ чину (л. 372—378); „Собраніе нікогого старца на воспомяваніе своего обѣщанія о отверженіи мира и яже въ мирѣ по заповѣди Господни“, писанное кѣмъ-либо изъ учениковъ преп. Нила Сорскаго (л. 378—403), и „Правило игуменамъ“ (л. 406—416).

Къ южно-рускимъ произведеніямъ и переводамъ въ сборникъ относятся: о пресвятой Троицѣ свидѣтельства Св. Писанія изъ такъ называемой „Книги о вѣрѣ“, имѣвшей нѣсколько изданій (л. 6—42); „Наука покупирочимъ“, безъ окончанія (л. 4—5); „Діарѳросісь albo седми скритыхъ сакраментальныхъ таемницъ въ церкви ст. католической восточной от самого Іса Ха Гда нашего и стых его аплов на спасеніе всѣмъ правовѣрнымъ поданыхъ, и въ той же ст. церкви православной восточной цале и неотмѣнене от часов аплскихъ и ст. бгносныхъ, аж по сесь часъ вѣкъ травочихъ и въ потокиши лѣта зоставати маючихъ“ (л. 261 на об.—307); и „Списаніе о седми стыхъ тайнахъ церковныхъ блженаго Гавріила митропол. Филадельфійскаго зъ греческаго на славенскій языкъ преведено рок 1690“ (л. 274—307). Послѣднія двѣ изъ перечисленныхъ статей сборника писаны болѣе поздвсю рукою, чѣмъ остальные статьи, и представляютъ новыя данныя для исторіи южно-русской письменности XVII вѣка. Изъ нихъ „Діарѳросісь“, можетъ быть, мѣстнаго южно-рускаго происхожденія.

Совершенно новымъ открытіемъ въ области южно-русской библіографіи представляется вполетенная въ сборникъ

печатная брошюра Кутейнской печати 1636 года, занимающая 106—131 листки сборника. Доселѣ она не была известна нашимъ библиографамъ. Брошюра заключаетъ въ себѣ 26 листовъ, въ осьмушку. Но обозначеніе счета листовъ, вверху ихъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: 1 и 2 листки не вошли въ счетъ; послѣ 13 листка слѣдуетъ непосредственно 15; между 17 и 18 листками одинъ листокъ остался внѣ счета, такъ что, по нумераціи самой брошюры, въ ней означено только 24 листка. Но этотъ ошибочный счетъ исправляется помѣтою числа тетрадей внизу по листамъ. Кромѣ первыхъ двухъ листовъ, заключающихъ выходной листъ и „Предмову до чителника“, въ брошюрѣ заключаются три тетради, по 8 листовъ въ каждой, съ помѣтою на первыхъ четырехъ и въ одномъ случаѣ даже пяти листкахъ каждой тетради буквъ церковно-славянскаго алфавита, означающихъ порядокъ тетрадей и листовъ въ нихъ. Заглавіе брошюры на выходномъ листѣ ея—слѣдующее: „Святаго Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго, на отче нашъ выкладъ зъ грецкаго на рускій. Матеей глѣв. 6. Бесѣда албо казане 14. Зъ друкарни монастыра общежителнаго Кутейнскаго. цркви Ёгоявленія Гда Ёга и Спса ѵшего Іс Ха. Року 1636. мѣца, Ноембра, 26 два“. Въ „Предмовѣ до чителника“ говорится слѣдующее: „Уважаючи пожитокъ великій, православный чителнику, Гдней милты, которое Ёжественныхъ оучниковъ своихъ: а през нихъ и насъ наоучивши, до повседневнаго и частаго уживаня подалъ. ижъ не всѣмъ презъ выкладъ (звѣща меншой брати нашей) естъ объяснена. За слушность для охоты чуйнаго и живаго хрстіянина оусудилисмо. въ стыхъ отца ѵшого Іоанна Златослова. патриархи Константинопольскаго на отче нашъ выкладъ. При которомъ Василя цесара грецкаго килка потребныхъ наоукъ сынови его Лву зоставленныхъ. зъ оубогаи Типографіи вашей выдати. Просячы ласковаго чителника. абы тую милую працу зъ охотою принявши зъ нее смыслъ ду-

ховный относячи насъ въ оной не запоминял. (блгдр)ствуючи Га Ба, абы въ болш(ъ) зачинающимся дѣлѣ блгсвил и поспѣшил. Здравствуй о Гдѣ". Но кромѣ „Выклада на отче нашъ“ и „Науки Василія цесара грецкаго, до сына его Лва, о вѣрѣ“, на послѣднихъ 8 листкахъ брошюры напечатано еще „Обясненіе, и зложеніе Никейскаго, и Константинопольскаго Символу, двуадесяти артикуловъ вѣры хрстіанское“, а также на пробѣлахъ брошюры краткія извлеченія изъ св. Іоанна Златоустаго и св. Григорія Богослова. Эти послѣднія, очевидно, не входили въ планъ изданія. Что же касается трехъ основныхъ статей брошюры, то онѣ, по видимому, представляютъ лишь перепечатку нѣкоторыхъ прежнихъ южно-русскихъ издавій, или извлеченіе изъ нихъ. Такъ напр., testamentъ Василія цесара грецкаго сыну его Льву напечатанъ былъ еще въ книгѣ Острожской печати 1607 года, подъ заглавіемъ „Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій“¹⁾, откуда могло быть сдѣлано извлеченіе въ нашей брошюрѣ; „Обясненіе и зложеніе Никейскаго и Константинопольскаго символу“ и проч. нашей брошюры есть, по всей вѣроятности, перепечатка изъ книги „Събраніе въкратце словес отъ бжественнаго писанія“ и проч., издавннй въ Угорцахъ въ 1618 году²⁾; а „Выкладъ на Отче нашъ“ Златоустаго—перепечатка брошюры подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, издавннй въ Вильнѣ въ 1620 году³⁾.

Н. П.

¹⁾ „Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами“, Н. Каратаева, т. 1. С.-Петербургъ, 1883 г., № 190, стр. 310.

²⁾ Тамъ же, № 243, стр. 346.

³⁾ Тамъ же, № 257, стр. 360—361.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

ЛѢТОМЪ 1886 ГОДА.

(Продолженіе¹).

2 и 3 іюня, Каиръ.

Проснулся я ранѣе пяти часовъ. Вчерашней духоты не было; напротивъ въ раскрытыя окна вливалась въ комнату пріятная прохлада. Какая-то нѣга охватила все мое существо, не хотѣлось вставать. Мысль перебѣгала чрезъ весь совершенный уже путь на родину въ кругъ родныхъ и знакомыхъ какъ бы затѣмъ, чтобы высказать имъ свое удовольствіе и подѣлиться съ ними своимъ счастьемъ, снова возвращалась въ Каиръ, измѣряла разстояніе между нимъ и родиною и какъ бы забывалась въ какомъ-то упоеніи... Въ пять часовъ я былъ уже на ногахъ: этотъ именно часъ назначили мы себѣ для вставанья, чтобы напиться чаю и въ шесть часовъ утра отправиться къ пирамидамъ. Скоро мы всѣ одѣты, но вѣтъ намъ ни чаю, ни служителя Ахмета, чернаго какъ смоль, въ бѣлой какъ снѣгъ длинной одеждѣ въ родѣ застегнутаго на пуговицы длиннаго халата, ни даже нашего драгомана. III. бѣгаетъ по корридору, заглядываетъ въ каждую комнату и даже коvuру, отыскивая служителя, нервно подергиваетъ въ звонки, но все напрасно. Служащимъ въ гостинницѣ, у которыхъ

---

¹) См. Труды Киев. Дух. Акад., іюнь, 1887 г.

одинъ день всегда похожъ на другой и которые получаютъ одинаковую плату, вѣтъ дѣла до того, что мы прѣхали въ Каиръ только на три дня и спѣшимъ видѣть возможно больше; у нихъ свой порядокъ дневной. Да и Махмудъ должно быть провелъ священную ночь Рамазана, какъ подобаетъ праводѣрному сыну пророка; а, быть можетъ, онъ въ это время обдумывалъ свои глубокія думы, которыя раскрылъ онъ предъ нами вечеромъ. Въ ожиданіи чая и Махмуда беру въ руки Путеводитель и знакомлюсь предварительно съ Каиромъ и тѣмъ, что мы намѣтили себѣ для осмотра, имѣя въ виду пополнить заимствованныя свѣдѣнія собственнымъ наблюденіемъ.

Каиръ, теперешняя столица Египта, городъ сравнительно новый. Прежде него къ югу отъ него существовалъ небольшой укрѣпленный городъ, называвшійся у египтянъ Вавилономъ. Завоеванный Амру, онъ расширился къ сѣверу въ 640 году по Р. Х. кварталомъ „палатки изъ козьей шерсти“ (ель-Фостатъ). По истеченіи болѣе трехъ сотъ лѣтъ онъ увеличился еще новымъ кварталомъ, и съ той же сѣверной стороны, военнымъ лагеремъ „побѣдоносной (ель-Каира)“. Здѣсь-то и возникъ теперешній городъ Каиръ. Официальное его названіе ель-Каира неупотребительно въ устахъ туземцевъ. Они называютъ его именемъ всей страны „Масръ“, „Маср ель-Каира“, а старый городъ Амру называютъ „Масръ-эль-Атика“, или „Старый Каиръ“. Въ настоящее время Старый Каиръ, или ель-Фостатъ, составляетъ лишь южное предмѣстье Каира. Къ сѣверозападу на самомъ берегу Нила находится другое большое промышленное предмѣстье Булакъ, извѣстное особенно своимъ знаменитымъ Булакскимъ музеемъ египетскихъ древностей. А на юговосточномъ концѣ города на первыхъ утесахъ Джебель-Мокаттамъ расположена крѣпость. Почти на одинаковыхъ разстояніяхъ отъ Каира находятся къ сѣверовостоку Матаріе и Гелиополисъ, къ югозападу большія пирамиды.

Каиръ былъ построенъ на берегу Нила, но съ тече-

ніемъ времени рѣка переѣстилась, и теперь городъ отдѣленъ отъ рѣчной воды поясомъ рощей и садовъ отъ двухъ до трехъ верстъ ширины; только узкій каналъ Халигъ, пересыхающій на нѣкоторое время года, проходитъ городъ во всю его длину. Другой каналъ Измаиліе, широкій и содержащій въ себѣ воду во всякое время года, проходитъ по сѣверозападной части города, направляясь къ Суэцу по ваді Тумилатъ. Нилъ имѣетъ здѣсь около 188 сажень ширины.

То, что особенно поражаетъ путешественника въ Каирѣ, это близкое соприкосновеніе въ немъ самыхъ рѣшительныхъ противоположностей. Такъ, городъ дѣлится на два города совершенно непохожіе одинъ на другой. Одинъ городъ калифовъ, обширный лабиринтъ извилистыхъ улицъ, тѣсныхъ, темныхъ улочекъ, проходовъ безъ конца, заставляющихъ васъ постоянно возвращаться назадъ; здѣсь все поражаетъ: мечети своею формою и цвѣтомъ, простотою, грандіозностью, богатствомъ скульптуръ и арабесковъ; общественные монументальные фонтаны, прислоненные къ мечетямъ; изящные мушараби этажей поднимающихся одинъ надъ другимъ; портики, различные по работѣ и рисункамъ; многочисленныя базары, гдѣ собраны произведенія Египта, Судана, Іемена, Аравіи, Сиріи, Турціи, Индіи и даже Европы. Другой городъ, новый городъ Измаила-паша, съ своими очаровательными садами, своими театрами, своими улицами широкими, прямыми, окруженными великолѣпными зданіями, напоминаетъ большія столицы Европы: лишь растенія, выглядывающія изъ за рѣшетокъ садовъ, и большія акаціи (*acacias Lebbeck*), дерево абсолютно египетское съ толстымъ и кривымъ стволомъ, съ большими выемчатыми листьями, покрывающія тѣнью съ обѣихъ сторонъ широкія улицы, напоминаютъ вамъ, что вы находитесь въ Египтѣ. Здѣсь вы видите желѣзную дорогу, прекрасныя роскошныя экипажи и на ряду съ ними верблюда съ живою или мертвою ношею, осла, нагруженнаго громадною рѣшеткою птичникомъ, длин-

воногимъ въ фескѣ мужчиною или почти совсѣмъ закутанною женщиною, сидящею верхомъ по-мужски, а также на ряду съ этими выючными животными и человека-носильщика, чуть не до земли склоняющагося подъ свою громадную ношею. Здѣсь вы видите даму всю въ шелку, бархатѣ и кружевахъ, въ громадной съ перьями шляпкѣ и позади нея почти совсѣмъ нагаго негрятенка. Здѣсь живутъ въ полномъ согласіи скандинавъ съ бѣлыми, какъ левъ, волосами и негръ съ черными курчавыми; фанатикъ мограбинъ съ береговъ большаго атлантическаго океана и индеецъ съ желтоватымъ цвѣтомъ или южный арабъ съ кофейнымъ цвѣтомъ; османлисъ, на половину ставшій европейцемъ, съ своими подраздѣленіями, татарами, персами, туркменами, курдами и стереотипный по своей фигурѣ китаецъ; бедуинъ, блуждающій изъ степи въ степь, отъ оазиса къ оазису, живущій безъ законовъ и нравовъ, и люди съ самою совершенною цивилизаціею предмѣстія св. Жермена. Здѣсь такимъ образомъ „бракъ Европы съ Африкою, союзъ востока съ западомъ, символъ религіозной терпимости,—договоръ торговой свободы и соединенія народовъ“.

Въ Каирѣ указываютъ много отдѣльных мѣстъ для осмотра путешественнику: крѣпость, нѣсколько древнихъ мечетей, изъ коихъ одна, эль-Азаръ, служитъ главнымъ университетомъ всего ислама на востокѣ, куда стекаются алчущіе и жаждущіе знаній со всего мусульманскаго міра — въ 1883 году въ эль-Азаръ было 12,025 студентовъ и 216 профессоровъ, — гробницы калифовъ, ниломѣръ, коптскую церковь Абу-Сирге, въ подземельи которой указываютъ камень, на которомъ сидѣла будто бы Божія Матерь во время пребыванія ея въ Египтѣ, — и Булакскій музей египетскихъ древностей. Въ Каира показывать окаменѣлый лѣсъ, Шубру-замокъ Измаила паши, Геліопольсъ, дерево Богородицы, Джезире — загородный дворецъ на островѣ — самый роскошный дворецъ въ Египтѣ и пирамиды. Наиболь-

шее вниманіе путешественниковъ привлекають къ себѣ, само собою повятно, пирамиды: ихъ и мы избрали первымъ предметомъ для своего осмотра.

Отправляемся въ путь въ двухъ парныхъ экипажахъ. Экипажи прекрасные, лошади тоже, сбруя на лошадяхъ блестящая, и вучеръ тоже хорошъ въ синей длинной рубашкѣ съ шалью на головѣ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Ъдемъ по новому городу. Большею частью возлѣ улицы идетъ лишь желѣзная рѣшетка, между которою и домомъ прекрасный цвѣтникъ и тѣнистый палисадникъ. Густая яркая зелень садовъ видна и за домами. На улицѣ еще нѣтъ большого движенія, но и теперь замѣтно разнообразіе населенія и то, что находимся на востокѣ. Вотъ и мостъ черезъ Нилъ, построенный въ 1872 году. Нилъ широкій и спокойный виденъ на далекое разстояніе. Возлѣ берега стоятъ красивыя туземныя суда съ изогнутыми вверхъ мачтами. Берега покрыты роскошною растительностью, изъ которой стройныя пальмы поднимаютъ высоко вверхъ свои красивыя вершины. Отъ Нила почти вплоть до пирамидъ идетъ тѣнистая аллея; аллея эта ежедневно поливается различными способами: то воду везутъ въ бочки и она выливается изъ нея посредствомъ трубочкообразныхъ воронокъ, придѣланныхъ къ длинному поперекъ телѣги пустому цилиндру, то загорѣлый въ ломотьяхъ арабъ разноситъ ее въ коземъ или бараньемъ бурдюкѣ и разливаетъ чрезъ его горлышко по дорогѣ. Сначала ѡдемъ вдоль Нила по лѣвому его берегу, потомъ отклонимся вправо. Утренняя прохлада дѣйствуетъ оживительно, чувствуется какъ-то особенно хорошо, легко. Какъ бы въ блаженномъ какомъ упоеніи смотримъ вокругъ себя. По обѣ стороны аллеи видна пахатная темная земля; хлѣбъ въ нивыхъ мѣстахъ на корню, въ иныхъ собранъ и обмолачивается. Далѣе видны пальмовыя рощи. На самой аллеѣ подъ тѣнію деревъ устроены по мѣстамъ базарчики—продаются арбузы, дыни и др. фрукты. Идутъ на встрѣчу загорѣлыя арабки въ синихъ длинныхъ рубахахъ съ длинными, оканчи-

вающимися клиномъ рукавами и растегнутою грудью, съ корзиною на головѣ, или же съ нагимъ темно-бурымъ мальчикомъ на плечѣ, обвившимся своими рученками вокругъ ея шеи. Арабы сидятъ, развалившись подъ деревьями. Тянется длинный караванъ верблюдовъ, обвѣшанныхъ длинными до земли, туго набитыми мѣшками, или же съ качающимся взадъ и впередъ сѣдокомъ въ подобіи одежды на тѣлѣ. Вотъ и черная еѳіопка, закутанная въ черное и съ металлическими цилиндриками надъ передносьемъ, соединяющими головное покрывало съ длиннымъ густымъ чернымъ вуалемъ, оставляющимъ открытыми лишь глаза, верхомъ на ослѣ. А вотъ и важная особа на богато украшенномъ бѣломъ ослѣ; впереди идетъ человекъ, сейсъ, въ бѣлой рубахѣ съ широкими рукавами, въ расшитомъ золотомъ жилетѣ и короткихъ по колѣна шароварахъ, держа какъ разъ предъ своимъ носомъ длинную палку. Влѣво вдали показываются четыре или пять пирамидъ Абузира и Саккара. Вблизи дороги вижу снова способъ орошенія полей. Въ каналѣ нѣтъ уже воды. Она находится лишь въ колодцахъ около него. Колодецъ съ оцѣпомъ двухъярусный. Кусочекъ земли орошенный представляетъ прекрасную зелень. Переѣзжаемъ чрезъ большое углубленіе въ почвѣ, какъ бы широкое высохшее русло рѣки. Въ немъ большая масса рабочихъ: одни копаютъ землю, накладывая ее въ корзины, другіе носятъ эти корзины на берегъ, сыпая здѣсь землю въ большія груды, коихъ много видно на берегу. Около грудъ стоятъ и лежатъ верблюды и ослы, очевидно ожидая землянаго груза. Не это ли тотъ нильскій илъ, который беретъ у Каира и разбрасывается по полямъ и о которомъ говорилъ мнѣ вчера Махмудъ? Но вотъ сразу оборвалась воздѣлываемая почва, орошаемая Ниломъ, мы вдругъ вступили въ область сыпучихъ песковъ; граница между первою и послѣднею рѣзко обозначается и видна далеко по ту и другую сторону дороги.

Между тѣмъ около нашихъ экипажей образовалась уже довольно значительная свита изъ арабовъ. Еще далеко

отъ пирамидъ пристали къ намъ два араба, очевидно съ намѣреніемъ быть нашими руководителями при осмотрѣ пирамидъ. Ничего не предлагая намъ, они просто бѣгутъ за нашими экипажами, несколько не отставая отъ нихъ. Съ обязанною платкомъ головою они были одѣты въ нижнюю бѣлую рубаху длинную и въ черныи плащъ, правую полу котораго старались поддерживать перекинутою чрезъ лѣвое плечо: вѣтерокъ, усиленный движеніемъ отъ бѣга, тербилъ на нихъ эту свободную одежду. Видъ этихъ арабовъ, бѣгущихъ за нашими экипажами, напомнилъ мнѣ Илію, бѣжавшаго некогда предъ колесницею Ахава. Позднѣ я видѣлъ и скороходовъ, бѣжавшихъ предъ колесницею, а не позади, но именно эти арабы, а не тѣ напомнили мнѣ почему то Илію, быть можетъ, потому, что они одѣты были въ простые костюмы, напоминающіе костюмъ пророковъ, изображаемыхъ на иконахъ. Съ трудомъ удалось нашему Махмуду убѣдить ихъ въ томъ, что они бѣгутъ напрасно. Но не успѣли еще отстать эти, какъ пристають двое болѣе молодыхъ и съ криками: „антика! антика!“ бѣгутъ рядомъ съ экипажами, не смотря на то, что мы и не думаемъ покупать ихъ антиговъ. Мальчикъ, шедшій съ дынею, бросаетъ ее и пристаётъ къ бѣгущимъ. Бѣгутъ къ шоссе и съ поля.

Мы поднимаемся взволокомъ по глубокому песку среди каменныхъ оградъ по краямъ дороги, предназначенныхъ предохранять ее отъ песчаныхъ заносовъ, но на самомъ дѣлѣ оказывающихся безсильными. На встрѣчу намъ выступала громада Хеопсовой пирамиды, заслоня другія. Мы подъѣзжаемъ къ домику, построенному Хедивомъ (для одной единственной прогулки на пирамиды принца и принцессы уэльскихъ), и попадаемъ въ густую толпу арабовъ—пожилыхъ, молодыхъ и даже мальчишекъ съ вувшинами воды. Каждый старается протиснуться ближе къ намъ, кто схватываетъ зонть, кто тянетъ за руку, кто чуть совсѣмъ не охватываетъ, чтобы вынуть изъ экипажа. Всѣ предлагаютъ услуги,—кто сводить на верхъ пирамидъ, кто внизъ, кто

въ сонинку; кто предлагаетъ для покупки антики. Гулъ кругомъ васъ невообразимый. Доселѣ дремавшая толпа ожи-вилась теперь, въ чаяніи добычи. Видя себя среди этой толпы, кричащей, жестикулирующей энергично и падвигающейся на васъ, можно легко струсить. Но сразу же можно замѣтить, что вся эта толпа находится въ подчиненіи у одного, именно шейха, высокаго, сухаго сѣдаго араба съ симпатичною и выразительною фізіономіею. Онъ сдерживаетъ ихъ и одного имени его достаточно для того, чтобы обуздать ихъ. Пока нашъ Махмудъ переговариваетъ съ шейхомъ, воспріязовжу въ памяти свои свѣденія о пирамидахъ и ихъ ближайшей окрестности.

„Царственныя могилы“ въ Египтѣ, числомъ около ста, дѣлятся на нѣсколько группъ: Гизе, Абу-Роашъ, Абу-зиръ, Саккара, Матавіѣ, Мейдумъ, называющіеся такъ по теперешнимъ сосѣднимъ съ ними деревнямъ; группа Гизе, у которой мы теперь находимся, состоитъ изъ трехъ большихъ пирамидъ: Хеопса, Хефрена и Микериноса, царей четвертой династіи египетской. О происхожденіи ихъ Геродотъ, не вполне впрочемъ подтверждаемый іероглифическими надписями, сообщаетъ приблизительно слѣдующее. Хеопсъ (Хуфу надписей) предался всякаго рода порокамъ, закрылъ храмы, запретилъ жертвоприношенія и всѣхъ поданныхъ заставилъ работать безвозмездно для себя; одни добывали камень въ арабскихъ горахъ (подъ Каиромъ), другіе переправляли его черезъ Нилъ, третьи везли далѣе къ ливійскимъ возвышенностямъ. На эти занятія обречены были 100,000 человѣкъ, смѣнявшихся каждыя три мѣсяца. Десять лѣтъ употреблено было на выломку камня въ горахъ Трои (Мокаттама на правомъ берегу Нила), на устройство каменнаго пути изъ полированныхъ плитъ съ выдолбленными на нихъ фигурами для подвозки по пескамъ матеріаловъ, и на устройство гробничаго помѣщенія, выбитаго въ скалѣ (подъ основаніемъ пирамиды). Двадцать лѣтъ употреблены были на сооруженіе самой пирамиды. Вся она была покрыта

совершенно гладкими, плотно пригнанными другъ къ другу плитами не мевѣ, чѣмъ въ тридцать футовъ. На одной изъ сторонъ было обозначено, сколько денегъ пошло на покупку рабочимъ луку, чесноку и петрушки. „Если не ошибаюсь, говоритъ Геродотъ, по словамъ толмача, прочитавшаго мнѣ надпись, сумма достигла 1,600 серебряныхъ талантовъ“,— на ваши день около двухъ съ половиною миллионъ рублей. Пирамида Хуфу носила прежде названіе Хуть, т. е. свѣточа. Теперешняя высота ея 450 футовъ, длина каждаго бока 746 ф. Въ прежнее же время, когда вершина ея не была сломана и углы ея были цѣлы, она должна была имѣть 479 ф. вертикальной высоты и 767 ф. длины бока. Масса этой пирамиды представляла 89 миллионъ кубич. футовъ камня, количество, достаточное для того, чтобы построить стѣну около трехъ сажень высоты и одиннадцати вершковъ толщины, проходящую по всей западной Европѣ отъ Лиссабона до Варшавы. Соборъ св. Петра въ Римѣ со всеми своими колоннадами и куполомъ помѣстится вполне внутри этой пирамиды. По смерти Хеопса на престолъ вступилъ непосредственно братъ его Хефренъ (Хафра надписей). Онъ одинаковымъ образомъ правилъ народомъ и тоже выстроилъ пирамиду, которая впрочемъ немного ниже Хеопсовой. Она называлась Уртъ т. е. великая. Хефрену наследовалъ сынъ Хеопса Микеряносъ (Менкавра). Онъ не руководствовался примѣрами отца и дяди: управлялъ землею кротко и справедливо, былъ почитателенъ къ богамъ и усерденъ въ служеніи имъ. Потому-то оставшіяся послѣ него памятники гораздо мевѣ двухъ первыхъ. Пирамида его Хиръ т. е. высокая.

Съ теченіемъ времени образовалось представленіе, что въ этихъ громадныхъ зданіяхъ сокрыты богатые сокровища, —представленіе, издававшее покой алчнымъ натурамъ. Но входъ въ пирамиды былъ тщательно задѣланъ. Халифъ Мамунъ, сынъ Гарунъ-ель-Рашида, первый безъ всякихъ указаній принялся наудачу пробивать каменную толщу (въ

820 г. по Р. Хр.). Лишь послѣ долгаго бесполезнаго труда удалось напасть случайно на одинъ изъ пустыхъ объемовъ пирамиды и найти въ немъ сосудъ, наполненный золотомъ; лежавшая подлѣ плита гласила, что отысканныхъ денегъ достаточно будетъ для возмѣщенія затратъ, сдѣланныхъ корыстнымъ даремъ, но что всѣ дальнѣйшія его усилія будутъ бесполезны. Денегъ дѣйствительно хватило на уплату рабочимъ, которые и были распущены. Позднѣе визирь Селлахъ-Эддина (1169—1193) бралъ изъ пирамидъ камень для каирскихъ построекъ. Преемникъ Селлахъ-Эддина, Меликъ-ель-Камиля, усиливался бесполезно въ теченіе восьми мѣсяцевъ разрушить такъ называемую красную пирамиду. „Когда смотришь на выломанныя глыбы, говоритъ Абделатъфъ, арабскій врачъ и писатель XII вѣка, то думаешь, что пирамида Менкавра разрушена до основанія; когда же взглянешь на самый памятникъ, то видишь, что онъ почти нетронутъ: только на одной сторонѣ снята часть его зеркальной одежды“. „Все боится времени, говоритъ тотъ же писатель, но время боится пирамидъ“. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Мегметъ Али едва было не опровергъ этого положенія, задумавъ пустить въ ходъ противъ пирамидъ англійскій ружейный порохъ. Лишь европейскіе друзья въвремя отговорили вице-короля, внушивъ ему опасеніе, что отъ взрыва пострадаютъ зданія столицы.—Пирамиды Гизе оканчиваютъ на сѣверѣ рядъ царскихъ могилъ, идущихъ съ юга. Волнистая возвышенность, на которой онѣ расположены, ископана какъ кладбище въ полномъ смыслѣ ямами, въ которыхъ почиваютъ подданные фараоновъ. На краю этой возвышенности, къ востоку отъ второй пирамиды средней окруженный песчаными холмами, какъ гигантскій стражъ пирамидъ, стоитъ сфинксъ. Къ востоку отъ него въ непосредственномъ съ нимъ сосѣдствѣ находится подземный храмъ.

Между тѣмъ переговоры Махмуда съ арабами были окончены; изъ нихъ я слышалъ только часто повторявшееся слово: „тарифъ“ и могъ заключать, что дѣло идетъ о платѣ

за право осмогра предметовъ. Всею компанією двинулись мы къ самому отдаленному предмету, къ храму, минуя пока пирамиды. За нами потянулась и вся значительная толпа арабовъ: каждый на перебой старался предложить себя въ особые проводники. Но по мановенію шейха толпа стала рѣдѣть, остались немногіе. Идемъ по глубокому желтому песку, едва передвигаемъ ноги. Влѣво отъ насъ небольшія постройки изъ большихъ камней: должно быть это три небольшихъ пирамиды царицъ и царевнъ семейства Хеопса. Пройдя довольно порядочное разстояніе подходимъ къ площадкѣ, ограниченной съ четырехъ сторонъ глубокою траншеею. Въ центрѣ этой площадки находится широкій и глубокой четырехугольный колодезь. Не успѣли мы подойти къ краю этого послѣдняго, какъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ арабъ быстро скрылся подъ землею въ одномъ изъ боковыхъ углубленій. Съ какою изумительною ловкостью спустился онъ внизъ, упираясь руками и ногами въ противоположныя отвѣсныя стѣны узкаго колодца. Спустившись, онъ вышелъ въ средній широкій колодезь и руками расчистилъ песокъ: глазамъ нашимъ представилась черная плита съ изображеніемъ лица и іероглифическими надписями. Подъемъ араба на верхъ былъ также удивителенъ, какъ его спускъ. Колодезь этотъ, извѣстенъ подъ именемъ гробницы Кампеля. Отсюда всею компанією, оставляя влѣво сфинксъ, двинулись къ гранитному храму.

Храмъ этотъ очищенъ былъ отъ песка, его наполнившаго, Маріеттомъ въ 1858 году. Черезъ узкій проходъ, почти засыпанный пескомъ, спускаемся внизъ. Храмъ этотъ открытъ сверху и глубоко занесенъ пескомъ; онъ имѣетъ четырехугольную форму, построенъ изъ розоваго гранита и алебастра. Сначала входимъ въ большую комнату, занимающую средину зданія. Она имѣетъ въ себѣ шесть гранитныхъ столбовъ, сложенныхъ изъ огромныхъ камней: нѣкоторые изъ послѣднихъ имѣютъ не менѣе семи съ половиною аршинъ длины. Два первые столба носятъ еще на

себѣ каменные перекладины, соединяющія ихъ съ сосѣднею стѣною. Изъ этой центральной комнаты мы переходимъ въ другія—восточную и западную; послѣдняя содержитъ въ себѣ десять столбовъ, поверхъ нѣкоторыхъ изъ коихъ есть камни, соединяющіе ихъ между собою. Въ юго-западномъ углу средней комнаты есть черная комната съ двумя рядами нишъ, расположенныхъ этажами. Есть и еще комнаты двѣ. Во всемъ зданіи нѣтъ ни одного іероглифа, ни одного изображенія, ни одного украшенія. Отдѣлка зданія въ общемъ и въ частности поражаетъ чистотою; огромные, хорошо выполированные камни, весьма искусно пригнаны одинъ къ другому. Но что это за зданіе и какому времени оно принадлежитъ? На основаніи статуй Хефрена, основателя второй пирамиды, найденныхъ въ колодцахъ въ этомъ зданіи, и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ ученые предполагаютъ, что зданіе это если не было построено, то было украшено Хефреномъ или родственниками этого царя. На первый же вопросъ, за неизмѣнимъ опредѣленнаго отвѣта со стороны ученыхъ египтологовъ, предлагаемъ отвѣтъ, внушенный практическою сообразительностью русскаго человека. Переходя изъ одной комнаты въ другую, присматриваясь ко всему и все примѣривая, нашъ спутникъ Ш. не разъ поднималъ вопросъ: что же это за зданіе? для чего построено? и не получая ни отъ кого отвѣта, порѣшилъ, что это царскій дворецъ, въ которомъ фараонъ жилъ во время лѣта, укрываясь отъ сильнаго зноя. Какъ бы въ подтвержденіе этого отвѣта нѣсколько арабовъ сидѣло и лежало, во время нашего пребыванія здѣсь, подъ тѣнію стѣнъ и въ углубленіяхъ нишъ.

Аллея сфинксовъ (дромось) вела нѣкогда отъ гранитнаго храма къ сфинксу, отстоящему отъ храма на 200 шаговъ къ сѣверо-западу. Къ сфинксу направились теперь и мы. Сфинксъ, „чудесное произведеніе боговъ“ по древней надписи, „отецъ ужаса“ (абудхолъ), „левъ ночи“ по тепе решену арабскому названію, давно уже былъ въ виду у насъ: мы его видѣли, еще подъѣзжая къ пирамидамъ, не

охотно миновали его, иди къ храму; теперь наконецъ подходимъ къ нему сначала вверхъ, а потомъ внизъ. Подъемъ, хотя и не крутой, но по глубокому песку, и палящее солнце дѣлали наше хожденіе слишкомъ утомительнымъ, и компанія наша готова была разстроиться. Лишь услужливые арабы предупредили разрывъ, подхвативъ подъ руки, наиболѣе утомившихся и сведши ихъ такимъ образомъ внизъ. Мы спустились по ступенямъ и оказались предъ невысокою оградой лицомъ къ лицу со сфинксомъ. Гигантская фигура производитъ на первыхъ порахъ какое-то подавляющее впечатлѣніе: въ виду этого гиганта и другихъ гигантскихъ произведеній—храма и пирамидъ какъ-то особенно чувствуется свое ничтожество. Но съ другой стороны мысль о томъ, что и эти гигантскія произведенія дѣло рукъ человѣческихъ, поднимаетъ сознаніе о силѣ и могуществѣ человѣка. Послѣ первыхъ минутъ, проведенныхъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, стараюсь ближе всмотрѣться въ сфинксъ. Глубокая задумчивость выражается въ чертахъ лица сомкнутыя уста скрываютъ какъ бы глубокую тайну, разгадать которую еще доселѣ не удалось и лицамъ, посвятившимъ себя ей разгадкѣ. Тѣмъ болѣе путешественнику, счастьемъ принесенному на минутное съ нимъ свиданіе, остается лишь тверже и по возможности полнѣе запечатлѣть въ своей памяти его величественный образъ.

Сфинксъ представляетъ собою фигуру льва съ человѣческой головою: левъ лежитъ лицомъ къ востоку съ вытянутыми предъ собою лапами. Онъ высѣченъ изъ цѣльной натуральной скалы. На половинѣ тѣла животнаго приходилось углубленіе въ скалѣ: оно было выравнено каменною кладкою на извести сообразно съ тѣмъ, какъ того требовалъ корпусъ животнаго. Для образованія шеи и головы воспользовались возвышеніемъ въ восточной части скалы. Голова высѣчена съ замѣчательнымъ искусствомъ. Типъ лица египетскій; волосы на головѣ убраны рядами такъ, какъ на головахъ статуй древняго Египта. Надъ бровями виденъ

остатокъ вьющагося царственнаго змѣи—уреуса. Есть слѣды красной краски, которою былъ окрашенъ сѣинксъ. Размѣры этого гиганта слѣдующіе: длина отъ когтей лапъ до начала хвоста 172 фута, высота фигуры отъ темени головы до основанія 64 ф.; длина уха 6 ф.; величина рта 7 ф. 4 дюйма; ширина лица 13 ф. 2 дюйма. Лицо сѣинкса попорчено, поврежденъ носъ, пробиты пулями волосы. Между лапами сѣинкса существовалъ прежде небольшой храмъ, составленный изъ трехъ стелъ (плитъ): одна изъ нихъ, гранитная, въ глубинѣ, прислонена была къ груди сѣинкса; двѣ другія изъ известняка составляли двѣ стороны храма,—послѣднія потомъ были похищены. Теперь видны при самомъ входѣ за перегородкою пара львовъ, каменный жертвенникъ и въ глубинѣ упомянутая выше гранитная плита. Плита эта была покрыта сверху двумя цыновками; видна была лишь нижняя попорченная часть. Между Махмудомъ и какимъ-то арабомъ изъ находившихся при сѣинксѣ завязался продолжительный и горячій разговоръ; видно было, что рѣчь шла о снятіи цыновокъ. Наконецъ цыновки были устранены и плита въ 14 фут. вышины съ изображеніями и надписью вся открылась предъ нами. На ней изображенъ царь (Тутмесъ IV), приносящій на одной сторовѣ еяміамъ, а на другой совершающій возліаніе фигурѣ сѣинкса, который несомнѣнно есть изображеніе колосса, съ бородою и другими атрибутами бога. А надпись на ней сообщала, что эта плита поставлена была здѣсь Тутмесомъ IV. Изъ нея же видно, что сѣинксъ былъ образомъ бога Хормакху, такъ сказать, „Горуса въ блестящемъ солнцѣ“ или „Горуса обоихъ горизонтовъ“. Но самый сѣинксъ уже во времена Хуфу (Хеопса), строителя первой пирамиды былъ реставрированъ и слѣдовательно высѣченъ былъ фараонами, жившими ранѣе Хуфу. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій сѣинксъ наблюдаетъ за всѣмъ, происходящимъ въ нильской долинѣ предъ его глазами. Песокъ пустыни заносилъ его, хотя несомнѣнно. И въ древ-

нее и въ новое время старались высвободить его отъ песка. И теперь мальчики нагружаютъ пескомъ небольшой вагончикъ и по желѣзнымъ рельсамъ везутъ его въ сторону. Если бы какимъ-либо чудомъ сомнутыя уста раскрылись и заговорили, сколько могли бы они сообщить изъ столь продолжительной исторіи, прошедшей предъ сѣннсомъ!

На обратномъ пути отъ сѣннкса, отдѣляясь отъ компаніи, заглядываю въ встрѣчающіеся на каждомъ шагу глубокіе каменные гробничные колодцы, которыхъ такъ много около пирамидъ. Каждый шагъ натакивалъ на что-либо новое для меня, но въ сущности очень и очень старое. Интересъ усиливался болѣе и болѣе...; а между тѣмъ мои компаньены уже ожидали меня. Съ какимъ удовольствіемъ усѣлись мы въ свои экипажи послѣ этой не долгой, но крайне утомительной прогулки. Но это была лишь половина ея. Теперь предстояло намъ осмотрѣть пирамиды.

Когда мы возвращались отъ сѣннкса, на верху большой пирамиды видна была кучка маленькихъ человѣческихъ фигуръ бѣлыхъ и черныхъ. Это были, какъ оказалось поздыѣ, англичане—одинъ пожилой и другой очень молодой—и сопровождавшіе ихъ арабы. Поступокъ англичанъ раззадорилъ меня. Какъ, думаю, быть у пирамидъ и не слазить на нихъ, не полюбоваться видами съ нихъ? И тотчасъ же вступилъ въ переговоры относительно проводниковъ. Переговоры окончились скоро и послѣ минутнаго отдыха я отправился къ большой пирамидѣ, сопровождаемый сначала двоими, а потомъ тройми арабами. По мѣрѣ приближенія пирамида разрасталась болѣе и болѣе и когда я очутился у ея подножія выросла почти въ необозримую громаду. Издали, и даже на довольно близкомъ разстояніи, пирамиды не даютъ о себѣ надлежащаго представленія. Такъ зайдѣвъ пирамиды въ первый разъ, когда мы еще ѣхали къ нимъ, я какъ будто разочаровался въ своемъ представленіи объ ихъ колоссальности: такъ невеликими оубъ мнѣ показались. Да и ходя около храма и сѣннкса, я

какъ-то искалъ въ пирамидахъ большаго, что вполнѣ нашелъ теперь у самой подошвы пирамиды: здѣсь онѣ казались скорѣе обвѣченными горами, нежели зданіями, воздвигнутыми человѣческою рукою. Восходъ на пирамиду не можетъ быть названъ особенно труднымъ. Пирамиды съуживаясь уступами вверхъ, образуетъ послѣ каждаго ряда кампей плоскости достаточныя для того, чтобы по нимъ можно было ходить. Благодаря этому подъемъ не можетъ быть опаснымъ. Но камни, образующіе эти уступы, настолько высоки, что для того чтобы подниматься съ одного ряда на другой необходимо или опираться на нихъ обѣими руками и становиться прежде колѣномъ, или же отдаваться всецѣло въ руки проводниковъ - арабовъ. Сначала я пошелъ быстро и легко, то опираясь руками на камни, то отдавая ихъ руки въ руки арабовъ, и думаю, что дошелъ бы до вершины, безъ особаго труда, если бы не позволилъ овладѣть собою другаго рода опасеніямъ. Было чрезвычайно жарко; полуденное солнце жгло немилосердно; сталъ усиливаться вѣтеръ и именно жгучій. А между тѣмъ моя голова не была достаточно защищена отъ вліянія солнца, почувствовалась даже въ ней боль, и я, опасаясь солнечнаго удара, остановилъ свое восхожденіе на половинѣ высоты пирамиды. Съ горестью посмотрѣлъ я на вершину, которая казалась недостижимою, полюбовался видомъ на растядавшуюся внизу окрестность, которая далеко была видна и отсюда, и повернулъ назадъ, еще разъ позавидовавъ англичанамъ, которые въ своихъ не проницаемыхъ для лучей солнца шлемахъ на встрѣчу мнѣ спускались съ пирамиды. При каждой моей остановкѣ на пирамидѣ арабы, мои проводники, или предлагали мнѣ купить различныя антики, вытаскивая ихъ изъ-за пазухи, или же просили бакшишъ. Они могутъ объясняться по англійски, по-итальянски, по французски и даже кое-какъ по-нѣмецки, только ни одинъ изъ нихъ ничего не знаетъ по-русски. Утомленный своею бесполезною, какъ я называю ее, попыткою и какъ бы сползнувшимъ, возвратился я къ своимъ.

Здѣсь между тѣмъ собирались идти къ той же пирамидѣ, отъ которой я вернулся, чтобы проникнуть въ ея внутренность, и, давъ мнѣ не много отдышаться отъ усталости, дѣйствительно отправились. Теперь мы шли всею своею компанією и сопровождаемые цѣлою аравою арабовъ. Я, какъ уже человѣкъ бывалый, иду впереди. При помощи арабовъ всѣ взбираемся по уступамъ саженъ на пять отъ земли къ небольшому четырехугольному отверстию, единственному входу въ темныя вѣдра пирамиды. Огромные камни обрамляютъ отверстіе. Но здѣсь произошло между нами раздѣленіе. Уже этотъ подъемъ утомилъ окончательно купцовъ, людей пожилыхъ, и они рѣшительно отказались спускаться внизъ, остановившись у отверстія. Кажется, при видѣ зіяющей пропасти, овладѣло ими и недобвѣріе къ проводникамъ: они везли съ собою значительную сумму денегъ въ Іерусалимъ.

Непроницаемая тьма самаго отверстія невольно влечетъ къ себѣ, охватываетъ чувство чего-то таинственнаго, досадѣ невѣдомаго и между тѣмъ такого, познаніе чего должно доставить давно желанное удовлетвореніе. Невольно взглядываешь внизъ и потомъ вверхъ, чтобы измѣрить возможную глубину спуска и ту громадную массу камня, которая скоро должна оказаться надъ нашими головами. Арабы, зажигая факелы и прилаживаясь къ каждому изъ насъ, чтобы потомъ удобнѣе влечь насъ, усиливаютъ впечатлѣніе торжественности минуты. Но вотъ сборы покончены: и мы втроемъ входимъ въ отверстіе.

Невысокій, вице обыкновеннаго роста человѣческаго четырехугольный каналъ идетъ сначала внизъ. Стѣны выложены удивительно плотно и чисто связанными большими плитами гранита, гладко отшлифованными. Полъ тоже гладкій, но на немъ высѣчены въ полуаршинномъ разстояніи углубленія, замѣняющія ступени,—но и онѣ большею частію сгладились отъ безпрестанной ходьбы. Если бы не под-

держивали насъ арабы, то мы скатились бы по нимъ. На известномъ разстояніи этотъ каналъ преграждается большимъ гранитнымъ камнемъ. Здѣсь пришлось уже всецѣло отдаться во власть арабовъ: часть ихъ взобралась на верхъ камня и тянула насъ вверхъ по очереди, другая, оставаясь внизу, подсаживала насъ, какъ умѣла. Крики и шумъ, сильные и прежде, здѣсь достигли наивысшей степени: арабы кричали, смѣялись, гукали и пр. Къ довершенію нашего бѣдствія жаръ, и прежде сильный, здѣсь сталъ положительно невыносимъ, почти невозможно было дышать; потъ выходилъ ручьями. Переступивъ эту преграду, мы стали подниматься подъ такимъ же угломъ (26°), подъ которымъ доселѣ спускались. Поднимались долѣе, чѣмъ спускались, и вышли на небольшую площадку. Вверху видна была восходящая высоко и длинная галлерей въ царскую комнату съ саркофагомъ изъ гранита; внизъ спускался на самое дно пирамиды глубокой колодезь; а прямо предъ нами на горизонтальной линіи шелъ въ глубь каналъ, подобный пройденнымъ нами. Въ концѣ его находится комната царицы, ничего въ себѣ не заключающая. Арабы забѣжали впередъ и освѣщали каналъ бенгальскимъ огнемъ, приглашая осмотрѣть. Но утомленіе такъ было сильно и жаръ такъ невыносимъ, что при всемъ желаніи осмотрѣть своими глазами комнату и не смотря на всѣ доводы разсудка въ пользу этого, никто изъ насъ не пошелъ на приглашеніе и мы поворотили назадъ, думая единственно о томъ, какъ бы скорѣе выбраться на свѣжій воздухъ. Путь нашъ шелъ черезъ мытарства, уже описанныя нами. Какъ пріятно было очутиться снова на свѣжемъ воздухѣ среди яркаго солнечнаго освѣщенія! Но и здѣсь было тоже не хорошо. Солнце жгло немилосердно. Вродить по песку не было возможности. И мы сразу отказались отъ мысли осматривать другія пирамиды, ограничивъ такимъ образомъ свой осмотръ и то неполный одною большою пирамидою. Съ трудомъ добрались мы до своихъ экипажей. Здѣсь окружила насъ снова вся толпа

арабовъ, присутствовавшихъ тутъ, съ настойчивыми и неотвязчивыми требованіями бакшиша: кто просилъ его за то, что тащилъ въ пирамиду; кто за то, что держалъ въ то время зонть; кто за глотокъ выпитой воды, кто за то, что шелъ рядомъ, а иной лишь потому что оказался въ то время лежащимъ въ тѣни домика, у котораго мы остановились. Давъ каждый, кому что слѣдовало по соображеніямъ, мы двинулись въ обратный путь. Нѣкоторые, изъ толпы считая себя обиденными, бѣжали въ догонку даже значительное разстояніе: конечно, не мысль о томъ, что ихъ трудъ остался вознагражденнымъ, гнала ихъ за нами, а просто сожалѣніе нѣкоторыхъ о томъ, что мы увѣжаемъ, не давъ никакого личнаго прибытка, хотя и они ничего для насъ не сдѣлали. Плата за осмотръ пирамидъ, установленная правительствомъ, идетъ въ общую кассу бедуиновъ, служащихъ проводниками у пирамидъ.

Обратный путь не былъ такъ пріятенъ, какъ путь къ пирамидамъ. Подулъ сильный вѣтеръ, раскаленный воздухъ жегъ лица. Не помогалъ и крытый экипажъ. Стала мучить сильная жажда. И хотя мы сильно проголодались, но должны были прежде всего напиться чаю. Ш. понадобилось за чѣмъ-то сходить въ городъ; но, съ его словъ, не успѣлъ онъ отворить воротъ гостиницы, какъ съ улицы устремилась въ нихъ горячая волна воздуха, оттолкнула его назадъ и едва не сожгла. „Ахъ, батюшки мои, что это за диво такое! Ну вотъ все равно, какъ паръ съ каменки“. Изъ этихъ словъ можно заключить и о томъ, что ворота, ведущія во дворы, въ такихъ случаяхъ запираются. Да и вообще въ полдень движеніе въ городъ значительно ослабѣваетъ; нѣкоторые торговцы закрываютъ на это время свои магазины.

Послѣ полудня намъ пришлось проѣхать по Каиру почти изъ конца въ конецъ отъ сѣверозапада къ юговостоку. Въ три часа дня мы отправились въ Булакскій музей, но онъ оказался закрытымъ по случаю Рамазана: вывѣщенное

на воротахъ объявленіе гласило, что музей открытъ для публики въ обыкновенное время отъ 8 до 12 часовъ до обѣда и отъ 2¹/₂ до 4¹/₂ часовъ по-полудни. Въ праздники же Рамазана онъ отъезжаетъ только утромъ. Отъ музея мы направились къ каирской цитадели (ель-Калаа). Сначала ѣхали по улицамъ новаго города, причемъ пришлось переѣзжать широкій каналъ измаильскій. За тѣмъ въѣхали въ городъ старый арабскій, причемъ пришлось ѣхать по базарамъ. Улицы тѣсны до того, что выступающіе изъ домовъ надъ дорогою рѣшетчатые балконы почти соприкасаются между собою, такъ что можно почти подавать руку изъ одного балкона въ другой. Дома высокіе въ нѣсколько этажей, но высматриваютъ старыми или худо построенными. Для защиты базарныхъ улицъ отъ солнца сверху ихъ перекинуты съ одного дома на другой полотнояые и крашеные навѣсы, что даетъ улицамъ нѣкоторую занимательность и даже живописность и дѣлаетъ сносною прогулку по нимъ въ жаркое время года. Въ иныхъ мѣстахъ поверхъ улицы съ одной стороны на другую идутъ крытыя галлерей. Лавки устроены также, какъ и описанныя нами въ Константинополѣ. По вечерамъ базары освѣщаются фонарями изъ масляной, иногда разноцвѣтной бумаги. Предъ цитаделью выѣхали мы на широкую площадь Румелие. Отсюда чрезъ узкій круто поднимающійся провѣздъ вступили въ самую крѣпость. Въ этомъ провѣздѣ 16 февраля 1811 года совершенно было избіеніе 480 вождей мамелюковъ. Задумавъ освободиться отъ мамелюковъ, Мехмедъ Али, подъ предлогомъ какого-то пиршества, пригласилъ ихъ въ крѣпость, принялъ и угостилъ самымъ радушнымъ образомъ. Но лишь только они, на обратномъ пути, вступили въ узкій проходъ, какъ ворота были заперты, картечь и пули посыпались на беззащитныхъ всадниковъ, въ полчаса времени трупы мамелюковъ и ихъ лошадей загромодили весь проходъ. Одивъ лишь знаменитый Эминъ-бей спасъ свою жизнь въ этомъ побоищѣ. Ему удалось доскакать на окровавленномъ конѣ

до самой вершины обрывистой скалы; здѣсь онъ вонзиль острыя стремена въ бока разъяреннаго коня и низвергся съ страшной высоты. Конь разбился, а онъ самъ удвѣлѣлъ и скрылся. Такъ называемый „скачекъ Мамелюка“, обрывъ немного къ сѣверу отъ вѣшнихъ воротъ, показываютъ теперь, какъ одно изъ достопримѣчательныхъ мѣстъ въ крѣпости. На пути къ крѣпости и въ самой крѣпости постоянно встрѣчаются англійскіе солдаты - пѣхотинцы и кавалеристы. Въ самой крѣпости на караулѣ стоитъ англійскій солдатъ. Подъѣзжаемъ прежде всего къ мечети построенной Мехметомъ Али.

Мечеть Мехмета Али построена по образцу стамбульскихъ мечетей съ двумя высокими минаретами, имѣющими по три галлерей. Входу въ нее предшествуетъ рядъ колоннъ. Тотчасъ же предложили намъ туфли и, замѣчательно, не требовали даже бакшиша. Мечеть очень большихъ размѣровъ, громадный куполъ съ рядомъ оконъ внизу опирается на четырехъ массивныхъ столбахъ. Ближе къ входнымъ дверямъ рядъ колоннъ образуетъ какъ бы притворъ. Въ правомъ углу его за изящною густою рѣшеткою стоитъ окрашенная въ зеленый цвѣтъ съ украшеніями разнаго рода, сдѣланными будто бы изъ чистаго золота гробница Мехмеда Али. Въ передней части мечети на небольшомъ возвышеніи на одинъ приступокъ разостланъ богатый коверъ въ ожиданіи Хедива. Сверху спускались три большія люстры съ хрустальными подвѣсками и множество другихъ лампочекъ стеклянныхъ съ вставленными въ нихъ свѣчами. Легкій вѣтерокъ, врывающійся въ растворенныя двери, приводилъ въ движеніе подвѣски и производилъ пріятный перезвонъ. Свѣта въ мечети довольно, ему благопріятствовалъ и желтоватый золотистый цвѣтъ плитъ, покрывавшихъ стѣны мечети. При нашемъ посѣщеніи мечети богомольцевъ въ ней было не много. Одинъ изъ нихъ, вытянувшись во весь свой ростъ, спалъ преспокойно на самой срединѣ мечети. Въ другомъ мѣстѣ въ дѣвомъ переднемъ углу спала цѣлая

шеренга усердныхъ богомольцевъ. Какъ бы убаюкивая спящихъ, дервиши, сидя радкомъ возлѣ стѣны противоположнаго, праваго, передняго угла, распѣвали какія-то пѣсни, кривляясь при этомъ во всѣ стороны. Ихъ лица загорѣлая, сухія и строгія, нныя почти свирѣпыя, одежда едва прикрываетъ ихъ члены. Но они не нечувствительны къ виѣшнему міру. Наши нескромныя взгляды на нихъ заставляють ихъ останавливаться, передвигаться съ мѣста на мѣсто и плотнѣе группироваться. Неслышными шагами ходимъ взадъ и впередъ по полу, устланному чистыми желтыми циновками. Служители ислама сопутствуютъ намъ, видимо стараясь удовлетворить малѣйшему вашему любопытству. Но видно также, что они зорко слѣдя за впечатлѣніемъ, какое производить на насъ осматриваемая нами мечеть, и замѣчая, что впечатлѣніе это благопріятное, обращаются къ намъ съ нѣкотораго рода довольствомъ и торжествомъ съ вопросомъ: „таибъ? таибъ?“ т. е. а что хорошо? хороши? Мы отвѣчали: таибъ и такимъ отвѣтомъ подтверждали ходячее въ Каирѣ мнѣніе о томъ, что мечеть Мехмета Али чудо въ области изящества. Особенное спасибо за свою любезность и предупредительность по отношенію къ намъ заслужилъ съ нашей стороны одинъ почтенный, уже покрытый сѣдиною старичекъ. По выходѣ изъ мечети намъ предложили воды въ расписанномъ золотомъ стаканѣ,—воды, почерпнутой изъ Іосифова колодца, къ которому мы потомъ и отправились.

Такъ называемый Іосифовъ колодезь получилъ свое имя отъ султана Селлахъ Эддинъ Юсуфа, который (въ XII вѣкѣ) очистилъ его отъ песка. Онъ высѣченъ въ скалѣ на сорокъ сажень глубины. Кругомъ его стѣночки высѣченъ въ скалѣ ходъ спиралью, по которому спускаются на дно колодезя. По своей глубинѣ колодезь дѣлится на два этажа площадкою. На этой площадкѣ быки вертятъ колесо, посредствомъ котораго вода наливается снизу и выливается въ бассейнъ, устроенный на этой площадкѣ. Изъ этого бас-

сейна посредствомъ другаго колеса, устроеннаго уже въ верхней части втораго этажа, вода выкачивается и выливается въ корыто, изъ котораго распредѣляется по различнымъ постройкамъ крѣпости. Черпаніе воды происходитъ посредствомъ уже описаннаго нами способа при помощи кувшиновъ. Отъ колодезя Іосифа переходимъ къ „мамелюкову скачку“, чтобы полюбоваться открывающимся отсюда видомъ. По словамъ знатоковъ видъ отсюда на Каиръ одинъ изъ прелестнѣйшихъ въ мірѣ. Непосредственно подъ ногами разстилается широкая площадь Румелие съ мечетью Гассана, а далѣе Каиръ. Рядъ домовъ бѣлыхъ, синихъ, красныхъ и другихъ съ плоскими крышами образуетъ какъ бы одну сплошную массу, при чемъ перерѣзывающія городъ многочисленныя, но крайне узкія улицы кажутся темными разсѣлинами. Поверхъ этой массы живописно выбѣгаютъ вверхъ изящныя тонкіе минареты многочисленныхъ мечетей и зеленыя макушки пальмъ. Линія зелени расширяется помѣрѣ приближенія города къ Нилу. Самъ Нилъ блестящею полосою течетъ среди богатой зелени и теряется въ равнинахъ Делты. По ту сторону его видно вѣскольکو дворцовъ, живописно раскинувшихся среди зелени. А еще далѣе къ западу, тамъ, гдѣ почва начинаетъ подниматься, видны желтые пески пустыни и изъ нихъ темными массами вырисовываются на горизонтѣ пирамиды Гизе, Абу-зира и Саккара. Не яркій свѣтъ утренняго свѣта освѣщаль для насъ развертывающуюся предъ глазами панораму, а болѣе и болѣе сгущавшаяся вечерняя дымка какъ бы окутывала его. Тѣмъ болѣе общій видъ города съ его окрестностями производилъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, приковывалъ къ себѣ взглядъ и заставлялъ работать мысль и воображеніе. Налюбовавшись вдоволь и стараясь глубже запечатлѣть въ памяти видѣнное, мы поѣхали назадъ изъ крѣпости.

Путь нашъ лежитъ опять чрезъ старый городъ. Тѣснота улицъ усиливаетъ толкотню на нихъ. Дивисься тому,

какъ успѣвають проскользнуть безнаказанно между экипажами, верблюдами и ослими. Впрочемъ не рѣдко, кажется, и задѣваютъ то то, то другое. Нашъ экипажъ зацѣпилъ напр. колесами за заднія ноги осла. Бѣдное животное не успѣло высвободиться, потащилось и упало. Долго не могло потомъ встать и вставши сильно захромало. Я ожидалъ было, что на насъ нападутъ по крайней мѣрѣ съ сильною бранью, но ничего подобнаго не было: должно быть подобныя явленія не рѣдкость и на нихъ не обращаютъ вниманія. Это приключеніе нѣсколько разстроило наше веселое настроеніе. Но оно скоро возвратилось, благодаря другому казусу. Съ задняго экипажа вдругъ раздался громогласный и строгій приказъ Махмуду. „Махмудъ, а Махмудъ! купи мнѣ яблоковъ и изюму, слушай, да помни!“ кричалъ во все горло Ш. Этотъ приказъ, такъ торжественно данный, размѣшилъ насъ до крайности, особенно когда мы представляли себѣ прекрасный экипажъ, въ которомъ сидѣлъ строгій повелитель. Дѣлать было нечего, Махмудъ поѣхъ покупать яблоки и изюмъ, а мы остановились. Не доѣзжая до своей гостиницы, мы остановились, по рекомендаціи Махмуда, въ какомъ-то французскомъ ресторанѣ обѣдать. Обстановка стола богатая. Только какъ будто рѣжетъ глаза несоотвѣтствіемъ глиняный кувшинъ съ высокимъ узкимъ горлышкомъ съ водою, вмѣсто обычнаго въ нашихъ столовыхъ графина. Употребленіе глиняныхъ кувшиновъ для воды вызвано жаркимъ климатомъ Египта. Кувшины для воды производятся особенно въ городѣ Кене вверхъ по Нилу и сплавляются оттуда въ нижній Египетъ особеннымъ способомъ: хрупкіе сосуды съ наглухо закупоренными горлышками связываются большими партіями и образуютъ сами по себѣ, безъ боченковъ и досокъ, плоты, которые въ полной сохранности сплавляются по теченію. Они дѣланы изъ глины съ примѣсью золы: налитая въ нихъ вода, просачиваясь слегка, испаряется на наружной поверхности и охлаждаетъ такимъ образомъ стѣнки.—Кстати

нѣсколько словъ о нильской водѣ. Въ Каирѣ жажда ужасно мучила насъ, и пили мы и чаю и сырой воды невообразимо много, и только дивились тому, какъ мы не испортили себя сырою водою. Я склоненъ приписывать послѣднее хорошему качеству нильской воды, и отчасти, пожалуй, быстрому выходу ея изъ организма посредствомъ необыкновенно сильного пота, въ которомъ мы за эти дни положительно купались. Въ первый разъ я пилъ нильскую воду въ Александріи; здѣсь она отзывалась вкусомъ застоявшейся воды. Но въ Каирѣ она показалась всѣмъ намъ необыкновенно мягкой и пріятною. Пьете и не напиваетесь, иногда даже берегетесь за кувшинъ и пьете, не чувствуя особенной жажды, просто ради пріятности вкуса. Недаромъ у туземцевъ сложилась поговорка: „Кто разъ испилъ нильской воды, тотъ непременно придетъ ее пить и въ другой разъ“.

Вечеромъ III. и я отправились въ городской садъ, оказавшійся недалеко отъ занимаемой нами гостинницы. Эзбекиѣ, такъ называется этотъ садъ, разбитъ осмиугольникомъ въ центрѣ новаго города, Измаиліи. Онъ состоитъ изъ множества полянокъ, перерѣзанныхъ аллеями, покрытыхъ зеленою бархатистою травою и усаженныхъ деревьями, которыя у насъ растутъ въ оранжереяхъ и площадкахъ. Въ центрѣ сада обширный круглый водоемъ, питаемый водою, проведенною изъ Нила. По срединѣ пруда висятъ фовари. По пруду снуютъ лодки, рѣчной велосипедъ, лодки съ клѣтками, въ которыхъ сидятъ женщины. На стѣнкахъ бассейна сидятъ арабы, опустивъ въ воду свои ноги. На аллеяхъ есть много небольшихъ фонтановъ, изъ коихъ вода проводится чрезъ капавки въ болѣе отдаленныя части сада. Пріятно прогуливаться здѣсь возлѣ воды, среди зелени и подъ тѣнію деревъ, особенно въ знойномъ Каирѣ. Какая-то особая нѣга охватываетъ васъ, развивается мечтательность, воображеніе сильнѣе дѣйствуетъ и помимо воли рисуетъ предъ сознаніемъ образы, видѣнные предъ этимъ. Садъ Эзбекиѣ любимое мѣсто прогу-

докъ для европейской части населенія Каира. Въ саду находится фотографія, ресторанъ, пивная, эстрады для музыкантовъ и др. увеселительныя учрежденія. По вечерамъ играетъ хоръ военной музыки; входъ въ садъ бесплатный; плата берется лишь за входъ за особую рѣшетку около эстрады музыкантовъ. Мы съ Ш. вошли въ садъ въ то время, когда здѣсь играла уже англійская военная музыка. Садъ былъ хорошо освѣщенъ, публики много, преимущественно въ европейскихъ костюмахъ мужчины и женщины. Но были и туземцы въ своихъ національныхъ костюмахъ, почти исключительно мужчины. Само собою понятно, что наше вниманіе привлекали къ себѣ фески, чалмы, шали, покрывающія головы, халаты разноцвѣтные—черные, синіе, желтые, бѣлые, надѣтые поверхъ бѣлой какъ свѣтъ нижней одежды, и даже простыя синія и другихъ цвѣтовъ длинныя рубахи, одніи покрывающія голое тѣло туземцевъ. Въ сторонѣ отъ главной эстрады играла другая музыка туземная и слышались веселые крики. Мы прошлись вѣсколько разъ по саду взадъ и впередъ, дѣлая общій его обзоръ, и потомъ сѣли за рѣшеткою у главной эстрады въ предпоследнемъ ряду на только что освободившіяся мѣста. Никто съ насъ при этомъ ничего не требовалъ. Но едва мы опустились на стулья, какъ предъ нами тотчасъ же какъ бы изъ земли выросъ официантъ и потребовалъ платы за мѣсто по піастру съ человѣка, указывая на какую-то надпись на спинкѣ стула; никакого билета, закрѣпляющаго за нами мѣсто, мы не получили. Пока сидите, оно ваше, а какъ только снялись съ него, оно уже свободно. Нашъ сосѣдь, при требованіи съ него платы, поднялся съ мѣста и ушелъ. Недолго мы сидѣли на своемъ мѣстѣ, хотя и знали, что, оставивъ его, лишимся его. Зрѣлище стало скоро однообразнымъ, а мы въ теченіе послѣднихъ дней привыкли къ быстро смѣняющемуся разнообразію предметовъ и впечатлѣній; стало скучно, да и сонъ напрашивался на вѣки, и мы возвратились въ гостиницу тѣмъ болѣе, что предполагено было въ общемъ совѣтѣ вставать завтра въ пять часовъ.

Θ. Покровский.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-Археологическаго Общества при Киевской Духовной Академіи.

ЗА М. МАЙ 1887 г.

4 мая было обыкновенное собраніе членовъ Церковно-Археологическаго Общества, на которомъ избранъ былъ въ почетные члены Общества Высокопреосвященный Іоаннъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, и предложенъ членомъ и секретаремъ Общества рефератъ о документахъ, относящихся къ исторіи Православнаго Богоявленскаго братства, XVII и XVIII вѣковъ.

Въ теченіи мая мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, музей и бібліотеку его поступили слѣдующія пожертвованія и отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества XXVІІІ выпускъ „Странствованій Василя Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“.

Б) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за апрѣль.

В) Отъ Тамбовской ученой архивной комиссіи XIV выпускъ „Извѣстій“ сей комиссіи, съ журнала засѣданія 10 марта и 16 апрѣля сего 1887 года.

Г) Отъ почетнаго члена, г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева: 1) Альбомъ фотографическихъ снимковъ съ древностей Сіонскаго собора въ Тифлисъ; 2) Путеводитель по Ростовскому музею церковныхъ древностей; 3) Описаніе церковной утвари и предметовъ богослужебныхъ, хранящихся въ Ростовскомъ музеѣ; 4) Описаніе рукописей Ростовскаго музея церковныхъ древностей, и 5) Описаніе собранія документовъ, принадлежащихъ сему музею.

Д) Отъ товарища предсѣдателя Общества, профессора Киевской дух. Академіи П. А. Лашкарева: часть мѣднаго вѣнчика отъ иконы, найденная при обнаруженіи древняго фундамента церкви XVII вѣкѣ на мѣстѣ новой пристройки къ главному корпусу Киевской Академіи, съ лѣвой ея стороны.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Московскаго Заиконоспасскаго монастыря архимандрита Арсенія: *Corpus inscriptionum Semiticarum ab Academia inscriptionum et litterarum humaniorum conditum atque disertum, pars prima, tomus I, fasciculi I—III, Parisiis, 1881—1885, съ тремя тетрадами таблицъ, in 4-о majori.*

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена, дворянина Ив. Касе. Суручана: 1) гравированный планъ города Иерусалима, XVI в.; 2) карта Кастальда Пиамонтеза, 1561 г.: *della seconda parte dell' Asia, со св. землей, и 3) карта Павла Фурланія Веровеза, 1566 года: La nuova et essatta descrizione del la Soria e della terra Santa. Планы и карты приобрѣтены жертвователемъ во Флоренціи.*

З) Отъ благочиннаго втораго благочинническаго округа Астраханскаго уѣзда священника Софонія Богомолова, — чрезъ члена, доцента Кіевской дух. Академіи А. А. Дмитріевскаго, мѣдная византійская монета императора Іустіана, найденная въ землѣ вмѣстѣ съ татарскими монетами.

И) Отъ благочиннаго перваго благочинническаго округа Житомирскаго уѣзда, священника Антонія Морачевича, чрезъ члена, Житомирскаго полиціймейстера Т. І. Вержбицкаго: перламутровая печать Нанкинскаго епископа Кавтана Перейры.

І) Отъ приватъ-доцента Новороссійскаго университета А. И. Маркевича, сборникъ печатныхъ изданій XVII в., in 4-о, въ коемъ заключаются: 1) „Благовѣстіе или добрая вѣсть радости въ житіи преподобнаго и богоуснаго отца нашего Іоанна Кудника“, Кіевъ, 1686 г.; 2) „Скарбница потрібная и пожитечная всему свѣту, Пресвятая Богородица Елецкая зъ великими скарбами зъ чудами своими... одъ Іоаннѣвія Галатовскаго, архимандрита Чернѣговско-Елецкаго найденная“, Новгородъ Сѣверскъ, 1676 г.; и 3) „Сиполсисъ“ Иннокентія Гизеля, Кіевъ, 1680 года.

К) Отъ смотрителя Каменецъ-Подольскаго дух. училища Н. И. Яворскаго, чрезъ члена, профессора А. А. Оленицкаго: гравированное „Описаніе св. Божія града Иерусалима“ Сямеона іеромонаха и архимандрита Иерусалимскаго, 1771 года, in 4-о.

Л) Отъ священника села Татарбуваръ, Измаиловскаго уѣзда, Бессарабской губ., Ив. Яковл. Галушко книги: 1) *Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości*, Антонія Петрушевича, Львовъ, 1848 г., 2) „Конюшій, повѣсть въ двухъ пѣсняхъ, сочиненная А. Д.“, Львовъ, 1853 г.; 3) Галицкій историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ Галицко-русской матицы“, выпускъ I—III, Львовъ, 1853—

1860 г.; 4) „Нѣсколько словъ о нравахъ общественныхъ на Руси“, Львовъ, 1860 г.; 5) „Записки второго поклонническаго путешествія зъ Рима въ Іерусалимъ и по ишимъ мѣстамъ востока“, попа Іпполита Андреева Терлецкаго, т. I, вып. 2, Львовъ, 1862 г.; 6) „Сонное видѣніе або разговоръ духовъ о польской и о русской справѣ“, М. В. Р., Львовъ, 1862 г.; 7) „Общерусскій дневникъ церковныхъ, вародныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣтъ и гаданій“ А. С. Петрушевича, Львовъ, 1865 г.; 8) „Шематизмъ провіаціи св. Спасителя чина св. Василя Великаго въ Галиціи... и короткій поглядъ на монастыри и мопашество руске“, Львовъ, 1867 г.; 9) „Шематизмъ иноковъ чина св. Василя Великаго, Угорскія области, на годъ 1870“, Унгваръ, 1869 г.; 10) „Руская Читанка для высшей гимназій, составлена А. Тороньскимъ“, Львовъ, 1868 г.; 11) „Поэзія И. Н. Гушалевица“, часть 2, Львовъ, 1879 г.; 12) „Памятка 3 мая 1848. Написано авторомъ „справы въ селѣ Клекотинѣ“, Львовъ, 1878 г.; 13) „Указатель до карты земель предъ и за Карпатами“, Алексія Щербана, Львовъ, 1880 г.; 14) „Его ц. и к. Величество Франць-Іосифъ I въ Народномъ Домѣ дня $\frac{1}{14}$ вересня 1880 г.“. А. Н. Щербана, Львовъ, 1880 г.; 15) „Хаосъ“, Недолева, Львовъ, 1880 г.; 16) „Галицкіи отголосы,—Стихотворенія И. Н. Гушалевица, Львовъ, 1881 г.; 17) „Владислава Ивана Федоровича гадки, пздавъ Ъвлоусъ. Коломыя, 1883“. 8-о.

М) Отъ священника села Чичеркозова, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., Ан. Николаевича—Эльбингскій полторакъ шведскаго короля Густава Адольфа.

Н) Отъ В. Горшенка: 1) большой мѣдный крестъ; 2) образокъ мѣдный сп. Никлая Можайскаго; 3) образокъ мѣдный св. Троицы; 4) гравированное на мѣдной доскѣ изображеніе Богоматери съ Богомладенцемъ, а на оборотѣ—Спасителя. Гравироваль Г.

О) Отъ Н. Вл. Стороженка—30 мѣдныхъ монетъ японскихъ, турецкихъ, сербскихъ, русскихъ, польскихъ и западноевропейскихъ XVIII и нынѣшняго столѣтій.

П) Отъ В. И. Гошкевича—серебряный чешскій грошъ, найденный въ Каневскомъ уѣздѣ.

Секретарь Общества *Н. Петровъ*.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

по

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе¹).

II.

О церкви, какъ посредницѣ въ освященіи человѣка.

§ 116.

Общая замѣчанія о значеніи и необходимости въ дѣлѣ освященія церкви, и переходъ къ ученію о ней.

Итакъ для освященія человѣка безусловно необходимы какъ божественная благодать Св. Духа со стороны Бога, такъ и вѣра со стороны самаго человѣка, и притомъ вѣра истинная и живая. Но спрашивается, какимъ же образомъ человѣкъ можетъ сподобляться благодати Божіей, или что тоже, какимъ образомъ имѣла сообщаться ему благодать, совершенно ли внутренно и независимо отъ всякихъ внѣшнихъ, видимыхъ средствъ, или же наоборотъ въ своего рода зависимости отъ нихъ, или въ связи съ ними? А съ другой стороны какимъ образомъ въ душѣ человѣка можетъ возникнуть, созрѣть и привести свой плодъ вѣра? Достаточно ли здѣсь одной собственной внутренней работы со стороны человѣка, или необходимы здѣсь и внѣшнія, стороннія пособія и руководство? На вопросъ первый мы находимъ болѣе всего умѣстнымъ отвѣтить слѣдующими весьма простыми и вмѣстѣ выразительными словами *св. Иоанна Златоуста*: „если бы ты былъ безтѣлесенъ,

¹) См. Труды Киев. Дух. Акад., июнь, 1887 г.

Труды Киев. Дух. Акад. Т. II. 1887 г.

то Богъ преподаваъ бы тебѣ дары Свои въ ихъ наготѣ; но поелику душа наша соединена съ тѣломъ, то и подаются тебѣ дары сіи въ чувственныхъ видахъ⁴⁾). По поводу же втораго считаемъ достаточнымъ привести на память слѣдующія слова ап. Павла: *како убо призвуть, въ Него же не вѣроваша; какоже увѣрують, Его же не услышаша; какоже услышатъ безъ проповѣдующаго* (Рим. 10, 14)?

Но важнѣе всего здѣсь то, что именно признавъ въ семъ случаѣ нужнымъ для спасаемыхъ людей пришедшій ихъ спасти Самъ Исусъ Христосъ. Христосъ же, какъ мы знаемъ, хотя ясно и прямо училъ о томъ, что, по Его прославленіи, всѣ въ Него вѣрующіе имѣютъ изобильно сподобиться Св. Духа (Іоан. 7, 39), но въ то же время Онъ обѣтовалъ ниспослать (Іоан. 16, 7) и на самомъ дѣлѣ въ день пятидесятницы ниспослалъ Его вначалѣ на однихъ только Апостоловъ (Дѣян. 2, 1—4). А это въ свою очередь сдѣлано Имъ было съ тою цѣлю, чтобы Апостолы сами первыми исполнившись Св. Духа вмѣстѣ съ симъ послужили органами и посредниками въ низведеніи Его и на остальныхъ вѣрующихъ, почему между прочимъ имъ однимъ дано было Спасителемъ и право совершать тѣ священнодѣйствія или таинства, чезъ которыя имѣла вѣрующимъ сообщаться благодать св. Духа; какъ напр. крещеніе (Мате. 28, 19) и помазаніе (Іоан. 20, 22 и 23). Христосъ же хотя училъ, что, когда обѣщаемый Апостоламъ Духъ Святый придетъ, то наставить ихъ на всякую истину (Іоан. 16, 13), и что подобнымъ образомъ, конечно, будутъ наставляемы и другіе вѣрующіе, сподобившіеся Его причастія (Іоан. 7, 37 и 38), но въ то же время въ теченіе всего Своего земнаго служенія непрерывно и даже предпочтительно предъ другими поучалъ апостоловъ тайнамъ царствія Божія (Лук. 6, 10), а по Своемъ воскресеніи далъ имъ Свою положительную заповѣдь, чтобы они и всѣ народы научили тому, чему Онъ Самъ ихъ научилъ, и что

⁴⁾ Бесѣд. на Мате. 83.

имъ заповѣдалъ (Мат. 28, 19), чѣмъ ясно показавъ, какъ важно и необходимо въ дѣлѣ вѣры видимое учительство и руководство.

Но мало того, что Иисусъ Хрисосъ въ самомъ началѣ такой установилъ въ освященіи людей порядокъ, чтобы сему великому дѣлу стали посредниками Апостолы, явившіеся строителями таинъ Божіихъ, а также учителями и руководителями вѣрующихъ,—въ Его прямыхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ было—и навсегда этотъ порядокъ поддержать и сохранить, что совершенно ясно изъ того, что Онъ обѣщая Апостоламъ дать нѣаго Утѣшителя, т. е. Св. Духа, къ этому присовокупилъ: *да будетъ съ вами въ вѣкъ* (Іоан. 14 16), а также изъ того, что, преподавъ имъ заповѣдь о наученіи и крещеніи всѣхъ народовъ, вмѣстѣ съ симъ обѣщавъ имъ: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20).

А такъ какъ это, при настоящихъ условіяхъ земнаго существованія, не иначе могло осуществиться, какъ только чрезъ непрерывную и послѣдовательную передачу власти и средствъ освященія отъ Апостоловъ къ ихъ ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ пріемникамъ; то Христосъ, какъ извѣстно, основалъ изъ вѣрующихъ въ Него Свое особое общество или церковь, и основалъ съ тою именно цѣлію, чтобы оно, начавъ съ Апостоловъ, существовало до скончанія вѣковъ, и чтобы въ немъ до скончанія вѣковъ неоскудно и непрерывно существовали, какъ богоучрежденные органы и посредники для освященія людей, такъ и самыя освящающія средства.

Послѣ же сего само собою понятно, что не можетъ и не должно быть и рѣчи о возможности освященія челоуѣка внѣ богоучрежденнаго видимаго посредничества и посредствованія, или что то же, внѣ видимой, для такого именно посредствованія учрежденной Христомъ Его церкви, къ ученію о которой мы и переходимъ.

Откровенное учение о церкви.

§ 117.

Учение Самого Иисуса Христа.

Начнемъ съ ученія о церкви Самого Основателя ея, Иисуса Христа. Свою волю о ней Онъ прежде всего прямо и ясно выразилъ въ слѣдующихъ своихъ, обращенныхъ какъ ко всѣмъ апостоламъ, такъ въ особенности къ исповѣдавшему Его отъ лица всѣхъ апостоловъ Сыномъ Бога живаго Петру, многозначительныхъ словахъ: *созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небснаго, и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небсехъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небсехъ* (Мат. 16, 18 и 19). Спустя же не много послѣ того, какъ это сказано было, Христосъ, по поводу рѣчи Своей о согрѣшающемъ братѣ, опять напомнилъ апостоламъ о церкви и именно напомнилъ о ней, какъ о такомъ высшемъ духовно-нравственномъ судилищѣ, къ которому нужно будетъ обращаться послѣ безуспѣшности одноличныхъ и при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ увѣщаній согрѣшающаго брата, и котораго если послѣдній не послушаетъ, то долженъ быть уже признаваемъ какъ язычникъ и мытарь. А вслѣдъ за симъ, обратясь къ самимъ апостоламъ, которымъ имѣла быть дана власть подобнаго суда, Онъ сказалъ всѣмъ имъ, какъ прежде одному Петру, слѣдующее: *аминь бо маюлю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небсехъ* (Мат. 18, 18).

Изъ приведенныхъ мѣстъ совершенно ясно, что Иисусомъ Христомъ неизмѣнно положено было создать на землѣ Свою церковь, или такого рода церковь, которая бы состояла изъ вѣрующихъ въ Него, подобно ап. Петру, какъ въ Сына Бога живаго, съ тѣмъ, чтобы она не смотря ни на какія вражескія дѣйствія существовала непрерывно до скончанія вѣковъ. Отсюда также ясно и то, что назначеніе имѣющей быть созданною Христомъ церкви должно было

состоять не въ чемъ либо иномъ, какъ въ томъ, чтобы людей чрезъ вѣру и духовно-правственное преспѣваніе приготовить къ небу, и приводить въ царство небесное. Наконецъ не трудно видѣть отсюда и то, что посредниками и руководителями въ самъ важномъ дѣлѣ предназначались Христомъ не иныя какія либо лица, а одни апостолы, имѣвшіе быть облеченными властію вязать и разрѣшать и правомъ пользованія средствами, ведущими въ царство небесное.

Между тѣмъ это же самое Іисусъ Христосъ еще яснѣе и нагляднѣе выразилъ въ Своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, касающихся основанія и устройства Его церкви.

Такъ Онъ Самъ, будучи небеснымъ учителемъ и приобрѣвши чрезъ Свое ученіе немалое число послѣдователей, этою же божественною властію, учительства, какъ мы знаемъ, облекъ и избранныхъ Имъ изъ среды ихъ апостоловъ, которыхъ посылая на всемірную проповѣдь, между прочимъ сказавъ имъ: *яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. 20, 21), *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли, шедше убо научите вся языки* (Мат. 28, 18 и 19). А это, понятно, было Имъ сдѣлано не для чего инаго, какъ для того, чтобы чрезъ это умножилось число вѣрующихъ въ Него, а вмѣстѣ съ симъ умножилось и число членовъ основанной Имъ церкви.

Далѣе, Іисусъ Христосъ, Самъ будучи великимъ первосвященникомъ (Евр. 4, 14), этою же властію священства облекъ и апостоловъ (Іоан. 20, 22), преподавъ имъ право и обязанность совершать между другими установленными Имъ священнодѣйствіями таинство крещенія (Мат. 28, 19) и евхаристіи (Лук. 22, 19), изъ коихъ первое имѣло вѣрующихъ возрождать и вводить въ царствіе Божіе (Іоан. 3, 5), а второе имѣло ихъ сподоблять причастія и внутренняго единенія съ самимъ царемъ этого царства, Іисусомъ Христомъ (Іоан. 6, 56). Слѣдствіемъ же сего должно было быть то, что вѣрующіе, провинаясь и объединяясь одною ду-

ховно-благодатною силою и жизнью, естественно должны были совместно съ симъ, становиться и живыми членами одного и того же духовно-благодатнаго царства Христова или его церкви. Наконецъ Иисусъ Христосъ Самъ, будучи пастыремъ добрымъ, душу свою полагающимъ за овецъ (Иоан. 10, 11), этою же властію пастырства облекъ и апостоловъ, преподавъ имъ заповѣдь блюсти, чтобы ни одинъ изъ вѣрующихъ не погибъ, и потому согрѣшающаго брата дотогѣ терпѣливо и снисходительно вразумлять, пова онъ, ничѣмъ не вразумляясь, не послушаетъ и самой церкви (Мат. 18, 10—17). А естественнымъ слѣдствіемъ всего должно было быть то, что находящіеся подъ духовно-нравственнымъ наблюденіемъ апостоловъ вѣрующіе должны были образовать и собою представлять такого рода единство, лучшимъ символомъ котораго можетъ служить единство стада, находящагося подъ наблюденіемъ добраго пастыря.

Между тѣмъ передавая такого рода власть и распоряженія апостоламъ, Иисусъ Христосъ вмѣстѣ съ симъ ясно выразилъ и ту Свою волю, чтобы все это сохранилось и продлилось до скончанія вѣка; такъ какъ Онъ имъ относительно вмѣющаго пріити Св. Духа обѣщалъ: *да будетъ съ вами въ вѣкъ* (Иоан. 14, 16) а относительно Себя: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20), и кромѣ того о Своей церкви прямо сказалъ, что и *врата адава не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18). А потому съ несомнѣностію должно полагать, что Онъ вмѣстѣ съ властію учительства, священничества и пастырства передалъ апостоламъ и полномочіе на непрерывную передачу этой власти ихъ пріемникамъ, что, какъ вскорѣ изъ практики и ученія апостоловъ увидимъ, и на самомъ дѣлѣ совершалось, и совершалось, конечно, не почему либо иному, какъ только по данному имъ на сіе распоряженію Христову.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ ученію апостольскому о церкви, считаемъ не лишнимъ отыскать въ ученіи Христовомъ отвѣтъ на умѣстный здѣсь вопросъ: гдѣ по мысли

Основателя церкви должно было заключаться высшее средоточіе той власти, какая Имъ была преподана всѣмъ апостоламъ, что могло оказаться весьма не маловажнымъ особенно при значительномъ распространеніи церкви?

На это прежде всего замѣтимъ, что хотя Христосъ передалъ видимую власть надъ церковію апостоламъ, но въ тоже время Онъ совершенно ясно далъ имъ знать, что невидимымъ правителемъ церкви не перестанетъ быть Самъ; такъ какъ Самъ общалъ съ ними и, конечно, съ ихъ преемниками, пребыть до сканчанія вѣка (Мат. 28, 20), а также училъ, что Ему, какъ пастырю доброму, надлежитъ привести во дворъ овчій и тѣхъ овецъ, которыя не суть отъ двора сего (т. е. не изъ израильскаго народа), чтобы было едино стадо и одинъ пастырь (Іоан. 10, 16). За симъ мы должны прямо сказать, что Христосъ ни одному изъ апостоловъ не преподавалъ преимущественной власти сравнительно съ другими, а напротивъ прямо всѣхъ ихъ отклонялъ отъ подобной мысли. Такъ когда мать Іакова и Іоанна сыновъ Заведовыхъ обратилась къ нему съ просьбою о томъ, чтобы въ царствіи Своемъ дать имъ подлѣ Себя предпочтительно предъ другими апостолами мѣсто, Онъ на это вотъ чѣмъ отвѣчалъ всѣмъ своимъ апостоламъ: *вѣсте, яко князи языхъ господствуютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ; но иже аще хоцетъ въ васъ влчшій быти, да будетъ вамъ слуга, и иже аще хоцетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ* (Мат. 20—27). Если же однажды Исусъ Христосъ по поводу исповѣданія ап. Петромъ Его Сыномъ Бога живаго, повидимому ему только одному общалъ власть въ церкви въ слѣдующихъ Своихъ словахъ: *и дамъ ти ключи царства небеснаго, и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесахъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ*, (Мат. 16, 19); то при этомъ не нужно опускать изъ виду того, что Онъ, спустя нѣкоторое время, когда велъ Свою бесѣду о согрѣшающемъ братѣ, эту же самую власть безъ всякихъ ограниченій общалъ и всѣмъ апостоламъ, сказавъ имъ

слѣдующее: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ* (Мат. 18, 18)¹⁾. Кроме того, когда Иисусъ Христосъ, по Своемъ воскресеніи, на самомъ дѣлѣ преподавалъ власть надъ своею церковію, какою прежде только обѣщалъ дать, преподавалъ ее всѣмъ имъ совершенно одинаково и равно. Такъ какъ всѣмъ имъ совместно Онъ сказалъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли; шедше убо научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 18—20); *якоже посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы, и сіе рекъ, дуну и вложилъ имъ: примите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 21—23).

Между тѣмъ, тогда какъ Христосъ всѣмъ апостоламъ преподавалъ совершенно одинаковую власть пастырства въ церкви, Онъ не оставилъ ихъ безъ указанія и на то, гдѣ могла и должна была, когда бы оказалось нужнымъ, находить для себя высшее средоточіе и объединяющее начало эта ихъ въ отдѣльности и поровнь существующая власть. Такъ Онъ, преподавая имъ наставленія, какъ поступать съ согрѣшающимъ братомъ, училъ, что въ семъ случаѣ прежде всего нужно его обличить или вразумить наединѣ съ собою, когда же это останется безъ дѣйствія на него, тогда то же самое нужно сдѣлать при одномъ или двухъ свидѣтеляхъ,

---

¹⁾ Нѣкоторыя, какъ извѣстно, видятъ еще дарованіе ап. Петру преимущественной власти въ троекратномъ порученіи ему Спасителемъ пасти овецъ и агнцевъ (Іоан. 21, 15—17). Но власть, данная въ семъ случаѣ Петру, была тою же властію, какою преподаана была въ отношеніи къ вѣрующимъ и прочимъ апостоламъ (Мат. 18, 10—18; Іоан. 20, 23). Между тѣмъ нельзя здѣсь не примѣтить еще того, что троекратное порученіе Петру власти пастырства, сопровождаемое троекратнымъ вопросомъ Спасителя, любитъ ли онъ Его, стояло во внутренней связи съ его троекратнымъ отреченіемъ; а потому въ этомъ порученіи скорѣе нужно видѣть возстановленіе ап. Петра въ правахъ равныхъ съ правами прочихъ апостоловъ, чѣмъ возвышеніе въ семъ случаѣ предъ ними. Такъ повидя и самъ Петръ, о которомъ замѣчено, что онъ *оскорбѣ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя* (Іоан. 21, 17).

а когда и это окажется недѣйствительнымъ, тогда нужно обратиться уже къ церкви, если же согрѣшающій братъ и церкви не послушаетъ, то послѣ сего онъ долженъ считаться уже мытаремъ и язычникомъ. Кого же въ семъ случаѣ Христосъ разумѣлъ подъ церковью, долженствовавшюю составлять въ отношеніи къ согрѣшающимъ братьямъ высшее и послѣднее судилище? Конечно тѣхъ, которые имѣли власть представительства и суда въ церкви. Если же принять во вниманіе, что Христосъ, указавъ на церковь, какъ на высшее для людей судилище, вслѣдъ за симъ обратился ко всѣмъ апостоламъ, и сказалъ имъ: *аминь бо глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесахъ* (Мат. 18, 18), то совершенно ясно будетъ, что Онъ здѣсь по преимуществу разумѣлъ самихъ же всѣхъ въ совокупности взятыхъ апостоловъ, которымъ между прочимъ имѣла быть дана власть вязать и разрѣшать. Совокупный, слѣдотательно, или соборный голосъ и судъ всѣхъ апостоловъ—вотъ то, что по мысли Иисуса Христа могло и должно было служить высшимъ средоточнымъ и объединяющимъ началомъ, при одинаковой власти каждаго въ отдѣльности изъ апостоловъ по управленію Его церковью.

§ 118.

Ученіе апостоловъ.

Что такъ именно, а не иначе понимали всѣ означенныя распоряженія Христовы относительно церкви и сами апостолы, это совершенно ясно видно какъ изъ ихъ, относящихся къ устройству церкви, дѣйствій, такъ и изъ ихъ ученія, напоминающаго и поясняющаго сіи дѣйствія.

Такъ они, послѣ низшествія на нихъ Св. Духа и облеченія силою свыше (Дѣян. 2, 4, Лук. 24, 49), стали, согласно съ заповѣдію Спасителя, учить, начавъ съ Іерусалима, всѣ народы (Мат. 28, 19; Марк. 16, 20), и это учительство свое

призывали Своею исключительною, отъ Самого Бога возложенною на нихъ, обязанностію, почему, когда со стороны тогдашнихъ властей встрѣчали себя противодѣйствіе, такъ имъ говорили: „судите сами, справедливо ли предъ Богомъ вась слушать болѣе, нежели Бога“ (Дѣян. 4, 18 и 19; 5, 29. 38 и 41).

Вмѣстѣ съ симъ апостолы, для сподобленія вѣрующихъ благодати Св. Духа, совершали крещеніе (Дѣян. 2, 41; 19, 5), руковожденіе (или миропомазаніе) (Дѣян. 8, 17; 19, 6), а также евхаристію (Дѣян. 2, 42; 20 7), и право совершать сіи таинства опять почитали своимъ исключительнымъ и богодарованнымъ правомъ, что между прочимъ видно изъ того, что тогда какъ они, по своему благоусмотрѣнію, однимъ изъ вѣрующихъ напр. Филиппу діакону (Дѣян. 8, 12), предоставляли, при извѣстныхъ условіяхъ, вѣкоторое участіе въ этомъ правѣ, другимъ наоборотъ, какъ напр. Симону волхву (Дѣян. 8, 19—27), не смотря на ихъ желаніе, вовсе въ этомъ отказывали.

Уча же и совершая таинства, и чрезъ это соединяя вѣрующихъ въ одно внутренне объединенное духовно-нравственное и благодатное общество (Дѣян. 4, 32), апостолы этимъ не ограничивали своихъ къ нимъ отношеній, а еще почитали своимъ правомъ и обязанностію и по вступленіи ихъ въ церковь, непрерывно блюсти за ихъ нравственнымъ преспѣваніемъ, въ каковыхъ цѣляхъ они обращали свое неусыпное вниманіе на всѣ ихъ духовныя нужды, для ознакомленія съ которыми предпринимали частыя путешествія (Дѣян. 9, 32; 15, 36), и на нихъ всегда отвѣчали то словомъ своего наставленія (Дѣян. 11, 26; 14, 22), то соответствующими пастырскими распоряженіями (Дѣян. 15, 4—23; 2, 42, 46), то иногда вслучаѣ крайности, и строгими, но всегда влоняющимися ко благу вѣрующихъ мѣрами (Дѣян. 4, 35—37; 5, 1—12).

Между тѣмъ апостолы не сами только пользовались богодарованною имъ властію учительства, священничества

и пастырства, а передавали ее и другимъ изъ избраннѣйшихъ своихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы они непрерывно продолжали существовать въ церкви, вмѣстѣ съ симъ непрерывно продолжая и самое дѣло освященія людей. Такъ, когда въ Листрѣ, Иконіи и Антиохіи умножилось число вѣрующіихъ, апостолы Павелъ и Варнава поставили имъ въ каждой церкви пресвитеровъ, или особеннѣйшихъ, облеченныхъ подобно имъ, преимущественными правами въ церкви лицъ, что видно какъ изъ того, что они поставлены были на дѣло служенія церкви чрезъ особое молитвенное руковожденіе (Дѣян. 14, 23), какого не удостоивались прочіе вѣрующіе, такъ и изъ того, что съ симъ дѣйствительно соединялись преподаваемые имъ преимущественнѣйшія права и обязанности въ церкви, какъ это съ особенною силою выразилъ самъ же апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ своей прощальной бесѣды съ пресвитерами ефесской церкви: *внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пастыи церквозъ Господа и Бога, юже стяжа кровію своею* (Дѣян. 20, 28). Кромѣ того тотъ же апостолъ Павелъ, какъ извѣстно, не только самъ поставлялъ для церкви пресвитеровъ, но это же самое уполномочивалъ дѣлать и другимъ избраннѣйшимъ въ церкви лицамъ, что видно изъ даннаго имъ полномочія Титу поставить по всѣмъ городамъ въ Критѣ пресвитеровъ (Тит. 1, 5), а также даннаго Тимоѳею наставленія—*руки скоро не возлазятъ ни на коюже* (1 Тим. 5, 22). Между тѣмъ въ церкви же апостольской еще установлены были и другія священныя лица: это, подобно пресвитерамъ, избранные и чрезъ молитвенное рукоположеніе посвященные діаконы (Дѣян. 6, 3—6), которыхъ обязанностию было служить при общихъ трапезахъ, и какъ должно думать, при соединявшейся тогда съ ними трапезѣ Господней, и которымъ кромѣ того дозволялось проповѣдывать евангеліе и крестить увѣровавшихъ (Дѣян. 8, 12).

Наконецъ апостолы въ своей пастырской практикѣ дали своимъ преемникамъ и примѣръ того, къ какому нужно обращаться высшему авторитетному голосу или суду, когда представлялась бы въ этомъ, по важности дѣла, касающихся церкви, надобность. Примѣръ для сего данъ ими въ созванномъ имп, по поводу возникшихъ въ Антиохіи важныхъ относительно обрядоваго закона недоумѣній, въ Іерусалимѣ соборѣ, на которомъ всѣ они, послѣ надлежащаго обсужденія, единодушно рѣшили, что не нужно обижать христіанъ изъ язычниковъ къ соблюденію обрядоваго закона (Дѣян. 15, 6—23), и это свое рѣшеніе признали законообязательнымъ для всей церкви (Дѣян. 16, 4).

Но обратимся къ самому ученію апостольскому о церкви.

По апостолу Павлу, хотя Іисусъ Христосъ есть единственная и истинная глава церкви, которая внутренно и неразлучно съ нею соединена, и всегда своею духовно-благодатною жизнію проникаетъ, оживляетъ и возвращаетъ ее, какъ свое собственное тѣло (Еф. 1, 22; 5, 23 Колос. 2, 19), но тѣмъ не менѣе Онъ для церкви *далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова, дондеже вси достигнемъ въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 11—13). Т. е. подобно тому какъ Христосъ поставлялъ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ, поставилъ пастырей и учителей. Для чего же? Для того, чтобы они были посредствующими органами или служили той высокой цѣли, къ какой Онъ направляетъ свою церковь, пребывая ея невидимую главою, а именно къ совершенію святыхъ, для дѣла служенія и созиданія тѣла Христова. Насколько же долго должно продолжиться такое ихъ служеніе церкви? Оно должно продолжиться до тѣхъ поръ, пока всѣ не придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста

Христовъ, или что тоже до скончанія вѣковъ, пока будутъ существовать на землѣ люди, и будутъ нуждаться въ воспитаніи для познанія Сына Божія и воображенія Его въ своей жизни (Гал. 4, 19).

Если же по ап. Павлу, Иисусъ Христосъ поставилъ въ церкви кромѣ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ, и пастырей и учителей и притомъ поставилъ съ тѣмъ, чтобы они продолжали существовать въ ней до скончанія вѣковъ, служа ея высшимъ цѣлямъ, то ясно, что онъ настолько признавалъ ихъ необходимыми для церкви, что по Его мысли безъ нихъ совершенно не могло бы достигаться ея назначеніе, и сама она существовать не могла бы. Вмѣстѣ же съ симъ совершенно ясно отсюда и то, что никакое другое учительство или пастырство, кромѣ Имъ Самимъ учрежденнаго въ церкви не могло и не можетъ никого привести къ тому, къ чему должна приводить Его церковь.

Первый изъ выше приведеннаго мѣста въ пользу безусловной необходимости іерархіи въ церкви выводъ самъ же апостолъ Павелъ въ другихъ своихъ посланіяхъ подтверждаетъ и поясняетъ слѣдующими замѣчательными разсужденіями: „какъ въ одномъ тѣлѣ, говоритъ онъ, у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже дѣло; такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. И какъ по данной намъ благодати имѣемъ различныя дарованія, то имѣешь ли пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры; имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли, въ ученіи; увѣщатель ли, увѣщевай: раздаватель ли, раздавай; начальникъ ли, начальствуй съ усердіемъ (Рим. 12, 4—8). Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе? Но Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ ему было угодно. А если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ не надобна; или также голова прочимъ: вы мнѣ не нужны... Иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во первыхъ апостолами,

во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями далѣе инымъ далъ силы чудодѣйственныя... Всѣ ли апостолы, всѣ ли пророки, всѣ ли учителя, всѣ ли чудотворцы* (1 Кор. 12, 15—25)?

Тотъ же апостолъ съ такою же ясностію и силою подтверждаетъ и тотъ изъ вышеприведеннаго мѣста выводъ, что не только необходима въ церкви іерархія, но и необходима именно богоучрежденная іерерхія.

Такъ, касаясь необходимаго въ церкви учительства, онъ между прочимъ говоритъ: *какъ призываютъ, въ Нею же не вѣроваши; какъ же усвѣряютъ, Ею же не услышиши; какъ же услышатъ безъ проповѣдующаго; какъ же проповѣдятъ, аще не послани будутъ* (Рим. 10, 14 15), чѣмъ ясно показываетъ, что истинное учительство необходимо должно быть соединено съ божественнымъ посланничествомъ подобно тому, какъ и самъ онъ, совмѣстно съ другими апостолами, потому проповѣдывалъ, что на то призванъ и посланъ былъ Самимъ Христомъ (1 Кор. 1, 17; 9, 16), почему и проповѣдывалъ не себя (какъ поступали не призванные учителя), но Христа Иисуса Господа (2 Кор. 4, 5).

Такою же точно мысль ясно высказалъ ап. Павелъ и о необходимомъ для церкви священствѣ, когда прямо и безъ всякихъ ограниченій такъ о семъ выразился: *никтоже самъ себя приѣмлетъ честь, но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евф. 5, 4).

Такихъ же, конечно, мыслей былъ ап. Павелъ и относительно учрежденнаго въ церкви и соединеннаго съ учительствомъ и священничествомъ пастырства, что между прочимъ подтверждается и тѣмъ, что онъ, какъ мы уже видѣли, поставленіе ефесскихъ пастырей для пасенія стада Христова прямо приписывалъ Св. Духу (Дѣян. 20, 28). Между тѣмъ это самое подтверждаетъ и ап. Петръ, который преподавая пастырямъ наставленія, чтобы проходить свое служеніе богоугодно, и указывая имъ на Иисуса Христа, какъ на пастыреначальника, которому они должны будутъ

дать отчетъ (1 Петр. 5, 2—4), вѣтъ самымъ необходимо предполагаетъ, что они должны были быть и на самомъ дѣлѣ были призваны къ своему высокому служенію отъ имени Христова и во имя Христово.

Какимъ же образомъ, по ученію апостольскому, имѣло опредѣляться особеннѣйшее, божественное поставленіе на служеніе въ церкви іерархическихъ лицъ? Отвѣтъ на это находимъ въ посланіяхъ ап. Павла къ Тимооею и Титу. Въ своемъ первомъ посланіи къ Тимооею онъ пишетъ: *не ради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества* (1 Тим. 4, 14) и во второмъ посланіи: *вспоминаю тебѣ воззрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку мою* (2 Тим. 1, 6). Здѣсь ясно говорится о томъ, что Тимооею, поставленному быть пастыремъ ефесской церкви было сообщено особенное божественное дарованіе, и сообщено было именно пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества, или рукъ Павловыхъ. Между тѣмъ апостолъ же Павелъ въ первомъ посланіи къ Тимооею, изобразивши тѣ высокія нравственныя качества, которыми должны отличаться имъ самимъ поставляемыя для служенія въ церкви іерархическія лица (Тим. 3, 2—15), такое даетъ ему наставленіе: *руки скоро не возлагай ни на коюже* (1 Тим. 5, 22), подъ каковымъ руковоложеніемъ апостолъ, конечно, разумѣлъ похожее на то, чрезъ которое самому Тимооею сообщено было особенное дарованіе Божіе. Значить, по апостолу Павлу, руковоложеніе священническое, совершаемое надъ іерархическими лицами, и должно было быть тѣмъ, что имѣло свидѣтельствовать о Богопоставляемости ихъ на особенныя служенія въ церкви, а также сообщать божественную благодать для благоуспѣшнаго выполненія сихъ служеній. Конечно, апостолъ эту самую мысль о поставленіи іерархическихъ лицъ въ церкви имѣлъ, когда и Титу, вмѣстѣ съ изображеніемъ того, какимъ долженъ быть истинный служитель церкви, преподавъ заповѣдь поставить въ Критѣ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ (Тит. 1, 5—9).

Гдѣ же, по мысли ап. Павла, должна была сосредоточиваться и сохраняться власть поставленія чрезъ руковожденіе іерархическихъ лицъ въ церкви, каковое непрерывно должно было продолжиться, такъ какъ эти условливалось непрерывное существованіе самой церкви съ непремѣннымъ сохраненіемъ въ ней ученія и всего того, что было дано ей отъ Христа и апостоловъ? Изъ тѣхъ правъ и обязанностей, какія ап. Павломъ были преподаны Тимоѳею и Титу видно, что, по мысли апостола, означенная власть въ церкви должна была сосредоточиваться не въ комъ иномъ, какъ въ іерархическихъ лицахъ, подобныхъ Тимоѳею и Титу; такъ какъ послѣднимъ дана была власть не только самимъ пользоваться іерархическими правами въ церкви, но и передавать ихъ чрезъ рукоположеніе въ извѣстной мѣрѣ и другимъ, не только самимъ учить, но и другимъ предоставлять таковое право, съ наблюденіемъ за усердіемъ (1 Тим. 5, 17), и чистотою ученія послѣднихъ (Тим. 1, 9), и вообще имъ преподана была полная и всецѣлая власть во вѣрренныхъ имъ церквахъ съ обязанностию со тщаніемъ блюсти все касающееся того, *како подобаетъ въ дому Божію жити, яже есть церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истинны* (1 Тим. 3, 15).

Въ какомъ, наконецъ, должны были быть отношеніи между собою сами высшія іерархическія, подобныя Тимоѳею и Титу, лица впослѣдствіи получившія постоянное наименованіе епископовъ, на это не находимъ прямыхъ указаній ни въ посланіяхъ ап. Павла, ни другихъ апостоловъ. Но если принять во вниманіе, что въ семь случаевъ они должны были руководиться примѣромъ поставившихъ ихъ для церкви самихъ апостоловъ, но таковой примѣръ для нихъ, независимо отъ извѣстной имъ практики апостольской, былъ указанъ и въ посланіяхъ ап. Павла, а именно въ изображенныхъ здѣсь его самаго къ прочимъ апостоламъ отношеніяхъ взаимнаго братскаго общенія, любви и согласія. Такъ, ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ, касаясь своего путе-

пествія въ Іерусалимъ для свиданія тамъ съ знаменитѣйшими апостолами Іаковомъ, Петромъ и Іоанномъ, при семъ поясняетъ, что это онъ сдѣлалъ собственно вслѣдствіе бывшаго ему на то откровенія, и своего личнаго желанія засвидѣтельствовать предъ ними о не бесплодности своей необрѣзаннымъ проповѣди, а вовсе не потому, чтобы былъ вызванъ къ сему ихъ знаменитостію, каковая, какого бы рода ни была, ничего для него не значила въ сравненіи съ божественною истиною, но что тѣмъ не менѣе для него важно было то, что означенные апостолы, не смотря на то, что противъ него были возбуждены многіе обрѣзанные, подали ему руку общенія, и съ нимъ согласились на то, чтобы ему съ Варнавою идти къ необрѣзаннымъ, тогда какъ они пойдутъ къ обрѣзаннымъ (Гал. 2, 1—9). Здѣсь же, что также заслуживаетъ вниманія, ап. Павелъ передаетъ Галатамъ тотъ замѣчательный случай изъ своихъ отношеній къ ап. Петру, когда встрѣтившись съ послѣднимъ въ Антиохіи и замѣтивъ, что онъ послѣ того какъ бѣлъ съ язычниками, сталъ показываться вовсе неядущимъ; по прибытіи обрѣзанныхъ, открыто его упрекнулъ въ такомъ лицемѣрїи (Гал. 2, 11—14), а это сдѣлалъ, конечно, не почему либо иному, какъ потому, что считалъ себя вправѣ такъ поступить, въ силу своего братскаго общенія съ Петромъ и равенства по апостольскому служенію (2 Кор. 12, 11).

Въ посланіи же къ коринѣянамъ онъ показываетъ и причину того, почему должны были почитаться и почитали себя по своему служенію равными всѣ апостолы. Когда коринѣяне, по поводу преимущественнѣйшаго своего уваженія къ послужившимъ ихъ спасенію лицамъ, раздѣлились на партіи и стали себя считать одни Павловыми, другіе Аполлосовыми, а иные Киѣйными, ап. Павелъ вотъ что между прочимъ имъ написалъ: *еда раздѣлится Христосъ? еда Павелъ распялся по васъ, или во имя Павлово креститесь* (1 Кор. 1, 13)? *Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ? Но*

точію служителіе, имже вѣровасте, и комуждо якоже Господь даде (1 Кор. 3, 5).

Ученіе церковно-отеческое.

§ 119.

Во времена мужей апостольскихъ.

Какъ же учили о церкви слѣдовавшіе за апостолами ея пастыри и учителя? Будучи вѣрны наставленіямъ и духу апостоловъ, передавшихъ имъ чрезъ преемство власть въ церкви, они, понятно, должны были учить, и какъ вскорѣ увидимъ, и на самомъ дѣлѣ учили не иному, а только тому, чему научены были отъ апостоловъ. Но въ этомъ отноше- ніи, что само собою понятно, особеннѣйшаго вниманія заслуживаетъ ученіе тѣхъ изъ нихъ, которые были или непосредственными или ближайшими преемниками апостоловъ, почему имѣли полную возможность ознакомиться съ ихъ наставленіями о церкви, не только чрезъ ихъ письма, но и чрезъ устное преданіе и практику. На этомъ ученіи прежде всего и остановимся.

Непосредственный ученикъ апостольскій *Климентъ римскій* первый высказалъ не мало весьма замѣчательныхъ мыслей о церкви въ своемъ первомъ посланіи къ коринтянамъ, вызванномъ происшедшими у нихъ беспорядками, клонившимися къ испроверженію у себя церковной іерархіи. И эти мысли, какъ сейчасъ увидимъ, по своему духу и характеру суть ничто иное, какъ воспроизведеніе и разъясненіе мыслей ап. Павла и отчасти Петра о церкви.

По Клименту, церковь—это избранное чрезъ Христа съ дѣлію спасенія и освященія людей ¹⁾ общество ²⁾, стадо Христово ³⁾, это единое тѣло Христово ⁴⁾. А потому въ ней

¹⁾ Epist. 1. ad Corinth. c. 2 et 30.

²⁾ Ibid. c. 58.

³⁾ Ibid. c. 54 et 57.

⁴⁾ Ibid. c. 46.

такъ необходима іерархія, какъ необходимы въ благоустроенномъ обществѣ или войскѣ правители или начальники, въ стадѣ пастыри, а въ тѣлѣ высшіе, управляющіе низшими, члены. „Представимъ себѣ, говоритъ Климентъ, воинствующихихъ вождей нашихъ: какъ стройно, какъ усердно, съ какою подчиненностію исполняютъ они приказанія. Не всѣ начальники, не всѣ тысяченачальники, или стона начальники, или пятидесятиначальники и т. д. Но каждый въ своемъ чинѣ исполняетъ приказаніе царя и вождей. Не могутъ существовать ни высшіе безъ низшихъ, ни низшіе безъ высшихъ. Всѣ они связаны обоюдною нуждою, и отсюда то общая польза. Или возьмемъ для примѣра наше тѣло. Голова безъ ногъ ничего не значитъ, равно и нога безъ головы... Пусть же сохранится цѣлымъ тѣло наше во Христѣ Исусѣ, и пусть каждый повинуется ближнему своему сообразно степени, на которой поставленъ дарованіемъ Его“¹⁾.

Но по Клименту, есть еще и другое самое важное основаніе для всегдашняго существованія іерархіи въ церкви, это ея Богоучрежденность; такъ какъ ее установили съ цѣлію всегдашняго ея продолженія во всѣхъ первоначально основанныхъ церквахъ сами апостолы, а апостолы это сдѣлали по данному имъ полномочію Исусомъ Христомъ, въ свою очередь получившимъ полномочіе отъ Самого Бога. „Апостолы, говоритъ Климентъ, были посланы проповѣдывать евангеліе намъ отъ Господа Исуса Христа, а Исусъ Христосъ—отъ Бога. Христосъ посланъ отъ Бога, апостолы—отъ Христа... Проповѣдуя же по разнымъ странамъ и городамъ, они первенцевъ изъ увѣровавшихъ, по духовномъ испытаніи, поставляли въ епископовъ и діаконовъ для тѣхъ, которые имѣли увѣровать. Что же удивительнаго, если тѣ, коимъ въ Христѣ увѣрено было отъ Бога дѣло сіе, поставляли вышеупомянутыхъ лицъ? И они потому же полномочію не только сами поставляли, но и другимъ преподали

¹⁾ Epist. 1. ad Corinth. c. 37 et 38.

это право, и установили самый порядок поставленія на священнослужительскія степени“¹⁾).

Вмѣстѣ съ симъ Климентъ довольно ясно обозначаетъ и самыя богоучрежденныя въ церкви іерархическія степени. Такъ, указавъ на то, что самимъ Богомъ повѣдно было, какъ, когда и гдѣ должны были совершаться въ церкви приношенія и служенія, онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „первосвященнику дано свое служеніе, священникамъ назначено свое дѣло, и на левитовъ возложены свои должности“²⁾), чѣмъ ясно показываетъ, что какъ вообще въ христіанской, такъ и въ частности въ коринтской церкви были іерархическія лица, соответствующія ветхозавѣтнымъ — первосвященнику, священникамъ и левитамъ, каковыми могли быть не кто иные, какъ епископъ, пресвитеры и диаконы. Кроме того, увѣщевая коринтянъ возвратиться къ повиновенію оставленной ими іерархіи, онъ пишетъ имъ: „будемъ почитать предстоятелей нашихъ, уважать пресвитеровъ“³⁾), чѣмъ тоже довольно ясно показываетъ, что въ коринтской церкви кроме пресвитеровъ были еще выше ихъ по іерархическому положенію стоящія лица, названныя имъ здѣсь предстоятелями, а въ другомъ мѣстѣ достоуважаемыми мужами, получившими по преемству отъ апостоловъ епископскую власть и другихъ поставлять въ іерархическія степени⁴⁾).

Но чтобы были въ коринтской ли, или другой какой либо церкви, еще высшія іерархическія лица, этого Климентъ не только нигдѣ въ своихъ посланіяхъ не предполагаетъ, но скорѣе напротивъ исключаетъ всякое подобное предположеніе. Такъ какъ онъ, указывая коринтянамъ на тотъ богоучрежденный порядокъ, слѣдуя которому, апостолы

¹⁾ Epist. ad Corinth. c. 43.

²⁾ Ibid. c. 40.

³⁾ Ibid. c. 21.

⁴⁾ Ibid. c. 44.

поставили имъ епископовъ и діаконовъ, съ передачею первымъ права и самимъ поставлять другихъ на такія же іерархическія должности, представляетъ этотъ порядокъ общимъ для всѣхъ церквей; каковыя, поѣтому, не исключая и римской, должны быть въ семъ отношеніи совершенно равны между собою. Потому то между прочимъ Климентъ и коринѳяны винить именно за то, что они отложились отъ установленной апостолами іерархіи, состоящей изъ епископовъ съ пресвитерами и діаконами, а не отъ какой либо иной, состоящей еще изъ другихъ степеней, іерархіи, равно какъ и увѣщаетъ ихъ опять съ повинovenіемъ возвратиться не къ иной какой либо, а къ этой же самой, у нихъ самихъ существующей, іерархіи¹⁾.

Между тѣмъ подобныя же мысли о церкви ясно высказываетъ и *св. Ермъ*, хотя только въ символахъ и образахъ. По его образному представленію, башня, обозначающая собою церковь Христову, стала строиться на землѣ особенною божественною силою и тою же силою будетъ строиться до тѣхъ поръ, пока не войдутъ въ нее всѣ, находящіеся внѣ ея, годныя къ постройкѣ камни имѣя въ своемъ осно-

¹⁾ Къ этому можно присовокупить, что Климентъ подобно тому, какъ всѣхъ, посланныхъ отъ апостоловъ для церквей, епископовъ почиталъ по власти равными, а самихъ апостоловъ по ихъ апостольскому достоинству почиталъ таковыми же, что видно изъ признанія имъ за всѣми апостолами одинаковаго, даннаго имъ Христомъ полномочія (Epist. 1. ad Corinth. c. 42), а также въ частности изъ выраженнаго имъ въ посланіи одинаково благоговѣйнаго почтенія какъ къ ап. Петру, такъ и Павлу (Ibid. c. 5). Можно наконецъ замѣтить, что коринѳская церковь въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ обратилась къ римской церкви или ея епископу вовсе не потому, чтобы признавала церковь римскую главнѣйшею, или ея епископа—верховнымъ судьей, такъ какъ обычай такого обращенія къ другимъ церквамъ и епископамъ былъ общъ и для самой римской церкви. Напр. римскіе епископы по вопросу о крещеніи еретиковъ не разъ обращались къ Діонисію александрійскому, Кипріану карфагенскому и другимъ епископамъ. Причиною же сему могло быть не что иное, какъ особенная духовно-родственная близость и связь между коринѳскою и римскою церквами, по которой онѣ, бывъ одинаково насаждены апостолами Петромъ и Павломъ, считая себя сестрами, что между прочимъ видно изъ посланія коринѳскаго епископа Діонисія къ римскому—Сотару (Euseb. eccles. hist. lib. II. c. 25).

ваніи одинъ необъятной величины несокрушимый камень, а также положенный на немъ цѣлый рядъ, хотя значительно меньшихъ, но очень прочныхъ и совершенно по виду одинаковыхъ камней способныхъ поддерживать собою дальнѣйшую постройку башни¹⁾. Смыслъ же сего образа представленія о церкви таковъ, что она основана самимъ Богомъ съ цѣлю освященія и спасенія людей, и существовать имѣетъ до тѣхъ поръ, пока будутъ жить на землѣ люди способные по своей вѣрѣ и жизни привиться къ ея организму. А чтобы таковою она была на самомъ дѣлѣ, въ неизбежное основаніе ея, какъ трапеугольный камень, положенъ былъ Самъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, а вслѣдъ за Нимъ, и на Немъ Самомъ, въ качествѣ тоже основныхъ и необходимыхъ для созиданія церкви камней, положены были сперва апостолы, а послѣ нихъ послѣдовавшіе и имѣющіе слѣдовать до скончанія вѣковъ епископы, съ учителями и служителями или діаконами²⁾.

Изъ сказаннаго же не трудно видѣть, что и св. Ермъ, подобно Клименту, насколько почиталъ необходимымъ всегдашнее существованіе на землѣ основанной Христомъ и апостолами церкви, настолько же признавалъ необходимымъ всегдашнее или непрерывное существованіе въ ней и ради ея іерархіи, а именно: іерархіи, состоящей изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконівъ, такъ какъ можно съ увѣренностію предполагать, что подъ учителями, занимающими середину между епископами и діаконами, онъ разумѣлъ не кого либо иного, какъ пресвитеровъ, имѣвшихъ главною изъ своихъ существенныхъ обязанностей учительство. А также отсюда не менѣе ясно видно и то, что Ермъ, подобно Клименту, вовсе не зналъ какого либо существенно преимущественнаго различія между епископами, а напротивъ при-

¹⁾ Pastor. lib. I. Vis. 3. c. 2—4; lib. III. Simil. 9. c. 17; lib. I. Vis. 3. c. 2 et 5.

²⁾ Ibid. lib. III. Simil. 9. c. 14; lib. I. Vis. 3. c. 8 et 9; lib. III. Simil. 9. c. 4, 12 et 14; lib. I. Vis. 3. c. 5.

знавалъ ихъ по достоинству и власти совершенно равными, каковыми представлялъ и всѣхъ апостоловъ, изображая ихъ подъ символомъ совершенно одинаковыхъ по виду камней¹⁾.

Но особеннаго въ семь отношеніи вниманія заслуживаетъ ученіе св. *Иматія Боюмосца*, который съ полнѣйшею ясностію и совершенною точностію изображаетъ какъ безусловную необходимость для освященія людей церкви съ освящающими средствами, такъ и подобную же необходимость для самой церкви богоучрежденной іерархіи, состоящей изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. По св. Игнатію, освященіе могутъ получать люди не гдѣ либо, а только въ церкви, такъ какъ только тотъ можетъ быть чистымъ, кто находится внутри алтаря, а кто находится внѣ его, тотъ не чистъ²⁾, равно какъ и кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія³⁾. Но съ другой стороны самая церковь съ освящающими средствами не мыслима безъ іерархіи, т. е. епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, безъ коихъ нѣтъ церкви⁴⁾. А потому для освященія людей, для чего и существуетъ церковь, безусловно необходимы въ ней, располагающіи освящающими средствами, іерархическія лица⁵⁾.

По этой то причинѣ учреждены и учреждены Самимъ Богомъ въ церкви епископы и пресвитеры, а также и діаконы; „бывъ поставлены изволеніемъ Іисуса Христа, и по благоволенію Его, утверждены непоколебимо Его Святымъ Духомъ⁶⁾. Подобно тому, какъ Іисусъ Христосъ есть мысль Бога Отца, такъ и епископы, поставленные по концамъ земли, находятся въ мысли Іисуса Христа⁷⁾. А такъ какъ всякаго, кого посылаетъ домовладыка для управленія своимъ

¹⁾ Pastor. с. 15.

²⁾ Ad Trall. с. 7.

³⁾ Ad Ephes. с. 5.

⁴⁾ Ad Trall. с. 3.

⁵⁾ Ad Ephes. с. 2.

⁶⁾ Ad Philad. in praefat.

⁷⁾ Ad Ephes. с. 3.

домомъ, намъ должно приниматьъ точно также, какъ самого пославшаго, то ясно, что на епископа нужно смотрѣть, какъ на Самого Господа ¹⁾, пресвитеровъ же, какъ должествующихъ во всемъ поступать согласно съ волею и распоряженіями епископа ²⁾, нужно почитать какъ самихъ апостоловъ ³⁾, а должествующихъ быть слугами церкви Божіей діаконѣвъ, какъ служителей таинствъ Іисуса Христа ⁴⁾.

Уча же съ такою ясностію и рѣшительностію о богоучрежденности и существованіи въ каждой частной церкви только трехъ іерархическихъ степеней,—епископской, пресвитерской и діаконской, а также въ частности съ такою же ясностію и очевидностію изображая іерархическую степень епископа, какъ такую, выше которой нѣтъ въ каждой частной церкви, такъ какъ епископъ въ отношеніи къ пресвитерамъ представляетъ собою Самого Іисуса Христа, въ Его отношеніи къ апостоламъ, св. Игнатій, понятно, этимъ самымъ прямо отстранялъ всякую мысль о томъ, чтобы гдѣ либо въ церкви могла или должна была существовать еще какая либо выше епископской іерархическая степень и соединенная съ нею особеннѣйшая въ церкви власть, которой должны были подчиняться самые епископы. А потому онъ всѣхъ епископовъ равно какъ и апостоловъ ⁵⁾, по своей

¹⁾ Ad Ephes. c. 6.

²⁾ Ad Smyrn. c. 8. Ad Ephes. c. 4.

³⁾ Ad Trall. c. 3.

⁴⁾ Ad Trall. c. 2.

⁵⁾ Что св. Игнатій признавалъ полное по власти равенство между апостолами, это совершенно ясно изъ того, что онъ часто, тогда какъ Іисуса Христа уподобляетъ епископу, соборъ апостоловъ сравниваетъ съ соимомъ пресвитеромъ (Epist. ad Magnes. c. 6; epist. ad Smyrn. c. 8). Если св. Игнатій, касаясь явленія апостоламъ воскресшаго Господа (на что ссылаются римскіе богословы), выразился такъ, что Онъ по „воскресеніи пришелъ къ ученикамъ, находившимся съ Петромъ“ (Epist. ad Smyrn. c. 3), то отсюда можно вывести заключеніе развѣ только въ пользу первенства Петра, но ничуть не главенства. Между тѣмъ въ посланіи къ римлянамъ онъ и прямо ап. Петра ставитъ на ряду съ ап. Павломъ, выражаясь о нихъ какъ учителяхъ римской церкви, такъ: „не какъ Петръ и Павелъ заповѣдую вамъ; они—апостолы, а я осужденный, они

власти и достоинству признавалъ совершенно между собою равными, и своимъ словомъ и примѣромъ училъ только тому, чтобы они со вѣренными имъ церквами находились всегда между собою въ союзѣ братскаго общенія и всеобъединяющей любви, помня, что всѣ они члены, служащіе одному и тому же тѣлу церкви, глава которой есть Самъ Іисусъ Христосъ¹⁾.

Такихъ же мыслей о церкви былъ и *св. Поликарпъ смирнскій*, который на поставленныхъ въ церкви іерархическихъ лица смотрѣлъ не какъ на служителей человѣковъ, а—Самого Бога и Христа²⁾, почему наставлялъ *Филипійцевъ* покоряться имъ какъ Богу и Христу³⁾.

§ 120.

Ученіе во II и III вѣкахъ.

Теперь обращаемся къ дальнѣйшимъ учителямъ и писателямъ церковнымъ, а именно христіанскимъ 2 и 3 вѣка апологетамъ, которые вынуждены были вести упорную борьбу съ самыми разнообразными нападками на церковь, и потому, понятно, должны были учить и дѣйствительно, какъ сейчасъ увидимъ, учили о ней съ большею сравнительно съ прежнимъ полнотою, обстоятельностью и опредѣленностью.

Во 2 вѣкѣ, какъ извѣстно, еще равнѣе начавшаяся борьба языческихъ властей съ христіанскою церковью не только не прекратилась, но стала напротивъ настолько

свободные, а я—доселѣ еще рабъ“. Видѣть съ сими, понятно, *св. Игнатій* не могъ признавать и церковь римскую, равно какъ и другую какую-либо подобную церковь—главенствующую. Если же онъ церковь римскую (въ посл. къ римл. гл. 4) называетъ „предсѣдательствующую на мѣстѣ страны римлянъ“ (на что тоже ссылаются латиняне), то отсюда можетъ слѣдовать выводъ только въ пользу ея предсѣдательства, и притомъ только на западѣ—въ Италіи.

¹⁾ Ad Polycarp. c. 7. Ad Smyrn. c. 8. Ad Trall. c. 11.

²⁾ Ad Philip. c. 5.

³⁾ Ibidem.

упорною и ожесточенною, что угрожала самому существованію церкви, оправданіемъ чему главнымъ образомъ служило то утвердившееся между язычниками противъ христіанъ предубѣжденіе, будто бы они самою религіею своею и богослужебными дѣйствіями вызываются на жизнь безнравственную и совершеніе всякаго рода преступленій, а чрезъ это, что казалось само собою понятнымъ, угрожаетъ испроверженіемъ существующихъ законовъ и благосостоянія государства. Защитникамъ церкви, повтому, необходимо было прежде всего въ возможно яркомъ и доступномъ для язычниковъ свѣтѣ изобразить ту высоконравственную ея сторону, относительно которой они заблуждались, а именно, что основанная Христомъ на землѣ церковь не только не питаетъ и не можетъ питать никакого сочувствія къ пороку и преступленіямъ, но напротивъ идеаломъ для всѣхъ своихъ членовъ поставляетъ истинную святость, къ достиженію которой и всячески имъ способствуетъ, и что повтому она не только не вредитъ истиннымъ основамъ гражданскаго благосостоянія и порядка, но скорѣе помогаетъ ихъ прочности и неизблемости. Эта именно задача между другими христіанскими апологетами съ особеннымъ успѣхомъ и была выполнена *св. Лустиномъ мученикомъ*, который, какъ извѣстно, въ своихъ апалогіяхъ, вмѣстѣ съ опроверженіемъ неосновательно взводимыхъ на христіанъ преступныхъ обвиненій, въ самыхъ яркихъ и вѣрныхъ чертахъ, на основаніи евангельскаго ученія и церковной дисциплины, изобразилъ тотъ возвышеннѣйшій нравственный характеръ церкви, по которому она, хотя есть общество по виду похожее на другія человѣческія общества, но общество не гражданское, а духовно-нравственное,—общество, хотя дѣйствительно стремящееся къ царствованію, но къ царствованію не на землѣ, а со Христомъ на небѣ, потому главною задачею своею она имѣетъ не столько внѣшнее благополучіе чадъ своихъ, сколько необходимое для будущаго царствія и совершаемое подъ руководствомъ предстоя-

телей ¹⁾, при помощи богодарованныхъ средствъ духовно-нравственное ихъ преуспѣваніе, хотя въ тоже время и чрезъ это самое дѣлаетъ ихъ самыми лучшими и надежнѣйшими на землѣ гражданами, потому что воспитывая въ нихъ вѣру во всевидящаго и правосуднаго Бога, имѣющаго вѣога каждому воздать за добрыя дѣла вѣчными наградами, равно какъ за злыя вѣчными наказаніями, вмѣстѣ съ симъ она естественно каждаго располагаетъ, что необходимо всего для блага государства, къ дѣланію одного законнаго и добраго, и къ отвращенію отъ всего незаконнаго и преступнаго ²⁾.

Потому-то по *Теофилу антиохійскому*, вопли раздѣлявшему вышесказанныя мысли Іустиновы о церкви, всё, данное Богомъ волнуемому и обуреваемому грѣхами міру, частныя церкви по всей справедливости могутъ быть сравнены съ тѣми плодоносными и уютными островами, которые даютъ вопли безопасное и покойное пристанище подвергающимся опасностямъ морской бури; такъ какъ въ нихъ, какъ въ благоустроенныхъ пристаняхъ, сохраняется ученіе истины „и къ нимъ прибѣгаютъ желающіе снастись, какъ скоро сдѣлаются любителями истины, и захотятъ избѣжать гнѣва и суда Божія“ ³⁾.

Между тѣмъ тогда какъ языческія власти употребляли силу внѣшнюю для того, чтобы ниспровергнуть зданіе Христовой церкви, языческій гностицизмъ пытался достигнуть этого самаго силою своей лживой, обезобразившей евангельскую истину, мысли. Принявши вѣчто изъ евангельскаго

¹⁾ Должно думать, что и Іустинъ не зналъ и не допускалъ существеннаго между предстоятелями, т. е. епископами, отличія; такъ какъ всѣхъ ихъ предшественниковъ, т. е. апостоловъ, признавалъ по ихъ власти совершенно равными между собой, почему предуказательный на нихъ образъ видѣлъ въ 12 одинаковыхъ звонцахъ, привѣшенныхъ къ похиру ветхозавѣтнаго архіерея (*Dialog. n. 42 et 114. Сравн. Apolog. 1. n. 39*).

²⁾ См. *Apolog. I. c. 11, 12, 15—17, 61, 65—67*.

³⁾ *Ad Autol. lib. II, c. 14*.

ученія и учрежденій церкви Христовой и приспособивъ его къ своимъ религіозно-языческимъ воззрѣніямъ, гностицизмъ II вѣка претендовалъ на то, что его ученіе есть одно высшее и истинное христіанское знаніе (гносисъ), какового не имѣеть церковь, обладающая только простою и безсознательною вѣрою, а образовавшееся изъ его послѣдователей общество есть общество однихъ совершенныхъ или пневматиковъ, тогда какъ всѣ остальные, не исключая и членовъ церкви Христовой, — несовершенные психики или иллки, и въ подтвержденіе сего обыкновенно ссылался на то, будто бы Христосъ, независимо отъ преподаваемого имъ простому народу простаго ученія апостоловъ училъ нѣкоторому особенному возвышеннѣйшему знанію, каковое въ свою очередь будто бы путемъ таинственнаго преданія перешло къ гностикамъ, и стало ихъ однихъ неотъемлемымъ достоинствомъ. Чтобы отразить подобное лжеученіе, прямо клонившееся къ подрыву божественнаго авторитета церкви, христіанскимъ апологетамъ необходимо было вмѣстѣ съ его опроверженіемъ разъяснить и то, что то свойство апостольства, на которое свои притязанія простиралъ гностицизмъ, вовсе не принадлежитъ и не можетъ принадлежать ему, такъ какъ апостолы никому изъ гностиковъ и ничего не передавали, принадлежитъ же оно всецѣло церкви и только одной церкви, потому что только въ церкви находятся тѣ лица, которые были поставлены самими апостолами, и которымъ ими передано было все принятое отъ Христа, т. е. епископы; кромѣ сего крайне ограниченому и узкому гностическому взгляду на церковь, какъ общество однихъ привилегированныхъ людей, необходимо было противопоставить истинно христіанское о ней ученіе, какъ объ открытой и доступной для всѣхъ вселенской или соборной церкви. То и другое надлежало было выполнено св. Иринеємъ и отчасти Тертулліаномъ, пока онъ оставался вѣрнымъ духу вселенской церкви.

По *Иринею* всѣ гностическія общества ничего общаго и сроднаго ни съ апостолами, ни съ древне-апостольскимъ ученіемъ не имѣютъ потому, что какъ ихъ основатели, вродѣ Маркіона, Валентина и другихъ имъ подобныхъ, были случайными и самозванными учителями, вовсе не имѣвшими въ апостолахъ своихъ предѣставниковъ, такъ и самое ихъ ученіе было случайно и вновь возникшимъ самоличнымъ измышленіемъ, не имѣвшимъ никакой внутренней связи съ древне-апостольскимъ преданіемъ, вслѣдствіе чего они не должны быть принимаемы за христіанскія общества¹⁾. Что же касается до истинно христіанскихъ обществъ или церквей, то они, по *Иринею*, носятъ на себѣ совершенно иной характеръ, по которому нельзя не примѣчать въ нихъ совершенно ясной печати апостольства. Хотя они имѣютъ своими представителями однихъ опредѣленныхъ или принадлежащихъ извѣстному времени епископовъ, но эти епископы чрезъ посредство непрерывнаго преемства восходятъ къ тѣмъ первымъ епископамъ, которые были поставлены непосредственно самими апостолами со врученіемъ имъ для преемственной въ неизмѣнномъ видѣ передачи другимъ какъ ученія Христова, такъ и всего необходимаго для домо-строительства спасенія людей. Потому что „апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполне положили въ церковь все, что относится къ истинѣ²⁾, и ввѣрили ее епископамъ³⁾. Если бы они знали и сокровенныя таинства, которыя (какъ полагали гностики) сообщили совершеннымъ отдѣльно и тайно отъ прочихъ; то передали бы ихъ въ особенности тѣмъ, кому поручали самыя церкви, такъ какъ хотѣли, чтобы во всемъ были совершенными и безукоризненными тѣ, кого оставляли своими преемниками и кому передали свое мѣсто учительства“⁴⁾. Вмѣстѣ же съ симъ апостолы

¹⁾ Contr. haeres. lib. III. c. 2. n. 1; c. 4. n. 3.

²⁾ Contr. haeres. lib. III. c. 4. n. 1.

³⁾ Ibid. lib. V. c. 20. n. 1.

⁴⁾ Ibid. lib. III. c. 3. n. 1.

учредили и преемство епископовъ, которымъ передали повсюду сущую церковь¹⁾, учредили, конечно, для того, чтобы они, чрезъ преемство церковное передавали одни другимъ епископство, а совмѣстно съ епископствомъ передавали и все принятое ими отъ апостоловъ, сохраняя его, такимъ образомъ, навсегда въ цѣломъ и не поврежденномъ видѣ²⁾. Потому-то, по Иринею, преемство епископовъ, восходящее къ самимъ апостоламъ, составляетъ собою самый существенный и неотъемлемый признакъ церкви Христовой³⁾, каковымъ, повтому, непременно должна обладать и на самомъ дѣлѣ обладаетъ каждая частная истинно-христіанская церковь, какъ напр. церковь римская, имѣющая въ непрерывномъ ряду епископовъ первымъ поставленнаго апостолами Лина или смирнская такимъ же епископомъ Поликарпа⁴⁾. Всѣ тѣ, слѣдовательно, общества, которыя, подобно гностическимъ, не имѣютъ таковаго признака апостольства, не составляютъ собою церкви Христовой и не имѣютъ никакого права на ношеніе ея имени.

Вмѣстѣ съ симъ св. Иринею достаточно разъясняетъ, въ виду ижеучевія гностиковъ, другое существенное свойство церкви, а именно ея вселенство или соборность, касающаяся при этомъ и единства церкви. По его воззрѣнію, только церковь ветхозавѣтная, бывъ ограждена преградами закона, составляла исключительное достояніе одного народа, а именно еврейскаго. Церковь же новозавѣтная, съ уничтоженіемъ сихъ преградъ, напротивъ подобно винограднику, переданному изъ рукъ недостойныхъ въ руки другихъ болѣе достойныхъ воздѣльвателей его, стала совершенно одинаково для всѣхъ народовъ и всякаго состоянія людей открытою и доступною⁵⁾, вслѣдствіе чего всѣ

¹⁾ Contr. haeres. lib. IV. c. 33. n. 8.

²⁾ Ibid. lib. III. c. 2. n. 2; lib. IV. c. 26. n. 2 et 5.

³⁾ Ibid. lib. IV. c. 33. n. 8.

⁴⁾ Ibid. lib. III. c. 3. n. 3 et 4.

⁵⁾ Ibid. lib. IV. c. 36. n. 2.

безъ исключенія, лишь бы пожелали и были способны, могутъ пользоваться ея благодѣянiями, на подобіе того, какъ всѣ одинаково могутъ пользоваться солнечнымъ свѣтомъ, лишь бы способны были и желали его видѣть¹⁾. Потому-то церковь Христова разсѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли²⁾, и даже между необразованными, или такъ называемыми, варварами³⁾, что впрочемъ, по Иринею, ничуть не мѣшаетъ ея единству, при сохраненiи всѣми частными церквами одной и той же вѣры⁴⁾, и одного и того же первоначальнаго устройства съ преемствомъ отъ апостоловъ епископовъ и апостольскимъ преданiемъ⁵⁾. Но слѣдуетъ замѣтить, что св. Ириней съ такою ясностію и настойчивостію требуя отъ каждой частной церкви этого именно единенiя съ церковью вселенскою ничѣмъ и нигдѣ не даетъ замѣтить, чтобы для этого еще необходимо было, чтобы всѣ частныя церкви съ своими епископами подчинились одной какой либо церкви, или одному какому либо, хоть напр. римскому, епископу, скорѣе же наоборотъ заставляеть предполагать совершенно противное; такъ какъ по его представленію, живыми частями одной и той же разсѣянной по всему міру вселенской церкви могли быть и такого рода частныя церкви, которыя были отдѣлены одна отъ другой большими пространствами и стояли совершенно отдѣльно и независимо одна отъ другой, какъ напр. церкви, основанныя между многими племенами варваровъ⁶⁾, а также въ Германіи, Испаніи, въ Галліи, на востокъ, въ Египтѣ, въ Ливіи и въ срединѣ міра, но только сохраняли въ цѣлости вѣру и все апостольское преданіе⁷⁾. Правда, св. Ириней

¹⁾ Contr. haeres. lib. I. c. 10. n. 2. lib. V. c. 20. n. 1.

²⁾ Ibid. lib. I. c. 10. n. 2.

³⁾ Ibid. lib. III. c. 4. n. 2.

⁴⁾ Ibid. lib. III. c. 10. n. 2.

⁵⁾ Ibid. lib. IV. c. 33. n. 8; lib. III. c. 3. n. 1.

⁶⁾ Ibid. lib. III. c. 4. n. 2.

⁷⁾ Ibid. lib. I. c. 10. n. 2.

указываетъ на римскую церковь, какъ на величайшую, древнѣйшую и всѣмъ извѣстную церковь, съ которою по необходимости, по причинѣ ея преимущественной важности, согласуется всякая церковь¹⁾; но онъ здѣсь же ясно показываетъ, когда именно, въ чемъ и почему съ римскою церковью можетъ и должна согласоваться всякая церковь. По его словамъ только тогда было бы прилично и слѣдовало бы обращаться къ римской церкви, когда гдѣ либо возникъ бы споръ о какомъ либо важномъ вопросѣ, и когда потребовалось бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и отъ нихъ получить что есть достовѣрнаго и яснаго относительно сего вопроса²⁾ — слѣдовало бы обращаться къ церкви римской потому, что она церковь — древнѣйшая и извѣстнѣйшая, и что въ ней и повсюду вѣрующими сохранялось апостольское преданіе, съ которымъ должна согласоваться каждая церковь³⁾. Между тѣмъ, что весьма важно, св. Ириней за отысканіемъ древнеапостольскаго преданія нуждающихся въ немъ отсылаетъ не исключительно къ одной римской церкви, а ко всѣмъ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и свое преимущественное указаніе на римскую церковь объясняетъ тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что было бы весьма длинно въ такой какъ его книгѣ перечислять преемство предстоятелей всѣхъ церквей⁴⁾, хотя впрочемъ все-таки поименно указалъ на смирнскую, какъ на такую церковь, въ которой, подобно какъ и въ римской, обращались апостолы, сами поставивъ для нея епископомъ Поликарпа, и въ которой, поэтому, точно также, какъ и въ римской церкви, сохранилось подлинное древне-апостольское, обязательное для всѣхъ позд-

¹⁾ Contr. haeres. lib. III. c. 3. n. 2.

²⁾ Ibid. lib. III. c. 4. n. 1.

³⁾ Ibid. c. 3. n. 2.

⁴⁾ Ibidem.

нѣйшихъ церковей предавіе¹⁾). Іерусалимскую же церковь, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, онъ призываетъ такою „церковію, изъ которой вся церковь возымѣла свое начало, и называетъ митрополіею гражданъ новаго завѣта“²⁾), чѣмъ ясно выражаетъ ея преимущественное значеніе по сравненію съ признанною имъ знаменитѣйшею самою римскою церковью, хотя при этомъ вовсе не требуетъ отъ прочихъ позднѣйшихъ церковей, чтобы онѣ во всемъ и всецѣло подчинялись ей, а только предполагаетъ то, что онѣ должны сообразоваться съ нею въ отношеніи къ хранящемуся въ ней чрезъ епископское отъ апостоловъ преемство предавію, точно также какъ и съ церковью римскою, указанною имъ для примѣра.

Вмѣстѣ съ симъ св. Иринеи, понятна, и ни за какима частнымъ епископомъ не могъ усвоить и на самомъ дѣлѣ не усвоилъ господственнаго или главенственнаго положенія въ церкви. На поставленныхъ отъ апостоловъ для первоначальныхъ церковей епископовъ онъ, какъ извѣстно, смотрѣлъ, какъ на ихъ по власти и достоинству преемниковъ, апостоловъ же, давшихъ отъ себя церквамъ епископовъ, онъ признавалъ всѣхъ между собою по власти совершенно равными, такъ какъ по его словамъ, давши власть апостоламъ проповѣдывать евангеліе, Господь не одному или только нѣкоторымъ изъ нихъ, а всѣмъ сказалъ: кто слушаетъ васъ, Меня слушаетъ, а кто презираетъ васъ, презираетъ Меня и Того, Кто послалъ Меня³⁾), и апостолы не нѣкоторые только, а всѣ, какъ богачъ въ сокровищницу, воплія положили въ церковь все относящееся къ истинѣ, а со всѣмъ этимъ богатствомъ они ввѣрили ее не одному какому либо, а многимъ епископамъ⁴⁾). А что св. Иринеи въ частности не признавалъ никакого главенства за рим-

¹⁾ Contr. haeres. lib. III. c. 3. n. 4.

²⁾ Ibid. c. 12. n. 5.

³⁾ Ibid. lib. III. praefat.

⁴⁾ Ibid. lib. III. c. 4. n. 1; lib. V. c. 20. n. 1.

Труды Киевской Дух. Академіи. Т. II. 1887 г.

скими епископами, которые по его словамъ приняли свое епископство не отъ одного Петра, а совмѣстно отъ Петра и Павла, вручившихъ таковое Диву¹⁾, то это всего яснѣе и очевиднѣе изъ того весьма замѣчательнаго историческаго обстоятельства, что когда по вопросу о времени празднованія пасхи возникъ споръ между Викторомъ епископомъ римскимъ и Поликратомъ смирнскимъ, и этотъ споръ окончился тѣмъ, что Викторъ за несогласіе съ собою отлучилъ отъ общенія Поликрата, Ириней, не смотря на то, что самъ былъ однимъ изъ западныхъ епископовъ, таковой поступокъ Виктора призналъ совершенно незаконнымъ, и въ своемъ къ нему посланіи, въ которомъ оправдывалъ презрѣвшаго угрозы послѣдняго Поликрата, совѣтовалъ ему примириться и возстановить общеніе съ Поликратомъ²⁾.

И по *Тертуллиану*, апостольство составляетъ существенную принадлежность одной церкви Христовой, въ которой апостолами положена была всецѣло истина, наследованная ими отъ Христа³⁾. Прежде же всего и прамѣе оно принадлежало первоначальнымъ христіанскимъ церквамъ; такъ какъ апостолы, бывъ посланы отъ Христа для повсюдной проповѣди евангелія, подобно тому какъ Христосъ былъ посланъ отъ Бога, сами непосредственно основали и устроили сперва въ Іудеѣ, а потомъ и по всѣмъ городамъ, гдѣ проповѣдали, первыя церкви⁴⁾, преподавъ имъ въ точности какъ ученіе, такъ и все то, что было передано имъ самимъ отъ Христа⁵⁾. А такъ какъ эти церкви имѣли стать и на самомъ дѣлѣ стали матерями для другихъ дальнѣйшихъ церквей, которыя отъ нихъ путемъ преемства раньше или позже произошли⁶⁾; то и всѣ послѣднія церкви должны

¹⁾ *Contr. haeres. lib. III. c. 3.*

²⁾ *Euseb. hist. eccles. lib. V. c. 24.*

³⁾ *De praescript. advers. haeres. c. 20 et 25.*

⁴⁾ *Ibid. c. 20.*

⁵⁾ *Ibid. c. 21.*

⁶⁾ *Ibidem.*

быть признаны апостольскими, должны же быть признаны таковыми потому, что онѣ преемство вѣры и сѣмена ученія заняли отъ самихъ апостольскихъ церквей и суть не что иное, какъ ихъ отрасли¹⁾. По этой причинѣ апостольскою церковью можетъ и должна быть признана и каждая церковь, если будетъ ясно и несомнѣнно то, что она, чрезъ непрерывающееся въ своемъ ученіи и іерархическомъ устройствѣ преемство, ведетъ начало свое отъ одной какой либо древне-апостольской церкви. Потому то между прочимъ „апостольскія церкви предлагаютъ свои списки (епископовъ, принявшихъ рукоположеніе отъ апостоловъ). Такъ церковь смирнская представляетъ Поликарпа, поставленнаго Іоанномъ, такъ римская указываетъ Климента, рукоположеннаго Петромъ; точно такимъ же образомъ и прочія церкви указываютъ на тѣхъ, кто былъ поставленъ имъ апостолами во епископы, какъ на привитыя отрасли отъ апостольскаго сѣмени“²⁾. Всѣ, слѣдовательно, общества, которыя, подобно гностическимъ, не ведутъ своего начала отъ древне-апостольскихъ церквей, а не приняли отъ нихъ содержащейся въ нихъ истины, не имѣютъ ничего общаго съ посланными Христомъ апостолами и пославшимъ ихъ Христомъ, а суть порожденія однихъ позднѣйшихъ изобрѣтеній лжи и обмана³⁾.

Вмѣстѣ съ симъ Тертуліанъ, подобно Иринею, церковь представляетъ не какимъ либо замкнутымъ въ себѣ, или привилегированнымъ, на подобіе гностическихъ, обществомъ, а церковью вселенскою или такою, которая одинаково для всѣхъ открыта и доступна, безъ всякаго различія ихъ національностей, званій и состоянія, пола и возраста⁴⁾, и можетъ повсюду и всегда распространяться въ видѣ частныхъ церквей⁵⁾, не нарушая въ тоже время своего суще-

¹⁾ De praescript. c. 20.

²⁾ De praescript. c. 32.

³⁾ De praescript. c. 21.

⁴⁾ Apolog. c. 1.

⁵⁾ De praescript. c. 20.

ственного свойства—единства. Не нарушается же ее единство потому, что для него при единствѣ вѣры и преданій, одного и того же таинства¹⁾, требуется только между частными церквами само собою отсюда возникающее общеніе мира, отношеніе братства и соучастіе дружества²⁾. Но вовсе для сего не требуется того, чтобы онѣ внѣшне подчинялись одной какой либо мѣстной церкви, или ее предстоятелямъ, вслѣдствіе того, что всѣ онѣ, гдѣ бы ни были и когда бы ни были, если содержатъ въ себѣ все преданное апостолами, представляютъ собою полную церковь, и потому совершенно равны между собою. Таковыми прежде всего были, начиная съ первой іерусалимской, первоначальныя церкви, основанныя самими апостолами, какъ напр. церковь смирнская, имѣвшая епископомъ Поликарпа, поставленнаго Іоанномъ, римская имѣвшая Климента, поставленнаго Петромъ, и другія³⁾, которыя всѣ одинаково были матерями⁴⁾ происшедшихъ отъ нихъ церквей и слѣдовательно духовно родственными между собою сестрами. Таковыя и всѣ позднѣйшія возникшія и возникающія отъ нихъ по преемству церкви; такъ какъ всѣ онѣ признаются апостольскими какъ отрасли апостольскихъ церквей⁵⁾. Таковы, наконецъ, лич-

¹⁾ De praescript. с. 20.

²⁾ Ibidem.

³⁾ De praescript. с. 20, 32.

⁴⁾ Ibid. с. 21.

⁵⁾ Ibid. с. 20. Въ одномъ мѣстѣ, касаясь находящейся въ Италіи римской церкви, Тертуліанъ выражается о ней такъ, что „здѣсь для него ближайшій авторитетъ“, чѣмъ повидному отдаетъ ей господственное преимущество предъ другими церквами, какъ этого желаютъ римскіе писатели. Но контекстъ этого мѣста таковъ: „вотъ ты, желающій лучше упражнять любовь въ дѣлѣ твоего спасенія, обойди церкви апостольскія, въ которыхъ еще стоятъ самыя сѣдалища апостольскія на своихъ мѣстахъ, въ которыхъ еще читаются самыя автографы ихъ посланій, звуча голосомъ, и представляя лице каждаго. Ближе всего къ тебѣ Ахаія?—имѣешь Коринѣе. Если ты недалеко отъ Македоніи, имѣешь Филиппы, имѣешь Солунчанъ. Если можешь отправиться въ Азію, имѣешь Ефесъ. А если ты прилежишь Италіи, имѣешь Римъ, гдѣ для тебя также ближайшій авторитетъ“. (De praescript. с. 36). Ясно, что по мысли Тертуліана, римская церковь со-

ные представители всѣхъ происшедшихъ отъ апостоловъ церквей или ихъ епископы¹⁾, которые точно также между собою равны, какъ по достоинству и власти равными между собою были и апостолы, бывъ всѣ, не смотря на нѣкоторое преимущественное отличіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ то: Петра, Іакова и Іоанна²⁾, одинаково второстепенными основаціями церкви, созданой на краеугольномъ камнѣ—Христѣ³⁾, на что еще въ ветхомъ завѣтѣ было символически предъуказано образомъ 12 камней, взятыхъ Іисусомъ Навиномъ въ Іорданѣ, и, сложенныхъ въ жертвенникъ завѣта, 12 камней, украшавшихъ ризу ветхозавѣтнаго первосвя-

ставляеть точно такой же ближайшій и подручный для жителя Італіи или сѣверной Африки авторитетъ, какой церковь коринтская, македонская, солунская и ефесская—для жителей Ахаіи, или Македоніи, или Малой Азіи.

¹⁾ Нѣкоторые изъ римскихъ богослововъ въ подтвержденіе того, будто бы Тертуліанъ приписывалъ римскому епископу главенство, ссылаются на его слова: „я слышу предложенъ эдиктъ, и эдиктъ неотвратимый, это значитъ—первосвященникъ великій, т. е. епископъ епископовъ, нарекаетъ“ (*Advers. Marc. lib. IV. c. 5*). Но каждый легко пойметъ, что въ сихъ словахъ, заключенныхъ въ монтанистическомъ Тертуліановомъ сочиненіи, выражается не что иное, какъ направленная противъ паны иронія, подобная той, какую впоследствии высказывалъ противъ притязаній Стефана св. Кипріанъ.

²⁾ Хотя Тертуліанъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на то преимущественное отличіе Петра, что онъ Господомъ наименованъ камнемъ созидасмой церкви, и наследовалъ ключи царствія съ властію вязать и рѣшить на небѣ и землѣ (*Præscript. c. 22*), но, сопоставляя его съ подобнымъ же преимуществомъ Іоанна и Іакова, изъ коихъ первый былъ возлюбленнѣйшимъ ученикомъ Христовымъ, а второй въѣхъ съ Петромъ и Іоанномъ удостоился быть свидѣтелемъ Его преображенія, онъ, что совершенно ясно изъ контекста рѣчи (*См. De præscript. c. 22—24*), „хочетъ сими обозначить только особеннѣйшую, наравнѣ съ Іоанномъ и Іаковомъ, близость къ Петру Господа, вслѣдствіе которой нельзя думать, чтобы онъ, равно какъ Іоаннъ и Іаковъ, лишенъ былъ чего-либо изъ откровеннаго ученія Христова. Указываетъ же онъ на это съ особенною силою вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы изобразить главенство или даже первенство Петрово въ ряду прочихъ апостоловъ, а съ тою одною исключительною цѣлю, чтобы яснѣе показать крайне возвышающимъ Павла на счетъ приниженія Петра сретикамъ, что ап. Петръ по отношенію къ апостольской проповѣди и служенію ничѣмъ не былъ меньше ап. Павла, а напротивъ былъ во всеяъ ему равный какъ одинаково вдохновенный Св. Духомъ, и какъ его сотоварищъ и сослужитель.

³⁾ *Advers. Marc. lib. V. c. 17.*

щенника, а также 12 источниковъ Елима, напоившихъ аравійскую пустыню ¹⁾).

Но тогда какъ языческіе гностики своими лжемудрованіями совнѣ враждебно дѣйствовали на церковь, къ концу 2-го вѣка изнутри самой церкви возникли еретики ставшіе не менѣе враждебно и вредоносно относиться къ ней, чѣмъ гностики. Мы разумѣемъ монтанистовъ, которые, увлекшись изображеннымъ въ писаніи возвышеннымъ идеаломъ святой и непорочной церкви, и не находя по своему взгляду никакого съ нимъ соотвѣтствія съ дѣйствительно тогда существовавшей церковью, задумали совершенно отвергнуть послѣднюю, и въ противоположность ей, какъ церкви не всецѣло по своему составу святой и кромѣ того еще по своему внѣшнему характеру видимо чувственной, образовать изъ себя свою особенную безусловно святую, духовную и невидимую или такого рода церковь, которая должна быть обществомъ однихъ святыхъ и избраннѣйшихъ членовъ, и кромѣ того обществомъ, находящимся всегда подъ непосредственнымъ озареніемъ и дѣйствіемъ всегда непосредственно его освящающаго Св. Духа, а потому вовсе не нуждающимся ни въ какихъ видимо-чувственныхъ или посредствующихъ способахъ освященія и духовно-нравственнаго руководствованія. Какъ ни мечтательны и ни самозваны были этого рода анти-церковныя стремленія монтанистовъ, но они малоопытныхъ могли соблазнять и привлекать къ себѣ своею заманчивою благовидностію. А потому пастыремъ церкви необходимо было разоблачать всю ихъ несостоятельность и неумѣстность, и вмѣстѣ съ симъ надлежаще разъяснять положительное ученіе о необходимости и высоконравственномъ значеніи въ освященіи людей основанной Христомъ и устроенной апостолами видимой церкви, что и было сдѣлано отчасти *Климентомъ александрійскимъ*, болѣе же всего *Ориеномъ*.

---

¹⁾ Advers. Marc. lib. IV. c. 13.

По Клименту *александрійскому*, церковь, какъ невѣста Христова, какъ дѣва, обрученная одному жениху Христу, дѣйствительно должна быть чистою и непорочною или вполне святою церковью!). Но таковою на самомъ дѣлѣ является собственно церковь небесная, гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скиена, раба и свободнаго, но все и во всемъ Христосъ (Кол. 3, 12)⁴⁾. Что же касается церкви земной, то она есть только подобіе или отблескъ церкви небесной⁵⁾, а потому напрасно было бы въ ней искать полной и совершенной святости, скорѣе же нужно видѣть въ ней мѣсто только для непрерывнаго стремленія, подготовленія и постепеннаго восхожденія къ сей святости. А такъ какъ, далѣе, достиженіе этой возвышеннѣйшей цѣли отъ ея немощныхъ членовъ требуетъ не малыхъ усилій и подвиговъ, а также не бываетъ свободно отъ всякаго рода нравственныхъ уклоненій, что можно видѣть между прочимъ на отпадающихъ отъ вѣры еретикахъ⁶⁾, то понятно, что въ ней для ея членовъ не только не лишнее, но даже безусловно необходимо внѣшнее пособіе и руководство, почему таковое и дано ей Христомъ и дано, независимо отъ непосредственнаго съ Его стороны содѣйствія, не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ ея видимомъ устройствѣ и въ такого же рода видимыхъ ея учрежденіяхъ⁷⁾. По Клименту, подобно тому, какъ церковь не искусствомъ человѣческимъ создана и не рукою обманщика украшена, а основана и устроена самимъ Христомъ и апостолами⁸⁾, такъ точно и все то, что передано и существуетъ по преемству отъ апостоловъ въ находящейся подъ всегдашнимъ управленіемъ Христовымъ церкви⁹⁾, не есть человѣческое, а божественное. Су-

⁴⁾ Strom. lib. III. c. 6 et 11.

⁵⁾ Ibid. lib. IV. c. 8.

⁶⁾ Ibid. lib. III. c. 26.

⁷⁾ Strom. lib. VII. c. 16.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Ibid. lib. VI. c. 5.

¹⁰⁾ Ibid. lib. IV. c. 26.

существует же въ ней получившая свое начало отъ Христа и апостоловъ и устроенная, по подобію небесной, состоящая изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ іерархія¹⁾, на обязанности которой, и въ особенности высшихъ лицъ ея, лежитъ—пещись не только о своемъ собственномъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ; они, поэтому, подобно апостоламъ обязаны неусыпно блюсти за ихъ нравственнымъ преспѣваніемъ, уча и руководя ихъ своимъ словомъ и житіемъ къ истинѣ и евангельскому совершенству²⁾. Существуютъ также въ церкви вполнѣ достовѣрные и подлинныя источники истиннаго ученія,—это писаніе Господне³⁾ и апостольское преданіе⁴⁾. Кромѣ того ей дарованы и въ ней еще существуютъ и учрежденныя Христомъ и необходимыя для освященія людей разныя духовно-благодатныя средства, какъ напр. крещеніе для ихъ духовнаго возрожденія, миропомазаніе—для укрѣпленія ихъ новой духовной

¹⁾ Strom. lib. VI. c. 13. Слѣдуетъ замѣтить, что Климентъ александрійскій, перечисляя въ земной іерархіи, по образу небесной, не болѣе какъ только три степени: высшую епископскую и низшія—пресвитерскую и діакопскую, этимъ самымъ ясно показалъ, что вовсе не зналъ еще какой-либо высшей, чѣмъ епископскал, церковной степени, и что, поэтому, онъ не иначе могъ смотрѣть на всѣхъ епископовъ, какъ только совершенно равныхъ между собой по епископству, подобно тому, какъ по апостольству совершенно равны были между собой всѣ апостолы. А что онъ такими признавалъ всѣхъ 12 апостоловъ, это совершенно ясно изъ того, что онъ ихъ одинаково называлъ 12 основными камнями небесной церкви (Paedagog. lib. III. c. 12), и сравнивалъ ихъ то съ 12 камнями расположенными четырьмя рядами на привѣшиваемой къ груди всѣхъ первосвященника дщцѣ, и означавшими собомъ 12 колѣвъ израильтянъ, то съ 12 знаками зодіакальнаго круга (Strom. lib. V. p. 565. ed. Frider. Lymburg. Coloniae). Что же касается первенства кого-либо изъ апостоловъ, то, по Клименту, такое, вслѣдствіе установившагося на первыхъ порахъ порядка въ апостольской церкви, быдо предоставлено не Петру, Іакову и Іоанну—мнимымъ быти столпамъ, а Іакову праведному. Вотъ его слова (у Евсевія): „Петръ, Іаковъ и Ісавль, хотя отъ самаго Господа предпочтены были, однако по вознесеніи не стали состязаться о славіи, но іерусалимскимъ епископомъ избрали Іакова праведнаго“ (Euseb. eccles. hist. lib. II c. 1), который послѣ этого, конечно, предсѣдательствовалъ и первенствовалъ въ апостольской церкви.

²⁾ Strom. lib. VI. c. 13.

³⁾ Ibid. lib. VII. c. 16.

⁴⁾ Ibidem.

жизни¹⁾, и евхаристія для непрерывнаго поддержанія и преспѣванія сей самой жизни чрезъ частое общеніе со Христомъ²⁾. Обладая же столькими средствами для возрожденія, воспитанія и совершенствованія духовно-нравственной жизни, церковь по справедливости можетъ быть названа въ отношеніи къ вѣрующимъ ихъ матерью³⁾. И она, по Клименту, не есть, какъ мечтали монтанисты, чисто невидимая или духовная церковь, а церковь, получившая свое историческое начало и устройство отъ Іисуса Христа и апостоловъ, и непрерывно сохраняющая въ неизмѣнномъ видѣ все это наслѣдіе, въ чемъ не трудно убѣдиться чрезъ сличеніе ея со всѣми позднѣйшими еретическими сборищами⁴⁾, а потому для всего міра открытая и видимая, изъ котораго и собираетъ достойныхъ членовъ для царствія Божія⁵⁾. Потому-то сами въ своей погибели виновны еретики, такъ какъ они, имѣя передъ глазами единую истинную апостольскую церковь, вмѣсто того, чтобы строго слѣдовать ей, противопоставляютъ ея апостольскому преданію свои живыя мнѣнія⁶⁾, вслѣдствіе чего утрачиваютъ все божественное и Господнее и перестаютъ быть людьми Божиими и вѣрными Господу⁷⁾.

Эти самыя мысли о церкви *Оригенъ* раскрываетъ еще съ большею обстоятельностью и выразительностію. По его воззрѣнію, земная церковь не иное есть общество, какъ общество святыхъ, но святыхъ не безусловно, а только вслѣдствіе благодатнаго освященія и призванія къ святости непрерывно стремящихся къ ней, а также по мѣрѣ своихъ силъ и усилій⁸⁾ на самомъ дѣлѣ ея достигающихъ въ той или иной, въ большей или меньшей степени, почему она

¹⁾ Paedag. lib. I. c. 6.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Paedag. lib. I. c. 6.

⁴⁾ Strom. lib. VII. c. 17.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Strom. lib. VII. c. 16.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ In Cantic. lib. IX, in Patr. curs. compl. graec. T. XIII. col. 191.

можетъ быть сравнена съ Ноевымъ ковчегомъ, который былъ полнъ самыхъ разнообразныхъ животныхъ, и въ которомъ, сообразно съ симъ, даны были имъ разныя помѣщенія, то верхнія, то нижнія, то гнѣзда¹⁾. Въ ней, повтому, не только умѣстны, но и безусловно необходимы вѣшніе и притомъ приспособительно къ условіямъ ея земнаго существованія видимые духовно-воспитательные и вспомогательные способы и средства, необходимыя какъ для всѣхъ ея не свободныхъ отъ грѣха членовъ, такъ въ особенности для слабѣйшихъ и немощнѣйшихъ, которые, бывъ воспицены на пути къ нравственному совершенству разными вѣшними препятствіями или же поражены собственными внутренними недугами, то ослабѣваютъ и падаютъ на немъ, то готовы бывають вовсе сойти съ него и оставить его, но которые, получая стороннюю благовременную помощь и поддержку, могутъ укрѣпить и обновить свои силы, и снова бодро и неуклонно продолжать прерванный путь своего нравственнаго преспѣванія²⁾. Эти то пособія и средства и даны Христомъ церкви, которая, обладая ими, при своемъ духовно благодатномъ и чисто нравственномъ характерѣ, является и видимою посредницею въ дѣлѣ освященія людей и руководствованія ихъ къ нравственному преуспѣванію. Она, по Оригену, въ отношеніи ко Христу и вращающимся въ ночи невѣденія людямъ—тоже, что луна въ отношеніи къ солнцу, отъ котораго заимствуетъ свой свѣтъ, и въ отношеніи къ нуждающимся въ ночномъ свѣтѣ земнымъ обитателямъ, которымъ она передаетъ его³⁾. Конечно, не кто либо иной, какъ только самъ Христосъ просвѣщаетъ и оживотворяетъ всю Свою церковь, всегда невидимо присутствуя въ ней, подобно душѣ—въ тѣлѣ⁴⁾. Но потому самому, что Ему благоугодно было присутствовать въ церкви, на подобіе души въ видимомъ тѣлѣ,

¹⁾ In Genes. homil. II. n. 3 et 4.

²⁾ In lib. Jes. Nav. homil. 7. n. 6. In Ierem. homil. 12. n. 5.

³⁾ In Genes. homil. 1. n. 5. De princip. lib. IV. c. 9.

⁴⁾ Contr. Cels. lib. VI. n. 48.

Онъ, тоже на подобіе души, живущей въ тѣлѣ, проявляя и проявляетъ здѣсь Свою жизненную и животворную силу чрезъ видимыя употребленія въ орудіе для сего, какъ всѣхъ членовъ организма церковнаго, такъ по преимуществу тѣхъ изъ его органовъ, которые занимали и на самомъ дѣлѣ занимають въ немъ преимущественное или господственное положеніе. Таковыми же органами были и есть заступившія и заступающія мѣсто апостоловъ въ церкви іерархическія лица, которыя въ ея организмѣ тоже, что въ тѣлѣ глаза или руки ¹⁾. Такъ какъ на нихъ лежитъ обязанность пешихъ не о своемъ только спасеніи, но и о спасеніи другихъ, вѣрннхъ ихъ попеченію членовъ, и отвѣтственность за это бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ выше ихъ іерархическое положеніе,—больше напр. долженъ отвѣчать епископъ, чѣмъ пресвитеръ, пресвитеръ—больше, чѣмъ діаконъ, а діаконъ больше чѣмъ мирянинъ ²⁾. И по этой причинѣ высшія іерархическія лица

¹⁾ In Jea. Nav. homil. 6. in Curs. Patr. graec. T. XII. col. 862.

²⁾ In Jerem. homil. II. п. 3. Это мѣсто, которое читается такъ: „больше требуется отъ меня (священника), чѣмъ отъ діакона, больше—отъ діакона, чѣмъ отъ мирянина, а отъ того, кому вручено церковное начальство надъ всѣми нами (епископа) требуется гораздо больше“ (In Jerem. homil. 2. п. 3), подаетъ, какъ извѣстно, римскимъ богословамъ поводъ видѣть здѣсь будто бы совершенно ясно выраженную мысль о главенствѣ римскаго епископа. Но здѣсь, что сразу не трудно замѣтить, рѣчь вовсе не о римскомъ, а о всякомъ вообще епископѣ, и въ частности скорѣе о ближайшемъ къ Оригену епископѣ alexandрійской церкви. Между тѣмъ на основаніи этого же мѣста, гдѣ указываются только три іерархическія степени, ни вправѣ заключить, что Оригенъ вовсе не зналъ кромя епископства другой какой-либо высшей іерархической степени, и что онъ, поэтому, всѣхъ епископовъ, не исключая и римскаго, признавалъ по епископству совершенно равными, подобно тому, какъ таковыми по апостольству признавалъ всѣхъ апостоловъ. А что Оригенъ всѣхъ апостоловъ, хотя въ ряду ихъ первымъ поставлялъ Петра, признавалъ по отношенію къ апостольскому достоинству и служенію вполне между собою равными, это совершенно ясно изъ того, что онъ, часто изображалъ основанную Христомъ и на Христѣ церковь подъ образомъ зданія, основаннаго на краеугольномъ камнѣ, апостоловъ обкновенно сравниваетъ съ второстепенными, положенными на краеугольномъ, и совершенно одинаковыми основными камнями (In Luc. comment. 139. T. III. p. 927, ed. De-la-Rue; Contr. Cela. lib. III. T. I. p. 164. In Jea. Nav. homil. 9), и вмѣстѣ съ симъ имъ усматриваетъ одинаковую власть въ церкви вѣдать и рѣшать, и все

облечены такими правами въ церкви, какія не даны другимъ,

прочее принадлежащее къ достоинству и правамъ апостольства. Правда, Оригенъ иногда такъ выражается о Петрѣ (на что въ видахъ главенства Петрова ссылаются римскіе богословы): „Петръ есть великое основаніе церкви, есть твердѣйшій камень, на которомъ Христосъ основалъ церковь (In Exod. homil. 5), на Петрѣ, какъ на землѣ, основана церковь (In epist. ad Roman. I. V. п. 10); Петру особо сказалъ Господь: *дамъ ти ключи..*, велико различіе и превосходство сказаннаго Петру: *и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесахъ..* (Мат. 16, 19) сравнительно съ тѣмъ, что сказано другимъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Мат. 18, 18) (Orig. In Matth. Tom. XIII, орр. Т. III. р. 613); но самъ же Оригенъ всѣ означенныя изреченія объясняетъ не въ смыслѣ главенства, а только первенства Петрова, по которому ему только какъ первому преподавалось Господомъ все то, что давалось и всѣмъ прочимъ апостоламъ. Такъ, отклоня другихъ отъ того преувеличеннаго мнѣнія о Петрѣ, по которому онъ могъ быть соотвѣтственными или исключительными основаніемъ церкви съ признаніемъ въ семъ случаѣ прочихъ апостоловъ, онъ между прочимъ воть что говоритъ: „если ты думаешь, что на одномъ только Петрѣ создана вся церковь, то что сказалъ бы ты объ Іоаннѣ, сынѣ Громова, и о каждомъ изъ апостоловъ? или развѣ мы осмѣлились сказать, что врата адава не одолѣютъ собственно Петра, а прочихъ апостоловъ одолѣютъ? Развѣ не о всѣхъ и не о каждомъ изъ нихъ прежде сказано: *врата адава не одолѣютъ ей*, и еще: *на семъ камени созижду церковь Мою*“ (In Matth. T. XX. орр. Т. III. р. 524)? Если Оригенъ выражается о Петрѣ: „Петру особо сказалъ Господь: *дамъ ти ключи*; велико различіе и превосходство сказаннаго Петру (*еже аще свяжеши..*) сравнительно съ тѣмъ, что сказано другимъ (*елика аще свяжеши..*), то самъ же здѣсь объясняетъ себя прямо указывая на то, что онъ здѣсь сравниваетъ Петра не съ прочими апостолами, а со всѣми тѣми, кто по слову Спасителя (Мат. 18, 15—18) предлагаетъ кому бы то ни было согрѣшившему три увѣщанія (In Matth. T. XX. орр. Т. III. р. 614). Сравнивая же напротивъ въ этомъ самомъ отношеніи Петра съ прочими апостолами, онъ воть что говоритъ: „развѣ Петру одному даются Господомъ ключи царствія небеснаго, и кто изъ блаженныхъ не получилъ ихъ? А если и другимъ это обще: *дамъ ти ключи царства небеснаго*; то уже ли не обще и все, и прежде изреченно, и послѣ прибавленное, что сказано какъ бы Петру (одному)? Ибо здѣсь это кажется сказаннымъ какъ бы Петру одному: *еже свяжеши на земли, будетъ связано на небесахъ..*, а въ евангеліи отъ Іоанна (20, 22. 23), непосредственно давъ Духа Святаго дуновеніемъ, Спаситель говорить всѣмъ ученикамъ: *примите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (In Matth. h. XII. T. III. р. 525). Послѣ сего понятно, что выраженіе Оригеново, сохранившееся только въ латинскомъ переводѣ: Петръ—*princeps apostolorum* (In Luc. h. 17. Орр. Т. III. р. 952), слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ принца или князя, чего оно въ давнее время вовсе не обозначало, а скорѣе въ смыслѣ перваго, верховнаго или корифея между апостолами (*κεφαλὴ τοῦ ἀποστόλων*). А что Оригенъ въ частности не при-

а именно правомъ подобно апостоламъ быть учителями¹⁾, быть пастырями и правителями словеснаго стада Христова²⁾, а также правомъ быть домостроителями таинъ Божіихъ, которыя ввѣрены имъ, какъ вѣрнымъ рабамъ, для раздаванія ввѣрующимъ сокровенныхъ въ нихъ благодатныхъ даровъ³⁾.

И эта то видимая церковь, обладающая видимою богочрежденною іерархіею и видимымъ, хотя въ тоже время чисто духовнымъ и таинственно благодатнымъ устройствомъ, есть по Оригену, единая истинная, или точнѣе сказать, единственная церковь Христова, такъ какъ въ ней одной только есть истина и все нужное для спасенія, и поэтому въ ней одной только можно спастись, подобно тому какъ отъ потопа спаслись только бывшіе въ ковчегѣ Ноевомъ, или какъ спаслись отъ смерти во время взятія Іерихона только бывшіе въ домѣ Раавы, а внѣ ея внѣтъ и не можетъ быть спасенія, какъ не было его для оставшихся внѣ ковчега Ноева и внѣ дома Раавы⁴⁾. Не должны мы, поэтому, заключаетъ Оригенъ, слушать тѣхъ, которые говорятъ: вотъ

знавалъ главою между епископами римскаго епископа, въ подтвержденіе сего, послѣ его положительнаго о семъ молчанія, достаточно указать и на слѣдующую его характеристику положенія высшей въ его время церковной іерархіи, сосредоточенной не въ одномъ, а во многихъ ея представителяхъ. „Зналъ, пишетъ Оригенъ, что въ каждомъ городѣ есть свой особый составъ церкви, устроенный Словомъ Божіимъ, мы признаемъ къ начальству надъ церквами (мужей) сильныхъ словомъ и ведущихъ непорочную жизнь, не принимая властолюбивыхъ, принуждалъ же напротивъ тѣхъ, которые по особенной скромности не хотятъ скоро принять на себя общее поученіе о церкви; и мудро начальствующіе надъ ними бывають поставлены на это великимъ царемъ, которымъ исповѣдуемъ мы Сына Божія, Бога Слова. И если начальствующіе въ церкви начальствуютъ хорошо... (я говорю о такъ называемыхъ предстоителяхъ церкви); или если начальствуютъ по заповѣдямъ Божіимъ: то въ этомъ они не мало не скверняютъ себя законами людскими..., управляя вмѣстѣ и строго и праведно и заботясь обо всѣхъ своихъ присныхъ, чтобы съ каждымъ днемъ они лучше и лучше жили, а о вишнихъ, чтобы они пребывали въ достойныхъ благочестія рѣчахъ и дѣлахъ“ (Contr. Cels. 1, 8. Opp. T. I. p. 798).

¹⁾ In Luc. homil. 18, in Curs. Patr. T. XIII. col. 1848.

²⁾ In Jes. Nav. hom. 7. n. 6. In Ierem. homil. 12. n. 5.

³⁾ In Jes. Nav. homil. 11. n. 3.

⁴⁾ In Genes. homil. 2. n. 3; in lib. Jes. Nav. homil. 3. n. 5.

здѣсь Христось, но не указываютъ Его въ церкви, которая полна сіянія отъ востока до запада, исполнена свѣтомъ истиннымъ, есть столпъ и утверженіе истины, и въ которой при ея полнотѣ, полно и пришествіе Сына человѣческаго, говорящаго всѣмъ, находящимся въ ней повсюду: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20)¹⁾. Пусть каждый желающій спастись входитъ въ предъуказанный домоу Раавы домоу сей, въ которомъ кровь Христова положена въ знаменіе искупленія... И никто пусть не убѣждаетъ себя (въ противномъ) и не обольщаетъ себя: въ сего дома, т. е. въ церкви, никто не спасется и если кто выходитъ отсюда вонъ, тотъ самъ становится виновнымъ въ своей смерти²⁾.

Наконецъ около половины III вѣка выдѣлились изъ церкви же еще болѣе опасные ея противники, чѣмъ каковы были монтанисты. Это были новаціане, которые, подобно монтанистамъ, заподозривъ существующую церковь въ недостаткѣ истинной святости, вслѣдствіе принятія ею въ свое лоно падшихъ, хотя и раскаявшихся, грѣшниковъ, совершенно отдѣлились отъ ней и образовали изъ себя особое общество, долженствовавшее состоять изъ однихъ святыхъ и непорочныхъ членовъ, но образсвали общество не невидимое, какъ это сдѣлали монтанисты, а видимое, и притомъ по своей видимости совершенно похожее на церковь, вслѣдствіе устройства въ немъ іерархіи, священнодѣйствій и всей церковной обрядности. Такое появленіе подлѣ искони существовавшей другой съ виду похожей на нее новой церкви, понятно, не могло не вызывать слѣдующаго рода естественныхъ и требующихъ разрѣшенія недоумѣній и вопросовъ: какого рода эта вновь появившаяся церковь, истинная ли она или нѣтъ, если истинная, то не нужно ли ее предпочесть церкви существующей, тѣмъ болѣе, что она стремится

¹⁾ In Matth. comment. ser. n. 47 in cura. Patr. Compl. T. XIII. col. 1669.

²⁾ In lib. Jes. Nav. homil. 3. n. 5.

къ безусловной святости, если она церковь не истинная, то—почему, и наконецъ почему одна только церковь издревле существующая должна быть признана истинною церковью? На воѣ эти недоумѣнія и вопросы и дано было вполне удовлетворительное разрѣшеніе однимъ изъ самихъ равносѣйшихъ борцовъ за церковь противъ новаціанъ *св. Кипріяномъ*.

По *Кипріяну*, самое существенное свойство и вмѣстѣ признакъ истинной церкви Христовой есть апостольство, съ которымъ неразрывно соединено другое ея свойство—внутреннее и нераздѣльное единство. Апостольство же церкви заключается въ томъ, что она, получивъ свое начало отъ апостоловъ, утверждается на нихъ, какъ на своихъ корняхъ, заимствуя отъ нихъ все необходимое для своего существованія, и поддерживая съ ними всегдашнюю свою внутреннюю связь, каковою служить прежде всего полученная ею отъ апостоловъ и непрерывно черезъ не прекращаемое преемство сохраняемая іерархія, и затѣмъ полученное ею отъ апостоловъ же и сохраняемое чрезъ непрерываемое же преемство и все другое необходимое для освященія людей, какъ то: ученіе, священнодѣйствованіе и управленіе ¹⁾). Церковь, поэтому, какъ ни далеко сравнительно съ апостольскимъ временемъ простирается въ даль будущаго, остается по своему существу и характеру тою же апостольскою церковью и вмѣстѣ съ симъ какъ ни широко она разрастается и распространяется по міру, образуетъ собою единую нераздѣльную церковь, въ своемъ единствѣ похожую на огромное вѣтвистое дерево, имѣющее одинъ стволъ и корень ²⁾), или на одно солнце, распространяющее изъ себя безчисленное множество лучей, или же на одинъ источникъ, изливающий изъ себя множество ручьевъ ³⁾). И этому единству

¹⁾ Epist. Laps. 27. (ed. Maran.). Ad Rogatian. 65. Ad cler. 66. Ad Jubajan. 73. Ad Fid. 59. Ad Martyr. et Confes. 10.

²⁾ De unit. eccles. n. 5.

³⁾ Ibidem.

не только не мѣшаетъ множество частныхъ церквей, но скорѣе его поддерживаетъ и упрочиваетъ. Потому что каждая частная церковь, если только она по истинѣ апостольская церковь, подобно тому какъ поставлявшіе епископовъ апостолы обладали однимъ и тѣмъ же апостольствомъ¹⁾, содержать въ себѣ въ лицѣ своего епископа наследованное отъ апостоловъ по преемству одно и тоже епископство²⁾. Вмѣстѣ

¹⁾ *Св. Кирианъ* повидному въ преимущественномъ отношеніи совершенно выдѣляетъ Петра изъ ряда прочахъ апостоловъ, признавая его какъ бы единственнымъ основаніемъ церкви, исключительнымъ обладателемъ ключей царствія небснаго, такъ какъ онъ пишетъ: „Господь говоритъ Петру: *Азъ тебѣ даюлю, яко ты еси Петръ, и на семь каменн созиджу церковь Мою, и врата адовы не одолють ей, и дамъ ти ключи царствія небснаго, и еже аще свяжешн на земли, будетъ связано на небснхъ, и еже аще разръшиши на земли, будетъ разръшено на небснхъ* (Мат. 16, 18 и 19). И опять Онъ говоритъ ему же, по воскресеніи Своемъ: *паси овцы Моя* (Іоан. 21, 16). Такимъ образомъ церковь Свою основываетъ на одномъ“. Но самъ же Кирианъ объясняетъ здѣсь себя, такъ продолжая рѣчь свою: „Хотя по воскресеніи Своемъ Господь усвоетъ равную власть всѣмъ апостоламъ, говоря: *Якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы, примите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите держатся* (Іоанн. 20, 21—23); однако, чтобы показать единство (церкви), Ему угодно было съ одного же и предначать это единство. Конечно и прочіе апостолы были тоже, что и Петръ, бывъ одарены равною долей чести и власти, на начинаніе идеть отъ единства, чтобы обозначать одну церковь Христову“ (De unit. eccles. n. 4). Если же всѣ апостолы были тоже что Петръ, бывъ съ Петромъ одарены равною долей чести и власти, то ясно, что, по Кириану, преимущественное отличіе Петра заключается только въ томъ, что Господь, для предъизображенія единства церкви, только прежде другихъ апостоловъ ему первому изъ нихъ преподалъ тоже самое, что послѣ дано было и имъ (Сравни. Epist. 71. ad Quint. Epist. 73. ad Юбајан). Кроме того, по Кириану, самъ „Петръ, котораго Господь перваго избралъ и на которомъ создалъ церковь Свою... не приписывалъ себѣ чего-либо дерзко или не усвоилъ самоуправно, такъ чтобы говорить, что онъ держитъ первенство, и что ему больше должны повиноваться современники и потомки“ (Epist. 71. ad Quint.).

²⁾ По Кириану, происшедшее отъ апостоловъ чрезъ преемственное рукоположеніе епископство (Epist. 27), хотя оно развѣвлено въ лицѣ многихъ епископовъ, однако (Epist. 52 ad Ant. de Cornel.), в каждый изъ епископовъ обладаетъ его частію въ цѣломъ (De unit. eccles. n. 4). А потому каждый изъ епископовъ, имѣя отдѣльную часть стада, властвуетъ и свободенъ управлять ею по своей волѣ, имѣя дать отчетъ о своемъ поведеніи Господу (Epist. 55 ad Cornel; epist. 72 ad St. ph.),—каждый въ своей паствѣ—намѣстникъ Христовъ

же съ апостольскимъ епископствомъ, каждая церковь сохраняетъ въ себѣ все то, что ей передано было отъ апостоловъ чрезъ епископовъ. А потому всѣ взятыя вмѣстѣ, частныя церкви, бывъ, какъ высшимъ правящимъ началомъ, объединяемы общимъ согласіемъ, строго держащихся одного и того же ученія и преданія апостольскаго, епископовъ¹⁾, являются

и судія вѣсто Христа, имѣющій право на общее почтеніе и повиновеніе (Epist. 55 ad Cornel.). Между тѣмъ римскіе богословы ссылаются на послѣднее мѣсто, усиливаясь увидѣть въ немъ ясное указаніе на главенство римскаго епископа, но напрасно, потому что здѣсь Кипріанъ ведетъ рѣчь о себѣ и о каждомъ, а не объ одномъ римскомъ епископѣ. Если Кипріанъ употребляетъ въ примѣненіи къ папѣ Стефану выраженіе: епископъ епископовъ, то не съ иною, а только тою цѣлю, чтобы рѣзче показать всю неумѣстность его притязательности, подтвержденіемъ чему служатъ слѣдующія слова Кипріана къ бывшимъ на кареагенскомъ соборѣ епископамъ: „никто изъ насъ не считаетъ себя епископомъ епископовъ, никто страхомъ не принуждаетъ, какъ тиранъ, своихъ сотоварищей слѣдовать своему мнѣнію, потому что всякій епископъ въ силу своей свободы и власти имѣетъ собственное мнѣніе и не можетъ быть судимъ другимъ епископомъ, равно какъ и самъ не можетъ судить другого“ (Binii concil. T. I. p. 179). Въ посланіяхъ же своихъ къ папѣ Стефану и Корнелію перваго онъ называетъ братомъ и товарищемъ, а послѣдняго братомъ и соепископомъ (Epist. ad Steph. 67, 72; ad Cornel. 41). Но самымъ неотразимымъ свидѣтельствомъ того, что Кипріанъ совершенно былъ чуждъ мысли о главенствѣ римскаго первосвященника, служитъ его несогласіе съ Стефаномъ по вопросу о крещеніи еретиковъ, вслѣдствіе каковаго онъ не только остался при своемъ особенномъ рѣшеніи, но и считалъ себя вправѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ обличать и осуждать Стефана за его неизвинительное високонѣріе, и пагубное отступленіе отъ апостольской истины (Epist. 70 ad Januar., 71 ad Quint., 73 ad Jubajan).

¹⁾ Хотя по Кипріану, каждый въ частности одинаково участвуетъ въ епископствѣ, и совершенно свободенъ въ управленіи опредѣленною частію стада Христова, но онъ обязанъ соблюдать союзъ согласія съ прочими епископами (Epist. 52 ad Antonian.), которые всѣ одинаково обязаны содержать и защищать единство церкви, и чрезъ это представлять собою епископство единымъ и тѣмъ же нераздѣльнымъ (De unit. eccles. n. 4), и всецѣлымъ, и котораго поэтому, должны являть собою высшее объединяющее и правящее начало въ церкви. А такъ какъ выраженіемъ согласія епископовъ служатъ соборы, на которыхъ ими постановляется, „какъ быть должно“ (Epist. 43 vel. 52 ad Anton.), то, по Кипріану, соборныя рѣшенія епископовъ имѣютъ полное право на согласіе съ ними, а не притивленіе имъ частныхъ отдѣльныхъ епископовъ; такъ какъ „притворъ священниковъ не долженъ навлекать на себя упрека въ легкомысленной измѣчивости и непостоянствѣ, когда Господь учитъ и говоритъ: *буди слово ваше: ей, ей, ни, ни*“ (Mat. 5, 37. Epist. 55 ad Cornel. de Fortunat).

въ отношеніи къ основанной Христомъ и устроенной апостолами первоначальной церкви тѣмъ, чѣмъ бывають въ отношеніи къ стволу древесному его корни и его вѣтви, въ отношеніи къ солнцу—его лучи, въ отношеніи къ источнику его ручьи¹⁾, или же въ отношеніи къ тѣлу—его члены²⁾.

Ясно послѣ сего что виѣ и независимо отъ одной апостольской церкви нѣтъ и не можетъ быть другой какой либо истинной и апостольской же церкви; такъ какъ это настолько не мыслимо, насколько не мыслимо то, чтобы солнечный лучъ могъ существовать, бывъ отдѣленъ отъ цѣлостнаго средоточія свѣта, или вѣтвь, бывъ отломлена отъ дерева, или же ручей, бывъ разобщенъ съ его источникомъ³⁾. вмѣстѣ съ симъ ясно и очевидно то, что виѣ и независимо отъ существующаго въ единой апостольской церкви законнаго или богоучрежденнаго священства, нѣтъ и не можетъ быть другаго такого же священства, равно какъ и виѣ дарованныхъ Христомъ церкви и въ ней существующихъ освящающихъ средствъ нѣтъ и не можетъ быть другихъ такихъ же средствъ. А наконецъ очевидно и несомнѣнно то, что виѣ единой апостольской церкви нигдѣ нѣтъ и не можетъ быть и самаго освященія людей и спасенія, подобно тому, какъ спасенія не было для оставшихся виѣ ковчега Ноева⁴⁾, потому что „кто не имѣетъ церкви матерію, тотъ не имѣетъ и отцемъ Бога“⁵⁾.

Какъ же послѣ этого, по Кипріану, нужно было смотрѣть на новацианъ и имъ подобныхъ людей? Не иначе, какъ ничего общаго не имѣющихъ съ церковію еретиковъ или раскольниковъ. Они, по Кипріану, образовали изъ себя общество съ виду похожее на церковь, но совершенно напрасно претендуютъ на признаніе его церковью, такъ какъ

¹⁾ De unit. eccles. n. 5.

²⁾ Epist. ad Coecil. 63. n. 13.

³⁾ De unit. eccles. n. 5

⁴⁾ Ibid. n. 6.

⁵⁾ Ibidem.

оно устроено самозванно и самопроизвольно, и ничего общаго не имѣеть съ богоучрежденною апостольскою церковью, которая—одна, и не можетъ быть внутри себя и внѣ¹⁾. Они установили у себя похожую на существующую въ церкви іерархію, но опять самозванно и самопроизвольно; такъ какъ никто не давалъ законнаго епископскаго посвященія ихъ мнимымъ епископамъ, а они, презрѣвъ евангельское и апостольское преданіе, сами себя поставили таковыми, никому не наследуя въ епископствѣ, но произшедши отъ самихъ себя, и потому не имѣя никакого права на незаконно присвоенное себѣ епископство²⁾. Эти-то мнимосвященныя лица совершаютъ и похожія на существующія въ церкви крещеніе, миропомазаніе, евхаристію и другія священнодѣйствія, но понятно, что всѣ эти священнодѣйствія, какъ совершаемыя самолично, ничего не имѣютъ общаго съ подобными священнодѣйствіями, установленными самимъ Христомъ и преподаваемыми апостолами только церкви, и потому внѣ ея вовсе не имѣющими мѣста и своей благодатной силы³⁾. Пусть, поэтому, подобные священнодѣйствователи ждуть себѣ суда подобнаго тому, какой постигъ за незаконное присвоеніе власти священнодѣйствованія Корея, Дааана и Авирона, а также сыновъ Аароновыхъ за возложеніе на алтарь чуждаго огня. „Божественный судъ явить свое отмщеніе еретикамъ, совершающимъ вопреки церкви то, что позволено дѣлать только одной церкви“⁴⁾.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Epist. ad Magn. 76. n. 3.

²⁾ De unit. eccles. n. 10. Epist. ad Magn. 76. n. 3.

³⁾ Epist. ad Jubajau. 73. Epist. ad Januar. 70.

⁴⁾ Epist. 73. ad Jubajau.

АПОЛОГЕТИКЪ ТЕРТУЛЛІАНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Квинтъ Септимій Флорентъ Тертулліанъ занимаетъ очень видное мѣсто въ древней исторіи христіанской церкви. Такое мѣсто онъ приобрѣлъ себѣ не іерархическимъ положеніемъ, но литературною дѣятельностію. Его литературная дѣятельность отличается оригинальнію, плодотворностію и разнообразіемъ. Первое изъ этихъ качествъ зависитъ отъ его національныхъ и личныхъ особенностей, рѣзко отличающихъ его отъ предшествующихъ и современныхъ ему греческихъ церковныхъ писателей. Причина второго качества лежитъ съ одной стороны въ его природной даровитости и прекрасномъ по тому времени школьномъ языческомъ образованіи, а съ другой—въ довольно значительномъ развитіи, до выступленія его на литературное поприще, учевой христіанской литературы, которая ему несомнѣнно была извѣстна. Наконецъ, третье качество обуславливается современнымъ ему положеніемъ и состояніемъ христіанской церкви. Обстоятельства того времени побуждали его браться за литературное рѣшеніе вопросовъ и практическихъ, и догматическихъ, и апологетическихъ. Поэтому онъ является въ качествѣ защитника христіанства и христіанъ и отъ внутреннихъ враговъ, еретиковъ, и отъ вѣншихъ, язычниковъ и іудеевъ. Изъ его сочиненій, число которыхъ очень значительно ¹⁾, особенно если взять во вниманіе

¹⁾ До насъ изъ его сочиненій сохранилось 31. Изъ нихъ пять апологетическихъ, къ которымъ относятся: *Apologeticus*, *Ad nationes*, *De testimonio*

то, что онъ полагаетъ начало латино-христіанской литературы, мы избрали предметомъ изслѣдованія одно, именно „Апологетикъ“, такъ какъ это его сочиненіе есть самое главное не только между апологетическими, но и всѣми его сочиненіями, почему Тертулліанъ извѣстенъ по преимуществу какъ апологетъ. Общее и спеціальное образованіе Тертулліана, а также и его профессія до обращенія въ христіанство подготовляли его къ апологетической дѣятельности болѣе, чѣмъ къ какой либо другой¹⁾.

„Апологетикъ“ Тертулліана съ давнихъ поръ обращалъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей древней христіанской письменности. Спеціальныя труды, относящіяся къ этому сочиненію, могутъ быть раздѣлены на три разряда. Къ первому принадлежатъ такія, гдѣ изслѣдуется какой-либо одинъ отдѣльный вопросъ, относящійся до этого сочиненія, что сдѣлано Мосгеймомъ въ его „Disquisitio de aetate Apologetici Tertulliani initioque persecutionis Severi“ и Эбертомъ въ его „Tertullian's Verhältniss zu Minucius Felix“; ко второму—такія, въ которыхъ главнымъ образомъ излагается содержаніе, а пропедевтическимъ вопросамъ отводится слишкомъ мало мѣста, каковы труды Берингера²⁾.

animae, Ad Scapulam и Adversus Judaeos; *десять догматическихъ*, куда принадлежатъ: De praescriptione haereticorum, De baptismo, Adversus Hermogenem, Adversus Valentianum, De anima, De carne Christi, De resurrectione carnis, Scorpiace, Adversus Marcionem и Adversus Praxeum; и *шестнадцать практическихъ*, въ которыхъ относятся: De poenitentia, De patientia, Ad martyres, De oratione, Ad uxorem, De spectaculis, De idolatria, De corona, De fuga, De exhortatione castitatis, De monogamia, De virginibus velandis, De habitu muliebri et de cultu feminarum, De pudicitia, De jejuniis adversus paichicos и De pallio. Кроме того, нѣкоторые изъ его сочиненій до насъ не дошли, а именно: De exstasi, De paradiso, De spe fidelium, Adversus Apellem, De vestibis Aaronis, De circumcissione, De animalibus puris et impuris, De virginitate и De molestiis nuptiarum. Такимъ образомъ потерянныхъ сочиненій Тертулліана девять, а всѣхъ сорокъ.

¹⁾ Гефел., Tertullian als Apologet, въ Theologische Quartalschrift. 1838 года. Стр. 36—45.

²⁾ Die Kirche Christi und ihre Zeugen. Erster Band. II. Hälfte. S. 131—262.

Фреппеля¹⁾); наконецъ, къ третьему—такіе, въ которыхъ обстоятельно излагается содержаніе этого сочиненія и тщательно изслѣдуются пропедевтическіе его вопросы, что сдѣлано Нурри въ его „Dissertatio in Q. Septimii Florentis Tertulliani Apologeticum, duos ad Nationes libros et unum ad Scarpulam“²⁾ и отчасти Гефеле въ его „Tertullian als Apologet“. Къ этому послѣднему разряду относится и нашъ трудъ. Мы намѣрены представить подробный анализъ „Апологетика“ Тертуліана и подвергнуть тщательному критическому изслѣдованію тѣ пропедевтическіе вопросы, которые изслѣдовались въ трудахъ тѣхъ или другихъ нашихъ предшественниковъ. Труды Нурри и Гефеле не дѣлаютъ излишнимъ нашего труда. Правда, трудъ Нурри есть весьма солидный и весьма обстоятельный трудъ; но онъ не можетъ удовлетворять нашему времени уже потому, что появленіе его относится къ самому началу прошлаго столѣтія (1715 г.). Не изъ особенно новыхъ трудовъ и трудъ Гефеле: онъ относится къ 1838 г. Поэтому ни въ томъ, ни въ другомъ трудѣ нѣтъ и помину о томъ весьма спорномъ въ настоящее время вопросѣ, раздѣлившемъ ученый міръ на два противоположные лагеря, именно: авторъ ли „Апологетика“ пользовался „Октавіемъ“ или на оборотъ авторъ „Октавія“ пользовался „Апологетикомъ“. А этотъ вопросъ весьма важенъ въ изслѣдованіи „Апологетика“. Отъ такого или иного рѣшенія его зависитъ большая или меньшая степень оригинальности этого сочиненія. Кромѣ того, мы намѣрены, по мѣрѣ силъ своихъ, рѣшить два вовсе еще не разработанные вопросы. Одинъ изъ этихъ вопросовъ касается опредѣленія отношенія „Апологетика“ Тертуліана къ предшествующимъ ему греческимъ апологіямъ, причемъ мы поставляемъ для себя цѣлю не только показать, что есть общаго или сходнаго между первымъ и послѣдними, но и попытаться

¹⁾ Tertullien. Cours d'éloquence sacrée.

²⁾ Patrologiae cursus completus Latin. T. I, P. 706—1144.

опредѣлять, что изъ этого общаго или сходнаго нужно объяснить путемъ заимствованія и что вѣтъ, и что откуда именно заимствовано. Другой вопросъ заключается въ опредѣленіи эрудиціи „Апологетика“, которая, по свидѣтельству бл. Іеронима, обнимаетъ *sunctam saeculi disciplinam* ¹⁾). Намъ хотѣлось бы вскрыть эту его эрудицію. Наконецъ къ своему изслѣдованію мы намѣрены приложить переводъ этого сочиненія съ комментариемъ, который, по нашему мнѣнію, необходимъ, такъ какъ многія мѣста этого сочиненія по тѣмъ или другимъ причинамъ непонатны. Поэтому трудъ нашъ, если не по существу дѣла (судь о чемъ принадлежитъ не намъ, а другимъ), то по крайней мѣрѣ по цѣли своей, долженъ имѣть мѣсто и значеніе не только въ нашей русской литературѣ, гдѣ, кромѣ Карнова перевода этого сочиненія ²⁾), страдающаго многими недостатками, почти ничего не имѣется ³⁾), но и вообще въ ряду однородныхъ ему трудовъ иностранной литературы.

I.

Положеніе христіанъ въ вѣкъ Тертулліана.

Изслѣдователи Тертулліана Шаффъ ⁴⁾), Эбертъ ⁵⁾), Альдогъ ⁶⁾) и др. полагаютъ, что онъ родился около 160 г. по Р. Хр. Хотя они не приводятъ никакихъ основаній въ подтвержденіе этого мнѣнія, тѣмъ не менѣе оно вполне заслу-

¹⁾ Hieron. Ad Magn.

²⁾ Есть у насъ переводъ этого сочиненія, сдѣланный Леонасіемъ, архіепископомъ новороссійскимъ и дѣлпровскимъ и изданный имъ въ 1802 г., который стоитъ несравненно выше перевода Карнова. Но этотъ переводъ составляетъ библиографическую рѣдкость и притомъ устарѣлъ по языку своему.

³⁾ Русская литература, касающаяся вообще Тертулліана, указываетъ въ сочиненіи К. Попова „Тертулліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя вачала его богословія“. Стр. 8.

⁴⁾ Real-Encyklop. Herzog. T. 15, стр. 555.

⁵⁾ Geschichte d. christlich. lateinisch. Lit. стр. 32.

⁶⁾ Handbuch d. Patrol. стр. 168.

живаєть довір'я. Бл. Ієронимъ въ сочиненіи *De viris illustribus*, представляя краткое жизнеописаніе Тертуліана, говорить между прочимъ, что этотъ пресвитеръ церкви, вслѣдствіе ненависти къ нему римскаго духовенства и вслѣдствіе нанесенія ему оскорбленій со стороны этого духовенства, оставивъ православную церковь, перешелъ въ секту монтанистовъ въ *серединѣ своей жизни*¹⁾. Но переходъ его въ эту секту падаетъ на промежутокъ времени отъ 200 до 202 г., какъ можно полагать на основаніи нѣкоторыхъ его собственныхъ сочиненій. Ибо его „Апологетикъ“, написанный, какъ увидимъ ниже, въ 199—200 г., не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ ученія монтанистовъ, хотя касается между прочимъ и такихъ пунктовъ, въ которыхъ эти сектанты расходятся съ православными. Но его сочиненіе „De sobota militis“, написанное имъ, какъ справедливо утверждаетъ Ульгорнъ²⁾, въ 202 г., даетъ видѣть въ авторѣ своемъ уже послѣдователя этого ученія. Если, такимъ образомъ, переходъ Тертуліана въ секту монтанистовъ относится ко времени отъ 200 до 202 г., а этотъ переходъ, какъ свидѣтельствуєтъ бл. Ієронимъ, совершился въ срединѣ многолѣтней жизни его, то всякій въ правѣ относить рожденіе его къ указанному выше времени, то есть ко времени около 160 г. Еще менѣе точно біографы Тертуліана опредѣляютъ время кончины его. Одни (Шафъ) относятъ кончину его къ періоду времени отъ 220 до 240 г., другіе (Эбертъ) — къ четвертому десятилѣтію третьяго столѣтія. Это послѣднее мнѣніе, не исключющее того перваго, но только ограничивающее его, заслуживаетъ ббльшаго вѣроятія. Бл. же Ієронимъ въ упомянутомъ сочиненіи сообщаетъ, что Тертул-

¹⁾ Hic cum usque ad mediam aetatem presbyter Ecclesiae permansisset, invidia postea et contumeliis clericorum Romanae Ecclesiae, ad Montani dogma delapsus. С. 53.

²⁾ Fundamenta Chronologiae Tertullianae. с. 111.

ліанъ дожилъ до *глубокой старости* ¹⁾. Но что это была бы за глубокая старость Тертулліана, если бы онъ, родившись около 160 г., умеръ въ 20-хъ годахъ третьяго столѣтія. Для болѣе точнаго опредѣленія времени смерти Тертулліана мы не имѣемъ данныхъ. Такимъ образомъ, время жизни Тертулліана начинается около 160 г., а кончается тридцатыми годами третьяго столѣтія.

Въ теченіе этого періода, продолжавшагося около 80 л., положеніе христіанъ находилось въ зависимости ближайшимъ образомъ отъ личностей царствовавшихъ тогда императоровъ и отъ положенія и состоянія самого государства или извѣстнаго общества. Поэтому мы намѣрены представить положеніе христіанъ въ вѣкъ Тертулліана въ связи съ краткою характеристикою императоровъ того времени и въ связи съ краткимъ описаніемъ общественныхъ бѣдствій и несчастій, посѣщавшихъ тогда государство.

Римскимъ государствомъ тогда управляли слѣдующіе императоры: Маркъ Аврелій (161—180), Коммодъ (180—192), Пертинаксъ (193 г.), Дидій Юліанъ (193 г.), Септимій Северъ (193—211), Каракалла (211—217), Макринъ (217—218), Геліогабалъ 218—222 и Александръ Северъ (222—235 г.). Такъ какъ о положеніи христіанъ при нѣкоторыхъ изъ этихъ императоровъ, а именно: при Пертинаксѣ, Дидіѣ Юліанѣ и Макринѣ намъ не извѣстно, и такъ какъ, вѣроятно, эти императоры не успѣли проявить никакого отношенія къ христіанамъ по краткости своего царствованія (Пертинаксъ царствовалъ около трехъ мѣсяцевъ, Дидій Юліанъ—около двухъ, Макринъ—пятнадцать мѣсяцевъ), то мы пройдемъ ихъ молчаніемъ, остановивъ свое вниманіе на всѣхъ прочихъ поименованныхъ нами императорахъ, современныхъ Тертулліану.

Маркъ Аврелій, въ началу царствованія котораго относятся первые годы жизни Тертулліана, былъ одинъ изъ

¹⁾ Terturque vixisse usque ad *decrepitam* aetatem. L. 55.

самыхъ лучшихъ римскихъ императоровъ. Въ лицѣ этого императора осуществилось желаніе Платона, чтобы правителями были философы. Онъ, какъ замѣчаетъ его биографъ, Юлій Капитолинъ, всю жизнь философствовалъ ¹⁾. Съ раннихъ лѣтъ онъ надѣлъ на себя философскую мантию и ревностно занимался философіею вообще и стоическою въ особенности. Занятіе ею онъ не покидалъ, сдѣлавшись императоромъ. Онъ, по свидѣтельству Капитолина, и будучи императоромъ, ходилъ въ домъ Аполлонія слушать уроки философій ²⁾. И въ жизни своей старался руководиться правилами стоической философій. Поэтому онъ не безъ достаточнаго основанія получилъ прозваніе философа. Подобно предшественнику своему Антонину Пію, онъ отличался мягкостію, снисходительностію и человѣколюбіемъ. При видѣ отрубленной головы возмущившагося противъ него на востокъ Авидія Кассія, онъ не выразилъ чувствъ радости, и повелѣлъ предать ее погребенію ³⁾. Никто изъ сообщниковъ этого бунтовщика не былъ наказанъ смертію. Даже сынъ его, принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ возстаніи, подвергся только ссылке, получивъ себѣ при этомъ право избранія мѣста ссылки. Всѣ города, виновные въ этомъ возстаніи, были прощены, за исключеніемъ Антиохіи, лишенной права давать какія бы то ни было представленія. Гладиаторамъ, чтобы они не наносили другъ другу смертельныхъ ранъ, позволилъ употреблять тупое оружіе. При общественныхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ въ то время имперію, онъ, насколько было для него возможно, старался облегчить ея положеніе. Когда италійскіе города были посѣщены голодомъ, то онъ повелѣлъ выдавать имъ хлѣбъ изъ Рима ⁴⁾. Во время моровой язвы, занесенной съ во-

¹⁾ Jul. Capitol. M. Anton. Philos., c. 1.

²⁾ Ibid. c. 3.

³⁾ Ibid. c. 25.

⁴⁾ Ibid. c. 11.

стока и свирѣпствовавшей почти во всемъ государствѣ, бѣдныя, по его распоряженію, были погребаемы на общественное иждивеніе ¹⁾. Для веденія второй войны съ маркоманнами, когда государственная и собственная его казна была истощена, онъ, не желая обременять своихъ подданныхъ увеличеніемъ налоговъ, повелѣлъ продать съ аукціона на Траяновой площади драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія ему и его жевѣ Фаустинѣ ²⁾. Особеннымъ предметомъ его заботливости было правосудіе. Когда онъ былъ въ Римѣ, всегда посѣщалъ сенатъ, если только могъ. Никогда не оставлялъ собраній куріатскихъ прежде произнесенія консуломъ словъ: *Nihil vos moratur, patres conscripti* ³⁾. Для сенаторовъ разсматривалъ самъ. Къ лучшимъ изъ нихъ обращался обыкновенно за совѣтами по вопросамъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго характера. Онъ часто говаривалъ имъ: *aequius est, ut ego tot et talium amicorum consilium sequar, quam ut tot et tales amici meam unius voluntatem sequantur* ⁴⁾. По этому онъ пользовался общою любовію своихъ подданныхъ, изъ которыхъ одни называли его отцемъ, другіе—братомъ, третьи—сыномъ, каждый сообразуя при этомъ свой возрастъ съ его возрастомъ.

Но правленіемъ этого мудраго, челоѣколюбиваго, правосуднаго и всецѣло преданнаго общественнымъ интересамъ государя имперія не могла вполне наслаждаться, такъ какъ она тогда страдала отъ многихъ бѣдствій физическихъ и военныхъ. Моровая язва, распространившаяся почти по всей имперіи, какъ мы уже упоминали, истребила цѣлыя тысячи гражданъ ⁵⁾. Наводненіе Тибра сопровождалось поврежденіемъ многихъ строеній, потопленіемъ свота и го-

¹⁾ Jul. Capitol. c. 13.

²⁾ Ibid. c. 17.

³⁾ Ibid. c. 10.

⁴⁾ Ibid. c. 22.

⁵⁾ Ibid. c. 13.

лодомъ. Но еще большія бѣдствія нанесены были тогда имперіи войнами, продолжавшимися около двухъ третей царствованія Марка Аврелія. Уже въ 162 г., слѣдовательно, во второмъ году по вступленіи его на престолъ, началась война съ парянами, окончившаяся только въ 165 г. Король парянской, Вологезъ III, вида упадокъ военной дисциплины въ римскомъ легионѣ, охранявшемъ Арменію, рѣшился быстрымъ нападеніемъ на него возвратитъ эту страну подъ свою власть, въ чемъ и успѣлъ. Хотя потомъ Авидій Кассій, одержавъ побѣду надъ парянами и оттѣснивъ ихъ за Тигръ, снова подчинилъ Арменію и Месопотамію Риму, однако это стоило ему потери большей части войска. Съ 169 г. открываются три слѣдовавшіе одинъ за другимъ похода противъ маркоманновъ и другихъ соединившихся съ ними племенъ германскихъ и сарматскихъ, окончившіеся только послѣ смерти Марка Аврелія въ 180 г. Походы эти вызваны были опустошительными нападеніями пограничныхъ варварскихъ племенъ на римскія провинціи, находившіяся около Дуная и Рейна. Первая вѣсть объ этихъ нападеніяхъ произвела въ Римѣ сильный страхъ. Впрочемъ первый походъ окончился скоро. Но заключенный миръ былъ непродолжителенъ. Лишь только отпраздновали торжество по случаю окончанія этого похода, какъ получена была снова вѣсть о новыхъ нападеніяхъ тѣхъ же племенъ на римскія провинціи. Второй походъ, начавшійся въ 171 г., окончился только въ 175 г. Успѣхи оружія въ этотъ походъ мѣнялись между воюющими. По заключеніи мира, маркоманны и кведы возвратили плѣнныхъ до 50,000, а яциги—до 100,000, что не можетъ не свидѣтельствовать о тяжести этой войны для государства. Но и этотъ миръ съ маркоманнами и соединившимися съ ними племенами, подобно первому, былъ непроченъ. Въ 178 г. открытъ былъ новый походъ противъ нихъ, съ котораго Маркъ Аврелій ужъ не возвратился. Миръ былъ заключенъ сыномъ и преемникомъ его Коммодомъ.

Эти общественныя бѣдствія въ связи, разумѣется, съ другими причинами вызвали гоненія на христіанъ, въ царствованіе Марка Аврелія. Свѣдѣнія объ этихъ гоненіяхъ дошли до насъ въ посланіяхъ церкви смирской къ церкви филладельфійской и церковей ліонской и вьенской къ церквамъ азійскимъ и фригійскимъ. По свидѣтельству этихъ посланій, мученія, которымъ были въ то время подвергаемы христіане смирскіе, а также ліонскіе и вьенскіе, превышаютъ всякое описаніе. Въ церкви смирской „мученики были разсѣаемы бичами до самыхъ далекихъ жилъ и артерій, такъ что открывались взору внутренности и самыя сокровенныя члены ихъ тѣлъ. Подъ нихъ подстилали морскія раковины и острые осколки и переводили ихъ чрезъ всѣ роды пытокъ и мученій, и наконецъ отдавали на сѣденіе звѣрямъ“¹⁾. Между мучениками церкви смирской особенную твердость и непоколебимость вѣры проявилъ въ то время 86 лѣтній старецъ, епископъ Поликарпъ, описаніе послѣднихъ дней жизни котораго составляетъ главный предметъ упомянутаго посланія этой церкви. Ни просьбы и увѣщанія, ни угрозы и приказанія проконсула не могли поколебать его вѣры. Своею мученическою смертію на вострѣ онъ укротилъ ярость толпы и подожилъ конецъ гоненій на христіанъ въ своей церкви. Въ Галліи, гдѣ гоненіе вспыхнуло въ 177 г., христіанамъ не только воспрещено было посѣщать общественныя мѣста, какъ то: бани, рынки и пр., но и вообще показываться куда бы то ни было. Разъяренная противъ нихъ чернь била ихъ, таскала по улицамъ, грабила, бросала въ нихъ камни и проч. Тамъ сажали ихъ „въ мрачныя и убійственныя темницы“, откуда многіе изъ нихъ уже не возвращались; тамъ растягивали ноги ихъ въ деревянныхъ колодкахъ „до пятой степени“, прикладывали къ нѣжнѣйшимъ частямъ тѣлъ ихъ раскаленныя мѣдныя доски, клали ихъ на раскаленныя же желѣзныя скамьи, бро-

¹⁾ Церк. Ист. Евсев., кн. IV, гл. 15.

сали на растерзаніе звѣрямъ, вѣшали на деревьяхъ, и вообще подвергали всѣмъ тѣмъ пыткамъ и смертнымъ казнямъ, какія только существовали и какія только въ состояніи была изобрѣсти ожесточенная противъ нихъ ненависть. Героями мученій здѣсь были Санктъ, діаконъ вѣенскій, Матукъ, Атгалъ, Бланина, Понтикъ, Поинъ, епископъ ліонскій.

Спрашивается теперь, какъ относился самъ Маркъ Аврелій къ христіанамъ? Былъ ли онъ виновенъ въ этихъ мученіяхъ христіанъ смиренскихъ, ліонскихъ и вѣенскихъ, или нѣтъ? И вообще былъ ли онъ гонителемъ христіанъ или покровителемъ?

Вопросъ объ отношеніи Марка Аврелія и христіанъ рѣшается различно: одни считаютъ этого императора покровителемъ христіанъ; другіе полагаютъ, что онъ не издавалъ никакого эдикта противъ христіанъ, но предоставилъ народному фанатизму полную свободу преслѣдовать ихъ; третьи наконецъ утверждаютъ, что онъ самъ былъ гонителемъ ихъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ мнѣній въ отдѣльности.

Первое мнѣніе утверждается на свидѣтельствѣ Тертуліана. Тертуліанъ въ одномъ изъ своихъ апологетическихъ сочиненій, доказывая ту предвзятую мысль, что хорошіе императоры относились къ христіанамъ или благосклонно, или по крайней мѣрѣ индифферентно, говоритъ между прочимъ: „Мы объявимъ Марка Аврелія, достопочтеннѣйшаго императора, покровителемъ нашимъ, если найдено будетъ то письмо его, въ которомъ онъ свидѣтельствуется, что жажда германскаго войска его была утолена дождемъ, испрошеннымъ молитвами христіанъ, быть можетъ, воиновъ. Хотя онъ наказанія христіанъ прямо не отмѣнилъ, однако на самомъ дѣлѣ устранилъ его, опредѣливъ обвинителямъ ихъ тягчайшее осужденіе“. Отсюда само собою ясно, что Тертуліанъ не называетъ Марка Аврелія прямо, положительно и безусловно покровителемъ христіанъ, но утвер-

ждаеть только, что онъ объявить его такимъ подъ условіемъ, если найдено будетъ письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о чудесномъ ниспосланіи дождя изнемогавшему отъ жажды германскому войску его, что, слѣдовательно, письмо это въ то время, когда Тертуллианъ писалъ это свое сочиненіе, было затеряно. Отсюда слѣдуетъ, хотя и не съ такою ясностію, что самъ Тертуллианъ вовсе не читалъ этого письма, ибо въ противномъ случаѣ онъ упомянулъ бы здѣсь объ этомъ и, смѣемъ думать, употребилъ бы категорическое выраженіе вмѣсто условнаго,—что въ этомъ же письмѣ заключалось повелѣніе императора подвергать наказанію обвинителей христіанъ. Если бы это повелѣніе Марка Аврелія содержалось не здѣсь, то было бы совершенно непонятно обѣщаніе Тертуллиана объявить этого императора покровителемъ христіанъ подытѣмъ только условіемъ, если найдено будетъ указанное выше письмо его. Такимъ образомъ, свидѣтельство Тертуллиана о покровительственномъ отношеніи Марка Аврелія къ христіанамъ основывается только на письмѣ этого императора, писанномъ по поводу чудеснаго избавленія войска его отъ жажды, претерпѣваемой имъ въ землѣ германской, и притомъ не бывшемъ въ рукахъ Тертуллиана и затерявшемся къ тому времени, въ какое онъ упоминаеть о немъ. Но въ правѣ ли мы считать подлиннымъ это самое письмо? Къ сожалѣнію, едва ли. По этому письму, Маркъ Аврелій приписываетъ Богу христіанскому ниспосланіе дождя своему войску, томившемуся отъ жажды въ землѣ германской, между тѣмъ какъ въ Римѣ на доселѣ сохранившемся монументѣ, воздвигнутомъ по повелѣнію этого императора и изображающемъ чудесное событіе, случившееся во время войны его съ маркоманнами, находится Юпитеръ Плювіусъ (Pluvius), ниспосылающій съ неба дождь и молнію и поражающій чреаъ это непріятеля. Какимъ образомъ могло бы быть такое изображеніе на этомъ монументѣ, если бы Маркъ Аврелій виновникомъ ниспосланія дождя своему войску во время этой войны счи-

таль Бога христіанскаго, а не Юпитера Плювіа? Крімъ того, это чудесное ниспосланіе дожда совершилось во время втораго похода Марка Аврелія противъ маркоманновъ и соединившихся съ ними другихъ племень, и именно въ 174 году, къ каковому времени нужно относить происхождение и письма, упоминаемаго Тертулліаномъ, вслѣдствіе котораго положеніе христіанъ сдѣлалось будто безопаснымъ и спокойнымъ. Но не говоритъ ли противъ этого бывшее послѣ этого чрезъ три года (177г.) сильное гоненіе на христіанъ въ Галліи? Въ виду всего этого мы положительно отвергаемъ то мнѣніе, будто Маркъ Аврелій былъ покровителемъ христіанъ¹⁾.

Не можемъ согласиться также и со вторымъ мнѣніемъ, представляющимъ отношеніе этого императора къ христіанамъ индифферентнымъ. Противъ этого мнѣнія говорятъ необыкновенная религіозность Марка Аврелія, ничего не щадившая для снисканія милости у своихъ боговъ и считавшая обязанностію императора заботиться всемірно о поддержаніи и сохраненіи въ государствѣ всего того, что оно признаетъ за древнее и священное. Религіозное чувство возбуждено было въ Маркѣ Авреліѣ его набожною матерію и затѣмъ крѣпко развито, благодаря раннему поступленію его въ коллегію Саліевъ, гдѣ онъ былъ передовымъ скакуномъ (*praesul*), запѣвалой (*vates*) и главнымъ управителемъ (*magister*)²⁾. Вѣра въ божественное провидѣніе составляла его убѣжденіе: онъ твердо вѣрилъ, что все, что ни происходитъ, происходитъ по волѣ боговъ. Когда справитель его Лудій Веръ сообщилъ ему письмомъ о томъ, что Авдій Кассій домогается императорской власти и совѣтовалъ ему принять мѣры рѣшительныя противъ него, то онъ отвѣтилъ: „если богами суждено быть ему императоромъ, то мы не можемъ умертвить его, хотя бы и желали этого; если же

¹⁾ Правда, и Евсевій ссылается на указъ Марка Аврелія, запрещающій дѣлать доносы на христіанъ подъ угрозой смертной казни, но этотъ указъ подложный. См. Эпоха гоненій на христіанъ. Лебедева. Стр. 121.

²⁾ Jul. Capit., с. 4.

вѣтъ, то онъ погибаетъ самъ собою,—погибаетъ независимо отъ насъ¹⁾). Изъ вѣры въ провидѣніе происходило то, что онъ во время общественныхъ бѣдствій и несчастій прежде всего старался примириться съ богами и у нихъ искалъ помощи и заступленія. При вѣсти о вторженіи маркоманновъ и другихъ племенъ въ римскія провинціи, онъ собралъ отовсюду жрецовъ, повелѣлъ имъ совершать религиозные обряды и церемоніи и праздновалъ вмѣстѣ съ тѣмъ по римскому обряду лектистерніи въ теченіе семи дней²⁾). Множество жертвъ, принесенныхъ имъ въ то время, дало поводъ къ составленію слѣдующей эпиграммы, сохраненной Марцеллиномъ: *οἱ λευκοὶ βόες Μάρκῳ τῷ Καίσαρι ἄν οὐ νικήσης ἤμεῖς ἀπολόμαθα*³⁾). Какъ стойкъ, онъ держался того мнѣнія, что общественную религію должно сохранять въ ея цѣлости и неприкосновенности, такъ какъ она находится во внутренней связи со всѣмъ строемъ государственной жизни и такъ какъ народъ крѣпко привязанъ къ ней хотя и по слѣпой и бессознательной привычкѣ. Можно ли допустить, чтобы Маркъ Аврелій, убѣжденный въ томъ, что все, что ни совершается, совершается по волѣ боговъ, и считавшій священнымъ долгомъ императора поддерживать и хранить въ цѣлости и неприкосновенности общественную религію, относился индифферентно къ тѣмъ, которые и словомъ и дѣломъ, и устно и письменно, возставали противъ боговъ этой религіи и старались привлечь почитателей ея на свою сторону?

Третье мнѣніе, во главѣ котораго стоятъ Шреккъ⁴⁾ и Неандеръ⁵⁾, вамъ кажется заслуживающимъ полнаго довѣрія. Оно утверждается на свидѣтельствѣ Мелитона, епископа сардійскаго. Этотъ епископъ въ своей апологіи, представленной Марку Аврелію, говоритъ между прочимъ: „и мнѣ,

¹⁾ Vulcat. Gallic. Auid. Cass., c. 2.

²⁾ Jul. Capit., c. 13.

³⁾ Ammian. Marcell. L. XXV. c. 4.

⁴⁾ Christl. Kirchengesch. Dritt. Th. S. 89.

⁵⁾ Allgem. Geschichte d. christl. Rel.

Труды Киев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г.

чего еще никогда не было, подвергается гоненію и преслѣдуется новыми эдиктами по Азіи родъ людей богобоязненныхъ. Безстыдные доносчики и искатели чужого, находя себѣ въ нихъ поводъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ жителей, ни въ чемъ невиноватыхъ. И если это дѣлается по твоему повелѣнію, пусть дѣлается такъ... Если же это опредѣленіе и новый эдиктъ, котораго не заслуживаетъ даже неприязненность варваровъ, вышли не отъ тебя, то мы еще болѣе просимъ не презрѣть насъ среди столь явнаго грабительства¹⁾. Отсюда очевидно, что въ царствованіе Марка Аврелія появился въ малой Азіи новый эдиктъ противъ христіанъ, дававшій поводъ развращеннымъ людямъ къ наживѣ. Но отъ кого вышелъ этотъ эдиктъ, отъ самаго ли императора, или отъ малоазійскаго проконсула? По видимому, Мелитонъ самъ не знаетъ достовѣрно источника происхожденія этого эдикта и потому дѣлаетъ двойное предположеніе касательно виновника его. Но это двойное предположеніе Мелитона, намъ кажется, даетъ право думать, что ему было хорошо извѣстно, что эдиктъ этотъ изданъ самимъ императоромъ. Едва ли кто будетъ оспаривать, что эдиктъ этотъ съ точки зрѣнія христіанской и общечеловѣческой былъ крайне жестокъ и несправедливъ. Спрашивается, на какомъ основаніи апологетъ, считавшій Марка Аврелія императоромъ кроткимъ и справедливымъ, сталъ бы приписывать ему такой эдиктъ хотя бы только въ предположительной и условной формѣ, если бы мѣстное провинціальное начальство не объявляло его за императорскій? Напротивъ, зная Марка Аврелія за императора кроткаго и справедливаго, не могъ ли онъ усомниться въ происхожденіи отъ него такого эдикта, хотя бы его прямо и положительно выдавали за императорскій, и сомнѣніе это не могло ли побудить его приписать происхожденіе этого эдикта императору только предположительно и условно? Но допустимъ,

1) Церк. Ист. Евсев., кн. IV, гл. 26.

что у Мелитона были столь твердыя и непоколебимыя основанія въ пользу императорскаго происхожденія этого эдикта, что онъ не могъ имѣть и тѣни сомнѣнія относительно такого его происхожденія, и тогда одни только апологетическіе интересы были бы для Мелитона вполне достаточнымъ мотивомъ представить себя не знающимъ достовѣрно источника происхожденія этого эдикта. Въ самомъ дѣлѣ, когда апологетъ могъ прямо и убѣдительно говорить противъ того эдикта, въ силу котораго производились пытки и смертныя казни христіанъ, и когда могъ болѣе надѣяться на успѣхъ своего защитительнаго слова—тогда ли, когда бы представилъ себя не знающимъ достовѣрно, что эдиктъ этотъ изданъ императоромъ, или, наоборотъ, тогда, когда бы прямо приписалъ происхожденіе его самому императору? Болѣе или менѣе рѣзкія мысли и выраженія противъ этого эдикта, которыхъ онъ едва ли могъ бы избѣжать въ своей апологетической рѣчи, не вызвали ли бы въ императорѣ чувства личнаго оскорбленія, если бы тамъ же прямо приписано было ему происхожденіе этого эдикта? Вотъ на основаніи какихъ соображеній мы полагаемъ, что Мелитону извѣстно было, что изданіе новаго эдикта противъ христіанъ, появившагося въ Малой Азіи въ царствованіе Марка Аврелія, принадлежитъ самому императору, о чемъ мѣстное провинціальное начальство, конечно, заявляло прямо. Едва ли можно допустить, чтобы это начальство выдавало свой эдиктъ за императорскій. Къ изданію эдикта противъ христіанъ отъ себя оно не имѣло достаточнаго мотива, такъ какъ *de jure* существовали прежніе эдикты противъ нихъ, на основаніи которыхъ оно всегда могло подвергать ихъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Кромѣ того, если бы упоминаемый Мелитономъ въ его Апологіи эдиктъ былъ изданъ не самимъ императоромъ, а малоазійскимъ проконсуломъ, который однако выдавалъ его за императорскій, то намъ думается, по представленіи императору этой Апологіи, должно было бы послѣдовать особое по этому поводу со стороны его распоря-

женіе. Но исторія ничего объ этомъ не говоритъ намъ. Въ актахъ мученика Симфоріана сохранился эдиктъ противъ христіанъ, озаглавливаемый именемъ то Авреліана, то Аврелія. Этотъ эдиктъ не безъ основанія приписываютъ Марку Аврелію¹⁾. По этому мы считаемъ Марка Аврелія въ числѣ императоровъ, преслѣдовавшихъ христіанъ.

Преемникомъ Марка Аврелія былъ сынъ его Коммодъ, рожденный отъ Фаустины. Онъ ни сколько не походилъ на своего отца. По свидѣтельству Лампрідія, въ Коммодѣ съ раннихъ лѣтъ проявились безстыдство, злость и жестокость. На двѣнадцатомъ году своей жизни онъ повелѣлъ бросить въ печь банщика за то, что въ банѣ было жарко. Впрочемъ, въ первые три года по вступленіи на престолъ, когда Коммодъ находился еще подъ руководствомъ опытныхъ и благо разумныхъ друзей своего отца, онъ не обнаруживалъ жестокости и деспотизма. Но послѣ того, какъ онъ удалилъ отъ себя этихъ руководителей и окружилъ себя вмѣсто ихъ людьми, подобными себѣ, и послѣ того какъ открылся заговоръ противъ него сестры его Луциллы, правленіе его сдѣлалось крайне жестокимъ и деспотичнымъ. „Доносчики, эти изверги человѣческаго рода, говоритъ историкъ Веберъ, которые при предшествующихъ императорахъ почти совершенно исчезли изъ Рима, начали снова свое гнусное ремесло. Трусливаго и злого императора они пугали страшными предстоящими бѣдствами и опасностями, обвиняя предъ нимъ всѣхъ болѣе видныхъ и болѣе вліятельныхъ лицъ. Всякій знакъ отличія считался за преступленіе... Богатство возбуждало дѣятельность доносчиковъ, такъ какъ имъ доставалась часть добычи; строгая добродѣтель была принимаема за безмолвное порицаніе пороковъ императора... Кто пользовался дружбою и довѣріемъ отца (Марка Аврелія), тотъ былъ особенно ненавистенъ сыну“²⁾ (Коммоду). Про-

¹⁾ Исторія христ. церкви Числовича. 148—149.

²⁾ Allg. Weltgesch., viert. B. S. 433.

вода все время въ забавахъ и грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ, Коммодъ самъ вовсе не занимался дѣлами государственными, предоставивъ фактическое управленіе другимъ и къ несчастію лицамъ недостойнымъ, каковы были Переннисъ и Клеандръ, изъ которыхъ первый все припосылъ въ жертву своему честолюбію, а послѣдній — корыстолюбію. Не было тогда ничего такого, чего нельзя было бы приобрести или отчего нельзя было бы откупиться деньгами. За деньги Коммодъ убивалъ однихъ вмѣсто другихъ, давалъ совершенно недостойнымъ лицамъ самыя высшія и почетнѣйшія должности... Въ правленіе его лишены были жизни совершенно несправедливо многіе наилучшіе римскіе граждане, какъ напр.: два брата, Квинтилии, Бурръ, Аррій Антонинъ и др. Египетскій культъ, онъ, какъ кажется, предпочиталъ отечественному ¹⁾). Каковъ былъ этотъ императоръ, можно судить уже по тому, что послѣ убленія его, народъ и сенатъ единогласно требовали подвергнуть тѣло его общему позору, а именно волочить его по городу крюкомъ и бросить въ рѣку Тибръ.

Но въ то время, какъ государство страдало отъ такого правителя и отъ такого образа правленія, положеніе христіанъ значительно улучшилось сравнительно съ положеніемъ ихъ при Маркѣ Авреліѣ. При Коммодѣ „дѣла христіанъ, говоритъ Евсевій, пошли спокойнѣе, потому что церковь, по благодати Божіей, наслаждалась миромъ во всей вселенной. Тогда спасительное ученіе приводило души людей всякаго званія къ благоговѣйному чествованію Бога всяческихъ, такъ что уже и въ Римѣ многіе по богатству и происхожденію знаменитые граждане цѣлыми семействами и со всѣмъ родствомъ обращались къ спасенію“²⁾). Правда, и въ это время мы находимъ примѣры преслѣдованій христіанъ. Такъ, по свидѣтельству Евсевія, въ царствованіе Коммода, осужденъ былъ

¹⁾ Ael. Lampr. с. 9.

²⁾ Церк. Истор., кн. V, гл. 21.

на смерть сенаторъ Аполловій, за исповѣданіе имъ христіанской вѣры, по доносу на него раба его ¹⁾). Такъ, Аррій Антонинъ, проконсулъ Малої Азіи воздвигъ въ это же время гоненіе на христіанъ въ своей провинціи ²⁾). Однако только немногіе изъ христіанъ претерпѣвали тогда въ римской имперіи пытки и мученія, общее же положеніе ихъ было сравнительно спокойно. Такое положеніе ихъ въ то время намъ представляется не непонятнымъ. Самъ императоръ, насколько можно судить по его образу жизни и по его симпатіямъ и антипатіямъ, долженъ былъ относиться къ христіанамъ или индифферентно, или даже покровительственно. Сложивъ съ себя *de facto* всякое попеченіе о дѣлахъ государственныхъ, проводя все время въ грубыхъ чувственныхъ увеселеніяхъ въ кругу множества женъ и мальчиковъ, набранныхъ имъ изъ разныхъ странъ и разныхъ сословій, онъ, быть можетъ, не обращалъ никакого вниманія на христіанство и христіанъ. Но если по какимъ нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, не смотря на его безпечность и совершенное удаленіе отъ фактическаго управленія государствомъ, вниманіе его было обращено на нихъ, то оно должно было быть характера скорѣе благосклоннаго и покровительственнаго, чѣмъ враждебнаго и непріязненнаго. Изъ жизнеописанія Коммода, составленнаго Эліемъ Лампрідіемъ, видно, что въ глазахъ этого императора люди порочные и развращенные, какъ болѣе подходящіе къ нему самому, стояли выше людей добродѣтельныхъ и честныхъ: тѣхъ старался онъ приближать къ себѣ и своему двору, а этихъ удалять; тѣмъ давалъ лучшія должности въ провинціяхъ, а этимъ нѣтъ. А извѣстно, какую репутацію пользовались тогда въ обществѣ христіане: на нихъ смотрѣли какъ на людей самыхъ развращенныхъ, которые въ своихъ мистеріяхъ убиваютъ собственныхъ дѣтей, пожираютъ ихъ и со-

¹⁾ Церков. истор., I. с.

²⁾ Ad. Scarpul. с. 5.

вокупаются съ самыми ближайшими родственницами при потушенныхъ свѣтильникахъ. Кромѣ того, одна изъ наложницъ Коммода по имени Марція, имѣвшая на него особенное вліяніе и пользовавшаяся особенною его любовію и расположеніемъ, почему-то благосклонно относилась къ христіанамъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что благосклонное отношеніе къ нимъ этой женщины было причиною такого же отношенія къ нимъ и его самого. Какъ ни низко стоялъ этотъ императоръ въ глазахъ своихъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе извѣстное его отношеніе къ христіанамъ должно было давать тонъ и направленіе и отношенію первыхъ къ послѣднимъ. Къ тому же народная ненависть къ христіанамъ до нѣкоторой степени удовлетворена жестокими пытками и смертными казнями ихъ, въ царствованіе предшествующаго императора Марка Аврелія. Изъ всего этого простекало сравнительно спокойное положеніе христіанъ при Коммодѣ.

Послѣ преемниковъ Коммода, Пертинакса и Дидія Юліана, царствованіе которыхъ продолжалось только около пяти мѣсяцевъ, на императорскій престолъ вступилъ Септимій Северъ, происходившій, подобно Тертулліану, изъ африканской провинціи. Этотъ государь былъ храбрымъ и опытнымъ полководцемъ, имѣлъ достаточныя свѣдѣнія по юриспруденціи и показалъ себя хорошимъ администраторомъ. Предпримчивость, энергичность, строгость, хитрость, пронырливость и жестокость были отличительными свойствами его характера. Бѣольшая половина его царствованія, продолжавшагося около 18 лѣтъ, прошла въ войнахъ то съ внутренними врагами, то съ внѣшними. Извѣстно, что, по убіеніи преторіанцами Пертинакса, любимаго сенатомъ за честность, храбрость и административныя способности, императорская корона была приобрѣтена Дидіемъ Юліаномъ съ аукціона. Но лишь только дошла вѣсть до провинцій о такомъ позорномъ приобрѣтеніи имъ короны, то немедленно легионы паннонскіе объявили императоромъ Септиміемъ Севера,

легионы британскіе—Клавдія Албина, легионы сирійскіе—Песценнія Нигра. Такимъ образомъ, въ римскомъ государствѣ въ одно и то же время оказалось четыре императора. Септимій Северъ, немедленно послѣ объявленія его легионами императоромъ, отправился изъ Панноніи въ Италію, склонилъ тамъ преторіанцевъ и сенатъ на свою сторону. Дидій Юліанъ, по распоряженію сената, былъ обезглавленъ 1 іюня 193 г. Покончивъ быстро и легко дѣло съ Юліаномъ, Септимій Северъ направился затѣмъ на востокъ, подъ предлогомъ возстановленія тамъ въ римскихъ провинціяхъ порядка, на самомъ же дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы принудить Песценнія Нигра силою оружія отказаться отъ притязанія на императорскій престолъ. Чтобы въ его отсутствіи Клавдій Албинъ не прибылъ съ своими британскими легионами въ Италію и не завладѣлъ ею, Септимій Северъ призналъ его своимъ соправителемъ и давалъ ему надежду сдѣлать его своимъ преемникомъ. Война Септимія Севера на востокѣ продолжалась около трехъ лѣтъ. Хотя самъ Песценвій Нигръ былъ убитъ уже въ 194 г. въ сраженіи при Иссъ, однако приверженцы его храбро и мужественно продолжали воевать съ его убійцею до 196 г. Еще до окончанія этой войны Септимій Северъ вынужденъ былъ отправиться въ Галлію, такъ какъ Клавдій Албинъ открыто тамъ возсталъ противъ него. Въ сраженіи при Ліонѣ въ 197 г. палъ и этотъ соперникъ Септимія Севера на императорскую корону, послѣ чего онъ сдѣлался уже единодержавнымъ правителемъ римскаго государства. Но военныя дѣйствія его этимъ не окончились. Вскорѣ послѣ того онъ предпринялъ новый походъ на востокъ противъ пареванъ, сдѣлавшихъ нападеніе на Низибію. Походъ этотъ окончился только въ 202 г.

Эти внутренніе безпорядки и войны были одною изъ причинъ Северова гоненія на христіанъ. Тертуліанъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, именно въ Апологетикѣ и *Ad nationes*, говоритъ, что народъ, считая христіанъ виновниками общественныхъ бѣдствій, требовалъ немедленнаго на-

казанія ихъ, когда постигали его такія бѣдствія. „Если Тибръ, говоритъ онъ, наводняетъ Римъ, если Нилъ не разливается по пахатной землѣ, если бываетъ бездождіе, если происходитъ землетрясеніе, если случается голодъ или эпидемія; то тотчасъ кричатъ: Christianos ad leonem“¹⁾). И во время почти совершеннаго саморазложенія и паденія греко-римской религіи, народъ еще вѣрилъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ жизни общественной и частной все происходитъ по волѣ боговъ, что всякій его успѣхъ и всякое его счастье есть несомнѣнный признакъ ихъ любви и благоволенія къ нему, а всякій неуспѣхъ и всякое несчастіе есть очевидное доказательство ихъ гнѣва и оскорбленія, которые безотлагательно требуютъ умилоствленія и примиренія. Такъ какъ христіане не только не почитали языческихъ боговъ, но даже презирали ихъ и гнушались ими, то народъ, повтому, всегда считалъ христіанъ виновниками общественныхъ бѣдствій и несчастій какъ физическихъ, такъ и гражданскихъ. Кроме того, всякая война, какъ и всякое общественное дѣло, обыкновенно начиналась и сопровождалась такими или иными религіозными обрядами и церемоніями, въ которыхъ обязаны были принимать участіе всѣ граждане. Это могло быть и на самомъ дѣлѣ бывало новымъ поводомъ къ преслѣдованію христіанъ, отказывавшихся принимать участіе въ такихъ церемоніяхъ и обрядахъ, какъ это ясно показываетъ сочиненіе Тертулліана *De corona militis*. Другою ближайшею причиною Северова гоненія на христіанъ были, какъ намъ кажется, великіе успѣхи проповѣди христіанской при Коммодѣ, когда, по извѣстному уже намъ свидѣтельству Евсевія, даже въ Римѣ цѣлыя семейства и роды принимали христіанство²⁾, когда, какъ свидѣтельствуется Тертулліанъ, христіане наполнили собою города, острова, замки, муниципіи, лагеря, трибы, декуріи, дворець, севать³⁾. Такой

¹⁾ Apolog. с. 40; ср. *Ad nat. L. I, с. 9.*

²⁾ Церк. Ист., кн. V, гл. 21.

³⁾ Apolog., с. 37.

успѣхъ проповѣди христіанской, неизбежно связанный съ вредными результатами для языческой религіи, побуждалъ ревнителей ея пользоваться всѣми находившимися въ ихъ рукахъ средствами для прекращенія его. Отсюда, полагаемъ, произошло Северово гоненіе на христіанъ, ни чуть не уступавшее по своей жестокости гоненію Маркову.

Северово гоненіе, по свидѣтельству Евсевія, произвело на христіанъ сильное и потрясающее впечатлѣніе¹⁾. Климентъ александрійскій во второй книгѣ своихъ „Строматъ“, писанныхъ въ царствованіе Септимія Севера, говоритъ между прочимъ: „у насъ неизсякаемый источникъ мучениковъ и мы ежедневно видимъ, какъ ихъ сожигаютъ, распинаютъ и обезглавливаютъ предъ нашими глазами“²⁾. Подобное свидѣтельство находимъ и у Тертуліана въ одномъ изъ его сочиненій, писанныхъ въ то время. Христіанъ, говоритъ тамъ онъ, пригвождаютъ ко крестамъ, растагиваютъ на дыбахъ, строгаютъ бока ихъ желѣзными когтями, отрубаютъ имъ головы, бросаютъ ихъ на растерзаніе звѣрей, свергаютъ въ огонь, ссылаютъ въ рудокопни. Гоненіе это, по словамъ Евсевія, „касалось всѣхъ церквей каждой страны“, но особенно сильно было въ Египтѣ и Африкѣ (провинція). Въ египетскомъ городѣ Александріи пострадали тогда Леонидъ, отецъ знаменитѣйшаго Оригена, Плутархъ, два Сирена, Ираклидъ и др., въ Карфагенѣ, главномъ городѣ проконсульской Африки,—Сперать, Доната, Ревокатъ, Сатурнинъ, Секундулъ, Перпетуя, Филицитата и др. Виновниками этого гоненія были по Тертуліану римскіе намѣстники, управлявшіе провинціями и народъ. Такъ въ своемъ „Апологетикѣ“, защищая христіанъ отъ обвиненія во враждебномъ отношеніи къ римлянамъ, онъ говоритъ между прочимъ: „какъ часто вы (praesides) свирѣпствуете противъ христіанъ то по собственному произволу, то изъ повиновенія зако-

¹⁾ Церк. Ист., кн. VI, гл. 7.

²⁾ Strom. L. II, p. 414.

намъ? Какъ часто враждебно относящаяся къ вамъ чернь, даже не дожидаясь вашихъ распоряженій, побиваетъ насъ камнями и сожигаетъ по собственному произволу¹⁾). Подобнымъ образомъ онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, а именно: „не одна только слѣпая толпа находитъ удовольствіе въ жестокихъ мученіяхъ христіанъ, но нѣкоторые и изъ насъ (praesides) стараются снискать себѣ любовь у народа посредствомъ такихъ же мученій“²⁾). Общественная ненависть къ христіанамъ была въ то время такъ сильно возбуждена, что не было ничего столь дорогого и священнаго, чего не приносили бы тогда въ жертву этой ненависти. Тогда, за принятіе христіанства, мужъ удалялъ отъ себя цѣломудренную жену, отецъ лишалъ покорнаго сына наследства, господинъ прогонялъ съ глазъ долой вѣрнаго раба³⁾). Тогда, за одно имя христіанское, порицали тѣхъ, которыхъ вообще считали людьми хорошими. „Хорошъ, говорили, Гай Сей, только христіанинъ“⁴⁾). Такое отношеніе къ христіанамъ римскихъ провинціальныхъ властей, а также и народа, должно было вызывать тогдашнихъ образованныхъ христіанъ на защиту себя и своей религіи.

Какъ относился къ христіанамъ самъ Септимій Северъ?

Отношеніе Септимія Севера къ христіанамъ, съ одной стороны, Тертулліанъ, а съ другой, Евсевій и Спарціанъ представляютъ различно до противоположности. Тертулліанъ въ „Апологетикѣ“ говоритъ, что этотъ императоръ не преслѣдовалъ христіанъ, а въ посланіи „къ Скапулѣ“ выставляетъ его покровителемъ и защитникомъ ихъ. Такъ въ первомъ изъ этихъ сочиненій, старался доказать, что хорошіе императоры не преслѣдовали христіанъ, онъ къ тѣмъ, къ кому оно адресовано, обращается съ слѣдующими словами:

¹⁾ Apolog., с. 37.

²⁾ Apolog., с. 49.

³⁾ Apolog., с. 3.

⁴⁾ Ibid.

„изъ всѣхъ императоровъ до настоящаго (*hodiernum*) включительно, знающихъ права божественныя и человѣческія, уважите хотя одного, который гвалъ бы христіанъ“¹⁾). Эти слова ясно показываютъ, что императоръ *hodiernus*, то есть, тотъ, въ царствованіе котораго написанъ „Апологетикъ“, не былъ гонителемъ христіанъ. Но онъ, какъ будетъ доказано ниже, написанъ при Септиміи Северѣ. Во второмъ сочиненіи, то есть, въ посланіи, „къ Скапулѣ“, исчисливъ римскихъ правителей, сочувственно относившихся къ христіанамъ и старавшихся подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами освободить ихъ отъ наказаній, онъ далѣе говоритъ такъ: „даже самъ Северъ, отецъ Антопина, помнилъ о христіанахъ. Ибо христіанина Прокла, прозывавшагося Торпаціономъ, прокуратора Евходей, исцѣлившаго его нѣкогда масломъ, отыскалъ и держалъ его въ своемъ дворцѣ до самой его смерти. Этого Прокла весьма хорошо зналъ и Антонинъ, напитанный млекоу христіанскимъ. Кромѣ того, Северъ хотя зналъ, что многіе изъ знатнѣйшихъ дамъ и мужчинъ исповѣдаютъ христіанскую вѣру, однако не только не дѣлалъ имъ никакихъ оскорбленій, но еще даровалъ имъ охранительное свидѣтельство и явно защищалъ насъ отъ ярости народной“²⁾). Оба эти факта, то есть, фактъ отношенія Септимія Севера къ Проклу и фактъ отношенія его къ нѣкоторымъ знатнѣйшимъ дамамъ и мужчинамъ приводятся здѣсь Тертуліаномъ въ доказательство того, что этотъ императоръ не только не былъ врагомъ и гонителемъ христіанъ, но, напротивъ, даже покровительствовалъ имъ и защищалъ ихъ. Если первый фактъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ здѣсь, еще не доказываетъ покровительственнаго отношенія Септимія Севера къ христіанамъ, такъ какъ этотъ императоръ приближаетъ къ себѣ Прокла и заботится о немъ не потому, что онъ христіанинъ, а потому,

¹⁾ Apolog., с. 5.

²⁾ Ad Scap., с. 4.

что онъ нѣкогда исцѣлялъ его; то за то второй вполне подтверждаетъ такое отношеніе его если не ко всѣмъ имъ, то, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Въ противоположность Тертулліану церковный историкъ Евсевій свидѣтельствуетъ, что „Северъ воздвигъ гоненія на церкви“, вслѣдствіе котораго явлены были славные подвиги мучениковъ во всемъ христіанскомъ мірѣ¹⁾. Это свидѣтельство согласуется съ свидѣтельствомъ языческаго писателя Спарціана. Въ біографіи Септимія Севера онъ, между прочимъ, говоритъ, что этотъ императоръ на возвратномъ пути своемъ въ Римъ, послѣ пареянской войны, издалъ эдиктъ, которымъ воспрещалось принятіе іудейства и христіанства подъ угрозою тяжкаго наказанія.

Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ, каково же было на самомъ дѣлѣ отношеніе Септимія Севера къ христіанамъ? Дѣйствительно ли онъ ихъ преслѣдовалъ, какъ говорятъ объ этомъ Евсевій и Спарціанъ, или, напротивъ, не только не преслѣдовалъ ихъ, но даже покровительствовалъ имъ и защищалъ ихъ, какъ утверждаетъ это Тертулліанъ?

По всей вѣроятности, отношеніе Септимія Севера къ христіанамъ, въ теченіе его осьмнадцати-лѣтняго царствованія, было далеко не одинаково. Въ первой половинѣ своего царствованія, когда онъ всецѣло занятъ былъ войнами, какъ уже намъ извѣстно, то съ Песценніемъ Нигромъ и Клавдіемъ Албיוномъ, то съ пареянами, ему и некогда было обратить серьезное вниманіе на христіанъ и рассмотреть ближе ихъ отношеніе къ существовавшимъ и освященнымъ закономъ и обычаямъ формамъ религіозной и гражданской жизни. Оттого въ это время онъ не употреблялъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ нихъ. Напротивъ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ, по какимъ-нибудь случайнымъ и особеннымъ обстоятельствамъ, какъ напр. къ Проклу, относился

¹⁾ Церк. Истор., кн. VI, гл. 1.

благосклонно и покровительственно. И вотъ „Апологетикъ“, написанный, какъ увидимъ ниже, до окончанія войны Септимія съ парезианами, считаетъ его императоромъ, не преслѣдовавшимъ христіанъ. Но во вторую половину своего царствованія, когда онъ обратилъ серьезное вниманіе на водвореніе внутренняго порядка и благоустройства въ своемъ государствѣ и когда ясные увидѣлъ всю силу общественной ненависти къ христіанамъ и весь вредъ, наносимый государственной религіи успѣхомъ ихъ проповѣди, то онъ, какъ представитель высшей власти духовной и свѣтской, обязанный водворять въ государствѣ миръ и спокойствіе, поддерживать и хранить общественные и религіозныя вѣрованія, обряды и церемоніи, рѣшился измѣнить свое отношеніе къ христіанамъ, задержать насколько возможно, распространеніе ихъ религіи. Поэтому, по окончаніи парезианской войны, издалъ въ Палестинѣ эдиктъ, которымъ воспрещалось принятіе христіанства подъ угрозой тяжкаго наказанія. Отсюда легко примираются, повидимому, противорѣчивыя свидѣтельства объ отношеніи Септимія Севера къ христіанамъ, съ одной стороны, Тертуліана, а съ другой Евсевія и Спарціана. Первый представляетъ отношеніе къ нимъ этого императора въ первую половину его царствованія, а послѣдній—во вторую.

Въ 211 г. въ г. Іоркѣ въ Британіи Септимій Северъ умеръ. Ему наследовали, согласно его желанію, два его сына: Антонинъ Бассіанъ, извѣстный подъ именемъ Каракаллы, и Гета. Но совмѣстное ихъ правленіе продолжалось недолго: первый скоро умертвилъ послѣдняго и сдѣлался послѣ того единодержавнымъ правителемъ. Каракалла, не смотря на особенную заботливость Септимія Севера о его воспитаніи и образованіи, не имѣлъ вовсе никакихъ истинно благородныхъ качествъ—ни умственныхъ ни нравственныхъ. Это былъ императоръ жестокій, развратный, грубый и безумный. Правленіе его отличалось крайнимъ деспотизмомъ. Послѣ убіенія своего брата, онъ, какъ говоритъ Веберъ, далъ

полный просторъ своей дикой и жестокой натурѣ. Тѣнь убитаго брата преслѣдовала его и наполняла его душу страшными образами. Чтобы избѣжать угрызений совѣсти, онъ старался удалить изъ міра все, что могло напоминать ему объ этомъ его злодѣяніи. Всѣ друзья и приверженцы Геты, его рабы и вольноотпущенники, его чиновники и товарищи подвергались преслѣдованіямъ и казни. Число убитыхъ тогда было болѣе 20,000, между которыми находился и знаменитѣйшій правовѣдъ Папиціанъ, отказавшійся защищать братоубійство. Жестокость его не ограничивалась Римомъ и Италіею, но простиралась и на провинціи, особенно восточныя. Подобно всѣмъ тираннамъ, Каракалла былъ крайне расточителемъ, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся доселѣ колоссальныя развалины его бань. Для покрытія необыкновенныхъ расходовъ онъ не только увеличилъ прежде бывшіе сборы съ своихъ подданныхъ, но и наложилъ на нихъ новыя.

Что касается до отношенія его къ христіанамъ, то исторія не даетъ намъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ объ этомъ. Но самое отсутствіе свидѣтельствъ объ этомъ наводитъ на мысль, что отношеніе его къ нимъ не было активнымъ, то есть, что онъ не былъ ни гонителемъ ихъ, ни покровителемъ. Общее положеніе христіанъ въ его царствованіе было сравнительно спокойно. Но какъ при Коммодѣ, когда положеніе христіанъ вообще было спокойно, въ провинціи Малоазійской воздвигнуто было однако гоненіе на нихъ, такъ и при Каракаллѣ проконсулъ кареагенскій Свипула преслѣдовалъ ихъ; вслѣдствіе чего Тертулліанъ обратился къ нему съ посланіемъ апологетическаго характера.

Теперь остается намъ сказать о положеніи христіанъ при двухъ сирійскихъ по происхожденію императорахъ—Геліогабалѣ и Александрѣ Северѣ.

Геліогабалъ былъ гнуснѣйшій и безумнѣйшій императоръ. Онъ совмѣстилъ въ себѣ пороки востока и запада. Дѣлами государственными вовсе не занимался. Онъ считалъ

своимъ призваніемъ произвести религіозную реформу въ римской имперіи. Привезши съ собою съ востока изъ сирійскаго города Емезы въ Римъ бога солнца Гелиогабала или Элагабала (черный камень, обложенный драгоценностями), жрецомъ котораго состоялъ еще до вступленія на императорскій престолъ, онъ соорудилъ здѣсь ему на Палатинскомъ холмѣ великолѣпный храмъ, учредилъ въ честь его празднества, отправлявшіяся сирійскими женщинами при дикой раздражающей музыкѣ, при многочисленныхъ жертвахъ. Все, что у римлянъ было особенно священнаго, онъ старался перенести въ храмъ этого своего бога. Туда же онъ, какъ свидѣтельствуеетъ Лампрідій, хотѣлъ перенести культъ самаританскій, іудейскій и христіанскій, дабы жрецы его бога знали тайныя церемоніи и этихъ культовъ¹⁾. Вслѣдствіе этого положеніе христіанъ въ его царствованіе было спокойно.

Александръ Северъ, двоюродный братъ Гелиогабала, нисколько не былъ похожъ на него. Онъ отличался мягкостію и нѣжностію, и, благодаря своей бабкѣ и матери, получилъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Подобно Марку Аврелію, онъ, будучи императоромъ, посвящалъ не мало времени на занятія наукою и литературою. Онъ былъ воздержанъ, кротокъ, снисходителенъ и правосуденъ. Въ извѣстное время входъ къ нему былъ доступенъ для всѣхъ, сознававшихъ себя невинными и правыми. Подобно императору Адріану, онъ учредилъ государственный совѣтъ, состоявшій изъ 60 лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ульпіанъ, извѣстнѣйшій римскій правовѣдъ. Отношеніе его къ христіанамъ и христіанству было благосклонно. Его біографъ, Элій Лампрідій, рассказываетъ, что когда между христіанами и харчевниками зашелъ споръ касательно владѣнія

¹⁾ Ael. Lampr. Anton. Heliog., c. 3. Dicebat praeterea, Judaeorum et Samaritanorum religiones, et Christianam devotionem illuc transferendam, ut omnium culturarum secretum Heliogabali sacerdotium taneret.

извѣстнымъ мѣстомъ, то онъ рѣшилъ этотъ споръ въ пользу первыхъ, говоря, что лучше, чтобъ тамъ былъ почитаемъ Богъ какимъ бы то ни было образомъ, чѣмъ чтобъ мѣсто то отдано было харчевникамъ¹⁾). Въ его лараріумѣ, гдѣ онъ по утрамъ совершалъ молитвы, на ряду съ изображеніями императоровъ и другихъ замѣчательнѣйшихъ мужей, какъ напр. Аполлонія, Авраама, Орфея и проч., находилось изображеніе Христа²⁾, которому онъ, по свидѣтельству Лампридія, хотѣлъ построить храмъ³⁾). Божественное изреченіе: *quod tibi non vis, alteri ne feceris*, до того поправилось ему, что онъ повелѣлъ это изреченіе надписать на своемъ дворцѣ и на публичныхъ мѣстахъ. Вслѣдствіе такого его отношенія къ христіанамъ и христіанству положеніе ихъ въ его царствованіе было лучше, чѣмъ при его предшественникѣ.

Изъ представленнаго нами очерка положенія христіанъ въ вѣкъ Тертулліана видно, что его *pueritia* (возрастъ, простиравшійся до 18 лѣтъ), и также вторая половина его *juventutis* (возрастъ, простиравшійся до 45 лѣтъ) протекли среди жестокихъ гоненій на христіанъ, что виновниками гоненій этихъ была не чернь только, но и само правительство въ лицѣ своихъ провинціальныхъ представителей—проконсуловъ и пропреторовъ и въ лицѣ двухъ своихъ наилучшихъ того времени императоровъ Марка Аврелія и Септимія Севера. Отсюда ясно, когда и къ кому Тертулліанъ долженъ былъ обратиться съ апологетическою рѣчью за христіанъ.

Н. Щегловъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Alex. Sev., с. 49.

²⁾ Ibid., с. 29.

³⁾ Ibid., с. 23.

ХРИСТИАНСКАЯ НУБІЯ.

(Продолженіе¹⁾).

ГЛАВА I.

Письменные источники по исторіи христіанства въ Нубіи.

Приступая къ обзорѣнью письменныхъ источниковъ по исторіи Нубіи, снова переживаемъ скорбь и горечь многихъ разочарованій, перенесенныхъ при розыскиваніи и изученіи этихъ источниковъ. Тотчасъ припоминаются утомительныя, сопряженныя съ великою потерей времени и труда, поиски за рѣдкими старинными сочиненіями, въ коихъ на основаніи библиографическихъ указаній и ссылокъ и по общимъ соображеніямъ историко-литературнаго характера ожидался богатый рудникъ свѣдѣній по исторіи христіанства въ Нубіи, но оказывалась по прочтеніи—увы!—пара именъ, безсодержательная фраза или рядъ противорѣчивыхъ и даже прямо ложныхъ извѣстій. Сколько, помнимъ, бывало радости, когда разыскиваемая книга попадала къ намъ въ руки! Но тѣмъ сильнѣе чувствовалось разочарованіе, когда въ ней не оказывалось желаемыхъ свѣдѣній и труда, подіятыя при розыскиваніи ея, являлись напрасными. На первыхъ порахъ не менѣе прискорбно было убѣждаться, что поиски за тѣмъ или инымъ сочиненіемъ не приведутъ ни къ чему, пока многократный опытъ бесполезности или малопрігодности многихъ, счастливыхъ повидимому, находокъ не заставилъ хладнокровнѣе относиться къ подобнымъ неудачамъ. Много

---

¹⁾ См. Труды Кіев. Дух. Акад., январь, 1887 г.

труда и мало пользы--вотъ что нерѣдко приходилось намъ повторять во время своихъ приготовительныхъ работъ.

Тожe приходится сказать и теперь, окидывая однимъ взглядомъ весь рядъ изслѣдованныхъ нами письменныхъ источниковъ по исторіи христіанской Нубіи. Не то, чтобы они были малочисленны; скорѣе--напротивъ. Но значительная часть ихъ въ своихъ показаніяхъ о Нубіи такъ лаконична и безсодержательна, что можетъ только свидѣтельствовать о фактѣ существованія въ ней христіанства въ тѣ или другіе вѣка, но не служить источникомъ свѣдѣній объ измѣненіяхъ въ его судьбахъ или о состояніи его въ этой странѣ въ разное время. Другіе изъ нихъ напротивъ многорѣчиво повѣствуютъ о разныхъ событіяхъ христіанскаго прошлаго Нубіи, но при критическомъ разборѣ этихъ повѣствованій они оказываются болѣе или менѣ легендарными. Иные наконецъ вслѣдствіе соединенія у многихъ древнихъ писателей Нубіи съ сосѣдней ей Абиссиніей подъ общимъ для обѣихъ именемъ Эіопія, смѣшиваютъ эти страны и ихъ исторію, такъ что только внимательное изслѣдованіе такихъ сочиненій даетъ возможность включить передаваемыя въ нихъ событія въ исторію той или другой страны. Очевидно, цѣлый рядъ такихъ сочиненій не можетъ дать столько цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній, сколько можно было бы почерпнуть изъ одного хорошаго, богатаго содержаніемъ, историческаго документа, прямою задачею коего было бы изображеніе исторической жизни Нубіи за болѣе или менѣ продолжительное время. Очевидно также, что подобныя сочиненія болѣе знакомятъ со свѣдѣніями и представленіями, какія имѣли о судьбахъ христіанства въ Нубіи образованные люди разныхъ націй и вѣковъ, чѣмъ съ самою исторіей нубійскаго христіанства. Въ необходимости, не смотря на это, дать всѣмъ имъ мѣсто въ нашемъ обзорѣ, утѣшеніемъ для насъ служить лишь мысль, что по болѣе-шей части они сами по себѣ не малоцѣнны въ научномъ отношеніи, доставляя важный матеріалъ для гражданской и

церковной исторіи разныхъ христіанскихъ народовъ востока, особенно же сосѣднихъ и единовѣрныхъ нубійцамъ коптовъ и абиссинявъ. Притомъ же они мало извѣстны или даже вовсе неизвѣстны въ русской исторической литературѣ, такъ что всякое сообщеніе объ нихъ и ихъ содержаніи будетъ новою стією для русскихъ читателей.

Съ другой стороны историческая жизнь христіанской Нубіи была слишкомъ продолжительна, чтобы легко было наполнить ея рамки историческими документами, соотвѣствующими каждому важному ея моменту. Вдобавокъ она прошла въ вѣка почти повсемѣстнаго на земномъ шарѣ господства если не полнаго варварства, то полуварварства, мало плодovitаго вообще на научныя и литературныя произведенія. Неудивительно поэтому, если для иныхъ вѣковъ исторіи христіанской Нубіи вовсе не найдется надлежащихъ историческихъ документовъ.

Нубія принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ историческихъ странъ, культурная жизнь коихъ не оставила послѣ себя никакихъ литературныхъ памятниковъ. До насъ не дошло рѣшительно ни одного сочиненія нубійскихъ писателей въ какомъ бы то ни было родѣ, даже произведеній паиздательнаго характера и церковно-богослужебныхъ книгъ, которыя у всѣхъ христіанскихъ народовъ въ томъ числѣ и у сосѣднихъ, единовѣрныхъ нубійцамъ, коптовъ и абиссинявъ, находили писателей и переписчиковъ даже въ періоды наибольшаго упадка цивилизаціи, свидѣтельствуя тѣмъ, что жизнь духа у нихъ еще не прекратилась, а только сосредоточилась всецѣло на самомъ необходимомъ для человѣка— на сохраненіи въ его сознаніи духовно-правственныхъ идеаловъ. Трудно сказать положительно, что могло бы быть тому причиной? Особый ли, исключительный складъ стремленій и вкусовъ жителей Нубіи, не представлявшій благопріятной почвы для умственной и литературной дѣятельности передовыхъ людей, или же печальная судьба нубійской цивилизаціи, не благопріятствовавшая сохраненію про-

изведеній нубійскихъ писателей. Съ одной стороны мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ—именно изъ хроникъ Евтихія Александрійскаго, писателя X вѣка ¹⁾, и Абу-Селы Армянина, жившаго въ XIV вѣкѣ ²⁾,—что у нубійцевъ была своя азбука, были собранія книгъ, повидимому были даже самостоятельныя нубійскія сочиненія, хотя богослуженіе отправлялось на языкѣ чужомъ, именно греческомъ ³⁾; у нубійцевъ слѣдовательно существовала нѣкоторая литературная дѣятельность. Съ другой стороны представляется трудно объяснимымъ и маловѣроятнымъ полное исчезновеніе сколько-нибудь значительной письменности, если бы таковая существовала ⁴⁾. Какъ бы однакожь это ни произошло, въ настоящее время, не имѣя въ рукахъ ни одного нубійскаго литературнаго памятника, мы лишены самаго драгоценнаго историческаго матеріала, который бы далъ намъ возможность глазами самихъ нубійцевъ смотрѣть на судьбу ихъ родины, особенно же на борьбу ихъ съ соседями за то, что составляло наиболѣе дорогое ихъ достоинствѣ—

¹⁾ Eutychii Alexandrini patriarchi Annales, t. I. 54, у Migne, Curs. compl. Patr. Patres graeci, t. CXI.

²⁾ У Quatremère, Mémoires sur la Nubie, p. 34.

³⁾ Показаніе Могаммеда сына Исхака Абуль-Фараджія, жившаго въ концѣ X-го вѣка, автора книги „Кетабъ аль Фихристъ“. Заимствуемъ его у Quatremère, Mémoire sur la Nubie. Тоже говорить и Абу-Села относительно своего времени. Quatremère, p. 37.

⁴⁾ Но можетъ быть, не все изъ нубійской литературы погибло безвозвратно и ближайшее будущее откроетъ по крайней мѣрѣ разрозненные обрывки ея. Надежда наша основывается на недавней находкѣ въ средне-египетскомъ городѣ Фаюмѣ, древнемъ Арсиноѣ, громадной „коллекціи папирусовъ эрцгерцога Райнера“, находящейся теперь въ Вѣнѣ, (испывая часть еще прежде непосредственно изъ Египта попала въ Берлинъ), въ коей видятъ: одни остатки городской бібліотеки, другіе—областнаго архива, а третьи просто „старую брошенную бумагу“ Фаюма. Въ этой коллекціи между множествомъ бумагъ греческихъ (до 15,000), арабскихъ (до 4,000), коптскихъ (до 1,000), пеллсвійскихъ (болѣе 300) оказалось болѣе 200 мероптско-эеіопскихъ отрывковъ, въ томъ числѣ 180 на пергаментѣ. Къ сожалѣнію, по замѣчанію барона В. Р. Розена, со словъ коего все это сообщаемъ, „ключъ къ пониманію ихъ до сихъ поръ еще не найденъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, январь, современная лѣтопись, стр. 18).

христіанскую вѣру, и который, навѣрное, былъ бы обильнѣе матеріала, отыскиваемого теперь въ произведеніяхъ иноземныхъ писателей.

Если почва христіанской Нубіи не представляется изслѣдователю ея судьбы вполнѣ безмолвной какъ могила, то благодаря лишь нѣкоторымъ, къ сожалѣнію также весьма не многочисленнымъ, историческимъ надписямъ, открытымъ европейскими путешественниками настоящаго вѣка на монументальныхъ памятникахъ страны или на произведеніяхъ туземнаго искусства.

Изъ этихъ надписей важнѣйшая—греческая реляція нубійскаго царя Спэко, вырѣзанная на одной изъ колоннъ античнаго храма селенія Калабше, древняго Талмиса, въ сѣверной Нубіи, возвѣщающая о побѣдахъ этого царя надъ влелміями и завоеваніи имъ сѣверной Нубіи. Она списана была Гау въ 1819 году и обнародована въ первый разъ Нибуромъ въ его сочиненіи „Inscriptiones Nubienses“ (Romae, 1820) и вслѣдъ за тѣмъ самимъ Гау въ его „Antiquités de la Nubie, ou monuments inédites des bords du Nil, situés entre la première et la seconde cataracte“ (Stuttgart et Paris, 1822). Эта же копія, но исправленная Летрономъ на основаніи вариантовъ, представленныхъ Балли и Кальо, вошла съ примѣчаніями Франца въ знаменитое Берлинское изданіе греческихъ надписей, вышедшее въ сороковыхъ годахъ настоящаго вѣка подъ редакціей Бюка (Boekh) „Corpus inscriptionum graecarum“ (t. III, № 5072. Berolini, 1848). Около того же времени прусская ученая экспедиція, посланная въ Египтъ и Нубію для розыскавія, изслѣдованія и скопированія или приобрѣтенія въ собственность прусскаго правительства древне-египетскихъ памятниковъ Нильской долины и Синайскаго полуострова, сняла новую болѣе исправную копію съ надписи, которая и вошла въ шестое отдѣленіе (Abtheilung VI, 25, № 377) монументальнаго изданія собранныхъ этой экспедиціей надписей, плановъ и рисунковъ, вышедшаго подъ редакціей Делсіуса подъ заглавіемъ: „Den-

kmäler aus Aegypten und Ethiopien“ (Berlin, 14 Bände). Научному изслѣдованію надпись Силко подвергнута была въ первый разъ Нибуромъ же въ указанномъ выше сочиненіи. Но Нибуру не удалось опредѣлить время ея происхожденія и выяснитъ ея историческое значеніе. Заслуга удовлетворительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ принадлежитъ французскому филологу начала нашего вѣка Летрою, посвятившему ей обстоятельную статью, напечатанную съ небольшими измѣненіями: и въ *Journal des savants* 1825, № 2 и 4, подъ заглавіемъ „Nouvel examen critique et historique de l'inscription grecque du roi nubien Silco“ и въ *Memoires de l'institut royal de la France, Academie des inscriptions et belles-lettres*, t. IX (Paris, 1831), гдѣ она надписана: „Nouvel examen de l'inscription grecque déposée dans le temple de Talmis en Nubie par le roi nubien Silco“. Она вошла потомъ, какъ часть, въ сочиненіе Летроия „*Materiaux pour l'histoire du christianisme en Egypte, en Nubie et en Abyssinie*“ (Paris, 1832)¹⁾. Летрою доказала, что надпись Силко полна фразъ и выраженій, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, и оборотовъ, свойственныхъ ново-греческому языку, что непрекоснѣнно свидѣтельствовало о христіанствѣ Силко, отъ имени коего она была составлена, и заставляло отнести ее къ значительно-позднѣйшему времени противъ того, какое указалъ для нея Нибуръ²⁾). Послѣ этого открытія надпись

¹⁾ Эта книга въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Мы напр. не нашли ея въ бібліотекахъ Петербурга. Но въ недавнее время она была перепечатана Фаньяномъ (Fagnan) въ числѣ избранныхъ сочиненій Летроия „*Oeuvres choisies de A. I. Letronne*“ (première serie, Egypte ancienne“ Paris. 1881) и такимъ образомъ снова сдѣлалась доступною людямъ науки.

²⁾ Къ надписи Силко имѣютъ тѣсное, хотя и косвенное, отношеніе еще двѣ статьи Летроия, напечатанныя въ 10-мъ томѣ указанныхъ выше „*Memoires*“ французскаго королевскаго института“ (Paris, 1833): „*Observations sur l'époque, où le paganisme a été définitivement aboli à Philes dans la Haute Egypte*“ и „*Memoire où l'on discute la réalité d'une mission arienne exécutée dans l'Inde sous la régné de l'empereur Constance*“. И эти статьи вошли въ упомянутую книгу Летроия „*Materiaux pour l'histoire du christianisme en Egypte, en Nubie et en Abyssinie*“. Paris, 1832.

оказалась важнымъ историческимъ документомъ. Филологическія соображенія и выводы Летроня повторили впоследствии съ разными дополненіями и измѣненіями Францъ въ „Corpus inscriptionum graecarum“ (t. III, № 5072) Вэка, Вандеръ Геганъ въ статьѣ „L'inscription grecque du roi nubien Silco“, помѣщенной въ *Revue Archéologique*, Nouv. serie, 5 année, IX (Septembre, 1864) и Ревилью (*Revillout*) въ „Mémoire sur les Blemmyes“, напечатанномъ въ „Mémoires présentés à l'Académie des inscriptions et belles lettres, première serie, VIII, 2“ (Paris, 1874). Последний ученый, исследовавшій эту надпись въ статьѣ „Die griechische Inschrift des Nubischen Königs Silco“ (помѣщена въ журналѣ „Hermes“, X Band, Berl. 1875), Рихардъ Денсіусъ обратилъ вниманіе на новую сторону въ надписи — на присутствіе въ ней фразъ и оборотовъ, несвойственныхъ греческому языку, характеристичныхъ напротивъ для коптскаго языка. Авторомъ надписи, отъ имени Силко, оказался послѣ этого образованный коптъ, недостаточно хорошо усвоившій греческую фразеологию.

Къ греческой надписи Силко по времени и исторической важности приближается коптская надпись, найденная въ античномъ храмѣ другаго селенія сѣверной Нубіи, Дендура или Давдура, упоминающая имя еще одного христіанскаго царя Нубіи изъ эпохи византійской власти надъ Египтомъ — Ирпанома, или скорѣе — Еркамсна. Въ первый разъ она была опубликована въ „Denkmäler aus Aegypten und Ethiopien“ (Band II, № 38 коптскихъ надписей) Денсіуса и затѣмъ подвергнута обстоятельному изслѣдованію французскимъ ученымъ Ревилью въ указанномъ уже мемуарѣ о блемміяхъ. Въ этой надписи говорится объ освященіи языческаго храма въ Дендурѣ въ христіанскую церковь.

Если островъ Филэ считать географически принадлежащимъ Нубіи, какъ находящійся къ югу отъ перваго Нильскаго катаракта, въ такомъ случаѣ къ числу письменныхъ историческихъ памятниковъ, доставленныхъ намъ почвою Нубіи, мы можемъ присоединить еще и шесть филэйскихъ языческихъ

и христіанскихъ надписей; тѣмъ болѣе, что, и по содержанію своему, онѣ имѣютъ тѣсное отношеніе къ исторіи утвержденія христіанства въ сѣверной Нубіи. Изъ нихъ три христіанскихъ надписи скопированы были сначала членами французской ученой экспедиціи конца прошлаго вѣка Юмаромъ (Jomard) и Жолуа (Jollois), которые опубликовали его въ извѣстномъ изданіи этой экспедиціи „Description de l'Égypte“ (Antiq. pl. 54, № 11, 12 и 13), а за тѣмъ Гау, помѣстившимъ ихъ въ своей книгѣ „Antiquités de la Nubie“ (pl. XII, № 47, 48 и 49). Копія съ четвертой христіанской надписи и съ двухъ языческихъ снята была Шарлемъ Леворманомъ въ 1829 году и обнаружена Летрономъ въ его „Observations sur l'époque, où le paganisme a été définitivement aboli à Philes dans la Haute Égypte“ (Mémoires de l'institut royal de France, Academie des inscriptions et belles-lettres, tome X, Paris, 1833). Тамъ же перепечатаны и первыя три христіанскія надписи. Статья представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельный филологическій и историческій разборъ всѣхъ этихъ египетскихъ надписей.

Упомянемъ еще о начертанномъ въ античномъ же храмѣ селенія Техфы, древняго Тафиса, въ сѣверной Нубіи солнечномъ кадрамъ, служившемъ, нужно полагать, для опредѣленія часовъ дня, въ кои слѣдуетъ начинать церковное богослуженіе и совершать молитвы. Онъ снятъ и напечатанъ былъ въ первый разъ Гау (Antiq. de la Nubie, tab. 11), перепечатанъ въ „Corpus inscriptionum graecarum“ (tom. III, № 5038) Бэка, объясненъ же Летрономъ въ „Mémoire sur une table horaire“, помѣщенномъ въ Journal des savants, 1825, № 5.

Кромѣ того европейскими путешественниками настоящаго столѣтія въ разныхъ частяхъ Нубіи отъ острова Филэ на сѣверѣ и до окрестностей Хартума на югѣ отыскано много мелкихъ, не превышающихъ размѣры грамматическаго предложенія, надписей христіанской эпохи — греческихъ, коптскихъ и на неизвѣстномъ языкѣ, писанныхъ

однакожь греческими буквами¹⁾. Но онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ именъ царей, епископовъ, вивокъ и т. под., коихъ въ настоящее время не возможно приурочить къ опредѣленному времени; почему эти надписи важны болѣе по языку, на которомъ составлены, чѣмъ по своему содержанію. Обнародованы онъ по частямъ въ многочисленныхъ описаніяхъ путешествій, предпринятыхъ въ бассейнъ средняго Нила, особенно же въ упомянутомъ уже изданіи Lepsius „Denkmäler aus Aegypten und Ethiopien“ Band. II. Такихъ надписей, вѣроятно, еще очень много скрываетъ въ себѣ почва Нубіи, потому что европейскіе путешественники въ этой странѣ боялись удалиться въ сторону отъ торныхъ дорогъ; да и на послѣднихъ рѣдко могли производить свои изысканія съ должною тщательностію и систематичностію.

При скудости туземныхъ письменныхъ памятниковъ, съ исторіей Нубіи мы вынуждены знакомиться почти исключительно по историческимъ сочиненіямъ иностранцевъ. Но этотъ источникъ историческихъ свѣдѣній бываетъ обилёнъ лишь въ томъ случаѣ, если страна, о коей собираются свѣдѣнія, находилась въ постоянномъ тѣсномъ общеніи со многими цивилизованными народами и представляла для послѣднихъ живой интересъ въ томъ или иномъ отношеніи. Существовали ли эти счастливыя условія для Нубіи?

Къ сожалѣнію, сравнительно рѣдко и въ малой степени. Нубія всегда лежала на краю цивилизованнаго міра

¹⁾ Lepsius высказалъ въ Monatsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften 1844, 386 ff. предположеніе, что этотъ языкъ есть языкъ теперешнихъ беджа'евъ, живущихъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, и что беджа'и суть именно одичавшіе потомки культурныхъ мероитскихъ эоиповъ. Онъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи и въ предисловіи къ „Nubische Grammatik“, вышедшей въ Берлинѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Но въ наукѣ оно до сихъ поръ не упрочилось, какъ недостаточно обоснованное. Особенно обращаетъ на себя вниманіе то, что ни Lepsius, и никому другому не удалось при помощи языка беджа'евъ прочесть указанныя надписи и дать такимъ образомъ ученымъ ключъ къ чтенію ихъ. См. Theod. Waitz, Anthropologie der Naturvölker, 2 Theil. (Leipzig, 1869), S. 489, Encyclopaedia Britannica, t. XVII: Nubia, и Журн. Мин. Цар. Просв. 1887, январь, современная этіологія, стр. 18.

и вдали отъ наиболѣе сильныхъ центровъ умственнаго движенія въ немъ; по болшей части она была даже послѣднею изъ извѣстныхъ образованнымъ народамъ странъ внутренней Африки, за которою слѣдовали уже вполне сказочныя земли. Съ цивилизованнымъ міромъ она имѣла сношенія только чрезъ Египетъ и при его посредствѣ и лишь въ малой долѣ чрезъ Аравію. И матеріальный, торговый и политическій, интересъ Нубіи представляла всегда, по крайней мѣрѣ, непосредственно, также почти исключительно для жителей и владыкъ Египта, прежде и больше всего коптовъ, исконныхъ его обитателей, а за тѣмъ тѣхъ римлянъ, грековъ и арабовъ, которые въ пору владычества этихъ народовъ надъ Египтомъ поселялись въ немъ временно или навсегда. Они поэтому должны были въ своихъ интересахъ слѣдить за происходившимъ въ сосѣдней Нубіи и передавать свои наблюденія письменно въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ¹⁾. Идеальный же интересъ, возбуждаемый ею въ сердцахъ и умахъ образованныхъ народовъ, въ разное время представлялъ совершенно различную величину. Въ одни времена она такъ тѣсно связывалась съ задумчивыми, заветными религіозными чаяніями, историко-философскими идеями и научными стремленіями образованныхъ народовъ, что постоянно и непреодолимо приковывала къ себѣ помыслы передовыхъ людей среди нихъ. Въ другія наоборотъ она предавалась почти полному забвенію. Греки и римляне классическаго періода въ Египтѣ подъ Египтомъ, гдѣ по ихъ представленіямъ лежалъ на Нилѣ великій островъ Мерое, то есть въ тѣперешней Нубіи, помѣщали тѣхъ невинныхъ, благочестивыхъ, долговѣчныхъ египтовъ, къ коимъ олимпійскіе боги стояли въ особенно-близкихъ отношеніяхъ, такъ что, не въ примѣръ прочимъ людямъ, удостоивши

---

¹⁾ Торговля связи съ Нубіей поддерживали всегда и арабы, обитавшіе въ собственной Аравіи; но этотъ полуостровъ никогда, даже въ пору высшаго развитія арабской цивилизаціи, не былъ мѣстомъ явной литературной дѣятельности, кромѣ поэтической.

своимъ посвѣщеніемъ ихъ пиры. Отъ эѳіоповъ острова Мерое они вели цивилизацію рода человѣческаго, утверждая (выражаясь словами стихотворенія Э. Септ. Флоренса Христіана, помѣщенного предъ сочиненіемъ Юсіа Скалигера „*Opus de emendatione temporum*“, Genevae, 1629), что „это—древнѣйшій народъ въ свѣтъ, что онъ первый училъ справедливости, первый обожалъ боговъ и установилъ священныя обряды и очищенія, изобрѣлъ искусства, первый началъ по звѣздамъ предугадывать судьбу людей, позналъ времена и фазы луны и по годовому движенію солнца установилъ годъ изъ мѣсяцевъ“. Тогда въ Меройтскую Эѳіопію ѳздили любознательные путешественники и посылались ученые экспедиціи—явленіе, чрезвычайно рѣдкое въ древнія времена¹⁾. За то въ кругъ помысловъ грековъ и римлянъ христіанскаго періода римской имперіи и первыхъ вѣковъ новой исторіи міра Эѳіопія, или Нубія, входила только какъ мѣсто предполагаемой проповѣди и мученической кончины нѣкоторыхъ апостоловъ и какъ поприще баснословныхъ приключеній Александра Македонскаго и фигурировала лишь въ легендарныхъ разсказахъ о жизни апостоловъ и въ сказочныхъ повѣствованіяхъ о походахъ всемірнаго грекомакедонскаго завоевателя. Но между ними и научнымъ изслѣдованіемъ прошлаго и настоящаго Нубіи не было ничего общаго. Вниманіе къ ней снова возросло въ концѣ перваго и въ началѣ втораго тысячелѣтія нашей эры, благодаря разившейся у христіанскихъ и магометанскихъ книжниковъ вѣрѣ въ существованіе земнагорая на истокахъ Нила. При такихъ представленіяхъ Нубія оказывалась страной, бли-

¹⁾ Ииѣмъ въ виду греческихъ путешественниковъ въ Эѳіопію время Птоломеевъ, Дазіона, Аристокреона, Василиса, Синопіда младшаго, о конкѣ говоритъ Павлинъ старшій, *Hist. Naturalis*, VI, 35. Изд. Гардуина. Paris. 1723. Филостратъ въ біографіи Аполлонія Тианскаго заставляеть этого религіознаго мечтателя путешествовать между прочимъ и къ гимнософистамъ Эѳіопіи (*Tὰ ἐς τὸν Τῶναι Ἀπολλώνιον*, VI, 6). Экспедиція для обследованія и измѣренія теченія Нила выше Египта до его источниковъ послана была Нерономъ (*Plinius secundus*, *Hist. Natur. lib. VI*, 35. *Ср. Seneca*, *Lib. 6. Natur. quaest. cap. 8*).

жайшей къ выходу Нила изъ рая и составлявшей повтому какъ бы преддверіе рая. По возрожденія наукъ въ западной Европѣ западно-европейскіе ученые и мыслители также вспомнили было сказаніе классическихъ писателей о Мероптской Эѳіопіи, заинтересовались кромѣ того судьбою отторгнутыхъ магометанскимъ нашествіемъ отъ общенія съ европейскимъ христіанскимъ міромъ древне-христіанскихъ странъ Азіи и Африки, между коими числилась и Эѳіопія, что подъ Египтомъ; но ошибочно приняли за эту Эѳіопію Абиссинію, почему на эту послѣднюю и обратили все свое вниманіе, почти забывъ о сосѣдней Нубіи, въ которую притомъ и доступъ въ это время былъ совершенно закрытъ для европейскихъ христіанъ восторжествовавшимъ въ ней магометанскимъ полуварварствомъ. Наконецъ въ нашъ вѣкъ Нубія снова сдѣлалась предметомъ такого же, какъ и въ классическія времена, живаго вниманія образованнаго европейскаго общества, но не столько сама по себѣ и ради своего христіанскаго прошлаго, сколько какъ хранительница многихъ памятниковъ древне-египетской цивилизаціи и какъ наиболее удобный путь въ центральную Африку и къ истокамъ Нила. Въ виду такого положенія Нубіи по отношенію къ культурнымъ народамъ міра въ разные моменты ея исторіи и отъ писателей другихъ народовъ трудно ожидать обильнаго запаса свидѣтельствъ для ознакомленія съ ея христіанскимъ прошлымъ. Вдобавокъ онъ долженъ былъ распредѣлиться далеко не равномерно по вѣкамъ ея исторіи.

Слѣдуя при обзорѣннн иностранныхъ источниковъ по исторіи христіанства въ Нубіи хронологическому порядку, во главѣ всѣхъ ихъ мы поставимъ книгу Дѣяній апостоловъ, повѣствующую въ 26—39 стихахъ 8-й главы о крещеніи апостоломъ Филиппомъ внука, казнохранителя эѳіопской царицы Кандакии, пріѣзжавшаго въ Іерусалимъ на поклоненіе Іеговѣ. Эготъ разсказъ Свящ. Писанія издавна въ европейской наукѣ и въ средѣ толкователей Писанія у восточныхъ христіанскихъ сектантовъ возбуждалъ вопросъ:

какую страну нужно считать родиною евнуха, или точнѣе царицы Кандакии, на службѣ коей онъ состоялъ, такъ какъ имя *Θαῖονία* у грековъ и римлянъ прилагалось, какъ общее названіе, ко многимъ странамъ Африки и Азии? Рѣшавшіе вопросъ правда легко соглашались на томъ, что *Θαῖονία*, откуда пріѣзжалъ въ Иерусалимъ евнухъ, была Мероптская *Θαῖονία*. Но за тѣмъ поднимался вопросъ: гдѣ нужно искать послѣднюю—въ Нубіи или Абиссиніи, такъ какъ и ту и другую страну разные писатели находили возможнымъ подвести подъ описаніе Мероптской *Θαῖονία*, оставленное древними? Не можемъ оставить этотъ вопросъ безъ рѣшенія и мы, чтобы получить право на внесеніе крещенія евнуха царицы Кандакии въ исторію христіанства въ Нубію. Для рѣшенія же его мы должны сличить свѣдѣнія о сѣверо-восточной Африкѣ, какія находимъ въ „Географіяхъ“ Страбона, писавшаго около начала нашей эры ¹⁾, и Клавдія Птолемея, умершаго въ 163 году по Р. Хр. ²⁾, въ „Естественной исторіи“ Плинія Старшаго, погибшаго во время изверженія Везувія въ 79 году по Р. Хр., когда погребены были подъ пепломъ и лавою города Помпеи и Геркуланумъ ³⁾, въ „Череплѣ Эритрейскаго моря“, составленномъ по мнѣнію Летроня при Септиміи Северѣ и сынѣ его Каракалѣ между 198 и 210 годами нашей эры, по мнѣнію же Рейно еще позднѣе, именно въ 246 или 247 году ⁴⁾ и наконецъ въ Аду-

¹⁾ XVI-й книги 4-я глава и XVII-й кн. гл. 1 и 2. Цитаты будемъ приводить по русскому переводу ея, сдѣланному О. Г. Мищенко: „Географія Страбона въ семнадцати книгахъ“. Москва, 1879 г.

²⁾ Lib. IV, cap. 7. Мы имѣли подъ руками крѣпкій латинскій переводъ ея, изданный съ дополненіями въ 1742-мъ году въ Базелѣ подъ заглавіемъ: „Geographia Universalis“. Basileae, 1742.

³⁾ Lib. V, X и Lib. VI, XXXIV и XXXV. Подъ руками имѣемъ изданіе Гардуина: „C. Plinii Secundi Historiae Naturalis libri XXXVII, quos interpretatione et notis illustravit Ioannes Harduinus. Editio altera. Paris. 1723. 2 tomi (въ 3-хъ книгахъ) и Парижское изданіе Павлука въ 20-хъ годахъ настоящаго вѣка съ французскимъ, довольно вѣточнымъ, переводомъ.

⁴⁾ Letronne, Nouvel examen de l'inscription grecque déposée... par le roi nubien Silco въ Мém. de l'Acad. des inscr. t. IX, p. 174. Reynaud, Mé-

литанской греческой надписи неизвестнаго Аксумитскаго царя, сохраненной для насъ въ „Христіанской топографіи“ Козмы Индикоплова (или Подоплавателя), писателя VI вѣка по Р. Хр.¹⁾.

Проповѣдническая дѣятельность большинства апостоловъ и учениковъ Христа, извѣстно, не нашла бытописателей ни между современниками ихъ, ни въ ближайшіе за тѣмъ вѣка. Тѣмъ усерднѣе старались собрать и повѣдать всему христіанскому міру сохранившіеся въ мѣстныхъ церквахъ преданія объ успѣхахъ проповѣди апостоловъ и о судьбѣ ихъ книжники послѣдующихъ вѣковъ, начиная съ третьяго. Къ сожалѣнію, первыми приложили руку къ этому дѣлу гностическіе писатели, которые думали болѣе всего о томъ, какъ бы воспользоваться интересовавшими всѣхъ житіями апостоловъ для распространенія между христіанами своихъ заблужденій, подобно тому, какъ и языческіе писатели того времени старались пропагандировать свои идеи повѣствованіемъ о дѣяніяхъ и рѣчахъ живой личности—

moire sur le Periplus de la mer Erythrée, напечатанный въ *Mém. de l'Acad. des inscr.* t. XXIV, 2, изданный потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „De la date de la redaction du le Periple de la mer Erythrée“. Paris, 1864. Самый Периплъ издавъ Уильямомъ Винсентомъ (William Vinsent) въ его сочиненіи „The commerce and navigation of the ancients in the Indian ocean“, 2 voll. London, 1808, С. Müller'омъ въ *Geogr. graec. minores*, t. 1 и I. Fabricius'омъ въ книгѣ: „Der Periplus des Erythraischen Meers von einem unbekanntem. Leipzig, 1833.

¹⁾ „Христіанская топографія была напечатана въ полномъ видѣ въ первый разъ Монфокономъ (Montfaucon) въ „*Collectio nova patrum et scriptorum graecorum*“ во II-мъ томѣ, перепечатана у Галланди, *Bibliotheca patrum* t. XI и потомъ у Мише (Migne) *Corpus completus Patrologiae. Patres graeci*, t. LXXXVIII. Надпись отдѣльно напечатана и комментирована Фабрициусомъ (*Bibliotheca graeca*, ed. Harles, t. IV; p. 251), Сальтомъ (*Voyage du vicomte George Valentia, traduite de l'anglaise par P. F. Henry*, Paris. 1813, t. IV, p. 144 и слѣд.), Пибуромъ (Wolf und Buttman, *Museum für Alterthumswissenschaft*, t. II), Францомъ (Boeckh, *Corp. Inscr. graec.* III, № 5127) и Визіанъ-де-Сенъ-Мартемомъ (*Journal Asiatique* 1863, octobre). См. и Dillmann, *Über die Anfänge des Axumitischen Reiches* (Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1878, Philosophisch-historische Klasse, S. 195 и слѣд.).

воплощенія этихъ идей¹⁾. Они обратили повтому въ своихъ *περίοδοι τῶν ἀποστόλων*²⁾ подлинныя преданія о проповѣди апостоловъ въ канву, по коей, не скупясь и отнюдь не стѣсняясь исторической правдой, вышили свои узоры въ видѣ чрезмѣрно любящихся въ ту пору публикой фантастическихъ, необычайныхъ приключеній съ апостолами, а также рѣчей, молитвъ и гимновъ апостоловъ догматическаго и правоучительнаго содержанія въ духѣ ихъ еретическихъ ученій. На ряду съ подобными разсказами еретиковъ, свидѣтельства отцовъ и учителей церкви, касавшихся этого предмета обыкновенно случайно, долго выдѣлялись трезвостію, но и скудостію содержанія. Когда же и въ ней явилась потребность записи преданій объ апостолахъ, фантастическія приключенія, измышленныя еретиками, получили уже такое широкое распространеніе и такую громадную популярность во всемъ христіанскомъ мірѣ, что у православныхъ, анонимныхъ или псевдонимныхъ, авторовъ „Церковныхъ исторій“ объ апостолахъ, то есть, „Дѣяній“, „Составаній“, „Чудесъ“ и „Мученичествъ“ апостоловъ не оказалось ни умѣнья, ни даже охоты отдѣлать и отбросить ложныя преданія о событіяхъ апостольскаго времени, если, казалось, онѣ служили къ прославленію апостоловъ и христіанства. Къ тому же неразумная ревность христіанъ разныхъ странъ къ славѣ своихъ мѣстныхъ церквей также охотно выражалась въ созданіи, въ дополненіе къ достовѣрнымъ преданіямъ, легендарныхъ разсказовъ о проповѣди

¹⁾ Напр. Филостратъ, авторъ „Извѣстій объ Аполлоніи Тіанскомъ“ (*Τὰ ἐς τὸν Γουάνα 'Απολλώνιον*). Объ этомъ литературномъ обычаѣ послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи см. у Heinrich'a Kellner'a, *Hellenismus und Christenthum*, Köln, 1866, S. 104 и сл.

²⁾ Липсиусъ относитъ время происхожденія бльшей части гностическихъ „Путешествій“ (*περίοδοι*) и „Дѣяній“ Апостоловъ и образованія еретическаго сборника „Путешествій Петра, Іоанна, Андрея, Фомы и Павла“, замѣляшаго для гностиковъ каноническія писанія православной церкви, къ III-му вѣку нашей эры. Rich. Adelb. Lipsius, *Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*, Band I, Braunschweig, 1883, S. 44—224, особенно же S. 80—83.

апостоловъ въ той или другой странѣ. Такимъ-то путемъ образовался извѣстный намъ кругъ древнихъ литературныхъ сказаній и свидѣтельствъ объ апостолахъ и ученикахъ Христовыхъ, различающійся болѣе или менѣе значительно по національнымъ церквамъ и въ каждой по вѣкамъ, въ коемъ съ точностію опредѣлить историческій элементъ составляетъ для изслѣдователя головоломную, покоящуюся на зыбкой почвѣ предположеній и догадокъ, можетъ быть даже не разрѣшимую задачу¹⁾.

¹⁾ Патристическія свидѣтельства о проповѣди апостоловъ содержатся въ писаніяхъ отцовъ и учителей церкви IV-го и позднѣйшихъ вѣковъ, особенно у историковъ и поэтовъ.—Евсевія Кесарійскаго, Иеронима, Руфина, Сократа, Павлина Ноланскаго, Фортуната и т. п. Объ этихъ писаніяхъ по ихъ общеизвѣстности распространяться излишне. Главныя изданія легендарныхъ апостольскихъ исторій еретическаго и православнаго происхожденія: Jo. Alb. Fabricius'a, *Codex apocryphus Novi Testamenti*, Hamburg, 1703—1719, *Constantin'a Tischendorf'a*, *Acta apostolorum apocrypha*, Lipsiae, 1851, Will. Wright'a, *Apocryphal Acts of the Apostles, edited from Syrian manuscripts...* съ англійскимъ переводомъ, London, 1871, 2 voll., S. C. Malan'a, *The conflicts of the Holy Apostles...* translated from an Ethiopic manuscript, London, 1871 и Н. С. Тихонравова, *Памятники отреченной русской литературы*, 2 т. Москва, 1863. Не говоримъ о многихъ изданіяхъ отдѣльныхъ легендъ или группъ ихъ. Опыты извлеченія изъ легендарныхъ апостольскихъ исторій матеріала для исторіи апостоловъ и апостольскаго вѣка, по мнѣнію Денциуса до сихъ поръ оставшіеся почти что безплодными (см. Band. I, S. 11 его сочиненія), и объединенія ихъ съ патристическими свидѣтельствами въ одно цѣльное повѣствованіе имѣемъ главнымъ образомъ въ трудахъ Тильмона (*Seb. le Nain de Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclesiastique de six premiers siècles*, вышедшіе около 1700 года въ трехъ изданіяхъ, изъ коихъ одно брусельское и два парижскихъ), J.—A. Фабриціуса (*J.—A. Fabricius, Salutaris lux evangelii toti orbi per divinam gratiam exoriens*, Hamburg, 1731) и въ историческихъ комментаріяхъ объ апостолахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ томахъ *Acta sanctorum* Болландистовъ. Изъ послѣднихъ къ нашему предмету имѣютъ отношеніе комментарія объ апостолахъ Матеѣи (*Februarinus*, tom. II), Филиппѣ (*Jinnius*, t. I), Варвломеѣ (*Augustus*, t. V), объ евоіонѣ внухѣ (*Augustus*, t. VI), особенно же объ апостолѣ Матвѣѣ (*September*, t. VI). Новѣйшее и наиболѣе обстоятельное критическое изслѣдованіе всѣхъ легендарныхъ исторій апостоловъ со стороны ихъ происхожденія, состава и источниковъ представляетъ уже упомянутое нами сочиненіе Рихарда А. Денциуса „*Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*“ (2 Bände, Braunschweig, 1883—4), въ коемъ мы находимъ и самое подробное обозрѣніе существующихъ изданій этихъ исторій и изслѣдованій объ

Труды Киев. Дух. Акад. Т. II. 1887 г. 37

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ насъ можетъ интересовать лишь не большая часть этого круга, та, которая на самомъ ли дѣлѣ или только по предположеніямъ церковныхъ изслѣдователей, указываетъ мѣсто проповѣднической дѣятельности тѣхъ или иныхъ апостоловъ въ Мероптской Эіопіи, или въ Нубіи. Сюда относятся: а) патристическое свидѣтельство Руфина о проповѣди апостоловъ Матвіи и Варволомея, вставленное имъ въ текстъ „Церковной исторіи“ Евсевія Кесарійскаго (Hist. eccles. III, 1) въ своемъ латинскомъ переводѣ ея и повторенное потомъ въ первой книгѣ дополненій къ ней (X, 9; у Минье, Patr. latini, t. XXI, col. 230), которое для лучшаго уразумѣнія пужо сравнить съ соотвѣтствующими мѣстами „Церковныхъ исторій“ Евсевія (Hist. eccles. III, 1; у Минье, Patres graeci, t. XX, col. 71) и Сократа (1, 19; у Минье, Patr. graeci, t. LXVII, col. 49), произведеній Иеронима (In Jesai 34; у Минье, Patres latini, XXIV, 445) и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей. б) Патристическія же свидѣтельства Иринея (Haeres. IV, 23, 2; у Минье, Patres graeci, t. III), Евсевія Кесарійскаго (Hist. eccles. II, 1, 13; у Минье, Patres graeci, XX, 40) и Иеронима (In Jesai. 53; у Минье, Patres latini, XXIV, 617) о проповѣди въ Мероптской Эіопіи внука Кандакіи, коему списокъ апостоловъ Псевдо-Софронія отводитъ для дѣятельности другую, недалекую впрочемъ область (Migne, Patres latini, XXIII). в) Легенда о проповѣди апостола Варволомея въ Вагатѣ, или въ Гавѣ, иначе Елѣвѣ, и о встрѣчѣ его съ апостоломъ Андреемъ въ „странѣ варваровъ“ (откуда они виѣстѣ направилась въ страны Вартосъ, македавовъ и казареновъ), найденная въ коптскихъ рукописныхъ отрывкахъ, въ арабскомъ синаксарѣ коптской церкви, съ наибольшими же по-

---

нихъ (Band. I, S. 34—47). Для приуроченія дѣйствій въ сказаніяхъ къ определеннымъ странамъ и къ определеннымъ мѣстностямъ, повидимому, болѣе всѣхъ сдѣлалъ Alfr. von Gutschmid въ статьѣ „Die Königsnamen in den apokryphen Apostelgeschichten“ (Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge, XIX, S. 161—183 и 380—401).

дробностями въ абиссинскихъ статьяхъ, частію вошедшихъ въ ихъ сборникъ сказаній объ апостолахъ „Гад'ла Гаваріятъ“, то есть состязаніе апостоловъ (*Certamen apostolorum*), частію же существующихъ отдѣльно. г) Сказаніе о дѣятельности апостола Матеіа въ странѣ Кандаки, найденное въ абиссинскомъ Гад'ла Гаваріятъ. д) Наконецъ легенда о проповѣди апостола Матвѣя въ эіопскомъ городѣ Наддаверѣ или Натдаберѣ, сохраняемая исключительно на латинскомъ западѣ, у Псевдо-Абдіи, Фортуната и друг. Конечно, для опредѣленія историческаго значенія этихъ свидѣтельствъ, особенно же легендарныхъ сказаній, нужно имѣть въ виду и другія легенды объ указанныхъ апостолахъ, а также все, что относится къ послѣднимъ въ спискахъ апостоловъ и учениковъ Христа, надписываемыхъ именами Ипполита, Дородея, Епифанія, Софронія и другихъ.

Изъ пречисленныхъ литературныхъ памятниковъ въ особыхъ указаніяхъ относительно мѣста и времени происхожденія, равно какъ и источниковъ, откуда почерпнуты ими свѣдѣнія объ апостолахъ, нуждаются, надѣмся, только явонимые и псевдонимные. Объ этихъ же памятникахъ вотъ что можно считать послѣднимъ словомъ науки. Легендарныя сказанія объ египетско-эіопской дѣятельности ап. Варломея, между отдѣльными отрывками коихъ Липсіусъ предполагаетъ изначальную связь, созданы мѣстнымъ патриотизмомъ египетскихъ христіанъ, увлекшихся сравнительною близостію Ближней Индіи, то есть Счастливой Аравіи, которую признавало мѣстомъ дѣятельности апостола болѣе древнее преданіе самой египетской церкви, къ Египту, особенно же къ тѣсно связаннымъ съ нимъ въ церковномъ отношеніи странамъ сѣверо-восточной Африки. На египетское происхожденіе ихъ указываетъ во первыхъ приуроченіе именъ мѣстностей, общихъ имъ съ другими легендами, къ южнымъ странамъ, съ коими именно египтяне имѣли живыя сношенія. Далѣе въ этихъ сказаніяхъ, и только въ нихъ, встрѣчаются названія африканскихъ мѣстностей. О

томъ же свидѣлствуютъ и киноцефалы, т. е., песьеголовцы, играющіе важную роль въ той части этихъ сказаній, гдѣ апостолы Вареоломей и Андрей являются дѣйствующими совместно. „Киноцефалы же помѣщаются древними большею частью въ Ливіи или Эѳіопіи; и въ египетскомъ звѣрномъ культѣ киноцефаль игралъ роль.“⁴ Наконецъ „въ пользу египетскаго происхожденія ихъ говоритъ и то, что онѣ были распространены только между абиссинскими и коптскими христіанами, тогда какъ никакого слѣда ихъ не замѣчаемъ ни у сирійцевъ, ни у грековъ или латинянъ“⁵). Къ этимъ соображеніямъ Липсіуса присоединимъ еще одно: сказанія о совместныхъ дѣйствіяхъ апостоловъ Андрея и Вареоломея проникнуты духомъ необычайной жестокости и беспощадности по отношенію къ невѣрующимъ, которые истребляются въ сказаніи цѣлыми массами, но такой духъ замѣчается именно въ египетской церкви въ подготовительную пору предъ отпаденіемъ ея отъ Вселенской церкви и за тѣмъ въ монофизитскую пору: припомнимъ всѣмъ извѣстные случаи умерщвленія ученой язычницы Ипатіи александрійскою чернію, истязанія православнаго патріарха Константинопольскаго Флавіана на Разбойничьемъ соборѣ подручниками александрійскаго патріарха Діоскора, умерщвленія монофизитами Александріи Протерія, поставленнаго въ патріархи этого города Халкедонскимъ соборомъ на мѣсто низложеннаго Діоскора, а также массовыя избіенія язычниковъ Верхняго Египта епископомъ Теоускимъ Макаріемъ и другимъ его аввою Шенути, коптскія описанія коихъ мы находимъ въ мемуарѣ о Влемміяхъ Ревилью⁶). Но всего болѣе напоминаетъ эти сказанія въ указанномъ отношеніи коптское жизнеописаніе 46-го по коптскому счету александрійскаго патріарха Хаила I, составленное въ VIII вѣкѣ. Авторъ его,

⁴) Rich. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, 2 Band, 2 Hälfte, S. 84—92.

⁵) Mémoires présentés à l'acad. des inscriptions et belles-lettres, 1 Serie, VIII, 2 (Paris, 1874), p. 420—429.

секретарь патриарха, между прочимъ рассказываетъ, что когда Ханль не могъ увѣщаніями обратити молетіанъ Арсе-нойскаго нома въ свою вѣру, онъ обратился къ Богу съ молитвою объ ихъ истребленіи. И они дѣйствительно всѣ погибли, въ числѣ 3,000 человекъ, за исключеніемъ десяти-рыхъ, кои не подражали злымъ дѣламъ прочихъ¹⁾.

Время происхожденія коптскихъ сказаній, о коихъ идетъ рѣчь, Липсіусъ ищетъ между 400 и 500 годами: не ранѣе 400 года, должно быть, потому, что онъ, по всей вѣроятности, созданы были подъ влияніемъ преданія о проповѣди ап. Варео-ломея въ Ближней Индіи, которое, очевидно, господствовало въ Египтѣ въ пору пребыванія тамъ въ концѣ IV вѣка Ру-фина, записавшаго его въ первый разъ²⁾; не позже 560 года, потому что въ этомъ году, по сказаніямъ западныхъ писателей, начиная съ Григорія Турскаго, совершилось чу-десное перенесеніе моремъ мощей апостола изъ Индіи въ Липари, но рассказъ о вверженіи тѣла апостола въ море находится только въ коптской легендѣ³⁾. За то же время говоритъ и наше соображеніе, приведенное нѣсколько выше, особенно же за пору отпаденія отъ православія большин-ства египтянъ послѣ Халкедонскаго собора. По вопросу объ источникахъ этихъ коптскихъ сказаній Липсіусъ выска-залъ слѣдующія соображенія: „Дѣванія Андрея и Варфоломея“ имѣли образцомъ гностическія „Дѣванія Андрея и Матвѣя“,

¹⁾ Renaudotii, *Historia patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum* (Parisii, 1713), p. 231.

²⁾ Липсіусъ прямо не высказываетъ этого соображенія. Но элементы его даны имъ на не давно указанныхъ страницахъ его сочиненія. Тамъ онъ высказы-ваетъ убѣжденіе, что прежде теперешнихъ коптскихъ сказаній въ Египетской церкви господствовало преданіе о проповѣди ап. Варео-ломея въ Ближней Индіи; но объ немъ имъ знаешь именно изъ Руфина. Впрочемъ, возможно, что и Евсеій Кесарійскій ту же страну разумѣлъ подъ Индіей, куда путешествовалъ для проповѣди Паулгенъ и гдѣ онъ нашель еврейское евангеліе Матвѣя, принесенное туда ап. Варео-ломеемъ. (*Hist. eccl.* V, 10). Но Иеронимъ, повторившій его рас-сказъ, *De vir. illustr. cap.* 36 и *Epist.* 70, рѣшительно указываетъ на Индію брахмановъ.

³⁾ Lipsius, *Die apokryphen Apostelgeschichten...*, 2 B. 2 Hälfte, S. 91—92.

а сказаніе о проповѣди ап. Вареоломея въ Вагатъ или Гауъ (Егѣвъ)—гностическія же „Дѣянія Фомы“, вѣроятно въ прочемъ въ католической ихъ переработкѣ¹⁾; всѣ сказанія кромѣ индѣйской легенды предполагаютъ существовавшую и паряпскую легенду о Вареоломѣ. Возможно и то, что „отношеніе коптскихъ дѣяній Андрея и Вареоломея къ дѣяніямъ Андрея и Матвѣя, происходящимъ на берегахъ Чернаго моря, основывается на воспоминаніи о болѣе древнемъ преданіи, говорившемъ о дѣятельности Вареоломея на берегахъ того же моря“²⁾).

Копто-абиссинскимъ легендамъ о Матѣи Липсіусъ не придаетъ значенія, потому что въ нихъ на Матѣю, по недоразумѣнію вслѣдствіе смѣшенія именъ, перенесены происшествія, относимыя въ болѣе древнихъ сказаніяхъ къ Матвѣю, о проповѣднической же дѣятельности Матѣи въ древней церкви не существовало никакихъ разсказовъ³⁾. Поэтому онъ отдѣльно для нихъ не ставитъ вопросовъ о мѣстѣ и времени происхожденія. Самый же абиссинскій сборникъ легендъ „Гад'ла Гаваріятъ“, въ который онъ входитъ какъ часть, онъ считаетъ переводомъ такого же сборника сказаній, существовавшего нѣкогда въ коптской церкви, но потомъ затерянаго. Но изъ факта празднованія абиссинцами дней памяти нѣсколькихъ апостоловъ вдвойнѣ, вмѣстѣ съ коптами и вмѣстѣ съ греками, онъ основательно заключаетъ, „что абиссинская легенда объ апостолахъ не зависитъ исключительно отъ коптской, но находится и подъ влияніемъ греческаго преданія“⁴⁾ Какъ коптскій оригиналъ, такъ и абиссинскій его переводъ должны были образоваться постепенно въ промежутокъ времени между 450 и 540 годами: съ одной стороны въ сборникѣ есть такое сказаніе („страданіе

¹⁾ R. - A. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, 2 Band, 2 Hälfte, S. 89—91.

²⁾ Тамъ же, S. 91.

³⁾ Тамъ же, S. 258—261; ср. S. 135—136.

⁴⁾ Тоже сочиненіе, 1 Band, S. 223—224.

Матвѣя⁴, сохранившееся въ абиссинскомъ Certamen apostolorum и въ арабскомъ синаксарѣ), въ коемъ встрѣчаются Халкедонскія формулы ἀσυχῶτος, ἀτρέπτως, ἀδιάρετος; съ другой сборникъ не знаетъ ничего объ абиссинской дѣятельности Матвѣя, о коей повѣствуетъ латинское „Passio Matthaei“, составленное приблизительно около половины VI вѣка¹). Только что упоминаемое латинское „Passio“ (страданіе) Матвѣя, или точнѣе подлинное писаніе, изъ котораго оно извлечено, по мнѣнію Липсіуса, опирающемуся на изслѣдованіи Гутшмида²), составлено было, очевидно, человѣкомъ, знавшимъ легендарную родословную древнихъ царей Абиссиніи и ея политическое положеніе въ первую половину VI вѣка по Р. Хр.³); создано было повтому въ Абиссиніи съ цѣлю дать Абиссинской церкви славу апостольскаго происхожденія⁴), около половины VI-го вѣка⁵). Написано оно было на грече-

¹) R. - A. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden, I Band, S. 223. Но если сказаніе объ абиссинской проповѣди ап. Матвѣя, какъ увидимъ ниже, не попало въ коптско-абиссинскій сборникъ просто потому, что принадлежало къ кругу сказаній восточныхъ церквей — Сирской, Армянской и другихъ, который всегда былъ чуждъ Египетской церкви, въ такомъ случаѣ дата, указанная Липсіусомъ для закончанія сборника, лишается точки опоры. Ничто поэтому не мѣшаетъ срокъ окончательнаго опредѣленія круга легендъ коптской церкви объ апостолахъ отодвинуть къ болѣе позднему времени.

²) Alfr. von Gutschmid, Die Königsnamen in den apokryphen Apostelgeschichten in Rheinisches Museum, N. Folge. XIX, S. 380 и др.

³) Указан. сочин. Липсіуса, 2 B., 2 Hälfte, S. 138. „Въ именахъ Египтій и Беоръ“ сказанія „Гутшмидъ узнаеть двухъ царей древнѣйшей Абиссинской династіи Аглебула (Аглибола) и Бавариса... Съ Елесбааса, или Калеба взято приданое Египтій почетное прозваніе *христианнѣйшій царь*; дагѣ, только при этомъ царѣ, который въ 524-мъ году завоевалъ царство сабеевъ, могла быть рѣчь о войнѣ или мирѣ Эіопіи съ Персіей; наконецъ на него указываетъ замѣчаніе, что Беоръ сдѣлалъ одного своего сына полководцемъ, а другого царемъ, потому что „очень похожую исторію“ читаемъ мы о Калетѣ въ эіопскомъ синаксарѣ подъ 20-мъ Гинбота (15 маі)“. Калеба также напоминаетъ Египтій своею христіанскою ревностію.

⁴) Тамъ же, S. 141.

⁵) Сказаніе несомнѣнно было извѣстно Венацію Фортунату, † 609 г., какъ и весь сборникъ „passiones“, или „страданій“ апостоловъ, приписываемыхъ Абдіи. Въ поэмѣ въ честь дѣства онъ упоминаеть о высокомъ Надаверѣ въ связи съ ап. Матвѣемъ (Migne, Patres latini, t. LXXXVIII, col. 276). Но, очевидно,

свомъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ въ греческой обработкѣ сдѣлалось извѣстно лицу, извлечшему изъ него латинское „*passio*“¹⁾). Если же отдѣлимъ въ сказаніи то, что заимствованно непосредственно изъ исторіи Абиссиніи первой половины VI-го вѣка, всѣ остальные черты его ведутъ насъ въ болѣе древніе вѣка и въ явныя страны, по болѣе части очень далекія отъ Абиссиніи. Упомянутое объ евреяхъ Египта Кандацисъ, у коего остановился апостолъ по прибытіи въ Надаверъ, указываетъ, что автору сказанія было извѣстно господствовавшее въ IV-мъ вѣкѣ въ Египтѣ и, можетъ быть, Палестинѣ преданіе о проповѣди ап. Матвѣя въ „*Æthiopia*“, то есть въ царствѣ Мероѣ²⁾). Особенно же много сходства представляетъ оно съ сказаніями восточно-сирійскаго происхожденія, вошедшими въ тотъ же латинскій сборникъ Псевдо-Абдіи: „*Passio Simonis et Judae*“ и „*Passio Bartholomaei*“, изъ коихъ первое должно было явиться въ началѣ IV-го вѣка³⁾, а второе въ VI-мъ вѣкѣ⁴⁾). Въ первой главными врагами апостоловъ являются даже тѣ же самыя лица, маги Зароэсъ и Арфаксатъ, которыхъ побѣдилъ и заставилъ бѣжать изъ Надавера ап. Матвѣй, носящіе имена явно-персидскаго происхожденія⁵⁾). Въ „*Passio Matthaei*“ и еще одно

должно было пройти довольно времени, пока сказаніе могло, идя съ крайняго христіанскаго востока, достигнуть латинскаго запада. См. у Липсиуса, I Band, S. 168 и 177. Въ послѣднемъ мѣстѣ наиболѣе опредѣленная дата—отъ 550-го по 580-й годъ.

¹⁾ Указан. сочин. Липсиуса, 2 Band, 2 Hälfte, S. 139.

²⁾ Указан. сочин. Липсиуса, 2 Band, 2 Hälfte, S. 139 и 140.

³⁾ Тамъ же, S. 171 и 172.

⁴⁾ Тамъ же, S. 71—72. Липсиусъ однакожь опредѣляетъ время происхожденія „*Passio Bartholomaei*“ на одностороннемъ основаніи, обративъ вниманіе только на пунктъ времени, поздне котораго дату его нельзя относить. Но это не значить, чтобы оно не могло явиться значительно ранѣе. Если въ немъ сохранились слѣды несторіанскихъ взглядовъ, то и это обстоятельство не мѣшаетъ отнести его къ первой половинѣ IV-го вѣка. Должно было пройти значительное время, пока несторіанское произведеніе распространилось между православными и монофизитами, къ коимъ, по видимому, принадлежалъ авторъ подлинника латинской „*Passio Matthaei*“. Личныя же имена въ „*Passio Bartholomaei*“ восходятъ даже къ 1-му вѣку по Р. Хр. См. у Липсиуса, на тѣхъ же страницахъ.

⁵⁾ Тамъ же, особенно стр. 169 и сл.

лицо носить персидское имя—убійца апостола Гиртакъ¹⁾, братъ и преемникъ Египпа. Очевидно, авторъ его много почерпнулъ въ этихъ болѣе древнихъ сказаніяхъ²⁾ и, быть можетъ, изъ стоявшей въ связи съ ними легенды восточно-сирійскихъ христіанъ, приурочивавшей дѣятельность ап. Матвѣя къ Парсеи и Восточной Эеіопіи (Караманіи и Сузіанѣ)³⁾, тогда какъ наиболѣе древняя гностическая легенда завела его въ Сѣверную Эеіопію или Колхиду⁴⁾.

Впрочемъ эти соображенія Липсіуса возбуждаютъ многія сомнѣнія. Во первыхъ, Дильманъ, вопреки миѣнію о знакомствѣ автора сказанія о Матвѣѣ съ легендарной родословной абиссинскихъ царей, существовавшей значить ранѣе, находитъ болѣе вѣроятнымъ обратное явленіе—займствованіе „составителемъ списка мнимыхъ древнихъ царей Абиссиніи, имена коихъ собраны отовсюду“ изъ сказанія о Матвѣѣ, тѣмъ болѣе, что Аглиболь (списка) было имя луннаго божества у жителей Пальмиры. „Да и змѣя, стоящая во главѣ списковъ царей, должна, по вѣроятію, вести свое начало изъ легендъ о побѣжденіи волшебниковъ и ихъ змѣй христіанскими проповѣдниками“⁵⁾. Дильманъ обращаетъ вниманіе и на то, что „Дѣянія“ апостоловъ абиссинскаго сборника Гад'ла Гаваріятъ⁶⁾ очень отличны отъ „Дѣвій“, распространенныхъ подъ именемъ Абдіи на западѣ; въ частности „Дѣянія“ Матвѣя абиссинявъ не представляютъ ни одного изъ тѣхъ царскихъ именъ“⁷⁾. Мы не находимъ возможнымъ присоединиться къ миѣнію Дильмана о болѣе древности подлинника „Passio Matthaei“ сравнительно съ родо-

1) Тамъ же, стр. 171.

2) Тамъ же, стр. 141.

3) Тамъ же, стр. 139.

4) Тамъ же, стр. 109—113.

5) Dillmann, Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im vierten bis sechsten Jahrhundert (Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1880, Philosophisch-Historische Klasse, S. 2).

6) Дильманъ читаетъ—Гадела Гаваріятъ.

7) Тамъ же.

словной абиссинских царей, потому что противъ этого говоритъ аналогія съ другими сказаніями объ апостолахъ, авторы коихъ не выдумывали именъ царей и другихъ лицъ, а брали ихъ откуда нибудь готовыми. При немъ также было бы непонятно, почему составитель родословной не включилъ въ нее вмѣстѣ съ Аглубулемъ и Баварисомъ и имени Гиртака, убійцы Матвѣя. Но изъ замѣчаній Дильмана мы выводимъ иное заключеніе, подтверждаемое на нашъ взглядъ и многими данными, собранными Липсіусомъ, именно—что сказаніе о Матвѣѣ произошло не въ Абиссиніи, а въ монофизитскихъ, или даже православныхъ кругахъ Сиріи¹⁾. Только это предположеніе

¹⁾ Основаніе, на которомъ зиждется мнѣніе Липсіуса о монофизитскомъ происхожденіи „*Passio Matthaei*“, не особенно сильно. Оно заключается въ сохранныхъ у Фабріціуса словахъ: „*filius Dei... dignatus est hominis assumere formam, non amittens suam deitatem*“. Но это выраженіе не болѣе приличествуетъ ученію еводосіанъ или яковитовъ, коего держались копты въ большинствѣ, сирійскіе яковиты и абиссиняне, какъ и православному ученію. Скорѣе, оно принадлежитъ къ числу неточныхъ оборотовъ, которые могли сойти съ пера не особенно искусныхъ богослововъ той и другой стороны.—Соблазняетъ меня мысль и для перечня древнихъ царей Абиссиніи, можетъ быть до самаго Саладобы, прадѣда Калеба или Елесбааса, отыскать родину въ Сиріи, а не въ Абиссиніи. Въ пользу этого предположенія можетъ говорить уже то, что въ списки именъ этихъ царей попалъ лунный богъ палмирцевъ. Важнѣе то обстоятельство, что всѣ три группы списковъ этой родословной, опредѣленныхъ Дильманомъ въ статьѣ „*Zur Geschichte des Abyssinischen Reiches*“ (*Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, VII Band), просвѣщеніе Абиссиніи свѣтомъ Христовой вѣры относятъ къ царствованію Абрега и Ацбегі, вмѣсто историческихъ Анзани и Сазани, при коихъ дѣйствовалъ въ Абиссиніи ея апостолъ Фруменцій, рукоположенный въ епископы Абиссиніи Авачасіемъ Великимъ. Но имена этихъ царственныхъ просвѣтителей Абиссиніи совершенно напоминаютъ имена извѣстныхъ историческихъ личностей VI-го вѣка—царя Аксума Елесбааса, собственно Ета (членъ) Егцбаги, и подручнаго ему царя Омиритской страны Абраги или Абрача. Только сирійцы, въ лицѣ Іоанна Антиохійскаго и Іоанна Малаалы приурочившіе крещеніе Абиссиніи къ Елесбаасу, подъ именами Айдого и Ауды, и въ лицѣ автора Дѣяній св. Арсена считавшіе Абрагу первымъ христіанскимъ вице-королемъ Іемена, поставленнымъ здѣсь Елесбаасомъ, послѣ низверженія и казни іудействовавшаго царя Дунаана, могли создать легенду о крещеніи Абиссиніи при братьяхъ-царяхъ Абрегѣ и Ацбегѣ и вдобавокъ приписать имъ построеніе Аксума. Но выдавать это мнѣніе за несомнѣнную истину мы пока не рѣшимся.

даетъ возможность объяснить зависимость сказанія отъ восточно-сирійскихъ легендъ о страданіи Симона и Іуды и о страданіи Варсоломея, сохранныхъ въ сборникѣ Псевдо-Абдіи, и переселенія ихъ всѣхъ вмѣстѣ на западъ въ Галлію, гдѣ въ VI-мъ вѣкѣ существовали многолюдныя торговыя колоніи сирійцевъ, значительную примѣсь въ сказанія къ вѣрнымъ показаніямъ объ Абиссиніи совершенно ложныхъ, въ родѣ наименованія стольваго града Еглиппа Наддаверомъ, а не Аксумомъ и смѣшенія Абиссиніи съ Эіопіей, откуда приходилъ въ Іерусалимъ евнухъ Кандакин, особенно же фактъ полнаго отсутствія преданія о проповѣди Матвѣя въ Абиссиніи у абиссинявъ и коптовъ. Тогда какъ все это необъяснимо при абиссинскомъ происхожденіи „Passio Matthaei“. Липсіусъ пробуетъ, оставаясь при своей точкѣ зрѣнія, объяснить послѣдній фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что оригиналъ „Passio“ былъ написанъ на греческомъ языкѣ, послѣдній же послѣ завоеванія Египта арабами былъ забытъ абиссинянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ было предано забвенію и все написанное на немъ¹⁾. Но совершенно невѣроятно, чтобы какой-либо христіанскій народъ въ тѣ времена не постарался сохранить преданіе объ апостольскомъ происхожденіи своей церкви, разъ оно такъ или иначе у него образовалось или сдѣлалось ему извѣстно. Притомъ же и знаніе греческаго языка въ сѣверо-восточной Африкѣ послѣ распространенія владычества арабовъ исчезло вовсе не такъ быстро, чтобы абиссинскіе кнѣзья не успѣли перевести на свой языкъ такой важный для нихъ документъ, какъ „Passio Matthaei“. Въ Нубіи напр. встрѣчена греческая надпись, относящаяся къ половинѣ VIII-го вѣка. И въ самой Абиссиніи монеты аксумитскихъ царей съ греческими словами доходятъ до VII-го вѣка²⁾. Съ другой стороны въ Сиріи въ VI-мъ

¹⁾ Указан. сочин. Липсіуса, 2 В, 2 Н. S. 141.

²⁾ Dillmann, über die Anfänge des Axumitischen Reiches (Abhandl. d. Kgl. Ak. d. Wiss. zu Berlin, 1878, Philos.-Hist. Klasse, S 226 и сл.).

вѣкъ и интересовались судьбою Абиссиніи (какъ и Омиритской страны, или Счастливой Аравіи) и звали объ ней ровно столько, что могли создать такую смѣсь были и небылицы, каковую видимъ въ „Passio Matthaei“. Въ Сиріи въ VI-мъ вѣкѣ между 570 и 597 годами, по автору комментарія о св. Ареѣ въ Acta Sanctorum Болландистовъ, October, t. X, p. 719 и 720, св. и t. XII, p. 321—322 составлены были „Дѣянія св. Ареѣи и мучениковъ Негранскихъ“, сообщающія очень точныя свѣдѣнія о войнахъ Елесбааса съ Дунааномъ, или Ду-Навасомъ, и рядомъ съ ними содержащія легендарныя рассказы объ отношеніяхъ Елесбааса къ Абрагѣ и, можетъ быть, о послѣднихъ временахъ жизни перваго, въ общемъ дающія объ Елесбаасѣ представленіе, похожее на обликъ Египпа и Беора въ „Passio Matthaei“. Припомнимъ и странныя рассказы о крещеніи абиссинянъ въ VI-мъ вѣкѣ, пущенныя въ свѣтъ сирійскими историками этого вѣка, Іоанномъ епископомъ Азійскимъ (или Ефесскимъ) и Іоанномъ Малалой.

Что же касается списковъ 12 апостоловъ и 70 учениковъ Христа, списковъ, носящихъ имена Дороея, епископа Тирскаго въ началѣ IV-го вѣка, Епифанія архіеп. Саламинскаго на островѣ Кипрѣ, +403 года, Ипполита, епископа Римскаго, претерпѣвшаго мученическую смерть между 235 и 251 годами и Софронія, друга Іеронима Стридонскаго и переводчика на греческій языкъ нѣкоторыхъ произведеній послѣдняго¹⁾, вѣрно одно, что они не принадлежатъ названному писателямъ. Далѣе Дипсиусу представляется вѣроятнымъ: во первыхъ, что всѣ, они, или по крайней мѣрѣ списки 12 апостоловъ распространились по греческому востоку изъ Египта; только изъ списковъ 70 учениковъ одна редакція Дороеева списка и одна Ипполитова указываютъ,

¹⁾ Списки, извѣстные подъ именами первыхъ трехъ лицъ въ общемъ сходны между собою, хотя есть различія даже между разными редакціями одного и того же списка.

повидимому, на Антиохію какъ на мѣсто своего происхожденія; во вторыхъ, что они составлены въ V-мъ вѣкѣ, первые же три списка можетъ быть даже въ концѣ IV-го вѣка, древность же разныхъ извѣстныхъ намъ текстовъ довольно различна. Историческое значеніе списковъ по Липсіусу основывается на томъ, что они представляютъ намъ тотъ видъ сказаній объ апостолахъ, который вначалъ получать преобладаніе въ Греческой церкви съ V-го вѣка¹⁾.

Говоря объ апостольской проповѣди въ Нубіи, мы стоимъ на колеблющейся почвѣ легендарныхъ сказаній и свидѣтельствъ писателей далеко позднѣйшихъ противъ апостольскаго времени, свидѣтельствъ, основанныхъ на неясномъ преданіи или на собственныхъ догадкахъ писателей. Только съ IV-го вѣка, при изображеніи религіознаго состоянія Нубіи, можемъ основываться на показаніяхъ современниковъ, повѣствовавшихъ о томъ, что они знали болѣе или менѣе точно, хотя, быть можетъ, нерѣдко и преувеличивавшихъ значеніе сообщаемыхъ ими событій. Къ сожалѣнію, свидѣтельства такихъ писателей о христіанствѣ въ Нубіи имѣютъ, до второй половины VI-го вѣка, совершенно отрывочный характеръ, потому, повидимому, что упоминаютъ объ немъ случайно, по какому нибудь постороннему поводу. Такія свидѣтельства мы имѣемъ отъ Евсевія Кесарійскаго (*Vita Constantini, liber I, cap. VIII; ср. lib. IV, cap. VII; у Migne, Patres graeci, t. XX, col. 409, 410 и 530*), Иеронима Стридонскаго (*Epistolae VII и XVII Франкфуртскаго изданія сочиненій Иеронима 1684 года*), Іоанна Златоуста (*Ad. Ioan. Hom. II, cap. I, 2, изданія Монфокона t. VIII, Parisiis, 1728*), особенно же Козмы Индикоплевста (*Topographia Christiana, lib. III; у Migne, Patres graeci, t. LXXXVIII, col. 179*). Авдлогичное мѣсто Георгій Амартоль приводит (*Учен. Записки Имп. Акад. Наукъ 2 отдѣленія, 4 книга 3 отдѣленіе, р. 257*)

¹⁾ Lipsius, *Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*, 1 Band, S. 193—207 и 2 Band, 2 Hälfte, S. 416.

изъ „*Liber de monastica exercitatione*“ или „*Liber asceticus*“ Нила Старшаго, изъ епарха или градоначальника Константинополя сдѣлавшагося послѣ 450 года монахомъ Синайской горы. Но его мы не нашли въ существующихъ изданіяхъ указываемаго сочиненія, ни въ *Maxima Bibliotheca veterum patrum VII*, 1156 и сл., ни у Migne, *Patr. graeci*, t. LXXIX, p. 719 и сл. Къ подобнымъ свидѣтельствамъ можно причислить и разсказъ Фялосторгія, пріанскаго церковнаго историка IV—V-го вѣковъ, о Теофілѣ индѣйцѣ, посланномъ императоромъ Констанціемъ для распространенія христіанства и устройства церковныхъ дѣлъ къ иудамъ, аксумитамъ и омиритамъ (*Hist. eccles. l. III*, 4—6; у Migne, *Patr. gr. t. LXV*, p. 481—490. См. Григорія Нисскаго, *Contra Eunomium*, Парижскаго изданія его произведеній 1638 года, t. II, p. 294, В., у Migne, *Patres graeci*, t. XLV, col. 263, и Епифанія Кипрскаго, *Panarion lib. II*, tom. II, cap. 83, Кельвскаго изданія 1682 года, t. I, p. 703, В и С, у Migne, *Patr. graeci*, t. XLII, 703 и *Ancoratus*, того же изданія, t. II, p. 60, Е, у Migne, *Patr. gr. XLIII*, col. 61—62)¹⁾. Къ исторіи христіанства въ Нубіи въ эту пору имѣетъ наконецъ отношеніе и аксумитская надпись на гецкомъ (древнемъ абиссинскомъ) языкѣ, найденная въ началѣ этого вѣка Сальтомъ и напечатанная въ описаніи путешествій виконта Валевціи (*Voyages du vicomte George Valentia, traduites par P.-F. Henry*, t. IV, между 6 и 7 стран., Paris, 1813). Она была объяснена Іосифомъ Сапето въ *Nouv. Annales des voyages*, 1845, t. II, p. 308 и 310 и Іаковомъ Вердомъ, тамъ же, стр. 201. См. и Карпентера, *De ss. Aretha et sociis martyris Negrane in Arabia commentarius historicus* въ *Acta Sanctorum*, October, t. X: Но извѣстіе Палладія, приверженца Іоанна Златоуста о (мнимомъ) Палладіи, епископѣ Влеммievъ, составляетъ

¹⁾ Весьма оригинальное опредѣленіе мѣста родины Теофіла дано Гильомомъ Лежаномъ (*Guillaume Lejean*) въ его *Voyage en Abyssinie exécuté de 1862 à 1864*, Paris, 1865, p. 79.

одно изъ историческихъ недоразумѣній, повторяемыхъ на вѣру (Ioan. Chrys. edit. Montfauconi t. XIII, p. 77, A; Parisiis, 1738).

Всѣ греческія и латинскія писанія IV—VI-го вѣковъ, изъ коихъ заимствуются свидѣтельства о существованіи христіанства въ Нубіи въ эти вѣка, общеизвѣстны и потому не нуждаются въ особыхъ бібліографическихъ замѣткахъ. Исключеніе составляетъ, повидимому, „Христіанская топографія“ Козмы Индикоплевста. Объ ней и дадимъ нѣсколько объясненій (въ дополненіе къ сказанному выше въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній), на основаніи главнымъ образомъ статьи И. М. Срезневскаго „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XI^а“¹⁾.

„Христіанская топографія“ дошла до насъ въ двухъ великолѣпныхъ, украшенныхъ множествомъ прекрасныхъ рисунковъ²⁾, рукописяхъ IX—X-го вѣковъ, по болѣе же вѣроятному мнѣнію профессора Кондакова VI—VIII-го вѣковъ, скорѣе же всего VII-го вѣка, находящихся теперь въ Ватиканской бібліотекѣ въ Римѣ и въ Лаврентьевской во Флоренціи, и въ древнемъ славянскомъ переводѣ³⁾, представляющемъ нѣкоторыя отлічія въ текстѣ и нѣкоторыя дополненія, повидимому принадлежавшія подлиннику. Произведеніе Козмы Индикоплевста въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ, состоящее изъ 12 словъ или книгъ, составляетъ собственно говоря не одно сочиненіе, а нѣсколько, написанныхъ въ разное время, по различнымъ поводамъ и посвященныхъ разнымъ лицамъ. „Христіанскую топографію“ въ собственномъ смыслѣ составляютъ только первыя пять

¹⁾ Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 1. Спб. 1867.

²⁾ Объ нихъ см. „Исторію Византійскаго искусства и иконографіи по мнѣнію гдѣсь греческихъ рукописей“, Н. Кондакова (Записки Импер. Новороссійскаго Университета т. XXI, Одесса, 1877, стр. 86—100 и Planches IV—VIII).

³⁾ Списки его, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, существовали на Руси уже въ XIV—XV-мъ вѣкахъ.

книгъ, написанныхъ по настоянію нѣкоего христіянина Памфила и ему посвященныхъ. Она имѣла задачей опровергнуть Птоломееву систему міра и доказать, соображеніями здраваго смысла и ссылкой на разныя мѣста Священнаго Писанія, справедливость иной системы, по которой земля—не шаръ, а возвышенная плоскость,—системы, въ средніе вѣка предпочитавшейся всеѣмъ другимъ. Время составленія ея указалъ самъ авторъ, сообщивши въ одномъ мѣстѣ первой книги (col. 140), что онъ писалъ ее спустя 25 лѣтъ послѣ посѣщенія имъ города Адулиса, въ началѣ царствованія Юстина I (518—527) передъ походомъ аксумитскаго царя Елесбааса (Елесбаана) на омпритовъ (гомеритовъ). Но походъ этотъ Паги¹⁾, Моноконъ²⁾ и Галланди³⁾ относили къ 522-му году по Р. Хр. Присоединя къ нему 25 лѣтъ, получали 547-й годъ, какъ время происхожденія по крайней мѣрѣ первой книги „Христіанской топографіи“. Въ послѣднее же время Карпентеръ доказалъ⁴⁾, что Елесбаасъ совершилъ не одинъ, а два похода въ Іеменъ—одинъ въ 519-го году, т. е. какъ разъ въ началѣ царствованія Юстина I-го, а другой въ 525-мъ году, почти въ концѣ этого царствованія. 25 лѣтъ нужно поэтому приложить не къ 522-му, а къ 519-му году—году перваго похода Елесбааса. Слѣдовательно Козма писалъ первую книгу своего произведенія въ 544-мъ году. Эта дата согласуется съ астрономическимъ указаніемъ Козмы, lib. VI, col. 264, опредѣляющимъ время составленія шестой книги, на что обратилъ вниманіе И. И. Срезневскій. Въ этой книгѣ, написанной въ дополненіе къ „Христіанской топографіи“, по поводу вопросовъ, ею возбужденныхъ, Козма говоритъ, что въ мѣсяцѣ еофѣ или сентябрѣ, въ началѣ того года⁵⁾, 10-го индикта, въ который написана была

¹⁾ Мнѣніе его мы почерпнемъ у Манье, *Patr. gr. t. LXXXVIII*, p. 9—10.

²⁾ Тоже, на стр. 29—30.

³⁾ Тоже, на стр. 9—10.

⁴⁾ „De S. Elestbaa rege commentarius historicus“ въ *Acta Sanctorum*, October, t. XII, (Paris, 1884), p. 315—322.

⁵⁾ Тогда годъ начинался у византійцевъ съ сентября.

шестая книга, Стефаномъ, пресвитеромъ антиохійскимъ, предсказаны были Анастасію механику въ наступавшемъ году, съ указаніемъ даже часа, два затмѣнія—солнечное на 12 мехира=6 февраля и лунное на 24 месори=17 августа; подобное же совпаденіе указанныхъ затмѣній было въ 547 году, который годъ есть 6055 отъ сотворенія міра по греческому христіанскому счету и 10 по индиктному счету. Слѣдовательно это дополненіе къ Топографіи (шестое слово) было написано въ 547 году; самая же Топографія должна быть составлена раньше нѣсколькими годами, чтобы успѣла создаться научная слава ея автора.

Остальныя семь книгъ представляютъ изъ себя то дополненія въ „Христіанской топографіи“, именно 6, 7, 8, и 12, то особыя сочиненія—9 и 10 книги—или отрывки ихъ—11 книга. Изъ нихъ 6, 7 и 8 книги, судя по содержанію и доказавшей датѣ первой изъ нихъ и по ссылкамъ на „Христіанскую топографію“ во второй и третьей, написаны несомнѣнно позднѣе ея, 10 книга сочинена несомнѣнно раньше, такъ какъ въ ней объ александрійскомъ изъ партіи діакриноменовъ патріархѣ Тимофеевѣ, † 535 года, говорится какъ объ умершемъ въ настоящее время (νῶν), о преемникѣ же его, что онъ живетъ въ Константинополѣ, чтѣ могло быть сказано только послѣ 538 года, 9 и 11 вѣроятно раньше и одна наконецъ—12, заключительная—вѣроятно позже. По содержанію всѣ онѣ, за исключеніемъ однакожъ 11 книги, вполне примыкаютъ къ „Христіанской топографіи“. Одинадцатая же книга, не имѣющая ни вступленія, ни заключенія, ни начала, ни конца, состоитъ изъ описанія нѣсколькихъ животныхъ и растений и описанія Тапробавы и Индіи. Она, безъ сомнѣнія, есть отрывокъ изъ особаго географическаго сочиненія (космографіи), о коемъ Козма упоминаетъ въ предисловіи въ полному собранію книгъ, какъ о содержащемъ подробное описаніе всей земли, особенно же сѣверо-восточной Африки и посвященномъ христіолюбивому Константину.

Это, хотя и потерянное, сочиненіе Козмы заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣчаній съ нашей стороны, потому что, судя по словамъ самого Козмы, оно имѣло близкое отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. „По прочтеніи этого труда“, то есть, „Христіанской топографіи“, говоритъ онъ, „обратитесь къ книгѣ, составленной мною для христіолюбиваго Константина, въ коей подробно описана вся земля, какъ та, что за океаномъ, такъ и эта со всеми странами, и южныя мѣстности начиная отъ Александріи до южнаго океана; и Нилъ рѣка и прилежащія страны, и народы всего Египта, и Эіопіи, еще и Аравійскій заливъ и прилежащія страны и народы опять до того же океана, равно какъ и земля, находящаяся между заливомъ и рѣкой, города и страны и народы въ ней“¹⁾. И научное достоинство его, судя по сохранившемуся отрывку, должно было быть очень высоко. Вотъ какъ думаетъ объ этомъ Монфокопъ, знатокъ и классической и свято-отеческой литературы: „это—трудъ, коего потеря должна быть оплакиваема горькими слезами: потому что аравійскія, индѣйскія, особенно же эіопскія страны ни Страбонъ, ни Птоломей и никто иной язъ древнихъ не могъ знать такъ обстоятельно, какъ вашъ Козма, который много лѣтъ провелъ въ этихъ мѣстахъ и съ удивительною проникательностію наблюдалъ положеніе мѣстъ, нравы народовъ и торговые обычаи, а также природу животныхъ и растений“²⁾. Мы отъ всей души присоединяемся къ сужденію Монфокопа. Если отъ какого сочиненія, то именно отъ этого можно было бы ожидать окончательнаго рѣшенія вопросовъ о времени торжества христіанства въ разныхъ частяхъ Нубіи и о томъ, въ какой вѣроисповѣдной формѣ оно было принято въ той или другой части. Но надежду, высказанную Монфокопомъ, что кому либо изъ позднѣйшихъ изслѣдователей рукописныхъ сокровищъ европейскіхъ библиотекъ удастся найти это драгоценное сочиненіе, мы теперь едва ли можемъ раздѣлять.

¹⁾ Migne, Patres graeci, t. LXXXVIII, col. 113.

²⁾ Migne, Patr. gr. t. LXXXVIII, Montefalconi Praefatio, cap. 1, 2.

Авторъ „Христіанской топографіи“ былъ по происхожденію египетскій грекъ, по профессіи купецъ, долгіе годы проведеній въ торговыхъ путешествіяхъ по южнымъ странамъ, окончилъ же свою жизнь монахомъ Синайскаго монастыря. Тамъ онъ и писалъ свои сочиненія, коихъ было довольно много и помимо сохранившихся до насъ въ „Христіанской топографіи“. Человѣкъ любознательный, онъ среди дѣловыхъ торговыхъ занятій не упустилъ случаевъ къ приобрѣтенію знаній, особенно о современномъ ему положеніи міра. Его совершенно вѣрно характеризовалъ собиратель его сочиненій въ ихъ настоящемъ видѣ въ концѣ двѣнадцатой книги: „Старались люди собирать золото, другіе насиліемъ овладѣть землею или жемчугомъ и всякимъ богатствомъ; а господинъ этой книги мудро искалъ не жемчуга и дорогаго бисера и не золота, а достойнаго описанія міра и собралъ богатство неисчезающее. Тлѣтъ все на землѣ; остается одно слово“¹⁾. Особенно же онъ интересовался при изученіи и описаніи вселенной (и старался другихъ заинтересовать) явленіями, свидѣтельствовавшими о подготовлявшемся, повидимому, торжествѣ въ мірѣ христіанства и христіанской цивилизаціи, при чемъ онъ не отдѣлялъ интересовъ разныхъ вѣроисповѣданій, подѣлившихъ тогдашній христіанскій міръ, и цѣлокупное христіанство противопоставалъ остальному человѣчеству. Конечно, сужденія Козмы о строеніи міра съ точки зрѣнія теперешней науки вообще странны; тогда же онъ былъ выразителемъ господствовавшихъ идей. За то наблюдать дѣйствительность онъ умѣлъ и старался записывать видѣнное и слышанное имъ съ истинно-научною тщательностію. Поэтому-то „у многихъ писателей шестаго вѣка, по замѣчанію Монфокона,

---

¹⁾ Слова эти сохранились только въ древне-славянскомъ переводѣ „Христіанской топографіи“. Онѣ обнаруживаютъ глубокое уваженіе къ пресвѣщенію, какого мы склонны не ждать отъ тѣхъ вѣковъ, кои принято у насъ считать полуварварскими.

встрѣчаемъ столько научныхъ фактовъ, сколько ихъ у нашего Козмы* 1).

Рядомъ съ указанными свидѣтельствами о существованіи христіанства въ Нубіи въ IV—VI-хъ вѣкахъ отъ того же времени мы имѣемъ рядъ показаній, сообщающихъ о господствѣ язычества въ Нубіи, или по крайней мѣрѣ въ крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ ея частяхъ. Такія показанія встрѣчаются съ одной стороны въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ греческихъ писателей IV—VI-го вѣковъ—Иліодора Емесскаго (Heliodori, Aethiopicorum libri X, Lutetiae Parisior., 1619, X liber, особенно р. 457, 459—60, 462—66, 469 и 516—517), Олимпіодора (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Bonnae, 1829, Pars 1, р. 465—466 или Photii, Myriobiblon у Migne, Patr. graeci, t. CIII, col. 62), Приска Павійскаго (Cor. script. hist. Byz., Bonnae, 1829, pag. 1, р. 153—154) и Прокопія Кесарійскаго (Исторія войнъ римлянъ съ персами, переводъ Спиридова Деступиса, помѣщенный въ Запискахъ Историко-филологическаго факультета Импер. С.-Петербург. Университета, часть I, стр. 255—269), съ другой—въ двухъ надписяхъ, на египетскомъ или древнеабиссинскомъ языкѣ, Абиссинскаго царя Тацены, сына Ела-Амиды и отца Калеба или Елесбааса, найденныхъ въ древней столицѣ Абиссиніи Аксумѣ. (Сочиненія, въ коихъ оныя изданы, показаны будутъ ниже).

„Αἰθιοπικὰ“ Иліодора есть романъ (притомъ едва ли не лучший изъ греческихъ романовъ временъ Римской имперіи и Византійской эпохи, бывший, по словамъ Шелля, „образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ греческихъ и даже нѣкоторыхъ новѣйшихъ романовъ“ 2), излагающій исторію любви

1) Migne, Patres graeci, t. LXXXVIII, Montefalconii Praefatio, prooemium.

2) Friedrich Schoell, Geschichte der Griechischen Litteratur, aus dem französischen übersetzt von d-r Moritz Pinder, 3 Band (Berlin, 1830), р. 154. Слѣдующія двѣ страницы дадутъ полныя библиографическія указанія относительно Иліодорова романа.

и приключенія ессалійскаго грека Теагена и еѳіопской царицы Хариклеи. Нѣкоторыя дѣйствія его, напр. поводъ къ завязкѣ и развязкѣ, авторъ перенесъ въ Мероитскую Эѳіопію, почему онъ сообщилъ рядъ свѣдѣній объ этой странѣ—объ ея географическомъ положеніи и замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ ея природы, о политическихъ отношеніяхъ ея къ сосѣднимъ народамъ, объ особенностяхъ ея управленія и наконецъ о религіозныхъ идеяхъ и обрядахъ ея. Благодаря послѣдней группѣ свѣдѣній, романъ Иліодора и можетъ служить источникомъ по вѣроисповѣдной исторіи Нубіи. Спрашивается однакожъ: сообщенныя Иліодоромъ свѣдѣнія о Мероитской Эѳіопіи были ли отображеніемъ дѣйствительности, подлиннаго состоянія страны въ ту или другую эпоху, или онъ суть созданіе досужей фантазіи автора? Не скрываемъ, что Шель не признаетъ за ними историческаго значенія. „Авторъ, говоритъ онъ, не вводитъ насъ въ дѣйствительные нравы времени и страны, но показываетъ намъ вполне вымышленный міръ, который для любознательнаго читателя представляетъ мало интереса“. Сужденіе на нашъ взглядъ суровое до несправедливости. Конечно, у Иліодора нѣтъ подробнаго и документально-точного въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ описанія мѣста дѣйствія, какимъ щеголяютъ теперешніе историческіе романы; онъ охотнѣе вращался въ кругѣ такихъ человѣческихъ дѣйствій, которыя не носятъ характернаго отпечатка опредѣленной національности и извѣстнаго вѣка и могутъ быть у разныхъ народовъ и въ разные вѣка, но тѣ еѳіопскія черты мѣста дѣйствія, какія онъ назвалъ нужнымъ внести въ свою романтическую повѣсть, не были имъ вымышлены, потому что подтверждаются другими древними писателями. Поэтому, можно, пожалуй, жалѣть о малочисленности сообщенныхъ имъ свѣдѣній объ Эѳіопіи, но не отрицать историческаго значенія тѣхъ, какія есть. Но къ какой эпохѣ относится данное Иліодоромъ изображеніе Эѳіопіи? Свою повѣсть онъ писалъ около 390-го года по

Р. Хр.; сюжетъ же ея отнесъ къ порѣ Персидскаго владычества надъ Египтомъ, въ V и IV-мъ вѣкахъ предъ Р. Хр. Спрашивается теперь, какое положеніе вещей въ Эіопіи онъ изобразилъ—современное автору или сюжету? Очевидно, соотвѣтственно замыслу историческаго романа, онъ хотѣлъ изобразить послѣднее: такъ гимнософистовъ Эіопіи онъ представляетъ въ видѣ могущественной жреческой іерархіи, совѣтниками царей и судьями въ ихъ спорахъ съ подданными, что было тамъ до царя Ергамена, современника первыхъ Египетскихъ Птолемеевъ, то есть, именно въ пору Персидскаго владычества надъ Египтомъ. Но разумѣется, систематическаго выполненія подобнаго плана отъ писателя тѣхъ вѣковъ нельзя ждать. Дѣйствительно, на Эіопію древнихъ временъ онъ не стѣсняясь перенесъ все, что вычиталъ у греческихъ писателей ближайшаго къ себѣ времени и что слышалъ отъ людей бывалыхъ, такъ что начертанная имъ картина Эіопіи представляетъ повѣстическое соединеніе чертъ, взятыхъ изъ источниковъ разныхъ эпохъ, въ общемъ же болѣе всего соотвѣтствуетъ положенію вещей въ пору автора. Весьма вѣроятно, что именно такъ представляло себѣ современное состояніе Эіопіи образованное общество Римской имперіи въ пору Иліодора. Тоже нужно сказать въ частности и о религиозномъ состояніи Эіопіи, какъ оно изображено въ романѣ. Да и въ послѣдствіи Олимпіодоръ и Прокопій Кесарійскій дали сходное изображеніе религіи по крайней мѣрѣ двухъ племенъ Мероитской Эіопіи—нобатовъ и блемміевъ.

О самомъ авторѣ романа, Иліодорѣ Емесскомъ, знаемъ не много. Онъ былъ родомъ изъ Емессы въ Сиріи и по всей вѣроятности христіанинъ, такъ какъ исторія Теагена и Арсаки въ повѣсти очевидно скопирована съ исторіи Іосіаа и жены Цецеѳріа, а любовь Теагена и Хариклеи поражаетъ своею чистотою и идеальностію; въ повѣсти также проведена идея о мздовоздаяніи за добро и зло. Трудно, конечно, сказать рѣшительно, былъ ли Иліодоръ въ старости епископомъ Трикалы въ Фессаліи, какъ сообщаетъ Никифоръ

Каллисть, писатель XIV вѣка въ своей „Церковной исторіи“ (Hist. eccles. lib. XII, cap. 34; у Migne, Patr. graeci, t. CXLVI, col. 296—297), прибавляя, что Иліодору на помѣстномъ соборѣ предложено было на выборъ или сжечь „Ѳеіопика“, написанныя имъ въ юности или удалиться съ наедры, и онъ выбралъ послѣднее. Большинствою европейскихъ ученыхъ, говорившихъ объ Иліодорѣ, это показаніе Никифора Каллиста принималось и принимается; вѣкторыми же изъ новѣйшихъ отрицается, впрочемъ безъ особенно-твердыхъ основаній.

Свидѣтельство Олимпіодора о господствѣ язычества у блемміевъ, занимавшихъ сѣверную Нубію между первымъ и вторымъ катарактами, относится по всей вѣроятности къ первой половинѣ V вѣка, такъ какъ написанныя имъ „Двадцать двѣ историческія книги“ (ιστορικοί λόγοι κβ) излагаютъ событія отъ 407 по 425 годъ¹⁾. Свидѣтельство его тѣмъ важнѣе, что Олимпіодоръ былъ родомъ изъ Ѳивъ египетскихъ, язычникъ по вѣрѣ и путешествовалъ въ сѣверной Нубіи по приглашенію тамошнихъ старѣйшинъ и жрецовъ. Оно, вмѣстѣ съ другими отрывками изъ его „историческихъ книгъ“ или „историческихъ матеріаловъ“ (ὕλη ιστορίας), дошло до насъ въ извлеченіи Фотія²⁾.

Прискъ, родомъ изъ Лавіума, лежавшаго на берегу Мраморнаго моря во Ѳракіи, принадлежалъ къ числу лучшихъ греческихъ историческихъ писателей V и слѣдующихъ вѣковъ. По свидѣтельству Свиды, sub voce Пріскос, онъ написалъ „Византійскую исторію и о дѣяніяхъ Атилы“ (ιστορίαν βουζαντικῆν καὶ (τὰ) κατὰ Αττίλαν). Въ первой излагаются событія, вѣроятно, съ 433 года и, почти несомнѣнно, по 477 годъ. Названіе же втораго сочиненія говоритъ само за себя. Къ сожа-

¹⁾ Ревилью въ своемъ „Memoire sur les Blémmyes“ (Mém. pres. par divers savants à l'ac. des inscr. 1 Serie, t. VIII, 2, Paris. 1784, p. 388 и 430) помѣщаетъ Олимпіодора на вѣкъ позднеѣ, но на какомъ основаніи, не извѣстно. Вѣроятно, это простая опечатка.

²⁾ Photii, Myriobiblon sive bibliotheca, cod. LXXX, у Migne, Patr. gr. t. CIII. Всѣ отрывки напечатаны и въ Corp. script. hist. Byz. Bonnæ, 1829, Pars. I.

лѣнію, отъ обомхъ сочиненій дошли до насъ лишь отрывки, сохранившіеся въ исторической библіотекѣ Константина Багрянороднаго „Κεφαλαίων ὑποβίσεων βιβλία vi, въ отдѣлѣ ея „πρὶ πρεσβείων, называемомъ обыкновенно „*excerpta de legationibus*“¹⁾). Изъ нихъ наибольшую извѣстностію у историковъ пользуется отрывокъ, содержащій описаніе путешествія къ Аттилѣ въ Паннонію византійскаго посла Максимиана, спутникомъ коего былъ самъ Прискъ. Одинъ изъ остальныхъ отрывковъ излагаетъ военныя дѣйствія того же Максимиана противъ блеммиевъ и вобатовъ и содержаніе мирнаго договора, заключеннаго съ ними въ языческомъ храмѣ острова Филе, при чемъ Прискъ опять былъ очевидцемъ событій, въ качествѣ близкаго друга и спутника Максимиана. Самыя же событія совершились въ 451 году. Ревилью приводитъ въ связь съ ними рассказы о мѣстѣ блеммиевъ на Верхней Египетъ и Великій или Птолемаидскій оазисъ, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ нихъ византійцевъ и о кровавомъ гоненіи, поднятомъ на язычниковъ Верхняго Египта авною Шенути и его другомъ епископомъ Ткоускимъ или Антеопольскимъ Макаріемъ, находящіеся у Евагрія (*Hist. eccles. lib. I, cap. VII*), Палладія, епископа Геленополитанскаго (*Hist. Lausaica cap. XLIII*) и въ разныхъ коптскихъ писаніяхъ, обнаруженныхъ въ отрывкахъ Цэгою²⁾ и самимъ Ревилью³⁾).

Съ историческими трудами Прокопія Кесарійскаго наше образованное общество, полагаемъ, достаточно знакомо. Поэтому мы ограничимся въ своихъ библіографическихъ замѣткахъ лишь соображеніями относительно времени, когда имъ была написана первая книга важнѣйшаго изъ его про-

¹⁾ Вторая часть „*excerpta de legationibus*“, въ коей помѣщены извѣщенія изъ Приска и другихъ недошедшихъ до насъ византійскихъ историковъ V—VIII вѣковъ, въ послѣдній разъ напечатана въ Боннскомъ изданіи византійскихъ историковъ „*Corpus scriptorum historiae Byzantinae, opera G. Niebuhrii, Imm. Bekkeri*“ и др., Pars 1, Bonnac, 1829.

²⁾ Zoega, *Catal. Mus. Borg.*, p. 36 и 393.

³⁾ Revillon, *Memoire sur les Blemmyes* (*Memoires, présentés par divers savans à l'academie des inscriptions et belles-lettres, 1 Serie t. VIII, pars II, p. 390—430; Paris, 1874*).

изведеній „Восемь книгъ исторіи своего времени“ (Τὸν κατ' αὐτὸν ἱστορίων βιβλία ὀκτώ), такъ называемую „первую книгу Персидскихъ войнъ“, ту книгу, въ которой онъ сообщилъ о господствѣ язычества у блеммиевъ и нобатовъ. Для опредѣленія его имѣемъ два данныя: во первыхъ показаніе Проконія, что языческое богослуженіе на островѣ Филе было уничтожено Нарсесомъ (Дестунисъ читаетъ—Нарсіемъ) персарменомъ, во время командованія имъ военными силами въ Египтѣ (Войнъ Перс. кн. 1, гл. 19); но Нарсесъ могъ начальствовать въ Египтѣ лишь въ промежутокъ времени съ конца 539 года, когда онъ оставилъ Италію, по 543 годъ, когда мы его встрѣчаемъ въ числѣ византійскихъ генераловъ, дѣйствовавшихъ противъ персовъ въ Арменіи, при чемъ въ одной стычкѣ онъ погибъ смертію храбрыхъ. Рассказываемое Проконіемъ событіе скорѣе всего могло имѣть мѣсто во время мира на востокѣ имперіи; слѣдовательно въ 540 году. Такимъ образомъ опредѣляется годъ, равнѣе котораго первая книга Персидскихъ войнъ не могла быть написана. Рассказъ Проконія объ опалѣ Іоанна Каппадокійскаго (Перс. войнъ, кн. 1, гл. 25) даетъ основаніе для точнѣйшаго обозначенія самаго года, когда она сочинена Изъ него видно, что Іоаннъ Каппадокійскій, преторіальный префектъ¹⁾, былъ низложенъ и вынужденъ принять санъ пресвитера въ началѣ 541 года, что за тѣмъ онъ жилъ нѣкоторое время, впрочемъ недолго, въ Кизикѣ, пока, послѣ новаго суда по новому обвиненію, онъ не былъ отправленъ въ ссылку въ городъ Антиновъ въ Верхнемъ Египтѣ и что въ ту пору, когда Проконій писалъ объ его судьбѣ, онъ провелъ въ Антиновѣ уже три года. Соображая то обстоятельство, что Іоаннъ Каппадокійскій сдѣлался жертвою преслѣдованій императрицы Θεодоры, слышавшей докопать ненавистнаго челоуѣка, нужно думать, что низложеніе его и пребываніе въ Кизикѣ до

¹⁾ Главный начальникъ административно-судебныхъ учрежденій имперіи, нѣчто въ родѣ министра внутреннихъ дѣлъ, называвшійся по греко-византійски энархомъ двора.

ссылки въ Антинов заняли всего одинъ годъ, именно 541. Приложивъ къ нему три года ссылки его въ Антинов, получимъ 544 годъ, какъ время составленія интересующей насъ книги. До этого года могли совершиться всѣ событія въ Аравіи и Эіопіи (то есть Абиссиніи и Нубіи), о коихъ повѣствуетъ Прокопій въ этой книгѣ, въ томъ числѣ и смерть Эллисея и утверженіе Аврама на престолѣ Омиритскомъ при преемникѣ Эллисея и многократныя обѣщанія Аврама Юстиніану напасть на персидскія области. Во всей этой книгѣ нѣтъ ни одного даннаго, которое бы тому противорѣчило ¹⁾.

За другими свѣдѣніями о Прокопій и его авторской дѣятельности отсылаемъ любознательнаго читателя къ статьѣ Э. А. Курганова „Прокопій Кесарійскій и значеніе его сочиненій для характеристики царствованія Юстиніана I-го“. (Правос. Собесѣдникъ, 1879, кв. 7—9). Съ сужденіями автора этой статьи вообще мы соглашаемся. Объ иностранныхъ сочиненіяхъ считаемъ излишнимъ упоминать.

Аксумитскія, на гецскомъ языкѣ, надписи Абиссинскаго царя Тацены, царствовавшего съ 487-го по 513-й годъ, открыты были европейцами въ 1830-мъ году, а скопированы въ первый разъ вѣмецкимъ путешественникомъ Рюппелемъ, коимъ и изданы въ описаніи его путешествія „Reise in Abyssinien“, Band. II, S. 269, 280 и сл., 426 и на приложенныхъ къ книгѣ таблицахъ. Новая, болѣе исправная копія съ нихъ была снята католическимъ миссіонеромъ, итальянцемъ Салето и французскій переводъ съ нея былъ опубликованъ въ *Nouvelles annales des voyages*, 1845, t. II, p. 309; св. и p. 30, 299, 303 и сл. Первый опытъ объясненія надписей принадлежитъ одному абиссинскому священнику, встрѣченному Рюппелемъ въ Каирѣ (Reise in Abyssinien, Band II, S. 279); за тѣмъ по тексту Рюппеля онѣ были комментированы вѣмецкимъ филологомъ Редигеромъ (Rödiger) въ

¹⁾ Карпентеръ (Acta sanctorum, October, XII, p. 297) утверждаетъ, что книга Прокопія, о коей теперь рѣчь, написана въ 560-мъ году, но основаній для такого мнѣнія не указываетъ.

Hallsche allgemeine Litteraturzeitung, 1839, Iюн. Болѣе удачныя объясненія по копіи Сапето были даны самимъ Сапето тамъ же, гдѣ они были и изданы во французскомъ переводѣ, за тѣмъ Дильманомъ въ статьяхъ: „Zur Geschichte des Abyssinischen Reiches“ (Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft, Band VIII, S. 383 и сл.) и „Über die Anfänge des Axumitischen Reiches“ (Abhandl. der kngl. Akad. der Wissensch. zu Berlin, 1878, S. 260 и сл.), Гильомомъ Лежаномъ (Guillaume Lejean, Voyage en Abyssinie, exécuté de 1862 à 1864, Paris, 1865, p. 80 и сл.) и Карпентеромъ въ „De s. Elesbaa rege... commentarius historicus“ (Acta Sanctorum, October, t. XII, p. 335—337). Изъ двухъ надписей Тацены для насъ имѣетъ важность только вторая, болѣе пространная, повѣствующая о походѣ этого царя противъ язычниковъ Ноба острова Мерое.

Съ половины VI-го вѣка по Р. Хр., послѣ Проконія Кесарійскаго, греко-византійскіе писатели не даютъ болѣе никакихъ свѣдѣній о политическомъ или религіозномъ состояніи Нубіи ни въ прошлую, ни въ современную имъ пору¹⁾. И такое молчаніе о Нубіи греческихъ писателей продолжалось до самыхъ послѣднихъ временъ. Даже въ подробномъ полу-историческомъ, полу-идеальномъ опредѣленіи границъ патріархатовъ въ „Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων“

¹⁾ Тогда какъ по исторіи сосѣдней Нубіи Абиссиніи нѣкоторые изъ греко-византійскихъ писателей по крайней мѣрѣ повторяютъ рассказанную Іоанномъ, епископомъ Азіи или Ефесскимъ и Іоанномъ Маладой полулегендарную исторію крещенія Анды, иначе Айдога или Адада, царя аксумитовъ, говорятъ также о завоеваніи Аксумитскимъ царемъ, Елесбаасомъ царства Омиритовъ и о посольствѣ Юстиніана къ этому царю съ предложеніемъ союза противъ персовъ. Ioan. Malala, chronographia; у Migne, Patres graeci, t. XCVII, p. 534, 539, 667—671; Georgius Monachus, chronica въ Учен. Запискахъ Имп. Акад. Наукъ 2-го отдѣленія книга 4, отдѣленіе 3, стр. 524; Theophanes, chronographia, Боннскаго изданія византійскихъ историковъ т. 1-го, стр. 349 и 377, у Migne, Patr. gr., t. CVIII, col. 188—189 и 206—207; Georgius Cedrenus, Σύνοψις ἱστορικῆ, Боннскаго изданія византійскихъ историковъ т. 1, стр. 639 и 656; у Migne, Patr. gr., t. CXXI, col. 639 и 656; Nicephorus Callistus, Hist. eccles. lib. XVII, cap. 6 и 32, у Migne, Patr. gr. t. CXLVII col. 739—741 и 787—788. Cp. Metaphrastes, Μεταφραστῆς, Acta S. Arethae, у Migne, Patr. gr. t. CXV, p. 125 и сл.

Нила Доксапатрія въ числѣ странъ, подчиненныхъ въ церковно-административномъ отношеніи Александрійскому патриарху не упомянута Нубія, какъ впрочемъ и Абиссинія, но вся сѣверо-восточная часть Африки, лежащая къ югу отъ Египта, обозначена общимъ терминомъ „Θαῖοπία“¹⁾). Явленіе тѣмъ болѣе странное, что многіе изъ византійскихъ историческихъ писателей VI-го и VII-го вѣковъ жили и писали или въ Египтѣ или въ Сиріи, въ томъ и другомъ случаѣ въ близкомъ соудствѣ съ христіанскою Нубіей. Таковы египтяне: Теофилактъ Симокатта, а также неизвѣстный по имени авторъ Пасхальной хроники и сирійцы: Евagriй и Іоаннъ Малала. Даже въ IX-мъ вѣкѣ, послѣ двухвѣковаго владычества арабовъ надъ Египтомъ, одинъ изъ византійскихъ хронистовъ, Георгій Монахъ или Амартолъ если даже и не былъ родомъ изъ Александріи въ Египтѣ, что еще не доказано, то подвизался въ Нитрійской пустынѣ²⁾, въ недалекомъ разстояніи отъ Александріи, и въ своей хроникѣ пользовался преимущественно какимъ-нибудь александрійскимъ источникомъ³⁾). Отъ такихъ писателей естественно было бы ждать, что они поинтересуются Нубіей и ея судьбами⁴⁾ и внесутъ въ свои историческія произведенія

¹⁾ Migne, Patr. graeci, t. CXXXII, p. 1090. Нила—по нѣкоторымъ рукописямъ Николай Доксапатръ жилъ въ первой половинѣ XII-го вѣка и занималъ должности патриаршаго нотарія Великой Константинопольской церкви и протоэдра протосинкелловъ, а также номофиакса Ринской имперіи; извѣстенъ былъ какъ ученый канонистъ, составившій по порученію императора Іоанна Комнена Номоканонъ съ объясненіями. Поводъ къ составленію „Тάξις“-а подало письменное приглашеніе къ такому труду со стороны Рожера, норманнскаго короля Сициліи.

²⁾ Georgius Monachus, Chronica, cap. CXCIV, 3, въ Уч. Зап. И. Акад. Наукъ, 2-го отдѣл., 4 книги, 3 отдѣленіе.

³⁾ Тамъ же, предисловіе, III.

⁴⁾ Они и интересовались Нубіей, какъ и позднѣйшіе византійскіе историки, но къ сожалѣнію въ совершенно иныхъ отношеніяхъ, именно въ естественно-историческомъ отношеніи и какъ мѣстомъ нѣкоторыхъ легендарныхъ приключеній Александра Македонскаго, увлекавшихъ фантазію всѣхъ тогдашнихъ цивилизованныхъ народовъ, особенно же грековъ, которые могли считать Александра Македонскаго своимъ національнымъ героемъ. Тамъ Теофилактъ Симо-

хотя бы самыя крупныя событія ея исторической жизни. Но этого не случилось. Чѣмъ объяснить это? Конечно, катта нѣсколько страницъ своей „Всеобщей исторіи“—302—310-й Боннского изданія византійскихъ историковъ—посвятилъ рѣшенію вопроса о причинахъ разлитія Нила среди лѣта, а не зимою или весною, коихъ справедливо искалъ въ особенностяхъ природы странъ, лежащихъ въ верхней части теченія Нила. При этомъ онъ перечиталъ массу произведеній старинныхъ писателей, позаботился узнать мнѣнія древнихъ египетскихъ жрецовъ и мемфисскихъ мудрецовъ, расспрашивалъ наконецъ варваровъ—жителей Эѳіопіи. Такимъ путемъ онъ собралъ для рѣшенія указаннаго вопроса большое количество мнѣній и фактовъ, изъ коихъ многіе вѣрны и большая часть интересны для исторіи представленій о землѣ у древнихъ народовъ. По его свидѣтельству напр. египетскіе жрецы говорили, что Ниль беретъ начало изъ океана, опоясывающаго землю, а мемфисскіе философы дѣлили землю на три части—нашъ міръ, антиподный, въ коемъ времена года противоположны нашимъ, и средній, лежащій между тѣмъ и другимъ и необитаемый вслѣдствіе необычайныхъ жаровъ и утверждали, что Ниль идетъ изъ антиподнаго міра чрезъ среднюю часть и разливается у насъ лѣтомъ, потому что на истокахъ его въ это время стоитъ зима (съ зимними дождями и снѣгомъ); потому же невѣдомъ и истокъ его. Симокатта впрочемъ, возражаетъ на это, что въ такомъ случаѣ Ниль текъ бы вверхъ, особенно если земли круга. Симокатта зналъ, что въ Эѳіопіи не бываетъ ни льда, ни холода, ни зимы, но жара невѣроятная, что Ниль разливается не только въ Египтѣ, но и въ Эѳіопіи, на 6,000 стадій, что у эѳіоповъ южный вѣтеръ производитъ аснугу погоду, тогда какъ въ Византійской имперіи—дождливую и что сѣверные вѣтры у нихъ слабые, тогда какъ въ Европѣ они—сильные; наконецъ отъ варваровъ, живущихъ въ Эѳіопіи, онъ слышалъ, что лѣтомъ у нихъ бываютъ сильные дожди, отъ чего и происходитъ наводненіе Нила. Въ результатѣ своихъ изысканій Симокатта получалъ такимъ образомъ вѣрное пониманіе причинъ Нильскаго разлитія. Вотъ если бы такое научное усердіе онъ приложилъ къ изслѣдованію и записи прошлаго и настоящаго Нубіи! Тѣмъ же вопросомъ вѣкомъ раньше, въ началѣ VI-го вѣка довольно занимался Іоаннъ Лидъ, который также собралъ въ своемъ сочиненіи „Ἐκ τῶν περὶ μῦθων“ много показаній древнихъ авторовъ. Изъ нихъ важны показанія нѣкоего Христа римлянина, который зналъ о великихъ озерахъ въ центрѣ Африки и о томъ, выше Мероэ Ниль судоходенъ, а мѣстность пустынна (р. 96—98, Боннского изданія). Имъ наконецъ интересовались и такъ же вообще рѣшали его и многіе повдвѣншіе византійскіе историки: Георгій Кедревъ, писавшій во второй половинѣ XI-го вѣка (Σύνοψις ἱστορικῆ, t. I, p. 266—270, Боннского изданія), Михаѣль Глика, жившій около половины XII-го вѣка (Βιβλὸς χρονικῆ, p. 32, Боннского изданія), Георгій Франца, писатель XV-го вѣка (Χρόνικον, p. 207—210, Боннского изданія). И Іоаннъ Кантакузень, писавшій во второй половинѣ XIV-го вѣка счелъ нужнымъ упомянуть о распущенной коптѣ или абиссинянами молвѣ (имъ принимаемой за чистую монету), будто бы яковиты могутъ отклонять отъ Египта воды Нила, почему, прибавляетъ Кантакузень, Египетскій султанъ и остерегается ихъ преслѣдовать, какъ преслѣдуетъ другихъ христіанъ (Ἱστορία, t. III, p. 99—100, Боннского изданія).

послѣ завоеванія Египта арабами въ 640-мъ году Византія не сосѣдила больше съ Нубіей и не имѣла съ нею непосредственныхъ сношеній. Но ббольшая часть перечисленныхъ выше писателей жили до этого достопаечиваго событія. Съ другой стороны и Абиссинія послѣ 640-го года также отдѣлена была отъ Византіи владѣніями арабовъ и тѣмъ не менѣе нѣкоторыя событія первоначальной исторіи этой страны припоминались византійскими писателями до весьма позднихъ временъ. Впрочемъ за исключеніемъ этихъ не многихъ событій вся остальная исторія Абиссиніи не менѣе игнорировалась византійцами, чѣмъ и исторія Нубіи. Путь къ объясненію не откроетъ ли намъ указанный еще Ренодотомъ фактъ молчанія и греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ писателей о судьбѣ христіанъ, жившихъ подъ властію мусульманъ¹⁾? Съ своей стороны мы припомнимъ, что византійскіе хронисты не удостоили своимъ вниманіемъ и записью такое знаменательное событіе, какъ крещеніе св. Владиміра и великаго русскаго народа. Тѣ времена считаются вѣками благочестія и религіозной ревности. Тѣмъ не менѣе люди тѣхъ вѣковъ не интересовались знать, торжествуетъ или падаетъ христіанство въ ихъ собственной странѣ. Ихъ душа была тамъ, гдѣ встрѣчалось чудесное и притомъ одинаково—чудо ли Божіе или чудо природы. Книжники тѣхъ вѣковъ ловили поэтому съ жадностію и со всеусердіемъ записывали всякіе рассказы о чудесныхъ и необычайныхъ явленіяхъ, гдѣ бы онѣ ни случились²⁾, и въ увлеченіи ими забывали подлинную гражданскую и церковную исторію странъ и народовъ, тѣ событія,

¹⁾ Renodotii, *Historia patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum* (Parisii, 1713), p. 396. „Nec mirum est de aliis Ecclesiis nihil reperiri apud Auctores Graecos et Latinos, cum de rebus Aegyptiacis et quae ad Orientalium sub Musulmanis Christianorum historiam pertinebant, nihil ferme scriptum reliquerint“.

²⁾ См. оцѣнку содержанія хроникъ Георгія Амартола въ предисловіи къ изданію ея текста въ Учен. Запискѣ, Цип. Акад. Наукъ 2-го отдѣленія, 4-я книга, 3-е отдѣленіе.

через кои совершаются существенныя перемены въ ихъ судьбѣ. Наибольше же страдала въ ихъ трудахъ исторія тѣхъ странъ, о коихъ успѣли разъ образоваться легендарныя рассказы, полныя необычайнаго и фантастичнаго. Тогда рядомъ съ подобными рассказами, охотно повторяемыми хронистами, уже рѣшительно не находили себѣ мѣста свѣдѣнія изъ дѣйствительной жизни этихъ странъ, даже если онѣ случайно доходили до ушей хронистовъ, просто потому, что они противорѣчили установившимся представленіямъ. Тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи о нарочитомъ собраніи ими свѣдѣній о настоящемъ и прошломъ такихъ странъ. Къ числу подобныхъ странъ, окутанныхъ туманомъ сказокъ и легендъ, принадлежала и вся мѣстность по теченію Нила выше Египта, гдѣ лежала, въ числѣ другихъ странъ, и Мероптская Эѳіопія, позднѣйшая Нубія. Объ ней повтому византійскіе книжники, и хронисты въ томъ числѣ, передавали много баснословнаго, въ родѣ рассказовъ объ отношеніяхъ Александра Македонскаго къ Кандакии царицѣ Эѳіопской и о путешествіи его на край свѣта въ страны гимнософистовъ, блаженныхъ и долголѣвныхъ людей, но не сообщали никакихъ историческихъ свѣдѣній¹⁾.

¹⁾ Басню о путешествіи Александра Македонскаго, подъ видомъ посла къ Кандакии царицѣ Эѳіопіи, о плѣненіи его Кандакией и о женитьбѣ на ней изъ византійскихъ историковъ первый рассказалъ, какъ былъ, Іоаннъ Малала, писавшій около 600 года по Р. Хр. (Migne, Patr. graeci, t. XCVII p. 306). Ее же за тѣмъ, въ связи съ заимствованными у Псевдо-Каллисена рассказами о посѣщеніи Александромъ страны брахмановъ или гимнософистовъ, макробіевъ или блаженныхъ, мы встрѣчаемъ у Георгія Амартола (Уч. Зап. И. Акад. Наукъ 2 отд. 4 книга 3 отдѣл., стр. 23—26), Георгія Кедрена (Σύνοψις ἱστορικῆς, t. I, p. 266—270, Боннскаго изданія) и Михаила Глики Βίβλος χρόνων, p. 268—270, Боннск. изданія). Наконецъ Георгій Франца то, что Георгій Амартолъ и Георгій Кедренъ говорятъ о странѣ макробіевъ—брахмановъ, вырвалъ изъ саги объ Александрѣ Македонскомъ и вложилъ, чуть не дословно, въ уста старика грузина, по имени Ефрема, который будто бы жилъ нѣкоторое время въ странѣ макробіевъ и лично передалъ видѣнное имъ тамъ автору во время пребыванія послѣдняго въ Иверіи (Грузіи) въ 6957 году отъ сотворенія міра—1450 года по Р. Хр. (Χρόνων, p. 207—210, Боннскаго изданія). Относительно мѣста дѣйствія всѣхъ этихъ рассказовъ какъ у хронистовъ, такъ и въ повмахъ объ Александрѣ мы должны сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

Латинская литература замолчала еще раньше, по крайней мѣрѣ раньше перестала сообщать свѣдѣнія о современныхъ авторамъ политическомъ и религіозномъ положеніи

приурочение рассказовъ къ определеннымъ, дѣйствительнымъ странамъ представляетъ значительныя затрудненія, такъ какъ въ представленіяхъ авторовъ ихъ замѣчается несомнѣнное смѣшеніе восточной Африки и южной Азии, частіе— странъ, лежащихъ по верхнему и среднему теченію Нила, и Остъ-Индіи. Оно вызвано, нужно думать, Птоломеевымъ представленіемъ объ Индѣйскомъ океанѣ какъ о средиземномъ морѣ, со всѣхъ сторонъ ограниченномъ землею, причѣмъ Остъ-Индія и восточная Африка оказывались странами сосѣдними, лежащими на одномъ и томъ же континентѣ, противоположномъ Передней Азии. Но исходнымъ пунктомъ для первыхъ творцовъ рассказовъ, была несомнѣнно Мероптская Эѳіопія, или Нубія, гдѣ извѣстны историческія Кандакин и подлинныя макробіи, давшіе поводъ, по созвучію ихъ туземнаго имени макареба съ греческими словами μακρόβιος и μακάριος, величать ихъ и долголѣтними и блаженными. Ктому же многія черты тѣхъ странъ, о коихъ идетъ рѣчь въ указанныхъ сказаніяхъ, показываютъ, что онѣ лежали въ южномъ полушаріи, что подходитъ къ югу восточной Африки, гдѣ находятся истоки Нила, а не къ Остъ-Индіи. Есть также большое сходство между изображеніемъ страны макробіевъ у перечисленныхъ выше греко-византійскихъ хронистовъ и описаніемъ мѣстности, лежащей по верхнему теченію Нила, приписываемымъ Теофилактомъ Синокаттою египетскимъ жрецамъ и мемфисскимъ философамъ. Скоро однакожь и Мероптская Эѳіопія и страна долголѣтнихъ и блаженныхъ людей въ представленіяхъ многихъ византійцевъ стали подвигаться на востокъ, въ направленіи противоположномъ тому, въ какомъ передвигались въ легендахъ объ апостолахъ Индіи и Эѳіопіи. Уже Нонносъ, писавшій „исторію“ своихъ и отцовыхъ путешествій въ качествѣ пословъ къ арабамъ, омиритамъ и аксумитамъ около половины VI-го вѣка, называетъ Аксумъ „городомъ великимъ и какъ бы столицей Эѳіопіи“, разумеется Мероптской Эѳіопіи (Photii, Myriobiblon, cod. III, у Migne, Patr. gr. t. CIII col. 2). Въ концѣ того же вѣка Теофанъ Византійецъ помѣщаетъ эѳіоповъ-макробіевъ въ Іеменѣ, отождествляя ихъ съ омиритами: „ὁ Χασρόης ἐν Αἰθιοπίας, φίλος ἔστας Ῥωμαῖος, κάλει μὲν Μακροβίους τὸν δὲ Ὀμνρίτας καλοῦμενος, εὐστράτειος“—Хозрой напалъ на друзей римлянъ эѳіоповъ, нѣкогда называвшихся макробіями, а теперь именующихся омиритами (Photii Myriobiblon, cod. LXIV, у Migne, Patr. gr. t. CIII col. 265). Многіе начали тогда и земной рай, то помѣщаемый рядомъ съ страню блаженныхъ, то отождествляемый съ нею („μακρόβιον νῆσος“—острова блаженныхъ у классическихъ грековъ есть названіе раи), искать на крайнемъ востокѣ, какъ это видно изъ легендарнаго житія Макарія Романа, нашегошаго раи (Acta sanctorum, october, t. X). Другіе продолжали и рай и предверіе къ нему—страну долголѣтнихъ и блаженныхъ людей помѣщать на юго-востокъ отъ Египта въ верховьяхъ Нила. Для уясненія этого вопроса см. и А. П. Веселовскаго, Изъ исторіи романа и повѣстей, вып. I, Спб. 1886, гл. II, стр. 219—220; гл. IV, стр. 265, 268—270, гл. V, стр. 282—285, 295—296, 298—299.

Нубіи. Со временъ уже Павла Орозія, писавшаго въ первой половинѣ V-го вѣка, въ теченіе многихъ вѣковъ у латинскихъ писателей не встрѣчаемъ обыкновенно другихъ показаній о Мероптской Эѳіопіи или Эѳіопіи подъ Египтомъ, кромѣ заимствованныхъ у древнѣйшихъ латинскихъ писателей и при томъ сокращенныхъ до послѣдней возможности. Да и въ тѣхъ говорится почти исключительно о свойствахъ и произведеніяхъ стравъ. О жителяхъ же ихъ латинскіе писатели этихъ вѣковъ—географы и историки если и упоминаютъ, то ограничиваются общими замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: тамъ много народовъ, разнаго вида, страшныхъ уродствомъ и тому под. Иногда приводятся ими имена здѣшнихъ народовъ, но лишь тѣхъ, о коихъ можно сказать нѣчто чудесное; упоминаются напр. безголовые будто бы блемміи. Имѣемъ въ виду Павла Орозія (*Adversus paganos historiarum libri septem, lib. I. cap. II. Lugduni Batavorum, 1768*; у Migne, *Patres latini, t. XXXI*), Марціана Капеллу, жившаго вѣроятно въ началѣ того же (V-го) вѣка (*Martianus Capella, Franciscus Eyssenhardt recensuit, Lipsiae 1876, p. 232—234*), Исидора Севильскаго † 636 года (*Etymologiarum libri XX, lib. XIV, De Libya*; у Migne, *Patr. lat, t. LXXXII*), Беду Достопочтеннаго † 735 года („*Mundi constitutio*“ и „*De natura rerum*“, cap. 9, 42 и 43; у Migne, *Patr. lat. t. XC*) и Германна Контракта, писателя X—XI-го вѣковъ (*De utilitate astrolabii, lib. II, cap. XIX*, у Pez'a, *Thesaurus anecdotorum novissimus, t. III*). Судя по отзыву Еберта (*Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters in Abenlaude, 2 Band, Leipzig 1880, S. 392—394*) о содержаніи и источникахъ географическаго сочиненія ирландца Дикюила (бывшаго по всей вѣроятности однимъ изъ наставниковъ дворцовой школы при Людовикѣ Благочестивомъ, въ первой половинѣ IX-го вѣка) „*De mensura orbis terrae*“, и этого ирландскаго космографа въ отношеніи къ нашему предмету нужно поставить въ рядъ съ вышеупомянутыми. Окончательнаго же сужденія не можемъ произнести, потому что

не имѣли подъ руками ни одного изъ трехъ существующихъ изданій трактата Дикюиля, ни Валькенавра, (Paris, 1807), ни Детрона (съ ученымъ комментариемъ, Paris, 1814), ни Партея (Berlin, 1870).

Исключеніе составляетъ только неизвѣстный по имени географическій писатель VIII-го вѣка, такъ называемый Географъ Равенскій, который при описаніи Эііопіи выдвинулъ напротивъ на первый планъ политической элементъ. Къ сожалѣнію, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о странахъ вообще черезчуръ кратки, ограничиваясь почти что одними именами рѣкъ, странъ, городовъ и народовъ. Но благодаря особымъ, не извѣстнымъ другимъ средневѣковымъ латинскимъ писателямъ, источникамъ, бывшимъ въ его распоряженіи, главнымъ образомъ нѣкоему Касторію, его описаніе Эііопіи подъ Египтомъ значительно и выгодно отличается отъ изображенія ея у другихъ латинскихъ средневѣковыхъ географовъ. Правда, имени Нубіи онъ не знаетъ, но Эііопію подъ Египтомъ онъ вѣрно дѣлитъ на три части—Эііопію Аксумитскую, Эііопію Кандацисскую (Candacissis) и Эііопію троподитовъ, разумѣя, очевидно, подъ первой Абиссинію, подъ второй Меропитскую Эііопію или Нубію, подъ третьей же страну блемміевъ или беджа вмѣстѣ съ сѣверной Нубіей. Между городами страны онъ первый упоминаетъ, между Авксумисомъ и Марѳаномъ съ одной стороны и Адулимомъ (Адулисомъ) съ другой, Мараку—древнее имя Донгольской области. Но повидимому, объ послѣднія Эііопіи онъ не считаетъ христіанскими, такъ какъ только въ Авксумису онъ присоединилъ опредѣленіе: провинція христіанская философская, „*provincia christiana pholosophia*“ (Ravennatis anonumi *Cosmographia*, ed. Pinder et Parthey, Berolini, 1860).

Не будемъ удивляться такому молчанію о Нубіи латинскихъ писателей V—XI-го вѣковъ, вспомнивъ, что нашествіе варваровъ на Западную Римскую имперію въ V-мъ вѣкѣ почти прервало сношенія латинскихъ странъ съ греческимъ востокомъ, особенно же съ юго-восточными, болѣе

далекими отъ запада, областями Византійской имперіи, и повело за собою быстрое паденіе цивилизаціи у латинскихъ народовъ; завоеваніе же Сиріи и Египта арабами-мусульманами въ VII мѣ вѣкѣ завершило дѣло отчужденія послѣднихъ странъ отъ христіанскаго запада. Только до этого послѣдняго событія сирійскіе и египетскіе купцы посѣщали съ торговою цѣлію латинскія страны; подобныя же путешествія западныхъ людей на юго-восточные берега Средиземнаго моря и въ эту пору были крайне рѣдки¹⁾. Люди же книжные между послѣдними, могшіе хотя бы съ трудомъ передать на письмѣ свои путевыя приключенія, даже съ исключительно-благочестивыми цѣлями, и въ это время и въ послѣдующіе вѣка путешествовали въ Египетъ и Палестину такъ рѣдко, что тщательныя розысканія Тоблера открыли такихъ паломниковъ-писателей на вѣскольکو вѣковъ всего вѣскольکو человекъ. Въ V—XI-мъ вѣкахъ даже объ Египтѣ и Сиріи образованные люди западной Европы почерпали свои свѣдѣнія не изъ показаній очевидцевъ-современниковъ, а почти исключительно изъ древнихъ авторовъ. Удивительно ли, что страны, лежавшія за Египтомъ, внутри Африки, и совсѣмъ были забыты на европейскомъ западѣ или сдѣлались предметомъ баснословія²⁾? Такое невниманіе западныхъ европейцевъ къ судьбѣ христіанскихъ народовъ крайняго востока начало постепенно исчезать только со

¹⁾ Wilhelm Heyd, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, I Band, Stuttgart, 1879, S. 27.

²⁾ Западные паломники-писатели этого періода: Θεодосій, путешествовавшій около 530 года, Автономъ Мученикъ—около 570-го года, Арнульфъ—около 670-го года, Бернардъ—около 870-го года, посѣтивъ Египетъ, считаютъ нужнымъ сказать вѣскольکو словъ объ Нилѣ, даже о катарактѣ Нила—потому конечно, что видать въ немъ райскую рѣку, Θεодосій—Фисонтъ, а Бернардъ—Гіонъ, говорятъ иногда (Автономъ) объ иудѣйскихъ орѣхахъ, коимъ „люди приписываютъ райское происхожденіе“; но ни одинъ не упоминаетъ о такомъ важномъ въ церковномъ отношеніи фактѣ, какъ принадлежность большинства христіанъ Египта къ еретическому церковному обществу. Tobler, Itinera Hierosolymitanae, t. 1 Genevae, 1879.

времени крестовыхъ походовъ, когда они вынуждены были искать на востокѣ союзниковъ противъ мусульманъ.

Удивительнѣе на первый взглядъ то, что армянская литература, литература народа единовѣрнаго нубійцамъ (тѣ и другіе—антихалкедоніанцы), можно сказать, совершенно промолчала о Нубіи. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ произведеніяхъ ея, въ коихъ по историко-литературнымъ соображеніямъ скорѣе всего можно было бы ожидать извѣстій о Нубіи, какъ то: въ географическихъ сочиненіяхъ („Географіи“ VII-го вѣка, ложно приписываемой Моисею Хорренскому, „Замѣтъ о четырехъ райскихъ рѣкахъ“ приблизительно того же времени и „Географіи“ XIV-го вѣка, несправедливо носящей имя Вартабеда Вартава¹⁾ и въ историческихъ произведеніяхъ, сообщающихъ свѣдѣнія по исторіи крестовыхъ походовъ²⁾, мы не встрѣтили самаго имени „Нубія“, за исключеніемъ лишь одного мѣста въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній. Между тѣмъ Географія Моисея Хорренскаго не скупится на свѣдѣнія о цѣнныхъ или странныхъ, рѣдкихъ и баснословныхъ явленіяхъ и произведеніяхъ природы въ Эіопіи—о миррѣ, ладанѣ и киннамонѣ, о бѣлыхъ словахъ, носорогахъ, тиграхъ, жирафахъ и обезьянахъ, о животныхъ съ голою женщины, во съ туловищемъ и лапами четвероногого (сониксахъ?), кабанахъ, дышущихъ пламенемъ, саламандрахъ, гасящихъ огонь и т. п., заимствуя все это у старыхъ греческихъ авторовъ или въ ходячихъ между народомъ разсказахъ³⁾. „Замѣтка о четырехъ рай-

¹⁾ Эти географическія произведенія армянъ напечатаны съ переводомъ на французскій языкъ у М.-Ж. Сен-Мартена (M.-J. Saint-Martin, *Memoires historiques et geographiques sur l'Arménie*, t. 2, Paris, 1819, p. 301—395, 398—405, 405—441).

²⁾ Они напечатаны въ издаваемомъ Французской академіей надписей и изысканій словесности *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*, t. 1, Paris, 1869.

³⁾ Saint-Martin. t. 2. p. 345—344. Къ сожалѣнію, изъ гораздо полнѣйшей редакціи Географіи Моисея Хорренскаго, богатой притомъ свѣдѣніями, современными самой Географіи, нашимъ армянистомъ К. П. Паткановымъ. изданы

скихъ рѣкахъ* заставляетъ Геонъ=Нилъ течъ чрезъ страны блеммиевъ и аксумитовъ и орошать Эѳіопію, не упоминая имени Нубіи ¹⁾). Географія же Вартабеда Вартана упоминаетъ только о странѣ Габашесданъ (Абиссинія), столица коей и резиденція царей есть Эѳіопія ²⁾). Произведеніе же Абу-Салы или Абу-Селы, носящаго прозвище Армянина, „Исторію церквей Египта, Нубіи, Эѳіопіи, Аравіи, Ливіи, Нумидіи, Мавританіи, Ост-Индіи* и т. д. отъ 564-го года Геждры=1168 года по Р. Хр. по 738-й годъ Геждры=1337-й годъ по Р. Хр. ³⁾), какъ писанное, вопреки общему обычаю армянскихъ авторовъ, на арабскомъ языкѣ, мы не включаемъ въ армянскую литературу и относимъ къ арабскимъ источникамъ по исторіи Нубіи.

Такое молчаніе армянъ о Нубіи достаточно однакожъ объясняется въ некоторыми географическими и историческими обстоятельствами Арменіи. Живя на сѣверномъ краю Передней Азіи, примыкая въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ къ странамъ, лежащимъ отъ нихъ къ востоку и западу—Ираву и Малой Азіи, рѣзко отличаясь кромѣ того языкомъ отъ населенія южныхъ областей Передней Азіи (Сиріи и Аравіи), армяне естественно обращали свои взоры на востокъ, западъ и сѣверъ отъ своей земли, а не на югъ; почему даже о прилежащихъ къ Арменіи южныхъ частяхъ Азіи въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ они говорили сравнительно мало, тогда какъ о странахъ Европы, лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей и отъ Кавказскихъ горъ, передавали много важныхъ свѣдѣній. Не

только отрывки, описывающіе страны, лежащія къ сѣверу отъ Кавказа и Чернаго Моря. См. К. П. Паткановъ, „Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хорренскому“, въ журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія 1883, мартъ.

¹⁾ Saint-Martin, t. 2. p. 399.

²⁾ Saint-Martin, t. 2. p. 451. Что эта географія не принадлежитъ Вартабеду Вартану, умершему въ 1271-мъ году, видно особенно изъ того, что на стр. 451, столицей Руссовъ называется Москва, подыавшаяся на степень стольнаго города Великой Россіи только въ XIV-мъ вѣкѣ.

³⁾ См. D'Herbelot, *Bibliothèque orientale*, Paris, 1696, p. 39.

всегда впрочемъ географическій кругозоръ армянъ былъ такъ тѣсенъ и одностороненъ. Въ домусульманскія времена армянскіе политики хорошо напр. знали объ отношеніяхъ Византійской имперіи ко всѣмъ ея сосѣдямъ во всѣхъ трехъ извѣстныхъ тогда континентахъ. Въ рѣчи армянскихъ пословъ Хозрою Нуширвану въ 539-мъ году по Р. Хр., помѣщенной Проконіемъ Кесарійскимъ въ 3-й главѣ 2-й книги „Персидскихъ войнъ“¹⁾ между прочимъ упоминается о союзѣ Юстиніана 1-го съ эѳіопскими царствами и о приобрѣтеніяхъ византійцевъ на берегахъ Краснаго моря. „Не заключилъ ли онъ союза, говорили эти послы, съ царствами эѳіопскими, о которыхъ прежде того римляне и не слыхивали?“²⁾ Онъ охватываетъ уже земли Омиритовъ и Черное море, присоединилъ и Финиконъ къ римскимъ владѣніямъ“. Зато долгое время, до конца XI вѣка, не сознавалась религіозная связь между армянами и коптами и слѣдовательно между армянами и состоявшими въ церковной зависимости отъ коптскаго патріарха нубійцами, какъ сознавалась она между армянами и сирійскими яковитами со временъ соборовъ Довинскаго, послѣ 500-го года по Р. Хр. и Маназкертскаго, около 686 го года, на конхъ присутствовали іерархи обѣихъ націй³⁾. Къ такому заключенію приводитъ разсказъ Ренодота, заимствованный имъ изъ копто-арабской біографіи 67-го коптскаго патріарха Кирилла, † 485 года Геждры=1092-го года по Р. Хр. Около 479-го года Г.=1086-го года по Р. Хр., читаемъ въ его „Исторіи Александрійскихъ яковитскихъ патріарховъ“, посѣтилъ Александрію и монастыри въ долину Габибъ, или въ Нитрійской пустынь, по дорогѣ изъ Константинополя въ Іерусалимъ,

¹⁾ Записки историко-филологическаго факультета Имп. С.-Петербургск. Университета, часть VI, стр. 21—25.

²⁾ Разумѣется, послѣдняя фраза имѣла значеніе лишь ораторскаго приѣма, чтобы ярче выставить на видъ Хозрою, коего армяне старались склонить къ объявленію войны Византіи, опасную будто бы для всѣхъ сосѣдей ея необыкновенную предпримчивость Юстиніана.

³⁾ Jos. Sim. Assemani, Dissertatio III. Patriarcharum Antiochenorum Jacobitarum series (Corpus historiae byzantinae, tom. XVIII, Venetiis, 1729. Dissertationes IV, p. 172—173).

армянскій патріархъ Григорій, племянникъ, по его собственному показанію, главнаго патріарха армянъ, ведшій свой родъ отъ Севнахериба. Въ время пребыванія его въ Александрію произошолъ у коптовъ съ нимъ диспутъ о вѣрѣ, изъ коего выяснилось, что онъ такой же якошитъ, какъ и копты. Свое монофизитское ученіе онъ за тѣмъ публично исповѣдалъ предъ патріархомъ коптовъ Кирилломъ въ присутствіи многихъ знатныхъ коптовъ, созванныхъ для этого нарочно въ патріархію. „Въ этотъ день, говоритъ авторъ біографіи Кирилла, распространилась между всѣми молва о согласіи коптовъ, армянъ, сирійцевъ, еѳіоповъ и нубійцевъ относительно православной вѣры, которую единомышленно сохраняли древніе святые отцы и которую извратили Несторій, Левъ и Халкедонскій соборъ“. Ренодотъ въ концѣ прибавляетъ, что въ предшествовавшее этому событію время армяне-христиане почти совсѣмъ не упоминались въ книгахъ коптовъ ¹⁾.

А. Розовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Renaudotii, *Historia patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum, Parisiis, 1713, p. 461.*

АНАТОЛІЙ МАРТЫНОВСКІЙ,

архієпископъ моголевскій и истиславскій.

(Продолженіе ¹).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Литературные труды архієпископа Анатолія.

Преосвященный Анатолій принадлежитъ къ числу весьма плодovitыхъ церковныхъ писателей. Онъ оставилъ послѣ себя слѣдующія, уже извѣстныя намъ отчасти, сочиненія: 1) „Слова и бесѣды на праздничныя, воскресныя дни и по разнымъ случаямъ“ (5 ч. 1853—1866); 2) „Вѣра, надежда и любовь“, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“ (2 ч. 1-е изд. 1848 г., 5-е 1867); 3) „Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“. Записки Андія Востокова (изданіе священника магистра Василія Гречулевича. 2 ч. 1-е изд. 1857 г., 2-е 1864 г.); 4) „Досуги архієпископа Анатолія“ съ портретомъ автора (1868 г.) и, наконецъ 5) „о иконописаніи“ (1-е изд. 1845 г., 2-е 1867 г. ²).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ нами сочиненій пр. Анатолія первое мѣсто по времени написанія занимаютъ его

---

¹) См. Труды Кіев. Дух. Акад., іюль, 1887 г.

²) Мы ограничились указаніемъ только важнѣйшихъ произведеній архієп. Анатолія, снискавшихъ ему репутацію выдающагося церковнаго писателя; о другихъ же мелкихъ произведеніяхъ его пера мы умолчали здѣсь, надѣясь сказать о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

проповѣди; а посему съ нихъ мы и начнемъ разсмотрѣніе литературныхъ трудовъ преосвященнаго. Такой порядокъ разсматриванія литературныхъ трудовъ арх. Анатолія помимо того, что представляется наиболѣе естественнымъ, имѣеть въ нашихъ глазахъ и ту выгоду, что можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на образованіе міровоззрѣнія пр. Анатолія.

I. Проповѣди архіепа. Анатолія.

Проповѣдническіе труды пр. Анатолія обнимають собою цѣлыхъ пять книгъ или частей. Въ первой части, вышедшей въ 1853 г., содержится 40 словъ и бесѣдъ на дни пресв. Богородицы и великихъ святыхъ. Помѣщенные въ этой части поученія начинаются съ праздника Р. Хр. и оканчиваются днемъ св. великомученицы Варвары,—съ 25 декабря одного года по 4-е декабря другаго ¹⁾). Вторая часть, изданная въ 1854 г., содержитъ въ себѣ 40 словъ и бесѣдъ, произнесенныхъ въ воскресные дни и по особымъ случаямъ, напр., по случаю выбора судей, освященія храма въ Горы-Горецкомъ земледѣльческомъ институтѣ, постриженія монахини, переведенія въ новоустроенный домъ воспитанницъ духовнаго званія, появленія губительной болѣзни и т. д. Третья часть, изданная въ 1859 г., также вмѣщаетъ въ себѣ 40 словъ и бесѣдъ, произнесенныхъ въ воскресные и праздничные дни, и, начинаясь праздникомъ Р. Хр. одного года, оканчивается недѣлей предъ Р. Хр. другаго года ²⁾). Четвертая и пятая части, вышедшія одновременно въ 1866 году, заключаютъ въ себѣ тоже по 40 словъ и бесѣдъ на воскресные дни, праздничные, торжественные и по особымъ случаямъ, какъ напр., предъ начатіемъ путевыхъ работъ

¹⁾ Въ общій кругъ годовыхъ проповѣдей не входятъ только двѣ послѣднія проповѣди (394 и 40), сказанныя по частнымъ случаямъ.

²⁾ Послѣднее слово (40) произнесено въ церкви прихода, населеннаго многими старообрядцами.

отъ станціи Гдовска Могилевской губ. до Черниговской, по случаю освященія храма въ тюремномъ замѣѣ и т. д. Пята часть содержитъ въ себѣ кромѣ того нѣсколько рѣчей (8 изъ нихъ произнесено преосвященнымъ во время обоарбнїи Могилевской епархіи) и наставленій (предъ присягою свидѣтелей по слѣдственному дѣлу, наставленія приходскаго священника прїемлющимъ святыя таинства—крещеніе, муропомазаніе и др.). Таковъ внѣшній составъ проповѣдей пр. Анатолія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія ихъ, мы находимъ, что послѣднее, будучи взято изъ дневныхъ воскресныхъ и праздничныхъ евангельскихъ или апостольскихъ чтеній, по преимуществу нравоучительнаго характера. Смотря по избранной проповѣдникомъ темѣ, онъ говоритъ о необходимости то покаянія, то молитвы, милосердія, послѣдованія волѣ Божіей и т. п. Въ самыхъ догматическихъ проповѣдяхъ Анатолія замѣтно проглядываетъ нравственный элементъ: вѣроучительныя истины ведутъ въ большинствѣ случаевъ къ заключеніямъ, имѣющимъ значеніе въ жизненной практикѣ. Такъ, напр., показавъ въ словѣ на Р. Хр. всѣ благодѣтельныя послѣдствія явленія Христа въ міръ, проповѣдникъ въ заключеніи призываетъ слушателей воспользоваться этими послѣдствіями для спасенія своей души. „Если ты выше другихъ, увѣщеваетъ онъ слушателей, имѣй въ виду Того, кто пришелъ послужить и положить душу свою для спасенія нашего (Матѣ. 21, 28); если ты подчиненный, учишь покорности у Того, кто изъ послушанія Отцу своему небесному смирилъ себя до положенія во ясляхъ! Если ты богатъ, прославь Рожденнаго, по примѣру тѣхъ, которые принесли Ему золото, ливанъ и смирну; если ты нищій, не печалься: Христосъ богатъ сый обнища, да мы нищетою Его обогатимся и т. д. (Ч. I, стр. 10).

Не смотря на различіе проповѣдей по содержанію, указываемому, большею частію, рядовымъ чтеніемъ, въ нихъ можно уловить одну общую основную мысль, это—именно

устроваемое во Христвъ благо челоувѣка на землѣ и его блаженство на небѣ. Особенно же часто призываетъ проповѣдникъ своихъ слушателей къ памятованію и приуготовленію себя къ вѣчной жизни на небесахъ. Эта основная мысль проповѣдника замѣчается почти въ каждомъ словѣ или бесѣдѣ его, такъ что во всѣхъ проповѣдяхъ Анатолія она является какъ бы средоточнымъ пунктомъ, около котораго группируются всѣ остальные мысли проповѣдника. Въ развитіи христіанскаго правоученія проповѣдникъ не пускается въ тонкости, въ частныя разборы: но въ каждомъ словѣ или бесѣдѣ положительная заповѣдь высказывается имъ прямо, ясно, безъ околичностей. Проповѣдуемое имъ правоученіе не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Онъ не зоветъ челоувѣка оставить все въ мірѣ и перемѣнять положеніе, занимаемое имъ въ обществѣ, для болѣе удобнаго служенія Богу. Напротивъ, гдѣ кого застаютъ въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить каждому подвигъ жизни, указываемый его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Бѣдный земледѣлецъ, угнетаемый тяжестію своего труда, въ скорбныя минуты жизни ропщетъ иногда на свою долю. Лишенный времени посвящать свою жизнь Богу, онъ вздыхаетъ о своемъ будущемъ, боится за свою вѣчность. „Гдѣ мнѣ (думаетъ) темному и неграмотному спастись, когда я всю жизнь—въ трудахъ и времени не имѣю въ церковь сходить?“—Но вотъ является среди простыхъ поселянъ пастыреначальникъ Могилевской паствы: простымъ словомъ, съ теплымъ сочувствіемъ онъ объясняетъ поселянамъ ихъ положеніе въ общественномъ строѣ, говоритъ, что земледѣльческое состояніе открыто самимъ Богомъ и что оно удобнѣйшимъ путемъ приводитъ челоувѣка къ Богу. „Обработывая землю, вы, говоритъ онъ, состоите въ союзѣ съ нею ближайшемъ, нежели другія состоянія. Провождая большую часть времени на поляхъ, подъ открытымъ небомъ, вы на

каждомъ шагу какъ бы осязаете премудрость Божию, благость и промышленіе Его о всемъ, а наипаче о человѣкѣ. Взглянете ли на землю, населенную безчисленными живыми существами, увлажжаемую водами, прозябающую травы и лѣса; обратите ли взоръ на небо, озаряемое солнцемъ, испещренное безчисленными свѣтилами: вамъ не можетъ не приходиться на мысль, что если всякій домъ кѣмъ-нибудь устроится, то устроившій все есть премудрый и всеблагій Промыслитель, управляющій всѣмъ“ (Евр. 3, 4) и т. д. (Изъ слова въ день св. великомуч. Георгія къ земледѣльцамъ. Ч. 1, стр. 241). Показывая возможность спасенія во всякомъ состояніи и званіи, архіеп. Анатолій, хотя и изрѣдка, возвышалъ голосъ и за монашество (въ словѣ, напр., произнесенномъ по случаю постриженія монахинь. Ч. 2, стр. 445—457). Но и тутъ онъ доказывалъ не исключительную возможность спасенія въ чинѣ монашескомъ, а только преимущества этого званія предъ мірскимъ въ дѣлѣ спасенія. „И посреди міра, говоритъ онъ, есть истинно-благочестивые; Господь еще имѣетъ сущихъ своихъ и посреди этого Вавилона; но они столь рѣдки, какъ класы на нивѣ земледѣльца по собраніи жатвы; ихъ голосъ такъ слабъ, что его невозможно разслушать посреди громкихъ восклицаній и шума безчисленнаго множества людей, живущихъ по правиламъ міра“ (стр. 449). Міръ, по нему, полагаетъ безчисленные препятствія ко спасенію и безпрестанно тревожитъ ищущихъ царствія Божія: въ монашествѣ же нѣтъ этихъ преградъ и оно удобнѣе ведетъ въ царствіе небесное...

На ряду съ раскрываемыми проповѣдникомъ истинами правоучительнаго и догматическаго характера у него не рѣдко можно встрѣтить разсужденія и съ общимъ, философскимъ характеромъ. Такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ ставитъ вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ благоденствіе, какъ цѣлыхъ народовъ, такъ отдѣльныхъ семействъ и личностей?—Эта задача, надъ которою цѣлые вѣка задумывались политики и философы, такъ рѣшается опытною

мудростью нашего проповѣдника. Время дается человѣку, говорить онъ, и народамъ для славы Божіей и для пріобрѣтенія спасенія. Итакъ, слава Бога и спасеніе—вотъ законъ благоденствія человѣка! Нарушая этотъ законъ, человѣкъ падаетъ въ борьбѣ съ нимъ и исчезаетъ во прахъ. „Народы благоденствуютъ, по словамъ проповѣдника, доколѣ существованіе ихъ направлено къ славіи имени Божія. Такъ, доколѣ въ какомъ-либо народѣ есть мужи безкорыстные, готовые жертвовать общему благу своимъ достояніемъ, своею жизнію; доколѣ большая часть какого-либо народа руководствуется, по крайней мѣрѣ, тою вѣрою, что Богъ взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ (Евр. 11, 6) и каждому человѣку воздастъ по дѣламъ его (Римл. 2, 6): дотолѣ такой народъ силенъ, страшенъ для враговъ своихъ, неволью уважается окрестными народами и самобытность его благонадежна. Но, какъ скоро въ какомъ-либо народѣ усилятся нечестіе, растлѣніе нравовъ сдѣлается всеобщимъ, изсякнетъ любовь: тогда такой народъ не спасаютъ отъ утраты своей самобытности ни спасительные законы и учрежденія, ни мудрость правителей, ни многочисленныя полчища, ни какая человѣческая предусмотрительность... Такимъ закономъ опредѣляется время существованія народовъ съ начала міра доселѣ“ (слово въ день новаго года на текстъ: всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ! Еккл. 3, 1. Ч. 1, стр. 54—55).

Въ своихъ проповѣдяхъ архипастырь затрогиваетъ не одни религіозные интересы, но и политическіе: онъ заботится не о цѣлости только вѣры, но и о счастіи и благоденствіи отечества. Преданность Престолу и повинновеніе законамъ гражданскимъ являются у него основами народнаго благополучія. „Чего надлежало бы ожидать, говорить проповѣдникъ,—если бы Промыслъ Божій не поставлялъ для управленія народами царей, законодателей, коихъ постановленіями защищается ваше имущество, ваше доброе имя, и самая жизнь наша ограждается отъ навітовъ, на-

силія и убійствъ, совершаемыхъ своеволиемъ и жадностію людей, не имѣющихъ въ сердцѣ страха Божія?... Для благоденствія нашего отечества, благочестивые цари наши издревле издавали мудрые законы и постановленія, особенно же всегда пламенно желали улучшить бытъ земледѣльческаго состоянія" и т. д. (изъ слова въ день вѣчанія и помазанія на царство благоч. госуд. импер. Александра Николаевича. Ч. 5, стр. 140—141). Указывая на постоянныя заботы верховной власти, направленные ко благу нашего отечества, проповѣдникъ вездѣ, гдѣ только касается этого предмета, внушаетъ слушателямъ повиновеніе и преданность Богомъ поставленному Государю Императору. Вполнѣ проникнутый самъ такими расположеніями и чувствами, онъ всемѣрно старается насадить ихъ и въ своихъ слушателяхъ. Рѣчь его въ такихъ случаяхъ бываетъ одушевленною и даже краснорѣчивою. „Можетъ ли на землѣ царствовать правда съ такою благонадежностію, какъ подъ сѣнію Царя благочестиваго, и потому правосуднаго?—вослицаетъ проповѣдникъ въ одномъ изъ своихъ словъ; можетъ ли быть естественнѣе прибіжище для всѣхъ обидимыхъ, какъ покровъ порфиры царя благочестиваго, богобоязненнаго? Это общее и самое вѣрное чувство народовъ, а преимущественно народа русскаго! И не въ этомъ ли отношеніи сыны Россіи именуютъ царей своихъ надеждой? О, какъ умно наше народное слово: Государь надежда! Не заключаетъ ли въ себѣ это одно слововыраженіе болѣе утѣшенія и отрады, нежели всѣ мудрованія, предначертанія и—такъ называемыя—правительственныя хартіи западныхъ народовъ?... (слово въ день вѣчанія и помазанія на царство благочестиваго государя импер. Александра Николаевича. Ч. 5, стр. 156—157).

Ратуя о религіозномъ и общественномъ преуспѣянніи нашего отечества, преосв. Анатолій не могъ не обращать вниманія и на давнишнюю болѣзнь его—расколъ, съ которымъ встрѣчался онъ въ разныхъ мѣстахъ своего служенія (Пермской, Могилевской епархіяхъ). Эта болѣзнь глубоко

трогала преосвященнаго, почему всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай, онъ предостерегалъ отъ нея православную паству, возвышая голосъ противъ закоснѣлыхъ во враждѣ къ церкви отщепенцевъ ея. Въ своихъ проповѣдяхъ противъ раскольниковъ онъ сравниваетъ послѣднихъ съ фарисеями, упорно державшимися разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, исторически показываетъ несправедливость притязаній ихъ, измышленность обрядовъ (5 ч., стр. 203—216; слово, произнесен. въ церкви прихода, населеннаго мнимыми старообрядцами), незаконность ихъ іерархіи (3 ч. стр. 528—539) и т. д. Сильными и неотразимыми по своей убѣдительности доводами архипастырь поражаетъ подчасъ отщепенцевъ православія. „Если ваши общества, говоритъ проповѣдникъ, принадлежать къ церкви Христовой: то почему между вами господствуетъ такое раздѣленіе? Всѣ вы хвалитесь, что слѣдуете однимъ и тѣмъ же старымъ книгамъ и старымъ уставамъ: но если подлинно слѣдуете однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ, вѣчнымъ истинамъ; то почему между вами столько раздѣленій? Ты слѣдуешь, по твоимъ словамъ, Θεодосіевскому согласію; тотъ слѣдуетъ Вѣтковскому согласію; иные слѣдуютъ Титловскому, другіе безтитловскому; иные другимъ какимъ-то согласіямъ: научи же меня возлюбленный! что это за согласія, между коими столько разногласій? Еда раздѣлился Христосъ? Еда Θεодосій распялся по васъ, или во имя его креститесь? Еда въ Поморіи, или на Вѣткѣ основалъ Христосъ церковь свою?... Соберитесь, расточенныя заблуждшія овцы, соберитесь въ нѣдра единой, святой, соборной и апостольской церкви!...“ (язъ слова, сказаннаго по освященіи соборнаго храма въ городѣ Старой Русь, 21 янв. 1834 г. ч. 2, стр. 429—30).

Разсматривая проповѣди пр. Анатолія съ вѣшной стороны, мы находимъ въ нихъ правильность расположенія и построенія частей. Большинство проповѣдей его имѣетъ форму слова, сравнительно рѣдко встрѣчаются онѣ въ формѣ

бесѣды, и еще рѣже—рѣчи и наставленія. Во главѣ слова стоитъ, обыкновенно, текстъ, избранный изъ дневнаго чтенія евангелія или апостола, служащій руководительнымъ и точнымъ началомъ всей проповѣди. Случаются, правда, слова, и безъ текста, но весьма рѣдко (напр., слово въ день св. великомучев. Георгія къ земледѣльцамъ—ч. I-я, стр. 235, слово въ великій пятокъ, ч. 5-я, стр. 229 и нѣкоторые др.). Послѣ текста слѣдуетъ обычный у большинства проповѣдниковъ приступъ, въ которомъ кратко намѣчается предметъ проповѣди. Послѣдній—или непосредственно вытекаетъ изъ заглавнаго стиха или же стоитъ къ нему въ болѣе или менѣе близкой связи, такъ, въ словѣ на день Срѣтенія Господа нашего Иисуса Христа заглавный текстъ: „Вознесоста отроча Иисуса во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господомъ“ (Лук. 2, 22) служитъ только поводомъ для вывода главнаго предмета проповѣди,—что посвящаемые Богу первенцы (какимъ былъ и отроча Иисусъ) въ нравственномъ смыслѣ означаютъ собою наши мысли, намѣренія и начинанія въ отношеніи дѣйствій (Ч. I, стр. 100—108).

Вслѣдъ за приступомъ слѣдуетъ существеннѣйшая часть проповѣди—ислѣдованіе. Въ немъ раскрывается обыкновенно указанный въ приступѣ предметъ проповѣди, или вполнѣ, или съ нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся сторонъ своихъ. Самое раскрытіе предмета проповѣди не всегда у него отличается глубиною или широтою мысли; не видно зачастую у проповѣдника и тонкаго и всесторонняго анализа главныхъ частей проповѣди. Въ проповѣдяхъ архипастыря мы видимъ, напротивъ, замѣтное преобладаніе, такъ называемыхъ, общихъ мѣстъ, дѣлающихъ подчасъ самыя проповѣди растаянутыми и малохарактерными. Указанный недостатокъ въ проповѣдяхъ пр. Анатолія въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что проповѣди свои преосвященный назначалъ не столько для людей „умудренныхъ челоувѣческими знаніями“, сколько для „простыхъ умомъ и сердцемъ“ съ вѣрою принимающихъ слово Божіе...

Какъ на важное достоинство словъ пр. Анатолія, мы должны указать на то, что они представляютъ собою легкое и послѣдовательное развитіе основной мысли проповѣдника, такъ что вниманіе слушателей не могло затрудниться усвоеніемъ всего слова во всей его полнотѣ. Въ изложеніи частныхъ мыслей проповѣди замѣчается логическая правильность, точность, а по мѣстамъ даже и пунктуальность. Такъ, напр., въ словѣ на новый годъ проповѣдникъ подъ отдѣльными рубриками развиваетъ слѣдующія главные мысли слова: для пользованія благоденствіемъ мы должны руководиться во первыхъ событіями прошедшихъ временъ, во вторыхъ представленіемъ послѣдствій, соединенныхъ съ нашими дѣйствіями и въ третьихъ памятью вѣчности. (Ч. I, стр. 68—81).

Въ развитіи и уясненіи главнаго предмета проповѣди преосвящ. Анатолій въ изобиліи пользуется мѣстами св. Писанія, и иногда — святоотеческихъ твореній (Григорія Писскаго и св. Іоанна Златоустаго), а также примѣрами, взятыми имъ изъ библейской исторіи, церковной и гражданской (см. напр., слово, сказанное въ присутствіи воспитаницъ духовнаго званія. Ч. 2, стр. 456). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ проповѣдникъ пользуется изреченіями и языческихъ мудрецовъ, какъ напр., въ словѣ на день Срѣтенія Господня — изреченіемъ языческаго мудреца Цицерона относительно старости. (Ч. I, стр. 94). Кромѣ этого преосвящ. Анатолій въ доказательство и поясненіе своихъ мыслей ссылается весьма часто на примѣры, заимствованные имъ изъ обыкновенной житейской практики и собственнаго опыта. Такъ, внушая уваженіе къ старости, между прочимъ, за то, что она умудрена бываетъ опытами — собственными, или другихъ, преосвященный приводитъ такой примѣръ. „Младенецъ, восхищенный яркимъ блескомъ свѣтильника, когда, схватывая его, обжигается, съ опасеніемъ потомъ взираетъ на блескъ, привлекающій взоръ его; рѣзвый отрокъ, съ самонадѣянностію взлѣзающій на дерево,

Труды Кіев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г. 40

чтобы сорвать плодъ, прельщающій его, когда, оборвавшись на слабой вѣтви, низвергается долу и ушибается, становится впередъ осторожнѣе и не довѣряетъ уже ни своимъ силамъ, ни крѣпости вѣтвей. Подобно сему съ лѣтами приобрѣтаются опыты жизни и удостовѣреніе въ томъ, что въ мірѣ все суетно и непостоянно“ (изъ слова въ день Срѣтенія Господня, Ч. 1, стр. 90—91).

Любимою формою раскрытія предмета проповѣди является у проповѣдника сравненіе,—особенно міра духовнаго съ міромъ физическимъ. Въ словѣ, напр., на день св. великомученика Георгія, „къ земледѣльцамъ“ онъ проводитъ параллель между нивой полевой и душой. „Желающій хорошо запахать землю, говоритъ проповѣдникъ, не оглядывается назадъ: въ противномъ случаѣ онъ избородитъ землю вкривь и вкосъ, и дѣло тогда не пойдетъ на ладъ; нива, хоть засѣй ее хорошими сѣменами, не принесетъ обильныхъ плодовъ. Подобно сему, если желаете, братія, душевнаго спасенія, всегда, что ни дѣлаете, возносите мысли и сердца ваши къ Богу, стремитесь къ Нему всѣми помышленіями и желаніями, не обращая вниманія на суету земную, не теряя времени въ праздности и дурныхъ сообществахъ. Землю воздѣлываютъ для того, чтобы искоренить дурныя травы, которыя могли бы заглушить прозябаніе хлѣба, приуготовить ниву къ оплодотворенію сѣменъ: такъ и вы, братія, для приуготовленія души къ принятію истинъ вѣры и правилъ для жизни, старайтесь размышленіемъ о смерти своей, о крестныхъ страданіяхъ Спасителя искоренять въ себѣ дурныя мысли, желанія и привычки“... и т. д. (Ч. 1, стр. 246—7). А въ словѣ, произнесенномъ въ женской обители (на текстъ: *кто дастъ ми криль яко голубинь? и полещу и почию*) даже вся проповѣдь построена на сравненіи ивокинь съ голубицей, уподобленіи ихъ голубицѣ въ ея цѣломудріи, незлобін и бдѣніи о своей безопасности (1 ч., стр. 479—487). Заключение въ проповѣдяхъ преосвящ. Анатолія, болѣею частію, весьма кратко. Въ немъ проповѣдникъ

призываетъ, обыкновенно, слушателей къ жизни благочестивой, направленной къ достиженію вѣчнаго спасенія и блаженства... Предлагаетъ тѣ или иные совѣты и наставленія, ведущія ко спасенію,—при томъ въ выраженіяхъ болѣе или менѣе общаго характера.

По своему объему проповѣди пр. Анатолія сравнительно не велики. Практическій тактъ предписывалъ преосвященному быть по возможности краткимъ съ тѣмъ, чтобы чрезъ это легче поддерживать вниманіе своихъ разнообразныхъ слушателей. Въ виду послѣднихъ тотъ же практическій тактъ подсказывалъ ему бесѣдовать со своими слушателями по возможности просто и удобопонятно. И это тѣмъ болѣе было необходимо, что слушателями преосвященнаго являлись нерѣдко простые поселяне. До насъ дошло нѣсколько проповѣдей преосвященнаго, сказанныхъ имъ въ присутствіи поселянъ. Таково, напр., слово „къ земледѣльцамъ“, сказанное имъ въ день великомуч. Георгія (въ церкви загороднаго архіерейскаго дома г. Могилева) и восемь рѣчей, произнесенныхъ при обзорѣнн Могилевской епархіи. Въ этихъ проповѣдяхъ архипастырь раскрывалъ предъ поселянами, доступнымъ ихъ пониманію способомъ, важность посѣщенія храмовъ Божіихъ, необходимость молитвы, богоугодность и душеспасительность ихъ занятій ведущихъ ближе всего къ познанію Бога и Его дѣлъ и т. д. (Ч. 5, стр. 238—296).

Въ отношеніи языка своихъ проповѣдей пр. Анатолія занимаетъ безспорно видное мѣсто въ ряду проповѣдниковъ недавняго времени. Рѣчь его всегда—правильная, чистая и вполне приличная на церковной каедрѣ. Особенность ея составляетъ то, что она изобилуетъ словами и выраженіями церковно-библейскими, чрезъ что получаетъ какое-то священное достоинство. Какъ мысли преосвященнаго часто, такъ сказать, растворяются мыслями Св. Писанія, такъ и языкъ его сохраняетъ болшую частію характеръ языка священнаго.

Тонъ рѣчи проповѣдника, болшую частію, спокойно-наставительный и рѣдко когда переходящій въ обличительный. Въ послѣднемъ случаѣ проповѣдникъ приходилъ, обы-

киновенно, въ сильное воодушевленіе и даже экстазъ, отчего рѣчь его дѣлалась пламенной, глубоко трогающею собою слушателей. Достаточно привести небольшой отрывокъ изъ проповѣди, напр., сказанной во время губительной язвы въ г. Могилевѣ (въ 1848 г.), чтобы судить о томъ воодушевленіи, какое овладѣвало архипастыремъ въ трудныя минуты жизни его паствы... „Городъ нашъ снова посѣтила губительная болѣзнь“!... восклицаетъ проповѣдникъ въ началѣ слова. „Но, если бы привелось какому-либо иностранцу пробѣжать наши города и села, говорить онъ въ срединѣ рѣчи; то онъ подумалъ бы, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны болѣе цвѣтущей благоденствіемъ, чѣмъ наша; что у насъ во всемъ полное обиліе, и богатство течетъ рѣками... А если бы кто-либо сталъ увѣрять заключающаго такимъ образомъ, что у насъ четыре года былъ сряду голодъ, что наше состояніе очень незавидно, что у cadaго изъ насъ много горя; то онъ отвѣчалъ бы: быть не можетъ! развѣ ты не видишь, съ какою суетливостію у насъ во всякое время стремятся къ забавамъ? съ какою заботливостію изыскиваютъ различныя увеселенія? съ какою жадностію стремятся смотрѣть на зрѣлища? развѣ ты не замѣчалъ, что въ ваши праздничныя даже дни корчемники ваши наполнены пьянствующимъ народомъ, а люди высшихъ сословій въ собственныхъ домахъ кружатся до изнеможенія въ вихрѣ суеты и легкомыслія? и т. д. (слово во время губительной язвы въ г. Могилевѣ, въ 1848 г., 1, Ч. II, стр. 522—530).

Что особенно отличаетъ большинство словъ и бесѣдъ преосвященнаго, такъ это—одушевлявшее ихъ—религіозное чувство проповѣдника и горячее убѣжденіе его въ проповѣдуемыхъ имъ истинахъ. Глубоко проникнутый вѣрою въ эти свѣтыя истины, онъ всегда говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, которое неизбѣжно должно было производить сильное вліяніе на слушателей и въ связи съ этимъ двигать ихъ волю на путь спасительныхъ заповѣдей.

М. Едминскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Научное значеніе археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ системѣ р. Сулы, въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

Не много можно указать отраслей знанія, которымъ бы въ такое короткое время оказано было столько вниманія, сколько въ послѣднее время у насъ оказано археологіи. Русская археологія насчитываетъ только нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія, а между тѣмъ въ этотъ короткій срокъ у насъ основано нѣсколько археологическихкихъ обществъ, снаряженъ рядъ археологическихкихъ экспедицій, появились правильно устроенные музеи, открылись археологическіе съѣзды, въ историческихкихъ и спеціально-археологическихкихъ изданіяхъ обнаружена масса археологическаго матеріала, появились и попытки научной работы послѣдняго, выработались тонкіе спеціалисты въ этой области знанія, приваты даже мѣры къ распространенію археологическихкихъ свѣдѣній въ обществѣ. При рѣдкомъ обиліи въ предѣлахъ русской государственной области памятниковъ глубокой старины, иначе, строго говоря, и быть не могло: то, что прежде возбуждало простое любопытство, съ появленіемъ запроса на научное значеніе, естественно должно было сдѣлать ея предметомъ научнаго изслѣдованія. Любопытно то, что наше общество, въ другихъ случаяхъ крайне индифферентно относящееся къ успѣхамъ чистой науки, на этотъ разъ представляетъ оградное исключеніе. Особенно сталъ развиваться въ послѣднее время интересъ къ изслѣдованію земляныхъ сооружений, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ кургановъ. Периодическая печать все чаще и чаще

начинаеть помѣщать извѣстія о раскопкахъ, производимыхъ, особенно на югѣ Россіи, частными лицами на свои собственные средства. Но особенно характерно то, что въ послѣднее время даже наши аристократическія дамы, наскучивъ своимп салонами, стали появляться въ открытомъ полѣ съ тѣмъ, чтобы лично руководиться археологическими работами. И нужно отдать справедливость, что раскопки частныхъ лицъ очень часто производится съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ пріемовъ, и поэтому при частныхъ археологическихъ коллекціяхъ нерѣдко попадаются дневники, удовлетворяющіе самымъ строгимъ требованіямъ науки. Попадаютъ конечно и исключенія; но гдѣ ихъ не бываетъ?

Успѣхи въ области археологіи незамедлили отразиться и на исторіи. Въ археологическихъ данныхъ исторія нашла не только фактическое подтвержденіе свидѣтельствъ древнихъ писателей, но и открыла цѣлый рядъ новыхъ свѣдѣній, которыя пролили свѣтъ на такіи эпохи, о которыхъ или ничего не было извѣстно, или существовали ложныя извѣстія письменныхъ источниковъ. Особенно драгоценными для исторической науки оказались археологическія данныя, пролившія истинный свѣтъ на культуру славяно-русскихъ племенъ въ періодъ до образованія русскаго государства. Въ отношеніи къ этому періоду нашей исторіи археологія произвела настоящій переворотъ. Вспомнимъ, какъ смотрѣлъ на этотъ моментъ въ нашей исторіи знаменитый Шлецеръ. „Предъ сею эпохою (т. е. призваніемъ князей), говоритъ онъ съ обычною самоувѣренностью, все покрыто мракомъ какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда зашли; но люди безъ правленія, жившіе подобно зяблямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, не отличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе никакого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ“ („Несторъ“. Часть I. стр. 419—420). Славяне-дикари, по мнѣнію Шле-

цера, выведены были изъ своего первобытнаго состояніи только германцами, разсѣявшими между ними первыя сѣмена просвѣщенія (Ч. II, стр. 178). Этотъ взглядъ, поддержанный потомъ Карамзинымъ (Т. I, стр. 38. Изд. Эйнерл.), надолго утвердился было въ нашей исторической наукѣ. Оба эти ученые въ извѣстномъ смыслѣ были правы: они лишь повторили слова нашего начальнаго лѣтописца, утверждавшаго, что большая часть русскихъ славянъ языческой эпохи жили „звѣриньскимъ образомъ, скотски“. Но стоило только археологіи привести въ извѣстность скрывавшіяся въ нѣдрахъ земли памятники народнаго быта, какъ тенденціозность нашего лѣтописца въ этомъ вопросѣ сразу обнаружилась. Оказалось напр., что у тѣхъ же сѣверянъ языческой эпохи, которые, по словамъ лѣтописца „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“, уже существовали „политическія общества“, видны слѣды „неравенства общественныхъ классовъ“; существовали „отдаленныя торговыя сношенія“. Въ одеждѣ, костюмѣ, вооруженіи, занятіяхъ, домашней обстановкѣ, вѣрованіяхъ язычника сѣверянина видны несомнѣнные слѣды значительнаго культурнаго развитія. Въ сѣверянскихъ курганахъ, напр., „найлены остатки холстяныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; принадлежности костюма: разной формы и различнаго состава серьги, привѣски, ожерелья, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, застежки, булавки и проч.; принадлежности вооруженія: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; вещи домашняго быта: глиняные, желѣзные, бронзовые сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, пряслица, игральныя кости, удла, стремена; принадлежности земледѣльческаго быта: серпы, три сорта хлѣбныхъ зеренъ“ и проч. (Д. Я. Самоквасовъ. „Значеніе кургановъ, какъ историческихъ источниковъ“, стр. 23). Ясно, что если бы сѣверяне языческой эпохи дѣйствительно жили „въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь“, то ничего подобнаго мы у нихъ не встрѣтили бы. Тутъ не только не

видно слѣдовъ звѣринскаго образа жизни; но, напротивъ, замѣтно даже существованіе запроса на высшей комфортъ.

Точно такимъ же образомъ данныя, добываемыя путемъ археологическихъ раскопокъ, выдвигаютъ и разъясняютъ много и другихъ вопросовъ, проливающихъ свѣтъ на отдаленнѣйшія эпохи въ жизни нашихъ предковъ. Такое между прочимъ значеніе имѣютъ раскопки, производимыя С. А. Мазараки по р. Сулѣ въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, на которыхъ мы и намѣрены остановиться. Раскопки эти имѣютъ слѣдующее существенно важное значеніе для науки: онѣ, во первыхъ, для даннаго меридіана опредѣляютъ сѣверныя границы распространенія такъ называемыхъ скиескихъ поселеній; во вторыхъ, онѣ открываютъ намъ совершенно новое племя переяславскихъ славянъ, существенно отличное отъ черниговскихъ сѣверянъ; въ третьихъ, онѣ доставляютъ новыя данныя для подтвержденія извѣстной гипотезы о скиескомъ происхожденіи славянъ.

Люди, интересующіеся успѣхами нашей археологіи уже отчасти знакомы съ результатами раскопокъ г. Мазараки. Составленная имъ богатая коллекція въ мартѣ прошлаго года отправлена въ С.-Петербургскую Археологическую Комиссію, а точные снимки съ предметовъ коллекціи высланы въ Московское Археологическое общество. Сочувственное отношеніе къ трудамъ молодаго археолога обоимъ этимъ ученымъ обществамъ вызвало его къ новой еще болѣе энергичной дѣятельности, которая, какъ и слѣдовало ожидать, увѣчалась не менѣ блестящими результатами. Превращенный въ музей громадный залъ уже вновь наполненъ памятниками глубокой старины, между которыми попадаются предметы не только рѣдкіе, но и единственные въ своемъ родѣ. Не нужно быть археологомъ, достаточно быть простымъ любителемъ рѣдкостей, чтобы почувствовать глубочайшій интересъ при входѣ въ музей г. Мазараки. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза посуда. Вотъ, напр., гигантскихъ размѣровъ урна,

имѣющая 1½ арш. въ высоту и 3 арш. и 5 вершк. въ окружности; ни въ одномъ русскомъ музеѣ нельзя встрѣтить чего-нибудь подобнаго. Но если эта своего рода царь урна поражаетъ вниманіе прежде всего своею количественною стороною, то наряду съ нею въ витринахъ помѣщается много сосудовъ, бросающихся въ глаза своею художественной формой; таковы, напр., терракотовыя мисочки и остродонныя греческія амфоры. Тутъ же вы встрѣчаете бронзовую вазу, бронзовый котель, песчаниковыя подставки и дѣлюю массу другой болѣе мелкой посуды, между которою особенно выдѣляется обиліе небольшихъ горшечковъ. Любопытно то, что въ однихъ и тѣхъ же курганахъ, наряду съ сосудами прекрасной греческой работы, попадаются горшки, вышедшіе изъ рукъ самыхъ первобытныхъ мастеровъ, не имѣвшихъ даже понятія о гончарномъ станкѣ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ грубыми варварами, которые, не смотря на то, что пользовались произведеніями высокой греческой культуры, сами находились еще на сравнительно низкой степени культурнаго развитія. Послѣ посуды прошлая и настоящая коллекція г. Мазараки особенно богаты предметами вооруженія. Здѣсь находимъ: желѣзные мечи различныхъ формъ, бронзовыя и желѣзныя колья, желѣзные топоры, бронзовыя и желѣзныя стрѣлы, колчаны и панцыри. Между колчанами одинъ обращаетъ на себя вниманіе хорошею сохранностью и богатой золотою отдѣлкой; а въ числѣ панцырей выдѣляется костяной, представляющей, насколько извѣстно, явленіе единственное въ своемъ родѣ. На ряду съ предметами вооруженія слѣдуетъ упомянуть объ особомъ видѣ предметовъ, назначеніе которыхъ загадочно. Имѣемъ въ виду прежде всего рядъ бронзовыхъ и желѣзныхъ звенящихъ булавъ, заключающихъ внутри металлическое ядро и напоминающихъ вѣшнимъ видомъ казацкій первачъ. Эти своего рода колокольчики надѣвались на деревянные или желѣзныя палки съ небольшимъ отверстиемъ, въ которое продѣвался ремень, и оканчивались на верху изображеніями различныхъ живот-

ныхъ формъ. Служили ли эти предметы принадлежностью религіознаго культа, представляютъ ли они особый видъ оружія, или, можетъ быть, ими погрязали для возбужденія эффекта при торжественныхъ выходахъ и выездахъ знатныхъ особъ—сказать трудно. Точно также загадочно назначеніе найденнаго въ одномъ курганѣ небольшого бронзоваго топорика, рукоятка котораго окапчивается животной формой. Не будучи боевымъ, онъ могъ служить развѣ символомъ власти, чѣмъ-то въ родѣ позднѣйшаго скипетра. Любопытно то, что топорикъ этотъ найденъ въ курганѣ, въ которомъ, при полномъ отсутствіи боеваго оружія, оказалось много принадлежностей женскаго туалета и 6 вышеуказанныхъ булавъ. Значительное мѣсто въ коллекціи г. Мазараки принадлежитъ бронзовымъ и желѣзнымъ удиламъ и предметамъ, служившимъ украшеніемъ лошадиной сбруи. Въ числѣ боковыхъ усиковъ удила много костяныхъ, изображающихъ по концамъ головы и копыта лошадей; а между бронзовыми украшеніями узды особенно много двойныхъ орлиныхъ головокъ.—Не менѣе богатъ въ музеѣ отдѣлъ предметовъ, служившихъ украшеніями. Здѣсь находимъ: бусы, браслеты, зеркала, серьги, головныя шпильки, фибулы, разныхъ сортовъ краска и множество медвѣжьихъ зубовъ, игравшихъ, очевидно, роль амулетовъ. Особенно много попадаетъ въ здѣшнихъ курганахъ бусъ; въ одномъ, наприм., курганѣ однѣхъ мелкихъ набрано было столько, что, будучи навязаны, они образовали нитку длиною въ 26 аршинъ, не считая бусъ средней и крупной величины. Въ значительномъ количествѣ встрѣчается здѣсь также особый видъ мелкой раковины, извѣстной подъ именемъ *moneta cirraea*; насколько извѣстно, она видится только на западномъ берегу Африки и присутствіе ея въ курганѣ считается признакомъ его глубокой древности. Попадаютъ раковины и крупныя.

Уже одинъ этотъ общій перечень предметовъ, добытыхъ г. Мазараки, показываетъ, какое серьезное значеніе имѣютъ произведенныя имъ раскопки. Но научный интересъ

этихъ раскопокъ еще больше увеличится, если мы обратимъ вниманіе на географическое положеніе мѣстности, въ которой онѣ производились, сдѣлаемъ классификацію отдѣльныхъ группъ находящихся здѣсь кургановъ и добытый путемъ раскопокъ матеріалъ попытаемся освѣтить съ исторической точки зрѣнія.

Рѣка Сула, протекая чрезъ Роменскій уѣздъ въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, въ предѣлахъ этого уѣзда принимаетъ въ себя съ правой стороны слѣдующихъ шесть притоковъ: Волковцы, Басовку, Ромень, Рашевку, Олаву и Локню. Кромѣ того мѣстность эта изрѣзана глубокими балками, идущими въ направленіи къ перечисленнымъ рѣкамъ и служащими нерѣдко руслами для небольшихъ ручейковъ. Всѣ эти рѣчки и ручейки, протекая по богатымъ растительностью долинамъ, по склонамъ своихъ высокихъ береговъ покрыты были въ старину дремучими лѣсами, состоявшими изъ дуба, ясеня, береста, клена, липы и ольхи. Слѣды этихъ лѣсовъ сохранялись отчасти и по настоящее время; таковъ, напр., „заповѣдный лѣсъ“ вблизи заштатнаго города Глинска; о характерѣ этихъ лѣсовъ можно судить также по матеріалу, употребившемуся на сооруженіе могильныхъ склеповъ. Указаннымъ характеромъ отличается собственно сѣверный правый берегъ Сулы, тогда какъ лѣвая южная ея сторона представляетъ болѣе или менѣе однообразную степень, которая тянется до рѣки Пела, гдѣ повторяется приблизительно тоже явленіе, что и по берегамъ Сулы. Изъ сказаннаго ясно, что всякій кочевой народъ, какъ скоро онъ переходилъ съ лѣваго степнаго берега Сулы на правый, попадалъ въ условія, совершенно противоположныя прежнимъ: обиліе воды и пастбищъ освобождало его отъ необходимости часто перемѣнять мѣсто кочевья; а густые лѣса и высокіе обрывистые берега рѣкъ и долинъ ставили его въ выгодныя условія относительно обороны на случай нападенія врага. Самый врагъ какимъ главнымъ образомъ могли оказаться кочевники южныхъ степей,

здѣсь не могъ появляться особенно часто, потому что Сула все же довольно далеко удалена на сѣверъ отъ главнаго пути, по которому обыкновенно шли восточные народы въ своемъ движеніи на западъ. Все это вмѣстѣ взятое вело къ тому, что воинственный кочевникъ юга, переселившись на правый берегъ Сулы, оставаясь долго на одномъ мѣстѣ въ указанныхъ условіяхъ, мало по малу долженъ былъ отвыкать отъ своихъ хищническихъ привычекъ и обращаться въ мирнаго скотовода, а потомъ и земледѣльца. Это апіорическое соображеніе находятъ, повидимому, полное подтвержденіе въ данныхъ добытыхъ г. Мазараки путемъ археологическихъ раскопокъ.

Весь правый берегъ Сулы, начиная, отъ ея истоковъ, буквально усѣявъ могильными курганами, которые въ предѣлахъ роменскаго уѣзда переходятъ почти въ непрерывную цѣпь, группируясь главнымъ образомъ въ углахъ, образуемыхъ впаденіемъ въ Сулу вышечпазванныхъ ея притоковъ. Важнѣйшія группы, если называть ихъ по имени селеній, возлѣ которыхъ онѣ находятся, будутъ слѣдующія: Константиново, Коровинцы, Графскія Будки, Волковцы, Будки, Аксютинцы, Ромны, Поповка, Ярмолинцы, Глинскъ, Чеберяки, Срыбное. Всѣ эти группы расположены по берегу самой Сулы. Кромѣ того по р. Ромну лежатъ: Липовое, Дуброва (возлѣ хутора Политковскаго) и Медвѣжье. По линіи, служащей водораздѣломъ между Олавою и Локней, вблизи идущей изъ Роменъ большой дороги, расположена мѣстность, носящая названіе Римъ, известная группой кургановъ и цѣлымъ рядомъ укрѣпленій, построенныхъ по системѣ позднѣйшихъ литовскихъ военныхъ сооруженій. Перечисленныя группы кургановъ уже давно обратили на себя вниманіе археологовъ, и, кромѣ г. Мазараки, изслѣдованіемъ ихъ въ той или другой степени занимались: Д. Я. Самоквасовъ, В. Б. Антоновичъ и г. Кибальчичъ. Данныя, добытыя путемъ раскопокъ, даютъ основаніе прежде всего для слѣдующаго вывода. Всѣ эти курганы, по вышнему

своему виду, а еще больше по содержанию въ нихъ, рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи. Специфическою особенностью кургановъ первой категоріи служатъ: значительный объемъ насыпи, обиліе оружія, посуды, принадлежностей лошадиной сбруи, бронзы, животныхъ формъ въ изображеніи предметовъ и слѣды несомнѣннаго вліянія греческаго искусства, что особенно видно изъ присутствія въ курганахъ терракоты и греческихъ амфоръ, несомнѣнно привозныхъ. Изъ группъ, вполнѣ или отчасти изслѣдованныхъ, къ этой категоріи принадлежатъ: Волковцы, Аксютинцы, Поповка, Чеберяки и Ярмолинцы; изъ не изслѣдованныхъ, если судить по внѣшнему виду, къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить также Будковскія, Срыбненскія, Римскія и нѣкот. другія. Самою сѣвѣрною границею области распространенія кургановъ этой категоріи, насколько намъ извѣстно, служатъ городъ Борзна Черниговской губерніи. Добытый изъ кургановъ этой категоріи археологическій матеріалъ даетъ основаніе для слѣдующаго вывода. Оставившій эти курганы народъ велъ по видимому кочевой образъ жизни и отличался воинственностію. Необходимою принадлежностью его были: конь, которому онъ оказывалъ большое вниманіе, лукъ со стрѣлами, копье, топоръ и мечъ прямой или нѣсколько искривленный. Пришелъ этотъ народъ съ юга, гдѣ онъ находился въ близкомъ общеніи съ извѣстными древними греческими черноморскими колоніями, торговую связь съ которыми онъ поддерживалъ, по видимому, и послѣ своего переселенія за Сулу. Когда этотъ народъ впервые появился на правомъ берегу Сулы, сказать трудно; но нѣкоторые изъ находимыхъ въ курганахъ предметовъ несомнѣнно носятъ на себѣ слѣды глубокой древности. Не рѣшаясь утверждать, что предѣлы Геродотовой Скиѣи простирались за Сулу, мы тѣмъ не менѣе увѣрены, что рассматриваемые посульцы несомнѣнно были близкими родичами Скивовъ Геродота, или вѣрнѣе, того народа, который оставилъ послѣ себя въ нашихъ южныхъ степяхъ массу кургановъ, извѣстныхъ въ археологіи

подъ именемъ скинскихъ; сродство посульскихъ кургановъ съ скинскими засвидѣтельствовано учеными авторитетами и не можетъ быть оспариваемо. Народъ, оставившій послѣ себя эти курганы, отодвинуть былъ сюда, по всей вѣроятности, позднѣе, во время распадѣнія скинской державы.— Тѣ же археологическія данныя доказываютъ также, что перешедшій за Сулу скинскій народъ пережилъ здѣсь цѣлый рядъ поколѣній и подвергся въ теченіи этого времени значительному культурному развитію. Доказывается это, во-первыхъ, самымъ количествомъ кургановъ: такая масса въ одной мѣстности не могла образоваться въ короткое время; а во вторыхъ тѣмъ, что, не смотря на общее сходство между собою всѣхъ кургановъ этой категоріи, между отдѣльными группами ихъ замѣчается различіе, свидѣтельствующее о культурномъ ростѣ оставившаго ихъ народа. Последній выводъ получается изъ сопоставленія между собою предметовъ, добытыхъ изъ кургановъ Аксютинскихъ и Поповскихъ. Характеристическую особенность первыхъ составляютъ: присутствіе терракоты и греческихъ бронзовыхъ вазъ, которыя въ Поповкѣ уже не встрѣчаются (Поповскіе курганы почти всѣ раскопаны); обиліе бронзы и разнообразныхъ животныхъ формъ; изъ найденныхъ, напр., въ Поповкѣ шести звенящихъ булавъ только двѣ оказались бронзовыя; остальные же четыре уже сдѣланы изъ желѣза; тогда какъ въ Аксютинцахъ найдены только бронзовыя; точно также между стрѣлами въ Поповкѣ встрѣчаются и даже преобладаютъ желѣзныя, въ Аксютинцахъ—бронзовыя; матеріаломъ для брони въ Аксютинцахъ служили желѣзо и бронза, въ Поповкѣ опять таки только желѣзо. Даже въ формѣ оружія замѣчается различіе: мечи и копья аксютинскихъ кургановъ по своей формѣ считаются болѣе древними, чѣмъ поповскіе. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно объема кургановъ: увлеченіе высотой насыпи, рѣзко выступающее въ Аксютинцахъ, въ Поповкѣ значительно ослабляется. Словомъ, изъ всего видно, что здѣсь мы имѣемъ

дѣло съ однимъ и тѣмъ же народомъ, но стоящимъ на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія: народъ, оставившій поповскіе курганы, очевидно сдѣлалъ уже новый шагъ на пути перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному.

Особенно важенъ для насъ результатъ, получаемый отъ сопоставленія большихъ кургановъ разсматриваемой категоріи съ курганами малыми, принадлежащими къ однимъ и тѣмъ же группамъ съ большими. Необходимо предварительно замѣтить, что въ группахъ количественно выдающихся, на ряду съ курганами большими, попадаются и малые курганы, которые своимъ количествомъ далеко превосходятъ количество большихъ, принадлежащихъ къ однимъ группамъ съ малыми. Въ аксютинской, напр., группѣ, наряду съ курганами, возвышающимися до 30 аршинъ надъ уровнемъ почвы, стоятъ курганы, поднимающіеся еле на нѣсколько футовъ. Послѣдніе частію разбросаны между большими, частію переходятъ въ занимающую значительную площадь отдѣльную группу. На ряду съ большими и малыми попадаютъ курганы средней величины, составляющіе какъ бы переходную ступень отъ первыхъ ко вторымъ. Количественной стороной кургановъ соотвѣтствуетъ, такъ сказать, и качественная: большіе курганы особенно богаты вещами, средніе—бѣднѣе; а въ малыхъ, кромѣ костяка, часто ничего не встрѣчается. Необходимо замѣтить, что при рѣшеніи вопроса о сравнительной величинѣ кургана не достаточно обращать вниманіе только на высоту насыпи; гораздо большее значеніе въ данномъ случаѣ играетъ широта основанія, такъ какъ первоначальная высота кургана, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, могла значительно уменьшиться. Обиліе вещей въ курганѣ имѣетъ, повидимому, также связь съ существованіемъ рва около кургана: изъ двухъ кургановъ одинаковой величины тотъ, который обведенъ рвомъ, обыкновенно бываетъ богаче вещами, чѣмъ необведенный.—Теперь естественно возникаетъ вопросъ: отъ чего произошло указанное количественное и качественное нера-

венство кургановъ одной и той же группы? Обусловливалось ли оно политическимъ и матеріальнымъ неравенствомъ различныхъ классовъ обитавшаго здѣсь народа одного и того же племени, или въ различіи кургановъ слѣдуетъ видѣть слѣды племеннаго различія, происшедшаго отъ покоренія одного народа другимъ, существенно отличнымъ отъ него въ племенномъ отношеніи? Имѣющіяся на лицо данныя говорятъ въ пользу перваго предположенія. Въ дневникахъ г. Мазараки констатировано между прочимъ два факта: 1) обрядъ погребенія покойниковъ какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ курганахъ, одинъ и тотъ же; именно, костяки въ тѣхъ и другихъ одинаково обращены головою въ югъ, а лицомъ на сѣверъ,—форма совершенно не встрѣчающаяся въ курганахъ другой категоріи; 2) какъ ни бѣды малые курганы предметами, но попадающіяся здѣсь вещи, каковы, напр., удила, стрѣлы, бусы, головныя шпильки, глиняныя горшки, ножики,—по характеру своему тождественны съ аналогичными вещами, встрѣчающимися въ большихъ курганахъ. Любопытно то, что оружіе и лошадиныя удила весьма рѣдки въ малыхъ курганахъ и какъ бы замѣвъ ихъ здѣсь попадаются небольшіе ножики, имѣющіе чисто домашнее примѣненіе. Нельзя не обратить вниманіе и на то, что при замѣченномъ сходствѣ въ построеніи череповъ, ножныя кости въ костякахъ большихъ кургановъ отличаются сравнительно большимъ развитіемъ, чѣмъ такія же кости въ костякахъ малыхъ кургановъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ народомъ одного и того же племени, но раздѣляющимся на два класса: классъ людей военныхъ, не разстававшихся съ конемъ, занимавшихъ господствующее положеніе, а потому богатыхъ, и классъ людей, преданныхъ мирнымъ занятіямъ, подчиненныхъ и сравнительно бѣдныхъ. Нисшій классъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ гораздо многочисленнѣе, вслѣдствіе чего и кургановъ малыхъ оказалось гораздо больше, чѣмъ большихъ.

Только что констатированный фактъ имѣетъ полное примѣненіе и въ отношеніи къ курганамъ полесской и

ярмолинской группѣ. Расположенные въ устьи р. Рашевки большіе поповскіе курганы постепенно переходятъ въ расположенную въ устьи Олавы ярмолинскую группу, которая уже состоитъ изъ кургановъ малыхъ, среди которыхъ все еще попадаются и большіе. Здѣсь повторяется тоже явленіе, которое мы видѣли и въ Аксютинцахъ, именно—громадная въ количественномъ отношеніи группа малыхъ ярмолинскихъ кургановъ представляетъ явленіе аналогичное съ малыми аксютинскими курганами; оружіе, кромѣ стрѣлъ, здѣсь вовсе не встрѣчается; а попадающіеся предметы украшенія—головныя шпильки, бусы, браслеты, серьги и проч., ничѣмъ, кромѣ развѣ своей скромности, не отличаются отъ такихъ же предметовъ, находимыхъ въ большихъ курганахъ аксютинской и поповской группѣ. Но кромѣ этого сходства здѣсь мы встрѣчаемся съ слѣдующею въ высшей степени важною для насъ особенностью, именно—въ положеніи костяка здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторое различіе отъ прежде указаннаго типа: головою здѣсь костяки обращены уже не прямо на югъ, а замѣтно отклонены на юго-западъ, лицомъ же на сѣверо-востокъ. Обращаемъ на этотъ фактъ особенное вниманіе потому, что онъ служитъ важною характеристическою переходною чертою отъ кургановъ аксютинскихъ и поповскихъ къ курганамъ липовскимъ, гдѣ твердо установился типъ погребенія головою прямо на западъ, а лицомъ на востокъ.

Громадная группа липовскихъ кургановъ, съ которыми тождественны курганы, расположенные въ чертѣ города Роменъ, а быть можетъ и курганы Дубровы, составляетъ самостоятельную новую категорію съ твердо установившимися типическими особенностями. Трудами Д. Я. Самоковцова, С. А. Мазаряки и г. Кибальчица въ этой группѣ раскопано около 150 кургановъ. Форма погребенія покойниковъ и добытые изъ кургановъ предметы служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ славянами. Но особенно важно то, что область распростра-

ненія кургановъ, тождественныхъ съ липовскими, простирается далеко на западъ до самаго Днѣпра, гдѣ она широко раскинулась въ направленіи съ сѣвера на югъ: болѣе 500 кургановъ въ окрестностяхъ города Чернигова, болѣе 1000 кургановъ у города Переяслава полтавской губерніи, до 30 кургановъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ у села Лариновки и до 50 кургановъ у села Мериновки подъ Стародубомъ, будучи, какъ это засвидѣтельствовалъ Д. Я. Самогвасовъ (Антрополог. Выставка Общ. Любит. естествозн. т. II стр. 243), „совершенно сходны по формѣ и величинѣ насыпей, по устройству могилъ, положенію остововъ въ могилахъ и вещахъ, при нихъ найденныхъ“, въ тоже время, какъ оказывается, совершенно сходны въ разсматриваемомъ отношеніи и съ курганами липовскими, занимающими громадное пространство десятинъ въ 80. Вотъ какъ напр. г. Самогвасовъ характеризуетъ вышеупомянутые Черниговскіе курганы: „во всѣхъ курганахъ костяки были находимы ниже земной поверхности, въ могилахъ на глубинѣ отъ одного аршина и двухъ четвертей до трехъ аршинъ, съ головами, обращенными на западъ, лицомъ вверхъ и руками, сложенными на груди или на животѣ, безъ украшеній или съ бѣдными украшениями, состоявшими изъ сережекъ, ушныхъ колецъ, бусъ, привѣсокъ, ручныхъ колецъ, желѣзныхъ вожиковъ, пражекъ, пуговокъ, серебрянныхъ позументовъ“ и пр. (ibid). Читая эту характеристику, можно подумать, что она извлечена изъ не изданныхъ еще дневниковъ г. Мазараки, составленныхъ при раскопкѣ кургановъ липовскихъ. Такъ разительно сходство между этими отдѣльными группами. По свидѣтельству же г. Кибальчича, и курганы у города Канева кievской губерніи „по формѣ и содержанію тождественны съ курганами у села Липоваго и города Ромны“ (ib. стр. 98). Есть также много общаго между названными курганами и бѣлгородской группой, расположенной въ суджанскомъ уѣздѣ, въ миропольской волости, у Бѣлгородской Николаевской пустыни, на воз-

вышенномъ берегу р. Псла (ib. 180), хотя г. Самоквасовъ и затрудняется признать эти группы тождественными.

Послѣ всего сказаннаго естественно возникаетъ вопросъ: какъ смотрѣть на взаимное отношеніе двухъ выше-разсмотрѣнныхъ катеорій кургановъ, изъ которыхъ первую для удобства назовемъ *скиѣскою*, а вторую *славянскою*? Принадлежали ли онѣ двумъ совершенно различнымъ въ племенномъ отношеніи народамъ, или же онѣ оставлены однимъ и тѣмъ же народомъ, но жившимъ, такъ сказать, въ различное время своего историческаго существованія и находившимся въ разное время на различныхъ ступеняхъ историческаго развитія? Мы не находимъ ничего неправдоподобнаго въ послѣднемъ предположеніи. Для насъ представляется неправдоподобнымъ, чтобы многочисленный народъ, оставившій послѣ себя цѣлое море покойниковъ, слѣдовательно прожившій на одномъ мѣстѣ не малое время и обнаружившій, какъ мы видѣли, слѣды историческаго роста, могъ исчезнуть безслѣдно, не оставивъ послѣ себя прямыхъ потомковъ. Въ южныхъ безлѣсныхъ степяхъ, гдѣ мѣстность открыта для нападенія враговъ и гдѣ уже на памяти исторіи не разъ происходила борьба между старыми и вновь появившимися кочевыми народами, тамъ исчезновеніе цѣлаго племени, хотя бы даже сильнаго и многочисленнаго, дѣло не невозможное; но въ рассматриваемой нами области, отдѣленной отъ южной степи тремя такими своего рода баррикадами, какъ возвышенныя, изрѣзанныя балками и покрытыя лѣсомъ, берега Сулы, Псла и Ворсклы, — безслѣдное исчезновеніе изъ исторіи цѣлаго, долго жившаго на одномъ мѣстѣ, народа, намъ представляется мало вѣроятнымъ. Что же касается бросающагося на первыхъ порахъ въ глаза рѣзкаго различія между скиѣскими и славянскими курганами, то оно кажется намъ значительнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы не обращаемъ вниманія на то существенно важное въ данномъ случаѣ обстоятельство, что

большими скинскими курганами не исчерпывается вся категория этих кургановъ, и что къ этой же категоріи, какъ мы видѣли, относится и масса малыхъ кургановъ, которые, какъ по вѣшнему своему виду, такъ и по бѣдности находимыхъ въ нихъ вещей ничѣмъ не отличаются отъ большинства славянскихъ кургановъ. Если же существуетъ различіе въ самомъ характерѣ вещей, то это совершенно естественно: иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ эпохахъ, раздѣленныхъ между собою цѣлыми вѣками. Источникъ обогащенія, къ которому прибѣгалъ воинственный, легко подвижный кочевникъ, закрылся для него, какъ только онъ превратился въ мирнаго, осѣдлаго земледѣльца. Достаточно, напр., чтобы въ южныхъ степяхъ появился сильный, воинственный кочевой народъ, и, отрѣзанный отъ сношенія съ черноморскимъ побережьемъ обитатель Сулы, волей не волей, долженъ былъ отказаться отъ употребленія привозныхъ греческихъ амфоръ и терракоты и обратить ея къ грубой посудѣ мѣтнаго приготовленія. Не нужно также забывать и того, что съ измѣненіемъ образа жизни измѣняются и потребности. Погоня, напр., за бронзовыми побрякушками, которыми кочевникъ украшаетъ узду своего любимаго воя, теряетъ всякій смыслъ для земледѣльца и онъ охотно промѣняетъ ихъ на самый незамѣлимый желѣзный ножикъ. Это же слѣдуетъ сказать и относительно положенія костяковъ въ могилахъ. Скиены почему-то обращали своихъ покойниковъ головою на югъ. Если сущность обряда у нихъ въ данномъ случаѣ выражалась въ направленіи туловища вообще и головы въ частности, то, обращая своихъ покойниковъ головою на югъ, скиены въ этомъ случаѣ придерживались вѣрованія всѣхъ кочевыхъ народовъ, относящихся къ югу съ особымъ религіознымъ почитаніемъ. Извѣстно, напр., что и монголо-татары въ своихъ молитвахъ обращались къ югу. Если же допустить, что главную роль въ данномъ случаѣ играло направленіе лица, то можно предположить, что, обращая

своихъ покойниковъ лицомъ на сѣверъ, скіены имѣли въ виду придать имъ такое положеніе, какого держался весь народъ во время своего передвиженія съ юга на сѣверъ, въ область Сулы. Какъ бы то впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ того какъ кочевникъ превращался въ земледѣльца, въ миеологическихъ вѣрованіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ формѣ погребенія, должно было происходить измѣненіе. И дѣйствительно уже ярмолинская группа представляетъ, какъ мы видѣли, значительное отклоненіе отъ общепринятой въ скіенскихъ курганахъ формы: здѣсь покойники обращены лицомъ уже не прямо къ сѣверу, а къ сѣверо-востоку, т. е. здѣсь уже видно проявленіе возрѣвнй земледѣльческаго народа, почитающую своимъ верховнымъ божествомъ солнце и поэтому погребаящаго своихъ покойниковъ лицомъ на востокъ. Наконецъ, въ липовской и тождественныхъ съ нею группахъ эта новая форма совершенно торжествуетъ и здѣсь покойники владутся лицомъ прямо на востокъ. Что же касается положенія костява относительно уровня земли, то въ этомъ отношеніи въ курганахъ обѣихъ категорій удерживается одна и таже форма: костяви вездѣ лежатъ ниже поверхности земли. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ курганахъ, оставленныхъ другими славянскими племенами, въ разсматриваемомъ отношеніи замѣчается большое разнообразіе: въ однихъ покойники клались на поверхности земли, въ другихъ—въ насыпи кургана, въ третьихъ—сожигались.

Но всякая гипотеза настолько принимается наукой, насколько она необходима для науки, т. е. насколько она объясняетъ факты, трудно или вовсе необъяснимые съ иной точки зрѣнія. Въ виду этого естественно возникаетъ вопросъ: нужна-ли выдвигаемая нами гипотеза для исторической науки? Жившій по Сулѣ кочевой народъ также легко могъ удалиться отсюда, какъ и пришелъ сюда. Что же касается славянскихъ посульскихъ поселеній, то фактъ появленія ихъ, повидимому, достаточно объясненъ въ нашей

лѣтописи. Въ начальной русской лѣтописи прямо сказано: „а друзиа съдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь“. Здѣсь ясно выражено, что область разселенія сѣверянъ не ограничивалась системою Десны и Семи, а простиралась далеко на югъ, въ область Сулы. Но въ томъ то и дѣло, что отождествлять посульскихъ или вообще—перемыславльскихъ славянъ съ черниговскими сѣверянами мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. Что область разселенія сѣверянъ могла доходить до р. Сулы, это совершенно правдоподобно; но что область р. Сулы или вѣрнѣе—весь сѣверный уголъ, образуемый впаденіемъ Сулы въ Днѣпръ, заселенъ былъ въ древности на значительномъ пространствѣ отличнымъ отъ сѣверянъ племенемъ, послужившимъ потомъ основой для перемыславскаго княжества, это фактъ, который въ настоящее время слѣдуетъ считать вполне доказаннымъ. На основаніи данныхъ, заимствуемыхъ частію изъ лѣтописи, частію добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, типъ сѣверянской народности съ нѣкоторыхъ сторонъ достаточно выясненъ. Въ начальной лѣтописи о сѣверянахъ, совмѣстно съ радимичами и вятичами, между прочимъ сказано: „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверь одинъ обычай имяху:... аще кто умрише, творяху трызну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и возложашуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложашу въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ“ (П. С. Р. Д. т. I стр. 6). Это прямое свидѣтельство вашего древнѣйшаго лѣтописца о сожиганіи сѣверянами своихъ покойниковъ въ настоящее время вполне подтверждено археологическими данными, добытыми Д. Я. Самоквасовымъ путемъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ области, отведенной тѣмъ же лѣтописцемъ для сѣверянскихъ поселеній („Сѣверянскіе курганы“. См. Труды Третьяго Археол. съѣзда въ Россіи. Кіевъ 1878 г. т. I.). Отождествлять послѣ этого черниговскихъ сѣверянъ съ посульско-перемыславскими славянами это значитъ противо-

рѣчить непосредственно очевидной истинѣ. Есть даже основаніе думать, что принадлежащіе послѣднимъ курганы, какъ это можно судить на основаніи найденныхъ въ нихъ предметовъ, должны быть отнесены къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ курганы сѣверянскіе, или по крайней мѣрѣ оставившій ихъ народъ стоялъ на болѣе низкой степени культурнаго развитія, чѣмъ сѣверяне. Въ сѣверянскихъ, напр., курганахъ можно встрѣтиться съ богатымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ мечей, кольчугъ, шлемовъ, топоровъ, ножей, съ слитками не только серебра, но и золота, съ монетами позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ и проч., между тѣмъ какъ въ курганахъ второй категоріи, хотя ихъ разрыто не менѣе первыхъ, ничего подобнаго не найдено. Напротивъ, здѣсь можно встрѣтиться еще съ такими курганами, въ которыхъ весь комфортъ погребальнаго обряда сводится къ подстилкѣ изъ берестовой коры (см. тамъ же).

Но если посульскихъ славянскихъ поселеній нельзя объяснить колонизаціей сосѣднихъ сѣверянъ, то нельзя ли въ нихъ видѣть слѣды колонизаціи первыхъ кіевскихъ князей, которые много хлопотами объ укрѣпленіи границъ со стороны степи. Уже объ Олегѣ, напр., извѣстно, что онъ „нача города ставити“ (П. С. Р. Д. т. I. стр. 10); а о Владимірѣ св. въ этомъ отношеніи сохранилось точное свидѣтельство, что онъ „нача города ставити по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежи, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужъ лучшій отъ Словенъ, отъ Кривичъ, и отъ Чуди и отъ Вятчъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ“ (тамъ же стр. 52). Но если процессъ заселенія разсматриваемаго края объяснить исключительно княжеской колонизаціей, то, основываясь на приведенномъ свидѣтельствѣ лѣтописи, придется прежде всего допустить, что не только область Трубежа, Сулы и Стугны, но даже и область Десны и Остра до самаго Владиміра были не заселены, а это уже ни съ чѣмъ несообразно; тѣмъ болѣе, что главный культурно-политическій центръ разсматривае-

мага племени, Переяславль, существовалъ еще въ докняжескій періодъ. Уже въ договоръ съ греками перваго киевскаго князя Олега онъ выступаетъ какъ значительный политическій и торгово-промышленный центръ, наряду съ такими городами, какъ Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ и друг. (тамъ же 13). Не нужно также забывать, что колонизованное при указанныхъ условіяхъ населеніе, какъ это видно изъ приведеннаго лѣтописнаго свидѣтельства, должно было отличаться большою пестротой: здѣсь попадался и Словенинъ съ береговъ Ильменя, и Кривичъ, и Вятичъ, и Чудинъ и друг.; эта этнографическая пестрота должна была обнаружиться въ разнообразіи формы погребальнаго обряда, а между тѣмъ археологическія данныя ясно доказали, что въ рассматриваемой области въ дохристіанскую эпоху за немногими исключеніями, наряду съ сѣверянскимъ обрядомъ трупосожженія, существовалъ другой твердо установленный обрядъ погребенія, несомнѣнно свидѣтельствующій о племенномъ единствѣ обитателей этого края. Нужно также помнить, что вновь сооружавшіеся князьями города были прежде всего стратегическими пунктами, и, какъ таковыя, находились подъ зоркимъ наблюденіемъ самихъ князей, управлявшихъ ими чрезъ своихъ мужей. А развѣ Владиміръ, столько заботившійся о насажденіи христіанства, позволилъ бы, чтобы во вновь созданныхъ имъ городахъ, или вѣрнѣе крѣпостяхъ, свободно проявляло себя язычество! Вѣдь онъ „нача города ставити“ уже тогда, когда сдѣлался христіаниномъ.—Словомъ, на основаніи однихъ только лѣтописныхъ свидѣтельствъ нѣтъ возможности объяснить фактъ происхожденія посульскихъ славянъ, и это, конечно, потому, что они не принадлежали къ числу племенъ, пришедшихъ съ Дуная, которыми главнымъ образомъ интересуется нашъ лѣтописецъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы объ этой вѣтви Славянъ не сохранилось никакихъ письменныхъ извѣстій. Извѣстно, что древнѣйшіе писатели дѣлили славянъ на двѣ главнѣйшія вѣтви: западныхъ—Славянъ и восточныхъ—

Антовъ. Иорнадъ помѣщаетъ Антовъ въ окрестностяхъ Понта между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Проконій же отодвигаетъ ихъ еще восточнѣе. „Меотійскій заливъ, говоритъ онъ, впадаетъ въ Понтъ Евксинскій. Тамошніе обитатели, именованшіеся прежде киммерійцами, теперь уже называются Утургурами. Дальнѣйшіе края къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ“. Если допустить, что эти писатели (VI в.) не противорѣчатъ другъ другу, то придется признать, что въ VI в. часть Антовъ жила между Днѣстромъ и Днѣпромъ; другая же часть занимала пространство на востокъ отъ Днѣпра и на сѣверъ отъ Азовскаго моря. Но прежде этого раздѣленія всѣ Анты, какъ сказано будетъ ниже, по всей вѣроятности жили вмѣстѣ, и именно въ посульской области, гдѣ они и оставили послѣ себя цѣлое море покойниковъ: не даромъ же Проконій называютъ ихъ народомъ *безчисленнымъ* (populi Antarum infiniti). Будучи аборигенами занимаемой области, они не попали въ списокъ племенъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ выводитъ съ Дуная; но за то онъ упоминаетъ о нихъ, когда говоритъ о завоевательной дѣятельности первыхъ киевскихъ князей. Къ сожалѣнію, данныя, заключающіяся на этотъ счетъ въ лѣтописяхъ, крайне сбивчивы. Сбивчивость эта обусловливается прежде всего обиліемъ вариантовъ въ самомъ названіи. Въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ они носятъ различное названіе: Улучи, Уличи, Улицы, Угличи, Улутичи, Лютичи, Лутичи, Лучане, Суличи. Не совсѣмъ ясно указано въ лѣтописи и географическое положеніе этого племени. Въ Лаврентіевскомъ спискѣ читаемъ: „а Улучи, Тиверьци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву; бѣ бо множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуоѣ“ (т. I стр. 5). Напротивъ, въ спискахъ Ипат., Радз. и Троицк. сказано, что они жили „по Бугу и по Днѣпру“. Никоновская лѣтопись, сказавъ о покореніи ихъ Игоремъ, добавляетъ: „И бѣша сѣдѣше Угличи по Днѣпру внизъ; и по семь придоша межѣ

воинъ дѣстръ, и сѣдоша тамо^а (т. IX, стр. 26; сравн. также варианты т. V, стр. 97 и т. VII, стр. 277). Вотъ эти-то данныя послужили основаніемъ для дѣлаго ряда догадокъ и предположеній какъ относительно названія разсматриваемаго племени, такъ и относительно его географическаго положенія. Татищевъ, принявъ въ основаніе вариантъ „Угличи“, полагалъ, что они жили по лѣвому притоку Днѣпра—Орели, „его же, по словамъ Ипатіевской лѣтописи, Русь зоветъ Уголь“ (т. II, стр. 128). Шлецеръ, предпочитая вариантъ „Суличи“ всѣмъ остальнымъ, готовъ былъ бы производить это названіе отъ р. Сулы; но его смущаетъ извѣстіе лѣтописи о томъ, что Суличи, вмѣстѣ съ Тиверцами „сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву“ (Несторъ. Ч. II, стр. 280). Карамзинъ тоже признаетъ чтеніе „Суличи“ и признаетъ ихъ народомъ, жившимъ по р. Сулѣ и родственнымъ черниговскимъ сѣверянамъ. Но онъ не игнорируетъ и другіе варианты. Лутичи, напр., вмѣстѣ съ Тиверцами, по его мнѣнію, „жили по Днѣстру до самаго моря“. Угличи (если это не описка вмѣсто Суличи), по его мнѣнію, „обитали нѣкогда близъ рѣки Орели, и поселились наконецъ не далеко отъ Переяславля и Кіева, гдѣ былъ городъ Пересѣчень“. Сообразно съ этимъ и выраженіе Никоновской лѣтописи: „межи воинъ дестръ“ онъ предлагаетъ читать: межи Воинъ и Днѣпръ“, „ибо, добавляетъ онъ, Воинемъ называлась рѣка или мѣсто за Переяславлемъ на востокъ“ (Ист. Г. Р. Изд. 1842 г., т. I, стр. 77 и примѣч. 301 и 362). Совершенно иначе смотритъ на дѣло Шафарикъ. Вариантъ „Суличи“ онъ категорически отвергаетъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ потому, что „жители Сулы были сѣверяне“, во вторыхъ потому, что названіе Суличи, если его производить отъ р. Сулы, будетъ *необикновеннымъ*; правильная же его форма должна быть Суляне (Слав. Др., т. II, кн. I, стр. 209). Изъ другихъ же вариантовъ Шафарикъ предпочитаетъ „Угличи“ и думаетъ, что племя это жило сначала по обѣимъ сторонамъ р. Буга до самаго Днѣпра. „Послѣ, вѣроятно

тѣснимыя Печенѣгами, вышли они (Угличи) оттуда въ Сѣверскую Землю, на р. Воинѣ, называемую теперь Вьюкою, и впадающую слѣва въ Остерѣ (нѣкогда, можетъ быть Естерѣ, откуда испорченное въ рукописяхъ Дестрѣ, Дрестрѣ, Днѣстрѣ), ниже Нѣжина, въ губерніи Черниговской“ (тамъ же стр. 210).—Оба эти возраженія Шафарика противъ варианта Суличи не имѣютъ значенія. Послѣ указанныхъ археологическихъ раскопокъ о племенномъ тождествѣ Посулцевъ съ Сѣверянами не можетъ быть и рѣчи. Мнѣніе же, что названіе Суличи не могло произойти отъ р. Сулы, основано на ошибочномъ предположеніи, будто бы форма на „ичи“ можетъ быть только въ названіяхъ народныхъ, происшедшихъ отъ именъ родоначальниковъ колѣнъ (попеч *patronumicum*) и никогда будто бы не встрѣчается въ именахъ топическихъ или мѣстныхъ, происшедшихъ отъ названій краевъ, острововъ, городовъ, горъ, рѣкъ и озеръ. Мнѣніе это опровергается существованіемъ массы именъ, не подходящихъ подъ это правило. Таковы напр.: Боровичи, Деревичи, Дорогожичи, Горыничи, Мѣстичи, Низовичи, Онопличи, Березовичи, Москвичи, Псковичи, Тверичи, Пермичи, Тотничи, Вымичи, Сысоличи и проч. Послѣднія два названія взяты изъ документа, въ которомъ идетъ рѣчь о населеніи, занимавшемся рыбнымъ и другими промыслами по рѣкамъ Выми и Сысолѣ. Впрочемъ, если имѣть въ виду, что наши Славяне, какъ водопоклонники, боготворили рѣки, то названіе Суличи можетъ быть разсматриваемо и какъ попеч *patronumicum*: Суличи, т. е. потомки божества Сулы. Названіе это могло образоваться также, какъ образуются происходящія отъ женскихъ именъ фамиліи: Мариничи, Катериничи и проч.

Изъ мнѣній позднѣйшихъ ученыхъ по этому вопросу мы отмѣтимъ слѣдующія. Ф. К. Брунъ принимаетъ чтеніе „Угличи“ и производитъ это названіе отъ *ула*, образуемаго нижнимъ теченіемъ рѣки Днѣпра и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, гдѣ, по его мнѣнію, жили Угличи.—Наде-

ждинъ тоже принимаетъ это чтеніе, но думаетъ, что угличъ занимали степную часть теперешней Бессарабіи, т. е. *уголь*, или изгибъ Черноморскаго побережья между устьями Днѣстра и Дуная, который до сей поры называется турецко-татарскимъ словомъ Буджакъ, что значитъ „Уголь“. Н. П. Барсовъ, возражая противъ Надеждина, замѣчаетъ, что въ древней Руси заливы и вообще изгибы морскаго побережья назывались *лукою моря*, *лукоморьемъ*; въ виду этого онъ склоненъ принять чтеніе „Улучи“ (Улучци) и производить его отъ слова „лука“—изгибъ, заливъ; Улучи—жители излучистаго поморья (Очерки Русск. Историч. Географ. Изд. второе стр. 96—97 и примѣч. 162). Но для насъ особенно важно слѣдующее замѣчаніе академика А. Э. Бычкова. Онъ находитъ, что „всѣ варианты этого имени указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было Ульци (=Уличи)“. Соглашаясь съ этимъ авторитетнымъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что это написаніе, послуживъ основаніемъ для остальныхъ вариантовъ, само получило путемъ описки, допущенной переписчикомъ въ чтеніи „Суличи“. Это непосредственно очевидно изъ сопоставленія тѣхъ вариантовъ, въ которыхъ до насъ записанное подъ 885 годомъ извѣстіе лѣтописи о борьбѣ Олега съ этимъ славянскимъ племенемъ и Тиверцами. Изъ сопоставленія этихъ вариантовъ прежде всего видно, что первоначальное чтеніе сохранилось въ спискахъ Радзивиловскомъ и Троицкомъ и что варианты остальныхъ списковъ произошли вслѣдствіе описки, допущенной въ этомъ именно чтеніи. Въ Радз. и Троицк. спискахъ мѣсто это читается такъ. Перечисливъ племена, которыми уже владѣлъ Олегъ, лѣтописецъ добавляетъ: „а съ суличи и тиверци имяше рать“. Благодаря стеченію здѣсь двухъ одинаковыхъ согласныхъ—„с“, одна изъ нихъ легко могла быть пропущена переписчикомъ, и вотъ, вслѣдствіе описки, получился слѣдующій вариантъ Лаврентіевскаго списка: „а суличи и тиверци имяше рать“. Но такъ какъ такое чтеніе оказалось

безграмотнымъ, то слѣдующій переписчикъ оттянулъ отъ существительнаго *суличи* начальное *с*, которое овъ принялъ за предлогъ, и такимъ образомъ получился слѣдующій вариантъ Ипатіевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ: „а со уличи и тиверьди имяше рать“. А изъ этого варианта (уличи), какъ полагаетъ А. Э. Бычковъ, впоследствии, путемъ дальнѣйшаго искаженія уже искаженнаго, а потому не понятнаго слова, могли образоваться и остальные варианты. Впрочемъ, едва ли есть крайняя необходимость происхожденіе всѣхъ этихъ вариантовъ объяснять искаженіемъ одного первоначальнаго чтенія. Дѣло въ томъ, что если признать съ Прокопіемъ, что Анты были многочисленны, то они безъ сомнѣнія дѣлились на отдѣльные роды, изъ которыхъ каждый могъ носить свое собственное названіе. Впоследствии нѣкоторые изъ этихъ родовъ могли утратить свою самостоятельность и слиться съ другими; но имена ихъ могли еще долго сохраняться въ народномъ преданіи. Вотъ эти-то имена и могли сбивать съ толку позднѣе жившихъ лѣтописцевъ и ихъ переписчиковъ, которые къ тому же не принадлежали къ антской вѣтви славянскаго племени. Какъ бы тамъ впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ вариантъ *Суличи* имѣетъ всѣ права на то, что бы за нимъ признать преимущество предъ всѣми другими вариантами. Вариантъ этотъ, во первыхъ, встрѣчается въ трехъ лѣтописныхъ спискахъ: Лаврентіевскомъ, Радзивиловскомъ и Троицкомъ, представляющихъ древнѣйшія редакціи лѣтописнаго свода. Правда, издатели Лаврентіевской лѣтописи чтеніе рукописи: „а суличи“ передѣлали въ „а съ Уличи“; но такая передѣлка совершенно произвольна и опровергается, какъ мы видѣли, вариантами такихъ древнихъ списковъ, какъ Радз. и Троицк., не сомнѣнно показывающихъ, что чтеніе *Суличи* не есть какое нибудь единичное исключеніе. Во вторыхъ, чтеніе *Суличи* совершенно естественно объясняется фактомъ существованія въ посульской области отдѣльнаго, совершенно отличнаго отъ сосѣднихъ сѣверянъ, племени, которому всего естественнѣе было называться Суличами.

Подводя итоги сказанному и принимая въ соображеніе нѣкоторыя историческія обстоятельства, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ.

Во время распадениа скинской державы, одинъ изъ входившихъ въ ея составъ народовъ, уступая напору съ юга, двинулся на сѣверъ и поселился въ области рѣкъ Сулы и Десны. Когда это случилось, сказать конечно трудно. Можно только отмѣтить, что дробленіе скинскихъ владѣній начинается уже со временъ Фукидида (424 г. до Р. Х.), а окончательный ударъ скинскому могуществу нанесенъ былъ Сарматами, одно изъ племенъ которыхъ — Роксолане въ 94 г. предъ Р. Х. уже несомнѣнно владѣли пространствомъ между Днѣпромъ и Дономъ. Нѣтъ также данныхъ для рѣшенія и того вопроса, какой именно изъ извѣстныхъ Геродоту скинскихъ народовъ сдѣлался предкомъ нашихъ Сулячей. Но если руководиться въ данномъ случаѣ хотя и сбивчивыми географическими указаніями Геродота, то придется предположить, что это были скины, занимавшіеся земледѣліемъ, которыхъ Геродотъ дѣлитъ на двѣ категоріи: γεωργοὶ и ἀροτῆρες. Если, далѣе, принять во вниманіе выше приведенныя археологическія данныя, то необходимо признать, что земледѣліемъ у этихъ скиновъ занимался собственно низшій классъ народа; аристократія же представляла изъ себя нѣчто въ родѣ военной дружины, необходимою принадлежностью которой были конь и мечъ. Вообще, о характерѣ ихъ культуры можно, повидимому, сказать тоже, что въ свое время сказалъ Тацитъ о Венадахъ, т. е., что хотя они и дома строили, и щиты употребляли, и пѣшкомъ быстро ходили, словомъ, хотя они обнаруживали несомнѣнные признаки осѣдлаго быта, но это тѣмъ не менѣе не мѣшало имъ, гонясь за военной добычей, пробѣгать лѣса и горы... Нельзя также съ точностью опредѣлить и границъ занятой ими области. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ тогда, когда у насъ появятся правильно составленныя археологическія карты. На основаніи же теперь имѣющихся данныхъ можно пред-

положительно допустить, что мѣстомъ первоначальнаго ихъ поселенія былъ правый берегъ Сулы и что только впоследствии, путемъ колонизаціи, они проникли въ систему Десны и въ другія мѣста.—Какова была судьба этихъ новыхъ поселенцевъ посульскаго края въ періодъ до начала втораго вѣка по Р. Хр., мы не знаемъ. Но въ это время они подверглись нападенію со стороны пришедшихъ съ Дуная своихъ единоплеменниковъ. Въ царствованіе Трояна (98—117), какъ извѣстно, римлянами („волохами“ нашего лѣтописца) окончательно завоевано было гето-дакійское царство. Уступая этому напору, жившія по Дунаю славянскія племена двинулись на сѣверъ и при-висянскія области ¹⁾. Систему Десны заняли Сѣверяне, которые, прежде чѣмъ укрѣпиться здѣсь, должны были выдержать борьбу съ Суличами. Перевѣсъ въ этой борьбѣ оказался на сторонѣ Сѣверянъ. Уступая давленію послѣднихъ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ, часть Суличей двинулась на югъ и заняла низовья Днѣпра; а потомъ передвинулась далѣе къ западу. Послѣдній фактъ и занесенъ былъ въ тотъ лѣтописный матеріалъ, которымъ потомъ воспользовался составитель Никоновской лѣтописи, помѣщающій Суличей между Бугомъ и Днѣпромъ. Иорнандъ, называя ихъ Антами, отводитъ имъ пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ; а наша начальная лѣтопись, замѣтивши, что „суть гради ихъ и до сего дне“, утверждаетъ, что они, совместно съ тиверцами, „сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву... оли до моря“. Для примиренія этихъ не совсѣмъ согласныхъ свидѣтельствъ необходимо предположить, что каждое изъ нихъ отмѣчаетъ отдѣльный моментъ въ процессѣ постепеннаго передвиженія Суличей съ востока на западъ; здѣсь кое-что, впрочемъ, можетъ быть отнесено и на счетъ неточности свидѣтельствъ, которая въ данномъ случаѣ совершенно естественна, такъ

¹⁾ Д. Я. Самоковсовъ, „Исторія Русскаго права“, выпускъ II. См. также нашу рецензію на это сочиненіе. Труды Кіевск. Дух. Ак. 1885 г. февраль.

какъ здѣсь дѣло касается факта постепеннаго расширенія племенемъ своихъ владѣнй въ извѣстномъ направленіи; а точное указаніе границъ въ подобныхъ случаяхъ не всегда возможно. Вотъ эта-то южная вѣтвь Антовъ, по свидѣтельству Иорнанда, въ концѣ IV вѣка вела борьбу съ остъ-готскимъ королемъ Винитаремъ, который, послѣ первой неудачи, оправился и потомъ въ отищеніе распялъ на крестѣ ихъ государя Божа, съ его сыновьями и семидестью вельможами. Эти же конечно черноморскіе Анты, по свидѣтельству Прокопія, совмѣстно съ Гуннами и Славянами, въ царствованіе Юстиніана производили извѣстные опустошительные набѣги на Балканскій полуостровъ. Съ ними же, подъ именемъ Суличей, „имаше рать“ Олегъ; ихъ-то наконецъ покорилъ воевода Игоря Свѣцельдъ, долго не могшій справиться съ ихъ крѣпкимъ городомъ Пересѣченомъ.

Почти такая же судьба была и той вѣтви Антскаго племени, которая осталась на своей родинѣ. Что не всѣ Анты оставили берега Сулы и удалились на югъ, это непосредственно очевидно изъ словъ современника Иорнанда Прокопія, который, какъ мы уже видѣли, жилища Антовъ полагаетъ къ сѣверу отъ Меотиды. Нужно впрочемъ замѣтить, что называя ихъ народомъ *безчисленнымъ* (*infiniti*), Прокопій въ всей вѣроятности имѣлъ въ виду не однихъ только Антовъ, а и ихъ ближайшихъ сосѣдей, Славянъ при-днѣпровскихъ и въ частности Сѣверянъ; хотя въ другомъ мѣстѣ, подобно Иорнанду, онъ ясно отдѣляетъ Славянъ отъ Антовъ, считая ихъ двумя вѣтвями одного племени, называвшагося прежде Спорами. Географическое положеніе посульскихъ Антовъ было причиною того, то они первые изъ восточныхъ славянскихъ племенъ должны были выносить удары разныхъ кочевыхъ ордъ, съ конца IV вѣка часто появлявшихся въ Черноморскихъ степяхъ. Такъ, когда во второй половинѣ VI в. въ Черноморскихъ степяхъ утвердились Авары, они, подстрекаемые Кутургурами, открыли рядъ опустошительныхъ набѣговъ на Антскія земли. Анты попробовали было

вступить съ ними въ мирные переговоры, но Авары убили ихъ посла Мезаміра и еще съ большею свирѣпостью стали разорять земли Антовъ, выводя оттуда массу плѣнниковъ и получая богатую добычу (559—561 гг.). Подобныя опустошительныя войны сильно должны были ослабить могущество этихъ Суличей и они легко могли подпасть подъ власть сосѣднихъ Сѣверянъ. Вмѣстѣ съ Сѣверянами они потомъ покорены были Хозарами, и съ ними же наконецъ вошли въ составъ Кіевскаго княжества. Вообще, судьба Суличей въ позднѣйшее время тѣсно связана была съ судьбою черниговскихъ Сѣверянъ, которые по всей вѣроятности утвердили свое господство и въ ихъ племенномъ центрѣ—Переяславлѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что эти Суличи, подобно Дреговичамъ, не указаны лѣтописцемъ въ числѣ племенъ, съ которыми вели борьбу первые собиратели Руси. Какъ Дреговичи вошли въ составъ новаго государства вмѣстѣ съ полоцкими Кривичами ¹⁾, такъ Суличи признали надъ собою власть кіевскихъ князей вмѣстѣ съ Сѣверянами.

Цѣль настоящей нашей статьи заключается въ историческомъ освѣщеніи добытаго путемъ археологическихъ раскопокъ весьма важнаго въ научномъ отношеніи историческаго матеріала. Благодаря отрывочности данныхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло въ данномъ случаѣ, высказанная нами основная мысль имѣетъ гипотетическій характеръ. Основное наше положеніе можно формулировать такъ. Въ области рѣки Сулы издревле существовало два народа: одинъ *древнѣйшій*, другой *позднѣйшій*. Фактъ этотъ констатированъ на основаніи археологическихъ данныхъ, которыя въ данномъ случаѣ важнѣе всякихъ письменныхъ источниковъ. Для древнѣйшаго изъ этихъ народовъ

---

¹⁾ См. нашу статью „Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“. „Труды Кіевской Дух. Академіи“ 1886 г. Августъ, стр. 581 и слѣд.

Труды Кіев. Дух. Акад. Т. II, 1887 г.

историческая наука, пользуясь письменными только источниками, не может указать непосредственных потомков, а для позднѣйшаго изъ нихъ она точно также не можетъ указать ближайшихъ предковъ. И вотъ мы, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти народа жили въ одномъ мѣстѣ, дѣлаемъ заключеніе, что позднѣйшій изъ нихъ былъ прямымъ потомкомъ древнѣйшаго. Но такъ какъ тѣ же археологическія данныя показываютъ намъ, что бытъ этихъ двухъ народовъ отличался своими специфическими особенностями, которыя, повидимому, не позволяютъ признавать ихъ племенное родство, то мы стараемся доказать, что эти особенности образовались въ теченіи времени, путемъ историческаго роста, слѣды котораго мы и указываемъ. Интересы науки заставляютъ однакожъ насъ сознаться, что этотъ самый важный пунктъ въ нашей теоріи далеко не такъ обоснованъ, чтобы его можно было признать научно доказаннымъ. Но мы питаемъ надежду, что дальнѣйшія археологическія раскопки доставятъ наукѣ новый матеріалъ, при помощи котораго можно будетъ съ достаточною точностью отмѣтить ступени, служащія связующими звеньями въ процессѣ перехода одного народнаго быта въ другой. Эти свои надежды мы основываемъ на томъ, что разсматриваемая область представляетъ цѣлую массу еще совершенно не тронутаго археологическаго матеріала. Здѣсь, напр., попадаются такія группы кургановъ, относительно которыхъ очень трудно рѣшить, къ которой изъ двухъ вышеуказанныхъ категорій они должны быть отнесены. Вотъ на эти-то загадочныя группы мы и возлагаемъ свои надежды, на нихъ-то и слѣдовало бы обратить вниманіе археологамъ.

В. Завитневичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

второго тома Трудовъ Кіевской духовной Академіи за 1887 годъ
(№№ 5—8).

Май (№ 5).

	Страницы:
1. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) Четырнадцать книгъ толкованій на пророка Іезекіиля. Книга одинадцатая	117—132
2. О древнемъ имени Божиємъ.	3— 37
3. Очерки исторіи методизма. <i>А. Бумакова</i>	38— 63
4. Археологическія замѣтки. <i>Н. И. Петрова</i>	64— 95
5. Путешествіе въ Св. Землю лѣтомъ 1886 года. <i>Ө. Я. Покровскою</i>	95— 114
6. По поводу рецензіи въ „Журналѣ Министер- ства Народнаго Просвѣщенія“ на сочиненіе: „Исторія Кіевской Духовной Академіи“. Вы- пускъ первый. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ. 1886 г. <i>С. Т. Голубева</i>	115—170
7. Положеніе о стипендіяхъ.	I—II
8. Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Дух. Академію.	I—II

Въ приложеніи:

9. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи 16 іюля и 1 августа 1886 г.	241—272
--	---------

Іюнь (№ 6).

10. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ), О градѣ Божиємъ, книга двадцать вторая. . . . . 375—390
11. Изъ чтеній по догматическому богословію. *Епископа Сильвестра*. . . . . 171—199
12. Проповѣди св. Кирилла Александрійскаго. *А. Миролубова*. . . . . 200—218
13. Очерки исторіи методизма. *А. Бумакова*. . . . . 219—230
14. Памяти Высокопреосвященныхъ Димитрія (Муретова) и Макарія (Булгакова). *М. Ф. Ястребова*. 231—241
15. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. *М. Едлинскаю*. . . . . 242—274
16. Путешествіе въ Св. Землю лѣтомъ 1886 года. *Ф. Я. Покровскаю*. . . . . 275—293
17. Извѣстія Церковно-археологич. Общества при Кіев. Дух. Академіи (за мѣ. февраль, мартъ и апрѣль 1887 г.). *Н. И. Петрова*. . . . . 294—306

Въ приложеніи:

18. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской Дух. Академіи 19 августа, 29 сентября, 11, 13, 24 октября и 5 ноября 1886 г. . . . . 1—48

Іюль (№ 7).

19. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ), О градѣ Божиємъ, книга двадцать вторая. . . . . 391—406
20. Рѣчи Высокопреосвященнаго Платона, митролита Кіевскаго. . . . . I—IV
21. Изъ чтеній по догматическому богословію. *Епископа Сильвестра*. . . . . 307—335

III

22. Проповѣди Кирилла Александрійскаго. *А. Миролубова*. . . . . 336—355
23. Очерки исторіи методизма. *А. Булакова*. . . . . 356—390
24. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ моги-
левскій, и его литературные труды. *М.*
Едминскаю. . . . . 391—411
25. Археологическія замѣтки. *Н. И. Петрова*. . . . . 412—429
26. Путешествіе въ Св. Землю лѣтомъ 1887 года.
Ө. Я. Покровскаю. . . . . 430—455
27. Извѣстія Церковно-Археологич. Общества
при Кіев. Дух. Академіи (за м. май 1887 г.).
Н. И. Петрова. . . . . 456—458

Въ приложеніи:

28. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской
Дух. Академіи 19 декабря 1886 г. . . . . 49— 64

Августъ (№ 8).

29. Блаженнаго Августина, епископа ипсоній-
скаго (въ русскомъ переводѣ), О градѣ Бо-
жіемъ, книга двадцать вторая. . . . . 407—434
30. Изъ чтеній по догматическому богословію.
Епископа Сильвестра. . . . . 459—509
31. Апологетикъ Тертулліана. *Н. Щельова*. . . . . 510—539
32. Христіанская Нубія. *А. В. Розова*. . . . . 540—593
33. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ моги-
левскій и его литературные труды. *М.*
Едминскаю. . . . . 594—606
34. Научное значеніе археологическихъ раско-
покъ, произведенныхъ въ системѣ р. Сулы,
въ роменсксмъ уѣздѣ полтавской губерніи.
В. Завитневича. . . . . 607—636

Въ приложеніи:

35. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской
Дух. Академіи 30 января 1887 года. . . . . 65— 80

3 2044 010 412 807

